

Жюль Верн

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Библио-
тека
приключе-
ний

Библиотека
приключений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
*«Детская
литература»*

МОСКВА

1967

Жюль Верн

ЖАНГАДА

(Восемьсот лет по Амазонке)

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

«ДЖОНАТАНА»

И (Фр)

В 35

Оформление

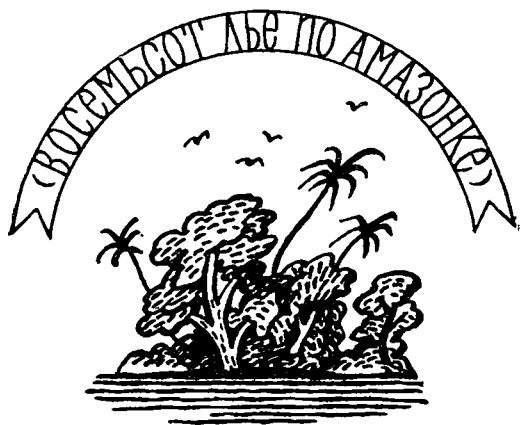
Ю. КИСЕЛЕВА

Рисунки

В. ТРУБКОВИЧА

ЖАНГАДА

РОМАН

Перевод с французского
Е. М. ШИШМАРЕВОЙ

Редактор
Н. М. ГНЕДИНА

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

1. ЛЕСНОЙ СТРАЖНИК

СГУЧПВЭЛЛЗИРТЕПНДНФГИНБОРГЙУГЛЧД
 КОТХЖГУУМЗДХРЪСГСЮДТПЪАРВЙГГИШВЧ
 ЭЕЦСТУЖВСЕВХАХЯФБЪБЕТФЗСЭФТХЖЗВЗ
 ЪГФБЩИХХРИПЖТЗВТЖЙТГОЙБНТФФЕОИХТ
 ТЕГИИОКЗПТФЛЕУГСФИПТЬМОФОКСХМГБТ
 ЖФЫГУЧОЮНФНШЗГЭЛЛШРУДЕНКОЛГГНСБК
 ССЕУПНФЦЕЕЕГГСЖНОЕЫИОНРСИТКЦЬЕДЬ
 УБТЕТЛОТБФЦСБЮЙПМПЗТЖПТУФКДГ

Человек, державший в руке документ, последние строчки которого представляли собой этот нелепый на-

бор букв, внимательно перечитал его и глубоко задумался.

В документе было около сотни таких строк, даже не разделенных на слова. Как видно, он был написан много лет назад, ибо плотный лист бумаги, усеянный этими непонятными письменами, уже пожелтел от времени.

Однако на основе какого принципа были расставлены буквы? Ответить на такой вопрос мог только этот человек. Мы знаем, что существуют тексты, зашифрованные так же, как замки на современных несгораемых шкафах: они открываются одинаковым способом. Но чтобы найти к ним ключ, пришлось бы проделать миллиарды комбинаций, на что не хватило бы целой жизни отгадчика. Надо знать «слово», чтобы открыть замок с секретом, надо знать «шифр», чтобы прочесть такого рода криптограмму¹. Вот почему, как мы увидим дальше, понять этот листок никому не удавалось, несмотря на самые хитроумные догадки, и притом при таких обстоятельствах, когда прочесть его было особенно важно.

Человек, перечитывавший документ, был простым «лесным стражником». В Бразилии лесными стражниками называют агентов полиции, разыскивающих беглых негров. Такая должность была установлена с 1722 года. В ту пору мысль о недопустимости рабства приходила в голову только редким человеколюбцам. Лишь более столетия спустя цивилизованные народы усвоили ее и стали проводить в жизнь. И хотя право быть свободным, принадлежать только себе — казалось бы, первое естественное право человека, однако прошли тысячелетия, прежде чем некоторые народы решились провозгласить эту благородную идею.

В 1852 году, когда происходило действие нашей повести, в Бразилии еще были рабы, а следовательно, и лесные стражники, которые за ними охотились. Особые экономические условия на время задержали здесь полное освобождение рабов, но негры уже имели право выкупать себя у хозяина, а дети их рождались свободными. Итак, уж недалек был день, когда в этой прекрасной стране величиной с три четверти Европы, среди десяти миллионов жителей не останется ни одного раба.

¹ Криптогра́мма — условное тайное письмо.

Несомненно и должности лесного стражника суждено было скоро исчезнуть, вот почему доходы, получаемые за поимку беглых негров, значительно уменьшились. И если в течение долгого времени, пока этот промысел был достаточно выгоден, в лесные стражники шли всевозможные авантюристы, главным образом из вольноотпущенников, отщепенцев, недостойных уважения, то понятно, что теперь тем более охотники на рабов принадлежали к последним отбросам общества, и, вероятно, человек, читавший документ, тоже не служил украшением малопочтенного отряда лесной полиции.

Торрес — так его звали — не был ни метисом, ни индейцем, ни негром, как большинство его сотоварищей, а белым, родившимся в Бразилии; он получил кое-какое образование, чего, впрочем, не требовала его теперешняя профессия. Однако его нельзя было считать одним из тех людей без роду и племени, каких немало встречается в далеких уголках Нового Света; если в те времена, когда бразильские законы еще запрещали занимать некоторые должности мулатам и вообще людям смешанной крови, на Торреса и мог распространиться этот запрет, то отнюдь не за происхождение, а лишь за его пороки.

Впрочем, сейчас Торрес находился не в Бразилии. Совсем недавно он перешел ее границу и вот уже несколько дней бродил по лесам Перу, раскинувшимся в верховьях Амазонки.

Торрес, человек лет тридцати, был крепко сложен, и тревожения довольно беспорядочной жизни не отразились на его внешности, ибо он обладал исключительной выносливостью и железным здоровьем.

Он был среднего роста, широкоплеч, с твердой походкой, с резкими чертами лица, сильно загоревшего под жгучим тропическим солнцем и обремененного густой черной бородой. Его глубоко сидящие глаза под сросшимися бровями бросали быстрые и холодные взгляды, выдававшие врожденную наглость. Даже в те времена, когда жаркий климат еще не покрыл его кожу медным загаром, вы не увидели бы краски стыда у него на лице, его лишь искажала злобная гримаса.

Торрес был одет весьма неприхотливо, как все лесные бродяги. Платье его истрепалось от долгой носки; на голове криво сидела широкополая кожаная шляпа;

грубые шерстяные штаны он заправлял в высокие, крепкие сапоги — самую прочную часть его туалета, а на плечах носил желтоватый вылинявший плащ «пуншо», который скрывал, во что превратилась его куртка и что стало с жилетом.

Но если прежде Торрес и состоял лесным стражником, то теперь он несомненно оставил это занятие; во всяком случае, не служил в настоящее время, на что указывало отсутствие у него средств защиты и нападения, необходимых для поимки негров: никакого огнестрельного оружия — ни ружья, ни пистолета. Только за поясом длинный нож, так называемая «маншетта», больше похожая на саблю, чем на охотничий нож. Кроме того, у Торреса была еще «эншада» — нечто вроде мотыги, обычно употребляемой для ловли броненосцев¹ и агути²; в лесистых верховьях Амазонки их водится множество, но почти не встречается крупных хищников.

Как бы то ни было, но в этот день — 4 мая 1852 года — наш искатель приключений был либо слишком поглощен чтением документа, который держал перед глазами, либо, привыкнув бродить по южноамериканским лесам, оставался совершенно равнодушен к их красотам. И верно, ничто не могло отвлечь Торреса от его занятия: ни громкие вопли обезьян-ревунов, которые Сент-Илер³ удачно сравнивал с гулками ударами топора дровосека по ветвям деревьев; ни сухое потрескивание колец гремучей змеи, правда редко нападающей на человека, но чрезвычайно ядовитой; ни пронзительный крик рогатой жабы, по своему уродству занявшей первое место в классе земноводных; ни даже громкое басовитое кваканье древесной лягушки, которая, правда, по величине неспособна тягаться с волом, но зато может сравниться с ним силой голоса.

Торрес не слышал этого оглушительного гомона, как бы сливавшегося в единый голос лесов Нового Света. Он

¹ Броненосцы — семейство млекопитающих; на теле — костный панцирь из подвижно связанных щитков. Иногда броненосцы очень быстро зарываются в землю, спасаясь от преследования.

² Агути — род грызунов, вредители плантаций сахарного тростника.

³ Жюффруа Сент-Илер, Этьенн (1772—1844) — прогрессивный французский биолог, эволюционист; один из предшественников Чарлза Дарвина.

лежал у подножия великолепного железного дерева, но даже не любовался могучей кроной этого гиганта, покрытого темной корой и твердого, как металл, вместо которого он и служит индейцам при изготовлении оружия и орудий труда. Нет! Углубившись в свои мысли, лесной стражник рассматривал со всех сторон странный документ. С помощью известного ему тайного шифра он находил значение каждой буквы; он читал, проверяя скрытый смысл этих строк, понятных ему одному, и лицо его кривилось в злобной усмешке.

Затем он не удержался и пробормотал вполголоса несколько слов, которые, впрочем, в этом диком уголке девственного леса никто не мог подслушать, да никто не мог бы и понять.

— Да,— сказал он,— вот сотня очень четко написанных строк, и я знаю человека, для которого они имеют огромное значение! А ведь этот человек богат! И для него это вопрос жизни или смерти, а за жизнь всегда дорого платят!

Он смотрел на документ жадным взглядом:

— Если взять по конто рейс¹ за каждое слово одной последней фразы, и то уже получится кругленькая сумма! Ох и дорого же стоит эта фраза! Она подводит итог всему документу. Она называет настоящие имена настоящих участников. Но, прежде чем пытаться ее понять, надо разбить ее на слова, а впрочем, если б это и удалось, все равно никому не докопаться до смысла!

Торрес замолчал и принялся считать в уме.

— Здесь сорок четыре слова! — воскликнул он. — Это составило бы сорок четыре конто. С такими деньгами можно жить и в Бразилии, и в Америке, да где угодно — жить припеваючи и ничего не делать! А что, если б я получил такую плату за каждое слово всего документа! Ведь тогда я считал бы конто сотнями! Тысяча чертей! У меня в руках целое состояние, и я буду последним дураком, если упущу его!

Казалось, руки Торреса уже ощупывают это богатство, а пальцы сжимают груды золотых монет.

¹ Рейс — старинная бразильская мелкая монета. Денежной единицей был мильрейс (1000 рейс). В 1942 году эта денежная единица заменена крузейро. Кóнто равнялось 3000 рейс или 3 мильрейсам.

Тут мысли его вдруг приняли иное направление.

— Наконец-то я близок к цели! — вскричал он.

И ничуть не жалею о трудностях долгого пути от берегов Атлантического океана до верховьев Амазонки! Ведь этот человек мог уехать из Америки, поселиться далеко за морями, и тогда как бы я до него добрался? Но нет! Он здесь: сто́ит мне влезть на вершину любого из этих деревьев, и я увижу крышу дома, где он живет со всей своей семьей!

Затем, снова схватив листок и возбужденно помахивая им, он продолжал:

— Сегодня же вечером я буду у него! Сегодня же вечером он узнает, что его честь, его жизнь заключены в этих строчках! А когда он захочет получить шифр, чтобы их прочесть, — ну что ж, тогда пускай раскошеляется! Если я потребую, он отдаст за него все свое состояние, как отдал бы даже свою кровь. Эх, тысяча чертей! Мой товарищ по отряду, который доверил мне эту бесценную бумагу, объяснил ее тайну, да еще сказал, где я могу разыскать его бывшего сослуживца и под каким именем тот скрывается столько лет, этот мой почтенный сотоварищ и не подозревал, что сделает меня богачом!

Торрес в последний раз взглянул на пожелтевший листок и, бережно сложив его, спрятал в крепкую медную коробку, служившую ему также кошельком.

По правде сказать, если все состояние Торреса уместилось в этой коробочке величиной с портсигар, то нигде в мире его не сочли бы богачом. Он хранил тут разные монеты из всех граничивших с Бразилией стран: два двойных кондора из Соединенных Штатов Колумбии, каждый стоимостью примерно по сто франков; венецуэльские боливары франков на сто; перуанские соли на такую же сумму; несколько чилийских эскудос, самое большее на пятьдесят франков, и еще кое-какую мелочь. Эти деньги составляли круглым счетом не более пятисот франков, к тому же Торрес был бы в большом затруднении, если б его спросили, где и каким образом он их раздобыл.

В одном не приходилось сомневаться: несколько месяцев назад Торрес вдруг бросил свою должность лесного стражника, ушел из провинции Пара, поднялся вверх по бассейну Амазонки и, перейдя границу Бразилии, вышел на территорию Перу.

Впрочем, этому искателю приключений требовалось весьма немного денег, чтобы прожить. Какие были у него расходы? Он ничего не платил ни за квартиру, ни за одежду. Лес снабжал его пищей, а готовил он сам кое-как, без всяких затрат, подобно всем лесным бродягам. Ему хватало нескольких рейс на табак, который он покупал в миссиях или деревушках по пути, и на водку, чтобы наполнить флягу. Он мог проделать большой путь, почти ничего не тратя.

Положив бумагу в металлическую коробку с герметически запирающейся крышкой, Торрес, вместо того чтобы снова спрятать ее в карман куртки под плащом, перестарался в своих заботах о ней и, растянувшись под деревом, положил коробку рядом с собой в дупло у корневища.

Эта неосмотрительность чуть не обошлась ему очень дорого.

Стоял палящий зной. Тяжелый воздух как будто застыл. Если бы на церковной колокольне в ближайшей деревне были часы, они пробили бы два часа пополудни, и даже слабый ветерок донес бы их бой до Торреса, который лежал не более чем в двух милях от нее.

Но время, как видно, его не интересовало. Бродяге, привыкшему определять час дня только по высоте солнца над горизонтом, незачем измерять свои действия с особой точностью. Он завтракает и обедает, когда ему захочется или когда удастся поесть. А засыпает где придется, когда его сморит сон.

Если для него не всегда накрыт стол, зато всегда готова постель под тенистым деревом, в глухой чаще леса. Торрес был совсем нетребователен по части комфорта. К тому же он все утро шагал по лесу, а теперь немного перекусил и был не прочь соснуть. Часика два отдохнув, можно с новыми силами пуститься в дорогу. Итак, он улегся поудобнее на траве и собрался вздремнуть.

Однако Торрес был не из тех, кто сразу засыпает, не сделав предварительно кое-каких приготовлений. Он привык сначала пропустить глоток-другой чего-нибудь покрепче, а потом закурить трубочку. Водка возбуждает мозг, а табачный дым навеивает туманные грезы. Во всяком случае, так считал Торрес.

Итак, он начал с того, что поднес к губам флягу из

выдолбленной тыквы, висевшую у него на боку. В ней был налит напиток, известный в Перу под названием «шика», а в верховьях Амазонки чаще именовавшийся «кайсума». Его гонят из корней сладкого маниока¹, после чего дают перебродить; однако наш лесной стражник, человек с луженой глоткой, считал необходимым прибавлять к нему еще изрядную дозу тафии².

Отхлебнув несколько глотков этого напитка, он встряхнул флягу и с огорчением убедился, что она почти пуста.

— Надо долить! — заключил он.

Затем, вытащив короткую трубку из древесного корня, набил ее крепким и едким бразильским табаком, принадлежащим к старинному сорту «петён», завезенному во Францию Нико³, которому мы обязаны внедрением самого доходного и самого распространенного из пасленовых растений.

Табак Торреса не имел ничего общего с современным первосортным «скаферлати», изготавливаемым на французских табачных фабриках, но Торрес в этом вопросе, как и во многих других, не был привередлив. Он достал огниво, высек огня, разжег немного липкого вещества, известного под названием «муравьиного трута», и раскурил трубку.

После десятой затыжки глаза его закрылись, трубка выскользнула из пальцев, и он уснул, или, вернее, впал в забытие, которое нельзя назвать настоящим сном.

2. ВОР И ОБВОРОВАННЫЙ

Торрес проспал около получаса, когда под деревьями послышался легкий шорох. Казалось, кто-то шел босиком, стараясь ступать осторожно, чтоб его не услышали. Если бы наш бродяга не спал, он бы сразу насторожился, так как всегда избегал нежелательных встреч. Но

¹ М а н и о́к — кустарниковое растение из семейства молочайных, большой клубневидный корень которого богат крахмалом; из него изготавливают крупу тапиоку.

² Т а́ ф и я — водка из сахарного тростника.

³ Н и́к о́, Жан (1530—1600) — французский дипломат; ввез во Францию табак.

чуть слышные шаги не могли его разбудить, и тот, кто пробирался в чаше, подошел и остановился в десяти метрах от дерева, под которым лежал Торрес, не потревожив его сон.

То был не человек, а гуариба.

В лесах Верхней Амазонки водится множество цепкохвостых обезьян: легкие и изящные сахиусы, «рогатые сапажу», моноссы с серой шерстью; сагуины, строящие такие рожи, что порой кажется, будто они в масках. Но из всех обезьян самые своеобразные, бесспорно, гуарибы. У них общительный и вовсе не злобный нрав, в отличие от свирепых и мерзких мукур; к тому же в них силен общественный инстинкт, и они чаще всего живут стаями. Они дают о себе знать еще издали монотонным гулом голосов, напоминающим церковный хор, поющий псалмы. Однако если от природы гуариба и незлобива, то нападать на нее все же не безопасно. Во всяком случае, как мы увидим дальше, уснувший путешественник подвергается некоторой опасности, если гуариба застанет его врасплох в таком беспомощном состоянии.

Эта гуариба, называемая в Бразилии также «барбадо», была крупным животным. Ее гибкое и крепкое тело свидетельствовало о том, что этот сильный зверь может сражаться на земле не хуже, чем перебрасываться с ветки на ветку на вершинах лесных исполинов.

Но сейчас гуариба двигалась вперед осторожно, мелкими шажками. Она бросала взгляды то налево, то направо, беспокойно помахивая хвостом. Этим представителям обезьяньего племени природа дала не только четыре руки — отчего их и называют четверорукими, — но проявила еще большую щедрость, добавив им сверх того и пятую, ибо кончик их хвоста обладает такой же способностью хватать, как и руки.

Гуариба бесшумно приближалась к спящему, размахивая толстым суком, который в ее могучих руках мог стать грозным оружием. Должно быть, несколько минут назад она заметила лежащего под деревом человека, а его неподвижность, как видно, успокоила обезьяну, и ей захотелось рассмотреть его поближе. Итак, она подошла и с некоторой опаской остановилась в трех шагах от него.

Ее бородатое лицо исказила гримаса, обнажив острые зубы, белые, как слоновая кость, и она угрожающе

подняла свой сук — движение, не сулившее ничего хорошего лесному стражнику.

Без сомнения, вид спящего Торреса не вызывал у гуарибы никакой симпатии. Были ли у нее особые причины питать враждебные чувства к представителю рода человеческого, который по воле случая оказался в ее власти? Весьма возможно! Известно, что некоторые животные долго не забывают причиненных им обид, и, быть может, эта гуариба затаила злобу против лесных бродяг.

Дело в том, что для местных жителей, особенно для индейцев, обезьяны — лакомая добыча, к какой бы породе они ни принадлежали, и охотники преследуют их с особым пылом не только из любви к охоте, но и ради их мяса.

Как бы то ни было, но если гуариба и не собиралась поменяться с охотником ролями, если она помнила, что природа создала ее животным травоядным, и не помышляла сожрать лесного стражника, то все же она, видимо, твердо решила разделаться с одним из своих исконных врагов.

Некоторое время она пристально разглядывала его, а потом тихонько двинулась вокруг дерева. Шла она очень медленно, задерживая дыхание, но понемногу все приближалась к спящему. Движения ее были угрожающи, а выражение лица свирепо. Ей ничего не стоило убить этого неподвижно лежащего человека одним ударом дубины, и, без сомнения, жизнь Торреса в ту минуту висела на волоске.

Гуариба остановилась сбоку у самого дерева и занесла свой сук над головой спящего, готовясь нанести удар.

Но если Торрес поступил неосторожно, положив в дупле подле себя коробку, в которой лежал документ и все его богатство, то именно эта неосторожность и спасла ему жизнь.

Луч солнца, проникнув сквозь ветви, скользнул по металлической коробке, и ее полированная поверхность сверкнула, как зеркало. Обезьяна, со свойственным ее породе непостоянством, тотчас отвлеклась. Ее мысли — если у животного могут быть мысли — сразу приняли иное направление. Она нагнулась, схватила коробку, попятилась и, поднеся ее к глазам, принялась вертеть в ру-

ках, с удивлением разглядывая, как она блестит на солнце. Быть может, ее еще больше удивил звон лежащих в коробке монет. Как видно, ее пленила эта музыка. Точь-в-точь погремушка в руках у ребенка! Потом обезьяна сунула находку в рот, и зубы ее скрипнули, скользнув по металлу, однако она не пыталась его прокусить.

Должно быть, гуариба подумала, что нашла какой-то неведомый плод, что-то вроде громадного миндаля, у которого ядро болтается в скорлупе. Но если обезьяна вскоре поняла, что ошибается, она все же не захотела бросить коробку. Напротив, она крепче зажала ее в левой руке и выпустила дубину, которая, падая, обломилась на сухую ветку.

Этот треск разбудил Торреса, и, как человек, привыкший быть всегда начеку и мгновенно переходить от сна к бодрствованию, он в ту же секунду вскочил на ноги.

С первого взгляда он узнал, кто перед ним.

— Гуариба! — вскричал он.

Рука его схватила лежавшую возле него «маншетту», и он принял оборонительное положение.

Испуганная обезьяна тотчас попятилась и, чувствуя себя менее уверенно перед проснувшимся человеком, чем перед спящим, сделала два-три быстрых прыжка и скользнула в чашу.

— Вот, что называется, вовремя! — воскликнул Торрес. — Эта образина не раздумывая прикончила бы меня!

Обезьяна остановилась шагах в двадцати и глядела на него, отчаянно гримасничая, как будто насмехаясь: тут Торрес вдруг увидел у нее в руках свою драгоценную коробку.

— Мерзавка! — закричал он. — Убить она меня не убила, а выкинула штуку почище — она меня обокрала!

Сначала мысль, что в коробке лежат все его деньги, не слишком огорчила Торреса. Но, вспомнив, что там спрятан документ, с потерей которого безвозвратно погибнут все его надежды, он так и подскочил.

— Тысяча чертей! — завопил он.

Теперь, желая во что бы то ни стало вернуть свою коробку, он бросился вслед за обезьяной.

Торрес прекрасно понимал, что догнать этого ловкого зверя будет совсем не легко. По земле обезьяна бегала слишком быстро, а по деревьям прыгала слишком высоко.

Только меткая пуля могла настигнуть ее на земле или в воздухе. Но у Торреса не было никакого огнестрельного оружия. Его охотничий нож и мотыга послужили бы ему лишь в том случае, если бы он догнал гуарибу.

Торрес сразу убедился, что взять обезьяну можно только обманом. Стало быть, надо постараться перехитрить умное животное: спрятаться за деревом, скрыться в густой чаще, разжечь ее любопытство и заставить либо остановиться, либо вернуться назад — ничего другого не придумаешь.

Так он и поступил. Некоторое время Торрес проделывал все эти маневры, но, когда он скрывался, обезьяна терпеливо дожидалась, пока он появится вновь, и Торрес только попусту тратил силы. Он устал, но ничего не добился.

— Проклятая гуариба! — вскоре воскликнул он. — Этак я ее не выманю, а она, чего доброго, заведет меня обратно к бразильской границе. Если б она хоть бросила мою коробку! Так нет же! Ей нравится звон золотых монет. У, ворюга! Попадись ты мне в руки...

И Торрес вновь пустился в погоню, а обезьяна с такой же ловкостью ускользала от него.

Прошел целый час, но ничего не изменилось. Торрес продолжал преследовать гуарибу с вполне понятным упорством. Как же он добудет себе состояние без этого документа?

Постепенно им овладело бешенство. Он ругался, топал ногами, осыпал гуарибу угрозами и проклятиями. Обезьяна отвечала ему только насмешливыми гримасами, выводящими его из себя.

И Торрес снова бросался к ней. Он бежал во всю прыть, задыхаясь, путаясь в высокой траве, продираясь сквозь густой кустарник, цепляясь за переплетающиеся лианы, сквозь которые гуариба проскакивала со скоростью призового скакуна. В траве кое-где прятались толстые корни, преграждавшие ему путь. Он спотыкался, падал и снова вскакивал на ноги. Вскоре, сам того не замечая, он принялся кричать: «На помощь! Ко мне! Держи вора!» — как будто кто-нибудь мог его услышать.

В конце концов силы ему изменили, он совсем задохнулся и вынужден был остановиться.

— Вот дьявол! — выругался он. — Когда я охотился в

зарослях за беглыми неграми, и то было легче! А все-таки я поймаю эту проклятую обезьяну. Я не отстану от нее, пока меня носят ноги, она еще увидит...

Заметив, что лесной стражник прекратил погоню, гуариба остановилась. Она тоже отдыхала, хотя не была так измучена, как Торрес, который не мог пошевелиться от усталости.

Она простояла на месте минут десять, жуя какие-то корешки, вырванные ею из земли, и порой помахивала над ухом коробкой, звеня монетами.

Взбешенный Торрес стал швырять в обезьяну камни и даже не раз попадал в нее, но на таком расстоянии не мог причинить ей вреда.

Однако пора было принимать какие-то меры. С одной стороны, продолжать гоняться за гуарибой без надежды ее поймать было попросту бессмысленно. С другой — окончательно примириться с нелепой случайностью, погубившей все его хитроумные замыслы, признать себя не только побежденным, но обманутым и одураченным глупой обезьяной было бы уж очень обидно.

И все же Торрес понимал, что когда стемнеет, воровка без труда скроется от него, а он, обворованный, пожалуй, не сможет даже выбраться на дорогу из этой чащи. Погоня завела его на несколько миль в сторону от берега реки, и теперь ему будет нелегко вернуться назад.

Торрес заколебался. Он постарался хладнокровно обдумать свое положение и, выкрикнув последнее проклятие, уже готов был отказаться от мысли вернуть себе свою коробку, как вдруг снова вспомнил о похищенном документе, о связанных с ним планах будущей жизни, и решил, что должен сделать еще одну, последнюю попытку.

Он встал.

Гуариба тоже встала.

Он сделал несколько шагов вперед.

Гуариба сделала столько же шагов назад, но на этот раз, вместо того чтобы углубиться в чащу, она остановилась у подножия громадного фикуса, — разнообразные виды этого дерева широко распространены во всем бассейне Верхней Амазонки.

Обхватить ствол четырьмя руками, вскарабкаться

вверх с ловкостью акробата, или, вернее, обезьяны, обвиться цепким хвостом за горизонтальные ветви в сорока футах над землей и взметнуться на самую вершину дерева — все это было для ловкой гуарибы сущей забавой и заняло несколько секунд.

Усевшись поудобнее на тонких, сгибавшихся под ее тяжестью ветвях, она продолжала прерванную трапезу, срывая теперь плоды, висевшие у нее под рукой. По правде говоря, Торресу тоже не мешало бы подкрепиться и промочить горло, но — увы! — сумка его совсем опустела, а флягу он давно осушил до дна.

Однако он не повернул назад, а направился к дереву, хотя сейчас обезьяна стала и вовсе недоступной для него. Нечего было и думать о том, чтобы взобраться на фикус — воровка тотчас перескочила бы на соседнее дерево.

А она по-прежнему позванивала над ухом монетами в заветной коробке!

В бессильной ярости Торрес разразился бешеной бранью. Невозможно передать, какими словами он поносил гуарибу.

Но обезьяну, которая была всего лишь четвероруким животным, нисколько не трогало то, что возмутило бы представителя человеческой породы.

Тогда Торрес принялся швырять в нее камни, обломки корней — все, что попадалось ему под руку. Неужто он надеялся серьезно ранить обезьяну? Нет! Он просто не соображал, что делает. От бессильной злобы у него помутилось в голове. Быть может, в первую минуту он подумал, что гуариба, перепрыгивая с ветки на ветку, нечаянно выронит коробку, или что она, не желая оставаться в долгу у противника, вдруг запустит коробку ему в голову. Но нет! Гуариба не хотела расставаться с добычей, и хотя она крепко сжимала коробку в одной руке, у нее оставалось еще три руки для передвижения.

Торрес совсем отчаялся; он собирался уже бросить бесплодные попытки и вернуться к Амазонке, когда недалеке вдруг послышались голоса. Да, звуки человеческой речи! Кто-то разговаривал шагах в двадцати от того места, где стоял лесной стражник.

Первым побуждением Торреса было спрятаться в густых зарослях. Как человек осторожный, он не хотел по-

казываться, пока не узнает, с кем ему придется иметь дело.

Взволнованный, настороженный, он ждал, прислушиваясь, когда вдруг раздался выстрел.

Затем послышался крик, и смертельно раненная обезьяна рухнула на землю, по-прежнему сжимая в руке коробку.

— Черт побери! — вскричал Торрес. — Эта пуля прилетела весьма кстати!

Теперь он выскочил из чащи, не боясь, что его заметят, и увидел под деревьями двух молодых людей.

Они оказались бразильцами и были одеты в охотничьи костюмы: кожаные сапоги, легкие шляпы из пальмового волокна, блузы, или, скорее, куртки, стянутые у пояса и более удобные, чем национальные «пуншо». По чертам и цвету лица легко было узнать, что родом они португальцы.

Оба держали в руках длинные ружья, какие изготавливаются в Испании и немного напоминают арабские, с верным и довольно дальним боем; жители лесов Верхней Амазонки хорошо владеют такими ружьями.

Это подтверждал и только что прозвучавший выстрел. Гуариба была убита пулей в голову с расстояния более восьмидесяти шагов. За поясом у молодых людей виднелись особые кинжалы, называемые в Бразилии «фока», с которыми охотники бесстрашно нападают на ягуаров и других хищников, хоть и не очень опасных, но довольно многочисленных в здешних местах.

По-видимому, Торресу нечего было бояться этой встречи, и он бросился к трупку обезьяны. Но молодые люди шли туда же, а так как они были ближе к убитой гуарибе, то, пройдя несколько шагов, оказались лицом к лицу с Торресом.

Лесной стражник уже вполне овладел собой.

— Благодарю вас, господа! — весело сказал он, поднимая шляпу. — Убив этого злого зверя, вы оказали мне огромную услугу!

Охотники с недоумением переглянулись, не понимая, за что он их благодарит. Но Торрес в нескольких словах рассказал им суть дела.

— Вы думали, что убили просто обезьяну, — закончил он, — а на самом деле убили хитрого вора.

— Если мы вам помогли,—ответил младший из охотников,—то, поверьте, сами того не зная. Тем не менее мы очень рады, что нам удалось выручить вас.

Отойдя на несколько шагов, он наклонился над обезьяной и, не без труда разжав ей пальцы, вынул коробку из ее сведенной руки.

— Должно быть, это и есть нужная вам вещь? — спросил он.

— Она самая,— ответил Торрес, схватив коробку; из груди его вырвался вздох облегчения.

— Кого же мне благодарить, господа? Кто оказал мне эту услугу? — спросил он.

— Мой друг Манозель, военный врач на службе бразильской армии,— ответил молодой человек.

— Хоть я и застрелил обезьяну,— заметил Манозель,— но показал мне ее ты, милый Бенито.

— В таком случае, господа, я обязан вам обоим: как господину Манозелю, так и господину...

— Бенито Гарралю,— закончил Манозель.

Лесной стражник должен был сделать очень большое усилие, чтобы не вздрогнуть, услышав это имя, особенно когда молодой человек любезно добавил:

— Ферма моего отца Жоама Гаррала всего в трех милях отсюда, и если господин...

— Торрес,— подсказал искатель приключений.

— Если господин Торрес пожелает нас навестить, он встретит радушный прием.

— Это вряд ли возможно,— ответил Торрес. Смущенный этой неожиданной встречей, он колебался, не зная, как поступить.— Боюсь, право, что не смогу воспользоваться вашим приглашением...

Из-за происшествия, о котором я вам только что рассказал, я потерял много времени. А теперь мне надо поскорей вернуться к Амазонке. Я собираюсь спуститься до провинции Пара.

— Ну что ж, господин Торрес, возможно, мы встретимся с вами на этом пути,— сказал Бенито.— Отец тоже меньше чем через месяц собирается со всей нашей семьей спуститься вниз по течению Амазонки.

— Вот как! — живо откликнулся Торрес.— Ваш отец думает пересечь бразильскую границу?

— Да, он намерен отправиться в путешествие на пе-

сколько месяцев, — ответил Бенито. — Во всяком случае, мы надеемся его уговорить. Верно, Манозль?

Манозль молча кивнул головой.

— Ну что ж, господа, — заключил Торрес, — тогда весьма возможно, что мы и правда встретимся по дороге. Но сейчас я, к сожалению, не могу принять ваше приглашение. Тем не менее еще раз благодарю вас и считаю себя вдвойне вашим должником.

И Торрес поклонился молодым людям, а они ответили ему тем же и, повернувшись, отправились на ферму.

Он же продолжал стоять, глядя им вслед. Наконец, потеряв их из виду, Торрес пробормотал:

— Ага, значит, он собирается перейти границу! Так пусть же переходит: тогда я буду еще крепче держать его в руках! Счастливого пути, Жоам Гарралы!

С этими словами лесной стражник направился к югу, чтобы выйти на левый берег Амазонки кратчайшим путем, и вскоре скрылся в чаще леса.

3. СЕМЬЯ ГАРРАЛЬ

Деревня Икитос расположена на левом берегу Амазонки, приблизительно на семьдесят четвертом меридиане, в той части великой реки, где она еще называется Мараньон и где ее русло отделяет Перу от республики Эквадор, в пятидесяти пяти лье к западу от бразильской границы.

Икитос была основана миссионерами, как и все городки, деревни и самые маленькие поселки, встречающиеся в бассейне Амазонки. До 1817 года индейцы племени Икитос, бывшие некоторое время единственными обитателями этого края, селились в глубине страны, довольно далеко от реки. Но однажды, после извержения вулкана, все источники на их земле иссякли, и жители были вынуждены переселиться на левый берег Амазонки. Вскоре племя их слилось с индейцами прибрежной полосы — Тикуна и Омага, и теперь в деревне Икитос смешанное население; в состав его вошло еще несколько испанцев и две-три семьи метисов.

Четыре десятка крытых соломой хижин, таких убогих, что только по крышам можно догадаться, что это чело-

веческое жилье,— вот и вся деревня; однако она очень живописно раскинулась на небольшом плато, возвышающемся футов на шестьдесят над рекой. К деревне ведет лестница из цельных бревен, укрепленных на склоне; но пока путник не взберется по ее ступеням, он не может увидеть селения, так как снизу не хватает перспективы. Поднявшись, путник оказывается перед легко преодолимой живой изгородью из кустарников и древовидных растений, переплетенных длинными лианами, а над ними кое-где высятся банановые деревья и стройные пальмы.

В ту пору индейцы племени икитос ходили почти нагие; впрочем, надо полагать, мода не скоро изменит их первобытную одежду. Только испанцы и метисы, с пренебрежением относившиеся к своим темнокожим согражданам, носили простые рубашки, легкие хлопчатобумажные брюки и соломенные шляпы. Все они жили довольно бедно, к тому же мало общались между собой и собирались все вместе, лишь когда колокол миссии сзывал их в ответшальный домик, служивший им церковью.

Однако, если условия жизни в деревушке Икитос были почти первобытными, как, впрочем, в большинстве селений Верхней Амазонки, то стоило пройти меньше одного лье вниз по реке, и вы встречали на том же берегу богатую усадьбу, где жизнь протекала со всевозможным комфортом.

То была ферма Жоама Гаррала, к которой направлялись двое молодых людей, недавно повстречавших лесного стражника.

Эта ферма, или хутор, а по-местному «фазенда», была построена много лет назад на излучине Амазонки, шириной в пятьсот футов, у места впадения в нее притока Риу-Наней, и теперь всячески процветала. К северу земли ее тянулись на целую милю вдоль правого берега Риу-Наней, а к востоку — на такое же расстояние вдоль левого берега Амазонки. На западе маленькие речушки, впадающие в Наней, и несколько небольших озер отделяли ее от саванны и лугов, служивших пастбищем для скота.

В 1826 году, за двадцать шесть лет до начала событий, описанных в нашем рассказе, Жоам Гарраль впервые вошел в дом к владельцу этой фазенды.

Ее хозяин, португалец по имени Магальянс, жил толь-

ко тем, что добывал в окрестных лесах, и его недавно построенная усадьба занимала тогда не более полумили вдоль берега реки.

Здесь Магальянс, гостеприимный, как все португальцы старой закваски, жил с дочерью Якитой, которая после смерти матери вела его хозяйство. Магальянс был настоящим тружеником, упорным и неугомонным, но ему не хватало образования. Он еще мог руководить кучкой рабов и дюжиной наемных индейцев, но, когда ему приходилось иметь дело с торговцами, он пасовал. Итак, из-за недостатка у него знаний хозяйство Магальянса не развивалось и дела были немного запущены.

Вот при каких обстоятельствах Жоам Гарраль, которому исполнилось тогда всего двадцать два года, встретился с Магальянсом.

Гарраль попал в эти края измученный, без средств к существованию. Магальянс нашел его в лесу еле живого от голода и усталости. У португальца было доброе сердце. Он не спрашивал молодого человека, откуда он пришел, а спросил только, в чем он нуждается. Благородное и гордое, хоть и измученное лицо Жоама Гарраля тронуло Магальянса, он приютил юношу, поставил на ноги и предложил остаться у него на несколько дней; тот согласился и остался... на всю жизнь!

Вот при каких обстоятельствах Жоам Гарраль поселился на ферме в Икитосе.

Бразилец родом, Жоам Гарраль не имел ни семьи, ни состояния. Несчастья, говорил он, заставили его покинуть родину без надежды вернуться обратно. Гарраль попросил у хозяина разрешения не рассказывать о постигших его бедах — столь же тяжких, сколь и незаслуженных. Он жаждал начать новую жизнь — жизнь, полную труда. Он пришел сюда наудачу, думая устроиться на какой-нибудь фазенде в глубине страны. Он был умен и образован. Во всем его облике было что-то внушавшее доверие и говорившее, что он человек честный и прямой. Проникшись к нему симпатией, Магальянс предложил ему остаться на ферме, где своими знаниями он мог восполнить то, чего не хватало ее достойному хозяину.

Жоам Гарраль согласился не раздумывая. Раньше у него было намерение устроиться в «серингаль» —

на добычу каучука, где умелый рабочий зарабатывал в то время пять-шесть пиастров в день и мог надеяться, что со временем, если ему повезет, сам станет фермером. Однако Магальянс правильно заметил, что хотя плата там и высока, зато работу можно получить только на время сбора каучука, то есть всего на несколько месяцев, а это не дает человеку прочного положения, к какому стремился Жоам Гарраль.

Португалец был прав. Жоам сразу согласился и без колебаний пошел работать на фазенду, решив посвятить ей все свои силы.

Магальянсу не пришлось раскаиваться в своем великодушном поступке. Дела его стали поправляться. Торговля лесом, который он сплавлял по Амазонке в провинцию Пара, с помощью Жоама Гарраля значительно расширилась. Фазенда постепенно росла и вскоре протянулась по берегу реки до самого устья Наней. Старое жилище перестроили, и оно превратилось в прелестный двухэтажный дом, окруженный верандой, скрывавшейся в тени великолепных деревьев: смоковниц, мимоз, баугиний, паулиний, стволы которых были покрыты сеткой ползучих страстоцветов, увиты бромелиями с пунцовыми цветами, причудливыми лианами.

Вдали, за гигантским кустарником, в густой чаще прятались различные постройки, где жили слуги фазенды, — хижины негров, шалаши индейцев и службы. Но с берега реки, заросшего тростником и водяными растениями, виден был только хозяйский дом.

Широкая луговина, старательно очищенная от кустарника по берегам лагун, представляла собой прекрасное пастбище. Там паслось множество скота. Это служило новым источником дохода, ибо в этой богатой стране за четыре года стадо удваивается, да еще приносит десять процентов прибыли от продажи шкур забитого скота, мясо которого идет на пищу скотоводам. Кое-где на месте лесных вырубок были возделаны плантации маниока и кофе. Посадки сахарного тростника вскоре потребовали постройки мельницы для перемалывания стеблей, из которых потом изготовляли патоку, тафию и ром. Короче говоря, через десять лет после появления Жоама Гарраля на ферме Икитос она стала одной из самых богатых фазенд на Верхней Амазонке. Благодаря правильному ведению

хозяйства молодым управляющим и его умению вести торговые дела, благосостояние фазенды росло с каждым днем.

Но Магальянсу не понадобилось так много времени, чтобы понять, чем он обязан Жоаму Гарралю. Желая наградить его по заслугам, португалец сначала выделил ему долю доходов со своей фермы, а затем, четыре года спустя, сделал Гарраля своим компаньоном, пользующимся равными правами и равной долей дохода.

Однако он задумал сделать еще больше. Его дочь Якита, как и он сам, открыла в этом молчаливом юноше, мягком с другими и строгим к себе, редкое сердце и недюжинный ум. Она его полюбила. Но хотя Жоам не остался равнодушным к достоинствам и красоте этой прелестной девушки, однако, то ли из гордости, то ли из скромности, он не думал просить ее руки.

Несчастный случай ускорил его решение.

Однажды Магальянс, распоряжавшийся на рубке леса, был смертельно ранен упавшим на него деревом. Его перенесли, почти недвижимого, на ферму; чувствуя, что конец его близок, он подозвал рыдавшую у его постели Якиту и, соединив руки дочери и Жоама Гарраля, заставил его поклясться, что он женится на ней.

— Ты вернул мне мое состояние,— проговорил Магальянс,— и я не умру спокойно, пока не упрочу этим союзом будущее моей дочери.

— Я могу оставаться ее преданным слугой, ее братом и защитником, не будучи ее мужем,— возразил Жоам Гарраль.— Я вам обязан всем, Магальянс, и никогда этого не забуду; а награда, которой вы одариваете меня, превышает все мои заслуги.

Отец настаивал. Близкая смерть не позволяла ему ждать, он требовал обещания, и Жоам Гарраль дал ему слово.

Яките было тогда двадцать два года, а Жоаму — двадцать шесть. Они любили друг друга и обвенчались за несколько часов до смерти Магальянса, у которого еще хватило сил благословить их союз.

Вот каким образом Жоам Гарраль в 1830 году стал владельцем фазенды в Икитосе, к радости всех ее обитателей. Ведь его союз с Якитой, союз их умов и сердец, сулил лишь дальнейшее процветание фермы.

Год спустя после свадьбы Якита подарила мужу сына, а еще через два года — дочь. Бенито и Минья, внуки старого португальца, должны были стать достойными своего дедушки; дети Якиты и Жоама — достойными своих родителей.

Маленькая Минья превратилась в прелестную девушку. Она ни разу не покидала фазенды. Девочка выросла в чистой и здоровой среде, на лоне великолепной тропической природы, а данного ей матерью воспитания и полученных от отца знаний было для нее вполне достаточно. Чему бы еще научили ее в монастырской школе Манауса или Белена? Где нашла бы она лучшие примеры семейных добродетелей? Разве ее сердце и ум стали бы тоньше и отзывчивее вдали от родного дома? Если ей не суждено стать после матери хозяйкой фазенды, то она будет достойна занять любое положение в другом месте.

Что до Бенито, то тут другое дело. Его отец разумно считал, что ему нужно получить такое основательное и полное образование, какое давали в ту пору только в больших бразильских городах. К этому времени богатый владелец фазенды мог ни в чем не отказывать сыну.

У Бенито были недюжинные способности, пытливый и живой ум и высокие душевные качества. В двенадцать лет его отправили в Белен, и там, под руководством прекрасных педагогов, были заложены основы, благодаря которым он стал впоследствии выдающимся человеком. Ему не были чужды ни наука и литература, ни искусство. Учился он так усердно, как будто состояние его отца не позволяло ему ни минуты сидеть без дела. Он был не из тех, кто считает, что богатство избавляет от труда, напротив, честный, прямой и решительный юноша был убежден, что тот, кто уклоняется от своих обязанностей, недостойн называться человеком.

В первые годы жизни в Белене Бенито познакомился с Манозлем Вальдесом, сыном купца из Пара, с которым учился в одном учебном заведении. Сходство характеров и вкусов сблизило их, они крепко подружились и вскоре стали неразлучны.

Манозль, родившийся в 1832 году, был на год старше Бенито. Он жил с матерью на скромное наследство, доставшееся ей после смерти мужа. Закончив среднюю школу, Манозль поступил в медицинский институт. Его

всегда привлекала медицина, и он избрал себе благородную профессию военного врача.

В то время, когда мы встретили двух друзей, Манозль уже получил звание врача и приехал погостить несколько месяцев на фазенде, где обычно проводил каникулы. Этот молодой человек, с приятными манерами, благородным лицом и врожденным чувством собственного достоинства, сделался вторым сыном для Жоама и Якиты. Но если, став им сыном, он и считал себя братом Бенито, то по отношению к Минье звание брата казалось ему недостаточным, ибо вскоре он почувствовал к ней гораздо более нежную привязанность, чем братская любовь.

В 1852 году — к началу нашей истории прошло уже четыре месяца этого года — Жоаму Гарралю исполнилось сорок восемь лет. В изнурительном климате, который так быстро подтачивает здоровье, Гарраль, благодаря своей воздержанности, умеренным вкусам и скромной трудовой жизни, сохранил силы, хотя многие люди здесь преждевременно старились. Коротко остриженные волосы и длинная борода его уже серебрились, придавая ему строгий вид пуританина. Неподкупная честность, которой славилась бразильские купцы и землевладельцы, была словно написана на его лице, отличавшемся искренностью и прямоотой. В этом внешне спокойном человеке угадывался внутренний огонь, сдерживаемый твердой волей. В ясном взгляде светилась живая сила, и чувствовалось, что на него может положиться всякий, кто обратится к нему за помощью.

А между тем в этом спокойном человеке с крепким здоровьем, который как будто всего добился в жизни, можно было заметить какую-то глубоко затаенную грусть, и победить ее не могла даже нежная привязанность Якиты.

Почему этот справедливый, всеми уважаемый фермер, имеющий все основания быть счастливым, никогда не сияет от счастья? Почему кажется, что он может радоваться лишь чужому счастью, но не своему? Неужели его гложет какое-то тайное горе? Вот вопрос, который постоянно мучил его жену.

Яките минуло сорок четыре года. В этой тропической стране, где женщины часто становятся старухами уже в тридцать лет, она тоже сумела устоять против разруши-

тельного влияния климата. Ее слегка отяжелевшее, но еще красивое лицо сохранило благородство линий классического португальского типа, в котором гордость так естественно сочетается с душевной прямоотой.

Бенито и Минья на нежную любовь родителей отвечали такой же горячей привязанностью.

Бенито, веселый, смелый, привлекательный юноша — ему шел тогда двадцать второй год, — с душой нараспашку, отличался живостью характера от своего друга Манозля, который был более сдержан, более серьезен. Для Бенито, проводшего целый год в Белене, вдали от родной фазенды, было великой радостью вернуться в отчий дом со своим молодым другом, вновь увидеть отца, мать и сестру, опять очутиться среди величественной природы Верхней Амазонки — ведь он был завзятым охотником! — среди девственных лесов, тайны которых еще много веков останутся недоступными человеку.

Минье только что сравнялось двадцать лет. У этой прелестной девушки с темными волосами и большими синими глазами, казалось, вся душа отражается во взоре. Среднего роста, стройная, грациозная, она красотой напоминала мать. Характером чуть посерьезнее брата, добрая, ласковая, приветливая, она была общей любимицей, что, без сомнения, подтвердил бы каждый слуга на ферме. А друга ее брата — Манозля Вальдеса — не стоило и спрашивать о достоинствах девушки: он был слишком заинтересованной стороной и потому не мог бы дать беспристрастный ответ.

Описание семьи Гарраль было бы неполным, если бы мы ничего не сказали об их многочисленных домочадцах.

Прежде всего следует упомянуть шестидесятилетнюю негритянку Сибелу, отпущенную хозяином на волю, но из горячей привязанности к нему и его семье оставшуюся у них в доме; в молодости она была нянькой Якиты. Как старший член семьи она говорила «ты» и матери и дочери. Вся жизнь доброй женщины прошла на этих полях, среди этих лесов, на берегу реки, которая служила границей фермы. Она попала в Икитос ребенком в ту пору, когда еще существовала торговля неграми, и никогда не покидала этого селения; здесь она вышла замуж, здесь овдовела и, потеряв единственного сына, осталась служить у

Магальянса. Она знала только ту часть Амазонки, которая всегда была у нее перед глазами.

Назовем также и хорошенькую, веселую мулатку, считавшуюся служанкой Миньи, ее ровесницу, горячо преданную своей юной хозяйке. Звали ее Лина. Этому милому, немного избалованному созданию прощали некоторую вольность обращения, она же обожала свою госпожу. Живая, своевольная, ласковая и насмешливая, она делала что хотела — ей все разрешалось в этом доме.

Что касается работников фазенды, то они делились на две части: индейцы — около сотни человек — работали на ферме за плату, и негры — их было вдвое больше — оставались еще рабами, но дети их рождались уже свободными. Жоам Гарраль в этом отношении опередил бразильское правительство.

Надо сказать, что в этой стране, не в пример другим, с неграми, привезенными из Бенгелы, из Конго и с Золотого Берега, обычно обращались довольно мягко, и уж во всяком случае на фазенде в Икитосе никто не проявлял жестокости к невольникам, что так часто бывало на плантациях в других странах.

4. КОЛЕБАНИЯ

Манозель любил сестру своего друга Бенито, и она отвечала ему взаимностью. Каждый из них сразу оценил другого: поистине они были достойной парой.

Когда у Манозеля не осталось никаких сомнений в своих чувствах к Минье, он прежде всего открылся Бенито.

— Дружище Манозель! — тотчас откликнулся восторженный юноша. — Как я рад, что ты хочешь жениться на моей сестре! Только позволь действовать мне. Прежде всего я поговорю с матушкой. И думаю, что могу обещать тебе ее согласие.

Не прошло и получаса, как все было улажено. Бенито не сообщил своей матери ничего нового: добрая Якита давно догадалась о чувстве, зародившемся в сердцах молодых людей.

Десять минут спустя Бенито уже был у сестры. Надо признаться, что и здесь ему не пришлось прибегать к красноречию. После первых его слов головка милой

девушки склонилась на плечо брата, и Минья воскликнула от всего сердца:

— Как я рада!

Признание едва не опередило вопроса. Все было ясно, Бенито только того и ждал.

В согласии Жоама Гарралья тоже никто не сомневался. Но Якита и дети не сразу посвятили его в свои планы, потому что в беседе о предстоящей свадьбе собирались затронуть еще вопрос, разрешить который, возможно, будет гораздо труднее: вопрос о месте, где состоится венчание.

В самом деле, где лучше отпраздновать свадьбу? В жалкой деревенской хижине, служившей здесь церковью? А почему бы и нет? Ведь тут Жоам и Якита, вступая в брак, получили благословение отца Пассаньи, бывшего тогда священником в Икитосе. В ту пору, как и в наши дни, гражданский брак в Бразилии не отделялся от церковного, и одной записи в церковной книге миссии было достаточно, чтобы удостоверить законность союза, не засвидетельствованного никаким государственным чиновником¹.

Наверно, Жоам Гарраль захочет, чтобы венчание состоялось в Икитосе, с большой торжественностью, в присутствии всех обитателей фазенды; но если такова будет его воля, то ему придется выдержать серьезную борьбу.

— Манозэль,—сказала девушка своему жениху,—если б меня спросили, чего я хочу, то я предпочла бы венчаться не здесь, а в Пара. Госпожа Вальдес нездорова, она не может приехать в Икитос, а мне не хотелось бы стать ее дочерью, не познакомившись с ней. И мама одобряет меня. Поэтому мы постараемся уговорить отца, чтобы он отвез нас в Белен, к той, чей дом скоро должен стать и моим домом. Вы согласны?

Вместо ответа Манозэль лишь нежно пожал руку Миньи. Он тоже горячо желал, чтобы мать присутствовала на его венчании. Бенито полностью поддержал этот план. Оставалось только убедить Жоама Гарралья.

¹ В капиталистических государствах наравне с церковным браком, то есть браком, который узаконивается обрядом венчания, существует также гражданский брак, и законность его удостоверяет запись в актах гражданского состояния.

В этот день молодые люди отправились в лес на охоту, чтобы дать Яките поговорить наедине с мужем.

Итак, после обеда супруги остались одни в просторной гостиной своего дома.

Жоам Гарраль только что вернулся с работ и прилег на диван из плетеного бамбука, когда немного взволнованная Якита подошла и села возле него.

Решение сообщить мужу о чувствах Манозля к их дочери несколько не тяготило Якиту. Предстоящая свадьба могла только упрочить счастье Миньи, и Якита не сомневалась, что Жоам Гарраль с радостью раскроет объятия новому сыну, достоинства которого он давно узнал и оценил. Но Якита понимала, что убедить мужа покинуть фазенду будет не легко.

И правда, с тех пор как Жоам Гарраль еще юношей пришел в эти края, он никогда ни на день не выезжал из фазенды. Хотя Амазонка, медленно катившая свои воды на восток, манила его вдаль; хотя Жоам каждый год сплавлял множество плотов в Манаус, Белен и на побережье провинции Пара; хотя Бенито ежегодно уезжал из дому после каникул, чтобы вернуться к занятиям,—казалось, Гарралю никогда не приходило в голову поехать вместе с сыном.

Все, что добывалось на ферме, в лесах и на лугах, владелец фазенды продавал на месте. Можно было подумать, что он не хочет выходить ни мыслью, ни взглядом за пределы созданного им земного рая, где была сосредоточена вся его жизнь.

Если в течение двадцати пяти лет Жоам Гарраль ни разу не переходил бразильской границы, понятно, что его жена и дочь тоже никогда не ступали на бразильскую землю.

А между тем они обе давно мечтали поглядеть на эту красивую страну, о которой им так много рассказывал Бенито. Раза два-три Якита заговаривала об этом с мужем, но она заметила, что при одной мысли покинуть фазенду хотя бы на несколько недель печальное лицо его еще больше мрачнело, глаза затуманивались, и он говорил с мягким упреком:

— Зачем покидать наш дом? Разве мы здесь не счастливы?

И Якита не решалась настаивать — заботливость и

неизменная нежность этого человека делали ее такой счастливой!

Однако на этот раз у нее был очень веский довод. Свадьба Миньи была совершенно естественным поводом отвезти девушку в Белен, где ей предстояло жить с мужем.

Там она должна узнать и полюбить мать Маноэля Вальдеса. Что может Жоам Гарраль возразить против такого законного желания? И разве ему не понятно стремление Якиты познакомиться с той, кто станет второй матерью ее девочки, разве он не разделяет ее стремлений?

Якита взяла мужа за руку и сказала ласковым голосом, который был лучшей музыкой в жизни этого труженика:

— Жоам, я хочу поговорить с тобой об одном плане— мы давно мечтаем его осуществить; я уверена, что он обрадует тебя не меньше, чем меня и детей.

— Что же это за план, Якита? — спросил Жоам.

— Маноэль и Минья любят друг друга, и в этом союзе они должны найти свое счастье...

При первых же ее словах Жоам Гарраль вскочил, не сумев сдержать это порывистое движение. Затем потупился, как будто хотел избежать взгляда жены.

— Что с тобой, Жоам?

— Минья... собирается замуж? — пробормотал он.

— Друг мой,— заговорила Якита, и сердце ее сжалось,— разве ты имеешь что-нибудь против этого брака? Разве ты сам не замечал, какие чувства питает Маноэль к нашей дочери?

— Да! Не меньше года...

Жоам снова сел, не договорив. Усилием воли он взял себя в руки. Непонятное волнение, вызванное словами его жены, прошло. Мало-помалу он успокоился, взглянул на Якиту и, задумавшись, долго глядел на нее. Якита снова взяла его за руку.

— Милый Жоам,— молвила она,— неужели я ошиблась? Разве ты сам не думал, что рано или поздно этот брак совершится и принесет счастье нашей девочке?

— Да...— проговорил Жоам.— Это так!.. Несомненно!.. Однако, Якита, эта свадьба... эта свадьба, которую все мы предвидели, состоится когда? Скоро?

— Мы назначим ее, когда ты захочешь, Жоам.

— И мы отпразднуем ее здесь... в Икитосе?

Этот вопрос дал Яките возможность высказать свое давнишнее горячее желание. Однако она сделала это не без некоторой, вполне понятной, робости.

— Послушай, Жоам,—начала она, немного помолчав.— По поводу этой свадьбы у меня есть план, который, я надеюсь, ты одобришь. За двадцать лет нашей жизни с тобой я не раз просила тебя свезти нас с Миньей в провинции Нижней Амазонки и в Пара, где мы никогда не бывали. Заботы о фазенде и разные дела, требовавшие твоего постоянного присутствия, до сих пор не позволяли тебе исполнить нашу просьбу. Отлучка даже на несколько дней могла повредить твоим делам. Но теперь они идут так хорошо, как мы и мечтать не могли, и если для тебя еще не настало время полного отдыха, то ты можешь позволить себе передышку, хотя бы на несколько недель.

Жоам Гарраль ничего не ответил, но Якита почувствовала, что рука его дрогнула в ее руке, как от внезапной боли. Однако губы Жоама тронула легкая улыбка, словно он молча приглашал ее закончить свою мысль.

— Жоам,—продолжала она,— вот возможность, какой нам больше никогда не представится. Ведь Минья выйдет замуж, покинет нас и будет жить далеко! Это первое огорчение, которое нам доставит наша дочка, и у меня уже сжимается сердце, как только я подумаю о близкой разлуке. Так вот, мне хотелось бы проводить ее до Белена. Разве тебе самому не кажется, что нам следует познакомиться с матерью ее мужа, которая заменит ей меня, с той, кому мы доверим нашу дочь? Да и Минья не хотела бы огорчать госпожу Вальдес, отпраздновав свадьбу без нее. Если бы в ту пору, когда мы поженились с тобой, милый Жоам, твоя мать была жива, ты, наверно, тоже хотел бы, чтобы она присутствовала на нашей свадьбе!

При этих словах Жоам Гарраль снова сделал невольное движение.

— Друг мой,— снова заговорила Якита,— как бы мне хотелось вместе с Миньей, нашими двумя сыновьями и с тобой посмотреть родную Бразилию, спуститься по этой

прекрасной реке до провинций на морском побережье! Мне кажется, что там разлука с дочерью будет мне не так горька. Вернувшись, я смогу мысленно увидеть ее в том доме, где она найдет вторую мать. Мне не придется представлять ее себе в неведомом краю. И я не буду чувствовать себя совсем чуждой ее жизни.

На этот раз Жоам пристально глядел на жену; он долго не спускал с нее глаз, но по-прежнему не произносил ни слова.

Что происходило в его душе? Почему не решался он исполнить такую законную просьбу, сказать «да» и доставить живую радость своим близким? Забота о делах не могла быть достаточно веской причиной. Несколько недель отлучки им бы не повредили. Управляющий мог на время заменить его без ущерба для фазенды. И тем не менее он все еще колебался.

Якита взяла руку мужа в свои и нежно сжала ее.

— Милый Жоам,— сказала она,— моя просьба — не каприз. Нет! Я долго ее обдумывала, и если ты согласишься, то осуществишь мою заветную мечту. Дети знают о нашем разговоре и тоже присоединяются к моей просьбе. Минья, Бенито и Манозель просят нас с тобой поехать с ними. Доставь же им эту радость! Я добавлю еще, что, нам кажется, лучше отпраздновать эту свадьбу в Белене, чем в Икитосе. Это будет на пользу нашей девочке, введет ее в общество, упрочит ее положение. Если она приедет с родителями, то не будет чувствовать себя одинокой в городе, где должна теперь протекать бóльшая часть ее жизни.

Жоам Гарраль облокотился на стол и закрыл лицо руками, словно хотел собраться с мыслями, прежде чем ответить. По-видимому, его мучили сомнения и он старался их преодолеть; жена ясно чувствовала его тревогу, но не понимала ее. На его лице отражалась тайная борьба. Взволнованная Якита почти раскаивалась, что затеяла этот разговор. Ну что ж, она подчинится любому решению Жоама. Если эта поездка ему тяжела, она откажется от нее и никогда больше не предложит ему покинуть фазенду, никогда не спросит о причине его непонятного отказа.

Прошло несколько минут. Жоам Гарраль встал и, не оборачиваясь, подошел к двери. Казалось, он бросает

прощальный взгляд на прекрасную природу, на этот уединенный уголок, где целых двадцать лет оберегал счастье всей своей жизни.

Потом он медленно вернулся к жене. Лицо его приняло совсем иное выражение: так выглядит человек, когда после мучительных колебаний приходит к важному решению.

— Ты права! — твердо сказал он Яките. — Эта поездка необходима. Когда ты хочешь ехать?

— Ах, Жоам! Милый Жоам! — воскликнула Якита, просияв от радости. — Как я тебе благодарна! И за себя и за детей!

И слезы умиления выступили у нее на глазах, когда муж прижал ее к сердцу.

В эту минуту в саду у дверей дома слышались веселые голоса.

Минуту спустя на пороге появились Бенито и Манозель, а за ними и Минья, вышедшая из своей комнаты.

— Дети! Отец согласен! — крикнула Якита. — Мы все едем в Белен!

Жоам Гарраль с сумрачным лицом, не произнося ни слова, принял пылкую благодарность сына и поцелуи дочери.

— А когда вы думаете отпраздновать свадьбу, отец? — спросил Бенито.

— Когда?.. Там будет видно... — ответил Жоам. — Это мы решим в Белене.

— Как я рада! Как я рада! — твердила Минья, совсем как в тот день, когда узнала о предложении Манозеля. — Наконец мы увидим Амазонку во всем ее величии, проследим ее путь по бразильским провинциям! Ах, отец, большое спасибо!

И пылкая девушка, у которой уж разыгралось воображение, позвала брата и Манозеля:

— Пойдем в библиотеку! Возьмем все книги и карты, по которым можно рассмотреть бассейн великой реки! Нельзя путешествовать вслепую! Я хочу не только всё видеть, но и всё знать об этой царственной реке — самой большой реке на земле!

5. АМАЗОНКА

— Это величайшая река в мире!¹ — говорил на другой день Бенито Манозэлю.

Молодые люди сидели вдвоем на берегу Амазонки на южной границе фазенды и смотрели, как мимо них медленно катятся воды, которые берут начало в высоких отрогах Анд и, пройдя восемьсот лье, теряются в просторах океана.

— И к тому же она дает морю самое большое количество воды, — заметил Манозэль.

— Такое большое, — добавил Бенито, — что опресняет море на очень далеком расстоянии от своего устья и силой течения заставляет дрейфовать корабли, идущие в восьмидесяти лье от берега.

— Мощное русло этой реки тянется в длину более чем на тридцать градусов широты, а бассейн ее с севера на юг занимает не менее двадцати пяти градусов!

— Бассейн! — вскричал Бенито. — Разве можно назвать бассейном широкую равнину, по которой течет Амазонка, эту бескрайнюю саванну без единого холма на ее просторах, без единой горы, ограничивающей ее горизонт!

— И на всем ее протяжении, — подхватил Манозэль, — словно тысячи щупалец громадного спрута, в нее впадают с севера и с юга двести притоков, которые сами тоже питаются бесчисленными притоками, и рядом с ними великие реки Европы кажутся простыми ручейками!

— А на ее поверхности пятьсот шестьдесят островов, не считая мелких островков, неподвижных или плавучих, образуют настоящий архипелаг и вполне могли бы составить целое государство!

— А берега ее изрезали протоки, каналы, лагуны, заливы, озера, каких не встретишь в Швейцарии, Шотландии и Канаде, вместе взятых!

— Эта река с питающими ее тысячью притоками сбрасывает в Атлантический океан не меньше двухсот пятидесяти миллионов кубометров воды в час!

— Она служит границей двум республикам, затем

¹ Утверждение Бенито, правильное в ту пору, когда еще не были совершены последние открытия, теперь не соответствует действительности. По новейшим данным, Нил и Миссури-Миссисипи длиннее Амазонки (*Прим автора*)

пересекает самое большое государство Южной Америки¹, и кажется, будто через этот канал сам Тихий океан хочет перелиться в Атлантический!

— А ее устье! Настоящий морской рукав, а посреди-не лежит остров Маражо более пятисот лье в окружности!

— Сам океан, сияясь сдержатъ напор этой реки во время приливов, в грандиозной схватке вздымает исполинские валы, или «поророку», по сравнению с которой приливы и прибои в устьях других рек кажутся лишь рябью, поднятой легким бризом.

— Для этой реки понадобилось три названия, и самые крупные суда могут подниматься вверх по ее течению с полным грузом на пять тысяч километров от устья.

— По этой реке, по ее притокам и по притокам притоков открывается торговый водный путь через весь Север Америки, начиная от Магдалены до Ортеказа, от Ортеказа до Какета, от Какета до Путумайо, от Путумайо до Амазонки! Четыре тысячи миль речного пути, и остается лишь прорыть еще несколько каналов, чтобы эта доходная система была завершена.

— Словом, перед нами самая удивительная и самая громадная водная система в мире!

Молодые люди говорили об этой несравненной реке с каким-то восторженным иступлением! Ведь они были детьми Амазонки, чьи притоки, почти столь же могучие, как и она сама, стали водными дорогами, бегущими через всю Боливию, Перу, Эквадор, Новую Гренаду, Венесуэлу и четыре Гвианы: английскую, французскую, голландскую и бразильскую.

Сколько мы знаем племен, сколько народов, происхождение которых теряется в дали времен! Точно так же и с крупными реками на нашей земле; их до сих пор еще не удается исследовать до конца. Многие государства претендуют на честь считаться их родиной. Амазонка не составляет исключения. Перу, Эквадор, Колумбия долго оспаривали право и честь считать ее своим детищем.

В наши дни, однако, признано бесспорным, что Амазонка берет свое начало в Перу, в округе Гуарако, районе Тарма и вытекает из озера Лаурикоча, расположен-

¹ Имеется в виду Бразилия.

ного приблизительно между одиннадцатым и двенадцатым градусами южной широты.

Тем, кому хотелось бы думать, что она берет начало в Боливии и низвергается с гор Титикака, пришлось бы доказывать, что настоящей Амазонкой является Укаяли, возникшая из слияния Паро и Апуримака, однако, ныне это мнение уже опровергнуто.

Вытекая из озера Лаурикоча, река бежит к северо-востоку на протяжении пятисот шестидесяти миль и поворачивает прямо на восток лишь после того, как принимает в себя воды большого притока Панте. На колумбийской и перуанской территории вплоть до бразильской границы река называется Мараньон или, правильнее говоря, Мараньяо, ибо это ее португальское название слегка офранцужено. От бразильской границы до Манауса, где в нее вливается великолепная Риу-Негру, река носит название Солимаес или Солимоенс, по имени индейского племени Солимао, остатки которого еще можно найти в прибрежных провинциях И, наконец, от Манауса до моря это уже Амазонас или Река амазонок — так прозвали ее испанцы, потомки смелого Орельяны¹, из восторженных, но малоправдоподобных рассказов которого они заключили, будто некогда существовало племя женщин-воительниц, живших на реке Ньямунда, одном из средних притоков великой реки.

Уже по началу можно предвидеть, что Амазонка превратится в могучий поток. Никакие препятствия или пороги не преграждают ей дорогу от истоков до того места, где ложе ее слегка сужается, проходя между двумя живописными горными цепями. Пороги разбивают течение лишь там, где река поворачивает к востоку, пробивая себе путь сквозь поперечный отрог Анд. Здесь встречается несколько водопадов и, если бы не это препятствие, река была бы судоходна на всем своем протяжении от устья до истоков. Но и теперь, как правильно заметил Гумбольдт², большая часть реки свободна для судоходства.

¹ Орельяна, Франсиско де — испанский путешественник, живший в XVI веке. В 1511 году спустился по Амазонке от Кордильер до Атлантического океана.

² Гумбольдт, Александр (1769—1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник, исследовал Центральную и Южную Америку.

И с самого начала у нее нет недостатка в притоках, которые сами питаются водами множества речушек и ручьев. Таковы Чинчипе, впадающая в нее слева, с северо-востока, и Чачапояс — справа, с юго-запада. Затем, слева, — Марона и Пастука, а справа — Гуалага, которая течет возле миссии Лагуны. Потом слева — Чамбира и Тигре, опять с северо-востока, а справа — Гуалага, которая вливается в Амазонку на расстоянии в две тысячи восьмьсот миль от Атлантического океана; суда могут подниматься по ее течению более чем на двести миль и проникать в самое сердце Перу. И, наконец, справа, возле миссий Сан-Жоаким д'Омагуас, величественно пронеся свои воды через пампасы Сакраменто, появляется прекрасный Укаяли, в том месте, где кончается верхний бассейн Амазонки; Укаяли — крупная артерия, ставшая полноводной благодаря многочисленным притокам, вытекающим из озера Чукуито, на северо-востоке Арики.

Таковы главные притоки Амазонки выше селения Икитос. В нижнем течении притоки ее становятся такими многоводными, что русла европейских рек были бы несомненно слишком узки, чтобы их вместить. С устьями этих притоков Жоаму Гарралю и его семье предстояло познакомиться во время путешествия вниз по Амазонке.

К красоте этой бесподобной реки, орошающей самую красивую страну на земле и протекающей почти все время на несколько градусов ниже экватора, следует добавить еще одно качество, каким не обладают ни Нил, ни Миссисипи, ни Ливингстон, в древности называвшийся Конго-Заир-Луалаба. Дело в том, что Амазонка, вопреки утверждениям малоосведомленных путешественников, протекает в той части Южной Америки, где самый здоровый климат. Ее бассейн постоянно продувают чистые западные ветры. Воды ее текут не по узкой долине, зажатой высокими горами, а по широкой равнине, простирающейся на триста пятьдесят лье с севера на юг, лишь кое-где покрытой невысокими холмами, и ее овевают могучие потоки воздуха.

Широкая долина, служащая реке ложем, доступна морским ветрам, посылаемым ей Атлантическим океаном.

Вот почему провинции, которым она дала свое имя, имеют неоспоримое право считаться самыми здоровыми

в стране, слывающей к тому же одной из самых красивых на земле.

Однако не думайте, что водная система Амазонки малоизвестна!

Уже в шестнадцатом веке Орельяна, наместник одного из братьев Пизарро¹, спустился по Риу-Негру до ее слияния с Амазонкой и в 1540 году двинулся вниз по течению великой реки, решившись проникнуть без проводника в глубь страны; после полутора лет плавания, о котором Орельяна рассказал много чудес, он достиг ее устья.

В 1636 и 1637 годах португалец Педро Тексейра поднялся вверх по Амазонке до Напо с флотилией из сорока семи пирог.

В 1743 году Лакондамин², измерив длину дуги меридиана под экватором, покинул своих спутников — Бугера³ и Годена дез Одонэ, сел на судно, спустился по Чинчипе до ее впадения в Мараньон и достиг устья Напо 31 июля, как раз к моменту появления первого спутника Юпитера, что позволило Лакондамину, этому «Гумбольдту XVIII столетия», установить широту и долготу точки, в которой он находился; затем он осмотрел деревни на обоих берегах реки и 6 сентября прибыл в форт Пара. Это громадное путешествие дало очень важные результаты: не только было нанесено на карту русло Амазонки, но также почти доказано, что она сообщается с Ориноко.

Пятьдесят лет спустя Гумбольдт и Бонплан⁴ дополнили ценные труды Лакондамина, продолжив карту Мараньона до реки Напо.

С тех пор не прекращались путешествия как по Амазонке, так и по ее главным притокам.

¹ Пизарро, Франсиско (ок. 1475—1541) — испанский конкистадор (завоеватель), вместе со своими братьями Гонзалесом и Фернандо завоевал в 30-х годах XVI века государство инков (на территории современного Перу).

² Лакондамин, Шарль де — французский путешественник и математик (1701—1774), принимал участие в измерении дуги меридиана под экватором.

³ Бугёр, Пьер — французский астроном, математик и физик (1698—1758).

⁴ Бонплан, Эне (1773—1858) — французский врач и ботаник; сопровождал Гумбольдта в Америку.

Но самый замечательный факт, делающий честь бразильскому правительству, следующий.

31 июля 1857 года, после многих споров между Францией и Бразилией о границах Гвианы, воды Амазонки были объявлены открытыми для судов, плавающих под любым флагом, а чтобы практика не расходилась с высокими принципами, Бразилия заключила договоры с соседними странами, дающие им право пользоваться всеми водными путями в бассейне Амазонки.

В наши дни пароходные линии прямого сообщения с Ливерпулем, обставленные с комфортом, обслуживают реку от ее устья до Манауса; другие пароходы поднимаются до самого Икитоса; и, наконец, множество судов, плавающих по рекам Тапажос, Мадейра, Риу-Негру, Пурус, проникают в самое сердце Перу и Боливии.

Легко себе представить, какой размах в скором времени получит торговля во всем этом громадном и богатом бассейне, равного которому нет в целом свете.

Однако у этой заманчивой перспективы есть и своя обратная сторона. За такой прогресс обычно расплачивается туземное население.

В верховьях Амазонки уже исчезло немало индейских племен, в том числе курисикуру и соримао. Если на Потомайо еще встречаются порой представители племени юри, то ягуа совсем покинули эти места и перебрались на отдаленные притоки, а немногие оставшиеся маоро бросили родные берега и бродят в лесах Жапуры.

Да, берега реки Тунантен почти обезлюдели, а в устье Журуа кочует лишь несколько индейских семей. Теффе почти совсем опустела, и только у истоков Жапуры сохранились остатки великого племени умаюа! Коари совсем заброшена.

На берегах Пуруса осталась лишь горсточка индейцев мура. Из всего старинного племени манаос уцелело лишь несколько семей кочевников. На берегах Риу-Негру живут одни метисы, потомки португальцев и индейцев, а ведь раньше здесь насчитывалось до двадцати четырех разных народностей!

Таков закон прогресса. Индейцы в конце концов исчезнут. Под владычеством англо-саксонцев вымерли австралийцы и жители Тасмании. Завоеватели Дальнего запада уничтожили индейцев Северной Америки. Быть

может, настанет время, когда арабы будут истреблены французскими колонизаторами.

Однако пора нам вернуться к 1852 году. Многочисленные в наше время средства передвижения в ту пору еще не существовали, и путешествие Жоама Гарраля требовало не менее четырех месяцев, принимая во внимание тогдашние условия.

Вот почему, когда два друга смотрели на медленное течение реки, катившей свои воды у их ног, Бенито задумчиво проговорил:

— Дружище Манозэль, ведь мы не расстанемся с тобой до самого Белена, значит, поездка покажется тебе очень короткой.

— Да, конечно,— ответил Манозэль,— но и очень долгой: ведь Минья станет моей женой только в конце путешествия!

6. ЦЕЛЫЙ ЛЕС ПОВЕРЖЕН

Итак, семья Гарраль была счастлива и довольна. Все с радостью готовились к чудесному путешествию по Амазонке. В эту поездку, рассчитанную на несколько месяцев, отправлялся не только владелец фазенды со всей семьей, но, как мы увидим дальше, их сопровождала и часть работников фермы.

Видя вокруг столько счастливых лиц, Жоам Гарраль, должно быть, забыл тревоги и заботы, которые раньше, казалось, отравляли ему жизнь. С того дня, как он принял твердое решение, он стал другим человеком, и, когда начал собираться в дорогу, к нему вернулась прежняя энергия. Домашние с искренним удовольствием наблюдали его за работой. Подъем духа вызвал прилив физических сил, и Жоам Гарраль стал таким же бодрым и деятельным, как в былые дни. В нем снова проснулся человек, привыкший жить на свежем воздухе, в живительной атмосфере лесов и полей у струящихся вод.

К тому же за несколько недель, оставшихся до отъезда, ему предстояло закончить немало дел.

Как сказано выше, в те времена течение Амазонки еще не бороздили многочисленные пароходы: компании судовладельцев еще только собирались пустить их по ре-

ке и ее притокам. Речные суда держали пока частные владельцы и обслуживали главным образом прибрежные поселения.

По реке ходили следующие суденышки: особый вид пироги — «уба»; выдолбленная топором и выжженная из целого ствола, с заостренным легким носом и более тяжелой, полукруглой кормой, она вмещала от одного до двенадцати гребцов и поднимала до трех и даже четырех тонн груза; затем «эгаритеа» — широкий, грубо сколоченный баркас, посредине которого был устроен навес из листьев, со свободным проходом впереди, и скамьей для гребцов; и, наконец, «жангада» — довольно неуклюжий плот, идущий под треугольным парусом, с соломенной хижиной, служащей плавучим домом для индейца и его семьи. Эти три вида судов составляли мелкую флотилию Амазонки и могли перевозить очень ограниченное количество людей и товаров.

Были тут суда и побольше, так называемые «вижилинды», поднимающие от восьми до десяти тонн груза, с тремя мачтами и красными парусами; в тихую погоду они идут на четырех тяжелых веслах, которыми очень трудно грести против течения. Были еще большие «коберта», поднимающие до двадцати тонн, похожие на китайские джонки, с рубкой на корме, небольшой каютой и двумя мачтами с квадратными парусами разной величины; при противном или слишком слабом ветре индейцы пользовались на них еще десятью длинными веслами, которыми гребли, стоя на полубаке, на носу судна.

Но все эти водные средства передвижения не устраивали Жоама Гаррала. Решив спуститься вниз по течению Амазонки, он сразу надумал воспользоваться этим путешествием для переброски большого количества товаров, ждавших отправки в провинцию Пара. Этот груз не требовал срочной доставки на место. И Гарраль принял решение, которое должно было прийти всем по душе, кроме разве Манозля. Молодой человек, вероятно, предпочел бы отправиться на самом быстроходном судне, но у него была на то особая причина.

Как ни примитивен, даже первобытен был способ передвижения, избранный Жоаомом Гарралем, он позволял взять с собой множество людей и плыть по течению со всевозможными удобствами и в полной безопасности.

По его плану часть фазенды словно отделится от берега и поплывет по Амазонке со всеми своими обитателями: хозяином фазенды, его семьей, слугами, работниками, вместе с их домами, хижинами, шалашами.

В икитосскую фазенду входили великолепные леса, которые в центральной части Южной Америки, можно сказать, неистощимы.

Жоам Гарраль прекрасно умел вести лесное хозяйство в этих краях, богатых чрезвычайно ценными и разнообразными древесными породами, которые шли на изготовление мачт и на всевозможные плотничные и столярные работы, так что торговля лесом ежегодно приносила ему немалый доход.

К тому же разве река не была у него под рукой, чтобы сплавлять дары амазонских лесов в большей сохранности и с меньшими затратами, чем по железной дороге? Итак, Жоам Гарраль каждый год валил несколько сотен деревьев, связывал плоты из грубо обтесанных бревен, толстых досок и брусьев, составлял громадные плавающие караваны и сплавлял их вниз по течению под надзором опытных плотогонов, хорошо знающих глубины, мели и быстрины реки.

Теперь Жоам Гарраль собирался поступить, как и в предыдущие годы. Но на этот раз, сколотив плот, он решил всю коммерческую часть дела поручить Бенито. Однако нельзя было терять даром и часа. Начало июня — самое благоприятное время для отплытия, ибо в эту пору река вздувается благодаря разлившимся в верховьях притокам, а затем понемногу убывает, вплоть до октября.

Значит, к работам следовало приступить, не мешкая, тем более что на этот раз предстояло сделать плот необычных размеров. Гарраль решил вырубить половину квадратной мили леса, росшего у слияния Наней с Амазонкой, то есть целый угол прибрежного участка фазенды, и соорудить исполинскую жангаду, или плот величиной с маленький островок.

Вот на такую-то жангаду, более устойчивую, чем любое местное судно, и более вместительную, чем сто связанных вместе «эгаритей» или «вижилинд», Жоам Гарраль и решил погрузиться вместе с домочадцами и грузом.

— Как хорошо он придумал! — воскликнула Минья, узнав о плане отца, и захлопала в ладоши.

— Да,— сказала Якита,— в таких условиях мы доплывем до Белена в полной безопасности и совсем не устанем.

— А во время остановок будем охотиться в прибрежных лесах,— добавил Бенито.

— Пожалуй, плыть придется довольно долго! — заметил Манозель.— Не лучше ли выбрать какой-нибудь более быстрый способ спуститься по Амазонке?

Конечно, путешествие предстояло довольно долгое, но никто не поддержал предложения слишком заинтересованного Манозеля.

Жоам Гарраль вызвал к себе индейца, управляющего фазендой.

— Через месяц,— сказал он ему,— жангада должна быть готова к отплытию.

— Мы примемся за работу сегодня же, господин Гарраль,— ответил управляющий.

Работа предстояла немалая. Всю первую половину мая около сотни индейцев и негров трудились не покладая рук и сотворили просто чудеса. Быть может, некоторые добрые люди, непривычные к такому уничтожению лесов, горько сетовали бы, видя, как многовековые исполины падают один за другим под топором дровосеков; но деревьев росло такое несметное множество как на берегах реки, так и на островах вверх и вниз по течению, до самого горизонта, что вырубка участка в пол квадратной мили не могла оставить в лесу заметной прогалины.

Получив приказ от Жоама Гарраля, управляющий со своими рабочими начал с того, что очистил почву от лиан, древовидных растений, трав и зарослей кустарника. Прежде чем браться за пилу и топор, рабочие вооружались резаками — орудием, необходимым для всякого, кто хочет проникнуть в амазонские леса: это широкие, слегка изогнутые клинки длиной в два-три фута, крепко насаженные на рукоятку, которыми местные жители владеют с исключительной ловкостью. С помощью таких резаков рабочие за несколько часов вырубили подлесок, расчистили землю и проложили широкие просеки в густой чаще.

Так всегда начиналась работа: лесорубы с фермы подготавливали себе почву. Потом со старых деревьев, увитых лианами, заросших папоротником, кактусами, бромелиями и мхом, сорвали их покров и обнажили кору.

Но вскоре и ее должны были ободрать со стволов, как кожу с живого тела.

Затем весь отряд лесорубов, гоня перед собой бесчисленные стаи обезьян, которым рабочие почти не уступали в ловкости, вскарабкался на вершины деревьев и принялся опиливать могучие ветви, пока не очистил стволы до самой верхушки. Скоро в обреченном лесу остались лишь высокие голые столбы, а спиленные ветви пошли на местные нужды; вместе со свежим воздухом сюда ворвались потоки света, и солнце проникло до влажной земли, которую оно, быть может, еще никогда не ласкало.

Каждое дерево в этом строевом лесу было пригодно для крупных плотничных или столярных работ. словно колонны из слоновой кости с коричневыми обручами вздымались восковые пальмы высотой в сто двадцать футов, а толщиной в четыре у основания, дающие прочное, негниющее дерево; рядом с ними—деревья мары, дающие ценный строевой материал; барригуды, стволы которых начинают утолщаться в нескольких футах над землей и достигают четырех метров в обхвате,—они покрыты блестящей рыжеватой корой с серыми бугорками, а тонкие верхушки их переходят в широкий, плоский зонтик; высокие бомбаксы, с гладкими, белыми, необычайно стройными стволами. Рядом с этими великолепными представителями амазонской флоры падали на землю куатибы,—их розовые вершины возвышаются куполами над всеми соседними деревьями, а плоды напоминают маленькие вазочки, где плотными рядами уложены каштаны; древесина у них светло-лилового цвета и требуется специально для постройки судов. Потом разные сорта железного дерева, особенно ибириратея, с почти черной древесиной, такой прочной, что индейцы делают из нее свои боевые топорики; жакаранда — еще более ценная, чем красное дерево; цезальпина, которую можно найти только в глубине старых лесов, куда еще не проникла рука дровосека; сапукайя, высотой до ста пятидесяти футов, которой служат подпорками собственные побеги, вырастающие из ее корней в трех метрах от подножия; на высоте тридцати футов они обвиваются вокруг ствола, образуя арки и превращая его в витую колонну с вершиной в виде ветвистого букета, расцвеченного растениями-паразитами в желтый, пурпурный и белоснежный цвета.

Через три недели после начала работ на лесистом мысу между Амазонкой и ее притоком Наней не осталось ни одного дерева. Все было вырублено начисто. Жоам Гарраль не велел оставлять даже молодую поросль, которая через двадцать — тридцать лет могла снова стать таким же лесом. Лесорубы не пощадили ни одного деревца, не оставили даже вех, чтобы наметить границы будущей вырубki. Все было снесено «под гребенку». Сейчас деревья спилили под корень, а придет время, выкорчуют и пни, которые будущая весна снова покроет зелеными побегам.

Эта квадратная миля земли, с двух сторон омываемая водами великой реки и ее притока, предназначалась для другого: она должна быть вспахана, обработана, засажена, засеяна, а на следующий год всходы маниока, кофе, иньяма, сахарного тростника, кукурузы, арахиса покроют почву, еще недавно затененную густым тропическим лесом.

Не прошла и третья неделя мая, как все деревья были уже отобраны по сортам и по степени их плавучести и симметрично разложены на берегу Амазонки. Здесь и должен был строиться исполинский плот — жангада, которая с множеством построек для слуг и экипажа превратится в настоящую плавучую деревню. Потом настанет час, когда река, вздувшаяся от весеннего паводка, поднимет этот плот и унесет вдаль за сотни миль, к побережью Атлантического океана.

Все это время Жоам Гарраль был целиком поглощен работами. Он сам руководил всем: сначала на месте вырубки, потом на краю фазенды возле реки, где на широком песчаном берегу были разложены составные части плота.

Якита же вместе с Сибелой готовилась к отъезду, хотя старая негритянка никак не могла понять, зачем уезжать оттуда, где всем так хорошо.

— Но ты увидишь много такого, чего ты никогда не видела, — твердила ей Якита.

— А будет ли оно лучше того, что мы привыкли видеть? — неизменно отвечала Сибела.

Ну, а Минья и ее наперсница Лина больше думали о том, что касалось их самих. Для них дело шло не о простом путешествии: они навсегда уезжали из дому, им надо было предусмотреть тысячу мелочей, связанных

с устройством в новой стране, где юная мулатка собиралась по-прежнему жить возле той, к которой она так привязалась. У Миньи было тяжело на сердце, но хохотушку Лину ничуть не огорчала разлука с Икитосом. С Миньей Вальдес она проживет нисколько не хуже, чем с Миньей Гарраль. Отучить Лину смеяться можно было бы, только разлучив ее с хозяйкой, но об этом никто не помышлял.

Бенито по мере сил помогал отцу во всех работах. Таким образом он учился управлять фазендой, владельцем которой, вероятно, станет со временем, а спускаясь вниз по реке, будет приобретать навыки в коммерции.

А Манозэль делил свое время между домом, где Якита с дочерью не теряли даром ни минуты, и местом вырубки, куда Бенито тащил своего друга чаще, чем тому бы хотелось. Впрочем, Манозэль делил свое время очень неравномерно, и это вполне понятно.

7. В СЛЕД ЗА ЛИАНОЙ

Наступило воскресенье, 26 мая, и молодежь решила немного отдохнуть и развлечься. Погода стояла прекрасная, воздух освежал легкий ветерок с Кордильер, смягчавший жару. Все манило из дому на прогулку.

Бенито и Манозэль пригласили Минью пойти с ними в большой лес, раскинувшийся на правом берегу Амазонки, напротив фазенды. Они сказали, что хотят попрощаться с чудесными окрестностями Икитоса.

Молодые люди решили захватить с собой ружья, но обещали не покидать своих спутниц и не гоняться за дичью — в этом можно было положиться на Манозэля, — а девушки, ибо Лиана не могла расстаться со своей хозяйкой, просто пойдут с ними погулять, ведь их не испугает расстояние в два-три лье.

Жоаму и Яките было некогда гулять с ними. Во-первых, план жангады был еще не закончен, а с постройкой плота нельзя было запаздывать; а во-вторых, Якита и Сибела, хотя им и помогала вся женская прислуга фазенды, не хотели терять даром ни часа.

Минья с радостью приняла приглашение. Итак, после завтрака, часов в одиннадцать, двое молодых людей и две девушки отправились на берег к тому мысу, где сли-

вались две реки. Их сопровождал негр-слуга. Все уселись в одну из лодок «уба», перевозивших людей с фермы, и, проплыв между островами Икитос и Парианта, пристали к правому берегу Амазонки.

Лодка причалила к естественной беседке из великолепных древовидных папоротников, увенчанных на высоте тридцати футов словно ореолом из мелких, покрытых зеленым бархатом веточек с тончайшим кружевом резных листочков.

— А теперь, Манозэль,— сказала Минья,— я покажу вам этот лес. Ведь вы чужестранец в верховьях Амазонки! А мы здесь дома. Позвольте же мне выполнить обязанности хозяйки.

— Дорогая,— ответил молодой человек,— вы будете такой же хозяйкой у нас в Белене, как и у себя на фазенде в Икитосе. Там, как и здесь...

— Послушай-ка, Манозэль, и ты, сестрица!—воскликнул Бенито.— Надеюсь, вы пришли сюда не за тем, чтобы любезничать. Забудьте хоть ненадолго, что вы жених и невеста!

— Ни на час, ни на минуту! — возразил Манозэль.

— А если Минья тебе прикажет?

— Не прикажет.

— Как знать! — засмеялась Лина.

— Лина права,— сказала Минья, протягивая руку Манозэлю.— Постараемся забыть. Давайте забудем! Этого требует мой брат. Мы порываем все связи. На время этой прогулки мы больше не жених и невеста. Я не сестра Бенито, а вы не его друг!

— Еще что! — вскричал Бенито.

— Браво, браво! Мы все незнакомы между собой! — подхватила Лина, хлопая в ладоши.

— Мы все чужие и встречаемся в первый раз,— продолжала Минья,— мы здороваемся, знакомимся...

— Сударыня,— проговорил Манозэль, низко кланяясь девушке.

— С кем я имею честь говорить, сударь? — спросила Минья с полной серьезностью.

— С Манозелем Вальдесом, который будет счастлив, если ваш брат соизволит представить его...

— Ох, к черту все эти проклятые церемонии! — закричал Бенито.— Бросьте эту дурацкую затею! Будьте уж

лучше помолвлены, друзья мои. Будьте помолвлены сколько угодно! Хоть навсегда!

— Да, навсегда! — отозвалась Минья.

Ответ ее прозвучал так непосредственно, что Лина рассмеялась еще громче.

Манозель поблагодарил девушку нежным взглядом за это невольно вырвавшееся слово.

— Если мы наконец пойдем, мы будем меньше болтать! Ну, в путь! — крикнул Бенито, чтобы выручить смущенную сестру.

Но Минья не спешила.

— погоди, Бенито, — сказала она. — Ты видел, я готова была послушаться тебя. Ты хотел заставить нас с Манозелем забыть, кто мы, чтобы мы не портили тебе прогулку. А теперь ты тоже исполни мою просьбу, чтобы не портить прогулки и мне. Хочешь или не хочешь, но обещаю мне забыть...

— Забыть?

— Да, забыть, что ты охотник, дорогой мой братец!

— Как! Ты мне запрещаешь?..

— Я запрещаю тебе стрелять во всех этих прелестных птичек — попугаев, кассиков, куруку, — которые так весело порхают по лесу. Запрещаю убивать всякую мелкую дичь, которая нам сегодня совсем не нужна. Вот если какой-нибудь ягуар или другой хищник подойдет слишком близко — тогда стреляй!

— Но... — начал Бенито.

— А то я возьму под руку Манозеля, и мы убежим, заблудимся в лесу, и тебе придется нас разыскивать.

— Ну как, тебе очень хочется, чтоб я отказался? — спросил Бенито, взглянув на Манозеля.

— Еще бы! — ответил тот.

— Так нет же! Я не откажусь! Я подчинюсь, тебе назло. Идем!

И все четверо, а за ними и негр-слуга, вошли под своды высоких деревьев, густая листва которых не позволяла солнечным лучам проникнуть до земли.

Нет места великолепней, чем эта часть правого берега Амазонки! Здесь в живописном беспорядке растет столько разнообразных деревьев, что на пространстве в четверть квадратной мили можно насчитать до ста различных пород, и каждое из них — чудо растительного

царства. К тому же всякий лесник сразу заметил бы, что здесь никогда не работал топор дровосека. Если даже пройдут века после вырубки, легко обнаружить нанесенные лесу раны. Будь заново выросшим деревьям хоть сто лет, лес все равно утратил бы свой первоначальный вид, главным образом потому, что изменились бы породы лиан и других паразитических растений. Это своеобразный признак, и местный житель тут не ошибется.

Веселая компания, болтая и смеясь, пробиралась в высокой траве, сквозь кустарники, под ветвями подлеска. Впереди шел негр, и когда заросли становились особенно густыми, расчищал путь своим резакom, разгоняя мириады пташек.

Минья недаром выступила в защиту крылатого народа, порхающего среди листвы высоких деревьев. Тут встречались самые красивые представители тропического царства пернатых. Зеленые попугаи, крикливые ары казались плодами на ветвях лесных исполинов. Многочисленные виды колибри: синегорлые, топазовые, эльфы, с длинными, раздвоенными хвостами — пестрели вокруг словно цветы, и казалось, что ветер перебрасывает их с ветки на ветку. Крапивники, с коричневой каемкой на оранжевых перьях, снежно-белые птицы-колокольчики, черные, как ворон, хохлатые кассики свистели и щелкали не умолкая, и голоса их сливались в оглушительный хор. Тукан длинным клювом долбил золотые грозди гуири. Зеленый бразильский дятел кивал узкой головкой в пурпурных крапинках. Все они пленяли глаз.

Но это крикливое племя умолкало, замирало, как только над вершинами деревьев слышался скрипучий, словно ржавый флюгер, голос светло-рыжего коршуна, прозванного «кошачья душа». Он гордо парил, распустив длинные белые перья на хвосте, но тотчас трусливо прятался, едва в небе появлялась «гарпия» — большой орел с белоснежной головой, пугало всего пернатого народа.

Минья уговаривала Манозля любоваться чудесами природы, которых он не мог увидеть в их первозданной красоте у себя, в более цивилизованных восточных провинциях. Но Манозль больше глядел на девушку, чем слушал ее. К тому же пение и крики тысяч птиц были порой так пронзительны, что заглушали ее голос. Только звонкий, как колокольчик, смех Лины мог поспорить

со всем этим пением, щебетом, свистом, воркованьем, щелканьем, чириканьем, звучащим со всех сторон.

За целый час молодежь прошла не больше мили. Отступая от берега, деревья меняли свой облик. Теперь жизнь животных приходилось наблюдать не на земле, а в шестидесяти или восьмидесяти футах над землей, где стайки обезьян гонялись друг за другом между ветвями. То тут, то там солнечный луч, пробившись сквозь листву, освещал подлесок. Как видно, в этих тропических лесах солнечный свет не так уж необходим для роста растений. Как будто и для деревьев и для кустарников достаточно одного воздуха, а все необходимое им тепло они получают не из окружающей их атмосферы, а черпают прямо из почвы, где оно накапливается как в громадном калорифере.

А внизу, в зарослях бромелий, серпантинных, орхидей, кактусов, образующих миниатюрный лес у подножия большого, сколько невиданных насекомых, которые хочется сорвать, так похожи они на живые цветы! Тут и несторы с синими крыльями из переливчатого муара; и бабочки «лейлюс» с золотым отливом и зелеными полосками; и пяденицы длиной в десять дюймов, у них как будто вместо крыльев листочки; и пчелы «марибунда» — точь-в-точь живые изумруды в золотой оправе; целые легионы жуков и светляков с бронзовым щитком и зелеными надкрыльями — глаза их светятся желтоватым светом, и с наступлением ночи они мерцают в лесу разноцветными огоньками.

— Вот сколько у нас чудес! — то и дело восклицала восторженная девушка.

— Ты у себя дома, Минья, ведь ты сама это сказала, — заметил Бенито, — зачем же ты хвалишься своими богатствами?

— Смейся, смейся, — возразила Минья. — Я вправе хвалить эти прекрасные творения. Верно, Манозель? Ведь они созданы рукой божьей и принадлежат всем.

— Пусть Бенито смеется, — сказал Манозель. — Он не хочет признаться, что в душе он и сам поэт и не меньше нас любит их красотой. Но когда у него в руках ружье — прощай поэзия!

— Будь же сейчас поэтом, брат! — попросила девушка.

— Ладно, буду поэтом! — проговорил Бенито. — О, волшебная природа!.. И так далее и тому подобное...

Однако надо сознаться, что, запретив брату стрелять, Минья потребовала от него большой жертвы. В лесу было полно дичи, и Бенито не раз пожалел, что не может воспользоваться ружьем для меткого выстрела.

И правда, в менее густых зарослях, на открывавшихся кое-где прогалинах нередко появлялись крупные страусы-нанду, ростом в четыре-пять футов. Их сопровождали сериемы — лесные индюки, мясо которых еще вкуснее мяса крупных страусов, за которыми они следуют.

— Вот чего я лишаюсь из-за моего злосчастного обещания! — вскричал Бенито, который только-только приложился, чтобы выстрелить, но по знаку сестры опустил ружье.

— Надо щадить серием, — заметил Манозель, — они неустойчивые истребители змей.

— Тогда надо щадить и змей, потому что они пожирают вредных насекомых; и насекомых, потому что они уничтожают еще более вредных тлей! Если так, надо щадить всех и вся!

Но вскоре молодой охотник подвергся еще более тяжкому испытанию. Теперь лес так и кишел дичью. То тут, то там появлялись небольшие краксы цвета кофе с молоком, пекáри — местная порода кабанов, которых очень ценят любители дичины, — агути, заменяющие в Южной Америке зайцев и кроликов, броненосцы, с чешуйчатым, словно мозаичным щитом, принадлежащие к отряду неполнозубых.

И, право же, Бенито проявил не только стойкость, но и героическую выдержку, когда перед ним промелькнул тапир из породы, называемой в Бразилии «антас». Этот толстокожий зверь, младший брат слона, теперь почти не встречается на берегах Верхней Амазонки и ее притоков, и потому так привлекает охотников, а еще больше гурманов, ибо мясо у него вкуснее говядины, в особенности толстый загривок — поистине лакомый кусочек!

Да, ружье просто жгло руки бедному юноше, но, верный своему обещанию, он больше не пытался им воспользоваться.

И все же он предупредил сестру, что если на расстоянии выстрела увидит «тамандуа» — очень забавного

большого муравьеда, подстрелить которого, как считают охотники, удастся только мастеру,— то ружье у него тогда выстрелит само.

Но, к счастью, большой муравьед не попался им на пути, так же как ягуары и кугуары, которых в Южной Америке называют «онка». Вот кого в самом деле нельзя подпускать на близкое расстояние.

— Ну что ж,— проговорил Бенито, останавливаясь.— гулять, конечно, очень приятно, но гулять без всякой цели...

— Без цели? — отозвалась его сестра.— Но ведь у нас есть цель: смотреть, любоваться, в последний раз пройти по здешним местам. Ведь такого леса мы больше нигде не увидим, и надо попрощаться с ним!

— А я придумала! — подала вдруг голос Лина.

— Разве наша сумасбродка Лина может придумать что-нибудь разумное? — покачал головой Бенито.

— Нехорошо смеяться над Линой,— возразила Минья,— когда она старается найти для нашей прогулки цель, без которой тебе скучно.

— Тем более, что моя выдумка вам понравится, я уверена!

— Что же ты придумала? — спросила Минья.

— Видите эту лиану? — И девушка указала на лиану из породы «сипо», обвиняющую ствол громадной мимозы, у которой легкие, как перышки, листочки свертываются от малейшего шума.

— Ну и что? — спросил Бенито.

— Я предлагаю всем идти вдоль этой лианы, пока мы не найдем ее конец.

— Хорошая идея! Так у нас и впрямь будет цель! — подхватил Бенито.— Пойдем за лианой, какие бы ни встретились препятствия: заросли, чащи, скалы, ручьи, потоки. Нас ничто не остановит, мы пойдем за ней, не смотря ни на что...

— А ведь ты был прав, Бенито,— засмеялась Минья.— Лина и впрямь у нас сумасбродка!

— Понятно,— ответил ей брат,— ты называешь так Лину, чтоб не назвать сумасбродом меня за то, что я ее одобряю.

— Ну что ж, будем сумасбродами, если вам хочется,— согласилась Минья.— Идем вслед за лианой!

— А вы не боитесь...— начал было Манозель.

— Снова возражения! — закричал Бенито. — Ах, Манозль, ты бы не спорил, а сразу помчался вперед, если б у конца лианы тебя ждала Минья!

— Молчу, молчу, — ответил Манозль. — Не говорю ни слова и повинуюсь! Следуем за лианой.

И они отправились, веселые, как дети в дни каникул.

Эта ползучая плеть могла завести их очень далеко, если бы они упорно следовали за ней до конца, как за нитью Ариадны¹, с той разницей, что нить наследницы Миноса помогала выбраться из лабиринта, а лиана заводила в него всё глубже. То была лиана, известная под названием «красная жапиканга», длина которой достигает порой нескольких лье. Но в конце концов они могли и отступить от своей затеи — она ведь не была делом чести.

Лиана перекидывалась с дерева на дерево, то обвиваясь вокруг стволов, то свисая фестонами с ветвей. Тут она протягивалась от бомбакса к палисандровому дереву, там от берталесии к пальме «баккаба», ветви которой Агассис² так метко сравнивал с длинными коралловыми палками, усеянными зелеными точками. Затем лиана тянулась среди тукумов, с такими же причудливо изогнутыми стволами, как у столетних олив; среди фикусов, которых насчитывается в Бразилии не менее сорока разновидностей — все они относятся к семейству тутовых и дают нам каучук; среди «гуальт» — красивых пальм с гладким стройным стволом, какаовых деревьев, дикорастущих в лесу на берегах Амазонки и ее притоков, разнообразных меластом, украшенных розовыми цветами или кистями беловатых ягод.

Сколько было остановок, сколько крику, когда веселая компания думала, что потеряла путеводную нить! Приходилось снова ее отыскивать, освобождать, распутывая клубок растений-паразитов.

— Вот, вот она! — кричала Лина. — Я ее вижу!

— Ошибаешься, — отвечала Минья, — это лиана другой породы.

¹ Ариадна — дочь Миноса, легендарного царя Древнего Крита, которая, согласно греческому мифу, дав Тезею клубок ниток, помогла ему выбраться из лабиринта.

² Агассис, Луи (1807—1873) — швейцарский естествоиспытатель.

— Нет, нет, Лина права,— говорил Бенито.

— Нет, Лина ошибается,— возражал Манозль.

И начинался спор, очень серьезный, очень обоснованный, в котором ни одна из сторон не желала уступать.

Тогда негр взбирался на одно дерево, Бенито на другое, они карабкались на ветви, обвитые лианой, чтобы точно определить, куда она тянется.

Однако им нелегко было разобраться в этой путанице переплетающихся растений, между которыми петляла лиана, прячась среди бромелий «карата» с острыми шипами, орхидей величиной с ладонь, с розовыми лепестками и фиолетовым пестиком, и тонких онсидий, запутанных, как клубок шерсти, попавшей в лапы котенку.

А потом, когда лиана вновь спускалась на землю, как трудно было отыскать ее под покровом плаунов, геликоний с большими листьями, каллиандр с розовыми хохолками, рипсалий, которые обвивали ее, как изоляционная лента электрический провод, среди кустов больших белых ипомей, под мясистыми стеблями ванили, в зарослях страстоцвета, дикого винограда и всевозможных ползучих растений!

Но зато какой радостный вопль раздавался, когда молодежь вновь находила лиану, и с каким пылом все продолжали прерванный поход!

Так пробирались они не меньше часа, но пока ничто не предвещало близость желанной цели. Порой они сильно встряхивали лиану, но она не поддавалась, и только сотни птиц разлетались в разные стороны, а обезьяны прыгали с дерева на дерево, словно указывая им путь.

Если дорогу им преграждала густая чаща, тогда резак прорубал узкий проход и все устремлялись туда. Если же перед ними вставала высокая, заросшая зеленая скала, по которой лиана извивалась как змея, они карабкались вверх и преодолевали это препятствие.

Наконец перед ними открылась широкая прогалина. На ней одиноко стояло большое банановое дерево, овеваемое свежим воздухом, который ему так же необходим, как и солнечный свет; этот тропический великан, по словам Гумбольдта, «служил человеку еще на заре культуры» и был главным кормильцем жителей жарких стран. Длинная плеть лианы свисала фестонами с высоких ветвей и, пересекая прогалину, снова скрывалась в чаще.

— Может, мы наконец остановимся? — спросил Манозль.

— Нет, ни за что! — закричал Бенито. — Не останавлимся, пока не дойдем до конца лианы!

— Однако нам придется скоро повернуть назад, — заметила Минья.

— О, пожалуйста, пройдем еще хоть немного! — взмолилась Лина.

— Дальше, дальше! — твердил Бенито.

И наши сумасброды снова углубились в лес, который стал пореже и позволял им идти немного быстрее.

К тому же лиана повернула на север, как будто хотела вернуться к реке, что было бы им на руку. Значит, можно следовать за ней и, выйдя на правый берег, подняться к переправе.

Через четверть часа все спустились в овраг и остановились перед небольшим притоком Амазонки. Но через этот ручей был перекинут мостик из лиан и сплетенных ветвей, а их лиана, раздвоившись, образовала над ним как бы перила, тянувшиеся на другой берег.

Бенито, шедший все время впереди, уже ступил на этот зыбкий живой мосток.

Манозль попытался удержать Минью.

— Останьтесь, не ходите, Минья! — сказал он. — Пусть Бенито идет дальше, если ему хочется, а мы подождем его здесь.

— Нет, идемте, идемте вперед! Прошу вас, идемте! — закричала Лина. — Не бойтесь! Лиана уже становится тоньше! Мы скоро найдем ее конец!

И, не раздумывая, Лина смело пошла за Бенито.

— Они просто дети, — сказала Минья. — Пойдемте, милый Манозль, надо идти за ними.

И, перейдя мосток, который раскачивался под ними, как качели, они снова вошли под своды высоких деревьев.

Но не прошли они и десяти минут, следуя за нескончаемой лианой, как вдруг все сразу остановилось, и на этот раз не без причины.

— Ну как, дошли мы до конца лианы? — спросила Минья.

— Нет, — ответил Бенито, — но теперь мы должны идти очень осторожно. Видите?

И Бенито указал на лиану, скрывавшуюся в ветвях высокого фикуса. Она сильно вздрагивала, словно от каких-то толчков.

— Кто ее там дергает? — спросил Манозэль.

— Быть может, какой-нибудь зверь, к которому следует приближаться с опаской.

И Бенито, взведя курок, подал знак, чтоб за ним не ходили, и сделал шагов десять вперед. Манозэль, две девушки и негр остались на месте. Вдруг Бенито вскрикнул и бросился к дереву. Все кинулись за ним.

Какое неожиданное и жуткое зрелище!

На конце тонкой, как веревка, лианы, завязанной петлей, болтался повешенный человек и дергал ее в последних конвульсиях.

Бенито бросился к несчастному и одним взмахом охотничьего ножа перерезал лиану. Повешенный свалился на землю. Манозэль тотчас склонился над ним, чтобы оказать ему помощь и вернуть к жизни, если еще не поздно.

— Бедняжка! — прошептала Минья.

— Господин Манозэль, господин Манозэль, он еще дышит! — закричала Лина. — Сердце бьется!.. Его надо спасти!..

— Это правда, ей-богу! — отозвался Манозэль. — Но еще немного, и все было бы кончено.

Спасенный был белый, на вид лет тридцати, бедно одетый, очень истощенный и, по-видимому, переживший тяжелые испытания.

У ног его лежала брошенная на землю пустая тыквенная фляга и бильбоке¹ из пальмового дерева, у которого вместо шарика болталась на шнурке черепаший головка.

— Повесился... Повесился... — твердила Лина. — Такой молодой! Что могло его до этого довести?

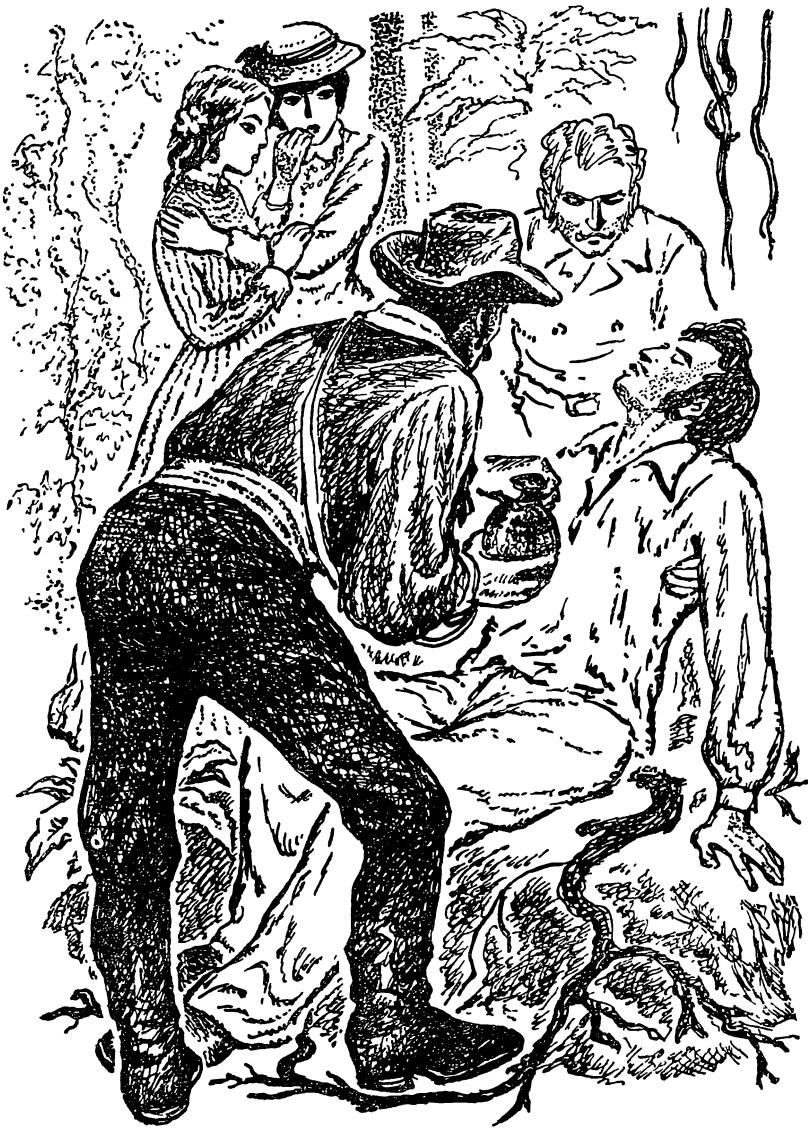
Но Манозэль вскоре привел беднягу в чувство. Он открыл глаза и охнул так неожиданно и громко, что испуганная Лина невольно вскрикнула ему в ответ.

— Кто вы, друг мой? — спросил его Бенито.

— Бывший угнетенник, как я полагаю...

— А ваше имя?

¹ Бильбоке — игрушка, состоящая из шарика и деревянной чашечки на стержне, в которую ловят шарик, подбрасывая его. Иногда вместо чашечки на стержне оставляют острый штырь, на который и ловят шарик.

Повешенный свалился на землю. Манозель тотчас склонился над ним, чтобы оказать ему помощь...

— Постойте минутку, дайте вспомнить...— И он провел рукой по лбу.— Ага! Меня зовут Фрагозо, к вашим услугам! Если буду в состоянии, могу вас постричь, побрить и причесать по всем правилам моего искусства. Я — цирюльник, или, лучше сказать, самый несчастный Фигаро на свете!

— А почему вы вздумали...

— Что поделаешь, сударь! — ответил, улыбаясь, Фрагозо.— Минута отчаяния, о которой я, наверно, пожалел бы, если можно о чем-нибудь жалеть на том свете! Но мне оставалось шагать еще восемьсот лье, а у меня ни гроша в кармане — есть отчего приуныть! Я совсем раскис — вот в чем дело!

У этого Фрагозо было добродушное и приятное лицо. Он понемногу приходил в себя, и становилось ясно, что от природы у него веселый нрав. Он был бродячим цирюльником из тех, что ходят по берегам Верхней Амазонки из деревни в деревню и занимаются своим ремеслом, обслуживая негров и негритянок, индейцев и индианок, которые очень ценят их услуги.

Но бедный Фигаро, одинокий, несчастный, не евший двое суток, заблудился в лесу и в минуту отчаяния потерял голову... Остальное мы уже знаем.

— А сейчас, друг мой, — сказал Бенито, — пойдемте с нами на фазенду в Икитос.

— С превеликой радостью! — ответил Фрагозо.— Вы вынули меня из петли — теперь я ваш! Пожалуй, для вас было бы лучше меня не трогать.

— Видите, как хорошо, что мы продолжали прогулку! — сказала Лина, обращаясь к Минье.

— Еще бы! — откликнулась Минья.

— Что ни говорите, — заметил Бенито, — а я никогда бы не подумал, что на конце нашей лианы мы найдем человека!

— Тем более беднягу цирюльника, который вздумал повеситься! — подхватил Фрагозо.

Он уже совсем пришел в себя, и молодые люди рассказали ему, как они его нашли. Он горячо поблагодарил Лину за ее удачную выдумку следовать за лианой, и все отправились домой на фазенду, где Фрагозо встретил такой радушный прием, что у него не было уже ни нужды, ни желания повторять свой печальный опыт.

8. ЖАНГАДА

Пол квадратной мили леса была вырублена. Теперь взялись за дело плотники, чтобы сколотить из лежавших на берегу многовековых деревьев громадный плот.

Легкая работа, нечего сказать! Под надзором Жоама Гарраля индейцы — работники фазенды — должны были показать свое удивительное искусство. За что бы они ни брались — за постройку дома или судна, индейцы были непревзойденными мастерами. Орудия только топором да пилой, они обрабатывали такое твердое дерево, что инструменты и те зазубривались, ведь плотникам приходилось обтесывать бревна, превращать громадные стволы в брусья и балки, распиливать их на доски — и все это без механической пилы, лишь собственными умелыми и терпеливыми руками, обладавшими врожденной ловкостью.

Стволы поваленных деревьев не сразу сбрасывали в реку. Жоам Гарраль действовал иным способом. Всю эту грудку стволов симметрично раскладывали на широком плоском берегу, на котором был сделан пологий спуск к мысу, где сливаются Наней с Амазонкой. Здесь и должна была строиться жангада; здесь Амазонка в нужную минуту сама подхватит ее, спустит на воду и понесет к месту назначения.

Теперь скажем несколько слов о географическом положении этого единственного в своем роде громадного потока и о странном явлении, очевидцами которого были прибрежные жители.

Две великие реки, которые по длине могут поспорить с бразильской водной артерией, Нил и Миссури-Миссисипи, текут: первая — с юга на север, через Африканский континент, а вторая — с севера на юг, через Северную Америку. Таким образом они пересекают территории, лежащие на разных широтах и, следовательно, в различных климатических поясах.

Амазонка же, напротив, начиная с того места на границе Эквадора и Перу, где она решительно поворачивает к востоку, вся целиком протекает между четвертой и второй южными параллелями. Поэтому ее громадный бассейн на всем своем протяжении находится в одинаковых климатических условиях.

В результате здесь как будто всего два времени года, ибо периоды дождей следуют с перерывом в шесть месяцев. На севере Бразилии период дождей начинается с сентября, а на юге — с марта. Поэтому правые и левые притоки Амазонки вздуваются в разное время, с промежутком в полгода. Вот почему половодье в Амазонке достигает своего высшего уровня в июне и постепенно спадает до октября.

Все это Жоам Гарралль знал по опыту и решил воспользоваться паводком, чтобы спустить жангаду на воду, когда без помех построит ее на берегу реки. Уровень воды в Амазонке колеблется и может подниматься выше среднего на сорок футов и опускаться ниже на тридцать футов. Такой размах давал Гарраллю полную возможность действовать.

Постройку начали немедленно. На берегу бревна были разложены по величине, причем принимали во внимание и их плавучесть. В самом деле, среди стволов с крепкой и тяжелой древесиной находились и такие, удельный вес которых был почти равен удельному весу воды.

Первый ряд бревен нельзя было класть слишком плотно, между ними оставляли небольшие зазоры, а затем их скрепляли поперечными брусьями, которые обеспечивали прочность всего сооружения. Брусья связывали канатом из пиассавы, таким же крепким, как и пеньковый. Этот канат делается из волокон особого вида пальмы, очень распространенной на берегах реки, и широко применяется во всей стране. Пиассавы не тонет, не впитывает воду, а изготовление ее очень дешево, вот почему она считается ценным материалом и уже стала предметом торговли со Старым Светом.

На двойной ряд бревен и балок настелили толстые доски, которые должны были служить полом жангады и поднимались на тридцать дюймов над водой. Леса тут пошло на весьма значительную сумму, и это не мудрено, если учесть, что плот имел тысячу футов в длину и шестьдесят в ширину, то есть составлял площадь в шестьдесят тысяч квадратных футов. И правда, можно было сказать, что по Амазонке поплывет целый лес.

Все строительные работы велись под бдительным надзором Жоама Гарралля. Но когда они были закончены, следовало решить, как разместиться на плоту, и к обсуж-

дению этого вопроса были привлечены все, даже наш друг Фрагозо.

Но сначала скажем несколько слов о том, какое положение он занял на фазенде.

С того дня, когда цирюльника приютила гостеприимная семья фермера, он был счастлив, как никогда. Жоам Гарраль предложил Фрагозо отвести его в провинцию Пара, куда тот направлялся, «когда лиана схватила его за глотку и пригвоздила на месте», по выражению Фрагозо. Он с благодарностью принял предложение Гарраля и с тех пор изо всех сил старался быть полезен всюду, где только мог. К тому же он оказался очень сообразительным и, как говорится, мастером на все руки — брался за любое дело, и все у него спорилось. Жизнерадостный, как и Лина, он вечно пел, балагурил, за словом в карман не лез, и скоро его все полюбили.

Но он считал себя больше всего обязанным юной мулатке.

— Как вы здорово придумали играть в лиану-выручалку! — постоянно твердил он. — Прямо скажу — замечательная игра! Хотя, конечно, не каждый раз находишь на конце лианы висящего беднягу цирюльника!

— Это случайность, господин Фрагозо, — смеялась Лина. — Право же, вы мне ничем не обязаны.

— Как — ничем?! Я вам обязан жизнью и хотел бы продлить ее еще на сто лет, чтобы моя благодарность длилась подольше! Понимаете, вешаться совсем не в моем характере! Если я и попытался, то только по необходимости. Я все обдумал: лучше уж повеситься, чем помереть с голоду, да еще, не успев окончательно помереть, достаться на съедение диким зверям. Так что эта лиана связала меня с вами, и, что ни говорите...

Обычно беседа продолжалась в таком же шутливом тоне. Но в душе Фрагозо был и вправду горячо благодарен юной мулатке, виновнице его спасения, а Лина не оставалась равнодушной к пылким речам славного молодого человека, такого же бесхитростного, прямого и приветливого, как и она сама. По поводу их дружбы Бенито, старая Сибела и другие уже делали шутливые намеки.

Но пора вернуться к жангаде. Итак, после обсуждения все решили обставить ее как можно удобнее и уют-

ней, ведь путешествие должно продлиться несколько месяцев.

Семья Гарралей состояла из родителей, дочери и сына, Манозля и двух служанок, Сибелы и Лины,— все они должны были занимать отдельный домик. Кроме них, на жангаде следовало разместить сорок индейцев, сорок негров, Фрагозо и лоцмана, которому предстояло управлять жангадой.

Такого многочисленного экипажа едва хватало, чтобы обслуживать плот. В самом деле, жангаде предстояло плыть по извилистому руслу реки, среди сотен островов и островков, преграждавших течение. Амазонка будет двигать жангаду, но отнюдь не управлять ее движением. Вот почему необходимы эти сто шестьдесят рук — им придется орудовать длинными баграми, чтобы удерживать громадный плот посередине реки, на равном расстоянии от берегов.

Прежде всего занялись постройкой дома для хозяина на корме жангады. В нем сделали пять комнат и большую столовую. Одна комната предназначалась для Жоама Гаррала с женой, вторая — для Лины и Сибелы, неподалеку от их хозяйек, третья — для Бенито и Манозля; Минья тоже получила отдельную комнату, и далеко не худшую.

Это главное строение на плоту было старательно сколочено из плотно пригнанных досок, пропитанных горячей смолой, что делало их совершенно водонепроницаемыми. В фасаде и боковых стенках прорезали окна, и дом стал светлым и веселым. Входная дверь спереди вела в общую комнату. Легкая веранда на бамбуковых подпорках защищала переднюю часть дома от прямых лучей солнца. Весь дом был выкрашен светлой охрой, отражавшей, а не поглощавшей солнечные лучи, что обеспечивало прохладную температуру в комнатах.

Когда постройка дома, сделанного по плану Жоама Гаррала, была почти закончена, Минья попросила отца: — Отец, теперь благодаря твоим заботам у нас есть стены и крыша над головой, позволь же устроить всё в доме по нашему вкусу! Внешний вид принадлежит тебе, а внутреннее убранство — нам. Нам с матушкой хочется, чтобы казалось, будто наш дом переехал с фазенды на плот, и ты бы не чувствовал, что покинул Икитос.

— Устраивай все, как тебе хочется, Минья,— ответил Жоам Гарраль с печальной улыбкой, которая порой мелькала на его губах.

— Это будет чудесно!

— Я полагаюсь на твой вкус, моя девочка.

— И наш дом сделает нам честь, отец! Так и должно быть, ведь мы поедem в прекрасную страну, нашу родину, куда ты снова вернешься после стольких лет отсутствия.

— Да, Минья, конечно! — ответил Жоам Гарраль.— Как будто мы возвращаемся из изгнания... из добровольного изгнания. Постарайся же устроиться получше, дочка! Я во всем полагаюсь на тебя.

Так молодой девушке и Лине, к которым охотно присоединились Манозель и Фрагозо, было поручено заняться внутренним убранством дома. Обладая некоторым воображением и художественным вкусом, они могли вполне успешно справиться с этой задачей.

Сначала в комнатах разместили самую красивую мебель с фазенды. Ее решили отослать потом обратно из Белена с каким-нибудь попутным судном. Для плавучего дома были со вкусом подобраны столы, бамбуковые кресла, тростниковые кушетки, этажерки резной работы — словом, все те легкие и веселые вещи, которыми обставляют жилища в тропических странах. Сразу чувствовалось, что работу молодых людей направляла женская рука. И не подумайте, что стены жилища остались голыми! Нет, их покрыли штофом, радовавшим глаз. Только штоф этот был не матерчатый, а из коры ценных деревьев и спадал широкими складками, как будто стены задрапировали дорогими и мягкими обойными тканями — парчой или шелком,— какими теперь принято отделывать квартиры. На полу были брошены пестрые шкуры ягуаров или пушистые обезьяньи меха, в которых тонула нога. На окнах висели легкие занавески из желтоватого шелка «сумаума». А тюфяки, валики и подушки на кроватях, затянутых пологом от москитов, были набиты свежим и мягким волокном, которое дает растущий в верховьях Амазонки бомбакс.

Повсюду на этажерках и полочках стояли хорошенькие безделушки, привезенные из Рио-де-Жанейро или из Белена, особенно дорогие для Миньи, так как их подарил

ей Манозэль. Что может больше радовать глаз, чем эти милые пустяки, дар дружеской руки, которые так много говорят нам, хотя и без слов!

Через несколько дней убранство комнат было завершено, и всякий, войдя в дом, решил бы, что очутился на фазенде! Никто не пожелал бы себе лучшего постоянного жилища — под купой красивых деревьев, на берегу весело журчащего ручья. Теперь, когда они поплывут вниз по великой реке, их дом не нарушит красоты живописных берегов, между которыми пройдет жангада. Тем более, что снаружи постройка была не менее привлекательна, чем внутри.

Надо сказать, что, украшая свое жилище, молодые люди соперничали, стараясь проявить изобретательность и вкус. Дом был буквально весь увит зеленью, от основания до конька на крыше.

Целые заросли орхидей, бромелий, всевозможных ползучих растений в полном цвету были посажены в глиняные кадки, скрытые под густым зеленым покровом. Ствол мимозы или фикуса, растущих в девственном лесу, не мог бы быть украшен более роскошным тропическим убором! Сколько причудливо извивающихся стеблей, сколько красных вьюнов, золотистых лоз с разноцветными гроздьями, сколько ползучих растений оплетали стены, обвивали столбы, подпиравшие крышу, и стлались по карнизам! Чтобы добыть их, стоило только зайти в окружавшие фазенду леса. Громадная лиана поддерживала все эти растения-паразиты. Она несколько раз обвивала дом, цепляясь за все углы и выступы, раздвигалась, извивалась, «кустилась», пускала во все стороны причудливые побеги и окончательно скрывала постройку, которую как будто спрятали в гигантский цветущий куст.

Конец лианы заглядывал в окно юной мулатки, и мы без труда угадаем, от кого исходил этот трогательный знак внимания. Казалось, чья-то длинная рука сквозь щель в ставне подает ей букет всегда свежих цветов.

Словом, все выглядело прелестно. Нечего и говорить, что Якита, ее дочь и Лина были очень довольны.

— Если вам захочется, мы можем посадить на жангаде и деревья, — сказал Бенито.

— Как — деревья? — удивилась Минья.

— А почему бы и нет? — заметил Манозэль. — Если

перенести их на этот прочный настил вместе с землей, я уверен, они хорошо приживутся, тем более что им нечего бояться перемены климата, ведь Амазонка все время течет по одной параллели.

— К тому же,— продолжал Бенито,— разве река не уносит каждый день зеленые островки, оторванные течением от островов и берегов? Они плывут со своими деревьями, рощицами, кустами, камнями, лужайками вниз по реке и, пройдя восемьсот лье, теряются в Атлантическом океане. Почему бы нам не превратить нашу жангду в такой плавающий сад?

— Вам хочется иметь целый лес, мадемуазель Лина? — спросил Фрагозо, который считал, что нет ничего невозможного.

— Да, целый лес! — воскликнула Лина. — Лес с птицами, обезьянами...

— Змеями, ягуарами... — подхватил Бенито.

— Индейцами, кочевниками! — добавил Манозль.

— И даже людоедами!

— Куда же вы, Фрагозо? — окликнула его Минья, видя, что прыткий цирюльник собирается выскочить на берег.

— За лесом! — ответил Фрагозо.

— Не надо, друг мой, — улыбнулась Минья. — Манозль подарил мне букет, и с меня довольно! Правда, — добавила она, показывая на дом, утопающий в цветах, — он спрятал наше жилище в свадебном букете!

9. ВЕЧЕР 5 ИЮНЯ

Пока строился хозяйский дом, Жоам Гарраль занимался также устройством служб — кухни и кладовых, где должны были храниться всевозможные запасы провизии.

Главное место занимал большой запас корней дерева вышиной от пяти до шести футов, которое дает маниок, основной продукт питания жителей тропической полосы. Корни его, напоминающие длинный черный редис, растут клубнями, как картофель. Они содержат в себе очень вредный сок, который следует выжимать под прессом. Только после этого корни сушатся и размалываются

либо в муку, употребляемую для разных блюд, либо в крупу тапиоку, в зависимости от вкуса местных жителей.

Поэтому на жангаде был целый склад этого полезного продукта, который служил для всеобщего питания.

Что касается запасов мяса, то, помимо стада баранов, помещенных в специальном хлеву на носу жангады, было еще взято большое количество окороков местного изготовления, так называемых «пресунто», прекрасного качества; однако все рассчитывали также и на ружья молодых людей и индейцев — хороших охотников, которым на островах и в прибрежных лесах Амазонки попадется немало дичи, а уж они-то не промахнутся!

К тому же и сама река должна была обильно снабжать путешественников пищей: креветки — такие крупные, что их можно назвать раками; рыба «тамбагу», лучшая во всем бассейне Амазонки, вкус у нее еще тоньше, чем у лосося, с которой ее нередко сравнивают; красноперая пирауку величиной с осетра — в соленом виде ее продают по всей Бразилии; кандирус — ловить ее опасно, но она очень вкусна; пиранья, или рыба-черт, длиной в тридцать дюймов, с широкими красными полосами; большие и маленькие черепахи, которые там водятся тысячами и составляют значительную часть питания местных жителей, — все эти дары реки должны были разнообразить стол и хозяев и слуг.

Итак, каждый день при первой возможности путешественники будут заниматься охотой и рыбной ловлей.

Что касается питья, то был сделан добрый запас из всех лучших напитков, производимых в стране.

На плоту имелся особый погреб, он делал честь Бенито, который был главным распорядителем по этой части. Там стояло несколько сот бутылок хереса, сетюбала и портвейна. И сверх того молодой виночерпий припас несколько громадных оплетенных бутылей, полных превосходной тафии, или сахарной водки.

Табак тоже не был забыт, но не грубые сорта, которыми довольствуются жители бассейна Амазонки. Он был получен прямо из Вилла-Белла да Императрис, стало быть, из той области, где собирают самый ценный табак во всей Центральной Америке.

Итак, на корме жангады установили главный дом со всеми службами: кухней, кладовыми, погребями — все

это должно было служить членам семьи Гарраль и их слугам.

В центральной части плота построили жилища для индейцев и негров. Они могли жить там в таких же условиях, как и на фазенде в Икитосе, и работать под постоянным надзором лоцмана.

Но чтобы разместить весь этот народ, пришлось поставить немало жилищ, что придавало жангаде вид плавучей деревни. И в самом деле, плот был застроен и заселен гуще, чем многие поселки Верхней Амазонки.

Для индейцев Жоам Гарраль соорудил шалаши, или, вернее, навесы, у которых легкие подпорки поддерживали крыши из листьев. Воздух свободно гулял между этими подпорками и раскачивал висевшие под навесами гамаки. Здесь индейцы, среди которых имелось три-четыре семьи с женами и детьми, должны были жить не хуже, чем на суше.

Негры также получили на жангаде привычные для них «ажупы», которые отличались от индейских шалашей тем, что были плотно закрыты со всех сторон и только в одной стене оставалось отверстие для входа.

Индейцам, привыкшим жить на вольном воздухе и пользоваться полной свободой, жизнь в четырех стенах показалась бы заточением, а негры предпочитали свои хижины.

Наконец, на носу находились настоящие склады для товаров, которые Жоам Гарраль вез в Белен наряду с лесом. Там, под надзором Бенито, ценный груз был размещен в обширных кладовых так же тщательно, как в трюме корабля.

Самую важную часть этого груза составляли семь тысяч аробов¹ каучука, ибо фунт каучука стоил в ту пору три-четыре франка. На жангаду погрузили также пятьдесят центнеров сальсапареля — растения, которое представляет важную отрасль экспортной торговли во всем бассейне Амазонки и все реже встречается на берегах реки, так как местные жители во время сбора не заботятся о сохранении молодых побегов. Затем бобы, известные в Бразилии под названием «кумару», из которых жмут несколько сортов масла; сассафрас, из которого делают

¹ А р о б — мера веса, равная примерно 12—13 кг.

целебный бальзам для лечения ран; тюки красящих растений, ящики с разными смолами и, наконец, изрядное количество ценного дерева дополняло этот груз, продать который в провинции Пара можно было быстро и выгодно.

Быть может, читатель удивится, что число негров и индейцев ограничивалось лишь теми, кто был нужен для управления жангадой. Не лучше ли было бы взять с собой побольше людей на случай возможного нападения враждебных племен с берегов Амазонки?

Но это было излишне. Туземцев Центральной Америки опасаться нечего, давно прошло то время, когда приходилось принимать серьезные меры предосторожности против таких нападений. На берегах реки живут лишь мирные племена. Значит, нечего было ожидать какого-либо нападения. Подобная опасность не грозила нашим путешественникам.

Чтобы закончить описание жангады, остается только упомянуть две или три постройки совсем другого типа, которые придавали ей очень живописный вид.

На носу возвышалась будка лоцмана. Именно на носу, а не на корме, где обыкновенно помещается рулевой. Дело в том, что при таких условиях плавания руль не нужен. Плот был так велик, что даже длинные весла в сотне сильных рук не могли бы изменить его направление. Жангадой управляли с помощью длинных шестов или багров, которыми упирались в дно и таким образом удерживали ее в фарватере или выправляли ее курс, когда она от него отклонялась. Таким же способом ее подводили к пристани или к берегу, когда по каким-либо соображениям хотели остановиться. Три-четыре «убы» и две пироги со всей оснасткой, взятые на жангаду, позволяли без труда держать связь с берегом. Следовательно, роль лоцмана сводилась к тому, что он наблюдал за фарватером реки, за изменчивым течением, за водоворотами, которых надо было избегать, и высматривал удобные для стоянки бухты, для чего ему и надлежало быть на носу.

Если лоцман руководил всей материальной частью этой плавучей махины, то ее духовным руководителем должен был стать другой человек — отец Пассанья, глага икитосской миссии.

Такая религиозная семья, как Гаррали, конечно, с радостью воспользовалась возможностью увезти с собой старого священника, которого все уважали.

Отец Пассанья, семидесятилетний старик, был человек почтенный, верный заветам евангелия, сострадательный и добрый; в этих странах, где далеко не все служители церкви подают пример добродетели, он был ярким образцом благородного миссионера, из тех, кто так много сделал для внедрения культуры в самых диких уголках земли.

Вот уже пятьдесят лет отец Пассанья жил в Икитосе и был главой тамошней миссии. Он пользовался всеобщей и заслуженной любовью. В семье Гарралей его очень уважали. Это он обвенчал когда-то дочь Магальянса с его молодым помощником, нашедшим приют на фазенде. При нем родились дети Гарралей, он их крестил, учил и теперь надеялся благословить их брак.

Почтенный возраст отца Пассаньи уже не позволял ему выполнять все его многочисленные обязанности. Пришло время уйти на покой. Недавно в Икитосе его заменил миссионер помоложе, и он решил вернуться в провинцию Пара, чтобы окончить свои дни в одном из монастырей, предназначенных для престарелых служителей божьих.

Мог ли он ожидать более счастливого случая спуститься вниз по реке, чем с семьей, которая стала для него почти родной? Ему предложили принять участие в этом путешествии, и он согласился, радуясь, что по прибытии в Белен сам обвенчает молодую пару: Минью и Манозля.

Разумеется, во время путешествия отец Пассанья обедал за общим столом, и для его удобства Жоам Гарраль решил построить ему отдельное жилище, а Якита с дочерью приложили все старания, чтобы сделать это жилище как можно удобнее. Конечно, добрый старый священник никогда не был так хорошо устроен в своей скромной хижине при церкви.

Однако отцу Пассанье одной комнаты было недостаточно, ему хотелось иметь и часовню.

И вот на самой середине жангады воздвигли часовенку, а над ней возвышалась небольшая колокольня.

Правда, часовня была тесновата и не могла вместить всех пассажиров жангады, но зато ее богато украсили.

И если Жоам Гарраль обрел на плоту свое прежнее жилище, то отцу Пассанье тоже не приходилось жалеть о своей бедной церковке в Икитосе.

Таково было чудесное сооружение, которому предстояло спуститься по течению Амазонки. Оно оставалось на берегу, ожидая, когда река сама поднимет его. А по подсчетам и наблюдениям за подъемом воды это должно было произойти очень скоро.

Все было готово к 5 июня.

Прибывший накануне лоцман, человек лет пятидесяти, прекрасно знал свое ремесло, но любил выпить. Однако, несмотря ни на что, Жоам Гарраль высоко ценил его и не раз посылал с плотами в Белен, в чем никогда не раскаивался.

К тому же следует добавить, что Араужо — так звали лоцмана — становился особенно зорким, пропустив стаканчик-другой крепкой тафии — водки из сахарного тростника, от которой у него «светлело в глазах». Поэтому он никогда не пускался в плавание, не захватив с собой бутылки с этим напитком, и не забывал к ней прикладываться.

Вот уже несколько дней вода в реке заметно прибывала. Каждую минуту уровень реки все повышался, и за двое суток до того, как он достиг высшей точки, река вздулась и залила берег перед фазендой; однако она была еще не в силах поднять плот.

Хотя всем было ясно, что вода неуклонно прибывает и вскоре достигнет нужного уровня, участники путешествия с некоторым волнением ждали решающего часа. И не мудрено: ведь если по какой-либо необъяснимой причине вода в Амазонке не поднимется достаточно высоко, чтобы сдвинуть с места жангаду, вся их громадная работа пропадет даром. После половодья вода обычно спадает очень быстро, значит, тогда им придется ждать подходящих условий еще несколько месяцев.

Итак, вечером 5 июня будущие пассажиры жангады собрались на площадке, возвышавшейся футов на сто над низким берегом, и с вполне понятной тревогой ждали, когда наступит знаменательный час.

Сюда пришли Якита, Минья, Манозль Вальдес, отец Пассанья, Бенито, Лина, Фрагозо, Сибела и несколько индейцев и негров — работников фазенды.

Фрагозо не стоялось на месте — он ходил взад и вперед, спускался с откоса, снова взбирался на площадку, делал отметки на вехах и кричал «ура», когда поднимающаяся вода покрывала их.

— Он поплывет, поплывет, наш плот! — кричал он. — И отвезет нас всех в Белен! Пусть даже разверзнутся хляби небесные, лишь бы Амазонка разлилась!

Жоам Гарраль остался на жангаде вместе с лоцманом и многочисленной командой. Он должен был всем распоряжаться в решительную минуту. Жангада была привязана к берегу крепкими канатами, и течение не могло унести ее, когда она всплывет на воду.

На берегу собралось человек двести индейцев из окрестностей Икитоса, не считая жителей деревни, — всем хотелось поглядеть на это интересное зрелище. Вздвигавшаяся толпа смотрела молча, почти не переговариваясь.

К пяти часам пополудни уровень воды поднялся больше чем на фут против вчерашнего, и низкий берег скрылся под водяным покровом.

Вдруг все громадное деревянное сооружение дрогнуло, но ему не хватало еще нескольких дюймов воды, чтобы оторваться от речного дна и всплыть.

В течение часа толчки становились все сильнее. Доски трещали со всех сторон. Вода делала свое дело, понемногу отрывая бревна от песчаной отмели.

В половине седьмого раздались восторженные крики. Жангада наконец всплыла, и течение повлекло ее на середину реки; но канаты крепко держали махину, она спокойно остановилась у берега, и отец Пассанья благословил ее, как благословил бы перед отплытием морское судно, судьба которого отныне в руках божьих.

10. ОТ ИКИТОСА ДО ПЕВАСА

Назавтра, 6 июня, Жоам Гарраль и его близкие простились с управляющим и со всеми рабочими, индейцами и неграми, остававшимися на фазенде. В шесть часов утра на жангаду поднялись все ее пассажиры, правильнее было бы сказать — ее жители, и каждый вошел в свою каюту, или, вернее, в свой дом.

Час отплытия наступил. Лоцман Араужо стал на носу, команда, вооружившись длинными баграми, заняла свои места.

Жоам Гарраль вместе с Бенито и Манозлем следил за всеми маневрами, пока плот не отчалил.

По команде лоцмана канаты обрубил, багры уперлись в берег, отталкивая жангаду, и течение тотчас подхватило ее; она поплыла вдоль левого берега, оставив справа острова Икитос и Парианту.

Итак, путешествие началось. Где-то оно кончится? В провинции Пара, в Белене, за восемьсот лье от этой перуанской деревеньки, если ничто не изменит намеченного маршрута. И чем оно кончится? Пока это оставалось тайной.

Погода стояла чудесная. Легкий «памперо» смягчал солнечный жар. «Памперо» — летний ветер, дующий в июне и июле с Кордильер; он возникает за несколько сот лье и проносится над всей необъятной равниной Сакраменто. Если бы на жангаде подняли паруса, она сразу почувствовала бы его силу и движение ее заметно ускорилось бы; но, принимая во внимание извилистое русло реки и крутые повороты, опасные при большом разгоне, пришлось отказаться от этого двигателя.

В таком плоском бассейне, как бассейн Амазонки, который можно по праву назвать бескрайней равниной, русло реки имеет лишь едва заметный уклон. Расчеты показали, что от истока великой реки до Табатинги у бразильской границы уровень воды на каждое лье понижается лишь на один дециметр. Ни одна река в мире не имеет такого незначительного уклона.

Из этого следует, что скорость течения Амазонки при среднем уровне воды достигает не более двух лье в сутки, а порой, в периоды засухи, и того меньше. Однако в половодье скорость течения увеличивается до тридцати и даже до сорока километров.

К счастью, жангаде предстояло плыть именно в таких условиях, но она была слишком тяжела, чтобы двигаться с той же скоростью, что и течение, и отставала от него. Если учесть задержки из-за крутых поворотов реки, из-за необходимости огибать многочисленные острова, из-за мелей, которые следовало обходить, и добавить еще остановки в темные ночи, когда плыть небезопасно, то не-

чего было надеяться делать больше двадцати пяти километров в сутки.

К тому же поверхность реки в эту пору отнюдь нельзя назвать гладкой. Большие, еще зеленые деревья, обломки ветвей, глыбы земли, поросшие травой, постоянно отрывающейся от берегов, образуют целую флотилию, которая несется по течению и затрудняет быстрое движение по реке.

Вскоре жангада миновала устье Наней, и оно скрылось за выступом левого берега, покрытого ковром из опаленных солнцем, порыжевших злаков, которые как бы образовали теплый передний план в картине с уходящими за горизонт зелеными лесами.

Жангада скоро вышла на быстрину и понеслась по течению между живописными островами, которых от Икитоса до Пукальпы насчитывается не меньше дюжины.

Араужо, не забывавший просветлять себе зрение и память, прикладываясь к упомянутой бутылке, очень ловко маневрировал среди этого архипелага. По его команде с каждой стороны плота одновременно поднимались пятьдесят багров и размеренным движением опускались в воду. За ними было интересно наблюдать.

Тем временем Якита с помощью Лины и Сибелы наводила в доме порядок, а кухарка-индианка готовила завтрак. Минья и оба юноши прогуливались по плоту с отцом Пассаньей, и девушка порой останавливалась, чтобы полить из лейки цветы, посаженные перед домом.

— Скажите, отец Пассанья, — спросил Бенито, — знаете ли вы более приятный способ путешествия?

— Нет, милый сын мой. Право, можно сказать, что мы путешествуем, не выходя из дома.

— И ничуть не устаем! — добавил Манозль. — Так можно проехать и сотни миль!

— Надеюсь, вы не пожалеете, что отправились в путешествие с нами! — сказала Минья. — Вам не кажется, что мы забрались на остров, а он оторвался от дна и со своими лужайками и деревьями спокойно поплыл по течению? Только...

— Только?.. — спросил отец Пассанья.

— Остров этот мы сделали сами, своими руками, он принадлежит нам, и нравится мне больше всех островов на Амазонке! И я имею право им гордиться!

— Да, дочь моя,— ответил отец Пассанья.— Я прощаю тебе твою гордость! К тому же я не позволил бы себе бранить тебя при Манозле.

— Что вы, пожалуйста! — весело отозвалась девушка.— Надо научить Манозля бранить меня, когда я того заслуживаю. Он слишком снисходителен к моей скромной особе, а у меня немало недостатков!

— Тогда, милая Минья,— проговорил Манозль,— я воспользуюсь вашим позволением и напому вам...

— О чем же?

— Что вы очень усердно занимались в библиотеке фазенды и обещали просветить меня и рассказать все, что знаете о Верхней Амазонке. Мы в Пара очень мало знаем о ваших краях, а теперь жангада миновала уже несколько островов, а вы и не подумали сказать мне, как они называются!

— А кто же их знает? — воскликнула Минья.

— Да, кто их знает? — повторил Бенито.— Кто может запомнить сотни названий, данных им на наречии тупи? В них слишком трудно разобраться! А вот американцы более практичны, острова на Миссисипи они просто перенумеровали...

— Как они нумеруют улицы в своих городах,— заметил Манозль.— Откровенно говоря, мне не очень нравится эта цифровая система. Остров шестьдесят четвертый или остров шестьдесят пятый ничего не говорит нашему воображению, как и шестая улица, угол третьей авеню. Вы согласны со мной, Минья?

— Да, Манозль, наперекор моему братцу,— ответила девушка.— Но хоть мы и не знаем, как называются острова на нашей великой реке, они все же очень красивы! Посмотрите, как они хороши под тенью громадных пальм с низко склонившейся листвой! Их окружает колыцом густой тростник, сквозь который едва проскользнет даже узкая дорожка. А толстые корни высоких мангров, причудливо изгибаясь, выступают над берегом, словно лапы чудовищных крабов! Да, эти острова прекрасны, слов нет, но они неподвижны, не то что наш!

— Наша Минья сегодня в восторженном настроении,— заметил отец Пассанья.

— Ах, отец, я так счастлива, когда вижу, что все счастливы вокруг!

Тут послышался голос Якиты, звавшей Минью в дом, и девушка убежала, улыбаясь.

— У вас будет прелестная подруга, Манозэль! — сказал отец Пассанья. — С вами улетит самая большая радость этой семьи, друг мой!

— Милая моя сестренка! — воскликнул Бенито. — Отец Пассанья прав, нам будет очень недоставать ее. А может быть, ты раздумаешь жениться, Манозэль? Еще не поздно! И она останется с нами.

— Она и так останется с вами, Бенито, — ответил Манозэль. — Поверь мне, я предчувствую, что будущее нас всех соединит...

Первый день прошел отлично. Завтрак, обед, отдых, прогулки — все шло так, будто Жоам Гарраль с семьей по-прежнему жили в уютной икитосской фазенде.

За первые сутки жангада благополучно прошла мимо устья рек Бакали, Чочио, Пукальпа — на левом берегу Амазонки, Итиникари, Манити, Мойок и Туйука — на правом, а также мимо одноименных островов. Ночью ярко сияла луна, что позволило не делать остановки, и длинный плот спокойно скользил по глади великой реки.

Назавтра, 7 июня, жангада проплыла мимо деревни Пукальпа, которую называют также Новым Ораном. Старый Оран, расположенный на пятнадцать километров ниже по течению, на том же берегу, теперь заброшен, и его жители, индейцы племени майоруна и орехона, переселились в Новый Оран. Трудно найти более живописный уголок, чем это селение на высоком, словно разрисованном красным карандашом берегу, с недостроенной церковкой, с крытыми соломой хижинами под тенью высоких пальм и несколькими «убами», наполовину вытасченными из воды.

Весь день 7 июня жангада шла вдоль левого берега реки и проплыла мимо нескольких небольших и неизвестных притоков. Была минута, когда плот чуть не зацепился за далеко выступающий мыс острова Синикуро, но лощману с его умелой командой удалось благополучно избежать опасности и выйти на середину реки.

Утром 8 июня путешественники проплыли мимо острова Манго, который разделяет приток Напо на два рукава, прежде чем он вольется в Амазонку.

Через несколько часов на невысоком берегу показались купы стройных деревьев, окружавших деревню Белла-Виста с крытыми соломой хижинами; невысокие бананы склоняли над ними свои широкие листья, похожие на струи воды, текущие из переполненной чаши.

Потом лоцман, следуя новому курсу, направил плот к правому берегу реки, к которому он раньше не приближался. Маневр этот был довольно труден, но лоцман успешно справился с ним, после того как несколько раз приложился к заветной бутылке.

Это позволило пассажирам поглядеть мимоходом на темные воды многочисленных лагун, которые тянутся вдоль всего течения Амазонки и часто даже не сообщаются с ней. В небольшую лагуну Оран, однако, вода вливалась через широкий пролив; посреди ее водной глади виднелась живописная группа островов побольше и два-три совсем маленьких островка, а на дальнем берегу Бенито указал место, где прежде находился Старый Оран, от которого остались лишь едва заметные следы.

Следующие два дня, в зависимости от причуд течения, жангада плыла то вдоль правого, то вдоль левого берега, ни разу ни за что не зацепившись своим деревянным каркасом.

Пассажиры ее уже вполне освоились с новой жизнью. Жоам Гарраль предоставил сыну вести все коммерческие дела, связанные с этим путешествием, а сам чаще всего проводил время в своей комнате, где размышлял и писал. Он никому не говорил, что он пишет, даже Яките, между тем труд его все разрастался, превращаясь в целое исследование.

Бенито зорко следил за всем, толковал с лоцманом и проверял правильность взятого курса. Якита с дочерью и Манозлем почти всегда держались вместе и либо обсуждали планы на будущее, либо прогуливались, как бывало, в парке фазенды. Право, жизнь у них нисколько не изменилась. И даже Бенито не упускал случая поохотиться. Если порой ему не хватало лесов Икитоса с их хищниками, агути, пекари, зато у берегов целыми стаями летали птицы и, случалось, даже садились прямо на жангаду. Когда они годились в пищу, Бенито стрелял, и тут уж Минья не возражала, ибо эту дичь подавали к столу пассажирам; но когда появлялись серые и желтые

цапли или розовые и белые ибисы, которых так много водится на берегах реки, он щадил их ради сестры. Только одной птице из породы поганок¹, хотя она и несъедобна, молодой человек не давал пощады: птице «кайарара», которая одинаково ловко плавает, ныряет и летает; голос у нее пренеприятный, но зато она имеет очень ценный пух, которым торгуют на всех рынках в бассейне Амазонки.

Наконец, миновав деревню Омагуа и устье Амбиаку, жангада к вечеру 11 июня пришла в Певас и причалила к берегу.

До наступления темноты оставалось еще несколько часов, и Бенито, взяв с собой расторопного Фрагозо, вышел на берег и отправился поохотиться в чаще, неподалеку от селения. Один агутти и один кабиэ², не считая дюжины куропаток, пополнили запасы путешественников после этой удачной вылазки.

С восходом солнца жангада снова двинулась в путь и вошла в небольшой архипелаг, образуемый между островами Ятио и Кошкинас, оставив справа деревеньку того же названия. Проплывая между островами, путешественники разглядели на правом берегу несколько безымянных притоков.

Один раз там ненадолго показалась кучка туземцев с бритыми головами, татуировкой на щеках и на лбу, с круглыми металлическими пластинками в ноздрях и в нижней губе. Они были вооружены стрелами и сарбаками³, но не пустили их в ход и даже не попытались войти в сношения с жангадой.

II. ОТ ПЕВАСА ДО ГРАНИЦЫ

Прошло несколько дней, плавание продолжалось без всяких происшествий. Ночи стояли такие ясные, что длинный плот скользит по течению, нигде не причаливая. Казалось, живописные речные берега по обе стороны сами двигаются назад, как уходящие за кулисы театраль-

¹ Поганка — разновидность утки-нырка.

² Кабиэ — травоядное животное, грызун из самых крупных (1 м длины), водится у рек в Южной Америке.

³ Сарбакан — духовое ружье.

ные декорации. Глаз не мог противиться этому обману зрения, и всем чудилось, будто жангада стоит неподвижно между двумя уплывающими берегами.

Пока плот шел без остановок, Бенито, конечно, не мог охотиться на берегу, но тогда охоту вполне успешно заменяла рыбная ловля.

В реке водилось множество превосходной рыбы: «пако», «суруби», «гамитана», очень нежные на вкус; большие скаты «дуридари», с розовым брюхом и черной спиной, покрытой ядовитыми шипами; ловили тут и уйму мелких «кандиру», из породы сомовых, — они бывают микроскопически малы и густо облепляют ноги неосторожного купальщика, заплывшего в их стаю.

Воды Амазонки богаты и многими водяными животными, которые порой часами следовали за плотом. Среди них встречались гигантские пираруку длиной в десять — двенадцать футов, покрытые панцирем из широких чешуек с алой каймой, мясо которых ценят только туземцы. Поэтому путешественники их не ловили, так же как и грациозных речных дельфинов, сотни которых резвились вокруг жангады и порой даже били хвостом по бревнам; выскакивая то спереди, то позади нее, взметая фонтаны воды, они оживляли водную гладь, переливаясь на солнце, а солнечные лучи, преломляясь в брызгах, сверкали всеми цветами радуги.

16 июня жангада, приближаясь то к одному, то к другому берегу, благополучно миновала ряд мелей и прошла мимо большого острова Сан-Пабло, а вечером следующего дня остановилась у деревни Мороморос, на левом берегу Амазонки.

Сутки спустя она проплыла мимо устьев Атакоари и Коча, затем мимо «фуоро», то есть канала, соединяющего реку с озером Кабелло-Коча на правом берегу, и вошла в гавань у миссии Коча.

Во главе миссии Коча стоял в ту пору францисканский монах, который посетил отца Пассанью. Жоам Гарраль очень радушно встретил гостя и пригласил его отобедать на жангаде.

В этот день как раз был обед, делавший честь индианке-поварихе.

Традиционный бульон, приправленный душистыми травами; лепешки, которые в Бразилии часто заменяют

хлеб и делаются из маниоковой муки, пропитанной мясным соком и протертыми томатами; дичь с рисом под острым соусом из уксуса и «малагета»; овощное блюдо с перцем; холодный пирог, посыпанный корицей,— вот обед, который мог соблазнить бедного монаха, вынужденного сидеть на скудной монастырской пище. Все уговаривали его остаться. Якита вместе с дочерью прилагала все усилия, чтобы его удержать. Но францисканец должен был вечером навестить больного индейца в Коча. Он поблагодарил гостеприимных хозяев и ушел, унося с собой подарки, которые должны были прийтись по вкусу новообращенным членам миссии.

Два дня у лощмана Араужо было очень много хлопот. Русло реки мало-помалу расширялось, но островов появлялось все больше, и течение, стесненное этими препятствиями, становилось все быстрее. Пришлось принимать большие предосторожности, чтобы пройти между островами Кабелло-Коча, Тарапот, Какао, и делать много остановок, высвобождая жангаду, которая не раз чуть не садилась на мель. В таких случаях вся команда дружно бралась за дело. После довольно беспокойного плаванья, к вечеру 20 июня, вдали показалась Нуэстра Синьора-де-Лорето.

Лорето был последним перуанским городом на левом берегу реки, перед бразильской границей. В настоящее время это просто небольшая деревня с двумя десятками домов, расположенных на холмистом берегу, глинистые склоны которого как будто окрашены охрой.

В Лорето живет несколько перуанских солдат и дватри португальских купца, торгующих хлопчатобумажными тканями, соленой рыбой и сальсапарелью.

Бенито высадился на берег, чтобы купить несколько тюков сальсапарели, имеющей всегда большой спрос на рынках Амазонки.

Жоам Гарраль, по-прежнему поглощенный работой, занимавшей все его время, не сошел с жангады. Якита и Минья тоже остались на борту, в обществе Манозэля. Дело в том, что Лорето славится москитами, которые отпугивают всех приезжих, не желающих пожертвовать толику своей крови для насыщения этих двукрылых кровососов.

Манозэль только что рассказал собравшимся кое-что

об этих насекомых, и никому не захотелось подвергаться их укусам.

— Говорят,— добавил Манозэль,— все десять пород москитов, которые отравляют берега Амазонки, устраивают слеты в Лорето. И я готов этому поверить, не проверяя на своей шкуре. Здесь, милая Минья, у вас будет богатейший выбор: москит серый, мохнатый, белоногий, карликовый, трубач, флейтист, жгучий нос, арлекин, большой негр, рыжий лесовик. Впрочем, выбирать будете не вы: они сами изберут вас своей жертвой, и вы вернетесь сюда неузнаваемой! Поистине эти злобные двукрылые охраняют бразильскую границу лучше, чем бедняги солдаты — несчастные заморыши, которых мы видим на берегу.

— Но если в природе все имеет назначение,— спросила девушка,— то для чего нужны москиты?

— Для счастья энтомологов,— ответил Манозэль.— Ей-богу, мне очень трудно найти лучшее объяснение!

Манозэль сказал о москитах истинную правду. И когда Бенито, окончив закупки, вернулся на жангаду, лицо и руки у него были покрыты тысячью красных волдырей, не говоря уж о том, что клещи, несмотря на кожаные сапоги, впились ему в ноги.

— Прочь, прочь отсюда, не медля ни минуты! — закричал Бенито.— Иначе полчища этих проклятых москитов налетят на жангаду, и жить в ней станет невозможно!

— И мы привезем их в провинцию Пара,— добавил Манозэль,— а там и своих предостаточно!

Итак, не задерживаясь на ночь у этих берегов, жангада отчалила и снова поплыла по течению.

От Лорето Амазонка слегка поворачивает на юго-восток и течет между островами Арава, Куяри, Урукутео. Жангада поплыла по темным водам Кажару, сливающимся со светлыми струями Амазонки. Вечером 23 июня, пройдя этот левый приток реки, она уже спокойно скользила вдоль большого острова Жахума.

Ясный закат на безоблачном небосводе предвещал дивную тропическую ночь, каких не знают в умеренном климате. Легкий ветерок освежал воздух. На небо скоро должна была взойти луна и заменить своим светом сумерки,— их не бывает на этих широтах. А пока, в тем-

ноте, звезды сияли необычайно ярко. Огромная равнина бассейна реки, казалось, уходит в безбрежную даль, словно море, и над ней, на высоте двести тысяч миллиардов лье, сверкал на севере единственный алмаз Полярной звезды, а на юге — четыре бриллианта Южного Креста.

На левом берегу острова Жахума выступали черные силуэты полуосвещенных деревьев. Их можно было узнать лишь по общим очертаниям. Вот стройные, как колонны, стволы копаюсов, с раскинувшимися, словно зонтики, вершинами; вот купы сандисов, из которых добывают густой и сладкий молочный сок, пьянящий, как вино; вот несколько винных деревьев высотой в восемнадцать футов, с трепещущей от малейшего ветерка листвой. Воистину можно сказать: «Какая прекрасная поэма эти амазонские леса!» И добавить: «Какой величественный гимн эти тропические ночи!»

Слышались последние вечерние песни лесных птиц: бентивисов, которые подвешивают свои гнезда на прибрежном камыше; местных куропаток «ниамбу», песенку которых, состоящую из четырех нот, повторяют многие пернатые подражатели; жалобный напев «камичи»; крик зимородка, словно по сигналу отвечающего на последние выкрики собратьев; звонкие, как труба, голоса «каниндэ» и красных попугаев ара, прикорнувших в ветвях жакетибы, сложив крылья, яркие краски которых погасила спустившаяся ночь.

Команда жангады оставалась на своих местах, но отдыхала. Только лоцман стоял на носу, и его высокая фигура едва выделялась в сгустившейся темноте. Вахтенные, застывшие на борту с длинными баграми на плече, напоминали стан татарских всадников. Бразильский флаг на носу жангады неподвижно повис на древке, и у ветра не хватало силы его развернуть.

В восемь часов с колокольни маленькой часовни раздались первые три удара колокола, возвещавшие начало вечерней молитвы. Затем прозвучало еще два раза по три удара, и вскоре вечерня закончилась частым перезвоном.

Между тем семья Гарраля вышла на веранду подышать свежим воздухом после жаркого июльского дня. Так бывало всякий вечер. Жоам Гарраль обычно молчал,

прислушиваясь к разговорам, а молодежь весело болтала, пока не наступало время ложиться спать.

— Ах, как хороша наша река, наша величаявая Амазонка! — воскликнула Минья, которая не уставала восхищаться могучим водным потоком.

— И правда, несравненная река, — отозвался Манозль, — я тоже оценил ее гордую красоту. Сейчас мы плывем по ней, как в прошлом веке Орельяна и Лакондамин, и я не удивляюсь, что они оставили нам такие восторженные описания.

— И притом не очень правдоподобные, — заметил Бенито.

— Брат, — строго остановила его Минья, — не говори дурно о нашей Амазонке!

— А я и не говорю, сестренка, я хочу только напомнить, что о ней сложили немало легенд.

— Да, много, и среди них есть чудесные!

— Какие легенды? — спросил Манозль. — Должен признаться, они не дошли до Пара, во всяком случае, я их не слышал.

— Чему же тогда вас учат в беленских школах? — засмеялась Минья.

— Теперь я понимаю, что ничему! — ответил Манозль.

— Как, сударь? — спросила Минья с шутливой строгостью. — Вы не знаете старых преданий? Например, о том, что на Амазонке время от времени появляется громадный змей Миньокао и что вода в реке поднимается или убывает, смотря по тому, ныряет ли этот змей или выходит из воды, до того он велик!

— А вы сами видели когда-нибудь этого диковинного Миньокао? — спросил Манозль.

— Увы, нет! — вздохнула Лина.

— Какая досада! — сказал Фрагозо.

— Есть у нас еще Маэ д'Агуа, — продолжала Минья, — прекрасная, но страшная женщина: она завораживает взглядом и увлекает в реку неосторожных путников, вздумавших поглядеть на нее.

— О, Маэ д'Агуа в самом деле существует! — воскликнула простодушная Лина. — Говорят, она бродит по берегам реки, но стоит только к ней подойти, тотчас исчезает, как и русалки.

— Ну что ж, Лина, если ты ее увидишь, тотчас позови меня,— пошутил Бенито.

— Чтобы она вас схватила и утащила на дно? Ни за что!

— Да ведь она этому верит! — вскричала Минья.

— Что ж, многие верят и в ствол Манао,— заметил Фрагозо, всегда готовый вступить за Лину.

— Ствол Манао? — спросил Манозэль.— А это что еще за штука?

— Господин Манозэль,— ответил Фрагозо с комической важностью,— говорят, что есть, или, вернее, был когда-то, ствол турумы, который каждый год в одно и то же время спускался вниз по Риу-Негру, останавливался на несколько дней в Манаусе и отправлялся дальше в провинцию Пара, заходя по пути в каждую гавань, где туземцы благоговейно украшали его флажками. Доплыв до Белена, он останавливался, поворачивал назад, поднимался вверх по Амазонке, затем по Риу-Негру и возвращался в лес, откуда так таинственно приходил. Как-то раз его хотели вытащить на берег, но река забурлила, разлилась, и взять его не удалось. В другой раз капитан какого-то судна зацепил его багром и попытался тащить за собой на буксире. Но и на этот раз река разгневалась, оборвала канат, и ствол чудесным образом скрылся.

— А что с ним было потом? — спросила юная мулатка.

— Говорят, в последний раз он сбился с пути,— ответил Фрагозо,— и, вместо того чтобы подняться по Риу-Негру, поплыл дальше по Амазонке. С тех пор его больше не видели.

— Ах, как хотелось бы его встретить! — воскликнула Лина.

— Если мы его встретим,— сказал Бенито,— мы тебя, Лина, посадим на него; он увезет тебя в свой таинственный лес, и ты тоже сделаешься сказочной наядой.

— А почему бы и нет! — задорно ответила девушка.

— Вот сколько у вас легенд,— проговорил Манозэль,— и должен сказать, ваша река их вполне достойна. Но с ней связаны и правдивые истории, стоящие этих легенд. Я знаю одну такую быль, и если бы не боялся вас опечалить — ибо она в самом деле печальна,— я бы ее вам рассказал.

— Ох, расскажите, господин Манозэль! — вскричала Лина. — Я так люблю истории, от которых хочется плакать!

— А разве ты умеешь плакать, Лина? — спросил Бенито.

— Умею, но со смехом пополам.

— Ну, тогда рассказывай, Манозэль.

— Это история француженки, чьи несчастья прославили эти берега в восемнадцатом столетии.

— Мы вас слушаем, — сказала Минья.

— Итак, — начал Манозэль, — в 1741 году два французских ученых, Бугер и Лакондамин, были посланы в экспедицию для измерения дуги меридиана под экватором. А позже к ним прислали известного астронома, по имени Годен дез Одонэ.

Этот Годен дез Одонэ отправился в Новый Свет, но не один: он взял с собой молодую жену, детей, тестя и братьев жены.

Путешественники прибыли в Кито¹ в добром здравье. Но тут на семью дез Одонэ посыпались несчастья, и меньше чем за год они потеряли нескольких детей.

В конце 1759 года Годен дез Одонэ окончил работу, и ему пришлось переехать из Кито в Кайенну. Прибыв в этот город, он хотел вызвать к себе и свою семью, но тут началась война, и ему пришлось добиваться у португальского правительства пропуска на госпожу дез Одонэ со всеми домочадцами.

Трудно поверить, но проходили годы, а он все не мог добиться нужного разрешения.

В 1765 году Годен дез Одонэ, в отчаянии от этой задержки, решил подняться по Амазонке и взять семью из Кито. Но перед самым отъездом он внезапно заболел и не мог выполнить своего плана.

Однако в конце концов хлопоты его увенчались успехом, и португальский король дал госпоже дез Одонэ разрешение снарядить судно, чтоб спуститься по реке и соединиться с мужем. В то же время был отдан приказ, чтобы в миссиях Верхней Амазонки ее ждал конвой.

Госпожа дез Одонэ, как вы увидите дальше, была

¹ К и т о — столица Эквадора

женщина необыкновенно отважная. Она, не колеблясь, отправилась в путь через весь континент, несмотря на опасности этого путешествия.

— Таков долг верной жены, Манозэль,— сказала Яки-та,— и я поступила бы так же на ее месте.

— Госпожа дез Одонэ,— продолжал Манозэль,— отправилась в Риобамба, к югу от Кито, взяв с собой детей, брата и француза-врача. Им надо было добраться до миссии на бразильской границе, где их ожидало судно и конвой.

Сначала путешествие шло благополучно; они спускались в лодке по притокам Амазонки. Но с каждым днем затруднений и опасностей становилось все больше, к тому же в этой местности свирепствовала оспа. Разные проводники, предлагавшие им свои услуги, через несколько дней сбегали, а последний, не покинувший их, погиб в реке, бросившись спасти тонувшего французского врача.

Скоро лодка, которая билась о скалы и сталкивалась с плывущими по реке бревнами, вышла из строя. Пришлось высадиться на берег, и там, на опушке непроходимого леса, путешественники построили себе шалаши из веток. Врач вызвался пойти вперед вместе с негром-служгой, который никогда не покидал госпожу дез Одонэ. Они отправились. Их ждали много дней... но напрасно! Так они и не вернулись!

Между тем запасы провизии иссякли. Всеми покинутые, путники попытались спуститься по реке на плоту, но потерпели неудачу. Они вернулись на берег, и им пришлось двинуться в путь пешком, сквозь почти непроходимую чащу.

Бедным, измученным людям это уже было не под силу. Они умирают один за другим, несмотря на все старания стойкой француженки их спасти. Проходит несколько дней, и погибают все — дети, родные, слуги!

— Несчастная женщина! — воскликнула Лина.

— Госпожа дез Одонэ осталась совсем одна,— продолжал Манозэль,— одна, за тысячу миль от океана, до которого ей надо было добраться. Теперь несчастную мать, своими руками похоронившую детей, вела вперед не материнская любовь... ее поддерживала только привязанность к мужу.

Она шла день и ночь и наконец вышла на берег Бонаса. Здесь ее подобрали доброжелательные индейцы и вывели к миссии, где ее ждал конвой.

Но она пришла туда одна, а за ней остался путь, усеянный могилами.

Затем она попала в Лорето, где мы были несколько дней назад. Из этой перуанской деревни она спустилась по Амазонке, как мы спускаемся сейчас, и наконец встретилась с мужем после девятнадцати лет разлуки.

— Бедная женщина! — вздохнула Минья.

— Бедная мать прежде всего, — сказала Якита.

В эту минуту на корму пришел лоцман Араужо и доложил:

— Жоам Гарраль, мы подходим к Дозорному острову, где пересечем границу.

— Границу! — повторил Гарраль.

Он встал, подошел к борту жангады и долго смотрел на островок, о который разбивалось течение реки. Потом провел рукой по лбу, будто хотел прогнать какое-то воспоминание.

— Границу! — прошептал он и невольно опустил голову.

Но прошла минута, он снова выпрямился, и лицо его выражало решимость выполнить свой долг до конца.

12. ФРАГОЗО ЗА РАБОТОЙ

«Вгаза», раскаленный уголь, — слово, вошедшее в испанский язык еще в XII веке. От него произошло слово «бразиль», обозначающее дерево, из которого добывают красную краску. Отсюда и название «Бразилия», данное обширному краю в Южной Америке, через который проходит экватор и где часто встречается это дерево. С давних времен с северянами велась торговля этим деревом. Хотя в местах, где оно растет, его называют «ибирапитунга», за ним сохранилось и название «бразиль», данное потом стране, которая под лучами тропического солнца пылает, как громадный раскаленный уголь.

Первыми заняли Бразилию португальцы. В начале XVI века лоцман Альварес Кобраль присоединил ее к португальским владениям. И хотя затем Франция и Гол-

ландия тоже кое-где водворились в этой стране, она все же осталась португальской и обладает всеми качествами, какими отличается этот небольшой, но мужественный народ. Теперь она стала одним из самых крупных государств Южной Америки, и во главе ее стоит умный и талантливый король Дон Педро.

Вечером 25 июня жангада остановилась перед Табатингой, первым бразильским городом на левом берегу Амазонки, у самого устья ее притока, от которого город и получил свое название. Жоам Гарраль решил провести здесь больше суток, чтобы дать отдохнуть всему экипажу. Итак, отъезд назначили на утро 27-го.

На этот раз Якига с дочерью, которым меньше угрожала опасность стать жертвами местных москитов, выразили желание сойти на берег и познакомиться с городком.

В Табатинге насчитывалось в то время четыреста жителей, почти одних индейцев, в том числе и кочевников, которые чаще бродили по берегу Амазонки и ее притоков, чем сидели на месте.

Уже несколько лет, как пост на острове Дозорном забросили и перенесли в Табатингу, так что теперь это гарнизонный городок. Однако гарнизон его состоит всего из девяти солдат-индейцев и одного сержанта, который и считается настоящим комендантом форта.

Берег высотой в тридцать футов, с кое-как вырубленными в нем ступенями осыпающейся лестницы, образует крепостной вал перед этим крошечным фортом. Помещением для коменданта служат две хижины, поставленные под прямым углом друг к другу, а солдаты занимают длинный барак в ста шагах от него, под высоким деревом.

Группа хижин на берегу как две капли воды похожа на все селения и деревушки, разбросанные по берегам Амазонки; ее отличает только бразильское знамя на длинном шесте, поднятое над вечно пустующей будкой часового, да еще четыре бронзовые камнеметные пушечки, готовые обстрелять всякое судно, приближающееся к берегу, не соблюдая правил.

Что касается самой деревни, то она разместилась внизу, по ту сторону «крепости». Дорога, или, вернее, овражек, затененный фикусами и миртами, приводит к ней

через несколько минут. Там, на крутом растрескавшемся глинистом берегу, стоит вокруг сельской площади дюжины крытых пальмовыми листьями хижин.

Все это не очень интересно, но зато окрестности Табатинги очаровательны, особенно близ устья Жавари, которая здесь очень широка. На берегу растут прекрасные деревья, и среди них много пальм; из гибких пальмовых волокон плетут гамаки и рыболовные сети — предметы местной торговли. Это один из самых живописных уголков на Верхней Амазонке.

В недалеком будущем Табатинга должна стать довольно крупной гаванью и, наверно, начнет быстро развиваться. Тут будут останавливаться бразильские пароходы, идущие вверх по реке, и перуанские суда, спускающиеся в ее низовья. Здесь будут перегружаться товары и пересаживаться пассажиры. Для английской или американской деревни этого было бы достаточно, чтобы за несколько лет превратиться в крупный торговый центр.

На этом отрезке река очень красива. Разумеется, в Табатинге, расположенной более чем в шестистах лье от Атлантического океана, обычно не чувствуется морских приливов и отливов. Но «поророка» — громадный водяной вал сталкивается с течением реки и во время солнечного противостояния трое суток вздувает воды Амазонки и гонит их назад со скоростью семнадцати километров в час. Говорят, что в таких случаях уровень воды в реке поднимается от устья до самой бразильской границы.

На другой день, 26 июня, семья Гарраль собралась сойти на берег и осмотреть город.

Жоам, Бенито и Манозль уже бывали во многих бразильских городах, а Якита и Минья — никогда. Для них это было первое знакомство с Бразилией. Не мудрено, что они придавали ему большое значение.

С другой стороны, если Фрагозо, как бродячий цирюльник, исколесил немало провинций в Центральной Америке, то Лина, как и ее юная хозяйка, еще не ступала на бразильскую землю.

Прежде чем сойти с жангады, Фрагозо зашел к Жоаму Гарралю, и между ними произошел следующий разговор.

— Господин Гарраль, — сказал Фрагозо, — с того дня, как вы приютили меня на фазенде, одевали, кормили,

поили — словом, оказали редкое гостеприимство, я должен вам...

— Вы мне ровно ничего не должны, друг мой,— ответил Жоам Гарраль.— Так что не стоит и говорить...

— О, я не о том! — воскликнул Фрагозо.— Ведь я сейчас не в состоянии отблагодарить вас. Вдобавок ко всему вы еще взяли меня на жангаду и дали возможность спуститься вниз по реке. Но теперь мы на бразильской земле, которую мне никогда не довелось бы увидеть, кабы не та лиана...

— За это вам надо благодарить Лину, только Лину,— остановил его Жоам Гарраль.

— Да, я знаю,— ответил Фрагозо,— и никогда не забуду, чем я обязан и ей и вам...

— Можно подумать, Фрагозо, что вы пришли попроситься со мной! — заметил Гарраль.— Разве вы собираетесь остаться в Табатинге?

— Ни за что, господин Гарраль, раз уж вы позволили мне ехать с вами до Белена, где я надеюсь снова заняться своим делом.

— А коли так, о чем же вы хотите меня просить, мой друг?

— Я хотел только спросить вас, разрешите ли вы мне заниматься моим ремеслом и по дороге? У меня уже чешутся руки,— ведь этак можно и сноровку потерять! К тому же несколько горсточек рейс так приятно звенят в кармане, особенно когда их честно заработаешь! Вы знаете, господин Гарраль, что цирюльник, он же и парикмахер,— я не смею сказать: он же и лекарь, из уважения к господину Манозю,— всегда находит себе клиентов в деревнях на Верхней Амазонке.

— Особенно среди бразильцев,— заметил Жоам Гарраль,— потому что туземцы...

— Прошу прощения,— возразил Фрагозо,— особенно среди туземцев! Правда, им не приходится брить бороду, ведь природа поскупилась и лишила их этого украшения, но всегда находятся головы, которые нужно причесать по последней моде. Туземцы очень это любят — и мужчины и женщины! Стоит мне только выйти на площадь в Табатинге с бильбоке в руках,— сначала их привлекает бильбоке: я очень недурно играю,— и не пройдет десяти минут, как меня со всех сторон обступят индейцы и ин-

дианки. Они ссорятся, добиваясь моего внимания. Останься я здесь на месяц, и все племя тикунна было бы причесано моими руками. Тотчас разнесся бы слух, что Горячие Щипцы — так они меня прозвали — снова в Табатинге. Я побывал тут уже два раза, и мои ножницы и гребенка, право, творили чудеса! Но только нельзя слишком часто возвращаться на то же место. Сеньоры индианки причесываются не каждый день, как наши модницы в бразильских городах. Нет! Уж если они причешутся, так не меньше чем на год, и целый год изо всех сил стараются не повредить сооружения, которые я строю из их волос, и довольно ловко, смею вас уверить! Вот уже скоро год, как я не был в Табатинге. Наверно, я найду все свои постройки в развалинах и, если вы ничего не имеете против, господин Гарраль, мне хотелось бы еще раз доказать, что я достоин репутации, которую заслужил в этих краях. Но для меня это прежде всего вопрос денег, а не самолюбия, уверяю вас!

— Действуйте, мой друг, — сказал, улыбаясь, Жоам Гарраль, — но действуйте быстро! Мы пробудем в Табатинге только один день, а завтра на рассвете отправимся дальше.

— Я не упущу ни минуты, — ответил Фрагозо. — Только захвачу свои инструменты — и бегу!

— Ступайте! И пусть деньги сыплются на вас дождем!

— Да, это благодатный дождь, но он никогда не баловал вашего преданного слугу!

С этими словами Фрагозо убежал.

Минуту спустя вся семья, кроме Жоама Гарраля, сошла на берег. Жангада смогла пристать к нему вплотную, так что это не представляло труда. Путешественники поднялись на площадку по ступеням изрядно разрушенной лестницы, вырубленной в высоком берегу.

Якиту и ее спутников встретил комендант форта, который хоть и был весьма небогат, однако знал законы гостеприимства и пригласил их позавтракать у него в доме. По площади ходили взад-вперед солдаты гарнизона, а из дверей казармы выглядывали их жены, из племени тикунна, с довольно невзрачными ребятишками.

Поблагодарив за приглашение, Якита сама пригласила коменданта с женой позавтракать на жангаде.

Он не заставил себя долго просить, и встреча была назначена на одиннадцать часов.

А пока Якита с дочерью, служанкой и, конечно, в сопровождении Манозля отправилась погулять в окрестностях форта, оставив Бенито улаживать с комендантом дела по оплате стоянки в порту и таможенных сборов, так как сержант был одновременно и военачальником и начальником таможни.

Закончив дела, Бенито собирался, как всегда, поохотиться в окрестных лесах. Но на этот раз Манозль отказался идти с ним.

Тем временем Фрагозо уже покинул жангаду. Но, вместо того чтобы подняться на сторожевой пост, он отправился в деревню через овражек, тянувшийся справа и выходявший прямо на площадь. Он вполне разумно рассчитывал больше на местное население Табатинги, чем на солдат гарнизона. Без сомнения, жены солдат были бы рады отдать свои головы в его ловкие руки, но их мужья не собирались попусту тратить рейсы на всякие причуды своих кокетливых подруг.

У туземцев же все было иначе. Веселый цирюльник прекрасно знал, что здесь и жены и мужья окажут ему самый радушный прием.

Итак, Фрагозо поднялся по затененной густыми фикусами дороге и вышел в самый центр Табатинги.

Едва знаменитый парикмахер появился на площади, как его тотчас заметили, узнали, окружили.

У Фрагозо не было ни барабана, ни бубна, ни трубы, чтобы сзывать клиентов, не было у него и фургона с блестящими медными украшениями, яркими фонарями и зеркалами, или громадного зонта — вообще ничего такого, чем привлекают толпу на ярмарках. Нет! У Фрагозо был только бильбоке, но зато как ловко плясала в его руке эта игрушка! С каким искусством он насаживал головку черепахи, привязанную на шнурке вместо шарика, на шпенеке, торчащий из ручки! С каким изяществом он заставлял этот шарик лететь по точно рассчитанной кривой, которую, пожалуй, не могли бы вычислить даже математики, рассчитавшие знаменитую кривую, «по которой собака бежит за хозяином».

На площади собрались все местные жители: мужчины, женщины, старики и дети, в своей неприхотливой

одежде; они смотрели во все глаза и слушали развесив уши. Веселый фокусник балагурил, как всегда, и нес всякий вздор, наполовину по-португальски, наполовину по-индейски, поглядывая на всех с самым разудалым видом.

Он говорил все, что кричат балаганные зазывалы, предлагая публике свои услуги — выступает ли испанский Фигаро или французский парикмахер. У него была та же самоуверенность, то же знание человеческих слабостей, те же затасканные остроты, то же забавное фиглярство и изворотливость, а туземцы слушали с таким же изумлением, любопытством и доверчивостью, что и зеваки цивилизованного мира.

Вот почему не прошло и десяти минут, как заворонженные зрители столпились вокруг нашего Фигаро, устроившегося на площади в «ложе», то есть в лавчонке, служившей и кабаком.

Эта «ложа» принадлежала бразильцу, жителю Таба-тинги. Здесь за несколько ватемов (местная монета стоимостью в 20 рейсов или 6 сантимов) жители могли пить туземные напитки, чаще всего «ассаи». Это довольно густой ликер, изготовленный из пальмовых плодов, и пьют его из «куи», то есть из половинки выдолбленной тыквы, — такими сосудами широко пользуются в бассейне Амазонки.

Теперь мужчины и женщины спешили занять место на табуретке перед цирюльником, причем мужчины торопились не меньше, чем дамы. Ножницам Фрагозо приходилось бездействовать, ибо не могло быть и речи о том, чтобы остричь эти роскошные шапки волос, отличавшиеся тонкостью и густотой. Но зато его гребню и щипцам, которые уже накалялись на жаровне в углу, предстояла немалая работа.

А как наш мастер подзадоривал толпу!

— Глядите, глядите, друзья мои! — кричал он. — Вы увидите, как прочно будет держаться завивка, только не сомните ее, когда ляжете спать. Она продержится целый год, а ведь это самые модные прически в Белене и в Рио-де-Жанейро! Королевские фрейлины и те причесаны не лучше! И обратите внимание — я не жалею помады!

Что и говорить, помады он не жалел! Правда, он брал просто немного топленого сала и подмешивал к нему сок душистых цветов, но смесь эта застывала, как цемент!

Воистину сооружения, созданные рукой Фрагозо, можно было бы назвать волосяными дворцами, в которых сочетались все архитектурные стили. Локоны, кольца, завитки, косички, кудряшки, волны, штопоры, букли — всему находилось место. И никакой подделки: ни накладных волос, ни валиков, ни фальшивых шиньонов! Волосы у туземцев не какая-нибудь чахлая лесная поросль, истощенная частыми вырубками, это, скорее, густой лес во всей его девственной силе. Однако Фрагозо не пренебрегал и украшениями: он добавлял то несколько живых цветов, то две-три длинные рыбные кости, то кое-какие медные или костяные побрякушки, которые приносили ему местные щеголихи. Уж наверно щеголихи времен Директории¹ позавидовали бы изысканности этих причудливых причесок, уложенных в три, а то и в четыре яруса, и сам великий Леонар², пожалуй, преклонился бы перед своим заморским соперником.

Вот тут-то ватемы и рейсы — единственные деньги, на которые жители Амазонки обменивают свои товары, — потекли в карманы Фрагозо, который принимал их с явным удовольствием. Однако вскоре стало очевидно, что до наступления вечера он не успеет обслужить клиентов, которые всё прибывали. У входа в «ложу» теперь толпились не только жители Табатинги. Весть о приезде Фрагозо мгновенно облетела округу. Туземцы стекались со всех сторон: индейцы Тикуна — с левого берега; Майоруна — с правого; пришли и те, кто жил на берегах Кажуру, и те, кто поселился в деревнях на Жавари.

На площади выстроился длинный хвост нетерпеливых клиентов. Счастливы и счастливицы, побывавшие в руках у Фрагозо, гордо ходили из дома в дом, хвастаясь своей прической, но двигались с опаской, совсем как большие дети, какими они и были.

Понятно, что, когда пробило полдень, наш занятый по горло Фигаро не мог улучить минуту, чтобы сбегать позавтракать на жангаду, и ему пришлось ограничиться

¹ Директория — контрреволюционное правительство во Франции в 1795—1799 гг. в составе 5 директоров. Буржуазные модницы того времени носили вычурные прически и одежду в английском стиле и получили прозвище «щеголих».

² Леонар — знаменитый парикмахер.

стаканчиком ассай, горстью вареной тапиоки и черепашьими яйцами, которые он глотал между делом, продолжая орудовать щипцами.

Кабатчик тоже немало заработал, ведь каждая прическа обильно обмывалась напитками из погребов его «ложи». Воистину приезд знаменитого Фрагозо — штатного и сверхштатного парикмахера племен Верхней Амазонки — был для Табатинги крупным событием!

13. ТОРРЕС

В пять часов вечера Фрагозо трудился по-прежнему; он выбился из сил и боялся, как бы ему не пришлось провести здесь всю ночь, чтобы обслужить ожидающих клиентов.

В эту минуту на площадь вышел какой-то незнакомец и, увидев сборище туземцев, подошел к кабачку.

Несколько минут он внимательно и недоверчиво разглядывал Фрагозо. По-видимому, этот осмотр его удовлетворил, потому что он вошел в кабачок.

Незнакомцу было лет тридцать пять. Довольно изящный дорожный костюм подчеркивал статность его фигуры. Но густая черная борода, которой, как видно, давно не касались ножницы, и слишком длинные волосы настоятельно требовали вмешательства парикмахера.

— Здорово, приятель! — сказал он, слегка хлопнув Фрагозо по плечу.

Фрагозо обернулся, услышав эти слова, произнесенные на чистом бразильском языке, а не на смешанном местном наречии.

— Соотечественник? — спросил он, продолжая трудиться над непокорным завитком на голове индианки.

— Да, — ответил незнакомец, — соотечественник, который нуждается в ваших услугах.

— С моим удовольствием, сию минутку! — сказал Фрагозо. — Как только я обслужу эту даму.

И он закончил прическу двумя взмахами щипцов.

Хотя новоприбывший не имел права занять освободившееся место, он уселся на табуретку, что не вызвало возражений среди туземцев, вынужденных уступить ему очередь.

Фрагозо взялся за ножницы, спросив по обычаю своих собратьев:
— Что прикажете?

Фрагозо отложил щипцы и взялся за ножницы, спросив, по обычаю, своих собратьев:

— Что прикажете?

— Подстричь бороду и волосы,— ответил незнакомец.

— Слушаюсь.— И Фрагозо запустил гребень в густые волосы своего клиента.

Ножницы тотчас принялись за дело.

— Вы прибыли издалека? — заговорил Фрагозо, который не мог работать и не болтать.

— Из окрестностей Икитоса.

— Скажите, и я тоже! — воскликнул Фрагозо.— Я спустился по Амазонке от Икитоса до Табатинги. Разрешите узнать ваше имя?

— Пожалуйста,— ответил незнакомец.— Меня зовут Торрес.

Когда волосы клиента были острижены «по последней моде», Фрагозо перешел к его бороде, но, взглянув ему прямо в лицо, невольно остановился; однако он тут же снова заработал ножницами и наконец спросил:

— Послушайте, господин Торрес... ваше лицо мне знакомо! Не встречались ли мы где-нибудь с вами?

— Не думаю,— поспешно ответил Торрес.

— Стало быть, я ошибаюсь.

И Фрагозо снова углубился в работу.

Минуту спустя Торрес вернулся к разговору, прерванному вопросом Фрагозо.

— На чем вы ехали из Икитоса?

— От Икитоса до Табатинги?

— Да.

— На громадном деревянном плоту, по приглашению достойного хозяина фазенды, который плывет по Амазонке со всей своей семьей.

— Ах вот как! — откликнулся Торрес.— Вам повезло, приятель. Кабы ваш хозяин согласился взять и меня...

— А разве вы тоже собираетесь спуститься вниз по реке?

— Вот именно.

— До Пара?

— Нет, только до Манауса, там у меня дела.

— Ну что же, мой хозяин человек любезный. Я думаю, он охотно окажет вам эту услугу.

— Вы думаете?

— Могу сказать, я в этом уверен.

— А как зовут этого владельца фазенды? — небрежно спросил Торрес.

— Жоам Гарраль, — ответил Фрагозо и, отвернувшись, пробормотал про себя: — Ей-богу, я где-то видел это лицо!

Торрес был не из тех, кто прекращает разговор, который его интересует, да еще по серьезной причине.

— Значит, — продолжал он, — вы думаете, что Жоам Гарраль согласится взять меня с собой?

— Повторяю, я в этом не сомневаюсь. То, что он сделал для такого бездомного бродяги, как я, он, конечно, не откажется сделать и для вас, своего соотечественника.

— Он плывет один на своей жангаде?

— Нет, я же вам только что сказал — он плывет со всей своей семьей, и все они прекрасные люди, уверяю вас, а также с экипажем из индейцев и негров — рабочих фазенды.

— А он богат, этот Жоам Гарраль?

— Еще бы, даже очень. Строевой лес, из которого связана жангада, вместе с товарами, которые на ней везут, уже составят целое состояние.

— Значит, Жоам Гарраль только что пересек бразильскую границу вместе со всей своей семьей? — повторил Торрес.

— Ну да, — подтвердил Фрагозо, — с женой, сыном, дочерью и ее женихом.

— Так у него есть дочь?

— Да, и притом красавица.

— И она собирается замуж?

— За славного молодого человека, военного врача из Беленского гарнизона.

— Отлично! — сказал, улыбаясь, Торрес. — Значит, это почти что свадебное путешествие.

— Путешествие свадебное, увеселительное и деловое, — сказал Фрагозо. — Госпожа Якита Гарраль и ее дочь никогда не были на бразильской земле, а Жоам Гарраль первый раз пересек границу с тех пор, как поселился на ферме старого Магальянса.

— Я полагаю, что их сопровождает и кое-кто из прислуги?

— Разумеется. Старая Сибела — она пятьдесят лет

прожила на ферме, и прелестная мулатка Лина — скорее подруга, чем горничная молодой хозяйки. Ах, что за милый характер! Какое сердце, какие глаза! И обо всем имеет собственное суждение — например, о лианах...

Сев на своего конька, Фрагозо, наверно, еще долго не мог бы остановиться, изливая свои восторги по адресу Лины, если бы Торрес не встал с табуретки, чтобы дать место следующему клиенту.

— Что я вам должен? — спросил он у цирюльника.

— Ничего, — ответил Фрагозо. — Какие могут быть счета между земляками, встретившимися на границе?

— Однако я хотел бы... — возразил Торрес.

— Ладно, ладно, сосчитаемся потом, на жангаде.

— Не знаю, право, осмелюсь ли я просить Жоама Гарраля принять меня.

— Не робейте! Если хотите, я поговорю с ним, он наверное будет рад оказать вам услугу.

В эту минуту Манозель и Бенито, отправившиеся после обеда в город, зашли посмотреть, как Фрагозо справляется с работой, и показались на пороге «ложи».

Торрес обернулся и вдруг воскликнул:

— Эге, вот два молодых человека, которых я знаю или, вернее, узнаю!

— Узнаёте? — с удивлением спросил Фрагозо.

— Да, разумеется! С месяц тому назад, в лесу под Икитосом, они выручили меня из большой беды.

— Так ведь это как раз Бенито Гарраль и Манозель Вальдес!

— Да, знаю. Они называли себя, но я никак не ожидал встретиться с ними здесь.

И Торрес подошел к молодым людям, которые смотрели на него, не узнавая.

— Вы не припоминаете меня, господа? — спросил он.

— Погодите... — ответил Бенито. — Господин Торрес, если мне не изменяет память? Это у вас в икитосском лесу вышли неприятности с гуарибой?

— Вот-вот, именно у меня, — подтвердил Торрес. — Уже шесть недель, как я иду вдоль Амазонки и перешел границу в одно время с вами!

— Рад вас видеть, — сказал Бенито. — А вы не забыли, что я приглашал вас на фазенду моего отца?

— Нет, не забыл.

— Вам следовало принять мое приглашение, сударь. Вы могли бы подождать нашего отплытия, отдохнули бы после странствий и добрались бы с нами до границы. Вы избежали бы многих дней трудного пути.

— Ваша правда,— согласился Торрес.

— Наш земляк не задержится на границе,— заговорил Фрагозо.— Он направляется в Манаус.

— Ну что ж,— заметил Бенито,— если вы посетите жангаду, вы встретите радушный прием, и я уверен, что отец сочтет своим долгом предложить вам место на ней.

— Охотно приду! — ответил Торрес.— И позвольте заранее поблагодарить вас.

Манозль не принимал участия в разговоре. Он не мешал великодушному Бенито предлагать свои услуги, а сам внимательно разглядывал Торреса, внешность которого ему не нравилась. В самом деле, во взгляде этого человека не чувствовалось никакой искренности — глаза его так и бегали, как будто боялись остановиться на собеседнике. Но Манозль ничем не выдал своего впечатления, не желая повредить нуждающемуся в помощи соотечественнику.

— Господа,— сказал Торрес,— если вы согласны, я готов следовать за вами в гавань.

— Идемте! — ответил Бенито.

Четверть часа спустя Торрес был на жангаде. Бенито представил его Жоаму Гарралю, рассказал, при каких обстоятельствах произошла их первая встреча, и попросил разрешения довести Торреса на жангаде до Манауса.

— Я буду очень рад, сударь, оказать вам эту услугу,— ответил Жоам Гарраль.

— Благодарю вас,— проговорил Торрес и хотел было протянуть ему руку, но удержался как бы помимо своей воли.

— Мы отплываем завтра на рассвете,— добавил Жоам Гарраль,— и вы можете сейчас же устроиться на борту...

— О, устроиться мне недолго,— ответил Торрес.— Я налегке, у меня с собой ничего нет.

— Ну что ж, будьте как дома,— сказал Жоам Гарраль.

В тот же вечер Торрес занял комнату неподалеку от цирюльника.

А Фрагозо, только в восемь часов вернувшись на жан-

гаду, подробно рассказал юной мулатке о своих подвигах и не без гордости повторял, что его слава знаменитого цирюльника еще возросла в бассейне Верхней Амазонки.

14. ВНИЗ ПО РЕКЕ

На рассвете 27 июня концы были отданы, и жангада вновь заскользила вниз по реке.

Теперь на борту стало одним пассажиром больше. Но откуда взялся этот человек? Никто не знал. Куда он направлялся? По его словам, в Манаус. Однако Торрес тщательно скрывал все, что относилось к его прежней жизни, помалкивал о своей профессии, которую бросил всего два месяца назад, и никто не подозревал, что на жангаде нашел себе приют бывший лесной стражник. А Жоам Гарраль не хотел отравлять назойливыми расспросами услугу, оказанную им Торресу.

Приняв путника на борт, Жоам Гарраль действовал из гуманных побуждений. На безлюдных просторах Амазонки, особенно в ту пору, когда большие пароходы еще не бороздили ее воды, было очень трудно найти быстрый и надежный способ передвижения. Суда ходили нерегулярно, и путешественникам чаще всего приходилось пробираться пешком сквозь леса. Так странствовал и продолжал бы странствовать и Торрес, если бы счастливый случай не привел его на жангаду.

Теперь, когда Бенито представил Торреса отцу и рассказал, при каких обстоятельствах повстречался с ним, Торрес мог считать себя полноправным пассажиром и вести себя как на большом пароходе: участвовать в общей жизни, если ему захочется, или держаться особняком, коли у него необщительный нрав.

Торрес ни с кем не пытался сближаться, особенно в первые дни. Он вел себя очень сдержанно, отвечал, когда к нему обращались, но сам ни о чем не спрашивал.

Если он и бывал разговорчив, то лишь с Фрагозо. Быть может, потому, что тот подал ему счастливую мысль пуститься в путь на жангаде? Порой он расспрашивал своего веселого спутника о положении семейства Гарраль в Икитосе, о чувствах дочери хозяина к Манозлю Вальдесу, но и тут говорил с осторожностью. Чаще все-

го он либо прогуливался в одиночестве на носу жангады, либо сидел в своей комнате.

Завтракал и обедал он вместе с Жоамом Гарралем и его семьей, но почти не принимал участия в общей беседе и по окончании трапезы тотчас удалялся.

Все утро жангада плыла среди живописной группы островов, расположенных в широком лимане Жавари. Этот крупный приток Амазонки течет к юго-западу, и на всем его пути от истоков до устья не встречается ни острова, ни порога. Его устье шириной около трех тысяч футов начинается на несколько миль выше места, где прежде стоял город Жавари, право владеть которым долго оспаривали испанцы и португальцы.

До утра 30 июня путешествие продолжалось без всяких происшествий. Порой навстречу жангаде попадалась вереница скользивших вдоль берега лодок, связанных цепочкой, так что один туземец мог управлять всеми сразу.

Вскоре позади остались острова Арариа, архипелаг Кальдерон, остров Капиату и многие другие, еще неизвестные географам. 30 июня лоцман указал на правом берегу реки деревушку Журупари-Тапера, где решено было сделать остановку на два-три часа.

Манозель и Бенито отправились поохотиться в окрестностях и принесли кое-какую пернатую дичь, которой оказали радушный прием на кухне. Молодым людям удалось также убить и зверя, но он представлял больший интерес для естествоиспытателя, чем для кухарки на жангаде.

Это было четвероногое с темной шерстью, чем-то напоминавшее большого ньюфаундленда.

— Вот муравьед редкой породы! — провозгласил Бенито, бросая его на палубу жангады.

— И прекрасный экземпляр, который послужил бы украшением коллекции в музее, — добавил Манозель.

— Наверно, нелегко словить этого диковинного зверя? — спросила Минья.

— Еще бы, сестренка! — ответил Бенито. — К счастью, тебя с нами не было, чтобы вымолить ему пощаду. Ох и живучи же эти твари! Я истратил не меньше трех пуль, пока не уложил его.

Это был в самом деле великолепный муравьед, с длинным седоватым хвостом, узкой мордой, которую он засо-

вывает в муравейник,— главной пищей служат ему муравьи,— и длинными худыми лапами с острыми пятидюймовыми когтями, которые сжимаются как пальцы на руке. Но что это за рука! Если муравьед что-нибудь схватит, то уж не выпустит — остается только отрубить ему лапу! А сила у нее такая, что путешественник Эмиль Каррей справедливо заметил: «Хватка у него железная, даже тигр не может вырваться из его когтей».

Утром 2 июля жангада подошла к Сан-Паулу-ди-Оливенса, проскользнув среди множества островов, круглый год покрытых зеленью и затененных величественными деревьями; самые крупные из этих островов называются Журупари, Рита, Мараканатена и Куруру-Сапо. Несколько раз жангада проплывала и мимо устьев небольших притоков с черной водой, так называемых «игурапе».

Цвет этих вод — любопытное явление, свойственное многим притокам Амазонки, и малым и большим.

Манозель обратил внимание на то, как темен этот цвет и как резко выделяются темные струи на белесоватой поверхности реки.

— Ученые по-разному объясняют причины такой окраски,— сказал он,— но, кажется, ни один не нашел достаточно убедительного объяснения.

— Вода тут совсем темная, с чудесным золотистым отливом,— заметила Минья, указывая на переливающую водную гладь вокруг жангады.

— Да,— согласился Манозель.— Еще Гумбольдт, как и вы, дорогая, наблюдал этот странный оттенок. Но, присмотревшись внимательнее, вы увидите, что среди многих цветов здесь преобладает цвет сепии¹.

— Вот вам еще явление,— вскричал Бенито,— о котором ученые спорят и не могут прийти к соглашению!

— Быть может, стоило бы спросить мнение кайманов, дельфинов и ламантинов,— заметил Фрагозо,— потому что они выбирают именно темные воды для своих игр.

— Несомненно, темная вода особенно привлекает этих животных,— подтвердил Манозель.— Но почему? На это очень трудно ответить! Обязана ли вода своим цветом содержащемуся в ней раствору углерода, или она тем-

¹ С е п и я — темно-коричневая краска или тушь.

неет, протекая по торфяному руслу, пробиваясь сквозь слои каменного угля и антрацита, или ее окрашивает множество мельчайших растений, которые она уносит своим течением? Тут нельзя сказать ничего определенного¹. Во всяком случае, это превосходная питьевая вода, она отличается редкой в этом климате свежестью, не имеет никакого привкуса и совершенно безвредна. Зачерпните немного воды, милая Минья, и попробуйте — вы можете пить ее без всяких опасений.

И правда, вода была свежая и прозрачная. Она вполне могла бы поспорить с водой, подаваемой к столу в Европе. На жангаде ею наполнили несколько бутылей для нужд кухни.

Как сказано выше, утром 2 июля жангада прибыла в Сан-Паулу-ди-Оливенса, где изготавливают четки² из скорлупы кокосовых орехов и затем нанизывают на тысячи длинных нитей. Эти четки — очень ходкий товар. Быть может, покажется странным, что прежние хозяева страны, тупинамбы и тупиники, теперь более всего занимаются изготовлением предметов католического культа. А впрочем, почему бы и нет? Ведь нынешние индейцы не то что прежние. Они сменили свои национальные костюмы, головные уборы из перьев ара, луки и сарбаканы на американскую одежду — белые штаны и пуншо из полотна, вытканного их женами, которые стали мастерицами в этом деле.

Сан-Паулу-ди-Оливенса — довольно значительный город, в нем не меньше двух тысяч жителей, выходцев из всех соседних племен. Теперешняя столица Верхней Амазонки когда-то была просто миссией, основанной в 1692 году португальскими кармелитами³, а затем перешедшей в руки миссионеров-иезуитов⁴.

¹ Многочисленные наблюдения современных путешественников расходятся с наблюдениями Гумбольдта. (*Прим. автора.*)

² Чётки (от «считать», «счесть») — нитка бус для счета молитв и поклонов.

³ Кармелит — монах, член католического духовного ордена общины, которая получила свое название от горы Кармель (в Ливанском хребте).

⁴ Иезуит — монах, член воинствующего католического духовного ордена. На протяжении многих веков иезуиты, считая, что «цель оправдывает средства», пользовались самыми аморальными способами борьбы против прогрессивных общественных сил, чтобы утвердить власть церкви.

В былые времена вся страна принадлежала племени омагуа, что по-индейски означает «плоскоголовые». Название это произошло от варварского обычая сдавливать головку новорожденного между двумя дощечками, чтобы придать ей удлиненную форму, что считалось в ту пору очень модным. Но как всякая мода — эта тоже прошла; головы у омагуа теперь естественной формы, и среди местных ремесленников, делающих четки, вы уже не встретите никого с таким изуродованным черепом.

Вся семья, за исключением Жоама Гаррала, сошла на берег. Торрес предпочел остаться на борту и не выразил никакого желания познакомиться с Сан-Паулу-ди-Оливенса, хотя, по-видимому, не знал этого города.

Надо признать, что этот авантюрист был не только молчалив, но и не любопытен.

Бенито без труда произвел обмен товарами и пополнил груз на жангаде. Вместе со всей семьей он встретил самый радушный прием у городских властей — коменданта крепости и начальника таможни, которым их должность нисколько не мешала заниматься торговлей. Они даже передали молодому человеку кое-какие местные товары, поручив ему продать их в Манаусе или Белене.

Город состоял из шестидесяти домиков, разбросанных на небольшом плато, возвышавшемся над берегом реки. Некоторые были крыты черепицей, что встречается довольно редко в здешних краях, и даже скромная церковь, посвященная святым Петру и Павлу, стояла под соломенной крышей.

Комендант, его адъютант и начальник полиции приняли приглашение отобедать на жангаде, и Жоам Гаррал принял их с подобающей их званию учтивостью.

Во время обеда Торрес был разговорчивее, чем обычно. Он рассказывал о своих путешествиях в глубь Бразилии, как человек, знающий эту страну.

Но говоря об этих путешествиях, Торрес в то же время выпрашивал у коменданта, знает ли он Манаус, там ли сейчас комендант города, не отлучается ли в жаркое время года главный судья. Задавая все эти вопросы, Торрес украдкой поглядывал на Жоама Гаррала. Это было так видно со стороны, что Бенито, с удивлением наблюдавший за ним, отметил про себя, как внимательно его отец прислушивается к странным вопросам Торреса.

Комендант Сан-Паулу-ди-Оливенса заверил Торреса, что власти в Манаусе находятся на своих местах, и даже попросил Жоама Гарраля передать им поклон. По всей вероятности, жангада прибудет в этот город самое позднее недель через семь, между 20 и 25 августа.

Вечером гости простились с семьей Гарралей, а наутро 3 июля жангада снова двинулась вниз по течению.

В полдень она проплыла мимо устья Якурупы, оставив его влево от себя. Этот приток, напоминающий просто канал, соединяется с Исой, которая сама представляет собой левый приток Амазонки. Любопытное явление: в некоторых местах река питает собственные притоки!

К трем часам пополудни жангада прошла мимо устья Жандиатубы, которая катит с юго-запада свои могучие черные воды и, оросив земли индейцев Кулино, вливается в великую водную артерию, образуя устье шириной в четыреста метров.

Жангада миновала множество островов: Пиматикайра, Катурия, Чико, Мотачина; одни были населены, другие необитаемы, но все покрыты роскошной растительностью, которая тянется сплошной зеленой каймой вдоль всей Амазонки.

15. ВСЕ ЕЩЕ ВНИЗ ПО РЕКЕ

Наступил вечер 5 июля. Со вчерашнего дня воздух стал душным и тяжелым, предвещая грозу. Крупные рыжеватые летучие мыши носились над самой водой, широко взмахивая крыльями. Среди них попадались темно-коричневые «перро воладоры» со светлым брюшком, к которым Минья, а еще больше Лина чувствовали инстинктивное отвращение. Это действительно мерзкие вампиры: они высасывают кровь у скота и порой нападают даже на человека, когда его сморит сон на равнине.

— Ох какие гнусные твари! — вскрикнула Лина, закрывая руками глаза. — Я их боюсь!

— Они и в самом деле опасны, — заметила Минья. — Верно, Манозель?

— Да, очень опасны, — ответил он. — У этих вампиров особое чутье: они как будто знают, где легче высасы-

вать кровь — например, за ухом. При этом они не перестают махать крыльями, навевая приятную прохладу, и уснувший продолжает крепко спать. Я слышал про людей, которые, не почувствовав боли, несколько часов подвергались такому кровопусканию и уже больше не проснулись!

— Не рассказывайте нам таких ужасов, Манозель,— сказала Якита,— а то Минья и Лина всю ночь не сомкнут глаз!

— Не бойтесь,— ответил Манозель.— Если понадобится, мы будем охранять их сон...

— Тише! — вдруг перебил его Бенито.

— В чем дело? — спросил Манозель.

— Разве вы не слышите какой-то странный шум отсюда? — И Бенито указал на правый берег.

— А ведь и в самом деле,— заметила Якита.

— Что это за шум? — спросила Минья.— Кажется, будто по берегу перекачивают гальку!

— Понял! Я знаю в чем дело! — вскричал Бенито.— Завтра на рассвете любители черепаших яиц и маленьких свежих черепах найдут на берегу богатое угощение!

Он не ошибся. Шум производило бесчисленное множество черепах всевозможной величины, выползавших на берег для кладки яиц. Эти пресмыкающиеся выбирают себе подходящее место в песке на берегу и закапывают туда яйца. Начинают они на закате солнца и кончают на рассвете.

В эту минуту черепаха-вожак уже вышла из воды, чтобы найти удобное место. Тысячные стаи черепах вылезли следом за ней и принялись рыть лапами ямки. Продолжав эту работу, черепахи откладывают туда яйца, а затем им остается только засыпать ямки песком и хорошенько утрамбовать своим брюхом.

Для индейцев, живущих на берегах Амазонки и ее притоков, кладка черепахами яиц очень важное событие. Они подкарауливают черепах, сзывают племя барабанным боем, выкатывают яйца и делят добычу на три части: одну для караульщиков, другую для всего племени, а третью для береговой охраны, которая наряду с полицией собирает дань с местных жителей.

Те отмели, что обнажаются во время спада воды и привлекают наибольшее количество черепах, называются

«королевскими пляжами». Конец сбора черепаших яиц — праздник для индейцев: начинаются игры, пляски, пиршества; это праздник и для кайманов, которые пожирают объедки.

Черепахи и черепаши яйца занимают очень значительное место в торговле по всему бассейну Амазонки. Когда черепахи возвращаются к реке после кладки яиц, их ловят, переворачивая на спину, а затем сохраняют живыми, либо помещая в огороженные садки вроде садков для рыбы, либо привязывая к колышкам на веревке такой длины, чтобы они могли бродить по берегу и плавать в реке. Таким образом, можно всегда иметь свежее черепашее мясо.

Иначе поступают с маленькими, только что вылупившимися черепашками. Их не надо ни сажать в садки, ни привязывать. Панцирь у них еще совсем мягкий, а мясо чрезвычайно нежное, и их едят точно так же, как устриц, но только вареными. В таком виде их поглощают в больших количествах.

Однако в провинциях Амазонки и Пара чрезвычайно распространен еще один способ употребления черепаших яиц. Из них изготавливают так называемое «черепаховое масло», которое не уступает лучшему маслу Нормандии или Бретани; на это уходит от двухсот пятидесяти до трехсот миллионов яиц в год. Но в водах бассейна Амазонки бессчетное количество черепах, и они закапывают в песчаные берега несметное количество яиц.

И все же, вследствие того что за черепахами охотятся не только местные жители, но также береговые птицы из отряда голенастых, пернатые хищники урубу и речные кайманы, число их значительно уменьшилось и цены на них всё растут.

Наутро, чуть свет, Бенито, Фрагозо и несколько индейцев сели в пирогу и отправились на один из больших островов, мимо которых они проплыли ночью. Жангаду незачем было останавливать, им будет легко ее догнать.

На берегу виднелись небольшие холмики, указывавшие, где этой ночью были зарыты кучки яиц; под каждым холмиком их лежало от сорока до шестидесяти штук. Однако охотники не собирались их откапывать. Два месяца назад здесь была заложена первая кладка,

и в горячем песке из яиц вылупились тысячи маленьких черепашек, бежавших теперь по берегу к воде.

Охота была удачная. Пирога быстро наполнилась забавными животными, которые прибыли на жангаду как раз к завтраку. Добычу разделили между пассажирами и командой, и к вечеру от нее уже ничего не осталось.

К утру 7 июля жангада подошла к Сан-Хозе-де-Матура — поселку, расположенному у маленькой речки, заросшей высоким камышом, а утром 8 июля путешественники увидели деревню Сан-Антонио — всего два-три домика, прятавшихся за высокими деревьями, — и вышли к устью Исы, или Путумайо, шириной в девятьсот метров.

Путумайо — один из самых крупных притоков Амазонки. Эта река течет к востоку с гор Пасто, на северо-восток от Кито, сквозь прекрасные леса диких какаовых деревьев. Она судоходна на протяжении ста сорока лье для пароходов с осадкой не более шести футов и со временем должна стать одним из главных водных путей Западной Америки.

Между тем настала плохая погода. Пока не было длительных дождей, но порой налетала гроза. Эти атмосферные явления не могли замедлить ход жангады, которая не зависела от ветра и благодаря своей длине не поддавалась качке, даже когда на реке вздымались волны; но во время коротких ливней семье Гарраль приходилось прятаться в дом. Тогда, чтобы заполнить часы досуга, заводили беседы, делились впечатлениями, и языки всегда находили себе работу.

Вот когда Торрес начал понемногу принимать все больше участия в разговорах. Разные случаи из его многочисленных путешествий по Северной Бразилии служили ему темой для рассказов. Этот человек несомненно много повидал, но рассуждения его были так циничны, что чаще всего коробили слушавших его прямодушных людей. Надо сказать, что он оказывал особое внимание Минье. Однако не так назойливо, чтобы Манозель, которому это совсем не нравилось, счел себя вправе вмешаться. К тому же девушка испытывала к Торресу инстинктивную неприязнь и отнюдь не пыталась ее скрывать.

9 июля на левом берегу реки показалось устье Тунан-

тина; этот приток, текущий с запада-северо-запада, орошает земли индейцев Касена и вливает свои черные воды в Амазонку, образуя лиман шириной в четыреста футов.

В этом месте Амазонка становится поистине величественной, но русло ее все больше загромождают всевозможные острова и островки. Лоцману пришлось приложить все свое искусство, чтобы вести жангаду сквозь этот архипелаг, лавировать между берегами, избегать мелей, обходить водовороты и не терять главного направления.

Он мог бы войти в Агуати-Парана, своеобразный естественный канал, который отходит от Амазонки чуть повыше устья Тонантина и позволяет вернуться в нее на сто двадцать миль ниже по течению, через устье реки Япуры. Но если этот канал в самом широком месте достигает ста пятидесяти футов, то в самом узком не превышает шестидесяти, и жангаде там было бы трудно пройти.

Короче говоря, 13 июля, миновав остров Капуро и устье Жутай, которая течет с юго-запада и вливает в Амазонку свои темные воды, образуя бухту в тысяча пятьсот футов шириной, наши путешественники продолжали путь. Наглядевшись на полчища прелестных обезьян с красными, словно киноварь, мордочками, которые жадно уничтожали орехи с пальм, давших название реке Жутай, они причалили у маленького городка Фонти-Боа¹.

Здесь жангада сделала остановку на двенадцать часов, чтобы дать отдохнуть экипажу.

Фонти-Боа, как и большинство поселков-миссий на Амазонке, не раз перекочевывал с места на место по воле его непостоянных жителей. Однако возможно, что этот городок уже покончил с кочевой жизнью и впредь станет оседлым. Тем лучше для него, потому что у него прелестный вид: три десятка крытых листьями хижин разбросаны вокруг церкви Гвадалупской божьей матери — темницей мексиканской богородицы. В Фонти-Боа насчитывается около тысячи жителей — индейцев с обеих берегов реки, которые выращивают большие стада скота

Фонти-Боа — в наше время довольно крупный бразильский город.

на богатых окрестных пастбищах. Но этим их занятия не ограничиваются: они еще и бесстрашные охотники, или, вернее, бесстрашные ловцы ламантинов.

В тот же вечер молодые люди присутствовали при очень интересной ловле ламантинов.

Два этих животных были недавно замечены в темных водах реки Кайарату, впадающей в Фонти-Боа. На ее поверхности двигалось шесть бурых точек. То были две острые морды и четыре плавника ламантинов.

Неопытные рыбаки приняли бы эти точки за плывущие по течению обломки дерева, но жители Фонти-Боа не могли ошибиться. Действительно, вскоре ламантинов выдало громкое фырканье: животные шумно выдыхали застоявшийся в легких воздух.

Две убы, с тремя ловцами на каждой, отошли от берега и приблизились к ламантинам, но те тотчас обратились в бегство. Бурые точки прочертили длинный след на поверхности воды и разом исчезли.

Ловцы осторожно двигались вперед. Один из них, вооруженный самым примитивным гарпуном — палкой с длинным гвоздем на конце, — стоял на носу пироги, а два других гребли, бесшумно опуская весла. Они ждали, когда необходимость набрать воздуха выгонит ламантинов на поверхность. Пройдет минут десять, и животные снова вынырнут на сравнительно небольшом расстоянии.

Так и случилось: едва истекло это время, как невдалеке вновь появились бурые точки, и кверху с шумом взметнулись два фонтана смешанной с воздухом воды.

Убы подошли ближе, разом взвились два гарпуна; один пролетел мимо, но другой вонзился в хвостовой позвонок ламантина.

Этого было достаточно, чтобы парализовать животное, которое теряет способность защищаться, как только его ранит гарпун. Ламантина мало-помалу подтянули за веревку к убе, а потом подтащили к берегу у самой деревни.

Это оказался маленький ламантин, не больше трех футов длины. Этих бедняг так беспощадно истребляют, что в водах Амазонки и ее притоков они встречаются все реже; им не дают времени вырасти, и теперь эти водяные великаны достигают здесь не более семи футов. Разве можно сравнить их с двенадцати- и пятнадцатифутовыми

ламантинами, которых еще так много в реках и озерах Африки!

Однако помешать их истреблению очень трудно. Мясо ламантинов превосходно на вкус, лучше даже свинины, а из его сала — в три дюйма толщиной — вытапливают жир, который ценится очень высоко. В копченном виде мясо их сохраняется очень долго и служит здоровой пищей. К тому же выловить ламантина довольно легко, поэтому нечего удивляться, если этот вид животных будет скоро уничтожен.

В наши дни взрослый ламантин, который прежде «приносил» два чана жира по сто восемьдесят фунтов, теперь дает только четыре испанских арроба, то есть всего двести фунтов.

19 июля на рассвете жангада покинула Фонти-Боа и поплыла между пустынными берегами вдоль очень живописных островов, поросших какаовыми деревьями. Небо было по-прежнему обложено тяжелыми, насыщенными электричеством тучами, которые предвещали новые грозы.

Вскоре на правом берегу показалась река Журуа, текущая с юго-запада. Если подняться вверх по этому чистому потоку, питаемому множеством родников, то можно добраться до самого Перу, не встретив непреодолимых препятствий.

— Быть может, — заметил Манозель, — именно в этих краях следует искать потомков воинственных амазонок, которыми так восхищался Орельяна. Однако надо сказать, что теперь здешние женщины не живут обособленно, по примеру своих прародительниц. Они попросту жены своих мужей, сражаются бок о бок с ними и славятся своей храбростью.

Жангада продолжала плыть вниз по течению; но теперь Амазонка представляла собой настоящий лабиринт! Река Япура, один из самых крупных притоков Амазонки, устье которого было на восемьдесят километров ниже, текла почти параллельно великой реке.

Между ними образовались каналы, протоки, лагуны, временные озера — запутанная сеть водных дорог, что очень усложняло гидрографию местности.

Но хотя у Араужо и не было гидрографической карты, вернее всякой карты служил ему опыт, и можно бы-

ло залюбоваться, как ловко он маневрирует в этом лабиринте, никогда не сбиваясь и не теряя основного русла.

Итак, благодаря его стараниям 25 июля после полудня, пройдя мимо деревни Парани-Тапера, жангада остановилась у входа в озеро Эга, или Фетте, куда не имело смысла заходить, иначе пришлось бы возвращаться обратно, чтобы продолжать путь по Амазонке.

Но город Эга довольно интересен. Стоило остановиться, чтобы его осмотреть. Поэтому решили, что жангада пробудет здесь до 27 июля, а завтра, 26-го, вся семья отправится на берег в большой пироге. Таким образом усердный экипаж жангады получит заслуженный отдых.

Ночь провели на якоре возле довольно высокого берега, и ничто не нарушило покоя путешественников. Кое-где на горизонте вспыхивали зарницы, но гроза прошла стороной, миновав озеро.

16. Э Г А

26 июля, в шесть часов утра, Якита, Минья, Лина и двое молодых людей готовились сойти на берег.

Жоам Гарраль, вначале не выражавший желания покидать жангаду, на этот раз, по настоятельной просьбе жены и дочери, решил отложить свою ежедневную изнурительную работу и сопровождать их во время прогулки.

А Торрес не собирался осматривать Эгу, к великому удовольствию Манозля, который чувствовал к нему отращение и ждал только случая, чтобы его выказать.

Что касается Фрагозо, то он был больше заинтересован в посещении Эги, чем Табатинги, которая по сравнению с Эгой была лишь бедным поселком.

Эга, главный город округа, насчитывает полторы тысячи жителей, в нем находятся все власти, представляющие администрацию такого значительного, по местным масштабам, города: военный комендант, начальник полиции, мировой судья, начальник таможни, школьный учитель и воинская часть под командой офицеров разных чинов.

Если в городе живет столько должностных лиц с женами и детьми, то, надо думать, там нет недостатка в

цирюльниками и парикмахерах. Поэтому Фрагозо не ожидал там для себя никакой пожизны.

Хотя наш Фигаро и не собирался заниматься в Эге своим ремеслом, он, разумеется, хотел участвовать в общей прогулке, потому что Лина сопровождала свою молодую хозяйку; но когда все общество покидало жангаду, он остался по просьбе Лины.

— Господин Фрагозо,— сказала она, отведя его в сторону.

— Что, сударыня? — спросил Фрагозо.

— Кажется, ваш друг Торрес не собирается идти с нами в Эгу?

— Да, он и впрямь остается на жангаде; но я вас очень прошу — не называйте его моим другом!

— А разве не вы надоумили его попроситься на жангаду? Ведь сам бы он не додумался.

— Да, боюсь, что в тот день, если говорить начистоту, я сделал большую глупость.

— Если говорить начистоту, этот человек мне совсем не нравится.

— А мне и того меньше! Притом мне все время кажется, что я его уже где-то видел. Но у меня осталось лишь смутное воспоминание, и ясно только одно — впечатление было неприятное!

— Где и когда вы могли встретить этого Торреса? Неужели вы не можете вспомнить? А ведь было бы неплохо узнать, кто он, особенно — кем он был!

— Нет... Как я ни стараюсь... Когда это было?.. В каких краях, при каких обстоятельствах?.. Никак не могу припомнить!

— Господин Фрагозо!

— Что, сударыня?

— Вам надо остаться на жангаде, чтобы следить за Торресом, пока нас не будет.

— Что?! Не идти с вами в Эгу и целый день вас не видеть?

— Я вас прошу!

— Это приказ?

— Нет, просьба.

— Я остаюсь.

— Господин Фрагозо!

— Что, сударыня?

— Благодарю вас!

— В благодарность пожмите мне покрепче руку,— ответил Фрагозо.— Я, право, заслужил.

Лина протянула руку доброму малому, и тот на минуту удержал ее в своей, любясь прелестным личиком девушки. Вот почему Фрагозо не отправился со всеми и принялся украдкой следить за Торресом. Чувствовал ли Торрес, что возбуждает всеобщую неприязнь? Возможно, но, по-видимому, у него были веские причины не обращать на это внимания.

От места стоянки жангады до Эги было четыре лье. Чтобы пройти туда и обратно, то есть восемь лье, в пироге с двумя гребцами и шестью пассажирами, потребовалось бы несколько часов, не говоря о том, как утомительно путешествие по такой жаре, хотя небо и было покрыто легкими облаками.

Но, к счастью, с северо-запада задул свежий попутный ветер, так что пирога могла пройти под парусом по озеру Теффе до Эги даже не лавируя, а если ветер не переменится, то быстро вернуться обратно.

Итак, на пироге подняли парус. Бенито сел за руль, Лина махнула рукой, напоминая Фрагозо, чтобы он хорошенько караулил, и лодка отчалила.

Путь к Эге лежал вдоль южного берега озера. Два часа спустя пирога вошла в гавань этой основанной кармелитами миссии, которая в 1759 году стала городом и отошла к Бразилии.

Пассажиры вышли на плоский берег, возле которого выстроились не только местные суденышки, но и несколько небольших шхун, ведущих каботажное плавание вдоль Атлантического побережья.

Все удивляло девушек, когда они высадились в Эге.

— Какой большой город! — вскричала Минья.

— Сколько домов! Сколько людей! — вторила ей Лина, у которой просто глаза разбегались.

— Еще бы! — смеясь, подхватил Бенито.— Полторы тысячи жителей, не меньше двухсот домов, есть даже двухэтажные, и две-три настоящие улицы!

— Милый Манозель,— сказала Минья,— защитите нас от моего брата! Он смеется над нами только потому, что сам уже побывал в самых красивых городах на Амазонке!

— Значит, он смеется и над своей матерью,— добавила Якита.— Признаюсь, я тоже никогда не видела ничего подобного.

— Тогда, матушка и сестра, берегитесь обе,— заявил Бенито,— вы придете в восторг, увидев Манаус, а приехав в Белен, упадете в обморок!

— Не беспокойся,— сказал, улыбаясь, Манозель,— наши дамы понемногу привыкнут восхищаться, побывав в первых городах Верхней Амазонки.

— Как, и вы, Манозель? — воскликнула Минья.— Вы заодно с Бенито? Вы тоже насмехаетесь?..

— Нет, Минья! Клянусь...

— Пускай эти насмешники смеются,— перебила его Лина,— а мы с вами будем смотреть во все глаза, тут так красиво!

Красиво! И всего-то куча глинобитных или побеленных известью домиков, крытых чаще всего соломой или пальмовыми листьями, и лишь кое-где — каменная или деревянная постройка с верандой, ярко-зелеными дверями и ставнями, окруженная садиком с цветущими апельсинами. Было там, правда, и два-три учреждения, одна казарма и церковь Святой Терезы, которая по сравнению с икитосской часовней казалась собором.

А оглянувшись на озеро, можно было увидеть красивую панораму, обрамленную каймой кокосовых пальм, подступавших вплотную к водной глади, а в трех милях подальше, на другом берегу,— живописную деревню Ногейра, домишки которой выглядывали из густой листвы старых олив.

Но восхищение обеих девушек вызвало иное зрелище — зрелище, особенно интересное для женщин: они залюбовались нарядами местных щеголих, носивших не простенькие платья уроженок племени мурас, а одетых, как настоящие бразильские горожанки. Да, жены и дочери здешних чиновников и крупных торговцев гордо носили парижские туалеты, правда, довольно старомодные, но ведь Эга находится за пятьсот лье от Пара, а Пара — за несколько тысяч лье от Парижа.

— Глядите, глядите скорей, до чего же красивые дамы и какие на них прелестные платья!

— Боюсь, они сведут нашу Лину с ума! — засмеялся Бенито.

— Если б эти дамы умели носить свои красивые платья,— заметила Минья,— они, может, не казались бы такими смешными.

— Поверьте, дорогая,— сказал Манозль,— в вашем скромном ситцевом платье и соломенной шляпке вы куда изящнее всех этих дам в высоченных токах и юбках с воланами, которые чужды и их стране, и их народу.

— Если я вам нравлюсь и так,— ответила девушка,— то мне некому и не в чем завидовать!

Но ведь они пришли сюда, чтобы все осмотреть. Поэтому они побродили по улицам, где оказалось больше ларьков, чем магазинов; погуляли по площади, где встречались местные франты и франтихи, задыхавшиеся в своих европейских костюмах; и даже позавтракали в гостинице, смахивавшей на постоялый двор, где они пожалели о вкусных блюдах, подаваемых каждый день на жангаде.

После обеда, состоявшего исключительно из черепашьего мяса в разных видах, Гаррали отправились еще раз полюбоваться озером, сверкавшим в лучах заходящего солнца, и вернулись на пирогу, пожалуй, немного разочарованные в красоте города, который можно было осмотреть за один час, и немного уставшие от прогулки по раскаленным улицам, таким непохожим на тенистые тропинки Икитоса. И даже восторг любопытной Лины немного поостыл.

Каждый занял свое место в пироге. Ветер по-прежнему дул с северо-запада и к вечеру немного посвежел. Подняли парус и пустились в обратный путь по озеру, питаемому темными водами реки Тефе, по которой, как говорят индейцы, можно сорок дней плыть на юго-запад, и она все будет судоходна. В восемь часов вечера пирога вернулась домой и пристала к жангаде.

Как только Лина улучила минуту, она отозвала Фрагозо в сторону.

— Ну как, заметили вы что-нибудь подозрительное? — спросила она.

— Нет, ничего. Торрес почти не выходил из своей комнаты, он все время что-то читал и писал.

— А он не входил в дом, не заходил в столовую, как я опасалась?

— Нет, только иногда прогуливался на носу жангады.

— И что он делал?

— Держал в руке какую-то старую бумагу, как будто изучая ее, да бормотал под нос что-то непонятное.

— Все это, может быть, совсем не так просто, как вы думаете, господин Фрагозо! И чтение, и писание, и старые бумаги — что-то за этим кроется! Ведь этот буквоед и писака — не учитель и не адвокат!

— Ваша правда!

— Последим еще, господин Фрагозо.

— Будем следить, сударыня.

Назавтра, 27 июля, как только рассвело, Бенито дал лоцману приказ отчаливать. Между островами, разбросанными по всему заливу Арепано, на минуту показалось устье Япуры шириной в шесть тысяч шестьсот футов. Этот могучий приток разветвляется на несколько рукавов и вливается через восемь устьев в Амазонку, раскинувшуюся здесь как море или морской залив. Япура бежит издалека, с высоких гор Колумбии, и течение ее лишь один раз преграждают водопады, в двухстах десяти лье от впадения в Амазонку.

Жангада плыла весь день и к вечеру поравнялась с островом Япура, после которого островов стало меньше и плыть было значительно легче. К тому же довольно медленное течение позволяло без труда обходить островки, и жангада ни разу не ткнулась в берег и не села на мель.

На другой день жангада плыла мимо широких, покрытых высокими дюнами берегов, образующих песчаный вал, за которым тянутся огромные пастбища, где можно было бы вырастить и откормить скот со всей Европы. Считается, что это самые богатые черепахами берега во всем бассейне Верхней Амазонки.

Вечером 29 июля жангада крепко пришвартовалась у острова Катуга; здесь решили провести ночь, которая обещала быть очень темной.

Солнце еще не зашло, когда на острове показалась толпа индейцев Мурас, потомков древнего и могучего племени, которое занимало когда-то более ста лье вдоль побережья, между Тефе и Мадейрой.

Индейцы расхаживали взад и вперед по берегу, рассматривая стоявший неподвижно плот. Их было около сотни человек, вооруженных сарбаканами из местного

тростника, вставленного для прочности в полый ствол карликовой пальмы.

Жоам Гарраль, оторвавшись на минуту от работы, занимавшей все его время, приказал хорошенько следить за этими индейцами и не раздражать их. В самом деле, борьба с ними была бы неравной. Индейцы необыкновенно ловко мечут из сарбаканов отравленные ядом стрелы, которые летят на триста шагов и наносят неизлечимые раны.

К счастью, индейцы не предприняли никаких враждебных действий, хотя известно, что они ненавидят белых. Правда, они не так воинственны, как были их предки.

Когда стемнело, на острове за деревьями послышались звуки дудочки, наигрывавшей печальную мелодию. Ей ответила другая дудочка. Эта музыкальная перекличка длилась две-три минуты, а затем индейцы исчезли.

Фрагозо, развеселившись, решил спеть им в ответ песню на свой лад, но Лина вовремя остановила его, прикрыв ему рот рукой, и не дала блеснуть своими певческими талантами.

2 августа, в три часа пополудни, пройдя еще двадцать лье, жангада подошла к озеру Апоара, из которого вытекает река того же названия, а два дня спустя остановилась около пяти часов у озера Куари.

Это одно из самых больших озер, сообщающихся с Амазонкой, оно служит водоемом для нескольких рек. В него впадают пять или шесть потоков, там они смешивают свои воды и через узкий проток вливаются в главную водную артерию.

Путешественники издали посмотрели на высокие домики деревни Такуа-Мири, стоящие на сваях, как на ходулях, чтобы спастись от наводнений при половодье, часто заливающим эти низкие места, и вскоре жангада пристала на ночь к берегу.

Плот остановился против селения Куари, состоящего из дюжины довольно ветхих хижин, которые прячутся в густой чаще апельсиновых и тыквенных деревьев. Вид этой деревушки очень часто меняется в зависимости от подъема или спада воды: порой озеро представляет собой обширный водоем, порой превращается в узкий проток, такой мелкий, что даже перестает сообщаться с Амазонкой.

На рассвете 5 августа жангада снова пустилась в путь, прошла мимо протока Юкуры, входящего в запутанную сеть озер и рукавов, и утром 6 августа подошла к озеру Миана.

За это время на плоту не случилось ничего нового, жизнь там текла с почти методичной размеренностью.

Фрагозо, по настоянию Лины, не переставал следить за Торресом. Несколько раз он пытался вывести у него что-нибудь о его прошлом, но авантюрист упорно уклонялся от таких разговоров и в конце концов замкнулся и стал чрезвычайно осторожен с цирюльником.

Но с семейством Гарраля его отношения не изменились. С Жоамом он говорил мало, зато охотно обращался к Яките и ее дочери, делая вид, что не замечает их явной холодности. Впрочем, обе утешали себя тем, что по прибытии жангады в Манаус Торрес уйдет, и они никогда больше о нем не услышат. Якита следовала советам отца Пассаньи, который уговаривал ее набраться терпения; но доброму пастырю было труднее удержать Маноэля, решительно желавшего поставить на место втершегося к ним наглеца, которого незачем было пускать на жангаду.

В тот вечер случилось лишь одно небольшое происшествие.

Спускавшаяся вниз по течению пирога, по приглашению Жоама Гарраля, пристала к жангаде.

— Ты плывешь в Манаус? — спросил он индейца, стоявшего в пироге с веслом.

— Да, — ответил индеец.

— Когда ты там будешь?

— Через неделю.

— Значит, ты попадешь туда гораздо раньше нас. Не передашь ли ты это письмо по адресу?

— Охотно.

— Возьми же его, мой друг, и отвези в Манаус.

Индеец взял протянутое ему Гарралем письмо вместе с горстью рейс в награду за услугу.

Никто из членов семьи Гарраля, уже ушедших в дом, не узнал об этом случае. Свидетелем его был только Торрес. Он даже слышал разговор Жоама Гарраля с индейцем, и по его нахмурившемуся лицу было нетрудно понять, что отправка письма неприятно удивила его.

Между тем Манозэль, так ничего и не сказав Торресу, чтобы избежать какой-нибудь бурной сцены на жангаде, решил на другой день поговорить о нем с Бенито.

— Бенито,— начал он, уведя его на нос жангады,— мне надо с тобой потолковать.

Бенито, всегда такой веселый, взглянув на Манозэля, остановился, и лицо его омрачилось.

— Я знаю о чем. О Торресе?

— Да!

— Я тоже собирался поговорить с тобой, Манозэль.

— Значит, и ты заметил, что он волочит за Миньей? — воскликнул Манозэль, бледнея.

— Надеюсь, ты не станешь ревновать ее к подобному человеку? — вспыхнул Бенито.

— Конечно, нет! Боже меня упаси нанести такое оскорбление девушке, которая скоро будет моей женой! Нет, Бенито! Она сама не выносит этого проходимца! Дело совсем не в этом, но мне противно смотреть, как этот пройдоха навязывает свое общество твоей матери и сестре, как он старается втереться в вашу семью, которую я считаю и своей.

— Манозэль, я разделяю твое отвращение к этому подозрительному субъекту,— мрачно сказал Бенито,— и если бы считался только со своими чувствами, я бы давно выгнал его с жангады! Но я не смею.

— Не смеешь? — вскричал Манозэль, схватив Бенито за руку.— Как, не смеешь?..

— Послушай, Манозэль,— продолжал Бенито,— ты хорошо присмотрелся к Торресу, правда? Ты заметил, что он увивается за моей сестрой. Да, в этом нет сомнения! Но ты увидел одно, а другое проглядел: этот подозрительный человек глаз не сводит с моего отца, следит за ним с непонятным упорством, как будто замышляет против него что-то злое.

— Что ты говоришь, Бенито! Разве у тебя есть основания думать, что Торрес желает зла твоему отцу?

— Никаких... Ничего такого я не думаю. Это только предчувствие. Но понаблюдай хорошенько за Торресом, за выражением его лица, и ты увидишь, как он злобно усмехается, стоит ему только взглянуть на отца.

— Тогда тем больше причин его прогнать!

— Тем больше... или тем меньше... Я боюсь, Маноэль... Чего? И сам не знаю. Но убедить отца посадить Торреса... быть может, неблагоприятно! Повторяю тебе — я боюсь, хотя у меня нет ни одного факта, который объяснил бы мой страх.

Произнося эти слова, Бенито весь дрожал от гнева.

— Значит, ты думаешь, — проговорил Маноэль, — что надо выждать?

— Да, выждать и пока не принимать решений, а главное — быть все время начеку!

— В конце концов дней через двадцать мы будем в Манаусе, — заметил Маноэль. — Там Торрес должен остаться. Он нас покинет, и мы навсегда от него избавимся. А до тех пор не будем спускать с него глаз.

— Ты понимаешь меня, Маноэль?

— Конечно, понимаю, мой друг, мой брат! Хотя и не разделяю, не могу пока разделять твоих опасений. Какая может быть связь между твоим отцом и этим проходцем? Твой отец, несомненно, никогда его и не видел!

— Я не говорю, что отец знает Торреса, — ответил Бенито, — но мне кажется, Торрес что-то знает об отце... Что делал этот человек возле нашей фазенды, когда мы встретили его в лесу? Почему он отказался тогда от предложенного ему гостеприимства, а потом все так подстроил, чтобы мы взяли его на плот? Мы прибываем в Табатингу, а он уже тут как тут, словно дожидался нас! Случайны ли эти встречи или они произошли по заранее обдуманному плану? Наблюдая упорный и в то же время ускользающий взгляд Торреса, я снова вспоминаю эти странные совпадения. Не знаю... Я теряюсь и ничего не могу объяснить! И как это пришло мне в голову пригласить его на нашу жангаду!

— Успокойся, Бенито, прошу тебя!

— Маноэль! — воскликнул Бенито, не в силах справиться с волнением. — Поверь, если б дело шло обо мне, я не раздумывая выкинул бы за борт этого человека, который внушает нам такое отвращение. Но, если и правда дело идет об отце, я боюсь, что, поддавшись своим чувствам, только напорчу. Внутреннее чутье говорит мне, что опасно действовать против этого коварного врага, пока он сам себя не выдаст. А тогда это уже будет

наше право... и долг! В сущности, на жангаде он всегда на виду, и если мы будем оба оберегать отца, мы рано или поздно заставим Торреса сбросить личину и выдать себя, как бы искусно он ни вел игру. Значит, надо подождать!

Появление на палубе Торреса прервало этот разговор. Тот искоса поглядел на молодых людей, но не сказал им ни слова.

Бенито не ошибался, говоря, что Торрес не спускал глаз с Жоама Гарраля, когда думал, что за ним никто не наблюдает.

Нет, Бенито не ошибался, уверяя, что лицо Торреса становится зловещим, когда он смотрит на его отца.

Какая же таинственная связь соединяла двух этих людей, как мог один — воплощенное благородство — быть связанным с другим, разумеется, сам того не зная?

При таком положении вещей, когда молодые люди объяснились и за Торресом стали следить с одной стороны Бенито и Манозль, а с другой Лина и Фрагозо, вряд ли ему удалось бы сделать какой-нибудь ход, который они бы тотчас не пресекли. Быть может, Торрес это понял. Но так или иначе, он этого не показал и ни в чем не изменил своего поведения.

Довольные тем, что объяснились, Манозль и Бенито дали друг другу слово неотступно следить за Торресом, стараясь, однако, не вызвать у него подозрений.

В следующие дни жангада прошла мимо рек Кама-ра, Ару, Журипары, которые текут параллельно правому берегу Амазонки, но не втекают в нее, а убегают на юг, где сбрасывают свои воды в реку Пурус и уже вместе с ней вливаются в великую реку. 10 августа, в пять часов вечера, жангада стала на якорь у Кокосового острова.

Здесь находился поселок серингейро, или заготовителей каучука; добывается он из дерева серингера, которое ученые называют «сифония эластика»¹.

Говорят, что вследствие плохого ухода за деревьями и неумелой эксплуатации число их в бассейне Амазонки уменьшается, но все же леса каучуковых деревьев на берегах Мадейры, Пуруса и других притоков великой реки еще очень обширны.

¹ Старое название бразильской гевеи.

На Кокосовом острове десятка два индейцев добывали и обрабатывали каучук, что делается чаще всего в мае, июне и июле.

Убедившись, что стволы деревьев, которые во время половодья фута на четыре погружаются в воду, уже вполне пригодны для добычи каучука, индейцы принимаются за дело.

Сделав глубокий надрез в заболони дерева, они привязывают под ним небольшие горшочки, которые за сутки наполняются густым млечным соком; этот сок можно собирать и с помощью бамбуковой трубочки, опущенной в стоящий под деревом сосуд.

Добытый сок индейцы окуривают на костре, чтобы сохранить содержащееся в нем смолистое вещество. Набрав сок деревянным совком, его держат в дыму, отчего сок почти сразу густеет, принимает желтовато-серую окраску и понемногу затвердевает. Образующийся каучук снимают с совка слой за слоем и сушат на солнце, после чего он еще твердеет и становится обычного, коричневого цвета. Тогда каучук готов.

Бенито, воспользовавшись случаем, скупил у индейцев весь каучук, хранившийся в их стоявших на сваях хижинах. Назначенная им цена была достаточно высока, и они остались очень довольны.

Спустя четыре дня, 14 августа, жангада подошла к устью Пуруса. Эта река — еще один из самых больших притоков на правом берегу Амазонки — судоходна даже для крупных судов на протяжении свыше пятисот лье. Она течет с юго-запада, и устье ее достигает четырех тысяч футов ширины. Течение ее затеняют фикусы, тахуарисы, пальмы «нипа», цекропии; при впадении в Амазонку она разделяется на пять рукавов.

В этом месте лоцману Араужо было легко управлять жангадой. В реке было значительно меньше островов, к тому же ширина ее достигала тут не менее двух миль.

Поэтому течение спокойно несло жангаду, и 18 августа она остановилась на ночь у деревни Пескейро.

Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом и с быстротой, присущей ему на этих широтах, скатилось вниз почти отвесно, словно громадный огненный шар. Ночь здесь сменяет день почти без сумерек, как в театре, где, изображая ночь, сразу гасят огни рампы,

Жоам Гарраль с женой, Линой и старой Сибелой сидели перед домом.

Торрес сначала вертелся около Жоама Гарраля, как будто хотел поговорить с ним наедине, но, должно быть, ему помешал отец Пассанья, который подошел пожелать всем доброй ночи, и Торрес отправился восвояси.

Индейцы и негры лежали у бортов жангады, на своих местах; Араужо, сидя на носу, наблюдал за течением, которое убегало прямо вперед.

Манозль и Бенито с беспечным видом болтали и курили, прогуливаясь посреди палубы перед сном, но зорко следили за всем.

Вдруг Манозль, протянув руку, остановил Бенито и сказал:

— Что за странный запах? А может, мне кажется? Ты не чувствуешь? Пахнет как будто...

— Как будто мускусом! — ответил Бенито. — Здесь, должно быть, на берегу спят кайманы.

— Вот как! Природа мудро распорядилась, наделив их запахом, который их выдает.

— Да, это большое счастье, потому что они довольно опасны.

Чаще всего, когда наступает вечер, эти крокодилы выходят на берег, чтобы с удобством провести ночь. Там, пятась задом, они заползают в ямы и засыпают, выставив голову с широко разинутой пастью, если только не подстерегают какую-нибудь добычу. Этим хищникам ничего не стоит броситься за своей жертвой либо вплавь под водой, работая одним хвостом, либо бегом по берегу, и притом с такой быстротой, что человеку от них не спастись.

Тут, на этих широких берегах, кайманы рождаются, живут и умирают, отличаясь необыкновенным долголетием. Старых, столетних кайманов можно узнать не только по зеленоватому мху, покрывающему их спину, и бородавкам, усеявшим кожу, но и по кровожадности, которая с возрастом все усиливается. Как правильно сказал Бенито, эти животные бывают очень опасны и нужно остерегаться их нападения.

Вдруг впереди раздались крики:

— Кайманы! Кайманы!

Манозль и Бенито вздрогнули и посмотрели вперед.

Трем большим кайманам, длиной от десяти до двенадцати футов, удалось взобраться на жангаду.

— Хватайте ружья! Хватайте ружья! — закричал Бенито, делая знак индейцам и неграм, чтобы они отошли назад.

— Бегите домой! — подхватил Манозэль. — Прячьтесь скорей!

В самом деле, нечего было и пытаться сразу напасть на кайманов — значит, прежде всего следовало укрыться от них.

В одно мгновение все разбежались. Семья Гарралей скрылась в доме, к ней тотчас присоединились и двое молодых людей. Индейцы и негры попрятались в своих шалашах и хижинах.

Запирая двери дома, Манозэль спросил:

— А где Минья?

— Ее здесь нет! — ответила Лина, выбегая из комнаты своей хозяйки.

— Великий боже! Где же она? — ужаснулась мать.

И все принялись громко звать:

— Минья! Минья!

Никакого ответа.

— Неужели она на носу жангады? — спросил Бенито.

— Минья! — крикнул Манозэль.

Оба юноши, Фрагозо, Жоам Гарраль, не думая об опасности, бросились из дома с ружьями в руках.

Не успели они выйти на палубу, как два каймана повернулись и побежали им навстречу.

Меткая пуля Бенито попала в глаз одному из чудовищ, и смертельно раненный кайман, опрокинувшись на бок, забился в предсмертных судорогах.

Но тут подоспел второй, он неся вперёд, и удержать его было невозможно.

Громадный хищник бросился на Жоама Гарраля, сбил его с ног ударом хвоста и прыгнул на него, разинув пасть.

В эту минуту из каюты выскочил Торрес с топором в руке и нанес такой ловкий удар, что топор вонзился по самую рукоятку в челюсть каймана, где и застрял. Кровь заливала зверю глаза, он бросился в сторону, свалился в реку и исчез.

— Минья! Минья! — вне себя звал Манозель, прибежавший на нос жангады.

Вдруг девушка появилась. Сначала она спряталась в будке Араужо, но третий кайман опрокинул будку мощным ударом хвоста, и теперь Минья бежала к корме, преследуемая по пятам чудовищем, которое уже было от нее шагах в шести.

Минья упала.

Второй выстрел Бенито не остановил каймана! Пуля скользнула по шкуре животного, не пробив ее.

Манозель кинулся к девушке, чтобы подхватить, унести, вырвать ее у смерти... но сильный удар хвоста сбил с ног и его.

Минья потеряла сознание. Казалось, она погибла, пасть каймана уже раскрылась над ней...

Но тут на него ринулся Фрагозо и вонзил ему кинжал в самую глотку, рискуя, что кайман откусит ему руку, если вдруг сомкнет свои страшные челюсти.

Фрагозо вовремя отдернул руку, но не успел увернуться, и кайман, падая, сбросил его в воду, на которой расплывались большие красные пятна.

— Фрагозо! Фрагозо! — закричала Лина, упав на колени у борта жангады.

Минуту спустя Фрагозо показался на поверхности реки. Он был цел и невредим.

С опасностью для жизни спас он девушку, которая уже понемногу приходила в себя; теперь все протягивали ему руки — Манозель, Якита, Минья, Лина, — так что Фрагозо растерялся и в конце концов пожал руку юной мулатке.

Однако если Фрагозо спас Минью, то Жоам Гарраль был несомненно обязан своим спасением Торресу.

Значит, авантюрист не желал смерти Гарраля. Приходилось признать этот очевидный факт.

Манозель шепнул об этом на ухо Бенито.

— Верно, — в замешательстве согласился Бенито, — ты прав, теперь у нас будет одной тяжелой заботой меньше. И все же, Манозель, мои подозрения не прошли. Ведь можно быть злейшим врагом человека, но не желать его смерти.

Между тем Жоам Гарраль подошел к Торресу.

— Спасибо, Торрес, — сказал он, протягивая ему руку.

Ничего не отвечая, Торрес отступил на несколько шагов.

— Торрес,— продолжал Гарраль,— я сожалею, что ваше путешествие скоро окончится и через несколько дней нам придется расстаться. Я вам обязан...

— Вы мне ничем не обязаны, Жоам Гарраль,— перебил его Торрес.— Ничьей жизнью я так не дорожу, как вашей. Но если вы позволите... Я передумал... я не хочу сходить на берег в Манаусе, а предпочел бы доплыть до Белена. Вы согласны взять меня с собой?

Жоам Гарраль кивнул головой.

Услышав просьбу Торреса, Бенито в невольном порыве хотел было вмешаться, но Манозель остановил его, и молодой человек удержался, хотя это и стоило ему большого труда.

18. ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Наутро, после ночи, которой едва хватило, чтобы успокоить людей, перенесших столько волнений, жангада отчалила от этого кишевшего кайманами берега и двинулась дальше. Если в пути не встретится никаких препятствий, она должна дней через пять войти в гавань Манаус.

Теперь Минья совсем оправилась от пережитого испуга; ее глаза и улыбка благодарили всех, кто рисковал жизнью, стараясь ее спасти.

Лина же, казалось, была еще более признательна храброму Фрагозо, чем если б он спас жизнь ей самой.

— Я отблагодарю вас, Фрагозо, рано или поздно, вот увидите! — сказала она ему, улыбаясь.

— А как, позвольте вас спросить?

— О, вы сами знаете как!

— Тогда, раз уж я знаю, сделайте это рано, а не поздно!

С этого дня было решено, что прелестная Лина — невеста Фрагозо, что они отпразднуют свадьбу вместе с Миньей и Манозелем и останутся жить у них в Белене.

— Как хорошо все сложилось! — твердил Фрагозо.— Но я, право, не думал, что Пара так далеко!

Манозель и Бенито долго обсуждали вдвоем послед-

ние события. Нечего было и пытаться уговорить Жоама Гарраля высадить с жангады его спасителя.

«Нищей жизнью я так не дорожу, как вашей», — сказал Торрес.

Этот вырвавшийся у авантюриста слишком пылкий и загадочный ответ Бенито услышал и запомнил.

Итак, молодые люди пока ничего не могли предпринять. Теперь им тем более оставалось только ждать, и ждать уже не четыре-пять дней, а еще семь-восемь недель, то есть пока жангада не приплывет в Белен.

— За всем этим кроется какая-то тайна, но разгадать ее я не могу, — заметил Бенито.

— Да, но мы избавились хоть от одной тревоги, — ответил Манозль. — Теперь нам ясно, Бенито, что Торрес не хочет смерти твоего отца. К тому же мы будем по-прежнему следить!

С этого дня Торрес как будто стал вести себя более сдержанно. Он не навязывал Гарралам свое общество и даже менее настойчиво ухаживал за Миньей. Словом, напряженная обстановка, которую чувствовали все, за исключением, быть может, одного Жоама Гарраля, немного разрядилась.

К вечеру жангада обошла справа остров Барозо, расположенный в устье одноименной реки, и миновала озеро Манаоари, питаемое множеством небольших притоков.

Ночь прошла без происшествий, но Жоам Гарраль велел всем быть настороже.

Назавтра, 20 августа, лоцман, державшийся ближе к правому берегу Амазонки, так как у левого были водовороты, повел жангаду между правым берегом и островами.

Здесь простиралась территория, усыпанная большими и малыми озерами с темной водой, такими, как Кальдерон, Гуарандейна, и многими другими. Этот озерный край указывал на близость Риу-Негру, самого значительного из притоков Амазонки. До этого места великая река еще называлась Солимоенс, но после впадения в нее Риу-Негру она обретала то название, под которым известна как самая крупная река на свете.

В этот день жангаде пришлось плыть в очень своеобразных условиях.

Рукав, выбранный лоцманом между островом Кальдерон и берегом, был очень узок, хотя издали и казался широким. Дело в том, что часть острова лишь чуть-чуть поднималась над водой и была еще затоплена после поводья.

По обеим сторонам протоки стояли рощи исполинских деревьев, кроны которых уходили ввысь на пятьдесят футов, а широко раскинутые ветви сплетались над водой, образуя своды громадной зеленой аркады.

Трудно себе представить что-нибудь более живописное, чем этот затопленный лес на левом берегу, как будто посаженный посреди озера. Могучие стволы вставали из спокойной и прозрачной воды, в которой сложное переплетение ветвей отражалось с необыкновенной четкостью. Отражение деревьев не могло бы быть совершенней, даже если б они были вставлены в огромное зеркало, наподобие тех миниатюрных клумб, какими украшают праздничные столы. И никто бы не уловил разницы между отражением и реальностью. Казалось, деревья стали вдвое длиннее и заканчивались и внизу и наверху широким зеленым шатром, образуя как бы два полушария, между которыми плыла жангада.

Лоцману пришлось пустить плот под эти аркады, о которые тихо плескалась вода. Отступать было поздно. Но лоцман маневрировал с большой осторожностью, чтобы избежать толчков и слева и справа.

Тут Араужо показал все свое искусство, причем ему отлично помогала его команда. Деревья служили прочной опорой их длинным баграм, и плот не терял нужного направления. Малейший толчок мог повернуть жангаду, и, наскочив на деревья, эта махина развалилась бы на куски, а тогда погиб бы если не экипаж, то по меньшей мере ценный груз.

— Как здесь красиво, — сказала Минья, — и как было бы приятно всегда плыть вот так, по спокойной воде, под защитой от солнечных лучей!

— Это было бы приятно, но опасно, милая Минья, — ответил Маноэль. — В пироге здесь, конечно, нечего опасаться, но длинному плоту гораздо спокойнее плыть по широкой водной глади реки.

— Не пройдет и двух часов, как этот лес останется позади, — сказал лоцман.

— Тогда давайте смотреть во все глаза! — воскликнула Лина. — Ведь эта красота так быстро промелькнет! Ах, поглядите — вон стаи обезьян, они режутся на верхушках деревьев, а вон птицы, они отражаются в прозрачной воде!

— А цветы распускаются на самой поверхности реки, и течение колышет их, словно ветерок, — подхватила Минья.

— А длинные лианы, причудливо извиваясь, перекидываются с дерева на дерево, — прибавила юная мулатка.

— Но на конце лианы не висит Фрагозо! — откликнулся ее жених. — Признайтесь, Лина, в икитосском лесу вы сорвали редкий цветок!

— Полюбуйтесь-ка на этот цветок, другого такого не найдешь! — насмешливо ответила Лина. — Ах, посмотрите сюда, какие чудесные растения!

И она указала на кувшинки с гигантскими листьями и бутонами величиной с кокосовый орех. А дальше, там, где вырисовывался залитый водою берег, виднелись заросли тростника «мукумус», с широкими листьями и гибкими стеблями, которые словно расступаются, пропуская пирогу, а потом сами смыкаются за ней. Тут было раздолье для охотника, так как среди густых зарослей, качавшихся по воле волн, водилось несметное множество водяных птиц.

Ибисы, стоящие неподвижно, как нарисованные, на опрокинутом старом стволе; важные фламинго, издали похожие на розовые зонтики, раскрытые в зеленой листве; серые цапли, застывшие на одной ноге, и другие птицы всех цветов оживляли эту недолговечную заводь.

Но на поверхности воды скользили также длинные и верткие ужи, а может, и страшные электрические угри, которые своими частыми электрическими разрядами парализуют и человека и самого сильного зверя и в конце концов убивают их.

Вот кого следовало остерегаться, а еще больше, пожалуй, водяных удавов-анаконд: они замирают, обвившись вокруг дерева, и вдруг разворачиваются, растягиваются, хватают добычу и душат ее в своих кольцах, которые сжимаются с такой силой, что могут задушить и быка. В лесах Амазонки эти пресмыкающиеся бывают

до тридцати футов длиной, а по рассказам Каррея, встречаются даже длиной до сорока семи футов и толщиной чуть ли не с бочонки.

Если бы на жангаде появилась анаконда, она, пожалуй, была бы не менее опасна, чем кайман!

К счастью, нашим путешественникам не пришлось бороться ни с электрическими угрями, ни со змеями, и плавание по затопленному лесу, длившееся часа два, закончилось без происшествий.

Прошло три дня. Жангада приближалась к Манаусу. Еще сутки, и она подойдет к устью Риу-Негру и остановится напротив столицы амазонской провинции.

В самом деле, 23 августа, в пять часов вечера, она остановилась перед северным мысом острова Мурас, у правого берега Амазонки. Оставалось только наискось пересечь реку и, пройдя около трех миль, войти в гавань.

Но лоцман Араужо вполне разумно не хотел двигаться дальше ввиду приближения ночи. Чтобы пройти оставшиеся три мили, потребуется около трех часов, а чтобы пересечь течение, лоцман должен прежде всего ясно видеть.

Этот день, завершавший первую часть пути, решили закончить торжественным обедом. Половина Амазонки была пройдена, и это следовало отметить веселой трапезой. Все сговорились выпить «за здоровье реки Амазонки» стаканчик-другой благородного напитка, который изготавливают на холмах Порто и Сетубала.

Заодно решили отпраздновать и помолвку Фрагозо с прелестной Линой. Помолвку Манозля и Миньи уже отпраздновали на фазенде в Икитосе несколько недель тому назад. После молодых господ настала очередь и этой верной пары.

Итак, вместе со всей почтенной семьей Гарралей за стол села Лина, которая должна была остаться в услужении у своей молодой хозяйки, и Фрагозо, собиравшийся поступить на службу к Манозлю Вальдесу; молодая пара заняла отведенное им почетное место.

Торрес, естественно, тоже присутствовал на этом обеде, поддерживавшем честь поварихи и славу кухни на жангаде.

Авантюрист, сидевший против Жоама Гаррала, был молчалив и больше слушал, чем говорил. Бенито испод-

тишка внимательно наблюдал за ним. Торрес пристально смотрел на Жоама, и глаза его странно сверкали. Так хищник старается заморозить свою жертву, прежде чем броситься на нее.

Манозель больше разговаривал с невестой, но то и дело поглядывал на Торреса. Однако он лучше, чем Бенито, применился к создававшемуся положению, которое если и не изменится в Манаусе, то наверняка изменится в Белене.

Обед прошел довольно весело. Лина оживляла его своим радостным смехом, Фрагозо — забавными шутками. Отец Пассанья приветливо поглядывал на маленькое общество, которое он так любил, и на две юные пары, которые вскоре благословит его рука.

— Кушайте, кушайте, отец, — сказал Бенито, под конец присоединяясь к общему разговору, — окажите честь этому обручальному обеду! Вам надо набираться сил, чтобы обвенчать сразу такую уйму людей!

— Ничего, мой милый, — ответил отец Пассанья. — Найди-ка и ты красивую и честную девушку, которая согласится выйти за тебя, и ты увидишь, достанет ли у меня сил обвенчать заодно и вас!

— Прекрасный ответ! — вскричал Манозель. — Выпьем за скорую свадьбу Бенито!

— Мы подыщем ему в Белене хорошенькую молодую невесту, — поддержала его Минья, — тогда он не отвертится — поступит так же, как и все!

— За свадьбу господина Бенито! — провозгласил Фрагозо, который был бы рад, чтобы все переженились вместе с ним.

— Они правы, сынок, — заметила Якита. — Я тоже выпью за твою свадьбу, и дай бог, чтобы ты был так же счастлив, как будут Минья с Манозелем и как были мы с твоим отцом!

— И, надо надеяться, будете всегда, — вставил вдруг Торрес и, ни с кем не чокнувшись, выпил стакан портвейна. — Каждый из нас — кузнец своего счастья.

Трудно сказать почему, но это пожелание в устах авантюриста произвело на всех тягостное впечатление.

Манозель, желая развеять неприятное ощущение, сказал:

— Послушайте, отец, раз уж мы об этом заговорили,

нет ли на жангаде еще какой-нибудь пары, которую надо бы обвенчать?

— Как будто нет,— ответил отец Пассанья,— вот разве Торрес... Вы, кажется, не женаты?

— Нет, я холост и всегда был холостяком!

Тут Бенито и Манозлю показалось, что, сказав это, Торрес заглянул в глаза Минье.

— Что же мешает вам жениться? — продолжал отец Пассанья.— В Белене вы можете найти себе подходящую по возрасту жену, и вам надо попробовать устроиться в городе. Это куда лучше бродячей жизни, которая до сих пор не принесла вам никакой пользы.

— Вы правы, отец,— ответил Торрес,— и я бы не отказался! К тому же добрый пример заразителен, и, глядя на всех этих обрученных, я тоже не прочь бы жениться. Но я никого не знаю в Белене, и устроиться мне будет очень трудно, если не помогут какие-нибудь особые обстоятельства.

— А сами вы откуда? — спросил Фрагозо, который все не мог отделаться от ощущения, что уже где-то встречался с Торресом.

— Из провинции Минас Жеранс.

— А родились?

— В Тижоке — главном городе Алмазного округа.

Всякого, кто взглянул бы в эту минуту на Жоама Гаррала, поразил бы его пристальный взгляд, скрестившийся со взглядом Торреса.

19. СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Тем временем Фрагозо, продолжая разговор, спросил:

— Как, вы родились в самом Тижоке?

— Да,— подтвердил Торрес.— Разве и вы оттуда родом?

— Нет, я с побережья Атлантического океана и родился на севере Бразилии.

— А вам незнакома эта страна алмазов, господин Манозль? — спросил Торрес.

В ответ молодой человек лишь отрицательно покачал головой.

— А вы, господин Бенито,— обратился Торрес к младшему Гарралю, которого он, видимо, хотел втянуть в разговор,— вы никогда не бывали в Алмазном округе хотя бы из любопытства?

— Никогда,— сухо ответил Бенито.

— Ах, как бы мне хотелось побывать в этих местах! — воскликнул Фрагозо, который, сам того не замечая, играл на руку Торресу.— Мне кажется, уж я бы там нашел хоть один драгоценный алмаз!

— И что бы вы сделали с вашим драгоценным алмазом, Фрагозо? — спросила Лина.

— Продам бы!

— Так что теперь вы были бы богаты?

— Очень!

— Так вот, если б вы были богаты три месяца назад, вам бы и в голову не пришла мысль... мысль о той лиане, правда?

— А если б эта мысль не пришла мне в голову,— вскричал Фрагозо,— не пришла бы ко мне и очаровательная девушка, которая... Нет, воистину, что бог ни делает — все к лучшему!

— Вы в этом убедились, Фрагозо,— проговорила Минья,— ведь он женит вас на моей милой Лине! Алмаз за алмаз, вы ничего не потеряли в этой мене.

— Напротив, сударыня,— любезно ответил Фрагозо,— я только выиграл!

Торрес, как видно, не хотел менять темы разговора, так как снова заговорил:

— А ведь в Тижоке бывало, что люди разом становились богачами, и многие от этого теряли голову. Слышали вы когда-нибудь о знаменитом алмазе из Абазте, оцененном более чем в два миллиона conto рейс? Так вот, этот камешек, весом в одну унцию, был найден в бразильских копах! И нашли его три преступника. Да, три преступника, приговоренных к пожизненной ссылке. Нашли случайно, в реке Абазте, за девяносто лье от Серро-до-Фриу.

— И они сразу разбогатели? — спросил Фрагозо.

— Ну, нет! — ответил Торрес.— Алмаз был передан управляющему копиями. Когда его оценили, португальский король Иоанн Шестой велел его просверлить и носил на шее в торжественных случаях. А ссыльные получили

свободу, и это все. Но человек поизворотливее извлек бы из этого немалую выгоду!

— Вы, например? — сухо спросил Бенито.

— Да... я! А почему бы и нет? — ответил Торрес. — А вы когда-нибудь бывали в Алмазном округе? — обратился он вдруг к Жоаму Гарралю.

— Никогда, — ответил тот, пристально глядя на Торреса.

— Очень жаль, — отозвался Торрес, — вам следовало бы когда-нибудь съездить туда. Это очень любопытно, уверяю вас. Алмазный округ как бы вклинивается в самое сердце обширных бразильских владений и похож на большой парк двенадцати лье в окружности; а своей природой, растительностью, своими песчаными пустошами, окруженными кольцом высоких гор, он резко отличается от соседних провинций. Как я уже говорил, это самое богатое место на земле: с 1807 по 1817 год там ежегодно добывали около восемнадцати тысяч карат алмазов. Да, вот где люди могли разом разбогатеть, и не только те, кто обшаривал горы, взбираясь до самых вершин в поисках драгоценных камней, но и контрабандисты, сбывавшие их тайком! Теперь добывать их не так-то легко, и две тысячи негров, работающих в государственных копях, вынуждены отводить воду из рек, чтобы добывать со дна песок, в котором вкраплены алмазы. Прежде все было гораздо проще!

— Что говорить, — откликнулся Фрагозо, — прошли хорошие времена!

— Однако и теперь не трудно добыть алмаз незаконным путем, попросту говоря — украсть. Вот так, в 1826 году — мне было тогда восемь лет — в Тижоке произошла ужасная драма, показавшая, что преступники ни перед чем не остановятся, когда могут, совершив дерзкий налет, сразу захватить целое состояние. Но вам это, должно быть, неинтересно...

— Напротив, Торрес, продолжайте, — ответил Жоам Гарраль до странности спокойным голосом.

— Хорошо. Так вот, на этот раз дело шло о краже алмазов, а горсть этих хорошеньких камешков стоит миллион, а то и два!

И Торрес, лицо которого вдруг выразило низменную алчность, невольно раскрыл и сжал руку в кулак.

— Вот как было дело,— продолжал он.— В Тижоке имеют обыкновение один раз в год вывозить все собранные за год алмазы. Их делят на части и раскладывают по величине, пропустив сквозь двенадцать сит с разными отверстиями. Затем их зашивают в мешки и отправляют в Рио-де-Жанейро. Но груз этот стоит несколько миллионов, и, как вы догадываетесь, его хорошо охраняют. Служащий, назначенный управляющим копиями, четверо конных и десяток пеших солдат из стоящего в провинции полка — таков обычно конвой. Сначала они заезжают в Вилла-Рику, где главный управляющий ставит на мешки свою печать, а потом продолжают путь до Рио-де-Жанейро. Надо добавить, что из осторожности день отъезда всегда держится в тайне. В 1826 году молодой чиновник, по фамилии Дакоста, лет двадцати трех, некоторое время уже служивший в Тижоке в канцелярии главного управляющего, придумал следующий смелый ход. Он сговорился с шайкой контрабандистов и сообщил им день выхода конвоя. Хорошо вооруженная и довольно многочисленная шайка злоумышленников тотчас приняла меры. В ночь на 22 января, за Вилла-Рикой, грабители неожиданно напали на солдат охраны. Конвой мужественно защищался, но был весь перебит, за исключением одного солдата; несмотря на тяжелые раны, ему все же удалось бежать и сообщить об ужасном нападении. Бандиты не пощадили и чиновника, сопровождавшего ценный груз. Он пал под ударами злодеев, и тело его, наверно, было сброшено в пропасть, потому что его так и не нашли.

— А что же Дакоста? — спросил Жоам Гарраль.

— Преступление не пошло ему на пользу. Обстоятельства сложились так, что подозрения вскоре пали на него. Его обвинили в том, что он руководил грабежом. Напрасно уверял он, что невиновен. По своему положению он должен был знать, на какой день назначен выход конвоя. Он один мог предупредить шайку злодеев. Он был обвинен, брошен в тюрьму, осужден и приговорен к смерти. А смертный приговор приводится в исполнение через двадцать четыре часа.

— И несчастный был казнен? — спросил Фрагозо.

— Его заключили в тюрьму в Вилла-Рике, и ночью, за несколько часов до казни, то ли действуя в одиноч-

ку, то ли с помощью сообщников, но он бежал из тюрьмы.

— И с тех пор никто никогда не слышал об этом человеке? — спросил Жоам Гарраль.

— Никогда! — ответил Торрес. — Должно быть, он уехал из Бразилии и живет теперь припеваючи где-нибудь в далеких краях на краденые деньги.

— Пусть лучше живет в нищете! — проговорил Жоам Гарраль.

— И пусть господь покарает его, послав угрызения совести за содеянное преступление! — добавил отец Пасанья.

Тут собеседники, кончив обедать, встали из-за стола и вышли подышать свежим вечерним воздухом. Солнце садилось, но до наступления ночи оставалось еще не меньше часа.

— Такие истории не назовешь веселыми, — заметил Фрагозо, — и начало нашего обручального обеда было гораздо приятней конца!

— А все из-за вас, Фрагозо, — ответила Лина.

— Как — из-за меня?

— Зачем вы все время расспрашивали об этом округе и об алмазах, какое нам до них дело!

— А ведь и верно, черт побери! — воскликнул Фрагозо. — Но я никак не думал, что разговор закончится так печально.

— Выходит, вы первый виноваты.

— И первый наказан, потому что не слышал вашего смеха за десертом.

Вся семья отправилась вперед, на нос жангады. Манозль и Бенито шагали рядом, не говоря ни слова. Яки-та с дочерью следовали за ними тоже молча; всех охватила непонятная тоска, словно предчувствие нависшей опасности.

Торрес не отходил от Жоама Гарраля, который, опустив голову, казалось, глубоко задумался; вдруг Торрес положил ему руку на плечо.

— Жоам Гарраль, — сказал он, — мне надо поговорить с вами. Вы можете уделить мне четверть часа?

Жоам Гарраль посмотрел на него.

— Здесь?

— Нет! Наедине.

— Ну что ж, пойдемте!

Оба повернули назад, вошли в дом, и дверь за ними захлопнулась.

Трудно описать, что почувствовали оставшиеся, когда Жоам Гарраль и Торрес ушли вдвоем. Что могло быть общего между этим авантюристом и достойным хозяином икитосской фазенды? Казалось, угроза страшного несчастья нависла над семьей Гарралей, но никто не решался об этом заговорить.

— Манозель,— сказал Бенито, схватив его за руку и отводя в сторону,— что бы ни случилось, этот человек высадится завтра в Манаусе!

— Да!.. Это необходимо!..— ответил Манозель.

— А если из-за него... если из-за него с моим отцом случится какое-нибудь несчастье... я его убью!

20. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Одни в комнате, где их никто не мог ни видеть, ни слышать, Жоам Гарраль и Торрес с минуту смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

Неужели авантюрист не решался начать разговор? Или он предвидел, что Жоам Гарраль ответит на все его вопросы презрительным взглядом? Да, конечно. И потому Торрес не спрашивал. С самого начала он утверждал, выступал в роли обвинителя.

— Жоам,— начал он,— ваша фамилия не Гарраль, а Дакоста.

Услышав эту фамилию, Жоам Гарраль невольно вздрогнул, но ничего не ответил.

— Вы — Жоам Дакоста,— продолжал Торрес,— двадцать три года назад вы служили в управлении Тижокского рудника, и вас приговорили к смерти по делу об ограблении и убийстве.

Жоам Гарраль не ответил ни слова, и его спокойствие, по-видимому, удивило авантюриста. Неужели он ошибся, обвиняя своего гостеприимного хозяина? Нет! Иначе Жоам Гарраль возмутился бы, услышав эти страшные обвинения. Должно быть, он просто ждет, чтобы узнать, к чему клонит Торрес.

— Жоам Дакоста,— продолжал Торрес,— повторяю,

Жоам Гарраль, все такой же спокойный, отошел в сторону и сел.

это вас арестовали за кражу алмазов, судили и приговорили к смерти, это вы бежали из тюрьмы в Вилларике за несколько часов до казни! Что ж вы не отвечаете?

За этим прямым вопросом последовало продолжительное молчание. Жоам Гарраль, все такой же спокойный, отошел в сторону и сел. Облокотившись на маленький столик, он смотрел прямо в глаза своему обвинителю, не опуская головы.

— Что же вы не отвечаете? — настаивал Торрес.

— Какого ответа вы ждете от меня? — твердо спросил Гарраль.

— Такого ответа, — медленно произнес Торрес, — который помешал бы мне пойти в Манаусе к начальнику полиции и сказать ему: здесь находится человек, которого нетрудно опознать даже после двадцатитрехлетнего отсутствия; человек этот — подстрекатель и участник кражи алмазов в Тижоке, он сообщник убийц конвоя, это осужденный, сбежавший перед казнью, это Жоам Дакоста, назвавшийся Жоамом Гарралем.

— Значит, — сказал Жоам Гарраль, — мне нечего опасаться вас, Торрес, если я отвечу вам так, как вы хотите?

— Конечно, потому что тогда ни вам, ни мне не будет никакого расчета говорить об этом деле.

— Ни вам, ни мне? — проговорил Жоам Гарраль. — Значит, я должен заплатить вам за молчание не деньгами?

— Нет! Сколько бы вы мне ни предложили!

— Чего же вы хотите?

— Жоам Гарраль, я ставлю одно условие. Но не спешите отвергать его, помните, что вы в моей власти.

— Каково же ваше условие?

Торрес минуту помедлил. Его удивляло поведение этого человека, жизнь которого была в его руках. Он ждал ожесточенного торга, униженных просьб, слез... Перед ним был преступник, осужденный за тягчайшее злодеяние, но он даже не дрогнул. Наконец, скрестивши руки, Торрес сказал:

— У вас есть дочь. Она мне нравится, и я хочу на ней жениться.

Как видно, Жоам Гарраль ожидал всего от подобно-

го человека и потому, выслушав его, не потерял самообладания.

— Стало быть,— проговорил он,— достопочтенный Торрес хочет войти в семью убийцы и грабителя?

— А уж это дело мое, я сам знаю, как мне поступать,— буркнул Торрес.— Я хочу быть зятем Жоама Гарралья и буду им.

— Однако вам, кажется, известно, Торрес, что моя дочь выходит замуж за Манозеля Вальдеса?

— Откажете Манозелю Вальдесу.

— А если моя дочь не захочет?

— Я знаю ее: если вы ей расскажете все — она согласится,— бесстыдно ответил Торрес.

— Все?

— Все, коли понадобится. Если ей придется выбирать между собственным чувством и честью семьи, жизнью отца, она не станет колебаться!

— Какой же вы мерзавец, Торрес! — спокойно сказал Жоам Гарраль, который по-прежнему не терял хладнокровия.

— Мерзавец и убийца всегда могут столкнуться!

Тут Жоам Гарраль встал, подошел к негодяю и, глядя ему прямо в глаза, проговорил:

— Торрес, если вы хотите войти в семью Жоама Дакосты, значит, вы знаете, что Жоам Дакоста неповинен в преступлении, за которое был осужден.

— Вот как!

— И добавлю еще: у вас, должно быть, имеется доказательство его невиновности, которое вы собираетесь огласить в тот день, когда женитесь на его дочери.

— Давайте говорить начистоту, Жоам Гарраль,— сказал, понизив голос, Торрес,— и посмотрим, откажетесь ли вы отдать мне свою дочь, когда выслушаете меня.

— Я слушаю вас, Торрес.

— Ну что ж, это правда,— произнес авантюрист, медленно, словно нехотя, цедя слова,— это правда, вы невиновны! Я знаю это, потому что мне известно имя настоящего преступника и я могу доказать вашу невиновность!

— А где негодяй, совершивший преступление?

— Он умер.

— Умер! — воскликнул Жоам Гарраль побледнев,

как будто это слово отнимало у него всякую надежду оправдаться.

— Умер,— повторил Торрес.— Но этот человек, с которым я познакомился через много лет после преступления, не подозревая, что он преступник, написал своей рукой историю кражи алмазов со всеми подробностями. Незадолго до смерти его стали мучить угрызения совести. Он знал, где скрывается Жоам Дакоста и под каким именем невинно осужденный начал новую жизнь. Знал, что Дакоста богат, живет в кругу счастливой семьи, но знал также, что осужденный не может быть счастлив. Так вот, он решил вернуть ему счастье, восстановив его доброе имя, на которое тот имел право!.. Но смерть настигла его... и он поручил мне, своему товарищу, сделать то, чего сам не успел! Он отдал мне доказательство невинности Дакосты, велел передать ему эту бумагу, и умер.

— Имя этого человека! — в волнении Жоам Гарраль невольно повысил голос.

— Вы узнаете его, когда мы породнимся.

— А где его записка?

Жоам Гарраль был готов броситься на Торреса, обыскать его и вырвать у него это доказательство своей невинности.

— Записка в надежном месте,— ответил Торрес,— и вы получите ее только после того, как ваша дочь станет моей женой. Ну, что? Вы и теперь откажете мне?

— Да,— сказал Жоам Гарраль,— но за эту записку я даю вам половину моего состояния.

— Половину? Согласен! Но при условии, что Минья принесет ее мне в виде приданого,— ответил Торрес.

— Так вот как вы выполняете волю умирающего грешника, в порыве раскаяния попросившего вас исправить содеянное им зло!

— Да, так!

— Еще раз говорю вам, Торрес, вы последний из мерзавцев!

— Пускай!

— А так как я не убийца, то нам не столковаться!

— Стало быть, вы отказываетесь?

— Отказываюсь!

— Тогда вы губите себя, Жоам Гарраль. В вашем

судебном деле всё против вас. Вас приговорили к смерти, а вы сами знаете, правительство запрещает смягчать наказание осужденным за подобные преступления. Если на вас донесут — вас арестуют! Как только арестуют — вас казнят! А я на вас донесу!..

Как ни владел собой Жоам Гарраль, он не мог больше сдерживаться. Еще миг, и он бросился бы на Торреса.

Но мошенник сделал ход, который заставил его опомниться.

— Берегитесь, ваши дети не знают, что отец их Жоам Дакоста, а вы откроете им эту тайну,— сказал он.

Жоам Гарраль остановился. Он снова овладел собой, и лицо его приняло обычное спокойное выражение.

— Наш разговор слишком затянулся,— сказал он, направляясь к двери,— теперь я знаю, что мне делать.

— Берегитесь, Жоам Гарраль! — снова пригрозил ему Торрес, который еще не верил, что его гнусное вымогательство провалилось.

Жоам Гарраль ничего не ответил. Он распахнул дверь на веранду, знаком велел Торресу следовать за ним, и оба направились к середине жангады, где собралась вся семья Гарралей.

Бенито, Манозель, а за ними остальные встали, сильно встревоженные. Они заметили, что Торрес вышел с угрожающим видом и глаза его горят злобой.

Жоам Гарраль, напротив, вполне владел собой и был почти весел.

Оба остановились против Якиты с детьми. Никто не решался заговорить.

Торрес первый прервал это тягостное молчание, сказав глухим голосом с присущей ему наглостью:

— Последний раз я требую у вас ответа, Жоам Гарраль!

— Слушайте же мой ответ.— И Жоам Гарраль обратился к жене: — Якита, особые обстоятельства вынуждают меня изменить решение, принятое нами относительно свадьбы Миньи и Манозеля.

— Наконец-то! — вскричал Торрес.

Жоам Гарраль, не удостоив его ответом, бросил на авантюриста взгляд, полный глубокого презрения.

Но у Манозеля от волнения чуть не разорвалось сердце. Минья, побледнев как полотно, встала и шаг-

нула к матери, как бы ища у нее защиты, а Якита раскрыла ей объятия.

— Отец! — воскликнул Бенито, становясь между отцом и Торресом. — Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, — громко ответил Жоам Гарраль, — что ждать приезда в Белен, чтобы обвенчать Минью с Манозлем, слишком долго! Завтра же отец Пасанья обвенчает их здесь, на жангаде, если после разговора со мной Манозль не захочет отложить свадьбу.

— Ах, что вы, отец!.. — воскликнул молодой человек.

— Подожди называть меня отцом, Манозль, — промолвил Жоам Гарраль, и в голосе его звучала невыразимая боль.

Торрес стоял скрестив руки и оглядывал всех с беспримерной наглостью.

— Стало быть, это ваше последнее слово? — спросил он, протягивая руку к Жоаму Гарралю.

— Нет, не последнее.

— Что же вы скажете еще?

— Вот что, Торрес. Я здесь хозяин! И вы тотчас, угодно вам или неужодно, покинете жангаду.

— Да, тотчас! — вскричал Бенито. — Или я выкину его за борт!

Торрес пожал плечами.

— Оставьте угрозы, — бросил он. — Они ни к чему. Я и сам хочу немедленно сойти на берег. Но вы еще вспомните обо мне, Жоам Гарраль! Мы снова увидимся с вами, и очень скоро!

— Если это будет зависеть от меня, — ответил Жоам Гарраль, — то, быть может, даже скорее, чем вам бы хотелось. Завтра же я буду у судьи Рибейро, главного судьи провинции, — я предупредил его о моем приезде в Манаус. Если посмеете, приходите туда и вы!

— К судье Рибейро?.. — пробормотал Торрес, явно сбитый с толку.

— Да, к судье Рибейро! — повторил Жоам Гарраль.

Затем он презрительным жестом указал Торресу на пирогу и приказал четырем гребцам немедленно высаживать его на ближайшем берегу острова.

И негодяй скрылся наконец.

Вся семья, еще не оправившись от волнения, молча ждала, когда заговорит ее глава. Но тут Фрагозо, не

вполне отдавая себе отчет в серьезности положения, со свойственной ему живостью обратился к Жоаму Гаррально:

— Если господин Манозэль обвенчается завтра на жангаде...

— Вы обвенчаетесь одновременно с ним, друг мой,— ласково ответил Жоам Гарраль.

И, сделав знак Манозэлю, он удалился с ним в свою комнату.

Разговор Жоама Гарралья с Манозэлем продолжался около получаса, но всем казалось, что прошла целая вечность, пока дверь снова не отворилась. Манозэль вышел один.

В глазах его сверкала благородная решимость. Подойдя к Яките, он назвал ее матушкой, Минью — своей женой, а Бенито — братом. Затем, повернувшись к Лине и Фрагозо, сказал:

— До завтра! — и ушел.

Теперь он знал все, что произошло между Жоамом Гарралем и Торресом. Узнал он и то, что Жоам Гарраль рассчитывает на поддержку судьи Рибейро, с которым без ведома семьи уже год состоит в переписке, что он разъяснил судье свое дело и убедил его в своей невиновности. Гарраль смело пустился в это путешествие с единственной целью: добиться пересмотра несправедливого обвинения, жертвой которого он стал, и не дать дочери и зятю попасть в такое же ужасное положение, какое ему пришлось так долго терпеть самому.

Да, теперь Манозэль все это знал, он знал также, что Жоам Гарраль, или, вернее, Жоам Дакоста, невиновен, и благодаря своему несчастью этот человек сделался Манозэлю еще дороже.

Но одного он не знал: что существует письменное доказательство невиновности Жоама Гарралья и что оно находится в руках у Торреса. Жоам Гарраль хотел предоставить судье возможность воспользоваться этим доказательством, которое должно было принести ему оправдание, если только Торрес не солгал.

А пока Манозэль сказал, что пойдет к отцу Пассанья и попросит его все приготовить для венчания обеих пар.

Назавтра, 24 августа, за час до начала брачного об-

ряда, большая пирога, отчалив от левого берега, пристала к жангаде.

Двенадцать гребцов быстро пригнали ее из Манауса; в ней сидели полицейские и начальник полиции, который, назвав себя, поднялся на жангаду.

В эту минуту Жоам Гарраль и его близкие, уже в праздничном платье, вышли из дома.

— Где Жоам Гарраль? — спросил начальник полиции.

— Это я, — ответил Жоам Гарраль.

— Жоам Гарраль, — провозгласил начальник полиции, — вас звали раньше Жоам Дакоста! Один человек носил два имени. Вы арестованы!

Услышав эти слова, ошеломленные Якита и Минья замерли, не в силах двинуться с места.

— Мой отец — убийца?! — закричал Бенито и хотел броситься к Жоаму Гарралю.

Но отец знаком приказал ему замолчать.

— Я позволю себе задать только один вопрос, — твердым голосом сказал он, обращаясь к начальнику полиции. — Кто дал приказ о моем аресте? Главный судья Рибейро?

— Нет, — ответил тот, — приказ о немедленном аресте дал его заместитель. У судьи Рибейро вчера вечером был апоплексический удар, а в два часа ночи он умер, не приходя в сознание.

— Умер! — вскричал Жоам Гарраль, которого, казалось, сразило это известие. — Умер!.. Умер!..

Но вскоре он снова поднял голову и обратился к жене и детям:

— Дорогие мои, один судья Рибейро знал, что я невиновен. Его смерть может оказаться роковой для меня, но все же не надо приходить в отчаяние.

Начальник полиции подал знак полицейским, и они подошли, чтобы увести Жоама Гарралья.

— Говорите же, отец! — закричал Бенито, обезумев от горя. — Скажите слово, и мы вас отстоим! Мы готовы силой исправить ужасную ошибку, жертвой которой вы стали!

— Здесь нет ошибки, мой сын. Жоам Гарраль и Жоам Дакоста — одно лицо. Да, я в самом деле Жоам Дакоста. Я, честный человек, из-за судебной ошибки два-

дцать три года назад был несправедливо приговорен к смерти вместо настоящего преступника. И я клянусь перед богом головой моих детей и их матери в своей полной невинности!

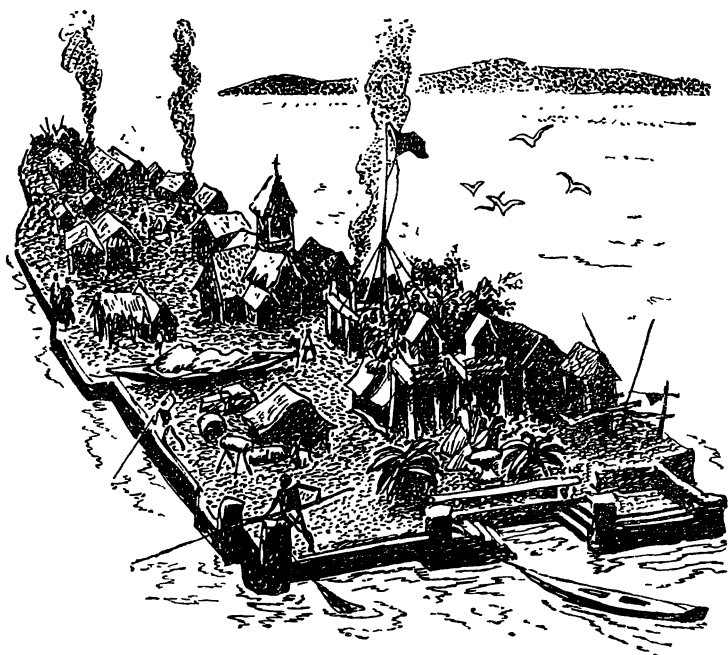
— Вам запрещены всякие переговоры с вашей семьей,— сказал начальник полиции.— Вы арестованы, Жоам Гарраль, и я должен выполнить приказ со всей строгостью.

Жоам Гарраль движением руки остановил своих близких и потрясенных слуг.

— Пусть свершится людское правосудие,— сказал он,— пока не свершилось правосудие божие.

И, высоко подняв голову, сошел в пирогу.

Воистину казалось, что из всех присутствующих один Жоам Гарраль выдержал, не дрогнув, обрушившийся на него тяжкий удар.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

1. МАНАУС

Город Манаус расположен точно на $3^{\circ}8'4''$ южной широты и на $67^{\circ}27'$ долготы к западу от парижского меридиана. Он находится в четырехстах двадцати лье от Белена и всего в десяти километрах от устья Риу-Негру.

Манаус стоит не на Амазонке, он выстроен на левом берегу Риу-Негру — самого значительного и многоводного из притоков великой бразильской артерии. Живописно расположенные частные дома и общественные здания столицы провинции возвышаются над окружающей ее широкой равниной.

Риу-Негру, открытая в 1645 году испанцем Фавелла,

берет свое начало в горах, лежащих на северо-западе, между Бразилией и Новой Гренадой, в самом центре провинции Попаян; а два ее притока — Пимичим и Касикьяре — связывают эту провинцию с Ориноко.

Мощные воды Риу-Негру, пройдя тысячу семьсот километров, вливаются в Амазонку, образуя устье шириной почти в две тысячи четыреста метров, где течение так сильно и быстро, что ее темные струи на расстоянии нескольких миль не смешиваются со светлой водой Амазонки. В месте слияния двух рек берега раздвигаются и образуют обширную бухту длиной в пятнадцать лье, которая тянется до островов Анавилянас.

Здесь, в одном из узких заливчиков, расположена гавань Манауса. В ней скопляется множество судов: одни стоят на якоре, дожидаясь попутного ветра, другие ремонтируются в многочисленных каналах, так называемых «игуарале», которые, причудливо извиваясь, изрезали город, что придает ему сходство с голландскими городами.

Когда тут появится порт для пароходов, который должен быть скоро построен у слияния двух рек, торговля в Манаусе сильно увеличится. Сюда привозят строевой лес и многие ценные породы деревьев, какао, каучук, кофе, сальсапарель, сахарный тростник, индиго, мускатный орех, соленую рыбу, черепаховое масло, и эти многочисленные товары можно будет отправлять во все стороны по многочисленным водным путям: по Риу-Негру на север и запад, по Мадейре на запад и юг и, наконец, по Амазонке на восток, до побережья Атлантического океана. Таким образом, положение этого города на редкость удачно и должно всячески способствовать его процветанию.

Манаус, или Манао, когда-то назывался Моура, а потом — Барра де Риу-Негру. С 1757 по 1804 год город этот составлял только часть крепости, носившей название большого притока Амазонки, устье которого он занимал. Но с 1826 года, сделавшись столицей обширной провинции Амазонки, он был переименован в Манао, — так называлось индейское племя, жившее в ту пору на территории Центральной Америки.

Многие малоосведомленные путешественники ошибочно считали, что этот город и есть знаменитый Манао,

фантастический город, якобы находившийся у легендарного озера Парима. Существовало предание, что здесь некогда была страна Эльдорадо, правитель которой велел каждое утро обсыпать себя золотым порошком, так много драгоценного металла было в этой счастливой стране, где золото гребли прямо лопатами. Но, как оказалось, мнимые золотые россыпи были попросту минералами, богатыми слюдой, не представляющей ценности; ее обманчивый блеск ввел в заблуждение жадных золотоискателей.

Короче говоря, в Манаусе нет никаких баснословных богатств мифологической столицы Эльдорадо. Это город с пятью тысячами жителей¹, из них не менее трех тысяч чиновники. Вот почему здесь довольно много административных зданий, где служат эти чиновники: законодательная палата, дворец губернатора, казначейство, почтамт, таможня, не считая училища, основанного в 1848 году, и недавно построенной больницы. Если к ним добавить кладбище, занимающее восточный склон холма, где в 1669 году для защиты от пиратов была воздвигнута крепость, ныне уже разрушенная, то мы получим представление о всех достопримечательностях города.

Что до церковных зданий, то мы можем назвать только два: небольшую Благовещенскую церковь и часовню Божьей матери-целительницы, построенную почти на голом месте, на холме, возвышающемся над Манаусом.

Для города, основанного испанцами, это очень мало. К двум названным церквям можно добавить еще кармелитский монастырь, хотя от него после пожара в 1850 году остались одни развалины.

Население Манауса не превышает указанной нами цифры и, помимо должностных лиц, чиновников и солдат, в него входят еще португальские торговцы и индейцы из разных племен, живущих вокруг Риу-Негру.

Городское движение сосредоточено на трех главных, довольно кривых улицах; они носят характерные для этой страны своеобразные названия: «улица Бога-отца», «улица Бога-сына» и «улица Святого духа». Кроме того,

¹ В наше время в Манаусе, административном центре штата Амазонас, 142 400 жителей. Порт на реке Амазонке доступен для морских судов.

через весь город тянется на запад великолепная аллея из столетних апельсиновых деревьев, которую благоговейно сохранили архитекторы, построившие новый город на месте старого.

Вокруг трех главных улиц раскинулась целая сеть немощных улочек, все они пересекаются четырьмя каналами, через которые перекинуты деревянные мостки. Кое-где мутные воды этих каналов — «игуарапе», протекают по пустырям, густо заросшим сорняком и яркими цветами; это как бы естественные скверы, и затевают их прекрасные деревья, главным образом исполинские «сумаумейры», с белой корой, узловатыми ветвями и широкой, раскинувшейся, как купол, кроной.

Частные дома представляют собой несколько сотен довольно примитивных жилищ, кое-где крытых черепицей, кое-где большими пальмовыми листьями, с маленькими башенками и выступающими вперед помещениями для лавок, принадлежащих по большей части португальским торговцам.

А что за люди выходят на прогулку из общественных зданий и из частных домов, когда наступает час отдыха? Чванные господа в черных сюртуках, шелковых цилиндрах, лакированных башмаках и с бриллиантовыми булавками в галстуках. Расфранченные дамы в пышных и безвкусных нарядах, юбках с оборками и самых модных шляпках. И, наконец, индейцы, которые тоже начинают перенимать европейские моды и понемногу утрачивают все, что оставалось от местного колорита в средней части бассейна Амазонки.

Таков город Манаус, с которым следовало в общих чертах познакомить читателя для ясности нашего рассказа. Здесь было так трагически прервано плавание жангады в самой середине пути; здесь вскоре предстояло развернуться перипетиям этой таинственной драмы.

2. ПЕРВЫЕ МИНУТЫ

Едва пирога, увозившая Жоама Гарраля, или, вернее, Жоама Дакосту — пора вернуть ему настоящее имя, — скрылась из глаз, как Бенито подошел к Маноэлю.

— Скажи, что тебе известно? — спросил он.

— Мне известно, что твой отец невиновен! Да! Невинновен! — ответил Манозель. — И что двадцать три года назад он был осужден за преступление, которого не совершил!

— Он все сказал тебе, Манозель?

— Все, Бенито! Этот благородный человек не хотел ничего скрывать из своего прошлого от того, кто должен стать ему сыном и мужем его дочери.

— А может ли отец представить теперь доказательство своей невинности?

— Таким доказательством служит его безупречная жизнь на протяжении последних двадцати трех лет, заслужившая всеобщее уважение, а также сделанный им шаг: он сам отправился к судье, чтобы сказать: «Я тут! Я не хочу больше вести это двойное существование. Я не хочу прятаться под вымышленным именем. Вы осудили невинного! Восстановите его доброе имя!»

— А ты... когда отец рассказал тебе... Ты ни на минуту не усомнился в нем?

— Ни на минуту, брат мой!

И молодые люди крепко пожали друг другу руки.

Затем Бенито подошел к отцу Пассанья.

— Отец, — сказал он, — уведите матушку и сестру в их комнаты. Пожалуйста, не покидайте их до конца дня! Никто здесь не сомневается в невинности моего отца... никто! Вы это знаете. Завтра мы с матушкой пойдем к начальнику полиции. Нам не откажут в разрешении посетить заключенного. Нет, это было бы слишком жестоко! Мы повидаемся с отцом и решим, что нам делать, чтобы снять с него обвинение!

Сначала Якита, сраженная внезапно обрушившимся на нее ударом, была в каком-то оцепенении, но вскоре эта отважная женщина оправилась. Якита Дакоста будет такой же стойкой, какой была Якита Гарраль. Она не сомневалась в невинности мужа. Ей даже не приходило в голову, что Жоама Дакосту можно упрекнуть за то, что он женился на ней, скрыв свое имя. Она помнила только о долгой счастливой жизни, которую создал ей этот великодушный человек, сейчас безвинно брошенный в тюрьму. Завтра же она будет у тюремных ворот и не отойдет от них, пока ее не впустят.

Отец Пассанья увел ее вместе с дочерью, которая не могла сдержать слез, и все трое заперлись в доме.

Молодые люди остались одни.

— А теперь, Манозель,— сказал Бенито,— я должен знать все, что рассказал тебе отец.

— Мне нечего скрывать от тебя, Бенито.

— Зачем пришел Торрес на жангаду?

— Чтобы продать Жоаму Дакосте тайну о его прошлом.

— Значит, когда мы встретили Торреса в лесу возле Икитоса, он уже собирался вступить в переговоры с моим отцом?

— Несомненно,— ответил Манозель.— Негодяй направлялся к фазенде, чтобы осуществить давно задуманный план и с помощью гнусного шантажа выманить деньги у твоего отца.

— А когда мы сообщили ему, что отец со всей семьей собирается пересечь границу, он сразу изменил свой план?

— Вот именно, потому что Жоам Дакоста, оказавшись на бразильской земле, был бы скорее в его власти, чем когда жил по ту сторону перуанской границы. Вот почему мы встретили Торреса в Табатинге, где он ждал, вернее, подкарауливал нас.

— А я-то предложил ему плыть с нами на жангаде! — в отчаянии воскликнул Бенито.

— Не упрекай себя напрасно, брат! — проговорил Манозель.— Рано или поздно Торрес все равно добрался бы до нас. Не такой он человек, чтобы отказаться от богатой добычи! Если бы он разминулся с нами в Табатинге, он разыскал бы нас в Манаусе.

— Да, Манозель, ты прав! Но теперь незачем думать о прошлом... надо подумать о настоящем! К чему бесплодные сожаления! Надо действовать!

И Бенито провел рукою по лбу, стараясь представить себе все подробности этого преступления.

— Послушай,— спросил он,— как мог Торрес узнать, что отец двадцать три года назад был осужден по этому странному делу в Тижоке?

— Понятия не имею,— ответил Манозель,— и, судя по всему, твой отец тоже не знает.

— Однако Торрес знал, что Жоам Дакоста скрывается под именем Жоама Гарраля?

— Очевидно.

— И знал, что мой отец живет в Перу, в Икитосе, куда бежал много лет назад?

— Да, знал. Но как он об этом узнал, я не могу понять!

— Последний вопрос,— продолжал Бенито.— Какую сделку предложил Торрес отцу во время короткого разговора, после которого отец его выгнал?

— Он грозился донести на Жоама Гарраля и сообщить его настоящую фамилию, если тот откажется заплатить ему за молчание, чтобы спасти себя.

— А какой ценой?

— Ценой руки его дочери! — побледнев от гнева, ответил Манозль.

— Как?! Этот мерзавец осмелился!..

— Ты видел, Бенито, как ответил твой отец на это гнусное предложение?

— Да, видел! Он ответил, как честный человек в порыве негодования. Он выгнал Торреса. Но этого еще мало. Да, для меня этого мало. Ведь отца арестовали по доносу Торреса, правда?

— Да, по его доносу.

— Так вот, я должен его разыскать! — воскликнул Бенито, грозя рукой вдаль, туда, где скрылся Торрес.— Я должен выяснить, как он добыл эту тайну! Пусть скажет мне, узнал ли он ее от истинного виновника преступления. Он заговорит... А если откажется говорить, я знаю, что мне делать!

— Что делать нам обоим,— сказал не столь пылко, но не менее решительно Манозль.

— Нет, Манозль... нет! Мне одному!

— Мы братья, Бенито, и долг отмщения возложен на нас обоих!

Бенито не возражал. Как видно, на этот счет он уже принял твердое решение.

В эту минуту лоцман Араужо, внимательно наблюдавший за течением реки, подошел к молодым людям.

— Как вы решили,— спросил он,— должна ли жангада оставаться на якоре у острова Мурас или войти в гавань Манауса?

Вопрос этот нужно было обдумать и решить до ночи.

Конечно, известие об аресте Жоама Гарраля уже успело распространиться по городу. Несомненно, оно возбудило любопытство его жителей. А что, если оно вызвало не только любопытство, но и враждебность к осужденному, главному виновнику преступления в Тижоке, которое когда-то наделало столько шума? Что, если можно опасаться какого-нибудь выступления толпы, возмущенной злодеянием, которое до сих пор не было наказано? Если так, не лучше ли оставить жангаду на якоре у острова Мурас, на правом берегу реки, в нескольких милях от Манауса?

Вопрос обсудили, взвесив все «за» и «против».

— Нет! — воскликнул Бенито. — Если мы останемся здесь, могут подумать, что мы покинули отца и сомневаемся в его невиновности, что мы боимся, как бы нас не сочли его соучастниками! Мы должны немедленно отправиться в Манаус!

— Ты прав, Бенито, — поддержал его Манозель. — Троргаемся!

Араужо одобрительно кивнул головой и приказал команде готовиться к отплытию. Маневрировать в этом месте было не так просто. Предстояло пересечь наискось течение Амазонки, сливавшееся с течением Риу-Негру, и войти в устье этого притока, открывавшееся в двенадцати милях на левом берегу.

Лоцман велел отдать швартовы, и жангада, подхваченная течением, двинулась по диагонали к другому берегу. Араужо, пользуясь течением, огибавшим выступы берегов, искусно вел громадный плот в нужном направлении с помощью команды, орудовавшей длинными баграми.

Два часа спустя жангада подошла к другому берегу Амазонки, немного выше устья Риу-Негру, и течение само отнесло ее в широкую бухту, открывшуюся на левом берегу притока.

Наконец, к пяти часам вечера, жангада крепко пришвартовалась к этому берегу, но не в самой гавани Манауса, войти куда можно было, лишь преодолев довольно сильное течение, а на полмили пониже. Теперь плот покачивался на черных водах Риу-Негру, у довольно высокого берега, поросшего цекропиями с золотисто-ко-

ричевыми почками и окруженного высоким тростником «фроксас» с крепкими стеблями, из которых индейцы делают себе копья.

На берег вышло несколько местных жителей. Без сомнения, их привело к жангаде любопытство. Весть об аресте Жоама Дакосты уже успела облететь весь город; однако они были не слишком назойливы и держались в отдалении.

Бенито хотел тотчас же отправиться на берег, но Манозль его отговорил.

— Подожди до завтра,— сказал он.— Скоро наступит ночь, и нам нельзя покидать жангаду.

— Пусть так, отложим до завтра! — согласился Бенито.

В эту минуту Якита с дочерью и отцом Пассанья вышли из дому. Минья была еще в слезах, но глаза ее матери были сухи, движения тверды и решительны. Чувствовалось, что эта женщина готова ко всему: и выполнить свой долг, и добиваться своих прав.

Якита медленно подошла к Манозлю.

— Манозль,— проговорила она,— выслушайте меня. Я должна сказать вам то, что велит мне моя совесть.

— Я слушаю вас,— ответил Манозль.

Якита посмотрела ему прямо в глаза.

— Вчера, после разговора с моим мужем, Жоамом Дакоста, вы подошли ко мне и сказали «матушка»; вы взяли за руку Минью и называли ее своей женой. Простое Жоама Дакосты уже не было для вас тайной, вы все знали о нем?

— Знал,— ответил Манозль,— и да накажет меня бог, если я колебался хоть секунду!

— Пусть так, Манозль, но тогда Жоам Дакоста еще не был арестован. Теперь положение изменилось. Пусть муж мой неповинен, но он в руках полиции, тайна его разглашена, Минья — дочь человека, приговоренного к смерти...

— Минья Дакоста или Минья Гарраль — не все ли мне равно! — пылко воскликнул Манозль.

— Манозль... — прошептала девушка.

Она, наверно, упала бы, если бы верные руки Лины не подхватили ее.

— Матушка, если вы не хотите ее убить, назовите меня сыном! — сказал Манозль.

— Мой сын! Дитя мое!

Вот все, что могла проговорить Якита, и слезы, которые она сдерживала с таким трудом, покатались у нее по щекам.

Все вернулись домой. Но в эту долгую ночь никто не сомкнул глаз, и честная семья ни на час не могла забыть выпавшего ей тяжкого испытания.

3. ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Смерть судьи Рибейро, в чьей поддержке Жоам Дакоста был совершенно уверен, была для него роковым ударом.

Рибейро знал Жоама Дакосту еще в ту пору, когда молодого служащего алмазных копей судили за похищение алмазов, а сам Рибейро еще не стал главным судьей в Манаусе, то есть высшим должностным лицом провинции, а был лишь адвокатом в Вилла-Рике. Это он взял на себя защиту обвиняемого перед судом присяжных. Расследовав дело, он принял его близко к сердцу. Подробно изучив все протоколы и свидетельские показания, он пришел к глубокому убеждению, что его подзащитный обвинен несправедливо, что он не принимал никакого участия ни в убийстве конвойных, ни в краже алмазов, что следствие шло по неверному пути, — словом, что Жоам Дакоста невиновен.

И все же, несмотря на его способности и старание, адвокату Рибейро не удалось убедить присяжных. На кого мог он направить их подозрения? Если Жоам Дакоста, по своему служебному положению имевший возможность известить грабителей о тайном отъезде конвоя, не сделал этого, тогда кто же их сообщник? Служащий, сопровождавший конвой, погиб вместе с солдатами и потому был вне подозрений. Все обстоятельства указывали на то, что Жоам Дакоста был единственным и несомненным вдохновителем преступления.

Рибейро защищал его с чрезвычайной горячностью. Он говорил на суде от всего сердца. Но не мог его спасти. Присяжные заседатели поддерживали все пункты об-

винительного заключения. Жоам Дакоста был осужден за преднамеренное убийство, без всяких смягчающих вину обстоятельств, и приговорен к смерти.

Осужденному не оставалось никакой надежды. Смягчить наказание было невозможно, так как преступление произошло в Алмазном округе. Приговоренный должен был погибнуть. Но в ночь перед казнью, когда виселица уже стояла на площади, Жоаму Дакоста удалось бежать из тюрьмы... Остальное известно.

Двадцать лет спустя адвокат Рибейро был назначен главным судьей в Манаусе. Скрывавшийся в Икитосе беглец, узнав об этом назначении, решил, что это благоприятное обстоятельство может помочь пересмотру его дела и есть даже шансы на успех. Жоам был уверен, что прежняя точка зрения адвоката не изменилась после того, как он стал судьей. И решил приложить все силы, чтобы добиться оправдания. Не будь Рибейро назначен главным судьей провинции, возможно, Жоам еще колебался бы, ведь он не мог представить никаких вещественных доказательств своей невиновности. Хотя этому честному человеку было очень тяжело, что он вынужден скрываться в Икитосе, быть может, он еще подождал бы, пока время не изгладит воспоминания об этом ужасном деле, но одно обстоятельство побуждало его действовать не откладывая.

Еще задолго до того, как об этом заговорила Якита, он заметил, что Манозель любит его дочь. Брак Миньи с молодым военным врачом казался ему желательным во всех отношениях. Он не сомневался, что не сегодня-завтра Манозель сделает предложение, и не хотел быть застигнутым врасплох.

Но мысль о том, что дочь его выйдет замуж под вымышленным именем, что Манозель Вальдес, думая породниться с семьей Гарралей, породнится с семьей Дакосты, осужденного на смерть беглеца, — эта мысль была для него нестерпима. Нет! Этот брак не должен совершиться в тех же условиях, что и его собственный! Нет! Ни за что!

Мы не забыли событий того далекого времени. Через четыре года после того, как молодой человек пришел на фазенду в Икитос и стал помощником Магальянса, старого португальца принесли домой смертельно раненно-

го. Ему оставалось жить всего несколько дней. Он испугался, что его дочь останется одна, без всякой опоры; к тому же он знал, что Жоам и Якита любят друг друга, и хотел, чтобы этот брак совершился немедленно.

Сначала Жоам отказывался. Он предлагал остаться покровителем, слугой Якиты, не становясь ее мужем... Но умирающий Магальянс был так настойчив, что Жоам Гарраль не мог ему противиться. Якита дала руку Жоаму, и он удержал ее в своей руке.

Да, это было ошибкой. Да, Жоам Дакоста должен был либо признаться во всем, либо навсегда бежать из дома, где его так сердечно приняли, с этой фермы, которая теперь благодаря ему процветала. Лучше уж было сказать всю правду, чем дать дочери своего благодетеля фальшивое имя, скрыв подлинное имя ее будущего мужа; даже если он был осужден на смерть за убийство, ведь он не повинен перед богом!

Но обстоятельства не позволяли ждать, старый фермер умирал, он протягивал руки к нему и к дочери... Жоам Дакоста промолчал, брак совершился, и молодой муж посвятил всю свою жизнь счастью той, которая стала ему женой.

«В тот день, когда я сознаюсь Яките во всем, она простит меня! — твердил себе Жоам. — Она ни на минуту не усомнится во мне. Но если я был вынужден обмануть ее, я не обману честного человека, который хочет войти в нашу семью, женившись на моей дочери. Нет! Уж лучше я выдам себя и покончу с такой жизнью!»

Раз сто, если не больше, собирался Жоам Дакоста рассказать жене свое прошлое. Признание готово было сорваться с его губ, особенно когда она просила показать ей Бразилию, спуститься с ней и с дочерью по течению прекрасной Амазонки. Ведь он хорошо знал Якиту, он не сомневался, что любовь ее к нему не ослабеет... Но у него не хватило мужества!

Разве трудно его понять? Он жил окруженный счастливой семьей, и это счастье, которое он создал своими руками, теперь он, быть может, погубит безвозвратно.

Долгие годы тянулась такая жизнь, таков был постоянный источник его неиссякаемых и тайных страданий, так существовал этот человек, который не пытался скрывать ни одного поступка, но сам из-за свершенной над

ним великой несправедливости был вынужден скрываться.

Однако в тот день, когда он уже не мог сомневаться в любви Манозля и Миньи, когда он понял, что не пройдет и года, как ему придется дать согласие на этот брак, он перестал колебаться и начал действовать не откладывая.

Он написал письмо судье Рибейро, в котором открыл ему тайну Жоама Дакосты, имя, под которым он скрывается, место, где он живет с семьей, а также его твердое намерение отдать себя в руки правосудия своей страны и добиться пересмотра дела: пусть его либо оправдают, либо приведут в исполнение несправедливый приговор суда в Вилла-Рике.

Какие чувства заговорили в сердце честного судьи? Догадаться не трудно. Осужденный обращался теперь не к адвокату, а к главному судье провинции. Жоам Дакоста вверял ему свою судьбу и даже не просил о сохранении тайны.

Судья Рибейро, сначала взволнованный этим неожиданным открытием, быстро овладел собой и тщательно продумал, в чем состоит его долг. Ведь на него возложили обязанность наказывать преступников, и вот преступник сам отдается ему в руки. Но этого преступника он когда-то защищал; он не сомневался, что его осудили несправедливо, и был глубоко обрадован, узнав, что осужденный бежал накануне казни. Если бы в ту пору была возможность, он бы и сам посоветовал и даже помог ему бежать!.. Но то, что сделал бы тогда адвокат, вправе ли сделать теперь судья?

«Бесспорно, да! — сказал себе судья. — Совесть велит мне не покидать этого честного человека. Теперешний поступок Дакосты — еще одно доказательство его невиновности, доказательство моральное, ибо он не может представить иных, но, быть может, самое убедительное из всех! Нет! Я его не покину!»

С этого дня между судьей и Жоамом Дакостой завязалась тайная переписка. Прежде всего Рибейро посоветовал своему подопечному соблюдать осторожность, чтобы не повредить себе каким-нибудь необдуманным шагом. Судья хотел отыскать старое дело, перечитать его, пересмотреть все документы. Необходимо узнать,

не обнаружены ли в Алмазном округе какие-либо новые данные, связанные с этим серьезным преступлением. Не арестован ли за это время кто-нибудь из соучастников, из контрабандистов, напавших на конвой? Не получено ли новых признаний или полупризнаний? Ведь Жоам Дакоста по-прежнему уверял, что он невиновен! Но этого было недостаточно, и судья Рибейро хотел, вновь изучив обстоятельства дела, найти того, кто мог быть истинным преступником.

Следовательно, Жоам Дакоста должен был вести себя осторожно, что он и обещал. Но среди всех тяжелых испытаний для него было великим утешением убедиться, что его прежний адвокат, ставший главным судьей, по-прежнему уверен в его невинности. Да, вопреки обвинительному приговору судья Рибейро верил, что Жоам Дакоста был жертвой, честным, невинно пострадавшим человеком, и общество обязано открыто и гласно восстановить его честь. А когда судья узнал прошлое хозяина фазенды со дня его осуждения, положение семьи Дакосты, его самоотверженную жизнь, полную труда, целиком отданную заботам о счастье близких,— он был не только убежден, но и растроган и поклялся сделать все, чтобы добиться оправдания осужденного в Тижоке.

Полгода продолжалась переписка между ними.

Наконец однажды, под давлением обстоятельств, Жоам Дакоста написал судье Рибейро:

«Через два месяца я буду у вас и отдам себя в руки главного судьи провинции».

«Приезжайте!» — ответил судья.

В то время жангада была уже готова к отплытию. Жоам Дакоста погрузился на нее с семьей и домочадцами: женщинами, детьми, слугами. В пути, как мы знаем, он очень редко сходил на берег, к большому удивлению его жены и сына. Чаще всего он сидел запершись в своей комнате и писал, но не торговые счета, а записки, названные им «История моей жизни», о которых он ни с кем не говорил и собирался вручить их судье, как материал для пересмотра его дела.

За неделю до ареста по доносу Торреса, ареста, который мог ускорить, а мог и разрушить все планы Дакосты, он послал со встреченным на Амазонке индейцем

письмо судье Рибейро, предупреждая о своем скором приезде.

В ночь накануне прибытия жангады в Манаус судья Рибейро умер от апоплексии. Однако донос Торреса, гнусный шантаж которого провалился, вызвав только негодование его жертвы, возымел свое действие. Жоам Дакоста был арестован в кругу своей семьи, а старый адвокат уже не мог его защитить...

Да! Воистину ужасный удар! Но так или иначе, а жребий был брошен, путь к отступлению отрезан.

И Жоам Дакоста выстоял под этим неожиданно обрушившимся на него ударом. Теперь дело шло не только о его чести, но и о чести всех его близких.

4. МОРАЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Приказ об аресте Жоама Дакосты, скрывавшегося под именем Гарраля, был отдан помощником судьи Рибейро, который исполнял обязанности главного судьи провинции Амазонки до назначения преемника Рибейро.

Звали этого помощника Висенте Жаррикес. Этот невысокий, угрюмый человечек после сорока лет службы в уголовном суде отнюдь не сделался доброжелательнее к подсудимым. Он разобрал так много уголовных дел, судил и приговорил к наказаниям так много злоумышленников, что невиновность подсудимого, кем бы он ни был, заранее казалась ему невозможной. Разумеется, он не судил против совести, но совесть его, как бы защищенная броней, не легко поддавалась ни на уверения обвиняемых, ни на доводы защиты. Как многие председатели суда, он не давал воли чересчур снисходительным присяжным, и когда подсудимый, пройдя через все мытарства допросов, протоколов и дознаний, представлял перед ним, он заранее считал, что имеются все предпосылки считать его виновным, виновным и еще раз виновным.

И однако Жаррикес отнюдь не был злым человеком. Раздражительный, непоседливый, говорун, хитрец, умница, он на первый взгляд казался смешным: на щуплом теле большущая голова с копной всклокоченных во-

лос, заменявших ему судейский парик; острые, как буравчики, глаза с на редкость пронизательным взглядом; крупный нос, которым он, наверно, шевелил бы, если бы только умел, и как будто нарочно оттопыренные уши, чтобы ловить даже самые отдаленные звуки, неуловимые для простого слуха. Его беспокойные пальцы, как у пианиста, упрямняющегося на немой клавиатуре, без устали барабанили по столу трибунала, над которым возвышался его непропорционально длинный торс, когда он сидел в председательском кресле, то скрещивая, то вытягивая свои короткие ножки.

В частной жизни судья Жаррикес, закоренелый холостяк, отрывался от книг по уголовному праву ради трапез, которыми не пренебрегал, виста, который очень ценил, шахмат, в которых слыл мастером, но чаще всего для решения всевозможных головоломок, загадок, шарад, ребусов, анаграмм¹, логогрифов² и так далее, что было его любимым занятием, как, впрочем, и многих его европейских собратьев по профессии.

Мы видим, он был чудачком, и нетрудно понять, как много потерял Жоам Дакоста со смертью судьи Рибейро, когда дело его перешло к этому несговорчивому судье.

Впрочем, в этом деле задача Жаррикеса была очень прощена. Ему не приходилось вести следствие или дознание, направлять прения в суде, вырабатывать решения, подбирать соответствующие статьи закона и, наконец, выносить приговор. К несчастью для икитосского фермера, все эти процедуры были уже сделаны. Двадцать три года назад Жоам Дакоста был арестован, судим за преступление в Тижоке, срок отмены наказания за давностью еще не наступил, никакого ходатайства о смягчении приговора подавать не разрешалось, никакое прошение о помиловании не было бы принято. Следовательно, оставалось только установить личность преступника и, как только придет приказ из Рио-де-Жанейро, выполнить решение суда.

¹ Анаграмма — перестановка букв, посредством которой из одного слова составляется другое.

² Логогриф — род задачи, в которой посредством различных комбинаций букв из какого-нибудь загаданного слова создаются новые слова, которые надо разгадать

Но, без сомнения, Жоам Дакоста заявит о своей невиновности, скажет, что осужден несправедливо. Долг судьи, каково бы ни было его личное мнение, выслушать осужденного. Весь вопрос в том, какие доказательства сможет он представить в свою защиту. Если он не мог привести их своим первым судьям, в состоянии ли он привести их теперь?

Это и следовало выяснить на допросе.

Надо, однако, признать, что когда приговоренный к смерти, живущий счастливо и беззаботно за границей, добровольно возвращается на родину, чтобы явиться в суд, которого по опыту прошлого должен бояться,— это случай редкий, любопытный, он должен заинтересовать даже судью, пресыщенного всякими неожиданностями в судебных процессах. Как знать, было ли это со стороны преступника, которому надоела такая жизнь, глупой и наглой выходкой или стремлением любой ценой доказать несправедливость приговора? Всякий согласится, что проблема была необычная.

Итак, на следующий день после ареста Жоама Дакосты судья Жаррикес отправился в тюрьму на улицу Бога-сына, где был заключен арестант.

Тюрьмой служил бывший монастырь на берегу одного из главных каналов города. Прежних добровольных затворников в этом старом здании, плохо приспособленном для своего нового назначения, сменили теперь узники поневоле. Комната, отведенная Жоаму Дакосте, не походила на мрачные камеры, где в наше время арестанты отбывают наказание. Это была просто монашеская келья с выходившим на пустырь решетчатым окном без «козырька», со скамьей в одном углу и соломенным тюфяком в другом и кое-какими предметами первой необходимости.

Из этой самой кельи Жоама Дакосту вызвали 25 августа около одиннадцати часов утра и привели в кабинет для допросов, устроенный в прежней монастырской трапезной.

Судья Жаррикес был уже там, он сидел за столом в высоком кресле спиной к окну, чтобы лицо его оставалось в тени, а свет падал только на лицо арестанта. Его письмоводитель сидел на другом конце стола, засунув перо за ухо, равнодушный, как все судейские чинов-

ники, всегда готовые записывать любые вопросы и ответы.

Жоама Дакосту ввели в кабинет, и его стража вышла по знаку судьи.

Жаррикес долго вглядывался в осужденного. А тот поклонился ему и стоял, держась, как и подобало — не вызывая и не подобострастно, с достоинством ожидая, когда ему станут задавать вопросы, чтобы отвечать на них.

— Имя и фамилия? — начал судья Жаррикес.

— Жоам Дакоста.

— Возраст?

— Пятьдесят два года.

— Где вы живете?

— В Перу, в деревне Икитос.

— Под какой фамилией?

— Под именем Гарраль, это имя моей матери.

— Почему вы взяли себе это имя?

— Потому что я двадцать три года скрывался от бразильской полиции.

Ответы были так точны и так ясно свидетельствовали, что Жоам Дакоста решил признаться во всем — и в своем прошлом и в настоящем, — что судья Жаррикес, не привыкший к такому поведению, вздернул выше свой длинный нос.

— А почему бразильская полиция преследовала вас?

— Потому что в 1826 году я был приговорен к смертной казни по делу о краже алмазов в Тижоке.

— Значит, вы признаете, что вы Жоам Дакоста?

— Да, я Жоам Дакоста.

Все ответы были даны очень спокойно и совершенно просто. Маленькие глазки судьи, спрятавшиеся под полупущенными веками, казалось, говорили: «Вот дело, которое пойдет как по маслу!»

Между тем приближалась минута, когда полагалось задать неизменный вопрос, за которым следовал неизменный ответ обвиняемого, кто бы он ни был: «Ни в чем не виноват».

Пальцы судьи Жаррикеса начали тихонько барабанить по столу.

— Жоам Дакоста, — спросил он, — что вы делаете в Икитосе?

— Я владелец фазенды и управляю довольно крупным поместьем.

— И оно приносит доход?

— Большой доход.

— Давно вы покинули вашу фазенду?

— Больше двух месяцев назад.

— Зачем?

— Для этого, господин судья, у меня был повод, но истинная цель заключалась в другом.

— Какой повод?

— Сплавить в провинцию Пара большой плот строевого леса, а также груз сырья, добытого на берегах Амазонки.

— Ага! — сказал Жаррикес. — А какова была истинная цель вашей поездки?

Задав этот вопрос, судья подумал: «Ну, теперь пойдут всякие увертки и вранье!»

— Истинной моей целью, — твердо сказал Жоам Дакоста, — было вернуться на родину и отдать себя в руки правосудия моей страны.

— В руки правосудия! — воскликнул судья, подскочив на кресле. — Отдать себя... добровольно?

— Добровольно!

— Почему?

— Потому что я устал, мне было невозможно жить во лжи, под чужим именем, потому что я хотел вернуть моей жене и детям имя, которое им принадлежит, потому, наконец...

— Потому что?

— Я невиновен!

«Этого я и ждал!» — подумал судья Жаррикес.

И, в то время как его пальцы барабанили на столе что-то вроде марша, он кивнул Жоаму Дакоста, как бы говоря: «Ну-ну, рассказывайте вашу басню! Я знаю ее наперед, но не стану вам мешать рассказать ее по-своему!»

Жоам Дакоста понимал, что судья относится к нему не очень доброжелательно, но делал вид, что ничего не замечает. Он рассказал всю свою жизнь, говорил очень сдержанно, не изменяя своему спокойствию, не упуская ни одного обстоятельства до и после приговора. Он не выставлял напоказ ни достойную и окруженную уваже-

нием жизнь, которую вел после побега, ни свято выполняемых им обязанностей главы семьи — мужа и отца. Он подчеркнул лишь одно обстоятельство: он прибыл в Манаус, чтобы потребовать пересмотра своего дела и добиться оправдания, — приехал сам, хотя ничто его к тому не принуждало.

Судья Жаррикес, заранее предубежденный против всякого обвиняемого, не прерывал его. Он только устал шурился, как человек, в сотый раз слушающий одну и ту же историю; а когда Жоам Дакоста положил на стол свои записки, то даже не пошевелился, чтобы их взять.

— Вы кончили? — спросил он.

— Да, сударь.

— И вы утверждаете, что уехали из Икитоса только для того, чтобы потребовать пересмотра вашего дела?

— У меня не было другой цели.

— А как вы это докажете? Чем подтвердите, что, если б не донос, по которому вас арестовали, вы явились бы сюда сами?

— Прежде всего этими записками.

— Эти записки были у вас в руках, и ничто не доказывает, что вы отдали бы их, если бы вас не арестовали.

— Во всяком случае, сударь, есть один документ, который уже не находится у меня в руках, и подлинность его не может вызвать сомнений.

— Какой же?

— Письмо, написанное мною вашему предшественнику, судье Рибейро, где я предупреждал его о своем приезде.

— Вот как! Вы ему писали?

— Да, и письмо это должно быть доставлено и передано вам.

— В самом деле? — недоверчиво заметил судья. — Стало быть, вы писали судье Рибейро?

— До того, как господин Рибейро стал судьей в этой провинции, — ответил Жоам Дакоста, — он был адвокатом в Вилла-Рике. Это он защищал меня на процессе в Тижоке. Он не сомневался в моей невиновности. Он сделал все, что мог, чтобы меня спасти. Двадцать лет спустя, когда его назначили главным судьей в Манаусе, я сообщил ему, кто я, где я и что собираюсь предпри-

нять. Он был по-прежнему уверен в моей правоте, и по его совету я бросил фазенду и приехал сюда, чтобы добиваться оправдания. Но смерть внезапно сразила его, и, быть может, я тоже погибну, если в суде Жаррикесе не найду второго судью Рибейро!

После такого прямого обращения судья Жаррикес чуть не вскочил, в нарушение всех правил, ибо судьям полагается сидеть, но вовремя спохватился и только пробормотал:

— Очень ловко, право же, очень ловко!

Как видно, у судьи Жаррикеса было бронированное сердце и пронять его было нелегко.

В эту минуту в комнату вошел караульный и вручил судье запечатанный конверт.

Жаррикес сорвал печать и вынул из конверта письмо. Прочитав его, он нахмурился и сказал:

— У меня нет причин скрывать от вас, Жоам Дакоста, что это то самое письмо, о котором вы говорили; вы послали его судье Рибейро, а письмо передали мне. Следовательно, нет никаких оснований сомневаться в том, что вы говорили по этому поводу.

— Не только по этому поводу, но и во всем, что я рассказывал вам о моей жизни,— в моей исповеди тоже нельзя сомневаться!

— Э, Жоам Дакоста,— живо возразил судья Жаррикес,— вы уверяете меня в вашей невинности, а ведь так поступают все обвиняемые! В сущности, вы приводите лишь моральные доказательства. А есть ли у вас доказательства вещественные?

— Быть может, и есть,— ответил Жоам Дакоста.

Тут Жаррикес не выдержал и все-таки вскочил с места. Ему пришлось два-три раза пройти по комнате, чтобы взять себя в руки.

5. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Когда судья, считая, что вполне овладел собой, вновь занял свое место, он откинулся в кресле, задрал голову и, уставившись в потолок, сказал самым равнодушным тоном, даже не глядя на обвиняемого:

— Говорите.

Жоам Дакоста помедлил, собираясь с мыслями, как будто ему не хотелось прибегать к новому способу убеждения, и сказал:

— Пока что, сударь, я приводил вам только доказательства нравственного порядка, основываясь на том, что всю жизнь вел себя как порядочный, достойный и безупречно честный человек. Я считал, что эти доказательства наиболее ценны для суда...

Судья Жаррикес, не сдержавшись, пожал плечами, показывая этим, что он иного мнения.

— Если их недостаточно, то вот какое письменное доказательство я, быть может, смогу представить. Я сказал: «быть может», так как еще не знаю, насколько оно достоверно. Вот почему я не говорил о нем ни жене, ни детям,— я боялся подать им надежду, которая, быть может, и не сбудется.

— К делу,— проговорил судья Жаррикес.

— Я имею основание думать, что мой арест накануне прибытия жангады в Манаус был следствием доноса начальнику полиции.

— Вы не ошиблись, Жоам Дакоста, но должен вам сказать, что донос этот анонимный.

— Неважно, я знаю, что написать его мог только негодяй, по имени Торрес.

— А по какому праву,— спросил судья,— обзываете вы так этого автора доноса?

— Да, сударь, он негодяй! — горячо ответил Жоам Дакоста.— Я принял его как гостя, а он явился лишь затем, чтобы предложить мне купить его молчание; я отверг эту гнусную сделку, о чем никогда в жизни не пожалею, каковы бы ни были последствия его доноса.

«Все та же уловка,— подумал судья Жаррикес,— обвинять других, чтобы оправдать себя!»

Тем не менее он чрезвычайно внимательно выслушал рассказ Жоама Дакосты о его отношениях с авантюристом до той минуты, когда Торрес сообщил ему, что знает и может назвать настоящего виновника преступления в Тижоке.

— И как же его зовут? — встрепенулся Жаррикес, сразу теряя свой равнодушный вид.

— Не знаю. Торрес не захотел его назвать.

— А этот преступник жив?

— Нет, умер.

Пальцы судьи Жаррикеса забарабанили быстрее, и он, не удержавшись, воскликнул:

— Человек, который может доказать невиновность осужденного, всегда умирает!

— Если настоящий преступник умер, господин судья,— ответил Жоам Дакоста,— то Торрес ведь жив, а он уверял меня, что у него есть такое доказательство — документ, написанный рукою самого преступника. Он предлагал мне его купить.

— Эх, Жоам Дакоста,— заметил судья,— за такой документ не жаль отдать и целое состояние!

— Если бы Торрес потребовал у меня только состояние, я отдал бы все не раздумывая, и никто из моих близких не возразил бы ни слова. Вы правы, ничего не жалко отдать за свою честь! Но этот негодяй, зная, что я в его власти, потребовал у меня большего!

— Чего же?

— Руки моей дочери. Такую плату он назначил в этом гнусном торге! Я отказался. Он на меня донес. Вот почему я теперь перед вами.

— А если бы Торрес на вас не донес,— спросил судья Жаррикес,— если б вы не встретили его на пути, что бы вы сделали, узнав о смерти судьи Рибейро? Вы пришли бы и отдали себя в руки правосудия?

— Без всякого колебания,— твердо ответил Жоам Дакоста.— Повторяю: у меня не было иной цели, когда я уезжал из Икитоса в Манаус.

Это было сказано с такой искренностью, что судья Жаррикес почувствовал, как в том уголке сердца, где складываются наши убеждения, у него что-то дрогнуло. Однако он еще не сдался.

Впрочем, тут нечему удивляться. Этот судья, ведущий допрос, не знал того, что известно всем, кто следил за Торресом с начала нашего рассказа. Читатели не могут сомневаться, что у Торреса в руках находится письменное доказательство невиновности Жоама Дакосты. Они твердо знают, что документ существует, что в нем содержится нужное доказательство и, возможно даже, что судья Жаррикес проявил бездушие, отнесясь к Жоаму с таким недоверием. Но пусть они вспомнят, что судья Жаррикес находился в трудном положении: он привык,

что обвиняемые постоянно уверяют суд в своей невинности; документа, о котором говорил Жоам Дакоста, ему не представили, он даже не знал, существует ли такой документ, и, вдобавок ко всему, перед ним стоял человек, виновность которого уже была установлена судом.

И он решил, быть может просто из любопытства, попытаться сбить Жоама Дакосту с его позиций.

— Стало быть,— сказал он,— вы возлагаете теперь все ваши надежды на заявление, сделанное вам Торресом?

— Да, сударь,— ответил Жоам Дакоста,— если вся моя жизнь не говорит в мою пользу.

— А как вы думаете, где сейчас этот Торрес?

— Думаю, он должен быть в Манаусе.

— И вы надеетесь, что он заговорит и согласится по доброй воле отдать вам документ, за который вы отказались дать ему то, что он потребовал?

— Да, надеюсь. Теперь положение изменилось. Торрес донес на меня, и, следовательно, у него не осталось никакой надежды заключить со мной сделку на прежних условиях. Но за этот документ он еще может получить целое состояние, которое, буду ли я осужден или буду помилован, он потеряет навсегда. Итак, продать мне этот документ — в его интересах и не может пойти ему во вред, а потому я думаю, что, исходя из своих интересов, он его продаст.

На рассуждение Жоама Дакоста было нечего возразить. Судья Жаррикес это понял. Он сделал лишь одно замечание:

— Пусть так; продать вам этот документ, несомненно, в интересах Торреса... если только документ существует!

— Если он не существует,— ответил Жоам Дакоста, и голос его дрогнул,— тогда мне остается положиться на правосудие человеческое в ожидании правосудия божьего!

Тут судья Жаррикес встал и сказал уже менее равнодушным тоном:

— Жоам Дакоста, допрашивая вас, слушая подробности вашей жизни и заверения в вашей невинности, я превысил данные мне полномочия. Следствие по вашему делу было закончено, вы предстали перед судом

в Вилла-Рике, приговор был вам вынесен единогласно, и присяжные не нашли никаких смягчающих вину обстоятельств. Как подстрекателя и соучастника убийства солдат охраны и кражи алмазов в Тижоке вас приговорили к смертной казни, и только побег спас вас от смерти. Но собирались ли вы после двадцатитрехлетнего отсутствия отдаться в руки правосудия или нет, вас захватила полиция. Отвечайте в последний раз: вы тот самый Жоам Дакоста, осужденный по делу о краже алмазов?

— Да, я Жоам Дакоста.

— Вы готовы подписать это заявление?

— Да, готов.

И недрогнувшей рукой Жоам Дакоста подписал свое имя под протоколом и докладом, который судья Жаррикес велел немедленно составить своему секретарю.

— Доклад министру юстиции будет послан в Рио-де-Жанейро, — сказал судья. — Пройдет несколько дней, пока мы получим приказ привести в исполнение вынесенный вам приговор. Если, как вы говорите, у этого Торреса есть доказательство вашей невиновности, постарайтесь сами или через ваших близких — словом, пустите в ход все средства, чтобы получить этот документ вовремя. Когда придет приказ, я не смогу дать никакой отсрочки, и приговор свершится!

Жоам Дакоста поклонился.

— Будет ли мне теперь позволено повидаться с женой и детьми? — спросил он.

— Сегодня же, если хотите, — ответил судья Жаррикес. — Вы уже не подсудимый, и их впустят к вам, как только они придут.

Судья позвонил. Вошла стража и увела Жоама Дакосту.

Жаррикес посмотрел ему вслед и покачал головой.

— Гм, гм!.. А дело-то, оказывается, куда сложнее, чем я думал! — пробормотал он.

6. ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Пока Жоам Дакоста был на допросе, Якита через Манозля узнала, что ей и ее детям разрешено свидание с заключенным в четыре часа дня.

Со вчерашнего вечера Якита не покидала комнаты, ожидая, когда ей разрешат повидать мужа. Минья и Лина не отходили от нее. Как бы ее ни звали — Якита Гарраль или Якита Дакоста, Жоам найдет в ней верную жену, стойкую подругу до конца его жизни.

В тот же день, часов в одиннадцать, Бенито подошел к Манозэлю, беседовавшему с Фрагозо на носу жангады.

— Манозэль,— проговорил он,— я хочу попросить тебя об услуге.

— Какой?

— И вас тоже, Фрагозо.

— Я всегда к вашим услугам, господин Бенито,— ответил цирюльник.

— В чем дело? — спросил Манозэль, всматриваясь в друга, по лицу которого было видно, что он принял непоколебимое решение.

— Вы по-прежнему верите в невиновность моего отца, ведь правда?

— Да я скорей поверю, что преступление совершил я сам! — воскликнул Фрагозо.

— Так вот, мы должны сегодня же выполнить составленный мною вчера план.

— Отыскать Торреса?

— Да! И выяснить у него, как он узнал, где скрывается отец. Во всем этом деле много непонятного. Знал ли он отца раньше? Мне кажется, это невозможно, ведь отец не выезжал из Икитоса свыше двадцати лет, а этому негодяю не больше тридцати. Но я узнаю все не позже чем сегодня или горе Торресу!

Бенито был настроен так решительно, что не допускал никаких возражений. Поэтому ни Манозэлю, ни Фрагозо не пришлось в голову его отговаривать.

— Я прошу вас обоих сопровождать меня,— продолжал Бенито.— Мы отправимся тотчас же. Медлить нельзя, а то как бы Торрес не уехал из Манауса. Он уже не может продать свое молчание и теперь, вероятно, вздумает скрыться. Идем!

Все трое высадились на берегу Риу-Негру и направились в город.

Манаус не так велик, решили они, чтобы его нельзя было обшарить за несколько часов. Если понадобится, они будут ходить из дома в дом, пока не разыщут Тор-

реса. Но прежде всего надо обратиться к хозяевам гостиниц и постоялых дворов, где мог остановиться авантюрист. Наверно, бывший лесной стражник поостерегся назвать свое имя, и, возможно, у него были свои причины избегать встречи с блюстителями правосудия. Но если только он не уехал из Манауса, ему не удастся ускользнуть от разыскивающих его молодых людей! Во всяком случае, им никак нельзя обращаться в полицию, ибо весьма вероятно — а мы знаем это уже достоверно, — донос был анонимный.

Битый час Бенито, Манозель и Фрагозо бегали по главным улицам города, расспрашивая торговцев в их лавчонках, кабатчиков в питейных заведениях и даже прохожих, но никто не встречал человека, приметы которого они описывали как нельзя точнее.

Неужели Торрес уехал из Манауса? Неужели придется оставить всякую надежду его найти?

Манозель тщетно пытался успокоить Бенито, который был вне себя. Он хотел во что бы то ни стало разыскать Торреса.

Но тут им помог случай, и Фрагозо наконец напал на след.

В одном постоялом дворе на улице Святого духа ему сказали, что описанный им человек остановился тут еще вчера.

— И ночевал у вас? — спросил Фрагозо.

— Да, — ответил хозяин.

— А сейчас он здесь?

— Нет, ушел.

— Он расплатился с вами окончательно и собирается уезжать?

— Напротив, он ушел с час назад и, наверно, вернется к ужину.

— Знаете ли вы, по какой дороге он пошел?

— Он пошел к Амазонке через нижнюю часть города. Возможно, вы еще успеете его нагнать.

Спрашивать было больше не о чем. Фрагозо подбежал к молодым людям и сказал:

— Я напал на след Торреса.

— Он здесь?! — вскричал Бенито.

— Нет, только что ушел; говорят, люди видели, как он спускался к Амазонке.

— Идем за ним!

Им пришлось снова спуститься к реке самым коротким путем, по левому берегу до устья Риу-Негру.

Вскоре Бенито и его спутники миновали последние домики города и пошли по берегу, но сделали крюк, чтобы их не увидели с жангады.

В этот час равнина была пуста. Насколько хватал глаз, вдаль уходили возделанные поля, заменившие прежние леса.

Бенито шел молча, он не мог произнести ни слова. Манозель и Фрагозо не прерывали его молчания. Так они шли все трое, осматриваясь, окидывая взглядом пространство от берега Риу-Негру до берега Амазонки. Прошло три четверти часа после того, как они вышли из Мануса, но они так никого и не приметили.

Раза два им повстречались индейцы, работавшие в поле. На расспросы Манозеля один из них наконец сказал, что человек, похожий на того, кого они ищут, прошел к месту слияния двух рек.

Не спрашивая больше, Бенито бросился вперед вне себя, и его спутникам пришлось поспешить, чтобы не отстать.

До берега Амазонки оставалось не больше четверти мили. Над рекой поднималась песчаная гряда, скрывая часть горизонта, так что поле зрения ограничивалось несколькими сотнями метров.

Бенито ускорил шаг и скрылся за одним из песчаных холмов.

— Скорей! Скорей! — сказал Манозель. — Его нельзя ни на минуту оставлять одного!

Оба бросились за ним, и в ту же минуту послышался крик.

Увидел ли Бенито Торреса? Или Торрес заметил его? А может быть, они уже сошлись?

Пробежав шагов пятьдесят и обойдя один из выступов на берегу, Манозель и Фрагозо увидели двух мужчин, стоявших друг против друга.

То были Торрес и Бенито.

В одно мгновение Манозель и Фрагозо очутились возле них.

Можно было ожидать, что возмущенный Бенито, встретившись с Торресом, даст волю своим чувствам.

Ничуть не бывало.

Как только молодой человек увидел перед собою Торреса, как только убедился, что тот не может от него сбежать, он сразу как будто переменялся, облегченно вздохнул, снова обрел хладнокровие и овладел собой.

Несколько минут они смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Первым нарушил молчание Торрес, сказав со своей обычной наглостью:

— А, господин Бенито Гарралы!

— Нет, Бенито Дакоста,— ответил юноша.

— Ну да, конечно, господин Бенито Дакоста, а с ним и господин Манозль Вальдес и мой дружок Фрагозо!

Оскорбленный такой фамильярностью проходимца, Фрагозо, у которого давно чесались руки, хотел было броситься на Торреса, но Бенито, по-прежнему сохранявший хладнокровие, его удержал.

— Что это с вами, милейший? — воскликнул Торрес, отступая на несколько шагов.— Кажется, мне надо быть начеку!

С этими словами он выхватил из-под пуншо маншетту. это оружие защиты или нападения, смотря по обстоятельствам, с которым не расстается ни один бразилец. Потом пригнулся и, застыв на месте, стал ждать.

— Я вас искал, Торрес,— сказал Бенито, который не двинулся в ответ на эту угрожающую выходку.

— Искали? — переспросил Торрес.— Меня не трудно найти! А зачем я вам понадобился?

— Чтобы услышать от вас, что вы знаете о прошлом моего отца.

— Вот как!

— Да! Я хочу, чтобы вы сказали мне, как вы его разыскивали, почему бродили в лесу вокруг нашей фазенды, зачем ждали его в Табатинге.

— Ну что ж! По-моему, это всякому ясно,— усмехнулся Торрес.— Я ждал вашего отца, чтобы сесть на его жангаду, а сел на жангаду, чтобы сделать ему простое предложение... которое он отверг, и, ей-богу, напрасно!

Такой наглости Манозль не мог стерпеть. Бледный, с горящими глазами, он шагнул к Торресу.

Но Бенито, желая испытать все возможности договориться мирным путем, встал между ними.

— Спокойней, Маноэль,— сказал он,— ты видишь, держу себя в руках! — Затем снова обратился к Торресу: — Да, Торрес, я понимаю, по какой причине вы попросили взять вас на жангаду. Зная тайну, которую вам, видимо, кто-то выдал, вы решили шантажировать отца. Но сейчас речь идет не о том.

— О чем же?

— Я хочу знать, откуда вам стало известно, что хозяин икитосской фазенды — Жоам Дакоста?

— Откуда? — повторил Торрес.— А это уже мое дело, и я вовсе не собираюсь рассказывать вам о моих делах. Самое главное, что я не ошибся, когда донес, кто настоящий виновник преступления в Тижоке.

— Нет, вы мне скажете! — Бенито уже начинал терять самообладание.

— Ничего я не скажу! — бросил Торрес.— Жоам Дакоста отверг мои предложения. Он отказался принять меня в свою семью. Тем хуже для него! Теперь, когда тайна его открыта, когда он арестован, я и сам отказался бы породниться с грабителем, убийцей, преступником, которого ждет виселица!

— Мерзавец! — вскричал Бенито. Теперь и он выхватил манжетту из-за пояса, угрожая Торресу.

Маноэль и Фрагозо единым движением тоже обнажили оружие.

— Трое против одного! — крикнул Торрес.

— Нет, один на один! — возразил Бенито.

— Вот как! А я был уверен, что сын убийцы готовит убийство.

— Защищайся, Торрес! — закричал Бенито.— Иначе я убью тебя, как бешеную собаку!

— Пусть бешеную, тем опаснее мои укусы! Так берегись же моих зубов!

Затем, прикрыв грудь манжеттой, Торрес стал в угрожающую позу, готовый броситься на своего противника.

Бенито отступил на несколько шагов.

— Торрес,— проговорил он, вновь обретая утраченное на миг хладнокровие.— Вы были гостем моего отца, вы угрожали ему, вы предали его, вы донесли на него, вы обвинили невинного человека, и с божьей помощью я вас убью!

На губах Торреса мелькнула наглая усмешка. Быть может, негодяй в эту минуту подумал, что стоит ему захотеть, и он не допустит этого поединка. Наверно, он понял, что Жоам Дакоста ничего не сказал близким о существовании документа, который мог служить письменным доказательством его невиновности.

Если бы Торрес сказал Бенито, что держит в руках такой документ, тот сразу сложил бы оружие. Но, помимо того, что Торрес решил тянуть до последней минуты, чтобы подороже продать документ, воспоминание об оскорбительных словах молодого человека, ненависть к нему и ко всем его близким заставили негодяя забыть даже о своей выгоде.

К тому же Торрес прекрасно владел маншеттой, которой ему частенько приходилось пользоваться, был крепок, силен и ловок. Стало быть, в борьбе с двадцатилетним противником, который не обладал ни его силой, ни опытом, перевес был явно на его стороне.

Поэтому Манозль еще раз попытался уговорить Бенито позволить ему драться с Торресом.

— Нет, Манозль,— холодно ответил юноша.— Я один должен драться за отца, а чтобы дуэль проходила по правилам, ты будешь моим секундантом.

— Бенито!..

— А вы, Фрагозо, если я попрошу, не откажетесь быть секундантом этого человека?

— Ладно,— ответил Фрагозо,— хоть чести для меня в этом нет никакой! Я бы обошелся без таких церемоний и попросту убил бы его, как дикого зверя!

Для поединка была выбрана ровная площадка, около сорока шагов в ширину, поднимавшаяся футов на пятнадцать над Амазонкой. Здесь берег круто обрывался. Внизу медленно текла река, омывая густой камыш, росший под обрывом.

Итак, места на берегу было немного, и тот из противников, кто станет отступать, неизбежно свалится с кручи.

По данному Манозлем сигналу Торрес и Бенито начали сходитьсь.

Теперь Бенито вполне владел собой. Он защищал правое дело и действовал хладнокровно, в чем было его преимущество — и немалое — перед Торресом, которому,

несмотря на всю его черствость и бесчувственность, мешала нечистая совесть.

Противники сошлись. Бенито нанес удар первым. Торрес отразил его. Затем они немного отступили, но тотчас снова бросились вперед, и каждый из них схватил противника левой рукой за плечо... больше они друг друга не отпускали.

Более сильный Торрес нанес маншеттой мощный удар сбоку, и Бенито не смог полностью парировать его. Клинок оцарапал ему правый бок, и пуншо окрасилось кровью. Но Бенито ответил быстрым ударом и слегка ранил Торреса в руку.

Далее удары так и сыпались с обеих сторон, но ни один из них не был решающим. Взор молчавшего Бенито погружался в глаза Торреса, словно клинок, проникающий в самое сердце. Негодяй заметно терял уверенность. Он начал понемногу отступать перед неумолимым мстителем, главной целью которого было лишить жизни доносчика, а не защищать свою собственную. Сразить врага — вот все, чего хотел Бенито, а тот успевал теперь только обороняться.

Вскоре Торрес оказался прижатым к краю площадки в том месте, где берег нависал над водой. Он понял грозившую ему опасность и попытался перейти в наступление, чтобы вернуть себе потерянную позицию. Смятение его увеличивалось, взгляд помертвел... Наконец негодяй пригнулся, увертываясь от угрожавшей ему руки противника.

— Умри! — закричал Бенито.

Удар пришелся прямо в грудь, но кончик маншеты скользнул по какому-то твердому предмету, спрятанному под пуншо Торреса.

Бенито напал все решительней. Отбиваясь, Торрес промахнулся и почувствовал, что погиб. Ему пришлось еще раз шагнуть назад. И тут он хотел крикнуть... крикнуть, что жизнь Жоама Дакосты неразрывно связана с его жизнью... но не успел!

Второй удар маншеты на этот раз пронзил ему сердце. Торрес попятился, ступил в пустоту и сорвался с обрыва. В последний раз руки судорожно вцепились в камыши, но не смогли его удержать. Он исчез под водой.

Бенито оперся о плечо Манозэля. Фрагозо крепко жал ему руки. Но Бенито даже не дал друзьям перевязать ему рану — к счастью, она была не опасна.

— На жангаду! — сказал он. — На жангаду!

Манозэль и Фрагозо в глубоком волнении шли за ним, не говоря ни слова.

Четверть часа спустя все трое вышли на берег в том месте, где стояла жангада. Бенито и Манозэль вбежали в комнату к Яките и Минье и рассказали им, что произошло.

— Сын мой! Мой брат! — вырвалось у обеих.

— А теперь идем в тюрьму! — сказал Бенито.

— Да, да, идем!

Бенито повел под руку мать, и Манозэль последовал за ними. Высадившись на берег, они направились в Манаус и через полчаса вышли к городской тюрьме.

По приказу, данному судьей Жаррикесом, их немедленно впустили в камеру заключенного.

Дверь отворилась.

Жоам Дакоста увидел жену, сына и Манозэля.

— Ах, Жоам! Дорогой мой Жоам! — вскричала Якита.

— Якита, жена моя! Дети мои! — ответил заключенный, раскрывая объятия и прижимая их к сердцу.

— Мой невинный Жоам!

— Невинный и отомщенный! — добавил Бенито.

— Отомщенный? Что ты хочешь сказать?

— Торрес убит, отец! Убит моей рукой!

— Торрес убит?.. Он умер?.. — воскликнул Жоам Дакоста. — Ах, сын мой! Ты меня погубил!

7. РЕШЕНИЕ

Прошло несколько часов, и вся семья, вернувшись на жангаду, собралась в общей комнате. Здесь были все, кроме благородного страдальца, на которого обрушился непоправимый удар.

Убитый горем Бенито винил себя в том, что погубил отца. Если бы его мать, сестра, отец Пассанья и Манозэль не умоляли его, то в первые минуты отчаяния несчастный юноша, может статься, наложил бы на себя руки. Но

с него не спускали глаз, ни на минуту не оставляли одного. А между тем разве он не вел себя достойно? Разве его поступок не был законным возмездием доносчику на его отца?

Ах, зачем Жоам Дакоста, уходя с жангады, не сказал им всего! Зачем решил сообщить только судье о письменном доказательстве своей невинности! Зачем, после изгнания Торреса, в разговоре с Манозлем умолчал о документе, который, по утверждению авантюриста, был у него в руках! Но, с другой стороны, мог ли он верить Торресу? Мог ли быть уверенным, что у негодая и вправду есть такой документ?

Как бы то ни было, но теперь семья Жоама Дакосты уже знала все от него самого. Она знала, что, по словам Торреса, доказательство невинности осужденного в Тижоке действительно существует; что этот документ написан рукой самого преступника; что преступник, терзаемый перед смертью угрызениями совести, отдал документ своему товарищу Торресу, а тот, вместо того чтобы выполнить волю умирающего, превратил документ в орудие вымогательства!.. Но они знали также, что Торрес убит на дуэли, а тело его потонуло в Амазонке и что он умер, так и не назвав имени настоящего преступника.

Если не случится чуда, можно считать, что Жоам Дакоста безвозвратно погиб. Смерть судьи Рибейро, а за ней смерть Торреса — двойной удар, от которого ему не оправиться!

Надо сказать, что общественное мнение в Манаусе, как всегда пристрастное и несправедливое, было против заключенного. Неожиданный арест Жоама Дакосты снова напомнил обществу ужасное преступление в Тижоке, забытое за прошедшие двадцать три года. Процесс молодого чиновника из Алмазного округа, вынесенный ему смертный приговор, его бегство за несколько часов до казни — все это снова разворошили, разобрали, обсудили. Автор статьи, помещенной в «Диарио до Гран Пара», самой распространенной местной газете, изложив все подробности преступления, занял враждебную заключенному позицию.

Как могло общество верить в невинность Жоама Дакосты, если оно не знало всего, что знали только его близкие и больше никто!

И население Манауса сразу заволновалось. Вскоре толпа индейцев и негров с яростными криками собралась у тюрьмы, требуя смерти Дакосты. В этой южноамериканской стране, где жители так часто видят гнусные расправы, названные судом Линча, толпа легко поддается жестоким инстинктам, и можно было опасаться, как бы она и здесь не вздумала учинить самосуд.

Какую печальную ночь провели пассажиры жангады! Удар поразил и хозяев и слуг. Ведь все обитатели фазенды составляли как бы одну большую семью. Все они решили оберегать Якиту и ее детей. По берегу Риу-Негру беспрестанно ходили взад-вперед горожане, чрезвычайно возбужденные арестом Жоама Дакосты, и раз-вз можно было предвидеть, до каких крайностей они способны дойти?

Однако ночь прошла спокойно, и никто не пытался напасть на жангаду.

На другой день, 26 августа, лишь только взошло солнце, Манозель и Фрагозо, в эту тревожную ночь ни на минуту не отходившие от Бенито, попробовали рассеять его отчаяние. Отведя его в сторону, они постарались ему внушить, что теперь нельзя терять ни минуты, надо заставить себя действовать.

— Бенито,— сказал Манозель,— возьми себя в руки, стань снова мужчиной, достойным сыном своего отца!

— Достойным отца! — вскричал Бенито.— Ведь я же его и погубил!

— Нет,— сказал Манозель,— быть может, не все еще потеряно, если бог нам поможет.

— Выслушайте нас, господин Бенито,— поддержал его Фрагозо.

И юноша, проведя ладонью по глазам, сделал над собой неимоверное усилие и взял себя в руки.

— Бенито,— начал Манозель,— Торрес никогда не рассказывал нам о своем прошлом и ничто не наведет нас на его след. Стало быть, мы не можем догадаться ни кто виновник преступления в Тижоке, ни каким образом он его совершил. Искать в этом направлении — значит даром терять время.

— А время очень дорого! — добавил Фрагозо.

— К тому же,— продолжал Манозель,— если бы нам и удалось узнать, кто товарищ Торреса, оставивший ему

свою исповедь, он ведь умер и не может подтвердить невиновность Жоама Дакосты. Однако мы знаем, что доказательство его невиновности существует, мы не можем сомневаться в существовании документа, если Торрес сам предлагал его продать. Этот документ — признание, написанное рукой преступника; он описывает злодеяние со всеми подробностями и оправдывает нашего отца. Да! Бесспорно! Этот документ существует!

— Зато сам Торрес больше не существует! — вскричал Бенито. — И документ пропал вместе с негодем!

— погоди, еще рано отчаиваться, — ответил Манозль. — Помнишь, при каких обстоятельствах мы познакомились с Торресом? В чаще икитосского леса? Он гнался за обезьяной, стащившей у него металлическую коробку, которой он чрезвычайно дорожил; он гонялся за ней часа два, пока мы не сбили ее пулей. Неужто ты думаешь, что Торрес потратил бы столько сил ради нескольких спрятанных в коробке монет? А помнишь, какая радость мелькнула у него на лице, когда ты вернул ему отнятую у обезьяны коробку?

— Да!.. Да!.. В коробке, которую я держал в руках и отдал ему... Быть может, в ней лежал...

— Это более чем вероятно! Я даже уверен, что это так! — ответил Манозль.

— Я вспомнил сейчас еще кое-что, — заметил Фрагозо. — Когда вы сошли с жангады в Эге, я остался на борту по просьбе Лины, чтобы следить за Торресом, и видел своими глазами, как он читал и перечитывал какую-то старую, пожелтевшую бумагу... и бормотал какие-то непонятные слова.

— Это и был документ! — Бенито ухватился за эту последнюю надежду. — Но он, наверно, спрятал его в верном месте!

— Нет! — возразил Манозль. — Нет! Торрес слишком дорожил этой бумагой, чтобы расстаться с ней. Я думаю, он всегда носил ее при себе в той самой коробке.

— Постой, постой, Манозль! Я вспомнил! Вспомнил! Когда во время дуэли я нанес Торресу первый удар прямо в грудь, моя маншета наткнулась под его поншо на что-то твердое... вроде металлической пластинки!

— Это была коробка! — воскликнул Фрагозо.

— Да! В этом нет сомнений! — поддержал его Маноэль. — Коробка, наверно, лежала в кармане его куртки.

— Но труп Торреса...

— Мы его найдем!

— А документ? Если вода проникла в коробку, бумага размокла и ее нельзя будет прочесть.

— Почему? Если металлическая коробка закрывалась герметически, бумага не пострадала.

— Ты прав, Маноэль. — Бенито все так же цеплялся за последнюю надежду. — Надо разыскать труп Торреса! Если понадобится, мы обшарим всю эту часть реки, но мы его разыщем!

Молодые люди тотчас же позвали лоцмана Араужо и сообщили ему о своем замысле.

— Хорошо! — ответил Араужо. — Я знаю все течения и мели на месте впадения Риу-Негру в Амазонку. Быть может, нам и удастся выловить тело Торреса. Возьмем две пироги, две убы, человек десять индейцев и отправимся.

В это время из комнаты Якиты вышел отец Пассанья, и Бенито вкратце рассказал ему, как они собираются отыскивать документ.

— Не говорите пока ничего матушке и сестре, — попросил он. — Если и последняя надежда рухнет, это их убьет.

— Ступай, сын мой, ступай, — сказал отец Пассанья, — и да поможет вам бог в ваших поисках.

Пять минут спустя четыре лодки отчалили от жангды; они спустились по Риу-Негру и подошли к берегу Амазонки в том самом месте, где смертельно раненный Торрес исчез в волнах реки.

8. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОИСКОВ

Поиски следовало начинать немедленно по двум важным причинам.

Во-первых, так как это вопрос жизни или смерти для Жоама Дакосты: доказательство его невиновности надо представить прежде, чем придет приказ из Рио-де-Жанейро. Ведь теперь, когда личность осужденного установлена, можно ждать только одного — приказа о приведении приговора в исполнение.

Во-вторых, тело Торреса необходимо вытащить из реки как можно скорее, чтобы коробка и ее содержимое не пострадали от воды.

На этот раз Араужо проявил не только усердие и сообразительность, но также отличное знание особенностей реки у впадения в нее Риу-Негру.

— Если Торреса сразу унесло течением,— сказал он молодым людям,— придется обшарить дно на большом расстоянии, иначе надо ждать несколько дней, пока труп всплывет сам.

— Ждать мы не можем,— ответил Манозель.— Мы должны найти его сегодня же!

— Если же тело застряло в камыше и водорослях у берега,— продолжал лощман,— то не пройдет и часу, как мы его найдем.

— Тогда за дело! — ответил Бенито.

Действовать можно было только одним способом. Лодки подошли к берегу, и индейцы длинными баграми принялись ощупывать дно вдоль крутого откоса, где происходил поединок.

Место это было нетрудно узнать: полоса крови тянулась по отвесному меловому склону до самой воды. А на камыше виднелись пятна крови, указывавшие, куда погрузилось тело.

Ниже, футах в пятидесяти, в реку выдавалась коса, задерживая течение, и вода тут была неподвижна, как в большой лохани. У берега тоже не чувствовалось ни малейшего течения, и камыши стояли прямо, словно застыв. Значит, можно было надеяться, что тело Торреса не унесено течением на середину реки. И даже если дно сильно понижалось, образуя крутой склон, тело могло лишь соскользнуть на несколько метров в глубину, где тоже не было заметно никакого движения воды.

Убы и пироги, разделив между собой работу и ограничив место своих поисков краями этой заводи, двигались от краев к середине, обшаривая дно длинными баграми и не пропуская ни одного бугорка.

Однако все их старания не увенчались успехом: они не нашли трупа авантюриста ни в камыше, ни на дне русла, которое они тщательно обыскали.

Через два часа после начала работы все пришли к заключению, что тело, должно быть, ударившись о берег,

откатилось вкось, за пределы заводи, туда, где уже начиналось течение.

— Но нам еще рано отчаиваться,— сказал Манозль,— нечего и думать бросать поиски!

— Неужели нам придется обыскивать всю реку вдоль и поперек? — воскликнул Бенито.

— Поперек — может быть, а вдоль — к счастью, нет! — ответил Араужо.

— Почему? — спросил Манозль.

— Потому что Амазонка на милю ниже впадения в нее Риу-Негру делает довольно крутой поворот, и дно ее при этом резко повышается. В этом месте образуется как бы естественная преграда — плотина Фриас, хорошо известная плотогонам. Переплыть ее могут лишь такие предметы, которые держатся на поверхности воды. Но тем, что сидят поглубже, ее не преодолеть.

Нельзя не согласиться, что это было счастливое совпадение обстоятельств, если только Араужо не ошибался. Но старому знатоку Амазонки можно было доверять. За тридцать лет, что он плавал лоцманом на этой реке, плотина Фриас, где стиснутое между берегами течение убыстрялось в сужавшемся ложе, доставила ему немало хлопот. Узость русла при малой глубине делала этот переход очень трудным, и здесь разбился не один плот.

Следовательно, Араужо был прав, считая, что если Торрес лежит на песчаном дне реки, то течение пока не может унести его за плотину.

Трудно было найти человека более опытного и лучше знающего этот край, чем лоцман Араужо. И если он уверен, что тело Торреса не могло уплыть дальше узкого пролива на расстоянии мили отсюда, то оставалось только обшарить эту часть реки, чтобы его отыскать.

К тому же в этом месте ни один остров или островок не преграждал течение Амазонки. Значит, нужно сначала обследовать оба берега до плотины, а потом тщательно обыскать самое русло шириной около пятисот футов.

Так и поступили. Сначала лодки прошли вдоль правого, потом вдоль левого берега реки. Обшарили баграми камыши и траву, осмотрели малейшие выступы на берегах, за которые тело могло зацепиться. Ничто не ускользало от глаз Араужо и индейцев.

Но все их усилия были тщетны. Прошло уже полдня,

а исчезнувшее тело еще не было вытащено со дна реки. Индейцам дали часок отдохнуть. Немного подкрепившись, они снова принялись за дело.

На этот раз четыре лодки под командой лопмана, Бенито, Фрагозо и Манозля разделили поверхность реки от впадения Риу-Негру до плотины Фриас на четыре части. Теперь оставалось обследовать русло. Однако кое-где багры были недостаточно длинны, чтобы достать до самого дна. Пришлось соорудить нечто вроде драги или бороны, наполнив камнями и кусками железа прочные сети; их прикрепили к бортам лодок, которые плыли перпендикулярно берегам, и, опустив в воду, прочесывали дно, словно граблями.

Бенито и его товарищи занимались этой трудной работой до позднего вечера. Идя на веслах, убы и пироги избороздили всю поверхность реки до самой плотины.

Было пережито немало волнующих минут, когда сети цеплялись за что-нибудь на дне реки. Их тотчас вытаскивали, но вместо того, кого так упорно искали, они приносили тяжелый камень, или куст водорослей, вырванный с песчаного дна.

Однако никто не думал бросать начатые поиски. Все забывали о себе в этой самоотверженной работе. Бенито, Манозлю и Араужо не приходилось подгонять и подбадривать индейцев. Эти преданные люди знали, что трудятся ради хозяина икитосской фазенды, ради человека, которого они любят и уважают, ради главы большой семьи, в которую входят наравне и хозяева и работники.

Они готовы были всю ночь обшаривать дно реки, если бы это понадобилось, не думая об усталости. Все слишком хорошо понимали, что значит каждая потерянная минута.

И все же, незадолго до захода солнца, Араужо, считая бесполезным продолжать поиски в темноте, дал лодкам сигнал возвращаться, и все они собрались у устья Риу-Негру, а потом вернулись на жангаду.

Так продуманно, так тщательно проведенные поиски ни к чему не привели!

Возвращаясь домой, Манозль и Фрагозо не решались заговорить об этом с Бенито. Они боялись, как бы разочарование не толкнуло его на какой-нибудь отчаянный поступок,

Но теперь мужество и самообладание не покидали молодого человека. Он решил твердо идти до конца в этой отчаянной борьбе за жизнь и честь отца, и первый обратился к друзьям со словами:

— До завтра! Утром мы снова примемся за дело, и, надеюсь, с большим успехом.

— Да, ты прав, Бенито,— ответил Манозль.— Мы должны добиться цели. Нельзя сказать, что мы полностью обследовали всю заводь и у берегов и в глубине.

— Нет, этого сказать нельзя,— согласился Араужо.— И я стою на том, что уже говорил: тело Торреса тут, течение не могло перенести его через плотину Фриас. Пройдет несколько дней, прежде чем оно всплывет на поверхность и его унесет течением. Да! Тело здесь, и пусть мне никогда не видать бутылки с тафией, если я не отыщу его!

Уверенность опытного лоцмана имела большой вес и всех обнадежила.

Однако Бенито, который не хотел утешаться словами, а предпочитал видеть вещи в истинном свете, возразил:

— Да, Араужо, тело Торреса пока еще в этой заводь, и мы отыщем его, если...

— Если? — повторил лоцман.

— Если оно не стало добычей кайманов!

Манозль и Фрагозо с волнением ждали, что скажет Араужо.

Лоцман помолчал. Как видно, он хотел хорошенько обдумать свой ответ.

— Господин Бенито,— сказал он наконец,— у меня нет привычки бросать слова на ветер. Мне тоже пришла эта мысль, как и вам. Но скажите-ка, заметили вы за десять часов, что мы провели тут на воде, хоть одного каймана?

— Ни одного,— ответил Фрагозо.

— А если вы их не видели,— продолжал лоцман,— стало быть, их тут и нет, а нет их потому, что этих тварей совсем не тянет забираться в чистую воду, когда в четверти мили отсюда начинаются притоки с их любимой мутной водой! В том месте, где на жангаду напали кайманы, не было ни одного притока, где бы они могли укрыться. А здесь — другое дело. Войдите в Риу-Негру

и сразу наткнетесь на десятки кайманов! Если бы тело Торреса свалилось в Риу-Негру, у нас не было бы никакой надежды его отыскать. Но он упал в Амазонку, и Амазонка нам его отдаст.

Бенито, избавившись от своей тревоги, крепко пожал лощману руку и сказал:

— До завтра, друзья!

Десять минут спустя все поднялись на жангаду. В этот день Якита провела несколько часов у мужа. Но перед уходом, не видя на жангаде ни лощмана, ни Бенито с Манозлем, ни шлюпок, она поняла, что они решили заняться поисками. Однако ничего не сказала мужу, надеясь, что на другой день порадует его вестью об успехе.

Но как только Бенито ступил на жангаду, она поняла, что их постигла неудача.

И все же бросилась ему навстречу.

— Ничего? — спросила она.

— Ничего, — ответил Бенито. — Но у нас есть еще завтрашний день!

Вся семья разошлась по своим спальням, и никто больше не говорил о событиях прошедшего дня.

Манозель уговаривал Бенито лечь и отдохнуть хоть час-другой.

— К чему? — отвечал Бенито. — Разве я могу спать!

9. ВТОРОЙ ДЕНЬ ПОИСКОВ

На другой день, 27 августа, еще до восхода солнца, Бенито отвел Манозля в сторону и сказал:

— Наши вчерашние поиски были напрасны. Если сегодня мы поведем их так же, как и вчера, то можем опять ничего не добиться.

— Однако это необходимо, — возразил Манозль.

— Да, но если мы опять не найдем тела Торреса, знаешь ли ты, сколько времени пройдет, пока оно само всплывет на поверхность?

— Я думаю, понадобится всего два-три дня.

— Но у нас нет этих трех дней! — воскликнул Бенито. — Ты же знаешь, мы не можем ждать! Мы должны продолжать поиски, но по-другому.

— Что же ты думаешь делать?

— Буду нырять сам и обследовать дно руками и глазами,— ответил Бенито.

— Ты можешь нырять сто, даже тысячу раз... Допустим! — сказал Манозль. — Я тоже считаю, что сегодня надо искать нам самим, непосредственно, а не вслепую — сетями и баграми, которые только щупают дно. Я считаю, как и ты, что нам нельзя ждать и трех дней. Но нырять, выплывать, отдыхать, снова нырять... Так на самые поиски останутся лишь считанные минуты. Нет! Этого недостаточно, это бесполезно, мы рискуем опять потерпеть неудачу!

— А разве ты можешь предложить что-нибудь другое, Манозль? — спросил Бенито, глядя на друга в нетерпеливом ожидании.

— Послушай. Есть одна возможность, как будто посланная судьбой, чтобы нам помочь.

— Какая же? Говори!

— Вчера, проходя по Манаусу, я видел, как рабочие укрепляют набережную на Риу-Негру. Там под водой работает водолаз в скафандре. Попросим, возьмем на прокат или купим любой ценой это водолазное снаряжение и тогда примемся за поиски с лучшими средствами.

— Скажи Араужо, Фрагозо, команде — и в путь! — тотчас согласился Бенито.

Лоцману и цирюльнику сообщили о новом плане Манозля и условились, что они на четырех шлюпках отправятся с командой к плотине Фриас и подождут там молодых людей.

Манозль и Бенито, ни минуты не мешкая, высадились на берег и прошли на набережную в Манаусе. Там они предложили ведущему работы подрядчику такую сумму, что он поспешил передать им свое водолазное снаряжение на весь день.

— Хотите взять на подмогу кого-нибудь из моих рабочих? — спросил он.

— Дайте нам вашего мастера и несколько человек для работы воздушным насосом.

— А кто наденет скафандр?

— Я,— ответил Бенито.

— Ты, Бенито? — воскликнул Манозль.

— Да, я!

Спорить было бесполезно.

Через час небольшой плот с насосом и необходимым оборудованием спустился вдоль берега и причалил к тому месту, где его дожидались лодки.

Известно, как устроено водолазное снаряжение, позволяющее человеку спускаться под воду и оставаться там некоторое время без всякого вреда для легких. Водолаз надевает водонепроницаемый резиновый костюм, заканчивающийся галошами со свинцовыми подошвами, которые позволяют ему сохранять в воде вертикальное положение. На шее этот костюм заканчивается широким медным кольцом, к которому привинчивают металлический шлем со вставленным спереди стеклом. Этот шлем надевается на голову водолаза так, чтобы он мог свободно двигать ею. К шлему прикреплены два резиновых шланга: по одному отводят выдыхаемый человеком воздух, уже негодный для дыхания, а по другому, соединенному с воздушным насосом на плоту, накачивают свежий воздух, которым он дышит. Когда водолаз должен работать на одном месте, плот стоит над ним неподвижно; когда же водолаз ходит по дну, плот плавает за ним или он сам следует за плотом, смотря по тому, как было условлено.

Теперь скафандры очень усовершенствованы и гораздо менее опасны, чем прежде¹. Человек, погруженный в воду, довольно легко переносит увеличение давления. Если же в местных условиях и можно было чего-либо опасаться, так это встречи с кайманами. Но, как заметил Араужо, никто не видел накануне ни одного из этих земноводных, к тому же известно, что кайманы предпочитают мутные воды притоков Амазонки. Впрочем, на случай какой-либо опасности у водолаза под рукой есть шнурок, соединенный с колокольчиком на плоту, и едва раздастся звонок, водолаза немедленно вытаскивают на поверхность.

Бенито, спокойно выполнявший принятое им решение, надел водолазный костюм, и голову его скрыл металлический шар. В руку он взял палку с железным наконечником, чтобы шарить в водорослях и разных обломках,

¹ В наше время водолазный костюм, или, как сейчас он называется, скафандр, гораздо совершеннее, чем описываемый Ж Верном. Он делается из более легких и прочных материалов, снабжен дыхательным, телефонным и сигнальным оборудованием.

скопившихся на дне реки, затем подал знак, и его спустили под воду.

Рабочие на плоту, привыкшие к этому делу, тотчас же принялись качать воздушный насос, а четверо индейцев с жангады, под командой Араужо, отталкиваясь длинными баграми, медленно повели плот в условленном направлении.

Две пироги, под командой Манозля и Фрагозо, каждая с двумя гребцами, следовали за плотом, готовые мчаться вперед или назад — куда понадобится, если только Бенито отыщет наконец тело и поднимет его на поверхность реки.

10. ПУШЕЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Итак, Бенито спустился под водную гладь, которая скрывала от него тело авантюриста. Ах, если б в его власти было отвести, осушить, превратить в пар воду великой реки, если б он мог обнажить дно всего водного бассейна от плотины Фриас до устья Риу-Негру, тогда наверное коробка, спрятанная в кармане Торреса, была бы уже у него в руках! Невинность его отца была бы доказана! Жоам Дакоста получил бы свободу и вместе с семьей продолжал бы путь по реке, избежав множества страшных испытаний.

Бенито ступил на дно. Под его тяжелыми подошвами хрустел песок. Он спустился на глубину в десять—пятнадцать футов у круто обрывавшегося берега, в том месте, где утонул Торрес.

Здесь были такие густые заросли камыша и водорослей, в которых застряло множество коряг, что вчера, во время поисков, багры не могли проникнуть повсюду. Могло случиться, что тело задержалось в этой подводной чаще и осталось на месте.

Тут, в заводи за косой, не было никакого течения. Юношу вел за собой плот, который медленно плыл у него над головой, повинаясь баграм индейцев.

Свет проникал довольно глубоко сквозь прозрачную воду, на безоблачном небе сияло яркое солнце, почти отвесно бросая свои лучи. В обычных условиях достаточно спуститься на глубину в двадцать футов под воду, чтобы

видимость стала крайне ограниченной; но тут вода была как бы пронизана светом, и Бенито мог спуститься еще глубже, не погружаясь во мрак, и разглядывать дно реки.

Молодой человек медленно двинулся вдоль берега. Палкой с железным наконечником он ворошил водоросли и разные обломки, скопившиеся на дне. Стайки рыб выпархивали, если можно так выразиться, словно птички, из подводных кустов. Они сверкали в воде как тысячи осколков разбитого зеркала. А по желтоватому песку во все стороны сотнями разбегались маленькие рачки, похожие на больших муравьев из потревоженного муравейника.

Однако, несмотря на то, что Бенито обшарил каждый закоулок, он ничего не находил. Вскоре он заметил, что дно довольно сильно понижается, и решил, что тело Торреса могло скатиться вниз, к середине реки. В таком случае оно, вероятно, там и лежит, потому что течение вряд ли подняло его с такой глубины, а дальше русло еще опускается.

Бенито решил, как только кончит осматривать прибрежные заросли, продолжать поиски в русле реки. А пока он по-прежнему двигался вдоль берега за плотом, который, как было заранее условлено, должен был плыть четверть часа в том же направлении.

Прошло четверть часа, а Бенито ничего не нашел. Тут он почувствовал потребность подняться на поверхность и восстановить силы в нормальных условиях. Кое-где дно понижалось, и он был вынужден спускаться на глубину до тридцати футов. Значит, ему приходилось выдерживать давление, равное одной атмосфере, что вызывает большую физическую усталость, а у того, кто не привык к подобной работе, даже затуманивает сознание.

Бенито дернул за шнурок колокольчика, и рабочие на плоту принялись его вытаскивать, но очень медленно, поднимая всего на два-три фута в минуту, чтобы быстрая смена давления не повредила его внутренним органам.

Как только Бенито взобрался на плот, с него сняли скафандр, и, глубоко вздохнув, он сел немного отдохнуть.

Пироги тотчас подплыли к плоту. Манозель, Фрагозо и Араужо окружили Бенито и ждали, когда он заговорит.

— Ну что? — спросил Манозль.

— Ничего! Пока ничего!

— Ты не нашел никаких следов?

— Никаких!

— Хочешь, я тебя сменю?

— Нет, Манозль, я только начал... Я знаю, куда теперь идти... Я хочу искать сам!

Бенито объяснил лоцману, что решил осмотреть нижнюю часть берега до плотины Фриас, где дно, повышаясь, могло задержать тело Торреса, особенно если оно плыло под водой и его прибило течением к плотине. Но прежде Бенито хотел отойти от берега и тщательно обыскать глубокую впадину в русле, так как багры не доставали до ее дна.

Араужо одобрил этот план и начал приготовления для новых поисков.

А Манозль счел нужным дать Бенито кое-какие советы.

— Если ты хочешь продолжать поиски в той стороне, — сказал он, — плот поплывет за тобой, но будь осторожен, Бенито. Тебе придется спуститься футов на шестьдесят ниже, чем ты спускался, а там давление дойдет до двух атмосфер. Двигайся очень медленно, иначе это может сказаться на работе мозга. Ты перестанешь понимать, где ты, и забудешь, зачем туда попал. Если голову тебе сожмет словно в тисках, а в ушах начнется назойливый шум, не раздумывая давай сигнал, и мы вытащим тебя наверх. Потом, если надо, ты спустишься снова и так понемногу привыкнешь двигаться на глубине.

Бенито обещал Манозлю следовать его советам, понимая, как они важны. Больше всего его испугало, что он может потерять способность соображать в ту минуту, когда ясность мысли будет ему особенно нужна.

Бенито пожал Манозлю руку; металлический шлем снова привинтили к медному кольцу у него на шее, насос заработал, и водолаз вскоре исчез под водой.

Теперь плот отошел от левого берега футов на сорок, а чтобы течение не несло его быстрее, чем нужно, когда он выйдет на середину реки, к нему привязали убы, и индейцы, гребя против течения, удерживали его, так что он двигался совсем медленно.

Бенито спустили очень осторожно, и он твердо стал на дно. Когда его свинцовые подошвы коснулись песка, можно было определить по длине подъемного троса, что он спустился на глубину от шестидесяти пяти до семидесяти футов. Видимо, тут была глубокая впадина, гораздо ниже уровня всего русла.

Толща воды здесь была темнее, чем раньше, но благодаря своей чистоте пропускала достаточно света. Бенито довольно ясно различал предметы, осевшие на дне, и уверенно двигался вперед. К тому же песок, усеянный кусочками слюды, отражал свет как рефлектор, и можно было сосчитать ее крохотные пластинки, переливавшиеся словно сверкающая пыль.

Бенито ходил, всматриваясь, ощупывая своим копьём каждую ямку. Он продолжал медленно спускаться. По мере надобности веревку отпускали; подававшая и отводившая воздух трубки висели свободно, и насос работал исправно.

Понемногу Бенито дошел до середины реки, где впадина достигала наибольшей глубины.

Порой вокруг него нависала такая тьма, что он переставал видеть даже на близком расстоянии. Но это было ненадолго: плот, двигавшийся над его головой, заслонял солнечные лучи и казалось, что день сменила ночь. А минуто спустя черная тень отступала, и песок по-прежнему отражал яркий свет.

Бенито все спускался. Он чувствовал это прежде всего по усилившемуся давлению воды на его тело. Ему стало труднее дышать, он не мог так свободно двигать руками и ногами, как в среде с нормальным атмосферным давлением. Он находился в таких условиях, а его организм под воздействием таких явлений, к которым он совсем не привык. В ушах у него шумело все сильнее, но сознание оставалось ясным, он чувствовал, что мозг его работает четко, даже с небывалой отчетливостью, и потому не хотел давать сигнала к подъему и продолжал спускаться все ниже.

Вдруг в окружавшем его полумраке он заметил какую-то темную фигуру. Ему показалось, что это очертания тела, застрявшего в кусте водорослей.

Сердце его сжалось. Он шагнул и, вытянув вперед копьё, сдвинул с места темное тело.

Но то был труп громадного каймана, уже превратившийся в скелет, который течение Риу-Негру вынесло в Амазонку.

Бенито отошел и, вспомнив уверения лоцмана, подумал, что и живой кайман тоже мог бы забраться в глубину реки у плотины Фриас.

Но он отбросил эту мысль и продолжал идти вперед, решив добраться до самого дна впадины.

К этому времени он уже спустился футов на сто и, следовательно, испытывал давление в три атмосферы. Он понимал, что если впадина будет и дальше понижаться, ему придется скоро прекратить поиски.

Опыт показал, что спуск под воду на глубину от ста двадцати до ста тридцати футов — это предел, который опасно переступать: под таким давлением не может нормально функционировать не только человеческий организм, но и насосы перестают равномерно подавать воздух.

И все же Бенито решил идти вперед, пока хватит выдержки и физических сил. Какое-то необъяснимое предчувствие влекло его к этой подводной пропасти; чутье подсказывало ему, что тело скатилось на самое дно, и если на Торресе были тяжелые вещи — пояс с зашитыми деньгами или оружие, — они могли задержать тело в глубине.

И вдруг в темной впадине он заметил труп. Да, труп! Одежда на нем еще не истлела, и он лежал вытянувшись, как будто уснул, подложив руки под голову...

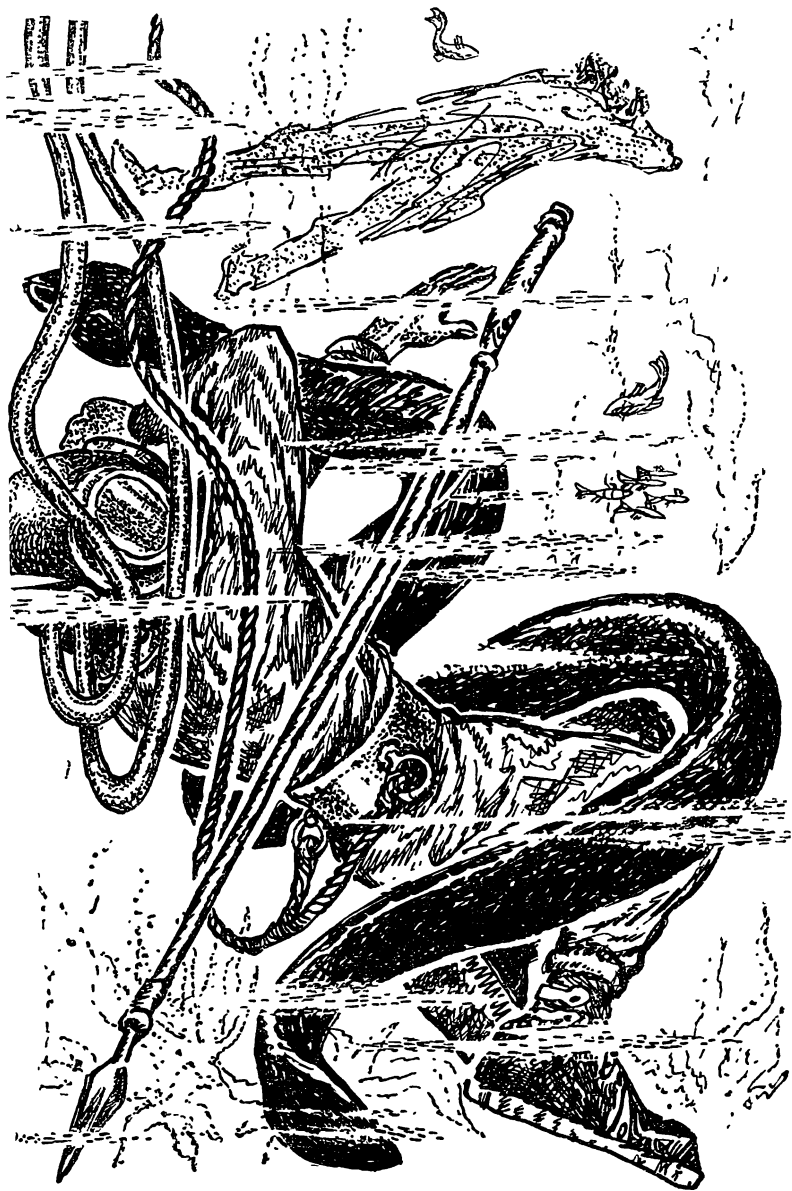
Торрес ли это? В густом мраке его было трудно узнать; но то было несомненно человеческое тело, оно лежало совершенно неподвижно менее чем в десяти шагах от Бенито.

Юношу охватило ужасное волнение. На миг сердце у него остановилось. Ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Но неимоверным усилием воли он справился с собой и пошел к трупу.

И тут его внезапно потряс сильнейший удар. Какой-то длинный ремень крепко хлестал его тело, и, несмотря на толстый водолазный костюм, Бенито пронзила острая боль.

— Гимнот!

Только это слово и успел он сказать.

Не в силах устоять под ударами гимна, Бенито упал на песок.

В самом деле, на Бенито напал гимнот, или электрический угорь. Как известно, это особый вид угрей, с черной скользкой кожей, у которых мышцы обладают необыкновенной силой. К тому же они имеют особый орган, вырабатывающий электричество, и могут наносить опасные удары. Электрические угри бывают величиной с обыкновенного угря, а порой достигают и семи футов.

И в Амазонке, и в ее притоках довольно много гимнотов, и такая живая катушка длиной в пять футов, раскрутившись и выгнувшись дугой, вдруг бросилась на нашего водолаза.

Бенито понял, насколько опасно для него нападение этой страшной твари. Одежда не могла его защитить.

Электрические разряды продолжали сыпаться на Бенито, и он знал, что так будет и дальше, пока угорь не истощит всю свою энергию.

Не в силах устоять под этими ударами, Бенито упал на песок. Руки и ноги у него постепенно немели под действием электрического тока, испускаемого гимнотом, который терся о его тело и понемногу обвивался вокруг него крепкими кольцами. Бенито уже не мог шевельнуть рукой. Вскоре он выпустил свое копье и был не в силах даже дернуть за шнурок от колокольчика, чтобы дать сигнал.

Он чувствовал, что погибает. Ни Манозель, ни его товарищи не представляли себе, какой ужасный поединок происходит под ними, на речном дне, между страшным гимнотом и несчастным водолазом, который еле отбивался и уже не мог себя защитить.

И как раз в ту минуту, когда он обнаружил труп, и без сомнения труп Торреса!

Подчиняясь инстинкту самосохранения, Бенито попытался закричать. Но крик его замер в металлическом шаре, не пропускавшем ни малейшего звука.

Бенито чувствовал, что сознание его покидает. В глазах у него темнело, руки и ноги словно налились свинцом...

Но он еще не совсем потерял способность видеть и соображать, когда произошло странное, необъяснимое явление.

Глухой гул прокатился по водяной толще. Он походил на раскат грома, отозвавшийся в самых глубоких слоях воды, колеблемых ударами гимнота. Бенито пока-

залось, что этот грозный гул затопил его, проникнув в сокровенные глубины реки.

И вдруг у него вырвался крик: перед ним предстало страшное видение!

Потонувшее тело, до сих пор неподвижно лежавшее на песке, внезапно приподнялось! Вода, колеблясь, шевелила его руки, как будто утопленник делал странные, конвульсивные движения. Казалось, что жуткий труп ожил!

Это был в самом деле труп Торреса. Солнечный луч, пробившись сквозь водяную толщу, осветил его, и Бенито узнал распухшее и позеленевшее лицо сраженного им злодея, последний вздох которого замер под водой.

Тогда как Бенито, будто в параличе, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, а тяжелые подошвы пригвоздили его к песчаному дну, труп выпрямился, голова его качнулась и, выскользнув из опутавших его водорослей, он встал во весь рост и, страшный, безмолвный, всплыл прямо вверх, на поверхность реки.

11. ЧТО НАШЛИ В КОРОБКЕ ТОРРЕСА

Что же случилось? То было чисто физическое явление, и мы его объясним.

Канонерская лодка «Санта Ана», шедшая вверх по Амазонке в город Манаус, только что миновала плотину Фриас. Подходя к устью Риу-Негру, она подняла флаг и выстрелом из пушки приветствовала бразильское знамя. От выстрела вода в реке заколебалась, и колебания передались до самого дна; этого движения воды было достаточно, чтобы начавшее разлагаться тело Торреса, ставшее от этого легче, всплыло на поверхность Амазонки.

Манозль вскрикнул, товарищи подхватили его крик, и одна пирога тотчас бросилась за трупом, а водолазы стали поднимать на плот.

Невозможно передать испуг Манозля, когда он увидел, что вытасченный из воды Бенито лежит на плоту без движения, не подавая никаких признаков жизни.

Неужели воды Амазонки возвращают им второй труп?

С водолаза как можно скорей сняли скафандр и костюм.

Под воздействием электрических разрядов Бенито совсем потерял сознание. Манозель в отчаянии звал его, старался оживить своим дыханием, слушал, бьется ли у него сердце.

— Бьется! Бьется! — закричал он.

Да, сердце Бенито еще билось, и через несколько минут благодаря стараниям Манозеля он очнулся.

— Тело! Где тело?! — таковы были первые и единственные слова, сорвавшиеся с его губ.

— Вот оно, — ответил Фрагозо, указывая на пирогу с трупом Торреса, приближавшуюся к плоту.

— А ты как, Бенито? Что с тобой случилось? — спросил Манозель. — Не хватило воздуха?

— Нет, на меня напал гимнот. Но откуда этот гул, этот взрыв?..

— Пушечный выстрел, — ответил Манозель. — Благодаря этому выстрелу тело и всплыло на поверхность.

Тут пирога причалила к плоту. На дне ее лежало выловленное индейцами тело Торреса. Пребывание под водой еще не очень обезобразило утопленника. Узнать его было легко. Тут не могло быть никаких сомнений.

Фрагозо, стоя в пироге на коленях, принялся срывать с него одежду, распадавшуюся клочьями.

Вскоре внимание Фрагозо привлекла обнажившаяся правая рука Торреса. На ней был ясно виден шрам от давнишней ножевой раны.

— Этот шрам! — воскликнул Фрагозо. — Ну да!.. Конечно! Теперь я вспомнил!

— Что? — спросил Манозель.

— Ссору!.. Да, ссору, свидетелем которой я был в провинции Мадейра... года три назад. Как же я мог его забыть? Торрес служил тогда в полиции лесным стражником. Ах! Я же знал, что уже встречал этого негодяя!

— Что нам за дело до него теперь! — сказал Бенито. — Коробку! Коробку! Вот что нам нужно. Она при нем?

И Бенито чуть было не разорвал оставшуюся на Торресе одежду, но Манозель его остановил.

— Минутку, Бенито! — сказал он.

Затем обратился к рабочим на плоту, которые не принадлежали к команде жангады и могли считаться беспристрастными свидетелями.

— Запомните, друзья мои, что мы будем делать, что-бы потом точно пересказать судьям, как все произошло. Рабочие подошли к пироге.

Тогда Фрагозо размотал пояс, стягивавший тело Торреса под разорванным пуншо, и, ощупав карман его куртки, воскликнул:

— Коробка!

Бенито ответил ему радостным криком. Он хотел схватить коробку, поскорее открыть ее и проверить, что там лежит.

— Нет,— снова остановил его Манозель, который не терял хладнокровия.— Нельзя допустить, чтобы у судей возникло хотя бы малейшее сомнение. Беспристрастные свидетели должны подтвердить, что эта коробка действительно найдена на теле Торреса!

— Ты прав,— согласился Бенито.

— Друг мой,— обратился Манозель к старшине рабочих на плоту,— пожалуйста, обыщите сами карманы его куртки.

Старшина исполнил его просьбу. Он вынул металлическую коробку с герметически закрытой крышкой, по-видимому не пострадавшую от пребывания в воде.

— А бумага?.. Бумага еще там? — вырвалось у Бенито, который был не в силах совладать с собой.

— Открыть коробку должен судья,— ответил Манозель.— Судья сам проверит, находится ли там документ.

— Да... да... Ты опять прав, Манозель,— сказал Бенито.— Тогда в Манаус, друзья! Скорей в Манаус!

Десять минут спустя быстро плывущая пирога вошла в гавань Манауса. Бенито и его спутники выскочили на берег и бросились бегом по городским улицам.

Через несколько минут они были уже у дома Жаррикеса и передали через слугу, что просят судью немедленно их принять.

Судья приказал ввести их к нему в кабинет.

Манозель рассказал ему все, что произошло с той минуты, когда Бенито в честном поединке смертельно ранил Торреса, до той минуты, когда у мертвеца была найдена

коробка, которую старшина сам вынул у него из кармана.

Хотя рассказ этот подтверждал все, что говорил Жоам Дакоста о Торресе и о сделке, которую тот ему предлагал, судья Жаррикес не сдержал недоверчивой усмешки.

— Вот эта коробка, сударь,— сказал в заключение Манозль.— Она ни минуты не была в наших руках, и вам вручит ее тот самый человек, который нашел ее в кармане Торреса.

Судья схватил коробку и принялся ее изучать. Он разглядывал ее со всех сторон, как какую-нибудь драгоценность, потом встряхнул, и монеты в ней зазвенели.

Неужели в этой коробке не лежит разыскиваемый документ — бумага, написанная рукой настоящего виновника преступления, которую Торрес хотел продать Жоаму Дакосте ценой такой низкой сделки? Неужели доказательство невинности осужденного безвозвратно потеряно?

Легко угадать, какое волнение овладело всеми свидетелями этой сцены. Бенито не мог выговорить ни слова, он чувствовал, что сердце его вот-вот разорвется.

— Откройте же, сударь... откройте коробку,— говорил он наконец прерывающимся голосом.

Судья Жаррикес начал отвинчивать крышку. Потом, сняв ее, опрокинул коробку, и из нее выкатилось на стол несколько золотых монет.

— А бумага!.. Бумага?!— И Бенито схватился за стол, чтобы не упасть.

Судья засунул пальцы в коробку и с трудом вытащил тщательно сложенную, пожелтевшую бумагу, как видно не пострадавшую от воды.

— Документ! Вот документ! — закричал Фрагозо.— Это та самая бумага, которую я видел в руках у Торреса.

Судья Жаррикес развернул бумагу, посмотрел на нее с одной стороны, потом с другой и убедился, что она написана довольно крупным почерком.

— Да, документ,— сказал он.— Никакого сомнения, это в самом деле документ.

— И документ этот доказывает невинность моего отца! — воскликнул Бенито.

— А вот этого я не знаю,— возразил судья Жаррикес,— и, боюсь, мне не легко будет узнать!

— Почему?— спросил Бенито, побледнев как мертвец.

— Потому что документ зашифрован,— ответил судья Жаррикес,— а к этой криптограмме...

— Что же?

— У нас нет ключа!

12. ДОКУМЕНТ

Поистине это было чрезвычайно серьезное затруднение, которого ни Жоам Дакоста, ни его семья не могли предвидеть. Те, кто не забыл первую сцену этой повести, знают, что документ был написан шифром по одной из многих систем, применяемых в криптографии.

Но по какой?

Чтобы разгадать ее, надо было пустить в ход всю изобретательность, на какую способен человеческий ум.

Судья Жаррикес при Бенито и его товарищах велел снять точную копию с документа, который он хотел оставить у себя, затем, сверив ее, отдал молодым людям, чтобы они передали заключенному.

Условившись встретиться с судьей завтра, они откланялись и, не желая ни на минуту откладывать свидание с Жоамом Дакостой, отправились прямо в тюрьму.

Там, во время короткой беседы с арестованным, они сообщили ему все, что произошло.

Жоам Дакоста взял документ и внимательно осмотрел его. Потом, покачав головой, вернул сыну.

— Может статься,— сказал он,— в этой бумаге и приводится доказательство, которого я до сих пор не мог представить. Но если это доказательство ускользнет от меня, а вся моя безупречная жизнь не говорит в мою пользу, тогда мне больше нечего ждать от людского правосудия и судьба моя в руках божьих!

Это понимали все. Если документ не удастся расшифровать, положение осужденного безнадежно.

— Мы разгадаем его, отец! — воскликнул Бенито.— Нет на свете таких документов, которые нельзя разгадать. Поверьте нам... Поверьте! Небо чудом вернуло нам документ, который оправдывает вас. Оно направляло нас

к цели, когда мы разыскивали эту бумагу, а теперь направит наш разум и поможет ее прочесть!

Жоам Дакоста пожал руки молодым людям, и они, всё еще очень взволнованные, поспешили на жангаду, где их ждала Якита.

Там они тотчас рассказали Яките обо всем, что произошло со вчерашнего дня: о том, как всплыл труп Торреса, о находке документа и о том, в какой непонятной форме составил его друг авантюриста, истинный виновник преступления,— должно быть, из страха, как бы документ не выдал его, если бы попал в чужие руки.

Разумеется, Лине тоже поведали об этом неожиданном осложнении и о том, что Фрагозо узнал Торреса, который прежде был лесным стражником и служил в отряде полиции, орудовавшей в окрестностях устья Мадейры.

— Но где вы с ним раньше встречались? — спросила юная мулатка.

— Это было в провинции Амазонки,— ответил Фрагозо,— когда я бродил из деревни в деревню, занимаясь своим ремеслом.

— А что у него за шрам?

— Вот как это случилось. Пришел я однажды в миссию Аранас, а Торрес, которого я прежде никогда не видел, как раз повздорил с товарищем,— все это был отчаянный народ! — и ссора их кончилась тем, что Торреса пырнули в руку ножом. Врача там не было, и мне поручили перевязать рану. Вот тут-то я и познакомился с ним!

— А впрямь, что толку, если мы и узнали, кем был Торрес,— заметила Лина.— Преступление совершил не он, так что нам это не поможет.

— Конечно,— согласился Фрагозо.— Но прочтут же когда-нибудь документ, черт возьми! И все узнают, что Жоам Дакоста невиновен!

На это надеялись и все члены семьи Дакосты. Вот почему они заперлись в общей комнате и провели немало часов, стараясь расшифровать документ.

Однако если они надеялись прочесть эту бумагу, то и судья Жаррикес — это следует подчеркнуть — надеялся ничуть не меньше их.

Составив доклад, в котором после допроса он уста-

навливал личность Жоама Дакосты, судья отправил его в Рио-де-Жанейро и считал, что сам он покончил с этим делом. Но не тут-то было!

Надо сказать, что с тех пор, как был найден документ, судья Жаррикес вдруг почувствовал себя в своей стихии. Охотник до разных числовых загадок, искусный отгадчик забавных задач, шарад, ребусов и всяких головоломок, он мог сейчас отдаться любимому занятию.

А мысль, что этот документ, быть может, таит в себе оправдание Жоама Дакосты, пробудила в Жаррикесе страсть исследователя. Итак, перед ним криптограмма! Теперь он думал лишь о том, как ее разгадать. Всякий, кто его знал, не стал бы сомневаться, что он будет трудиться над этой загадкой, не зная ни сна ни отдыха.

После ухода молодых людей судья Жаррикес остался один в кабинете. Он не велел никого принимать, обеспечив себе на несколько часов полный покой. Очки были у него на носу, табакерка на столе. Он взял добрую пюньшку табаку, чтобы хорошенько прочистить мозги, схватил документ и погрузился в размышления, которые вскоре приняли форму монолога. Почтенный судья был человек экспансивный и любил иногда подумать вслух.

— Будем действовать по системе, — объявил он, — без системы нет логики, а без логики не добиться успеха.

Затем, взяв документ, прочитал его от начала до конца и ничего не понял.

— Гм! — промычал он, подумав. — Пытаться разбирать каждый абзац один за другим — значит даром тратить драгоценное время. Напротив, надо выбрать один абзац — такой, который представляет наибольший интерес. А какой же это может быть, если не последний, где непременно подводится итог всему документу? Навести меня на след могут имена собственные, в частности, имя Жоама Дакосты. А если оно упоминается в этом документе, то, конечно, должно быть и в последнем абзаце.

Судья рассуждал логично. Бесспорно, он был прав, желая сосредоточить все силы своего ума на последнем абзаце.

Мы еще раз приведем этот абзац: читателю необходимо иметь его перед глазами, чтобы понять ход мысли отгадчика, старающегося докопаться до сути.

СГУЧПВЭЛЛЗИРТЕПНДНФГИНБОРГЙУГЛЧД
КОТХЖГУУМЗДХРЪСГСЮДТПЪАРВЙГГИЩВЧ
ЭЕЦСТУЖВСЕВХАХЯФБЬБЕТФЗСЭФТХЖЗВЗ
ЪГФБЩИХХРИПЖТЗВТЖЙТГОЙБНТФФЕОИХТ
ГЕГИИОКЗПТФЛЕУГСФИПТЬМОФОКСХМГБТ
ЖФЫГУЧОЮНФНШЗГЭЛЛШРУДЕНКОЛГГНСБ
КССЕУПНФЦЕЕЕГГСЖНОЕЫИОНРСИТКЦЬЕД
Б У Б Т Е Т Л О Т Ь Ф Ц С Б Ю Й П М П З Т Ж П Т У Ф К Д Г

Прежде всего судья Жаррикес отметил, что строки документа не разделены ни на слова, ни даже на фразы, и в нем нет никаких знаков препинания. Это еще больше затрудняло чтение.

— Посмотрим, однако, не похожи ли какие-нибудь сочетания букв на слова, я хочу сказать — слова, в которых такое количество гласных и согласных, что их можно произнести. Вот, например, в первой строке я вижу ВЭЛЛ, а дальше БОРГ... А вот во второй строке КОТ и СТУЖ — как будто похоже на русские слова! Но откуда взяться русским словам на берегах Амазонки! И дальше вот слово ФЕО... Однако при чем тут латынь? А все эти КОЛ, РИП, ЛОТ, СИТ, ТЕГ — что они значат? А раньше ФУТ, ФОКС — вот вам и английские слова! Поди разберись!

Судья Жаррикес опустил листок и погрузился в раздумье.

— Все эти слова, замеченные мною при беглом чтении, просто нелепы, — пробормотал он. — А если вдуматься, непонятно, какого они происхождения. Одни напоминают голландские, другие — русские, третьи — английские, а большинство ни на что не похоже, не говоря уже о том, что многие группы согласных вообще невозможно произнести. Да, как видно, нелегко будет найти ключ к этой криптограмме!

И пальцы судьи принялись барабанить по столу что-то вроде сигнала к побудке, словно он хотел разбудить свои уснувшие мыслительные способности.

— Прежде всего поглядим, сколько букв в этом абзаце, — сказал он и сосчитал их с карандашом в руке.

— Двести пятьдесят две! Ну что ж, теперь надо посмотреть, как часто повторяется каждая буква, и произвести подсчет.

На это понадобилось больше времени. Судья Жаррикес снова взял документ и принялся считать, отмечая каждую букву в алфавитном порядке. Четверть часа спустя он составил следующую таблицу:

А — 2	раза	Р — 7	раз
Б — 12	"	С — 14	"
В — 6	"	Т — 21	"
Г — 20	"	У — 11	"
Д — 6	"	Ф — 15	"
Е — 15	"	Х — 9	"
Ж — 8	"	Ц — 4	"
З — 9	"	Ч — 4	"
И — 10	"	Ш — 2	"
Й — 6	"	Щ — 2	"
К — 7	"	Ъ — 3	"
Л — 9	"	Ы — 2	"
М — 4	"	Ь — 3	"
Н — 11	"	Э — 4	"
О — 12	"	Ю — 3	"
П — 10	"	Я — 1	"
Всего . . .		252 буквы	

— Гм, гм! — пробурчал судья Жаррикес. — С первого взгляда меня поражает вот что: в одном этом абзаце использованы все буквы алфавита. Странно! Попробуйте взять наудачу несколько строк книжного текста, скажем те же двести пятьдесят две буквы, — туда почти никогда не войдут все буквы алфавита. Впрочем, может быть, это просто случайность.

Потом он перешел к другому вопросу.

— Гораздо важнее узнать, — сказал он, — находятся ли гласные и согласные в нормальном соотношении.

И судья, снова взявшись за карандаш, выписал гласные буквы и произвел следующий подсчет:

А — 2	раза
Е — 15	"
И — 10	"
О — 12	"
У — 11	"
Ы — 2	"
Э — 4	"
Ю — 3	"
Я — 1	"
Всего . . . 60 гласных	

— Итак,— заключил он,— если подсчитать, у нас получится шестьдесят гласных на сто девяносто две согласных. Это приблизительно нормальная пропорция, то есть около одной четверти. Стало быть, возможно, что этот документ написан на нашем языке, но каждая буква подменена другой. А если этот принцип проводился систематически, то есть если буква Б, например, каждый раз обозначалась буквой Л, или О — буквой В, а Г — буквой К, и так далее, тогда пусть меня выгонят со службы, если я не прочту этот документ! И действовать надо не иначе, как по методу гениального апалитика — Эдгара По!

Судья Жаррикес имел в виду рассказ знаменитого американского писателя, недаром считающийся шедевром. Но кто же не читал «Золотого жука»?

В этом рассказе криптограмму, составленную из цифр, букв, алгебраических знаков, звездочек, точек и запятых, анализируют чисто математическим методом и разгадывают при самых фантастических обстоятельствах; вот почему поклонники оригинального писателя не могут забыть этот рассказ.

Однако от разгадки американского документа зависела только находка сокровища, а здесь дело шло о жизни и чести человека! Так что найти шифр к этой криптограмме было куда важнее.

Судья, не раз перечитывавший «Золотого жука», изучил все аналитические приемы, так тщательно разработанные Эдгаром По, и решил воспользоваться ими. Он был уверен, что если значение каждой буквы остается всегда одним и тем же, то с помощью этих приемов он в конце концов прочтет документ, касающийся Жоана Дакосты.

— Как поступил Эдгар По? — бормотал он. — Он начал с того, что установил, какой знак — но здесь у нас только буквы, значит, мы скажем — какая буква встречается в криптограмме чаще всего. Тут я вижу, что это буква Т; она встречается двадцать раз. Уже это огромное число заранее говорит о том, что Т не означает Т, ибо должна заменять букву, чаще всего встречающуюся в нашем языке; я предполагаю, что документ написан по-португальски. Во французском и английском языке это, конечно, была бы буква Е; у итальянцев — И или А;

у португальцев же — А или О. Итак, предположим, хотя бы на время, что Т значит А или О.

Исходя из этого судья стал искать, какая буква после Т встречается в документе чаще всего. И составил следующую таблицу:

Т	— 21 раз	Ж	— 8 раз
Г	— 20 "	З, Л	— 9 "
Е, Ф	— 15 "	Р	— 7 "
С	— 14 "	В, Д, Й	— 6 "
Б, О	— 12 "	М, Ц, Ч	— 4 "
Н, У	— 11 "	Ъ, Ъ, Э, Ю	— 3 "
П, И	— 10 "	А, Ш, Щ, Ы	— 2 "
Х	— 9 "	Ш, Я	— 1 "

— Итак, буква А попадаетея здесь всего два раза! — вскричал судья. — А ведь она должна была бы встречаться чаще всех. Теперь яснее ясного, что значение ее изменено. Хорошо, какие же буквы после А и О чаще всего встречаются в нашем языке? Подумаем.

И судья Жаррикес, проявив поистине замечательную проницательность, свидетельствующую о его глубоком уме, погрузился в новые исследования. Тут он подражал знаменитому американскому писателю, который, будучи великим аналитиком, сумел с помощью простой индукции¹ или сопоставления воссоздать азбуку, соответствующую всем знакам криптограммы, а затем без труда прочел эту тайнопись.

Точно так же поступил и судья, и мы можем утверждать, что он оказался не слабее своего прославленного учителя. Ведь он набил руку на всевозможных логгрифах, кроссвордах и головоломках, построенных на перестановке букв, которые решал и в уме и на бумаге, и был довольно силен в этом умственном спорте.

Теперь ему было нетрудно установить, какие буквы повторяются чаще всего, и расставить их по порядку — сначала гласные, а потом согласные. Через три часа, после того как он начал работу, перед ним лежала азбука, и если его метод был правильным, она должна была открыть ему настоящее значение букв документа.

¹ Индукция — способ рассуждения, с помощью которого от частных суждений, от исследования фактов приходят к общим выводам.

Оставалось только последовательно заменить буквы в документе буквами этой азбуки.

Но приступал он к этому не без волнения. Он предвкушал то духовное наслаждение — куда более сильное, чем многие думают, — когда человек после долгих часов упорного труда понемногу открывает смысл логогрифа, который он так страстно искал.

— А ну-ка попытаемся, — проговорил он. — Право, я буду очень удивлен, если не нашел ключа к этой загадке.

Судья Жаррикес снял очки, протер запотевшие стекла, снова нацепил их на нос и склонился над столом.

Взяв свою новую азбуку в одну руку, а документ в другую, он стал подписывать под каждой буквой документа найденную им букву, считая, что она должна точно соответствовать букве криптограммы.

Подписав первую строчку, он перешел ко второй, потом к третьей, к четвертой, пока не дошел до конца абзаца.

Чудак! Пока писал, он даже не позволял себе взглянуть, выходят ли из этих букв понятные слова. Нет, он решительно отказался от всякой проверки. Он хотел доставить себе наслаждение, прочитав все подряд, одним духом.

Кончив писать, он воскликнул:

— А теперь прочтем!

И прочитал...

Великий боже, какая белиберда! Строчки, которые он написал буквами своей азбуки, были так же бессмысленны, как и строчки документа! Это был еще один набор букв — только и всего; они не составляли никаких слов, не имели никакого смысла! Короче говоря, это были такие же иероглифы!

— Что за дьяволыщина! — завопил судья Жаррикес.

13. РЕЧЬ ИДЕТ О ШИФРАХ

Было уже семь часов вечера. Судья Жаррикес погрешнему сидел, погружившись в решение головоломки, ни на шаг не продвинувшись вперед, совершенно позабыв и об обеде и об отдыхе, когда кто-то постучался в дверь его кабинета.

И, право, вовремя. Еще час, и мозг раздраженного

судьи, чего доброго, растопился бы в его воспаленной голове!

После нетерпеливого приглашения войти дверь отворилась, и появился Маноэль.

Молодой человек оставил на жангаде своих друзей, безуспешно пытавшихся прочесть непонятный документ, и отправился к судье. Он хотел узнать: быть может, Жаррикесу больше повезло и ему удалось разгадать, по какой системе составлена криптограмма.

Судью не рассердил приход Маноэля. Мозг его был так переутомлен, что одиночество стало уже невмоготу. Ему было необходимо с кем-нибудь поделиться, а тем более с человеком, столь же заинтересованным в разгадке этой тайны, как и он сам. Словом, Маноэль явился кстати.

— Господин судья,— проговорил он, входя,— прежде всего позвольте спросить, добились ли вы большего успеха, чем мы?

— Сначала сядьте! — воскликнул судья Жаррикес. — Если мы оба будем стоять, вы приметесь ходить в одну сторону, я — в другую, а кабинет мой для нас двоих слишком тесен.

Маноэль сел и повторил свой вопрос.

— Нет! Мне так же не повезло, как и вам! И знаю я не больше вашего. Я ничего не могу вам сказать, кроме того, что теперь твердо уверен...

— В чем же, сударь, в чем?

— Уверен, что документ основан не на условных знаках, а на том, что в тайнописи называют «шифром», то есть на числе!

— А разве нельзя,— спросил Маноэль,— прочесть в конце концов и такой документ?

— Можно,— ответил судья,— можно, когда одна буква каждый раз заменяется одной и той же: если, к примеру, А всегда заменяется буквой Н, а Н — буквой К; если же нет, тогда нельзя!

— А в этом документе?

— В этом документе буквы меняются в зависимости от произвольно выбранного числа, которому они подчинены. Таким образом Б, поставленная вместо К, станет дальше З, потом М, или Н, или Ф, иначе говоря — любой другой буквой.

— И что же тогда?

— Тогда, скажу вам с глубоким сожалением, криптограмму прочесть невозможно!

— Невозможно?! — воскликнул Манозль. — Нет, сударь, мы непременно найдем ключ к этому документу, ведь от него зависит жизнь человека!

И он вскочил в порыве негодования. Полученный ответ был так безнадежен, что Манозль отказывался считать его окончательным.

Однако по знаку судьи он снова сел и сказал спокойнее:

— А почему, собственно, вы так уверены, что документ основан на шифре или, как вы говорите, на числе?

— Выслушайте меня, молодой человек, — ответил судья, — и вам придется согласиться с очевидностью.

Судья Жаррикес взял документ и положил его перед Манозлем вместе со своими вычислениями.

— Я начал расшифровывать этот документ, как и следовало: основываясь только на логике и не полагаясь на случай. Итак, расставив по порядку буквы нашего языка от наиболее к наименее употребительным, я составил азбуку и подставил новые буквы в документ, по принципу нашего бессмертного аналитика Эдгара По, а затем попробовал его прочесть... И представьте, у меня ничего не вышло!

— Не вышло! — горестно повторил Манозль.

— Да, молодой человек! И я должен был с самого начала сообразить, что решить эту задачу таким способом невозможно! Человек поопытнее меня избежал бы такой ошибки.

— Боже мой! — вскричал Манозль. — Мне так хотелось бы вас понять, а я не могу!

— Возьмите в руки документ и прочтите его еще раз, хорошенько всматриваясь в расположение букв.

Манозль послушался.

— Вы не видите ничего странного в сочетании некоторых букв? — спросил судья.

— Нет, не вижу, — ответил Манозль, наверно в сотый раз проглядев все строчки документа.

— Ну вот, всмотритесь повнимательнее хотя бы в последний абзац. Там, как вы понимаете, сосредоточен весь смысл документа. По-вашему, в нем нет ничего необычного?

— Нет.

— И, однако, тут есть одна особенность, которая самым бесспорным образом доказывает, что документ построен на числе.

— Какая же?

— Взгляните, на этой строчке стоят подряд три буквы Е.

Судья Жаррикес был прав, и наблюдение его заслуживало внимания. Двести первый, двести второй и двести третий знак в этом абзаце были буквой Е. Но вначале судья не заметил этой особенности.

— Что же это доказывает? — спросил Манозель, не догадываясь, какой надо сделать из этого вывод.

— Это доказывает, молодой человек, что документ построен на числе. Это подтверждает, что каждая буква изменяется в зависимости от цифр этого числа и места, которое они занимают.

— Но почему же?

— Потому что ни в одном языке нет таких слов, где одна буква стояла бы три раза подряд.

Манозель был поражен этим доводом и не пашелся ничего возразить.

— Если бы я заметил это раньше, — продолжал судья, — я избежал бы лишней траты сил и жестокой мигрени, от которой у меня раскалывается голова!

— Но скажите, сударь, — проговорил Манозель, чувствуя, что теряет последнюю надежду, но все еще цепляясь за нее, — что вы подразумеваете под шифром?

— Назовем его числом.

— Назовем его как вам угодно.

— Я приведу вам пример, и это будет лучше любого объяснения.

Судья Жаррикес сел за стол, взял лист бумаги, карандаш и сказал:

— Давайте возьмем фразу, все равно какую, ну хотя бы вот эту: «У судьи Жаррикеса проницательный ум». Теперь я напишу ее, оставляя пробелы между словами, вот так:

У СУДЬИ ЖАРРИКЕСА ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ УМ

Написав, судья, считавший, по-видимому, это изречение непреложным, посмотрел Манозелю в глаза и сказал:

— А теперь я возьму наудачу какое-нибудь число, чтобы сделать из этой фразы криптограмму. Предположим, что число состоит из трех цифр, например 4, 2 и 3. Я подписываю это число 423 под строчкой так, чтобы под каждой буквой стояла цифра, и повторяю число, пока не дойду до конца фразы. Вот что получится:

У С У Д Ь И Ж А Р Р И К Е С А П Р О Н И Ц А Т Е Л Ь Н Ы Й У М
4 2 3 4 2 3 4 2 3 4 2 3 4 2 3 4 2 3 4 2 3 4 2 3 4 2 3 4

Затем, молодой человек, возьмем азбуку и будем заменять каждую букву нашей фразы той буквой, которая стоит после нее в алфавитном порядке на месте, указанном цифрой. Например, если под буквой А стоит цифра 3, вы отсчитываете три буквы и заменяете ее буквой Г. Итак, вот что мы получим:

У — 4 = Ч
С — 2 = У
У — 3 = Ц
Д — 4 = И
Ь — 2 = Ю
И — 3 = Л

Если буква находится в конце алфавита и к ней нельзя прибавить нужного числа букв, тогда отсчитывают недостающие буквы с начала азбуки. Например, буква Я в алфавите последняя. Если под ней стоит цифра 3, то счет начинают с буквы А, и тогда Я заменяется буквой В.

Доведем до конца начатую криптограмму, построенную на числе 423 — взятом произвольно, не забудьте! — и фраза, которую вы знаете, заменится следующей:

Ч У Ц И Ю Л К В У Ф К Н Й У Ч У Т С Е К Щ Ц Ф И П Ю Р Я Л Ц Р

Теперь, молодой человек, хорошенько рассмотрите эту фразу. Разве она не выглядит точь-в-точь как те, что вы видели в документе? Что же из этого следует? Что значение каждой буквы определяется случайно поставленной под нею цифрой, и буква в криптограмме никогда не

обозначает одной и той же буквы текста. Взгляните: в нашей фразе первое У обозначено буквой Ч, а второе буквой Ц; первое И обозначено буквой Л, а второе — К; первое А обозначено буквой В, второе — Ч, а третье — Ц. В моем имени одно Р заменено буквой У, а другое — Ф. Теперь вам ясно, что если бы вы не знали числа 423, вам никогда не удалось бы прочесть этой строчки, и, следовательно, если мы не знаем числа, на котором основан документ, мы никогда не сможем его расшифровать!

Сначала Манозель был глубоко подавлен этим строго логичным рассуждением судьи, но затем приободрился и сказал:

— Нет, господин судья! Я все же не откажусь от надежды найти это число.

— Быть может, это еще было бы возможно, — ответил судья Жаррикес, — если бы строчки документа были разделены на слова!

— Почему?

— Вот как я рассуждаю, молодой человек. Я полагаю, есть все основания утверждать, что в последнем абзаце документа подводится итог тому, что было сказано в предыдущих. Поэтому я уверен, что в нем упоминается Жоам Дакоста. Если бы строчки были разделены на слова, то мы могли бы выделить слова, состоящие из семи букв, как и фамилия Дакоста, и, пробуя их одно за другим, может быть, и отыскали бы число, являющееся ключом криптограммы.

— Пожалуйста, объясните мне, как надо действовать, — попросил Манозель, который увидел в этом предположении последний луч надежды.

— Ничего нет проще, — ответил судья Жаррикес. — Возьмем, например, одно из слов в написанной мною фразе, хотя бы мою фамилию. В криптограмме это бессмысленный ряд букв — КВУФКНЙУ. Напишем эти буквы вертикальным столбцом, а против них поставим буквы моей фамилии. Затем отсчитаем количество букв между ними в алфавитном порядке и найдем нужное число:

Между К и Ж находятся 4 буквы					
"	В	—	А	"	2
"	У	—	Р	"	3
"	Ф	—	Р	"	4

Между	К — И	находятся	2	буквы
"	Н — К	"	3	"
"	Й — Е	"	4	"
"	У — С	"	2	"

Из чего состоит столбик цифр, полученных этим простым сопоставлением? Вы видите сами: из цифр 42342342... то есть из несколько раз повторенного числа 423.

— Да, это так! — подтвердил Манозль.

— Вы понимаете, что этим способом, идя в алфавитном порядке от условной буквы к настоящей, вместо того чтобы идти от настоящей к условной, как мы делали вначале, я легко нашел число 423, которое сделал ключом своей криптограммы.

— Ну что ж! — воскликнул Манозль. — Если имя Дакосты упоминается в последнем абзаце, а это несомненно так, тогда, принимая одну за другой каждую букву этих строк за первую из тех семи, что составляют его имя, мы в конце концов найдем...

— Это было бы возможно, — ответил судья Жаррикес, — но только при одном условии!

— Каком?

— Надо, чтобы первая цифра числа совпала с первой буквой слова «Дакоста», а согласитесь, что это почти невероятно.

— Да, конечно, — проговорил Манозль, чувствуя, что от него ускользает последняя возможность успеха.

— Стало быть, приходится рассчитывать на чистую случайность, — продолжал судья Жаррикес, качая головой, — а в такого рода задачах никак нельзя полагаться на случайность!

— А вдруг она все-таки поможет нам найти это число!

— Число, число! — проворчал судья. — Но сколько входит в него цифр? Две, три или, может, девять, десять? Состоит оно из разных цифр или из постоянно повторяющихся? Знаете ли вы, молодой человек, что из десяти цифр десятичного счисления, употребив их все без повторений, можно составить три миллиона двести шестьдесят восемь тысяч восемьсот разных чисел, а если допустить повторение тех же цифр, то добавятся еще миллионы

комбинаций? Знаете ли вы, что если на проверку каждого числа вы будете тратить всего по одной минуте из пяти-сот двадцати пяти тысяч шестисот минут, составляющих год, вам понадобится больше шести лет? А если на каждую проверку вы будете тратить час, тогда вам потребуется больше трех веков! Нет, молодой человек, вы хотите невозможного!

— Невозможно лишь одно, сударь,— осудить невинного человека! — ответил Манозэль.— Невозможно, чтобы Жоам Дакоста потерял жизнь и честь, когда у вас в руках письменное доказательство его невинности. Вот что невозможно!

— Ах, молодой человек! — вскричал судья Жаррикес.— Почему вы знаете, что этот Торрес не солгал, что у него и вправду был в руках документ, написанный виновником преступления, что эта бумага и есть тот документ и что он имеет отношение к Жоаму Дакосте?

— Почему я знаю?.. — повторил Манозэль.

И опустил голову на руки.

В самом деле, ничто не доказывало с полной очевидностью, что в документе говорилось о деле в Алмазном округе. Ничто не подтверждало, что это не просто бессмысленный набор букв и что его не составил сам Торрес, вполне способный продать поддельный документ вместо настоящего.

— И все же, господин Манозэль,— сказал, вставая, судья Жаррикес,— каково бы ни было содержание этого документа, я не брошу попыток найти к нему ключ! Хотя это и потруднее логогрифа или ребуса.

Выслушав судью, Манозэль встал, поклонился и отправился на жангаду, еще более обескураженный, чем раньше.

14. НА УДАЧУ

Тем временем в общественном мнении Манауса произошел резкий перелом в пользу осужденного Жоама Дакосты. Гнев сменился состраданием. Теперь горожане уже не осаждали тюрьму, требуя казни заключенного. Напротив! Самые ярые его враги, кричавшие, что он главный виновник преступления в Тижоке, теперь заявляли, что он ни в чем не виноват, и требовали его немед-

ленного освобождения. Толпа легко бросается из одной крайности в другую.

Впрочем, этот перелом был понятен.

События, происшедшие за последние два дня: дуэль Бенито с Торресом; поиски трупа и то, что он всплыл при таких необыкновенных обстоятельствах; находка документа, который, как оказалось, невозможно прочесть; внезапно обретенная уверенность, что это и есть доказательство невиновности Жоама Дакосты и что бумага написана рукой настоящего преступника — все это способствовало перемене общественного мнения. То, чего все желали, чего нетерпеливо требовали два дня назад, теперь ждали с тревогой: все боялись приказа, который должен был прийти из Рио-де-Жанейро.

Однако он не мог задержаться надолго. Жоама Дакосту арестовали 24 августа и допросили на другой день. Донесение судьи было отправлено 26-го. Теперь наступило уже 28 августа. Министр решит участь осужденного через три-четыре дня самое большее, и нет никакого сомнения, что «правосудие свершится».

Да, никто в этом не сомневался. А между тем все были уверены, что документ доказывает невиновность Жоама Дакосты, — и члены его семьи, и даже непостоянные жители Манауса, сейчас с волнением следившие за развитием этой драматической истории.

Однако какую цену мог иметь документ в глазах людей незаинтересованных и беспристрастных, не поддавшихся влиянию последних событий? Из чего они могли заключить, что он имеет отношение к делу в Алмазном округе? Документ существовал, это бесспорно. Его нашли на теле Торреса. Совершенно верно. Можно было даже удостовериться, сравнив его с доносом Торреса на Жоама Дакосту, что документ этот написан не его рукой. Однако, как заметил судья Жаррикес, разве этот негодяй не мог состряпать документ, чтобы шантажировать Дакосту? И это тем вероятнее, что Торрес соглашался отдать его только после свадьбы с дочерью Дакосты, когда уже ничего нельзя будет изменить.

Одни поддерживали, другие оспаривали эти доводы, и можно себе представить, как взбудоражило всех это дело. А между тем положение Жоама Дакосты было чрезвычайно опасно. Пока документ не расшифрован, его

все равно что нет; а если в течение трех дней каким-либо чудом ключ к нему не будет найден, тогда осужденного уже ничто не спасет — через три дня он будет казнен.

И все же один человек надеялся совершить это чудо! То был судья Жаррикес. Теперь он трудился, чтобы спасти Жоама Дакосту, а не только из любви к искусству Да, и в его сознании тоже произошел перелом. Человек, добровольно покинувший свое убежище в Икитосе и рискуя жизнью, приехавший требовать, чтобы бразильский суд восстановил его честь, был тоже загадкой, загадкой человеческой души, поважнее многих других! И судья решил не отрываться от документа, пока не найдет разгадки. С каким пылом он взялся за дело! Он не ел, не спал и все время только подбирал числа, чтобы найти ключ к этому секретному замку!

К концу первого дня эта неотвязная мысль превратилась у него в настоящую манию. Он кипел от злости, и весь дом дрожал перед ним. Слуги, и белые и черные, не смели к нему подступиться. К счастью, он был холостяком, иначе госпоже Жаррикес пришлось бы пережить немало неприятных часов. Никогда в жизни ни одна задача так сильно не увлекала этого чудака, и он был твердо намерен добиваться ее решения, пока голова его не лопнет, как перегретый котел.

Теперь достойный судья окончательно убедился, что ключом к документу служит число, состоящее из двух или нескольких цифр, но найти это число невозможно никакими логическими рассуждениями.

А между тем именно таким способом яростно искал его Жаррикес и весь день 28 августа не отрывался от этого нечеловеческого труда, напрягая все свои силы и способности.

Искать число наугад — значило, как говорил он сам, проделать миллионы комбинаций, на что не хватило бы целой жизни самого умелого вычислителя. Но если невозможно найти число наугад, то нельзя ли попытаться отыскать его с помощью умозаключений? Конечно, можно, и судья Жаррикес пытался до тех пор, пока ум у него не зашел за разум, хотя он и старался отдохнуть, соснув часок-другой.

Тот, кому удалось бы в это время проникнуть к судье, несмотря на строгий приказ никого не пускать и не пару-

шать его уединения, застал бы его, как и накануне, в кабинете, за письменным столом: он сидел, уставившись на документ, непонятные буквы которого, казалось, порхали вокруг его головы.

— Эх! — воскликнул он. — Почему негодяй, написавший эту бумагу, кем бы он ни был, не разделил строчки на слова! Я бы попробовал... попытался... Так нет же! Однако, если в этом документе действительно идет речь об убийстве и краже алмазов, там должны встречаться слова: «алмазы», «Тижока», «Дакоста», и еще какие-то имена. Если бы я мог сопоставить их со словами криптограммы, то докопался бы и до числа... Но нет! Ни одного пробела! Он написал только одно слово. Слово в двести пятьдесят две буквы! Ах, будь он проклят двести пятьдесят два раза, этот мерзавец, так некстати усложнивший свою систему! За одно это его надо бы двести пятьдесят два раза вздернуть на виселицу!

Яростный удар кулака по документу подкрепил это не очень-то человеколюбивое пожелание.

— Но все же, — продолжал судья, — если я не в состоянии отыскать одно из этих слов в середине документа, то могу попробовать пайти их в начале и в конце каждого абзаца. Тут, может, есть хоть один шанс на успех, и им нельзя пренебрегать.

И судья Жаррикес начал пробовать, не соответствуют ли буквы, которыми начинались и кончались абзацы документа, буквам, составляющим самое важное слово, несомненно встречающиеся в нем, — слово «Дакоста».

Но у него ничего не вышло.

В самом деле, посмотрим хотя бы начало последнего абзаца. Вот эти семь букв:

С	—	Д
Г	—	А
У	—	К
Ч	—	О
П	—	С
В	—	Т
Э	—	А

На первой же букве судья Жаррикес вынужден был остановиться, ибо между буквами С и Д в алфавите находятся тринадцать букв, что дает двузначное число, а в

подобных криптограммах каждую букву можно заменить только одной цифрой.

То же случилось и с последними семью буквами этого абзаца: ПТУФКДГ, где буква П никак не могла заменить букву Д в слове «Дакоста», ибо их отделяет одиннадцать букв.

Значит, это имя тут не стояло.

То же произошло и со словами «алмазы» и «Тижока», которые также не соответствовали буквам криптограммы.

Проделав эту работу, судья Жаррикес, у которого трещала голова, встал, походил по кабинету, подышал воздухом у открытого окна и вдруг взревел так, что спугнул стайку колибри, щебетавшую в листве ближней мимозы. Потом снова сел и взялся за документ.

Он принялся вертеть его в руках.

— Мерзавец! — бормотал он. — Прощелыга! Он скоро сведет меня с ума! Однако — стоп! Спокойно! Нельзя терять рассудка! Сейчас не время!

Он вышел и облил голову холодной водой.

— Попробуем другой способ, — проговорил он. — Если я не могу вывести числа из этих проклятых букв, подумаем, какое число мог выбрать автор документа, которого мы считаем виновником преступления в Тижоке.

Судья решил применить новый метод анализа и, возможно, был прав, потому что в нем тоже была своя логика.

— Прежде всего, — сказал он, — возьмем какой-нибудь год. Почему бы этому негодяю не выбрать, например, год рождения невинно осужденного Жоама Дакосты, хотя бы для того, чтобы не забыть такой важной даты? Жоам Дакоста родился в 1804 году. Посмотрим, что нам даст число 1804 в качестве ключа к криптограмме!

И судья Жаррикес написал первые буквы того же абзаца, над ними поставил число 1804. Он повторил это три раза и получил следующую таблицу:

1 3 0 4	1 8 0 4	1 8 0 4
с г у ч	п в э л	л з и р

Затем, отсчитав в алфавите назад указанное цифрами число букв, он получил следующую строку:

Р у у о э з к и м

Она ничего не значила! Да к тому же в ней не хватало трех букв, которые он заменил точками, потому что цифра 8, стоявшая над буквами Г, В и З, если отсчитывать обратно по алфавиту, не находила соответствующих букв.

— Опять ничего не вышло! — вскричал судья Жаррикес. — Попробуем другое число.

Он рассудил, что автор документа мог выбрать и другой год — например, тот, когда было совершено преступление.

Оно произошло в 1826 году.

Итак, действуя как и в прошлый раз, судья составил следующую таблицу:

1 8 2 6	1 8 2 6	1 8 2 6
С Г У Ч	П В Э Л	Л З И Р

и получил:

Р. С С	О. Ы Е	К. Ж К —

такой же набор букв без всякого смысла, в котором тоже не хватало несколько букв, и по той же причине!

— Проклятое число! — вскричал судья. — Придется отказаться и от этого! Возьмем еще одно. А может, этот мошенник выбрал число украденных им конто?

Украденные алмазы были оценены в восемьсот тридцать четыре конто, и судья написал следующую таблицу:

8 3 4	8 3 4	8 3 4	8 3 4
С Г У	Ч П В	Э Л Л	З И Р,

которая дала такой же неудовлетворительный результат, как и предыдущие:

Й Ф П	П М,	Х И З	Е М

— К черту документ и того, кто его выдумал! — закричал судья Жаррикес и отшвырнул бумагу так, что она улетела в дальний угол комнаты. — Тут даже святой потерял бы терпение!

Но когда судья немного поостыл, он не захотел признать свое поражение и снова взялся за документ. Опыты, проделанные им с первыми строками абзацев

он повторил и с последними, но... тщетно! Потом он перепробовал все, что подсказывало ему разгоряченное воображение. Он подставлял числа, обозначающие возраст Жоама Дакосты, несомненно известного преступнику, дату его ареста, дату вынесения приговора в суде Вилларики, дату назначенной казни, и т. д. и т. д., кончая числом жертв преступления в Тиждоке!

Ничего! Каждый раз — ничего!

Судья Жаррикес пришел в такое иступление, что можно было и впрямь опасаться за его рассудок. Он прыгал, бесновался, размахивал руками, как будто схватился с кем-то врукопашную. Потом вдруг закричал:

— Попробую наудачу, и если логика бессильна — да поможет мне небо!

Рука его схватилась за шнурок звонка, висевшего возле письменного стола. Звонок яростно зазвонил, судья подошел к двери и распахнул ее.

— Бобо! — позвал он.

Прошло несколько секунд.

Бобо, отпущенный на волю негр, любимый слуга Жаррикеса, не показывался. Должно быть, он не решался войти к своему хозяину.

Снова раздался звонок. Снова Жаррикес позвал Бобо, но тот, как видно, решил, что на этот раз в его интересах прикинуться глухим.

Наконец, когда звонок затрезвонил в третий раз и шнурок лопнул, в дверях появился Бобо.

— Что вам угодно, хозяин? — спросил он, благоразумно не переступая порога.

— Подойди сюда и не говори ни слова! — приказал судья, и негра бросило в дрожь от его горящего взгляда.

Бобо подошел.

— Бобо, слушай внимательно, что я тебе скажу, и отвечай мне тотчас же, ни капли не раздумывая, не то я

Ошеломленный Бобо, вытаращив глаза и разинув рот, вытянулся перед хозяином, как солдат, и ждал.

— Ты готов?

— Готов.

— Внимание! Говори сразу, не задумываясь, первое число, которое придет тебе в голову!

— Семьдесят шесть тысяч двести двадцать три! — выпалил Бобо, не переводя дыхания.

Как видно, он думал угодить хозяину, выбрав число побольше.

Судья Жаррикес подбежал к столу и, схватив карандаш, подписал под текстом число, названное негром, который при данных обстоятельствах был слепым орудием случая.

Разумеется, было бы совершенно невероятно, если бы это число — 76223 — оказалось ключом к документу. Новая попытка привела лишь к одному результату: вызвала ярость Жаррикеса, с губ которого сорвалось такое ругательство, что Бобо мигом исчез.

15. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ

Однако не один судья Жаррикес тратил силы на бесплодные поиски. Бенито, Манозель и Минья тоже пытались соединенными усилиями вырвать у документа тайну, от которой зависела жизнь их отца. Не отставали от них и Фрагозо с Линой. Но тщетно пускали они в ход всю свою изобретательность: роковое число было по-прежнему неуловимо.

— Найдите же, Фрагозо! — твердила юная мулатка. — Найдите число!

— Найду! — уверял Фрагозо.

Но не находил.

Надо сказать, однако, что у Фрагозо созрел план, о котором он не хотел говорить даже Лине; этот план не давал ему покоя, и он решил его осуществить: отыскать тот отряд полиции, в котором служил бывший лесной стражник, и узнать, кто мог быть автором зашифрованного документа, признавшим себя виновником преступления в Тижоке. Ведь та часть провинции Амазонки, где орудовал этот отряд, и даже место, где несколько лет назад Фрагозо встретил Торреса, находились совсем недалеко от Манауса. Стоило только спуститься на пятьдесят миль вниз по Амазонке до устья ее правого притока Мадейры, и там, наверно, удалось бы встретить начальника лесной стражи, под командой которого служил Торрес. Через два-три дня Фрагозо мог бы уже поговорить и с бывшими товарищами Торреса.

«Да, конечно, это-то я сделаю, — думал он, — а дальше

что? Если даже я добьюсь успеха, что мне это даст? Допустим, мы убедимся, что один из товарищей Торреса недавно умер, разве это докажет, что умерший и есть виновник преступления? Разве это подтвердит, что он передал Торресу документ, в котором признается в преступлении и обеляет Жоама Дакосту? И, наконец, разве это даст нам ключ к документу? Нет! Только два человека знали шифр: преступник и Торрес. И обонх нет в живых!»

Так рассуждал Фрагозо. Было совершенно очевидно, что поездка его ни к чему не может привести. А между тем эта мысль не давала ему покоя. Непреодолимая сила принуждала его ехать, хотя он не был даже уверен, отыщет ли в Мадейре прежний отряд полиции. К тому же отряд мог в это время перейти в другую часть провинции, и, чтобы добраться до него, у Фрагозо не хватит времени. А главное, чего он добьется? Какого результата?

И все же на другой день, 29 августа, еще до восхода солнца, Фрагозо, никого не предупредив, украдкой сошел с жангады, отправился в Манаус и отбыл на одной из многих лодок «эгаритеа», ежедневно спускавшихся вниз по Амазонке.

Когда он не явился ни к обеду, ни к ужину, все были очень удивлены. Никто, даже юная мулатка, не знал, чем объяснить отсутствие этого преданного слуги в такие трудные минуты.

Кое-кто даже спрашивал себя, и не без основания, не сделал ли чего бедняга над собой с отчаяния, что, встретив Торреса на границе, сам пригласил его на жангаду.

Но если Фрагозо и корил себя за это, то что же говорить о Бенито! В первый раз, в Икитосе, именно он пригласил Торреса на фазенду. Во второй раз, в Табатинге, он же привел авантюриста на жангаду и взял с собой в путешествие. В третий раз снова он вызвал Торреса на дуэль и убил, уничтожив единственного свидетеля, чьи показания могли спасти его отца!

Теперь Бенито винил себя во всем: и в аресте отца, и в ужасных последствиях, к которым этот арест может привести!

Будь Торрес жив, Бенито мог бы надеяться так или иначе, угрозами или посулами, заставить его отдать

документ. За большие деньги Торрес, который не был замешан в преступлении, наверно, согласился бы заговорить. И так долго разыскиваемое документальное доказательство было бы представлено суду. Да, без сомнения!.. Но единственный человек, который мог представить это доказательство, убит рукою Бенито!

Вот что несчастный юноша твердил матери, Манозю и себе самому. Вот какую жестокую ответственность возлагала на него совесть.

Однако стойкая Якита, делившая свое время между мужем, с которым проводила все дозволенные ей часы, и сыном, впадшим в такое отчаяние, что близкие опасались за его рассудок, не теряла твердости и мужества.

Она по-прежнему оставалась отважной дочерью Магальянса, достойной подругой хозяина икитосской фазенды.

Правда, Жоам Дакоста всем своим поведением подерживал ее в тяжелом испытании. Этот человек доблестной души и строгой нравственности, неутомимый труженик, вся жизнь которого была борьбой, ни на минуту не падал духом.

Самым жестоким ударом для него была смерть судьи Рибейро, который не сомневался в его невиновности. Но и этот удар не сломил Жоама, хотя он и надеялся восстановить свою честь лишь с помощью своего бывшего защитника. Вмешательству Торреса он придавал лишь второстепенное значение. К тому же он и не подозревал о существовании документа, когда решил уехать из Икитоса на родину и отдать себя в руки правосудия. Он мог предъявить лишь доказательства морального порядка. Конечно, если бы в ходе дела неожиданно нашлось какое-либо юридическое доказательство, он не стал бы им пренебрегать; но если из-за ряда прискорбных обстоятельств оно исчезло, значит, он оставался в том же положении, в каком перешел бразильскую границу, — в положении человека, который говорит: «Вот мое прошлое, вот мое настоящее, я принес вам всю свою безупречную трудовую жизнь. Первый ваш приговор был несправедлив. После двадцатитрехлетнего изгнания я сам отдаю себя в ваши руки. Я здесь! Судите меня».

Вот почему смерть Торреса и невозможность прочесть найденный при нем документ не произвели на Жоама

Дакосту такого сильного впечатления, как на его семью, друзей и слуг — на всех, кто принимал в нем живое участие.

— Я уповаю на свою невиновность,—твердил он Яките,—как уповаю на господа бога! Если он сочтет, что жизнь моя еще полезна моим близким и нужно чудо, чтобы ее спасти, он сотворит это чудо, а если нет — я умру. Он один мне судья!

Между тем волнение в Манаусе с каждым днем все усиливалось. Дело Дакосты обсуждали с необыкновенной горячностью. Общество, падкое на всякие тайны, было так взбудоражено, что все только и говорили о таинственном документе. К концу четвертого дня никто уже не сомневался, что разгадка криптограммы приведет к оправданию осужденного.

Надо сказать, что каждый мог и сам попытаться разгадать непонятный документ. Местная газета «Диарио до Гран Пара» напечатала его факсимиле¹, и множество оттисков распространялось в городе по настоянию Маноэля, решившего не пренебрегать ничем из того, что могло бы помочь разгадать тайну,— даже случайностью, за которой порой скрывается перст провидения.

Кроме того, была обещана награда в сто конто тому, кто разгадает непонятный шифр и прочтет документ. Это было целое состояние! Итак, множество людей всех сословий потеряли охоту есть, пить и спать и сидели не отрываясь над загадочной криптограммой.

До сих пор, однако, все это ни к чему не привело и, вероятно, самые искусные отгадчики на свете напрасно проводили бы над ней бессонные ночи.

Публику предупредили, что решение загадки следует немедленно направлять судьбе Жаррикесу, в его дом на улице Бога-отца, но до вечера 29 августа никто ничего не прислал и, как видно, не сможет прислать.

Из тех, кто мучился над этой головоломкой, больше всех был достоин сожаления судья Жаррикес. В результате естественного хода мысли он теперь тоже разделял общее мнение, что документ связан с делом в Тижоке, написан рукою самого преступника и снимает вину

¹ Факсими́ле (лат. *fac simile* — «сделай подобное») — точное воспроизведение рукописи, документа, подписи средствами фотографии и печати.

с Жоама Дакосты. И потому с еще большим пылом искал ключ. Он делал это не только из любви к искусству, но из чувства справедливости и сострадания к невинно осужденному человеку. Если правда, что человеческий мозг, работая, тратит некий содержащийся в организме фосфор¹, то мы не взялись бы определить, какое количество фосфора истратил судья — такую громадную работу проделал его мозг, и все же он ничего не добился, решительно ничего!

Но, несмотря ни на что, судья и не думал отказываться от своей задачи. Он рассчитывал теперь только на случай и хотел и требовал, чтобы этот случай пришел ему на помощь. Он старался поймать его всеми возможными и невозможными способами. Он приходил в бешенство, в ярость, и, что еще хуже, в бессильную ярость!

Какие только числа не перепробовал он во второй половине дня — всякие числа, взятые просто с потолка — вообразить невозможно! Ах, если б у него было время, он не колеблясь бросился бы в безбрежное море комбинаций, которые образуются из десяти цифр десятичного счисления. Он посвятил бы этому всю жизнь, рискуя свихнуться задолго до конца работы. Свихнуться? Да был ли он и сейчас в своем уме?

Тут ему пришло в голову, что, может быть, документ нужно читать справа налево. Он перевернул его и, подняв к свету, попробовал применить прежние приемы. Снова неудача! Испробованные раньше числа и на этот раз не дали желанного результата. А может быть, документ надо читать снизу вверх, от последней буквы к первой? Его составитель мог придумать этот трюк, чтобы еще больше затруднить чтение. Нет! Эта новая комбинация дала лишь еще один ряд загадочных букв.

К восьми часам вечера судья Жаррикес опустил голову на руки, разбитый, опустошенный, не в силах шевелиться, говорить, думать, связать одну мысль с другой.

Вдруг снаружи послышался шум. И тотчас, несмотря на строжайший запрет, дверь в его кабинет распахнулась.

На пороге стояли Бенито и Манозель. На Бенито было

¹ Фосфор входит в состав нервной, мозговой и костной тканей человеческого организма.

страшно смотреть; несчастный юноша едва держался на ногах, и Манозль поддерживал его.

Судья вскочил.

— В чем дело, господа, что вам нужно? — спросил он.

— Число!.. Число!.. — отвечал Бенито, не помня себя от горя. — Шифр документа!

— Вы его нашли? — воскликнул Жаррикес.

— Нет, сударь, — сказал Манозль. — А вы?

— Нет... Не нашел!

— Нет?! — простонал Бенито.

И в полном отчаянии, выхватив из-за пояса кинжал, он хотел пронзить себе грудь.

Судья и Манозль бросились на него и не без труда его обезоружили.

— Бенито, — сказал судья Жаррикес, стараясь говорить спокойным голосом, — если ваш отец не может избежать наказания за преступление, которого не совершил, то у вас есть дело поважнее, чем убивать себя!

— Какое же? — вскричал Бенито.

— Вы должны попытаться его спасти!

— Но как?..

— Догадайтесь сами. Не мне вам говорить!

16. ПРИГОТОВЛЕНИЯ

На другой день, 30 августа, Бенито и Манозль обсуждали новый план действий. Они поняли мысль судьи, которую тот не захотел ясно высказать перед ними. Теперь они обдумывали, как устроить побег осужденному, которому грозила казнь.

Больше ничего не оставалось делать.

Всем было ясно, что непонятный документ не имеет никакой цены и останется мертвой буквой для властей в Рио-де-Жанейро, что первый приговор, объявивший Жоама Дакосту виновником преступления в Тижоке, не будет отменен и что приказ о казни последует немедленно, ибо в приговоре нет ни слова о смягчении наказания.

Следовательно, Жоам Дакоста должен без колебаний еще раз бежать от несправедливого приговора.

Молодые люди сразу условились, что будут хранить свой план в глубокой тайне и не сообщат о нем даже

Яките и Минье. Они не хотели подавать им надежду, которая может и не сбыться. Как знать, не помешают ли им непредвиденные обстоятельства осуществить этот побег!

Теперь молодые люди очень нуждались в помощи Фрагозо. Такой сметливый и преданный помощник был бы им чрезвычайно полезен; но Фрагозо до сих пор не вернулся. Расспросили Лину, но и она не могла сказать, куда он исчез и почему ушел с жангады, никого не предупредив.

И, разумеется, если бы Фрагозо предвидел, что дело примет такой оборот, он не покинул бы семью Дакосты ради попытки, не сулившей никаких определенных результатов. Уж лучше бы он помог устроить побег заключенному, чем разыскивать товарищей Торреса! Но Фрагозо исчез, и поневоле пришлось обходиться без его помощи.

На рассвете Бенито и Манозль сошли с жангады и отправились в Манаус. Быстро добравшись до города, они углубились в узкие улочки, еще пустые в этот ранний час. Через несколько минут они были уже у места заключения Дакосты и обошли кругом пустырь, на котором стоял старый монастырь, превращенный в тюрьму.

Прежде всего надо было изучить место действия.

В одном из выступов здания, в двадцати пяти футах над землей, находилось окошко камеры, где был заперт Жоам Дакоста. Окошко это было забрано довольно расшатанной железной решеткой, которую будет нетрудно подпилить и выломать, если удастся до нее добраться. Камни в стене были неровные, со впадинами и выступами, на них можно опираться ногой, поднимаясь по веревке. Если ловко забросить веревку, можно зацепить ее за прутья решетки, которые по бокам заканчивались крючками. Поднявшись к окну, Бенито и Манозль должны будут вынуть два-три прута, чтобы в отверстие мог пролезть человек, и войти в камеру, после чего им останется только спустить узника по веревке, привязанной к железной решетке; дальше побег не представит больших затруднений. Ночь обещала быть очень темной, действий их никто не заметит, а к рассвету Жоам Дакоста будет уже в безопасности.

Целый час Манозель и Бенито ходили взад и вперед, стараясь не привлекать к себе внимания, и очень тщательно все осмотрели: и расположение окна, и решетку, и место, где лучше забросить веревку.

— Итак, мы условились обо всем,— сказал Манозель.— Но надо ли предупреждать твоего отца?

— Нет, Манозель! Не будем говорить ни ему, ни ма-тушке о попытке, которая может кончиться неудачей.

— Она удастся, Бенито! Только надо все предусмотреть, а если начальник тюремной охраны что-нибудь заметит...

— У нас будет с собой достаточно золота, чтобы его подкупить.

— Хорошо. Но когда отец наш выйдет из тюрьмы, мы не можем спрятать его ни в городе, ни на жангаде. Где мы найдем ему убежище?

Это был второй вопрос, который следовало решить, вопрос чрезвычайно серьезный, и вот к чему они пришли.

В ста шагах от тюрьмы пустырь пересекал канал, вливавшийся в Риу-Негру. Если пирога будет здесь ждать беглеца, то по этому каналу проще всего добраться до реки. Ведь от тюремной стены до канала не больше ста шагов.

Бенито и Манозель решили, что в восемь часов вечера от жангады отчалит пирога с лоцманом Араужо и двумя сильными гребцами. Она поднимется по Риу-Негру, войдет в канал, проскользнет к пустырю и там, спрятанная в высокой траве у берега, будет ждать беглеца хоть всю ночь.

Но куда отправится Жоам Дакоста на этой лодке?

Молодые люди обсудили и этот, последний вопрос и, тщательно взвесив все доводы «за» и «против», пришли к следующему решению.

Вернуться в Икитос было бы и трудно, и весьма опасно. Путь туда слишком долг и по берегу реки, и по Амазонке. Ни на лошади, ни на пироге они не успеют скрыться от погони. Да и сама фазенда не будет теперь надежным убежищем для беглеца. Вернувшись туда, он не останется ее прежним хозяином, Жоамом Гарралем, а будет осужденным Жоамом Дакостой, всегда под угрозой выдачи бразильским властям, и не сможет вести прежнюю жизнь.

Бежать по Риу-Негру на север провинции или за пределы бразильских владений? На это потребуются слишком много времени, а Жоаму Дакосте необходимо прежде всего скрыться от немедленной погони.

Спуститься вниз по Амазонке? Но на обоих берегах реки множество населенных мест, деревень и городов. Приметы беглеца будут разосланы всем начальникам полиции. Значит, ему угрожает арест задолго до того, как он доберется до побережья Атлантического океана. А если и доберется, то где и как он спрячется, дожидаясь случая отплыть на каком-либо корабле, чтобы скрыться за морями от бразильского суда?

Рассмотрев эти планы, Бенито и Манозель пришли к заключению, что все они невыполнимы. Только один давал надежду на спасение.

Вот какой. Выбравшись из тюрьмы, сесть в пирогу, пройти по каналу до Риу-Негру, спуститься по течению под управлением Араужо до ее слияния с Амазонкой, потом вдоль правого берега Амазонки еще ниже миль на шестьдесят; плыть по почам, прятаться днем и таким образом добраться до устья Мадейры.

Этот приток, берущий начало в отрогах Кордильер и принимающий в себя еще сотню притоков, представляет собой широкий водный путь, который ведет в самое сердце Боливии. Пирога может пройти по нему, не оставив никаких следов, и скрыться в каком-нибудь укромном месте — в поселке или деревушке по ту сторону бразильской границы.

Там Жоам Дакоста будет в сравнительной безопасности; если понадобится, он может переждать даже несколько месяцев, пока подвернется случай добраться до побережья Тихого океана и сесть на судно, идущее в один из приморских портов. Если судно доставит его в какой-нибудь из Северо-Американских штатов, он спасен. Тогда он решит, нужно ли ему собрать все свое состояние, окончательно покинуть родину и искать за океаном, в Старом Свете, последнее прибежище, чтобы закончить там свою так жестоко и несправедливо исковерканную жизнь.

Куда бы он ни поехал, семья его последует за ним без колебаний, без сожалений; в эту семью, разумеется, войдет и Манозель, которого свяжут с ней неразрывные узы. Вопрос этот даже не обсуждался.

— Идем,— сказал Бенито,— к вечеру все должно быть готово, нельзя терять ни минуты.

Молодые люди вернулись к Риу-Негру по берегу канала. Таким образом они убедились, что путь свободен и никакое препятствие — ни шлюз, ни судно — не помешают пироге пройти. Дальше они отправились по левому берегу притока, избегая ставших уже людными улиц города, и вернулись на жангаду.

Прежде всего Бенито зашел к матери. Теперь он достаточно хорошо владел собой, чтобы скрыть от нее терзавшую его тревогу. Он хотел ее успокоить, убедить, что надежда еще не потеряна, что тайна документа будет разгадана, что общественное мнение, во всяком случае, за Жоама Дакосту, и под его давлением суд должен дать родным достаточно времени, чтобы представить юридическое доказательство невинности осужденного.

— Да, матушка, поверьте, завтра нам уже наверное не придется бояться за отца! — заключил он.

— Да услышит тебя бог, сын мой! — ответила Якита, которая так пытливо смотрела на сына, что он с трудом выдерживал ее взгляд.

В свою очередь, Манозель, как будто по уговору с Бенито, постарался успокоить Минью, уверяя ее, что судья Жаррикес убежден в невинности Жоама Дакосты и приложит все силы, чтобы его спасти.

— Я так хочу вам верить, Манозель! — ответила девушка, но не могла сдержать слез.

Манозель поскорее отошел от нее. Он чувствовал, что и на его глаза навертываются слезы, противореча тем обнадеживающим словам, которые он только что говорил.

Между тем подошел час ежедневного свидания с заключенным, и Якита с дочерью поспешно отправились в Манаус.

А Бенито и Манозель целый час разговаривали с лоцманом Араужо. Они рассказали ему свой план во всех подробностях и советовались с ним, как лучше подготовить побег и какие меры принять для безопасности беглеца.

Араужо все одобрил. Когда наступит ночь, он осторожно, чтобы не вызывать подозрений, проведет пирогу по каналу, который ему хорошо знаком, до того места,

где надо ждать Жоама Дакосту. Потом ему будет совсем не трудно вернуться обратно к устью Риу-Негру, и пирога спустится по течению, незаметная среди разных обломков, всегда плывущих по реке.

Араужо не возражал и против намерения доплыть по Амазонке до Мадейры. Он тоже считал, что лучшего плана не придумать. Русло Мадейры он знал на протяжении более ста миль. Если, вопреки вероятности, погода пойдет в этом направлении, то в здешних довольно пустынных краях ее будет легко обмануть и забраться хоть в самую глубину Боливии; а если Жоам Дакоста захочет покинуть свою страну, для него будет не так опасно сесть на судно с Тихоокеанского побережья, как с Атлантического.

Согласие Араужо сразу подбодрило молодых людей. Они верили в практическую сметку лоцмана и имели на то основания. А уж в преданности этого доброго человека не приходилось сомневаться. Он, не задумываясь, поставил бы на карту свою свободу и даже жизнь, чтобы спасти хозяина икитосской фазенды.

Араужо немедленно, но в строжайшей тайне приступил к подготовке побега. Бенито дал ему крупную сумму золотом на случай неожиданных расходов во время плавания по Мадейре. Лоцман велел приготовить пирогу, заявив, что отправляется на поиски Фрагозо: он до сих пор не вернулся, и это очень тревожило всех его спутников.

Потом Араужо сам уложил в пирогу запас провизии на несколько дней, а также веревки и инструменты, за которыми молодые люди должны были прийти на набережную в условленном месте и в назначенный час.

Команда жангады не обратила особенного внимания на эти приготовления. Даже двух негров, которых лоцман выбрал гребцами за их силу, он не посвятил в свои планы. Впрочем, на них он мог вполне положиться. Араужо не сомневался, что, когда они узнают, что помогли бежать своему хозяину из темницы, когда Жоам Дакоста будет освобожден и отдан на их попечение, они пойдут на все и не побоятся даже рискнуть жизнью ради спасения беглеца.

После обеда все было уже готово к отплытию. Осталось только дожждаться темноты.

Но, прежде чем начинать, Манозель хотел в последний

раз увидеть Жаррикеса. Быть может, судья скажет ему что-нибудь новое по поводу документа. Бенито предпочел остаться на жангаде и дожидаться возвращения матери и сестры.

Итак, Манозль отправился к судье Жаррикесу один, и был немедленно принят.

Судья по-прежнему безвыходно сидел у себя в кабинете и был все так же возбужден. Документ, измятый его нетерпеливой рукой, по-прежнему лежал перед ним на столе.

— Сударь,—проговорил Манозль, и голос его дрогнул,— вы получили из Рио-де-Жанейро?..

— Нет,— ответил судья,— приказ еще не получен... Но его можно ждать с минуты на минуту!..

— А документ?

— Ни черта не выходит! — взорвался судья.— Я пробовал все... Все, что мне подсказывало воображение! И все без толку!

— Без толку!

— Впрочем, нет! Я все же увидел в документе одно слово. Только одно!

— Какое же? Скажите, что за слово?

— «Побег»!

Ничего не ответив, Манозль крепко пожал судье руку и вернулся на жангаду дожидаться той минуты, когда можно будет действовать.

17. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Посещение Якиты, пришедшей сегодня с дочерью, было для заключенного тем же, чем оно бывало всегда, когда он проводил несколько часов наедине с женой. В присутствии этих двух нежно любимых созданий сердце его, казалось, не выдержит переполнявших его чувств. Но муж и отец держал себя в руках. Он сам ободрял несчастных женщин, стараясь внушить им надежду, которой у него почти не оставалось. Они шли к нему, желая поддержать в нем бодрость духа, но, увы, они больше его нуждались в поддержке; и видя его таким твердым, несущим бремя испытаний с высоко поднятой головой, они снова начинали надеяться.

Жоам и сегодня нашел для них слова ободрения. Он черпал несокрушимую силу не только в сознании своей невиновности, но и в твердой вере, что бог вложил в сердца людей частицу присущей ему справедливости. Нет, Жоам Дакоста не может быть казнен за преступление в Тижоке!

Он почти никогда не говорил о документе. Поддельный ли он или подлинный, написан ли Торресом или самим преступником, содержится ли в нем желанное оправдание или нет — Жоам Дакоста не предполагал опираться на это сомнительное доказательство. Нет! Наилучшим аргументом в свою защиту он считал себя самого и опирался на свою честную трудовую жизнь, как на самое веское доказательство своей невиновности.

В тот вечер мать и дочь, окрыленные мужественными словами, проникавшими им в самую душу, ушли домой, веря в будущее больше, чем когда-либо со дня ареста Жоама. Напоследок узник прижал их к сердцу с особенной нежностью. Казалось, он предчувствовал, что какова бы ни была развязка, она уже близка.

Оставшись один, Жоам Дакоста долго сидел неподвижно. Он облокотился на небольшой столик и опустил голову на руки.

О чем он думал? Считал ли, что суд людской, сделав в первый раз ошибку, теперь его оправдает?

Да, он еще надеялся! Он знал, что министру юстиции в Рио-де-Жанейро вместе с докладом судьи Жаррикеса были посланы записки Дакосты, написанные правдиво и убедительно.

Как нам известно, в этих записках он описал всю свою жизнь, начиная с первых дней службы в управлении Алмазного округа и кончая той минутой, когда жангада вошла в гавань Манауса.

Теперь Жоам Дакоста снова вспоминал свою жизнь. Он опять переживал ее с того дня, когда сиротой пришел в Тижоку. Там, благодаря своему усердию, он быстро продвинулся в канцелярии главного управляющего копиями, куда был принят очень молодым. Будущее ему улыбалось, его ожидало высокое положение.. И вдруг — ужасная катастрофа! Похищение алмазов, убийство стражи, павшее на него подозрение, как на единственного служащего копией, который мог выдать тайну отъезда

конвоя; затем арест, суд и смертный приговор, несмотря на все усилия его адвоката; последние часы в камере смертников в тюрьме Вилла-Рики, побег, совершенный в труднейших условиях и свидетельствующий о его беспримерном мужестве; скитания по Северным провинциям, переход через границу Перу и, наконец, дружеский прием, оказанный нищему и умиравшему с голоду беглецу великодушным хозяином фазенды Магальянсом.

Перед мысленным взором заключенного проходили события, так грубо оборвавшие течение его жизни. Погрузившись в свои мысли, отдавшись воспоминаниям, он не услышал ни странного шума за стеной старого монастыря, ни шуршания веревки, закинутой на решетку в его окне, ни скрежета пилы по железу, на что обратил бы внимание всякий человек, менее поглощенный своими мыслями.

Но Жоам Дакоста ничего не слышал, он снова персживал годы своей молодости, проведенные в перуанской провинции. Он видел себя на ферме, сначала служащим, потом компаньоном старого португальца, сумевшим добиться процветания икитосской фазенды.

Ах, зачем он сразу не сказал всего своему благодетелю! Тот не усомнился бы в нем. Вот единственная ошибка, которую он мог поставить себе в вину. Зачем не признался, кто он и откуда пришел, особенно когда Магальянс вложил руку дочери в его руку? Ведь Якита никогда бы не поверила, что он может быть виновником ужасного преступления!

В эту минуту шум за окном настолько усилился, что привлек внимание узника.

Жоам Дакоста приподнял голову. Он посмотрел на окно, но рассеянным, словно бессознательным взглядом, и тут же опять опустил голову на руку. Мысли снова перенесли его в Икитос.

Там умирал старый хозяин фазенды. Перед смертью он хотел упрочить будущее своей дочери, хотел сделать своего помощника единственным хозяином усадьбы, которая так расцвела при нем. Должен ли был Жоам Дакоста тогда заговорить? Вероятно... Но он не решился! Он вспомнил сейчас счастливое прошлое с Якитой, рождение детей, всю свою светлую жизнь, которую омрачали лишь воспоминания о Тижоке и горькие сожаления, что он не поведал близким свою страшную тайну.

Цепь событий развertyвалась в памяти Жоама Дакосты с необыкновенной четкостью и силой.

Теперь ему припомнилась минута, когда он должен был дать согласие на брак его дочери с Манозлем. Мог ли он допустить, чтобы она вступила в этот союз под чужим именем, мог ли не открыть молодому человеку тайну своей жизни?.. Нет! И вот, посоветовавшись с судьей Рибейро, он решил явиться в город, потребовать пересмотра своего дела и добиться восстановления в правах. А когда он отправился в путь со своей семьей, тут все и началось: появление Торреса, гнусная сделка, предложенная этим негодяем, отказ возмущенного отца пожертвовать дочерью, чтобы спасти свою жизнь и честь, затем донос и, наконец, арест!

Вдруг окно распахнулось от сильного толчка. Жоам Дакоста вскочил; воспоминания его рассеялись как дым. В камеру прыгнул Бенито и бросился к отцу, а за ним, сквозь отверстие в решетке, проник и Манозль.

Жоам Дакоста чуть не вскрикнул от удивления, но Бенито успел его остановить.

— Отец,— сказал он,— в окне выломана решетка... Вербка спускается до самой земли... Пирого ждет на канале в ста шагах отсюда, Араужо отведет ее далеко от Манауса, на другой берег Амазонки, где ваши следы затеряются! Отец, надо бежать, бежать немедленно! Это совет самого судьи!

— Надо бежать! — повторил Манозль.

— Бежать?.. Мне?.. Бежать еще раз! Снова бежать!

Скрестив руки и высоко подняв голову, Жоам Дакоста медленно отступил в глубину камеры.

— Никогда! — сказал он таким твердым голосом, что ошеломленные Бенито и Манозль замерли на месте.

Молодые люди никак не ожидали такого отпора. Им и в голову не приходило, что этому побегу воспротивится сам узник.

Бенито подошел к отцу и, глядя ему в глаза, взял за руки, но не затем, чтобы увести, а чтобы тот выслушал его и внял его доводам.

— Отец, вы сказали «никогда»?

— Никогда!

— Отец,— заговорил Манозль,— ведь я тоже имею право называть вас отцом,— послушайте нас! Мы гово-

рим, что вам надо бежать, бежать немедленно, потому что если вы останетесь, вы будете виновны и перед другими и перед самим собой!

— Остаться — значит обречь себя на смерть! — подхватил Бенито. — Приказ о казни может прийти с минуты на минуту! Если вы думаете, что теперь суд отменит несправедливый приговор, если надеетесь, что он оправдает того, кого осудил двадцать лет назад, вы ошибаетесь! Надежды больше нет! Надо бежать!.. Бегите!

В неудержимом порыве Бенито схватил отца и потащил к окну.

Жоам Гарраль высвободился из рук сына и снова отступил.

— Бежать — значило бы обесчестить себя и вас вместе со мной! — ответил он, и в голосе у него звучала непоколебимая решимость. — Это значило бы признать себя виновным. Если я сам, по доброй воле, отдал себя в руки правосудия моей страны, я должен ждать его решения, каким бы оно ни было, и я его дождусь!

— Но приведенных вами доводов недостаточно, — возразил Манозель, — ведь у нас до сих пор нет юридического доказательства вашей невинности! И мы настаиваем на вашем побеге лишь потому, что сам судья Жаррикес нам об этом сказал. У вас нет другой возможности спастись от смерти!

— Если так, я умру! — спокойно ответил Жоам Дакоста. — Я умру, протестуя против несправедливого приговора! В первый раз я бежал за несколько часов до казни. Да, я бежал, но тогда я был молод, и передо мной была целая жизнь, чтобы бороться с людской несправедливостью! Но бежать теперь, снова начать жалкую жизнь преступника, который скрывается под чужим именем и думает лишь, как бы обмануть преследующую его полицию; снова начать полную тревоги жизнь, какую я вел двадцать три года, и заставить вас делить ее со мной; всякий день ждать доноса, который рано или поздно меня настигнет, и выдачи меня полиции, даже если я буду в чужой стране?! Разве это значит жить? Нет! Ни за что!

— Отец, — настаивал Бенито, теряя голову от этого упорства. — Вы должны бежать! Я требую!

И, схватив отца, он старался силой подтащить его к окну.

— Нет!.. Нет!..

— Отец, вы сведете меня с ума!

— Сын мой, оставь меня! Я уже бежал один раз из тюрьмы в Вилла-Рике, и люди подумали, что я бежал от заслуженного наказания. Да, они должны были так подумать! Так вот, ради доброго имени, которое носите и вы, я отказываюсь бежать еще раз!

Бенито упал к ногам отца. Он протягивал к нему руки, он умолял...

— Но этот приказ, отец,— твердил он,— этот приказ может прийти уже сегодня, каждую минуту... и в нем будет смертный приговор!

— Если бы приказ был уже здесь, я и то не изменил бы своего решения. Нет, сын мой! Виновный Жоам Дакоста мог бы бежать. Невинный — не убежит!

Затем произошла душераздирающая сцена. Бенито боролся с отцом. Манозель в смятении стоял у окна, готовый подхватить пленника, но тут дверь в камеру вдруг створилась.

На пороге стояли начальник полиции, а за ним тюремный надзиратель и несколько солдат.

Начальник полиции увидел, что здесь готовился побег, но поза заключенного говорила, что он отказался бежать. Полицейский ничего не сказал. Но лицо его выразило глубокое сожаление. Несомненно, он, как и судья Жаррикес, хотел бы, чтобы Жоам Дакоста бежал из тюрьмы.

А теперь... слишком поздно!

Держа в руке какую-то бумагу, начальник полиции подошел к заключенному.

— Прежде всего,— сказал ему Жоам Дакоста,— позвольте вас заверить, что от меня одного зависело бежать из тюрьмы, но я отказался.

Начальник полиции кивнул головой; затем, стараясь придать твердость своему голосу, объявил:

— Жоам Дакоста, только что получен приказ от министра юстиции из Рио-де-Жанейро.

— Ах, отец! — закричали Бенито и Манозель.

— Этот приказ,— спросил Жоам Дакоста, скрестив руки на груди,— предписывает привести в исполнение смертный приговор?

— Да!

— Когда?

— Завтра!

Бенито бросился к отцу и, обхватив его, еще раз попытался вытащить из камеры... Солдатам пришлось вырвать узника из его объятий.

Затем, по знаку начальника полиции, Манозля и Бенито вывели из тюрьмы. Надо было положить конец этой тягостной сцене, которая и так слишком затянулась.

— Сударь, могу ли я завтра утром, перед казнью, провести несколько минут с отцом Пассанья? — спросил заключенный начальника полиции. — Прошу вас все ему сообщить.

— Ему сообщат.

— Будет мне позволено повидать мою семью и в последний раз обнять жену и детей?

— Вы их увидите.

— Благодарю вас, сударь. А теперь прикажите охранять это окно, я не хочу, чтобы меня вытащили отсюда насильно!

Начальник полиции поклонился и вышел вместе с тюремным надзирателем и солдатами.

Осужденный, жизнь которого через несколько часов должна была оборваться, остался один.

18. ФРАГОЗО

Итак, приказ был получен и, как предвидел судья Жаррикес, этот приказ предписывал немедленно привести в исполнение приговор, вынесенный Жоаму Дакосте. Обвиняемый не представил никаких доказательств своей невиновности. Правосудие должно свершиться.

На другой день, 31 августа, в девять часов утра осужденный должен быть повешен.

В Бразилии смертную казнь обычно заменяли более мягким наказанием и применяли ее только к неграм; но на этот раз казнь грозила белому.

Таковы законы о преступлениях в Алмазном округе, где, в интересах общества, наказания никогда не смягчаются.

Теперь ничто не могло спасти Жоама Дакосту. И теряет он не только жизнь, но и честь.

В это самое утро, 31 августа, какой-то всадник мчался во весь опор в Манаус. Он так гнал своего скакуна, что и полумиле от города благородный конь упал, не в силах двигаться дальше.

Всадник даже не попытался его поднять. Он взял от коня все, что тот мог ему дать, и даже больше, а теперь, несмотря на собственную усталость, вскочил и бросился в город.

Этот человек прискакал из Восточных провинций по левому берегу реки. Он истратил все свои деньги на покупку лошади, потому что на ней можно было добраться до Манауса скорее, чем на пироге, идущей против течения.

То был Фрагозо.

Удалось ли нашему молодцу осуществить свой замысел, о котором он никому не говорил? Нашел ли он отряд, где служил Торрес? Открыл ли какую-нибудь тайну, которая могла бы еще спасти Жоама Дакосту?

Этого он и сам не знал; но, во всяком случае, спешил как можно скорее сообщить судье Жаррикесу все, что разузнал во время этой короткой поездки.

Вот как было дело.

Фрагозо не ошибся, узнав в Торресе лесного стражника из отряда, орудовавшего на берегах Мадейры.

Он отправился туда и в устье этого притока Амазонки выяснил, что начальник лесной стражи находится где-то в окрестностях.

Не теряя ни минуты, Фрагозо пустился на розыски и не без труда нашел его.

Начальник лесной стражи охотно ответил на вопросы Фрагозо. Они были так безобидны, что у него не было никакой причины скрывать.

Ведь Фрагозо задал ему всего три вопроса:

— Не служил ли в вашем отряде несколько месяцев назад лесной стражник Торрес?

— Да, служил.

— Не было ли у него в отряде близкого товарища, который недавно умер?

— Был.

— А как его звали?

— Ортега.

Вот и все, что выведал Фрагозо. Моги ли эти сведе-

ния как-нибудь изменить положение Жоама Дакосты? Маловероятно!

Фрагозо и сам это понимал и потому стал расспрашивать начальника, знал ли он этого Ортегу, не может ли сказать, откуда он родом, и добавить что-нибудь о его прошлом. Все это могло иметь большое значение, так как, по словам Торреса, этот Ортега и был настоящим виновником преступления в Тижоке.

Но, к несчастью, начальник лесной стражи больше ничего не мог сообщить.

Достоверно было то, что Ортега много лет служил в лесной полиции, что с Торресом его связывала тесная дружба, что их всегда видели вместе, и Торрес был при нем в его последние минуты. Вот и все, что знал начальник полиции, и к этому ничего не мог добавить.

Фрагозо пришлось удовлетвориться этими незначительными данными, и он тотчас уехал.

Но если преданный Фрагозо не достал доказательств, что этот Ортега и был виновником преступления в Тижоке, то он установил хотя бы, что Торрес не солгал, рассказав, как один из его товарищей по отряду умер у него на руках.

Что же касается утверждения Торреса, будто Ортега отдал ему важный документ, то оно становилось теперь весьма правдоподобным. Вполне возможно также, что документ имеет отношение к преступлению в Тижоке, истинным виновником которого и был Ортега, и что в нем Ортега признает свою вину и описывает обстоятельства дела, подтверждающие ее. Следовательно, если бы можно было прочесть документ, если б удалось найти к нему ключ, если б узнать число, на котором он построен, то правда несомненно выплыла бы на свет.

Но этого числа Фрагозо не знал. Еще кое-какие дополнительные сведения, почти убеждающие в том, что авантюрист ничего не выдумал, некоторые указания на то, что в документе скрывается тайна тижокского дела — вот и все, что наш добрый малый привез от начальника отряда, в котором служил Торрес.

Однако, как ни мало он узнал, Фрагозо спешил поскорей рассказать все судье Жаррикесу. Он понимал, что нельзя терять ни часа, вот почему в то утро, измученный и разбитый, он так торопился в Манаус.

Полмили, отделявшие его от города, Фрагозо пробежал за несколько минут. Какое-то непреодолимое предчувствие гнало его вперед, и порой ему казалось, что спасение Жоама Дакосты теперь в его руках.

Вдруг Фрагозо остановился как вкопанный.

Он выбежал на небольшую площадь за городскими воротами.

Там, окруженная довольно плотной толпой, возвышалась виселица, с которой уже свешивалась веревка.

Фрагозо почувствовал, что последние силы его покидают. Он упал и невольно зажмурился. Он не хотел ничего видеть, а губы его шептали:

— Поздно!.. Поздно!..

Но нечеловеческим усилием он заставил себя встать. Нет! Еще не поздно! Ведь тело Жоама Дакосты еще не качается на веревке!

— Судья Жаррикес! Судья Жаррикес! — закричал Фрагозо.

И, задыхаясь, со всех ног бросился к городским воротам, пробежал по главной улице Манауса и еле живой от усталости упал на крыльце дома судьи.

Дверь была заперта. У Фрагозо едва хватило силы постучаться.

Ему открыл слуга:

— Хозяин никого не принимает.

Фрагозо, не слушая, оттолкнул слугу, пытавшегося преградить ему дорогу, и бросился через весь дом к кабинету судьи.

— Я прискал из провинции, где Торрес служил лесным стражником! — крикнул он, распахнув дверь. — Господин судья, Торрес не солгал! Остановите, остановите казнь!

— Вы нашли этот отряд?

— Да!

— И привезли шифр документа?

Фрагозо ничего не ответил.

— Тогда оставьте меня! Оставьте меня! — завопил судья Жаррикес и в припадке ярости схватил документ, чтобы его разорвать.

Фрагозо поймал его за руку и удержал.

— Тут скрыта истина! — сказал он.

— Знаю, — ответил Жаррикес, — но что толку в истине, которую нельзя раскрыть!

— Она откроется! Это необходимо! Так будет!

— Еще раз спрашиваю: есть у вас шифр?

— Нет! Но повторяю, Торрес не солгал!.. Один из его товарищей, с которым он был очень близок, умер несколько месяцев назад и — нет сомнения — этот человек передал ему документ, который Торрес хотел продать Жоаму Дакосте.

— Да! — ответил Жаррикес. — Да! Сомнения нет... для нас. Но это вызывает сомнение у тех, от кого зависит жизнь осужденного!.. Оставьте меня!

Он оттолкнул Фрагозо, но тот ни за что не хотел уходить. Он бросился к ногам судьи.

— Жоам Дакоста невиновен! — кричал он. — Вы не дадите ему погибнуть! Не он совершил преступление в Тижоке, а товарищ Торреса, написавший документ! Это Ортега!

Услышав это имя, Жаррикес подскочил. Потом, когда бушевавшая в нем буря немного поутихла, он разжал судорожно стиснутый в руке документ, расправил его на столе, уселся и, проведя рукой по глазам, пробормотал:

— Это имя... Ортега!.. Попробуем!..

И, написав новое имя, принесенное Фрагозо, принялся обрабатывать его, как он уже столько раз, но тщетно делал со многими другими именами. Он надписал его над первыми шестью буквами текста и получил следующую таблицу:

О	Р	Т	Е	Г	А
С	Г	У	Ч	П	В

— Нет! — сказал он. — Ничего не выходит!

И правда, букву Г, стоящую под Р, нельзя передать цифрой, ибо Р в алфавите стоит после Г; буквы Е и Г стоят так далеко от Ч и П, что дают двузначные числа; только буквы С и В, написанные под О и А, дают соответственно цифры 3 и 2.

В эту минуту с улицы донеслись страшные крики — крики отчаяния.

Фрагозо вскочил и, прежде чем судья успел ему помешать, распахнул окно.

Толпа запрудила улицу. Приближался час, когда заключенного должны были вывести из тюрьмы, и народ двигался к площади, где стояла виселица.

Судья Жаррикес, на которого страшно было смотреть, не отрывал застывшего взгляда от документа.

— Последние буквы! — пробормотал он. — Попробуем еще последние буквы!

То была единственная оставшаяся надежда.

Дрожащей рукой, с трудом выводя буквы, он написал имя «Ортега» над шестью последними буквами документа, так же как он только что сделал с шестью первыми.

Тут он невольно охнул. Прежде всего он увидел, что эти шесть букв стоят в алфавите впереди тех, что составляют имя Ортеги, и могут быть переданы цифрами и образовать число.

В самом деле, когда он составил таблицу и стал считать число знаков между буквами, вот что он получил:

О	Р	Т	Е	Г	А
4	3	2	5	1	3
Т	У	Ф	К	Д	Г

Итак, он составил число 432513. Но было ли это число ключом к документу?

Не будет ли эта попытка такой же неудачей, как и все прежние?

Теперь крики на улице усилились. В них слышались гнев и сострадание, овладевшие толпой. Осужденному оставалось жить считанные минуты.

Вне себя от горя Фрагозо выбежал из комнаты. Он хотел еще раз увидеть своего благодетеля и проститься с ним. Он хотел броситься перед мрачным шествием, остановить его и крикнуть: «Не убивайте этого праведника! Не убивайте его!»

Тем временем судья Жаррикес написал найденное им число над первыми буквами документа, несколько раз повторяя его, пока не получил следующую строчку:

4	3	2	5	1	3	4	3	2	5	1	3	4	3	2	5	1	3						
С	Г	У	Ч	П	В	Э	Л	Л	З	И	Р	Т	Е	П	Н	Д	Н	Ф	Г	И	Н	Б	О

Потом он стал отсчитывать назад в алфавите число знаков, указанных в верхней строчке, подставляя найденные буквы, и прочел:

НАСТОЯЩИЙВИНОВНИККРАЖИАЛ

— Настоящий виновник кражи ал...

*Добежав до Жоама Дакосты, судья закричал. — Невиновен!
Невиновен!*

Судья взревел от радости! Число 432513 и было тем самым ключом, который он так долго искал! Имя Ортега открыло ему это число.

Наконец-то нашел он ключ к документу, который неопровержимо докажет невиновность Жоама Дакосты! И, не читая дальше, судья бросился из кабинета и выскочил на улицу с криком:

— Стойте! Стойте!

Он мчался сквозь толпу, которая расступалась перед ним, и мигом оказался перед тюрьмой, откуда как раз выводили осужденного, за которого в отчаянии цеплялись жена и дети. Добежав до Жоама Дакосты, судья задохнулся и, не в силах говорить, только размахивал зажатым в руке документом. Наконец с его губ сорвалось:

— Невиновен! Невиновен!

19. ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ТИЖОКЕ

Когда появился судья, мрачное шествие остановилось. Гулкое эхо далеко разнесло его возглас, многократно повторенный толпой:

— Невиновен! Невиновен!

Затем наступила мертвая тишина. Все хотели слышать каждое слово, произнесенное судьей.

Судья Жаррикес сел на каменную скамью; Минья, Бенито, Манозль и Фрагозо окружили его, а Жоам Дакоста стоял, прижимая к груди Якиту. Прежде всего судья, пользуясь найденным числом, принялся расшифровывать последний абзац документа; с помощью цифр он заменял в криптограмме букву за буквой и, по мере того как на бумаге возникали новые слова, он разделял их, ставил знаки препинания и читал вслух.

Вот что он прочитал в глубокой тишине:

НАСТОЯЩИЙ	ВИНОВНИК	КРАЖИ	АЛМАЗОВ
4 3 2 5 1 3 4 3 2	5 1 3 4 3 2 5 1	3 4 3 2 5	1 3 4 3 2 5 1
СГУЧПВЭЛЛ	ЗИРТЕПНД	НФГИН	БОРГЙУГ
ИУБИЙСТВА	СОЛДАТ	ОХРАНЫ	В НОЧЬ НА
3 4 3 2 5 1 3 4 3	2 5 1 3 4 3	2 5 1 3 4 3	2 5 1 3 4 3 2
ЛЧДКОТХЖГ	УУМЗДХ	РЪСГСЮ	Д ТПЪА РВ

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ЯНВАРЯ ТЫСЯЧА
5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1
Й Г Г И Щ В Ч Э Е Ц С Т У Ж В С Е В Х А Х Я Ф Б Ъ Б

ВОСЕМЬСОТ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО ГОДА
3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2
Е Т Ф З С Э Ф Т Х Ж З Б З Ъ Г Ф Б Ш И Х Х Р И П Ж Т З В

НЕ ЖОАМ ДАКОСТА, НЕСПРАВЕДЛИВО ПРИ-
5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3
Т Ж Й Т Г О Й Б Н Т Ф Ф Е О И Х Т Т Е Г И И О К З П Т Ф Л

ГОВОРЕННЫЙ К СМЕРТИ, А Я, НЕСЧАСТНЫЙ
2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4
Е У Г С Ф И П Ъ М О Ф О К С Х М Г Б Т Ж Ф Ы Г У Ч О Ю Н

СЛУЖАЩИЙ УПРАВЛЕНИЯ АЛМАЗНОГО
3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5
Ф Н Ш З Г Э Л Л Ш Р У Д Е Н К О Л Г Г Н С Б К С С Е У

ОКРУГА; ДА, Я ОДИН, В ЧЕМ И ПОДПИСЫ-
1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1
П Н Ф Ц Е Е Е Г Г С Ж Н О Е Ы И О Н Р С И Т К Ц Ъ

ВАЮСЬ СВОИМ НАСТОЯЩИМ ИМЕНЕМ,
3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3 4 3 2 5 1 3
Е Д Б У Б Т Е Т Л О Т Б Ф Ц С Б Ю Й П М П З Т Ж П

О Р Т Е Г А
4 3 2 5 1 3
Т У Ф К Д Г

Как только судья прочел документ, вокруг загремело несмолкаемое «ура».

В самом деле, что могло быть убедительнее последнего абзаца, который подытоживал смысл документа, утверждал невиновность хозяина икитосской фазенды и спасал от виселицы жертву чудовищной судебной ошибки!

Жоам Дакоста, окруженный женой, детьми, друзьями, не успевал пожимать протянутые ему руки. Как ни был тверд его характер, однако теперь наступила реакция, и слезы радости текли у него из глаз, а сердце

благодарило провидение, которое так чудесно спасло его в ту минуту, когда должна была свершиться казнь, и оставило худшее из преступлений — гибель невинного!

Да, предстоящее оправдание Жоама Дакосты теперь ни у кого не вызывало сомнения. Истинный виновник преступления в Тижоке сам признался в своем злодеянии и раскрыл все обстоятельства, при которых его совершил. Судья Жаррикес с помощью ключа тут же расшифровал весь документ.

Вот в чем признался Ортега.

Этот негодяй служил в управлении алмазных копей вместе с Жоамом Дакостой. Он и был служащим, сопровождавшим конвой в Рио-де-Жанейро. Его не испугала мысль разбогатеть ценой убийства и грабежа, и он сообщил контрабандистам, в какой день конвой выступит из Тижоки.

Во время нападения разбойников, которые подстерегли обоз в окрестностях Вилла-Рики, он делал вид, что защищается от них вместе с охраной; потом упал среди убитых и был унесен своими сообщниками. Вот почему единственный уцелевший в этой резне солдат сообщил, что Ортега погиб в борьбе.

Однако грабеж не пошел на пользу преступнику; вскоре его самого ограбили товарищи, помогавшие ему совершить преступление.

Оставшись без средств и не смея вернуться в Тижоку, Ортега бежал в северные провинции Бразилии, к верховью Амазонки, где орудовала «лесная стража». Надо было жить, и Ортега поступил в один из этих малопочтенных отрядов. Там у новичка не спрашивали, ни кто он, ни откуда пришел. Итак, Ортега стал лесным стражником и много лет занимался охотой за людьми.

Вот при каких обстоятельствах авантюрист Торрес, тоже оказавшийся без средств к существованию, сделался его товарищем. Они сошлись и подружились. Но, как говорил Торрес, злодея мало-помалу начали мучить угрызения совести. Его преследовали воспоминания о совершенном преступлении. Он знал, что вместо него осужден другой человек. Знал, что человек этот — его сослуживец Жоам Дакоста, и что хотя невинно осужденному удалось бежать из тюрьмы, он остается под постоянной угрозой смертной казни.

Однажды во время похода, предпринятого несколько месяцев назад, отряд Ортеги перешел перуанскую границу и случайно оказался в окрестностях Икитоса; там Ортега увидел Жоама Гарраля и сразу догадался, что это Жоам Дакоста, но тот его не узнал.

Тогда-то Ортега и решил по мере своих сил исправить несправедливость, жертвой которой оказался его прежний сослуживец. Он написал документ, где изложил все подробности преступления в Тижоке; но, как мы знаем, придал ему форму криптограммы, которую собирался послать хозяину икитосской фазенды вместе с шифром, чтобы тот мог ее прочесть.

Смерть помешала ему довести до конца свое намерение. В схватке с неграми у Мадейры он был тяжело ранен и почувствовал, что близок его конец. При нем был товарищ — Торрес, и он решился доверить другу тайну, которая всю жизнь тяготила его. Ортега отдал Торресу документ, написанный собственной рукой, взяв с него клятву, что он вручит его Жоаму Дакосте, и сообщил ему имя и адрес хозяина икитосской фазенды, а также число 432 513, без которого документ было невозможно прочесть.

Мы знаем, как после смерти Ортеги бесчестный Торрес выполнил его поручение, как он решил извлечь выгоду из доверенной ему тайны и пустился на гнусное вымогательство.

Торресу было суждено погибнуть, не добившись своей цели, и он унес с собой свою тайну. Но найденное Фрагозо имя Ортега, стоявшее как подпись под документом, дало наконец возможность проницательному судье Жаррикесу расшифровать его.

Да! Это было то самое доказательство, которое все так искали, неоспоримое свидетельство невинности Жоама Дакосты, возвращавшее ему жизнь и честь!

Крики «ура!» прокатились с новой силой, когда достойный судья прочитал вслух, в назидание всем собравшимся, страшную историю, изложенную в документе.

Теперь, получив неопровержимое доказательство, Жаррикес заявил, с согласия начальника полиции, что в ожидании новых инструкций, которые будут запрошены из Рио-де-Жанейро, Жоам Дакоста будет жить не в тюрьме, а в собственном доме судьи.

Это не вызвало никаких затруднений, и Жоам Дакоста, окруженный своими близкими и провожаемый всем населением Манауса, был доставлен к дому судьи чуть ли не на руках, как народный герой.

Наконец благородный хозяин икитосской фазенды был вознагражден за все муки долгих лет изгнания, и если он был счастлив за свою семью еще больше, чем за себя, то не меньше гордился он своей родиной, не давшей свершиться такой жестокой несправедливости.

А что же в это время было с Фрагозо?

Его обступили со всех сторон. Бенито, Манозель, Минья осыпали ласками доброго малого, не отставала от них и Лина. Он просто не знал, кого слушать, и всячески отклонял всеобщие похвалы: он, право же, их не заслужил! Все это дело случая! Разве можно благодарить его за то, что он узнал лесного стражника? Разумеется, нет! Если ему и пришло в голову разыскать отряд, в котором служил Торрес, то он и сам не знал, будет ли от этого прок, а что до имени «Ортега», то он и не подозревал, на что оно пригодится.

Молодец Фрагозо! Вольно или невольно, а все же именно он спас Жоама Дакосту!

Но какая удивительная цепь разнообразных событий привела наконец к желанной цели: спасение Фрагозо, когда он погибал от истощения в икитосском лесу; радушный прием, оказанный ему на фазенде; встреча с Торресом на бразильской границе; водворение авантюриста на жангаде и, наконец, счастливая случайность, что Фрагозо когда-то видел его.

— Ну что ж, все это так! — заключил Фрагозо. — Но тогда не мне вы обязаны этим счастьем, а Лине!

— Как, мне? — удивилась юная мулатка.

— Разумеется, вам! Если бы не лиана, если бы не ваша выдумка, разве мне удалось бы осчастливить столько людей?

Нечего и говорить, что все хвалили и баловали Фрагозо и Лину; не только вся семья Дакосты, но и их новые, приобретенные в несчастье друзья из Манауса.

А разве судья Жаррикес не внес своей доли в оправдание невинно осужденного? Если, несмотря на весь свой аналитический талант, он не мог сразу прочесть этот абсолютно непопятный документ, не имея ключа, зато он

отгадал, на какой системе основан его шифр. А кто смог бы, кроме него, по одному имени «Ортега» отыскать число, известное только ныне умершим преступнику и Торресу?

И слова благодарности сыпались на него дождем!

Незачем говорить, что в тот же день в Рио-де-Жанейро был отослан новый подробный доклад, к которому присоединили и документ вместе с шифром, позволявшим его прочесть. Теперь оставалось только ждать новых инструкций от министра юстиции, и никто не сомневался, что он прикажет немедленно освободить заключенного.

Путешественникам приходилось провести еще несколько дней в Манаусе; потом Жоам Дакоста с семьей, освободившись от всех забот и тревог и попрощавшись с Жаррикесом, снова взойдет на жангаду и поплывет вниз по Амазонке до Пара, где путешествие должно закончиться двумя свадьбами: Миньи с Манозлем и Лины с Фрагозо, по плану, составленному еще до отъезда из Икитоса.

Прошло четыре дня, и 4 сентября пришел приказ освободить заключенного. Документ был признан подлинным. Почерк оказался действительно почерком Ортеги, служившим в Алмазном округе, и признание в преступлении, изложенном с мельчайшими подробностями, было несомненно написано его рукой.

Невиновность осужденного в Вилла-Рике была наконец признана судебными властями. Жоам Дакоста получил полную реабилитацию.

В тот же день судья Жаррикес обедал с семьей Дакосты на жангаде, а когда наступил вечер, все горячо пожали ему руку. Прощание было трогательным, но, расставаясь, все дали друг другу обещание вновь встретиться в Манаусе на обратном пути, а потом и на фазенде в Икитосе.

На другой день, 5 сентября, как только взошло солнце, был дан сигнал к отплытию. Жоам Дакоста, Якита, их дочь и сыновья — все стояли на палубе громадного плота. Отчалив, жангада вышла на середину реки, а когда она скрылась за поворотом Риу-Негру, ей вслед еще неслись громкие «ура» жителей Манауса, толпившихся на берегу.

Что же сказать о второй части путешествия вниз по течению великой реки? То была вереница счастливых дней для благородной семьи. Жоам Дакоста жил новой жизнью, и ее сияние озаряло всех его близких.

Теперь, на вздувшихся от паводка водах, жангада скользила быстрее. Она оставила по левую руку деревеньку Дон-Хозе-де-Матури, а по правую — устье Мадейры, которая обязана своим названием целой флотилии бревен и деревьев, либо без коры, либо еще с зелеными ветвями, — они плывут по ней из глубины Боливии. Потом жангада прошла посреди архипелага Канини — островки его похожи на кадки с пальмами — и мимо поселка Серпа, который несколько раз переезжал с берега на берег, пока наконец не обосновался на левой стороне реки, где перед его хижинами желтым ковром расстилается песчаная отмель.

Деревня Сильвес, на левом берегу реки, и городок Вилла-Белла, главный рынок сбыта гуараны для всей провинции, скоро остались позади громадного плота, а также деревня Фару и знаменитая река Ньямунда, где в 1539 году, как уверял Орельяно, на него напали воинственные женщины, которых с тех пор никто не встречал; эта легенда и дала название бессмертной реке Амазонке.

Здесь кончалась обширная провинция Риу-Негру и начиналась провинция Пара. В этот день, 22 сентября, семья Дакосты, зачарованная красотой несравненной долины, вошла в ту часть бразильского государства, которая на востоке граничила с Атлантическим океаном.

— До чего же прекрасно! — беспрестанно повторяла Минья.

— Но до чего долго! — шептал Манозль.

— Ну что за красота! — твердила Лина.

— Ну когда же мы приедем! — вздыхал Фрагозо.

Да, нелегко понять друг друга, если смотреть на все с таких разных точек зрения! Но все же они весело проводили время, и к Бенито, который никуда не спешил и не томился ожиданием, вернулось его прекрасное настроение.

Вскоре жангада поплыла между бесконечными плантациями какаовых деревьев, на темной зелени которых

выделялись желтыми и красными пятнами соломенные и черепичные крыши хижин, разбросанных по обоим берегам реки, от Обидуса до городка Монти-Алегри.

Потом открылось устье реки Тромбетас, черные воды которой плещутся у самых зданий Обидуса, настоящего городка, даже с крепостью и красивыми домиками вдоль широких улиц; здесь расположены склады добываемого вокруг какао; городок этот находится всего в ста восьмидесяти милях от Белена.

Вскоре путешественники увидели приток Тапажос с серо-зеленой водой, текущий с юго-запада, а за ним — богатый городок Сантарен, где не меньше пяти тысяч жителей, главным образом индейцев; дома их на окраине города стоят на широких отмелях, покрытых белым песком.

Покинув Манаус, жангада плыла не останавливаясь по более просторному руслу Амазонки. Плот двигался день и ночь, под бдительным надзором опытного лоцмана. Остановок больше не делали ни для развлечения пассажиров, ни ради торговых дел, и жангада шла вперед, быстро приближаясь к своей цели.

После селения Алемкер, на левом берегу реки, взглядам путешественников открылся широкий горизонт. Вместо закрывавшей его полосы лесов появились гряды холмов, мягкие очертания которых ласкали глаз, а за ними выступали вершины настоящих гор, смутно вырисовываясь вдалеке.

Ничего подобного не приходилось видеть ни Яките с дочерью, ни Лине и старой Сибеле. Зато Манозль был в провинции Пара как дома. Он знал, как называется двойная цепь гор, теснившая долину великой реки, которая понемногу сужалась.

— Справа, — сказал он, — цепь Паруакарта, идущая полукругом к югу. Слева — горы Курува, мы скоро минуем их последние уступы.

— Стало быть, мы приближаемся? — спросил Фразозо.

— Приближаемся! — ответил Манозль.

Оба жениха, как видно, хорошо понимали друг друга; они незаметно, но весьма выразительно кивнули друг другу головой.

Наконец, несмотря на приливы, которые, начиная Обидуса, уже давали себя знать и слегка замедляли ход

жангады, наши путешественники проплыли мимо городков Монти-Алегри и Праинья де Отейро, потом мимо устья Ксингу.

Как мощно раскинулась здесь Амазонка и как ясно было, что скоро эта царица рек разольется во всю ширь, словно настоящее море! Берега ее покрывала буйная растительность высотой в восемьдесят футов и окаймлял густой, как лес, камыш. Городки Боа-Виста, Гурупа, которые сейчас пришли в упадок, вскоре остались позади и казались лишь темными точками.

Теперь река разделилась на два широких рукава, вливавшихся в Атлантический океан: один стремился на северо-восток, другой прямо на восток, а между ними образовался обширный остров Маражо. Остров этот величественный с целую провинцию имеет не менее ста восьмидесяти лье в окружности. Пересеченный сетью речек и болот, он покрыт на западе лесами, а на востоке саваннами, что благоприятно для скотоводства, и на них пасутся тысячные стада.

Остров Маражо представлял собой единственное препятствие, преградившее путь Амазонке, и заставил ее раздвоиться недалеко от того места, где она сбрасывает свои воды в море. Следуя по большему рукаву, жангада прошла бы подле островов Кавиана и Мешуана и вышла бы в устье шириной около пятидесяти лье; но здесь ее встретили бы валы «поророки» — чудовищного прилива, который за три дня до новолуния и до полнолуния поднимает в реке воду за две минуты, а не за обычные шесть часов, на двенадцать—пятнадцать футов выше ее уровня. Это один из самых опасных приливов.

К счастью, меньший рукав, так называемый канал Бревис, естественный приток реки Пара, не подвержен опасностям этого грозного явления природы; приливы и отливы в нем более спокойны. Лоцману Араужо это было давно известно. Поэтому он выбрал именно его и повел жангаду среди великолепных лесов, мимо разбросанных кое-где островов, поросших громадными пальмами «муритис»; погода стояла такая ясная, что не приходилось опасаться бурь, которые часто налетают на канал Бревис.

Спустя несколько дней жангада проплыла мимо деревни Брева, которая, хотя ее окрестности каждый год

надолго затопляются паводком, стала однако к 1845 году уже значительным городом с сотней домов. Эту область раньше населяли индейцы тапуйа, но теперь индейцы Нижней Амазонки все больше смешиваются с белым населением, что скоро приведет к полному их слиянию.

Жангада все продолжала спускаться вниз по реке. Она то шла вдоль манговых деревьев, чуть не цепляясь за их длинные корни, раскинутые на поверхности воды, как лапы громадных крабов, то скользила мимо пальм со светло-зеленой листвой и гладкими стволами, в которые команда упиралась длинными баграми, выводя жангаду на быстрину.

Потом появилась река Токантиис, которая принимает в себя воды многих речек из провинции Гояс и впадает в Амазонку, образуя широкое устье.

На обоих берегах развергивалась величественная панорама, как будто чудесный механизм все время перемещал ее от носа к корме жангады.

Теперь многочисленные, спускавшиеся по реке суденышки — убы, эгаритеи, вижилинды, всевозможные пироги, маленькие и средние каботажники с низовьев Амазонки и с Атлантического побережья — вереницей следовали за жангадой, словно шлюпки, сопровождающие громадный военный корабль.

Наконец справа появился Санта-Мария-де-Белен-до-Пара — «Город», как коротко зовут его жители провинции, с живописными рядами белых многоэтажных домов, с укрывшимися под пальмами монастырями, колокольнями кафедрального собора и церкви Ностра-Сеньора-де-Мерсед и с целой флотилией шхун, бригов и трехмачтовиков, с помощью которых этот торговый город поддерживает связь со Старым Светом.

У пассажиров жангады сильно забилося сердце. Наконец-то достигли они цели своего путешествия, еще недавно казавшейся им недостижимой. Когда Жоама Дакосту арестовали в Манаусе и путешествие их было прервано на полдороге, могли ли они надеяться, что увидят столицу провинции Пара?

И вот, 15 октября, через четыре с половиной месяца после того, как они покинули фазенду в Икитосе, перед ними за крутым поворотом реки вдруг появился Белен.

О приближении жангады стало известно за несколько дней. Весь город знал историю Жоама Дакосты. Этого достойного человека ждали! Ему и его родным готовили самый сердечный прием!

Навстречу ему вышли сотни лодок, и вскоре жангаду наводнила толпа людей, приветствуя соотечественника, вернувшегося из столь долгого изгнания. Тысячи любопытных, вернее сказать — тысячи друзей, столпились на плавучей деревне задолго до того, как она вошла в гавань, но плот был так велик и прочен, что мог бы выдерживать население целого города.

В одной из первых пирог, поспешивших навстречу жангаде, прибыла госпожа Вальдес. Мать Манозля могла наконец обнять свою новую дочь, избранницу ее сына. Если почтенная дама была не в состоянии поехать в Икитос, то теперь Амазонка сама принесла к ней часть фазенды вместе с ее новой семьей.

Перед вечером лоцман Араужо прочно пришвартовал жангаду к берегу в небольшой бухте позади арсенала. Здесь была ее последняя стоянка после восьмисот лье пути по великой бразильской реке. Тут индейские шалаши, негритянские хижины и склады с ценным грузом постепенно разберут, потом, в свою очередь, исчезнет главный дом, спрятавшийся под завесой зелени и цветов, а за ним и маленькая часовня, скромный колокол которой сейчас отвечал на громкий перезвон беленских церквей.

Но прежде совершится торжественный обряд на самой жангаде: бракосочетание Манозля с Миньей и Фрагозо с Линой. Отцу Пассанье предстояло заключить этот двойной союз, суливший им столько счастья. Здесь, в этой маленькой часовенке, обе пары получают благословение священника.

Если часовенка была так мала, что вмещала только членов семьи Дакосты, то на жангаде можно было принять всех желающих присутствовать при этом обряде; а если наплыв гостей будет так велик, что всем не хватит места, тогда река предоставит уступы своего обширного берега толпе доброжелателей, пришедших приветствовать человека, который после своего блистательного оправдания стал героем дня!

Обе свадьбы были торжественно и пышно отпразднованы на другой день, 16 октября.

День стоял чудесный, и с десяти часов утра на жангаду хлынула толпа гостей. На улицы высыпало почти все население Белена в праздничных платьях и столпилось на берегу. Реку запрудило множество лодок, наполненных зрителями; они окружили громадный плот, и водная гладь Амазонки скрылась под этой флотилией, выстроившейся до самого левого берега.

Первый удар колокола в часовне послужил сигналом к празднику, радовавшему и глаз и слух. Церкви в Белене разом ответили колоколу с жангады. Суда в порту до самой верхушки мачт украсились флагами, и чужеземные корабли тоже подняли свои флаги, салютуя бразильскому знамени. Со всех сторон слышались ружейные выстрелы, но стрельба не могла заглушить громогласного «ура!», вылетавшего из тысяч уст.

Семья Дакосты вышла из дому и направилась сквозь толпу к маленькой часовне.

Жоама Дакосту встретили неистовыми рукоплесканиями. Он вел под руку госпожу Вальдес. Якиту вел беленский губернатор, который, вместе с товарищами молодого врача, почтил своим присутствием свадебную церемонию. Манозель шел рядом с Миньей, прелестной в подвенечном наряде; за ними шествовал Фрагозо, ведя за руку сияющую от счастья Лину; а дальше шли Бенито, старая Сибела и слуги между выстроившейся в две шеренги командой жангады.

Отец Пассанья ждал обе пары в дверях часовни. Обряд был совершен просто, и те же руки, которые когда-то благословили Жоама и Якиту, поднялись еще раз, благословляя их детей.

Такое счастье нельзя омрачать печалью долгой разлуки.

И Манозель Вальдес решил вскоре подать в отставку, чтобы соединиться со всей семьей в Икитосе, где он может заняться полезной деятельностью как врач на гражданской службе.

Разумеется, Фрагозо с женой, не раздумывая, решили последовать за теми, кого считали скорее своими друзьями, чем хозяевами.

Госпожа Вальдес не захотела разлучать сына со всей дружной семьей, но с одним условием: что ее будут часто навещать в Белене.

И это будет совсем не трудно. Ведь большая река — самый верный способ сообщения между Икитосом и Беленом, и связь эта никогда не прервется. А через несколько дней по Амазонке пойдет первый пакетбот; он будет совершать быстрые регулярные рейсы, и ему понадобится всего неделя, чтобы подняться вверх по реке, вниз по которой жангада спускалась несколько месяцев.

Бенито успешно завершил крупную торговую операцию, и вскоре от жангады — от всего громадного плота, сколоченного в Икитосе из целого леса, — ничего не осталось.

Прошел месяц, и хозяин фазенды, его жена, сын, Мануэль и Минья Вальдес, Лина и Фрагозо сели на пакетбот и отправились в обширное икитосское имение, управлять которым теперь должен был Бенито.

Жоам Дакоста вернулся туда с высоко поднятой головой и привез с собой большую, счастливую семью.

А Фрагозо повторял раз двадцать на день:

— Эх, кабы не лиана!..

В конце концов он окрестил Лианой юную мулатку, которая вполне оправдывала это милое имя своей нежной привязанностью к славному малому.

— Разница всего в одной букве, — говорил он. — Лина, Лиана — почти то же самое!

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

„ДЖОНАТНА“

РОМАН

Перевод с французского

В. И. ГИНЗБУРГ

Редактор

В. С. ФИНИКОВ

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

1. ГУАНАКО

Это грациозное животное с длинной шеей и изящным туловищем, с высоким крупом, подтянутым животом и тонкими нервными ногами, с золотистой, в белых пятнах, шерстью и коротким, пышным, как султан, хвостом называется в Америке «гуанако». Издали стадо мчащихся гуанако похоже на кавалькаду, и путешественники часто ошибаются, принимая их за отряд скачущих всадников.

Однажды, на одном из островов Магеллановой Земли, в пустынной местности, на пригорке, возвышавшемся

среди необозримой равнины, появился одинокий гуанако. Кругом шелестели травы, протягивавшие свои острые стрелы между пучками колючих растений. Гуанако, повернув мордочку, принюхивался к запахам, доносивым легким восточным ветерком. Пугливо озираясь, настрожившись, он напряженно прислушивался к голосам прерии, готовый умчаться при малейшем подозрительном шорохе.

Кое-где на равнине высились небольшие холмики — результат страшных грозовых ливней, размывавших почву. Скрываясь за одним из таких бугорков, полз по земле индеец. Почти обнаженный, прикрытый лишь куском звериной шкуры, он, бесшумно скользя в траве и боясь спугнуть желанную добычу, медленно приближался к животному. Но все же гуанако почуял опасность и забеспокоился.

И тогда внезапно в воздухе просвистело гибкое лассо, но, не достигнув цели, лишь задело круп гуанако и упало на землю.

Удобный момент был упущен. Когда индеец поднялся на холм, гуанако уже скрылся за деревьями.

Животному удалось спастись, но зато теперь угроза нависла над человеком.

Подтянув лассо, привязанное к поясу, охотник стал спускаться с холма, как вдруг поблизости раздался дикий рев, и почти тотчас же на индейца кинулся огромный зверь.

Это был ягуар. Его сероватая шерсть пестрела белыми пятнами с черным ободком, похожими на глазки.

Зная свирепость и силу этого зверя, способного в мгновение ока справиться с человеком, туземец молниеносно отскочил назад, но споткнулся о камень и, потеряв равновесие, упал. Выхватив из-за пояса нож из острой тюленьей кости, он попытался защищаться и даже на какую-то секунду решил, что ему удастся встать на ноги, однако ягуар, задетый ножом, бросился на индейца, повалил навзничь и вонзил ему в грудь когти. Казалось, смерть неминуема.

И вдруг раздался выстрел из карабина. Ягуар, пораженный пулей в самое сердце, упал.

В соте шагов от места схватки медленно таял легкий белый дымок. Там, на каменном уступе прибреж-

ной скалы, стоял человек, все еще державший карабин у плеча.

Он был, бесспорно, характерным представителем белой расы. В коротко остриженных волосах и густой бороде незнакомца пробивалась седина. Возраст его трудно было определить — по всей вероятности, между сорока и пятьюдесятью годами. Высокий, крепкий, покрытый густым загаром, он казался наделенным недюжинной силой и несокрушимым здоровьем. Мужественные и благородные черты одухотворенного лица, высокий, изборожденный морщинками лоб мыслителя, осанка и движения этого человека выражали чувство собственного достоинства.

Убедившись, что второго выстрела не потребуется, незнакомец разрядил карабин и повесил его через плечо. Затем крикнул: «Кароли!» — и прибавил несколько слов на резком гортанном наречии.

Минуту спустя в расщелине скалы появился юноша лет семнадцати, за которым следовал мужчина. Судя по внешности, оба принадлежали к индейскому племени. Мужчине, видимо, уже перевалило за сорок. Он был пяти футов роста, широкоплечий, мускулистый, с мощным торсом и большой квадратной головой на массивной шее. У него была очень темная кожа, иссиня-черные волосы и глубоко сидящие под едва намеченными бровями глаза. На подбородке росло лишь несколько волосков.

Юноша — его сын — с гибким, как у змеи, и совершенно обнаженным телом, видимо, намного превосходил отца по умственному развитию. Более высокий лоб и живой взгляд свидетельствовали об уме, душевной прямоте и искренности.

Обменявшись несколькими словами на туземном наречии, мужчины направились к индейцу, распростертому на земле подле убитого ягуара.

Несчастный уже лишился сознания. Из груди, разорванной когтями свирепого зверя, ручьем лилась кровь. Однако, почувствовав, что кто-то осторожно приподымает его одежду, раненый открыл глаза.

Когда же он узнал своего спасителя, в его глазах затеплился радостный огонек, и, с трудом шевеля побелевшими губами, он прошептал:

— Кау-джер!

«Кау-джер» на местном наречии означает «друг», «покровитель», «спаситель». Очевидно, это прекрасное имя принадлежало белому человеку, потому что тот утвердительно кивнул головой.

Пока Кау-джер осматривал раненого, Кароли снова исчез в расщелине скалы и вскоре вернулся с охотничьей сумкой, где находился перевязочный материал и несколько склянок с соком местных лекарственных растений.

Кау-джер, промыв следы когтей хищника и остановив кровотечение, сблизил края раны и покрыл их марлевыми повязками, пропитанными целебным снадобьем. Затем, сняв с себя шерстяной пояс, он забинтовал грудь туземца.

Выживет ли бедняга? Кау-джер сомневался в этом. Ни одно лекарство не могло помочь заживлению страшных ран.

Кароли, улучив момент, когда охотник снова открыл глаза, спросил:

— Где твоё племя?

— Там... там... — прошептал индеец, указывая рукой на запад.

— Сейчас только четыре часа. Скоро начнется прилив, — сказал Кау-джер. — Мы сможем отплыть лишь на рассвете.

— Да, не раньше, — согласился Кароли.

Кау-джер приказал:

— Перенесите этого человека в лодку. Больше мы ничем не можем ему помочь.

Подняв индейца на руки, Кароли с сыном начали осторожно спускаться к песчаному берегу. Потом один из них вернулся за ягуаром, шкуру которого можно было продать заезжим купцам за большие деньги.

Тем временем Кау-джер поднялся на один из утесов, окаймлявших обрывистый берег. Отсюда он мог окинуть взглядом весь горизонт.

Внизу причудливой линией извивалось северное побережье пролива шириной в несколько лье. Противоположный берег, изрезанный на всем видимом протяжении заливами и бухтами, притаился за неясными очертаниями островов и островков, казавшимися издали легкими облачками. Ни на западе, ни на востоке не видно было

начала или конца пролива, вдоль которого громоздилась высокая каменная гряда.

На севере тянулись бесконечные прерии и равнины, испещренные множеством рек, бурными потоками или шумными водопадами изливавшимися прямо в море. Кое-где на этих необъятных просторах четко выделялись зеленые пятна густых лесов. Лучи заходящего солнца обагряли верхушки деревьев. А дальше, замыкая горизонт, вырисовывалась массивная цепь гор, увенчанных ослепительно белыми коронами ледников. Нигде не было никаких следов человеческого жилья.

На востоке пейзаж был еще суровее. Скалистая гряда, нависая над морским берегом, поднималась почти отвесными уступами, а затем внезапно переходила в острые каменные пики, вонзающиеся высоко в небо. И здесь тоже — ни на суше, ни на воде — ни малейшего признака жизни. Ни единой лодки — будь то пирога под парусом, будь то каноэ из древесной коры. Всюду, куда только хватал глаз — на южных островах, на побережье, среди каменной гряды, — нигде не было видно даже дыма, напоминающего о присутствии человека.

Близились те часы, предшествующие сумеркам, которые всегда вызывают ощущение легкой грусти. Стаи больших, пронзительно кричавших птиц, заполонив все небо, парили в воздухе в поисках ночного пристанища.

Скрестив руки на груди, застыв как статуя, стоял Кауджер на вершине скалы. При виде этого благодатного земного и морского пространства, этого затерянного, забытого клочка земли, никому не подвластной, никем не поработанной, лицо его озарилось восторгом, ресницы дрогнули, во взгляде зажглось какое-то священное вдохновение.

Долго стоял он так, освещенный лучами солнца, овеваемый морским ветром; потом, глубоко вздохнув, простер руки, будто хотел объять и вдохнуть в себя весь бесконечный простор, расстилавшийся перед ним. И когда Кауджер с вызовом взглянул на небеса, а затем обвел гордым взором лежавшую под его ногами землю, из груди у него вырвался ликующий крик, в котором звучало безудержное стремление к неограниченной, абсолютной свободе.

Это был призыв анархистов всего мира, знаменитая формула, содержащая в четырех словах сущность этого учения.

— Ни бога, ни властелина! — с торжеством крикнул Кау-джер, наклонившись над бушующими волнами, у самого края утеса. И порывистым взмахом руки как бы смёл все стоящие на его пути преграды.

2. ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Географы называют Магеллановой Землей или Магальянес группу крупных и мелких островов, расположенных между Атлантическим и Тихим океанами, у южной оконечности Американского континента. Самая южная часть материка, Патагония (продолжением которой являются два больших полуострова — Короля Вильгельма и Брансвик), переходит в мыс Фроуард. Все земли, не примыкающие к полуостровам непосредственно, а лежащие по ту сторону Магелланова пролива, входят в состав архипелага, справедливо названного в честь знаменитого португальского мореплавателя XVI века Магеллановой Землей.

До 1881 года эта территория Нового Света не была связана ни с одним цивилизованным государством, даже с самыми ближайшими соседями — Чили и Аргентиной, которые в то время оспаривали друг у друга пампасы Патагонии. Поскольку Магелланова Земля не принадлежала никому, то, если бы там возникли какие-нибудь поселения, они могли бы сохранить полную независимость.

Эта громадная страна занимает площадь пятьдесят тысяч квадратных километров. Помимо множества небольших островков, к ней относится Огненная Земля, острова Десоласьон, Кларенс, Осте и Наварино, а также архипелаг мыса Горн, состоящий из островов Гриви, Уоллестон, Фрейсинэ, Эрмите и Хершел, и, кроме того, крошечные островки и рифы, которыми завершается огромный массив Американского материка.

Огненная Земля — самый крупный из островов архипелага Магальянес — на севере и на западе ограничен извилистым побережьем, идущим от скалистого мыса Эспириту Санто до пролива Магдалена. Образую на западе

причудливой формы полуостров, над которым возвышается гора Сармьенто, Огненная Земля заканчивается на юго-востоке мысом Сан-Диего, по очертаниям напоминающего сидящего на задних лапах сфинкса, хвост которого опущен в воды пролива Ле-Мер.

На этом большом острове и происходили в апреле 1880 года события, описанные в первой главе. Пролив, простиравшийся перед глазами Кау-джера, назывался проливом Бигл. Он омывал южное побережье Огненной Земли, а его противоположный берег составляли острова Гордон, Осте, Наварино и Пиктон. Еще южнее были разбросаны причудливой формы мелкие островки архипелага мыса Горн.

За десять лет до начала нашего повествования тот, кого индейцы позднее называли Кау-джером, впервые появился на Огненной Земле. Как он туда попал? Вероятно, на одном из парусных или паровых судов, плававших по лабиринту проливов Магеллановой Земли, мимо рассеянных в Тихом океане ее многочисленных островов, где моряки скупали у индейцев шкуры гуанако и тюленей, шерсть американской ламы-викуши и страусовые перья.

Таким образом, присутствие чужеземца на этом острове объяснить было не трудно. Значительно труднее было бы ответить на вопрос о его имени, национальности и о том, кто он: уроженец Старого или Нового Света?

О нем ничего не знали. Впрочем, нужно отметить, что он никого и не интересовал. Да и кто бы стал задавать подобные вопросы в стране, где не существовало никакой власти? Ведь Кау-джер находился не в одном из тех организованных государств, где полиция интересуется прошлым человека и где невозможно прожить долгое время незамеченным. Здесь же не существовало людей, облеченных какой-либо властью, и можно было пользоваться полной свободой, не считаясь ни с законами, ни с обычаями той или иной страны.

Первые два года после прибытия на Огненную Землю Кау-джер не хотел обосновываться в каком-нибудь определенном месте. Во время непрерывных скитаний он часто заводил знакомства с индейцами, но никогда не приближался к факториям, созданным здесь белыми колонистами. Если же ему и приходилось для пополнения запасов пороха и медикаментов вступать в сношения с моряками,

приплывавших на один из островов архипелага, то он делал это всегда через кого-нибудь из огнеземельцев. Подобные сделки Кау-джер совершал либо путем обмена, либо расплачивался за покупки испанскими или английскими деньгами, в которых, видимо, не испытывал недостатка.

В остальное время он странствовал по острову, посещая различные племена, переходя из одного поселения в другое. Он находился то среди жителей побережья, то среди индейцев, кочевавших по центральной части острова; спал вместе с ними в хижинах или палатках, занимался, как и они, охотой и рыбной ловлей. Кау-джер лечил больных, помогал вдовам и сиротам. Бедные люди полюбили его всем сердцем и дали почетное имя «Кау-джер», ставшее известным на всех островах архипелага.

Несомненно, Кау-джер был образованным человеком. Особенно хорошо он знал медицину. Кроме того, он так свободно владел многими языками, что французы, англичане, немцы, испанцы и норвежцы с одинаковой легкостью могли принять его за соотечественника. Вскоре к своему багажу полиглота таинственный незнакомец присоединил и язык индейского племени ягáнов. Он бегло изъяснялся на этом самом распространенном на Магеллановой Земле наречии.

Огненная Земля, где поселился Кау-джер, отнюдь не является необитаемым островом, как обычно полагают ученые. В действительности страна эта гораздо интереснее и богаче, чем ее описывали первые исследователи. Конечно, было бы преувеличением считать ее земным раем или утверждать, что ее крайняя оконечность, мыс Горн, не подвержена частым и сильным бурям. Однако существуют же и в Европе плотно населенные страны, где климатические условия еще суровее, нежели в этих краях. Если климат Магеллановой Земли характеризуется крайне высокой влажностью, то зато благодаря морю тут всегда держится довольно ровная температура и не бывает таких жгучих морозов, как в северной России, Швеции и Норвегии. Средняя годовая температура здесь не опускается зимой ниже 5°, а летом не поднимается выше 15° по Цельсию.

Но даже при отсутствии метеорологических данных один вид этих островов мог бы удержать исследователей

от излишнего пессимизма хотя бы в оценке климатических особенностей Магеллановой Земли. Такая пышная растительность не могла бы развиваться в условиях полярной зоны. На архипелаге Магальянес немало густых лесов и обширнейших пастбищ, способных прокормить бесчисленные стада.

И все-таки страна эта почти безлюдна. Население ее состоит лишь из небольшого числа индейцев, называемых «огнеземельцами», — настоящих дикарей, которые почти не знают одежды и влачат нищенское существование, кочуя по необозримым и пустынным прериям.

Задолго до начала описываемых событий правительство Чили как будто заинтересовалось неизведанными территориями и основало у Магелланова пролива колонию Пунта-Аренас. Но последующих шагов в этом направлении не делалось, и, хотя молодая колония развивалась и процветала, Чилийская республика не предпринимала дальнейших попыток укрепиться на Магеллановой Земле в собственном смысле этого слова.

Что же привело Кау-джера сюда, в почти никому неведомый край? Это оставалось загадкой, которую, впрочем, можно было частично разгадать, услышав страстный возглас, брошенный им с вершины скалы, — своеобразный вызов небу и восторженную хвалу природе.

«Ни бога, ни властелина!» — классическая формула анархистов. Судя по ней, можно было предположить, что и Кау-джер принадлежал к этой секте, вернее — к разношерстной толпе, в которой встречается немало уголовных преступников и одержимых фанатиков. Первые, обуреваемые завистью и злобой, всегда готовы пойти на любое насилие и даже на убийство. Вторые же мечтают об утопическом обществе, где навсегда будет уничтожено зло потому лишь, что отменят законы, созданные якобы для искоренения того же зла.

Кем же был Кау-джер? Неужели одним из сторонников крайних мер и решительных действий, человеком, изгнанным из всех стран и нашедшим пристанище только здесь, у последней границы цивилизованного мира?

Подобное предположение никак не вязалось с его добрым и заботливым отношением к туземцам. Тот, кто так настойчиво стремится к спасению людей, не может желать их уничтожения. Да, он был анархистом (ибо сам

подтверждал это), но примыкал к группе мечтателей, а не к приверженцам кинжала и бомбы. И, в таком случае, изгнание Кау-джера могло быть только добровольным — своеобразной логической развязкой внутреннего конфликта, а не наказанием, обусловленным чужой волей. Опыленный своей мечтой, он, видимо, не смог примириться с железными законами цивилизованного общества, помыкающими человеком на всем его жизненном пути, от колыбели до могилы. Кау-джер чувствовал, что задыхается в дремучих дебрях бесчисленных законов, взамен которых граждане любого государства, принося в жертву свою независимость, получают минимум жизненных благ и относительную безопасность существования. А поскольку Кау-джер вовсе не собирался насильно навязывать людям свои принципы и вкусы, ему осталось только одно: отправиться на поиски страны, в которой не знают рабства. Может быть, поэтому-то он и обосновался в конце концов на Магеллановой Земле — единственном месте на земном шаре, где еще сохранилась полная свобода.

Кау-джер пользовался у индейцев большим доверием, и влияние его непрерывно росло. К нему стали приезжать за советом туземцы с других островов, так называемые «индейцы на каноэ» или «индейцы на пирогах» — племена, несколько отличающиеся от яганов, населяющих Огненную Землю.

Кау-джер никому не отказывал ни в советах, ни в помощи. В тяжелые времена, когда вспыхивала какая-нибудь эпидемия, он нередко рисковал жизнью в борьбе со страшным бедствием. Вскоре слава о нем распространилась повсюду и даже вышла за пределы Магелланова пролива. Там стало известно, что некий чужеземец, поселившийся на Огненной Земле, снискал у благодарных туземцев почетное имя «Кау-джер», и его не раз приглашали в Пунта-Аренас. Но на все настоячивые просьбы приехать он неизменно отвечал отказом.

К концу второго года пребывания Кау-джера на Огненной Земле произошел случай, повлиявший на всю его дальнейшую жизнь.

Нужно сказать, что патагонцы нередко совершали набеги на территорию Магеллановой Земли.

За несколько часов они могли переправиться вместе с лошадьми на южный берег Магелланова пролива. Отсю-

да они начинали долгие походы или, как их называют в Америке, рейды по всей Огненной Земле. Патагонцы безжалостно грабили местных жителей и похищали их детей, которых превращали в рабов.

Между патагонцами и огнеземельцами существует значительное этнологическое различие. Первые неизмеримо более воинственны и опасны. Они промышляют охотой и живут отдельными племенами, управляемыми старейшинами. Вторые — мирные существа; они селятся семьями и занимаются рыбной ловлей. Внешне огнеземельцы также резко отличаются от соседей — жителей континента. Они меньше ростом, и их легко можно узнать по большой квадратной голове, выступающим скулам, придавленному черепу и почти полному отсутствию бровей. В общем, они считаются существами довольно примитивными, но, как бы то ни было, племя это отнюдь не вырождается, ибо детей у них не меньше, чем собак, которыми кишат все их поселения.

Патагонцы же отличаются высоким ростом и крепким, пропорциональным сложением. Они выщипывают бороду, а волосы перехватывают повязкой. Их смуглые лица в скулах шире, чем у висков, носы приплюснуты, узкие раскосые глаза сверкают в глубоких глазницах. Этим бесграшным и неутомимым наездникам необходимы пастбища для скота и бескрайние просторы, чтобы охотиться там, мчась на своих выносливых конях.

Кау-джеру пока еще никогда не доводилось по-настоящему встречаться с этими жестокими грабителями, которых не могли обуздать ни аргентинцы, ни чилийцы.

Только в ноябре 1872 года Кау-джеру, находившемуся в то время в западной части Огненной Земли, близ Магелланова пролива, пришлось столкнуться с патагонцами и стать на защиту огнеземельцев из бухты Инутиль.

Эта бухта, граничащая на севере с болотами, образует глубокую выемку почти напротив того места, где когда-то Сармьенто¹ основал печальной памяти колонию Пуэрто-Хамбре.

¹ Сармьенто де Гамбоа — испанский мореплаватель XVI века; основал на берегу Магелланова пролива колонию, почти все население которой впоследствии погибло от голода (Пуэрто-Хамбре по-испански значит: Голодная Гавань).

Итак, отряд патагонцев, высадившийся на южном берегу бухты Инутиль, напал на поселение яганов, насчитывавшее не более двух десятков семейств. Численное превосходство было на стороне нападавших, к тому же более сильных физически и лучше вооруженных.

И все же огнеземельцы пытались обороняться под командованием одного индейца из племени каноз, только что прибывшего в их селение на своей лодке.

Звали его Кароли. Он работал лоцманом и водил каботажные суда по проливу Бигл и между островами архипелага мыса Горн. Закончив в этот день проводку очередного корабля в Пунта-Аренас, он на обратном пути остановился в бухте Инутиль.

С помощью яганов Кароли попытался отеснить захватчиков. Однако силы оказались слишком неравными. Огнеземельцы не смогли противостоять врагу. Поселение было взято приступом, палатки разорены, семьи разлучены. Кровь лилась потоками.

Во время сражения сын Кароли, девятилетний Хальг, терпеливо поджидал отца, не выходя из лодки. Мальчик не отплывал от берега. Правда, в открытом море ему бы ничего не грозило, но зато отец не смог бы добраться до каноз. Вдруг к ребенку кинулись два патагонца. Один из них вскочил в лодку и схватил Хальга.

Как раз в этот момент Кароли удалось вырваться из лап неожиданных пришельцев и бежать из поселка. Он бросился на помощь к сыну, которого уже уносили враги. Стрела, пущенная одним из патагонцев, просвистела возле самого уха Кароли, не задев его. Не успела пролететь другая, как раздался ружейный выстрел. Смертельно раненный патаговец упал на землю, а его товарищ обратился в бегство. Стрелял белый человек, случайно попавший на поле битвы. Это был Кау-джер.

Теперь следовало дорожить каждым мгновением. Быстро подтянув лодку к берегу, Кау-джер, Кароли и Хальг прыгнули в нее и, не мешкая, вышли на морской простор. Они уже находились на расстоянии доброго кабельтова от берега, когда остальные патагонцы заметили их и послали вдогонку тучу стрел. Одна из них угодила Хальгу в плечо.

Рана была довольно опасна, поэтому Кау-джер не захотел покинуть спутников, которым могла понадобиться

ся помощь. Лодка, обогнув Огненную Землю, прошла по проливу Бигл и наконец достигла маленькой, хорошо защищенной от ветра бухты на острове Исла-Нуэва, где жил Кароли.

Мальчику уже не угрожала опасность, ибо рана больше не кровоточила. Кароли не находил слов, чтобы выразить свою благодарность чужеземцу.

Когда они подошли к берегу, индеец выскочил на берег и пригласил Кау-джера следовать за ним.

— Вот мой дом,— сказал он.— Здесь я живу с сыном. Если захочешь провести у нас несколько дней, будешь желанным гостем. Потом в моем каноэ переправишься на другой берег. Если же ты пожелаешь остаться здесь навсегда, мой дом станет твоим домом, а я — твоим верным другом.

С этого дня Кау-джер не покидал острова Исла-Нуэва. Он остался с Кароли и Хальгом, помог индейцу благоустроить жилище и даже облегчил его работу лоцмана: ветхое каноэ заменила прочная шлюпка «Уэл-Киедж», купленная после крушения одного норвежского судна. В нее-то и перенесли теперь раненого охотника.

Так прошло несколько лет, и казалось, что Кау-джер навсегда останется свободным на свободной земле, как вдруг одно непредвиденное событие резко изменило всю его жизнь.

3. КОНЕЦ СВОБОДНОЙ СТРАНЫ

Остров Исла-Нуэва, расположенный у восточного входа в пролив Бигл, имеет форму неправильного пятиугольника площадью восемь на четыре километра. Обширные луга и множество деревьев самых разнообразных пород оживляют пейзаж острова. В некоторых, защищенных от ветра участках можно найти великолепную землю, вполне пригодную для выращивания овощей.

На этом острове, на склоне прибрежной скалы, обращенном к морю, и поселился около десяти лет назад индеец Кароли. Трудно было найти более удобное место для жилья. Отсюда он мог видеть все суда, выходившие из пролива Ле-Мер. Капитаны, державшие курс на Тихий океан мимо мыса Горн, не нуждались в посторонней

помощи, но те, кто хотел пройти через многочисленные проливы архипелага Магальянес, не могли обойтись без лоцмана.

Однако в Магелланов пролив корабли заходят относительно редко, так что ремесло лоцмана не могло прокормить Кароли и его сына. Приходилось промышлять охотой и рыбной ловлей, а потом выменивать добычу на предметы первой необходимости.

Долгое время Кароли жил в естественном гроте, выдолбленном природой в гранитной скале, который был во всех отношениях удобнее, чем хижины яганов. Но после приезда Кау-джера индеец обзавелся настоящим домом. На его постройку пошли деревья из соседнего леса, камни, добытые около ближайших скал, и известь, полученная из размельченных раковин, усеивавших берег.

Дом состоял из трех комнат. В центре — общее помещение с большой печью, справа — комната Кароли и Хальга, слева — Кау-джера. Там, на полках, лежали его бумаги и книги — большей частью труды по медицине, политической экономии и социологии. В шкафу стояли склянки с лекарствами и хирургические инструменты.

Сюда-то и вернулся Кау-джер со своими спутниками после посещения Огненной Земли, с которого началось наше повествование. Но еще до возвращения домой они на «Уэл-Киедж» доставили раненого туземца в его селение, расположенное у восточного входа в пролив Бигл.

Едва увидев шлюпку, несколько десятков мужчин и женщин выбежали на берег. Вслед за ними увязалась целая орава голых ребятишек. Как только Кау-джер вышел из лодки, индейцы окружили его. Все хотели пожать ему руку, высказать искреннюю благодарность за помощь, которую получали от него; он терпеливо выслушал все новости. Потом матери повели Кау-джера к больным детям и с волнением внимали его советам. Казалось, одно присутствие этого человека уже утешало их.

Тем временем индейца, растерзанного ягуаром и умершего по дороге, несмотря на полученную помощь, положили на берегу, и все жители поселка столпились вокруг него. Кау-джер подробно рассказал об обстоятельствах гибели охотника, а затем отправился в обратный путь, великодушно подарив вдове погибшего шкуру ягуара, представлявшую целое состояние для бедных туземцев.

Приближалась зима. Жизнь в домике на Исла-Нуэва шла своим чередом. Несколько раз приходили каботажные суда, спешившие закупить пушнину до наступления зимних бурь, когда навигация в этих районах прекращалась. Охотники выгодно продавали или обменивали меха на предметы, необходимые на время холодов, которые продолжаются здесь с июня по октябрь.

В конце мая один из капитанов обратился за помощью к Кароли. Кау-джер и Хальг остались на острове одни.

Юноше исполнилось уже семнадцать лет. Он по-сыновнему привязался к Кау-джеру. И тот отвечал ему отцовской нежностью и всячески заботился о его умственном развитии. Кау-джеру удалось вывести мальчика из первобытного состояния, и теперь он резко отличался от соплеменников.

Нужно ли говорить о том, что Кау-джер постоянно внушал юному Хальгу идеи независимости, в которые свято верил сам? Кау-джер никогда не выказывал своего превосходства и вел себя с Кароли и его сыном как с равными. Недаром он всегда говорил, что человек, в полном смысле этого слова, никому не подчиняется. Все люди свободны и равны.

Эти семена падали на благодатную почву. Ведь огнеземельцы — страстные приверженцы свободы. Ради нее они жертвуют всем, отказываясь от жизненных благ. Как правило, большинство из них кочуют с места на место, хотя оседлая жизнь обеспечивала бы им относительно большее благополучие и безопасность. Они всегда спешат снова двинуться в путь — пусть голодные, пусть нищие, но зато свободные.

В начале июня на Магеллановой Земле наступила зима. Правда, больших морозов не было, но дули ураганные ветры, бушевали свирепые метели, и Исла-Нуэва совершенно потонул под снегом.

Так прошли июнь, июль и август. К середине сентября температура значительно повысилась, и каботажные суда с Фолклендских островов снова появились на фарватере.

19 сентября Кароли, оставив Хальга и Кау-джера на острове, повел по проливу Бигл американский пароход с лоцманским флагом на фок-мачте. Индеец отсутствовал почти неделю.

Когда он вернулся домой, Кау-джер, по обыкновению, стал его расспрашивать, как прошло путешествие.

— Все в порядке,— ответил Кароли,— море было спокойно, а ветер попутный.

— Где ты сошел с корабля?

— В проливе Дарвин, у косы острова Стюарт. Там мы встретились с рассыльным судном.

— Куда оно направлялось?

— К Огненной Земле. На обратном пути я видел его уже в бухте. С него высадился целый отряд солдат.

— Солдат?! — воскликнул Кау-джер.— Какой страны?

— Чилийцы и аргентинцы.

— Зачем они пожаловали?

— Сказали, будто сопровождают двух чиновников, которые ведут разведку на Огненной Земле и соседних островах.

— А откуда прибыли чиновники?

— Из Пунта-Аренаса. Губернатор дал в их распоряжение рассыльное судно.

Поток вопросов иссяк. Кау-джер задумался. Зачем приехали сюда чиновники? Что им понадобилось в этой части Магеллановой Земли? Может быть, дело касалось какого-нибудь географического или гидрографического исследования и они должны были лишь уточнить глубины морского дна в интересах навигации?

Кау-джер никак не мог избавиться от какого-то смутного беспокойства. Неужели разведка будет производиться на всем архипелаге Магеллановой Земли и рассыльное судно появится даже в водах Исла-Нуэва?

Особое значение этой новости заключалось в том, что экспедиция была послана правительствами Чили и Аргентины. Возможно ли, что обе республики, до сих пор не установившие между собой нормальных отношений, наконец договорились по поводу территории, на которую, кстати сказать, ни та, ни другая не имели законных прав?

После разговора с Кароли Кау-джер поднялся на холм, возвышавшийся над их домом. Отсюда открывалась бесконечная морская гладь. Взгляд Кау-джера невольно устремился на юг, к последним рубежам американского континента, составляющим архипелаг мыса Горн. Неужто придется перебираться туда, чтобы найти свободную землю? А может, еще дальше? Мысли Кау-джера уже

бродили где-то у Полярного круга, он вступал в необъятные просторы Антарктики, окутанной непостижимой тайной и недоступной даже самым бесстрашным исследователям...

Как бы огорчился Кау-джер, если бы узнал, насколько верны его опасения! На борту чилийского корабля находились чилийский и аргентинский комиссары, уполномоченные своими правительствами подготовить раздел архипелага Магальянес между двумя государствами, заявившими на него права.

Уже много лет вокруг этого вопроса шли бесконечные споры, но пока обе стороны всё никак не могли прийти к обоюдному согласию. Подобная ситуация могла бы со временем обостриться и привести к серьезному конфликту. Вот почему нужно было договориться как можно скорее — и не только с точки зрения коммерческой, но и с политической. Ведь ненасытная захватчица Англия находилась неподалеку и со своих Фолклендских островов вполне могла протянуть руку к Магеллановой Земле. Ее каботажные суда частенько наведывались в проливы, а ее миссионеры оказывали все большее влияние на обитателей Огненной Земли. Так что в один прекрасный день на каком-нибудь из островов мог взвиться английский государственный флаг, а всем известно, что нет ничего труднее, чем снять британский флаг с того места, где он был водружен.

Комиссары, закончив обследование архипелага, возвратились восвояси: один в Сант-Яго, другой в Буэнос-Айрес. Месяц спустя, 17 января 1881 года, в столице Аргентины было подписано соглашение между двумя республиками, разрешившее опасную проблему архипелага Магальянес.

По этому договору Патагония изымалась из-под власти Аргентины и переходила к Чили, за исключением территории, лежащей между 52° широты и 70° долготы к западу от гринвичского меридиана. Взамен этого Чилийское государство отказывалось от части Огненной Земли, расположенной на 68° долготы к востоку. Отныне все остальные острова архипелага принадлежали Чили.

Итак, Магелланова Земля теряла свою независимость. Что же будет делать Кау-джер, поневоле очутившийся на территории, принадлежавшей теперь Чили?

На Исла-Нуэва о договоре стало известно только 25 февраля. Новость привез Кароли, вернувшийся из очередного лоцманского рейса.

Узнав об этом, Кау-джер не мог подавить приступ гнева. Правда, он не проронил ни слова, но в глазах у него загорелись огоньки ненависти, и резким, негодующим жестом он невольно протянул руку к северу.

Не в силах справиться с волнением, он принялся нервно расхаживать взад и вперед по берегу. Ему казалось, что почва ускользает из-под ног.

Наконец Кау-джеру удалось взять себя в руки. Его лицо вновь приняло обычное невозмутимое выражение и, подойдя к Кароли, он спросил спокойным тоном:

— Эти сведения достоверны?

— Ну конечно,— ответил индеец.— Я узнал все в Пунта-Аренасе. Говорят, что у входа в пролив на Огненной Земле уже укрепили два флага: чилийский на мысе Орендж и аргентинский на мысе Эспириту-Санту.

— Значит, все острова на юге пролива Бигл принадлежат Чили?

— Да, все.

— Даже Исла-Нуэва?

— И он тоже.

— Этого следовало ожидать,— прошептал Кау-джер, судорожно сглотнув комок, подкатившийся к горлу.

Потом он вернулся в дом и заперся в своей комнате.

Кто же был этот человек? Какие причины заставили его метаться с одного континента на другой, дабы наконец заживо похоронить себя на Магеллановой Земле? Почему все связи с человечеством ограничились для него лишь несколькими туземными племенами, которым он не раздумывая посвятил всю свою жизнь?

На первый вопрос дадут ответ те ближайшие события, о которых читатель узнает из дальнейшего повествования. На два же остальных вопроса ответом послужит краткий рассказ о прежней жизни Кау-джера.

Замечательный человек, одинаково глубоко постигший как социальные, так и естественные науки, обладавший мужественным и решительным характером, Кау-джер был искренним последователем теоретических положений анархизма.

Известно, что анархисты отрицают всякую организа-

цию общества, необходимую для нормальной деятельности человеческого коллектива. Проповедуя абсолютный индивидуализм, они стремятся к уничтожению любой власти и к разрушению всех социальных связей.

К ним-то и принадлежал Кау-джер. Его бунтарская, неукротимая, неспособная к повиновению душа восставала против всех законов (кстати говоря, весьма несовершенных!), при помощи которых человечество пытается вслепую регламентировать общественные отношения. Конечно, он никогда не принимал участия в насильственных деяниях, проповедуемых анархистами, и никогда не подвергался изгнанию. Просто ему самому опротивела так называемая цивилизация и, стремясь сбросить с себя бремя какой бы то ни было власти, он искал некий уголок на земле, где человек мог быть совершенно свободным.

Ему казалось, что такое место он нашел именно здесь, на самом краю света, на одном из островов Магеллановой Земли.

И вот по договору, заключенному между Чили и Аргентиной, эта территория тоже теряла свою независимость. Теперь все острова архипелага, лежащие в южной части пролива Бигл, переходили во владение Чили. Отныне все они, даже маленький островок Исла-Нуэва, где нашел пристанище Кау-джер, будут подчинены власти губернатора Пунта-Аренаса.

Забраться так далеко, затратить столько сил, вести такую тяжкую жизнь — и ради чего?! Чтобы все пошло прахом?..

Нескоро оправился Кау-джер от удара. Его мысли устремились в будущее, которое казалось ему мрачным и безрадостным. В Чили знали, что на Исла-Нуэва поселился белый человек. Присутствие чужеземца на Магеллановой Земле, его дружба с местными жителями и влияние на них уже не раз вызвали беспокойство чилийского правительства. Губернатор, вероятно, пожелает выяснить — кто он такой? На остров, несомненно, пришлют чиновников, и те учинят Кау-джеру подробный допрос о его прошлом и заставят раскрыть свое инкогнито, которым он так дорожил.

Прошло несколько дней. Кау-джер больше не заговаривал о предстоящих событиях, вызванных недавним

соглашением, но стал еще мрачнее, чем прежде. Тревожные думы не давали ему покоя. Как поступить? Быть может, ему следует покинуть Исла-Нуэва и укрыться в каком-нибудь недоступном для людей месте, где можно было бы вновь обрести свободу и независимость, без которых, как ему казалось, жизнь невозможна? Допустим... Ну, а если он даже приютится на каком-нибудь жалком скалистом островке у мыса Горн — не настигнет ли его и там бдительное око правительства Чили?

Было начало марта. Теплая погода могла продержаться еще около месяца. В это время — пока можно было пользоваться морским путем — Кауджер обычно навещал индейские поселения. Однако на сей раз он не собирался отправляться в путь. Неоснащенная «Уэл-Киедж» стояла в глубине бухты.

Только 7 марта, после полудни, Кауджер сказал Кароли:

— Приготовь шлюпку на завтра. С рассветом выйдем в море.

— На несколько дней?

— Да.

— Хальг поедет с нами?

— Да.

— А собака?

— Тоже.

На заре «Уэл-Киедж» подняла парус. Дул восточный ветер. Бурный прибой бился о подножие утеса. На севере, в открытом море, перекатывались вздувшиеся длинные валы.

Шлюпка обогнула Исла-Нуэва и направилась к острову Наварино, чья двуглавая вершина смутно вырисовывалась в утреннем тумане.

Они бросили якорь еще до захода солнца у южной косы этого острова. Там, в глубине маленькой бухты с крутыми берегами, можно было спокойно провести ночь.

На следующий день шлюпка пересекла по диагонали бухту Нассау и взяла курс на остров Уоллестон, куда пришла в тот же вечер.

Погода заметно испортилась. Ветер, дувший с северо-востока, крепчал. На горизонте собирались густые тучи. Надвигалась буря. Чтобы плыть на юг, Кароли прихо-

дилось выбирать самые узкие проходы, где море было спокойнее. Поэтому, обогнув остров Уоллестон с запада, они направились в пролив, отделяющий остров Эрмите от острова Хершел.

15 марта, во второй половине дня, они подошли к этой крайней оконечности архипелага, испытав немало опасностей среди разбушевавшейся водной стихии. Кауджер тотчас же сошел на берег. Ничего не объясняя Кароли и Хальгу, он прогнал увязавшуюся было за ним собаку и направился к скалистому мысу.

Остров Горн представлял собой хаотическое нагромождение колоссальных каменных глыб, у подножия которых застряла масса сплавного леса и гигантских водорослей, принесенных течением. А дальше среди белоснежной пены прибоя, виднелись острия мелких рифов.

На невысокий мыс острова Горн нетрудно забраться по северному, пологому склону, на котором кое-где попадаются участки плодородной земли.

По этому-то склону и стал подниматься Кауджер, добываясь до вершины мыса.

Буря разыгралась не на шутку. Дул такой неистовый ветер, что приходилось сгибаться в три погибели, чтобы не сорваться в море. Высоко взлетавшие брызги волн хлестали по лицу. Оставшиеся внизу Кароли и Хальг молча смотрели, как постепенно уменьшается силуэт Кауджера. Видно было, что ему трудно бороться с ветром.

Тяжкий подъем продолжался почти целый час. Достигнув вершины мыса, Кауджер приблизился к самому краю отвесного берега и застыл как изваяние, устремив взгляд на юг.

С востока уже надвигалась ночь, а с противоположной стороны горизонта все еще сверкали последние отблески солнца. Ключья огромных, разорванных ветром туч, похожих на клубы дыма, проносились со скоростью урагана. Вокруг бушевал океан.

Зачем же пришел сюда этот человек с мятущейся душой? Быть может, у него была какая-нибудь цель или надежда? Или же, забравшись на край света и остановившись перед непреодолимым, он мечтал лишь о том, чтобы обрести там вечный покой?

Время шло. Кромешная тьма поглотила все...

Ночь.

И вдруг где-то далеко-далеко блеснула слабая вспышка света и донесся глухой отзвук выстрела.

Это был пушечный залп с корабля, терпевшего бедствие.

4. ШТОРМ

Было около восьми часов вечера. Юго-восточный ветер с неистовой силой хлестал по берегу. Ни один корабль не смог бы обогнуть крайнюю оконечность Южной Америки, не рискуя при этом разбиться о рифы.

Именно такая опасность угрожала судну, известившему о ней пушечным выстрелом. По-видимому, капитан не смог поднять все паруса, чтобы держаться нужного направления среди бушующих волн, и корабль неудержимо несло на рифы.

Не прошло и получаса, как Кароли и Хальг, цепляясь за выступы скал и за мелкий кустарник, пробивавшийся в расщелинах, поднялись на вершину мыса. Теперь они втроем напряженно прислушивались к вою бури.

Раздался второй залп. На какую помощь надеялся злополучный корабль, оказавшийся среди необитаемых островов, во власти разъяренной стихии?

— Он на западе,— сказал Кароли, определив направление выстрела.

— Идет правым галсом,— добавил Кау-джер,— потому что теперь он ближе к мысу, чем когда стрелял первый раз.

— Ему не обогнуть мыс,— заметил Кароли.

— Ни в коем случае,— подтвердил Кау-джер.— Слишком сильная волна... Но почему капитан не выходит в открытое море?

— Наверно, не может.

— А может быть, он не видит берега? Нужно дать ему ориентир. Скорее разожжем костер!— воскликнул Кау-джер.

С лихорадочной поспешностью они стали собирать по склонам мыса ветки кустарника, сбитые шквалом, сухую траву и лишайники, скопившиеся в углублениях почвы, и складывать все это на вершине скалы.

Кау-джер высек огонь. Сначала загорелся трут, за

ним отдельные сучья, а потом раздуваемое ветром пламя заметалось у ног Кау-джера. И вот не прошло и минуты, как к небу взвился ослепительный огненный столб, окутанный густыми клубами дыма, которые уносились прочь на север. Хвост трещал так громко, будто рвались патроны, и временами звуки эти заглушали даже рев бури.

Казалось бы, что мыс Горн, находящийся на стыке двух океанов, специально создан для возведения маяка, который предотвращал бы частые здесь кораблекрушения.

Но маяка не было, и его роль выполнил костер. Во всяком случае, огонь показывал кораблю, что берег близко. По этому ориентиру капитан мог бы выйти в фарватер с подветренной стороны острова Горн.

Правда, осуществить такой маневр в полной темноте представлялось весьма опасным. К тому же, если на борту не было человека, знакомого с условиями плавания в этих районах, кораблю вряд ли удалось бы благополучно пробраться между рифами.

Тем временем костер все еще полыхал, вонзаясь яркими языками пламени в непроглядную тьму. Кароли и Халыг все время подбрасывали в огонь новые и новые сучья.

Кау-джер, стоя перед костром, тщетно пытался определить положение судна. Вдруг на какой-то миг, в просвете между тучами, выглянула луна и осветила большой четырехмачтовый корабль, корпус которого четко выделялся среди белой морской пены. Судно действительно держало курс на восток, с трудом преодолевая натиск ветра и волн.

И в ту же минуту в гишине, наступившей между двумя порывами шквала, раздался зловещий грохот. Две кормовые мачты сломались у самого основания.

— Конец! — вскричал Кароли.

— В шлюпку! — скомандовал Кау-джер.

Все трое мгновенно, рискуя жизнью, сбегали с вершины мыса, через несколько минут очутились на берегу, вскочили в лодку и вышли из бухты. Халыг сидел на руле, Кау-джер и Кароли гребли изо всех сил — о том, что бы поднять парус, не приходилось и думать.

С величайшим трудом им удалось вывести «Уэл-

Киедж» за линию рифов. Шлюпку так бросало с волны на волну, то подкидывая вверх, то швыряя вниз, в пучину (как говорят моряки, «мотало»), что она трещала по всем швам. Тяжелые валы перекатывались до самой кормы. Залитая водой, «Уэл-Киедж» могла в любой момент пойти ко дну. Хальгу пришлось бросить руль и орудовать черпаком.

Тем не менее они приближались к кораблю. Уже можно было различить его сигнальные огни и весь темный корпус, покачивавшийся наподобие гигантского черного бакена на более светлом фоне неба. Две сломанные мачты, удерживаемые вантами, болтались за кормой. Фок-мачта и грот-мачта описывали в темноте полукруги.

— Где же капитан? — воскликнул Кау-джер. — Почему он не освободится от рангоута? Ведь корабль не сможет войти в пролив с таким хвостом!

В самом деле, следовало как можно скорее перерубить снасти, на которых держались упавшие за борт мачты. По-видимому, на судне царила паника. А может быть, на нем уже не было капитана? Такое предположение казалось вполне вероятным, судя по тому, что даже в такой кригический момент ничего не предпринималось для спасения корабля. Однако и команда должна была понимать, что парусник относит к берегу и что он непременно разобьется о скалы. А пламя костра, горевшего на вершине мыса Горн, все еще извивалось, подобно огромным огненным змеям, взметавшимся от каждого порыва шквала.

— Значит, на борту никого не осталось, — ответил Кароли на замечание Кау-джера.

Конечно, вполне могло случиться, что экипаж покинул судно и теперь пытается добраться до берега на шлюпках, если... если только весь корабль не превратился в огромный гроб с мертвецами и умирающими. Даже в краткие мгновения относительного затишья с судна не доносилось ни единого крика о помощи.

Наконец «Уэл-Киедж» вышла на траверс корабля как раз в тот момент, когда его так сильно накренило на левый борт, что он чуть не опрокинулся. Но кто-то ловким поворотом руля выровнял судно. Кароли быстро схватил один из обрывков снастей, висевших вдоль борта парусника, и закрепил нос шлюпки.

Затем все трое, взяв собаку, перелезли через релинги и вступили на палубу.

О нет, корабль отнюдь не был покинут. Наоборот, его переполняла толпа обезумевших женщин, мужчин и детей. Сотни несчастных пассажиров, охваченных паническим ужасом, лежали плашмя в рубках, коридорах, на нижней палубе. Страшная бортовая качка валила с ног, не позволяя подняться.

В темноте никто из них даже и не заметил, как на борту очутились новые люди.

Кау-джер бросился на корму, к рулевому... Но там никого не было. Судно, лишенное парусов, плыло в буквальном смысле слова без руля и без ветрил.

Где же капитан и офицеры? Неужели, забыв о долге, они подло бросили корабль на произвол судьбы?

Кау-джер схватил за плечо проходившего мимо матроса.

— Где капитан? — спросил он по-английски.

Матрос, даже не обратив внимания, что с ним заговорил посторонний, только пожал плечами.

— В море... Убит рухнувшим рангоутом... И другие там же... — ответил матрос странно безразличным голосом.

Итак, на судне не было капитана, не хватало команды.

— А помощник капитана? — продолжал Кау-джер.

Матрос снова так же равнодушно пожал плечами.

— Помощник? — переспросил он. — Переломаны обе ноги, и пробита голова. Валяется на нижней палубе.

— А рулевой? Боцман? Где они?

Матрос жестом показал, что ничего не знает.

— Кто же, в конце концов, командует судном? — воскликнул Кау-джер.

— Вы! — заявил Кароли.

— Тогда берись за руль и выходи в открытое море!

Кау-джер и Кароли бросились на корму и изо всех сил налегли на руль. Корабль с трудом, как бы нехотя, медленно перешел на левый галс.

Став под ветер, парусник понемногу начал набирать ход. Неужели удастся пройти на запад от острова Горн?

Куда держал путь корабль? Это выяснится позднее. А пока Кау-джер при свете фонаря смог прочесть на ру-

левом колесе название судна и порт его прописки: «Джонатан. Сан-Франциско».

Сильная качка мешала управлять судном. Все же Кау-джер и Кароли пытались удержать его в пределах фарватера, ориентируясь на последние отблески пламени, которое еще несколько минут полыхало на вершине мыса Горн.

Но этого оказалось достаточно, чтобы войти в пролив, видневшийся с правого борта, между островами Эрмите и Горн. Если бы «Джонатану» удалось проскочить рифы в средней части пролива, он смог бы тогда стать на якорь в бухте, защищенной от ветра и волн, и спокойно дожидаться восхода солнца.

Прежде всего Кароли с помощью нескольких матросов, которые в растерянности даже не заметили, что ими командует индеец, быстро перерезал ванты и бакштаги с левого борта, удерживавшие обе обломившиеся мачты. Ведь они волочились вслед за кораблем и так колотились о корму, что могли в конце концов пробить корпус судна. Как только матросы перерубили снасти, мачты сразу унесло течением. Что же касается «Уэл-Киедж», то с помощью фалиня ее отвели за корму.

Шторм крепчал. Огромные валы, перекатывавшиеся через фальшборт, усиливали панику среди пассажиров. Лучше бы все эти люди спустились в кубрики или каюты, но несчастные были не в состоянии услышать и понять то, что от них требуют.

Наконец, резко кренясь то на один, то на другой борт, захлестываемый волнами, корабль обогнул мыс Горн. Скользя по выступавшим из воды рифам, «Джонатан», на носу которого укрепили вместо кливера простой кусок парусины, обошел под ветром остров Горн, укрывший его от неистовства бури.

Во время этого относительного затишья на полуют поднялся какой-то человек и, подойдя к Кау-джеру и Кароли, стоявшим у руля, обратился к Кау-джеру:

- Кто вы такой?
- Лоцман, — ответил Кау-джер. — А вы?
- Был боцманом.
- Где ваши офицеры?
- Погибли.
- Все?

— Все.

— Почему вы оставили свой пост?

— Меня сбило упавшей мачтой. Я только что пришел в себя.

— Ладно. Мы и вдвоем справимся здесь. Отдохните, а когда сможете, соберите ваших людей. Надо навести порядок.

Опасность еще не миновала — до этого было далеко. Как только корабль достигнет северной косы острова, в проливе между островами Хершел и Горн, на него снова обрушатся свирепые шквалы волн и ветра. Но иного пути не было. Кроме того, здесь, близ мыса Горн, не было никакого убежища, где «Джонатан» смог бы стать на якорь. Да и ветер, дувший теперь с юга, бесспорно помешает добраться до этой части архипелага.

У Кау-джера оставалась лишь одна-единственная надежда: податься на запад и достичь острова Эрмите. На его южном побережье имеются довольно глубокие бухты и, возможно, «Джонатану» удастся укрыться от шторма, обогнув один из выступов острова. А когда море утихнет, Кароли, дождавшись попутного ветра, попытается провести пострадавшее судно через Магелланов пролив в Пунта-Аренас.

Но сколько опасностей поджидает их на пути к острову Эрмите! Как избежать столкновения с многочисленными рифами, усеивающими море в этом районе? Как провести корабль по нужному курсу в полной темноте, с единственным парусом, сделанным из обрывка кливера?

Прошел мучительный час. Последние скалы острова Горн остались позади. Море снова обрушилось на «Джонатана».

Боцману с помощью десятка матросов удалось установить фор-стенг-стаксель, на что ушло не менее получаса. Наконец ценой сверхчеловеческих усилий парус подняли на блоке, посадили на галс и натянули шкот талями.

Казалось бы, для судна подобного тоннажа действие этого жалкого куска парусины будет едва ощутимым. Однако он сделал свое дело, а ветер был настолько силен, что судно прошло семь-восемь миль, отделявших остров Горн от острова Эрмите, меньше чем за час.

Кау-джер и Кароли уже полагали, что их попытка спасти корабль увенчалась успехом, как вдруг раздался оглушительный грохот, перекрывший на миг даже раскаты бури.

На высоте десяти футов от палубы сломалась фок-мачта. При падении она увлекла за собою часть грот-мачты и, разрушив фальшборт, свалилась в океан.

Эта роковая случайность погубила множество людей. Послышались душераздирающие крики. В ту же минуту «Джонатан» накрыла огромная волна, и он дал такой крен, что чуть не пошел ко дну.

Однако судно выровнялось, но по всей палубе опять прокатился стремительный поток, сметая все на своем пути. К счастью, такелаж был уже разрушен и остатки снесенных ураганом мачт не угрожали кораблю.

«Джонатан» превратился в беспомощный обломок, плывущий по воле волн.

— Погибаем! — раздался чей-то крик.

— Даже лодок не осталось! — простонал кто-то другой.

— А шлюпка лоцмана? — прервал третий.

Толпа бросилась на корму, где на буксире шла «Уэл-Киедж».

Но боцман тотчас же установил цепь матросов, преградившую дорогу обезумевшим пассажирам. Теперь им приходилось только дожидаться развязки.

Через час Кароли заметил на севере мощный горный массив. Неизвестно каким чудом «Джонатан» проскользнул невредимым через узкий пролив, отделяющий остров Хершел от острова Эрмите. Так или иначе, перед кораблем уже высились скалы острова Уоллестон. Сильное течение мгновенно пронесло судно мимо острова.

Кто же победит — ветер или течение? Пройдет ли «Джонатан», подгоняемый ветром, с востока от острова Осте или же, уносимый течением, обогнет остров с юга? Оказалось, ни то, ни другое. Среди ночи сильнейший удар потряс весь корпус корабля, и он неподвижно застыл на месте, резко накренился на левый борт.

Американский парусник напоролся на рифы у восточного берега оконечности острова Осте, носящей название «мыс Горн Ложный».

5. КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

За две недели до памятной ночи, с 15 на 16 марта, американский клипер «Джонатан» покинул калифорнийский порт Сан-Франциско, направляясь в Южную Африку. Любое быстроходное судно при благоприятной погоде могло проделать такой путь за пять недель.

Этот парусник водоизмещением в три с половиной тысячи тонн был оснащен четырьмя мачтами. Командир судна, капитан Леккар, весьма опытный моряк, имел в своем подчинении помощника капитана Месгрева, лейтенанта Мэдисона, боцмана Хартлпула и команду из двадцати семи матросов.

«Джонатан» был зафрахтован для перевозки завербованных Обществом колонизации эмигрантов в африканскую бухту Лагоа, где португальское правительство предоставляло им земельную концессию.

В трюме клипера, помимо необходимой на время путешествия провизии, имелось все, что могло потребоваться молодой колонии в период ее организации. Запасов муки, консервов и спиртных напитков хватило бы колонистам на первые несколько месяцев. Кроме того, «Джонатан» вез палатки, сборные дома и различные предметы домашнего обихода — словом, все, что нужно для устройства на новом месте. Чтобы скорее приступить к разработке земельных участков, Общество колонизации позаботилось о снабжении колонистов сельскохозяйственными орудиями, различными саженцами, семенами злаков и овощей, некоторым количеством рогатого скота, свиней, овец, а также всевозможной домашней птицы.

Таким образом, новая колония была бы надолго обеспечена и продовольствием и орудиями труда. Впрочем, будущие колонисты знали, что их впредь не оставят на произвол судьбы.

Но с самого начала путешествия все силы природы словно объединились против «Джонатана». После долгого и тяжелого плавания корабль наконец достиг мыса Горн будто только для того, чтобы стать жертвой самой жестокой бури, когда-либо разыгравшейся в этих краях.

Капитан Леккар, не имея возможности определить свое точное местонахождение по солнцу, полагал, что судно находится далеко от земли. Поэтому он решил

идти первым галсом, надеясь, не меняя курса, кратчайшим путем добраться до Атлантики, где рассчитывал на более благоприятную погоду. Но едва выполнили приказ, как огромная волна, обрушившаяся на «Джонатана» с правого борта, унесла в море нескольких пассажиров и матросов. Спасти несчастных не удалось — они мгновенно исчезли в пучине.

Вот тогда-то на корабле и начали палить из пушки, оповещая о том, что «Джонатан» терпит бедствие. Первый же выстрел был услышан Кау-джером и его спутниками.

Видимо, капитан Леккар не заметил зажженного на вершине мыса огня, иначе смог бы вовремя обнаружить свою ошибку. В довершение всего его помощник Месгрев попытался положить судно на другой галс, чтобы выйти в открытое море, хотя из-за сильного шторма и ограниченной парусности это казалось почти неосуществимым. Однако когда после многих бесплодных попыток этот маневр почти удался, вдруг рухнул кормовой рангоут, сбросив Месгрева и лейтенанта Мэдисона за борт. В ту же секунду раскачавшийся блок ударил по голове боцмана, и он упал без сознания на палубу.

Остальное читателю уже известно.

Плавание закончилось. «Джонатан», намертво зажатый острыми рифами, оказался прикованным у побережья острова Осте. Далеко ли земля? Это могло выясниться только утром. Теперь же непосредственная опасность миновала, ибо судно по инерции проскочило далеко за линию подводных скал, а рифы защищали «Джонатана» от бурных волн.

Можно было надеяться, что за ночь с кораблем больше ничего не случится, поскольку рифы крепко, как на стапеле, удерживали его.

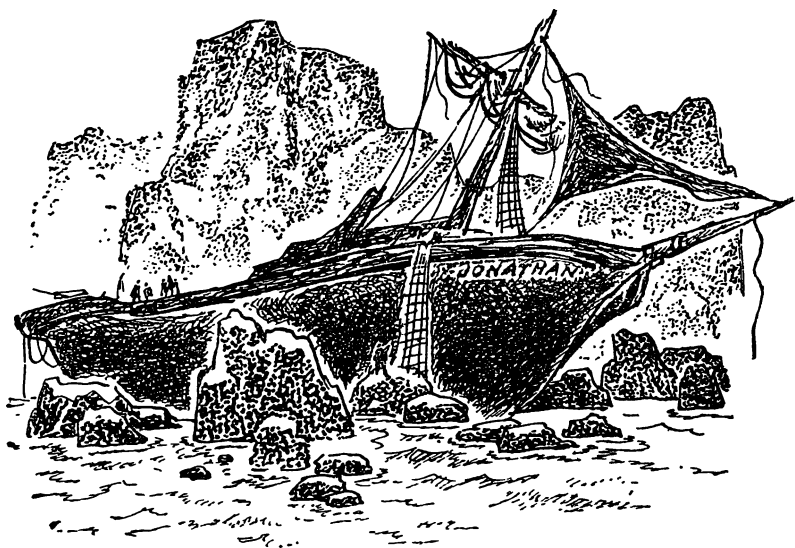
Кау-джеру с помощью боцмана Хартлпула удалось кое-как толковать обезумевшим от страха людям, что сейчас им уже ничто не угрожает. Несколько пассажиров — одни по своей воле, другие унесенные неистовым шквалом — оказались за бортом как раз в ту минуту, когда судно село на мель. Они упали прямо на рифы, откуда их тотчас же смыло волной, и теперь искалеченные тела погибших безжизненно покачивались на воде. Но неподвижность «Джонатана» действовала успокаивающе

на остальных эмигрантов. Мало-помалу все они укрылись в рубке или на нижней палубе от потоков дождя, водопадом низвергавшихся из грозowych туч. Кау-джер, Кароли, Халыг и боцман остались на вахте, охраняя покой и безопасность пассажиров «Джонатана».

Очутившись в судовых помещениях, где было относительно спокойно, большинство эмигрантов сразу же забылись тревожным сном. Едва бедняги почувствовали над собой власть разумного и энергичного человека, они бросились в другую крайность и моментально успокоились. Как-то само собой получилось, что они доверились и подчинились Кау-джеру, переложив на его плечи все заботы о своей дальнейшей судьбе. Эти люди не были подготовлены к подобным испытаниям. Привыкнув безропотно переносить повседневные лишения, они оказались совершенно беспомощными перед лицом развернувшихся грозных событий. Они бессознательно мечтали о том, чтобы нашелся какой-нибудь человек, готовый обязать каждого из них выполнить порученное ему задание. Среди эмигрантов находилось немало французов, итальянцев, русских, ирландцев, англичан и даже японцев, но больше всего — выходцев из северо-американских штатов. Столь же разнообразны оказались и их профессии. В большинстве своем это были люди холостые, и лишь около сотни эмигрантов везли с собой целую кучу детей.

Их объединяло то, что все они принадлежали к обездоленным слоям общества. Впрочем, нищих среди них не было, потому что Общество колонизации требовало от своих членов предъявления капитала в пятьсот франков. Ну, а кое-кто располагал суммой и в двадцать — тридцать раз большей. Словом, это сборище было во всех отношениях не хуже и не лучше любого другого. В нем проявлялись те же пороки и добродетели, те же противоречивые чувства и желания, что и везде.

Что же станет с этими людьми, заброшенными судьбой на необитаемый остров? Как им удастся выжить в этих невероятно трудных условиях?

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

1. НА СУШЕ

Даже в этих гористых местах остров Осте поражает своим причудливым рельефом. Если северное его побережье, частично прилегающее к проливу Бигл, образует прямую линию, то остальные берега усеяны скалистыми выступами или изрыты узкими, глубокими заливами, тянувшимися чуть ли не через весь остров.

Осте — один из самых больших островов архипелага Магальянеса. Ширина его исчисляется в пятьдесят километров, длиной же он более ста километров, не считая территории полуострова Харди, изогнутого как турецкая сабля. Его коса, выдающаяся на восемь — десять лье к юго-западу, носит название «мыс Горн Ложный».

«Джонатан» был выброшен на огромную гранитную скалу, отделяющую бухту Орендж-бей от бухты Скочуэлл в восточной части полуострова Харди.

В смутном свете зарождавшегося дня, среди тумана, вскоре развеянного последним дыханием пронесшейся бури, проступили очертания диких отвесных берегов.

«Джонатан» лежал на обрывистом мысе, выдававшемся в море острой косой и соединявшемся с основной территорией полуострова массивной горной цепью. У подножия этого скалистого пика тянулась каменная гряда, потемневшая от морских водорослей. Между рифами виднелись участки еще мокрого песка, усыпанного раковинами и моллюсками, которыми изобилуют берега Магеллановой Земли. На первый взгляд остров Осте казался не слишком-то гостеприимным.

Как только рассвело, большинство пассажиров «Джонатана» спустилось на рифы, к тому времени выступившие из воды, и поспешило на сушу. Бесполезно было бы удерживать их. После всех ночных волнений людям не терпелось ощутить под ногами твердую землю. Около сотни человек поднялось на холм, обойдя его с противоположной стороны, чтобы лучше рассмотреть местность, расстилавшуюся перед ними. Некоторые отправились вдоль южного берега косы, другие же — вдоль северного. Многие остались на песчаном берегу, осматривая разбитый корабль.

Лишь несколько человек, наиболее разумных или хладнокровных, не покинули «Джонатан». Взоры их были устремлены на Кау-джера, словно в ожидании распоряжений этого незнакомца, принявшего столь деятельное участие в их судьбе.

Но, поскольку тот, видимо, не собирался прерывать разговора с боцманом, один из эмигрантов, отделившись от маленькой группы пассажиров, направился к беседующим. По выражению лица, по походке, по тысяче едва уловимых признаков нетрудно было угадать, что этот пятидесятилетний человек принадлежал к более высоким слоям общества, чем все остальные.

— Сударь, — сказал он по-английски Кау-джеру, — прежде всего я хочу поблагодарить вас за спасение от неминуемой смерти. Без вас и ваших спутников мы наверняка погибли бы.

И черты лица, и голос, и жесты этого человека — все говорило о его прямой и честной натуре. Кау-джер дружески пожал протянутую ему руку.

— Мой друг Кароли и я, — ответил он на том же языке, — счастливы, что нам удалось благодаря знанию фарватера предупредить страшную катастрофу.

— Разрешите мне представиться. Я — эмигрант. Меня зовут Гарри Родс. Со мной едут жена, дочь и сын, — добавил он, указывая на людей, стоявших поблизости.

— Мой товарищ — лоцман Кароли. А это его сын Хальг, — представил своих спутников Кау-джер. — Они уроженцы Огненной Земли.

— А вы? — спросил Гарри Родс.

— Я — друг индейцев. Они зовут меня Кау-джер, и другого имени у меня нет.

Гарри Родс удивленно посмотрел на собеседника, спокойно выдержавшего его взгляд. Поняв, что настаивать не следует, эмигрант спросил:

— Как вы полагаете, что нам теперь делать?

— Как раз об этом мы и говорили с господином Хартлпулом, — ответил Кау-джер. — Все зависит от состояния «Джонатана». По правде говоря, я не обольщаюсь надеждами, но все же, прежде чем что-то решить, надо осмотреть судно.

— А в какой части Огненной Земли мы находимся?

— На юго-восточном берегу острова Осте.

— Близ Магелланова пролива?

— Наоборот, очень далеко от него.

— Черт побери! — воскликнул Гарри Родс.

— Потому-то, повторяю, все зависит от состояния «Джонатана». Сначала нужно осмотреть корабль, а уж потом предпринимать что-либо.

В сопровождении Хартлпула, Гарри Родса, Хальга и Кароли Кау-джер спустился на рифы и приступил к тщательному осмотру клипера.

Вскоре все пришли к единодушному выводу: корабль ни на что не годен. Корпус его, пробитый почти по всему правому борту, треснул в двадцати местах. А поскольку корпус «Джонатана» был сделан из металла, исправить положение невозможно. Итак, всякая надежда спустить «Джонатан» на воду отпала.

— По-моему, — продолжал Кау-джер, — следует раз-

грузить судно и поместить груз в надежное место. А тем временем можно будет починить нашу шлюпку, сильно пострадавшую во время шторма. Потом Кароли отвезет в Пунта-Аренас кого-нибудь из эмигрантов, чтобы известить губернатора о случившемся. Несомненно, тот примет все необходимые меры, дабы ускорить ваше возвращение на родину.

— Что ж, все это весьма разумно,— согласился Гарри Родс.

— Я думаю,— снова заговорил Кау-джер,— что следует сообщить о нашем плане действий остальным пассажирам «Джонатана», а для этого, если не возражаете, созовем всех на берег.

Пришлось довольно долго ждать возвращения отдельных групп эмигрантов, которые разбрелись в разные стороны. Однако к девяти часам голод заставил их вернуться к «Джонатану», застрявшему на рифах. Гарри Родс, взобравшись на скалу, рассказал о предложении Кау-джера.

Оно не встретило единодушного одобрения. Некоторые пассажиры были недовольны. Послышался ропот.

— Разгружать судно в три тысячи тонн! Этого еще не хватало! — проворчал один.

— За кого нас принимают? — возмутился другой.

— Мало мы намаялись,— буркнул под нос третий.

Наконец в толпе кто-то громко произнес на ломаном английском языке:

— Прошу слова.

— Говорите,— разрешил Гарри Родс, даже не узнав имени оратора, и тотчас же спустился со скалы.

Его сменил мужчина средних лет, с довольно красивым лицом, окаймленным густой каштановой бородой, и с голубыми мечтательными глазами. По-видимому, он чрезвычайно гордился своей великолепной шелковистой бородой, ибо то и дело любовно поглаживал ее белой, выхоленной рукой.

— Друзья,— начал он, расхаживая по скале, словно на ораторской трибуне, как некогда делал это Цицерон,— кое-кто из вас только что выразил вполне естественное удивление. В самом деле: что нам предлагают? Жить в течение неопределенного времени на необитаемом берегу и выполнять бессмысленную работу по спа-

сению чужого груза. Но зачем дожидаться возвращения шлюпки, если ее можно использовать для перевозки по очереди всех пассажиров в Пунта-Аренас?

В толпе раздались одобрительные возгласы: «Совершенно верно!.. Он абсолютно прав!..»

Однако Кау-джер, стоявший в толпе, возразил:

— Само собой разумеется, «Уэл-Киедж» в вашем распоряжении. Но чтобы перевезти всех в Пунта-Аренас, потребуется не менее десяти лет.

— Допустим,— согласился оратор.— В таком случае подождем возвращения лодки. Но это вовсе не значит, что мы обязаны заниматься разгрузкой корабля вручную. Никто не возражает против того, чтобы забрать из трюма свои личные вещи. Но остальное!.. Разве мы чем-то обязаны Обществу колонизации, которому принадлежит груз? Наоборот, оно должно нести ответственность за все наши беды. Если бы оно не поскупилось и дало бы нам лучшее судно и более опытную команду, мы бы не очутились здесь. Но как бы то ни было, не забывайте, что мы принадлежим к неисчислимой рати эксплуатируемых и не собираемся добровольно превращаться в рабочий скот для эксплуататоров.

Его доводы показались убедительными. Кто-то выкрикнул: «Браво!» Кое-где раздался громкий смех.

Ободренный оратор продолжал с еще большим пылом:

— Кто усомнится в том, что нас бессовестно эксплуатируют, нас, истинных трудящихся! (При этих словах он испуганно ударил себя в грудь.) Даже ценой тяжчайшего труда мы не смогли на родине заработать кусок хлеба, орошенного потом. Мы были бы глупцами, если бы стали гнуть спины под тяжестью всего этого барахла, созданного руками таких же, как мы, рабочих, но являющегося собственностью угнетателей-капиталистов. Ведь это их необузданный эгоизм и алчность вынудили нас покинуть семьи и отчизну.

Некоторые эмигранты с растерянным видом слушали эту выпренную речь, произнесенную на скверном английском языке с резким иностранным акцентом. У других, казалось, возникли сомнения. Несколько же человек, стоявших у подножия «трибуны», выражали явное одобрение.

Кау-джер снова уточнил положение дел.

— Мне неизвестно, кому принадлежит груз «Джонатана», — спокойно заявил он, — но, зная здешний климат, уверяю вас, что все эти вещи еще пригодятся. Мало ли что может случиться в будущем, и, по-моему, разумнее сохранить их для себя же.

Поскольку предыдущий оратор не выказывал желания вступить в спор, Гарри Родс опять взобрался на скалу и поставил предложение Кау-джера на голосование. Все руки взметнулись вверх: оно было принято.

— Кау-джер спрашивает, — продолжал Гарри Родс, — нет ли среди вас плотников, которые помогли бы починить его шлюпку?

— Есть! — крикнул какой-то солидный человек, подняв руку над толпой.

— Есть! — заявили почти одновременно еще двое.

— Первый — это Смит, — сказал Хартлпул Кау-джеру, — рабочий, завербованный Обществом колонизации. Надежный парень. Других я не знаю. Мне известно только, что одного из них зовут Обар.

— А оратора знаете?

— Это эмигрант — видимо, француз. Мне говорили, что его зовут Боваль. Но я в этом не уверен.

В общем-то, боцман не ошибся. Это действительно был француз, по имени Боваль. Вот краткое описание его бурной, богатой событиями жизни.

Фердинанд Боваль начал с адвокатуры и мог бы преуспеть на этом поприще, так как обладал и умом и талантом. К несчастью, в самом начале своей карьеры он увлекся политикой. Стремясь к осуществлению своих пылких, но весьма туманных и честолюбивых замыслов, он без раздумий покинул Дворец правосудия и окунулся с головой в политическую борьбу, однако скомпрометировал себя в одном сомнительном деле, и с этого момента началось его падение. Постепенно докатившись сначала до бедности, а потом до нищеты, он был вынужден отправиться на поиски счастья в Америку.

Но и там судьба не улыбнулась Бовалю. Скитаясь из города в город, перепробовав все профессии, он попал наконец в Сан-Франциско. Понимая, что и здесь не добьется успеха, что его положение безвыходно, адвокат решил эмигрировать еще раз.

Ознакомившись с проспектом, сулившим золотые горы

первым колонистам бухты Лагоа, он раздобыл требуемую сумму и записался в эту партию переселенцев. Кораблекрушение «Джонатана», выброшенного на скалы полуострова Харди, чуть не привело к полному краху всех его надежд.

И, однако, постоянные неудачи, преследовавшие бывшего адвоката, ничуть не поколебали его самонадеянности и веры в свою счастливую звезду. Все свои беды Боваль объяснял человеческой злобой, неблагодарностью и завистью. Он слишком высоко ценил собственную персону, полагая, что таланты его восторжествуют при первой же возможности.

Поэтому он ни на минуту не забывал о той роли вождя, которую — без излишней скромности! — взял на себя. Едва очутившись на борту «Джонатана», он с первых же дней попытался распространять среди окружающих полезные, с его точки зрения, идеи, делая это иногда столь невоздержанно, что капитану Леккару не раз приходилось пресекать его бурные выступления.

Несмотря на все препоны, Фердинанду Бовалю еще в самом начале плавания, так трагически окончившегося, все же удалось добиться кое-какого успеха. Некоторые товарищи по несчастью не без удовольствия внимали демагогическим разглагольствованиям бывшего адвоката, составлявшим суть его красноречия. Именно эти эмигранты образовали вокруг него сплоченную, хотя и довольно малочисленную группу.

Конечно, у Бовалья нашлось бы куда больше сторонников, если бы он, продолжая обыгрывать произошедшую с «Джонатаном» катастрофу, не столкнулся с опасным соперником — с американцем из Северных Штатов, по имени Льюис Дорик. Этот человек с бритым лицом, холодным взглядом и резким голосом проповедовал те же теории, что и Боваль, но держался еще более крайних убеждений. Впрочем, их разделяли не столько принципиальные разногласия, сколько разница в характерах. Боваль — увлекавшийся представитель латинской расы, обладавший пылким воображением, сам опьянялся собственными словами, но при этом имел довольно кроткий нрав. У Дорика же, исступленного и непримиримого бунтаря, было каменное, не знавшее жалости, сердце.

Один из них, хотя и мог силой убеждения довести

слушателей до безумия и насильственных действий, оставался совершенно безобидной личностью. Другой же несомненно был опасным человеком.

Дорик проповедовал равенство, но делал это так, что не находил последователей. Все его помыслы были направлены не на облегчение жизни неимущих, а на попытки проникнуть в высшие сферы общества. Жалкая участь подавляющего большинства человечества не вызывала у него ни малейшего сочувствия. Но сознание того, что ничтожная кучка богачей занимает более высокое социальное положение, чем он сам, заставляла Льюиса Дорика содрогаться от зависти.

Попытки образумить его не приводили к добру. Дорик сразу становился заклятым врагом всякого, кто пытался ему противоречить, и даже по отношению к самому кроткому противнику в споре способен был прибегнуть к насилию и убийству.

От этого уязвленного самолюбия и проистекали все его несчастья. В бытность свою преподавателем литературы и истории Дорик на занятиях не мог удержаться от изложения теорий, не имевших ничего общего с литературой. Он настойчиво проповедовал свои анархистские принципы, но высказывал их не в форме чисто теоретической дискуссии, а в виде категорических утверждений, которые все слушатели должны были принимать беспрекословно.

Такое поведение не замедлило принести свои плоды. Дорика уволили, и ему пришлось искать другое место. Но и в дальнейшем те же причины приводили к аналогичным последствиям. И на новом месте ему тоже вскоре отказали от должности, и на следующих повторилась обычная история, пока он окончательно не потерял доступ в учебные заведения. Вот таким образом бывший преподаватель, выброшенный на улицу и превратившийся в эмигранта, очутился на борту «Джонатана».

В пути Боваль и Дорик вербовали приверженцев. Один использовал собственное красноречие, не охлажденное критическим отношением к излагаемым идеям, другой — силу авторитета, свойственную человеку, убежденному в своей абсолютной правоте. Внешне оба сохраняли дружелюбные отношения, но в их сердцах глухо хлокотала взаимная ненависть.

Едва ступив на берег острова Осте, Боваль решил, не теряя ни минуты, добиться превосходства над соперником. Улучив благоприятный момент, он взобрался на «трибуну» и произнес уже известную читателю речь. Тот факт, что доводы его не восторжествовали, не имел для него особого значения. Главное, что он оказался центральной фигурой.

Пока Кау-джер разговаривал с Хартлпулом, Гарри Родс продолжал:

— Поскольку предложение принято, надо поручить кому-нибудь из нас руководство работами. Разгрузить корабль в три с половиной тысячи тонн — нелегкая задача. Для этого нужна сноровка. Что вы скажете, если мы попросим руководить этим делом боцмана, господина Хартлпула? Пусть он распределит между нами работы и покажет, как лучше их выполнить. Кто согласен, поднимите руку.

Почти все подняли руку.

— Значит, договорились,— сказал Гарри Родс и обратился к боцману: — Каковы будут ваши распоряжения?

— Всем — завтракать,— коротко ответил Хартлпул. — Перед работой надо подкрепиться.

Эмигранты беспорядочной толпой устремились на корабль, где матросы роздали им консервы. Тем временем Хартлпул, отозвав в сторону Кау-джера, сказал ему с озабоченным видом:

— С вашего разрешения, сударь, осмелюсь утверждать, что я — опытный моряк. Но надо мною всегда стоял капитан.

— Что вы хотите этим сказать? — осведомился Кау-джер.

— А то,— ответил боцман, с лица которого не сходило выражение тревоги,— что я могу похвастаться точным выполнением любого приказа, но инициатива — не моя стихия. Крепко держать руль — сколько угодно. Но прокладывать курс — не берусь.

Кау-джер пристально взглянул на собеседника.

— Иначе говоря, вы охотно возглавите работы, но вам хотелось бы предварительно получить некоторые общие указания?

— Точно! — подтвердил Хартлпул.

— Ну что ж, нет ничего проще,— продолжал Кауджер.— Каким количеством рабочих вы можете располагать?

— При отплытии из Сан-Франциско экипаж «Джонатана» состоял из тридцати четырех человек, включая личный состав, повара и двух юнг. На борту числилось тысяча сто девяносто пять пассажиров. Всего — тысяча двести двадцать девять человек. Но многие погибли.

— Число погибших мы уточним позднее. Теперь же будем исходить из того, что у нас приблизительно тысяча двести человек. Если не учитывать женщин и детей, остается примерно восемьсот мужчин. Разбейте их на два отряда. Двести человек останутся на судне и начнут поднимать груз из трюма на палубу. Остальные пойдут со мною в ближайший лес. Там мы срубим деревья, очистим стволы от сучьев, сложим их в два ряда, вдоль и поперек, и прочно перевяжем. Получится несколько плотов. Вы соедините их по краям так, чтобы образовалось некое подобие широкой дороги от корабля к берегу. Во время прилива плоты образуют своеобразный плавающий мост, а при отливе лягут на вершины рифов. Вам придется лишь укрепить их, чтобы они не сдвинулись с места. Таким способом и при таком количестве работников для разгрузки потребуется не более трех дней.

Хартлпул подчинился этим разумным распоряжениям и, как предсказал Кауджер, весь груз с «Джонатана» уже к вечеру 19 марта доставили на берег и надежно укрыли от волн. Кстати, при проверке оказалось, что паровая лебедка не пострадала, и это значительно облегчило работу.

В то же самое время три плотника — Смит, Обар и Чарли — закончили ремонтировать шлюпку, и 19 марта она тоже была готова к спуску на воду.

Оставалось только выбрать делегата. Фердинанду Бовалю снова представился случай взойти на трибуну и добиваться доверия избирателей. Но ему решительно не везло! Хотя за него подали около полусотни голосов, а за Льюиса Дорика (который, впрочем, и не выставлял свою кандидатуру) вообще никто не голосовал, большинство выбрало делегатом некоего Жермена Ривьера, фермера франко-канадского происхождения, отца пяте-

рых детей. В данном случае избиратели, по крайней мере, были уверены, что он не сбежит и вернется за семьей.

«Уэл-Киедж», управляемая Кароли, подняла парус утром 20 марта. Кау-джер и Халыг остались на острове Осте. Эмигранты же принялись за устройство временного лагеря. До возвращения шлюпки (то есть, примерно, на три недели) не имело смысла обосновываться по-настоящему. Поэтому решили не ставить сборных домов, а обойтись палатками, найденными в трюме корабля. К ним добавили еще запасные паруса, и это помогло укрыть не только пассажиров, но и наиболее ценную часть груза. Из кусков фальшборта устроили нечто вроде птичника, а из брусьев и канатов — загон для скота, доставленного с «Джонатана».

В общем, нельзя было сказать, что эмигранты попали в положение людей, выброшенных на необитаемую землю и лишенных средств к существованию и надежд. Катастрофа с «Джонатаном» произошла в архипелаге Огненной Земли, в месте, точно указанном на картах, на расстоянии не более ста миль от Пунта-Аренаса. Продуктов хватало. Так что — ни малейших причин для беспокойства. Не будь здесь такой тяжелый климат, переселенцы могли бы прекрасно прожить на острове до момента возвращения на родину, — точно такая же обстановка, ничуть не хуже, ожидала бы их и в начале пребывания на африканской земле.

Само собой разумеется, что при разгрузке «Джонатана» Кау-джер и Халыг принимали самое деятельное участие во всех работах. Особенно ценной оказалась помощь Кау-джера. Несмотря на всю его скромность и стремление оставаться незамеченным, его превосходство было для всех совершенно очевидным. Поэтому у Кау-джера то и дело спрашивали совета. Заходила ли речь о переброске тяжелых грузов, об их размещении или о разбивке палаток — к нему обращался не только Хартлпул, но и все эмигранты, в большинстве своем непривычные к подобным работам.

Не успели переселенцы обосноваться на новом месте, как в конце марта им пришлось еще раз убедиться в суровости климата Магеллановой Земли. В течение трех суток шел проливной дождь, сопровождаемый ураганным ветром. Когда же буря улеглась, «Джонатана» уже

не оказалось на прежнем месте: куски листового железа да обломки металлических брусьев — вот все, что осталось от великолепного клипера, чей форштевень еще несколько дней назад гордо рассекал морскую гладь.

Хотя с судна сняли все, что представляло малейшую ценность, у потерпевших кораблекрушение сжалось сердце при виде жалких останков «Джонатана». Теперь они и впрямь оказались отрезанными от всего человечества, и если шлюпка не достигнет благополучно Пунта-Арена-са, никто не узнает о постигшей их участи.

Решили подсчитать оставшихся в живых. Поименная переключка, произведенная Хартлпулом по судовым книгам, показала, что при катастрофе погиб тридцать один человек, из них пятнадцать членов экипажа и шестнадцать пассажиров. Уцелело тысяча сто семьдесят девять эмигрантов и девятнадцать моряков. Вместе с двумя огнеземельцами и их спутником население острова Осте отныне состояло из тысячи двухсот одного человека.

Кау-джер предложил воспользоваться хорошей погодой и осмотреть прилегающую к лагерю местность. Договорились, что его будут сопровождать Хартлпул, Гарри Родс, Хальг и еще три эмигранта: итальянец Джимелли, американец Гордон и русский Иванов. Но в последний момент неожиданно-негадано явилось еще два необычных кандидата.

Кау-джер, направляясь к условленному месту встречи, заметил двух приближавшихся к нему мальчиков лет десяти. Первый, со смысленой и несколько дерзкой физиономией, старался идти непринужденно, вразвалочку, что придавало ему довольно комичный вид. Второй робко следовал за ним.

Смельчак подошел к Кау-джеру.

— Ваше превосходительство... — начал он.

Это неожиданное обращение очень позабавило Кау-джера. Он внимательно посмотрел на мальчугана. Тот стойко выдержал его взгляд, не опуская глаз.

— «Превосходительство»? — рассмеялся Кау-джер. — Почему ты так называешь меня, малыш?

Парнишка, казалось, удивился.

— Разве не так полагается обращаться к королям, епископам и министрам? — спросил он, опасаясь, как бы не оказаться невежливым.

— Что-что? — воскликнул пораженный Кау-джер.— А откуда же ты знаешь, что королей, министров и епископов называют «превосходительствами»?

— Из газет,— уверенно ответил мальчик.

— Ты что же, читаешь газеты?

— А почему бы и нет? Когда дают...

— Так... так...— задумчиво протянул Кау-джер.— Как тебя зовут?

— Дик.

— Дик. А дальше?

Тот как будто не понял.

— Как твоя фамилия? Как зовут твоего отца?

— У меня нет отца.

— А мать?

— И матери нет, ваше превосходительство.

— Ах, вот оно что!..— бросил заинтересованный Кау-джер.— Ну, насколько мне известно, я — не король, не министр и не епископ...

— Вы губернатор! — с жаром перебил его мальчик.

— Губернатор? — Кау-джер прямо опешил.— С чего ты взял?

— Так уж...— смущенно пролепетал Дик.

— Но все же? — настаивал Кау-джер.

Дик заколебался.

— Не знаю...— выдавил он наконец из себя.— Вы всеми командуете... И поэтому все вас так называют...

— Да что ты! — возмутился Кау-джер и серьезно добавил: — Ошибаешься, дружок. Я здесь по положению не выше и не ниже остальных. Здесь никто не командует, потому что нет начальников.

Дик недоверчиво, широко раскрыв глаза, посмотрел на Кау-джера. Разве бывает жизнь без начальников?

— Нет начальников,— повторил Кау-джер и спросил: — Где ты родился?

— Не знаю.

— Сколько тебе лет?

— Говорят, скоро одиннадцать.

— А ты сам в этом не уверен?

— Черт возьми, нет!

— А кто твой товарищ, что стоит там как вкопанный?

— Сэнд.

— Брат?

— Вроде как брат. Друг.

— Вы, наверно, вместе воспитывались?

— Воспитывались? — запротестовал Дик. — Мы вообще не воспитывались, сударь.

У Кау-джера сжалось сердце. Как печальны были эти слова, произнесенные задорным мальчишеским тоном. Дик походил на хорохорящегося боевого петушка.

— Где вы познакомились?

— На набережной во Фриско.

— Давно?

— Очень давно. Тогда мы были еще маленькими, — ответил Дик, пытаясь восстановить в памяти события. — Наверно, уже с полгода назад.

— В самом деле очень давно, — подтвердил Кау-джер не моргнув глазом и, обернувшись к молчаливому спутнику своего удивительного собеседника, сказал: — Подойди ближе и, пожалуйста, не называй меня превосходительством. Ну что же ты молчишь? Может, проглотил язык?

— Нет, сударь, — еле слышно пролепетал мальчик, вертя в руках матросский берет.

— Тогда почему же ты молчишь?

— Потому что он очень робкий, — объяснил Дик.

Каким неодобрительным тоном было высказано это суждение!

— Да? — засмеялся Кау-джер. — Он робкий? Зато про тебя этого не скажешь!

— Конечно, нет, сударь! — простодушно ответил Дик.

— Ты вполне прав, черт возьми! Но как вы сюда попали?

— Мы — юнги.

Кау-джер вспомнил, что Хартлпул, перечисляя команду «Джонатана», действительно упоминал о двух юнгах. Но до сих пор они ничем не отличались от других детей эмигрантов. Сегодня же мальчики сами обратились к Кау-джеру.

— Что же вы от меня хотите?

— Нам хотелось бы пойти с вами, с господином Хартлпулом и с господином Родсом.

— Зачем?

У Дика заблестели глаза:

— Чтобы увидеть разные вещи.

Разные вещи! Весь мир отразился в этих детских словах. Все мечты о чудесном, еще невиданном... Все смутные ребяческие желания... Страстная мольба загорелась в глазах Дика, и его маленькая фигурка словно устремилась к тому, от кого зависело решение.

— А ты? — обратился Кау-джер к Сэнду. — Тебе тоже хочется увидеть «разные вещи»?

— Нет, сударь.

— Чего же ты тогда хочешь?

— Быть вместе с Диком, — тихо ответил Сэнд.

— Ты его очень любишь?

— Очень! — проникновенно, словно взрослый, воскликнул Сэнд.

Кау-джер, крайне заинтересованный, пристально рассматривал ребят. Какая странная и трогательная пара! Наконец он сказал:

— Хорошо, пойдете с нами.

— Да здравствует губернатор! — крикнули мальчики, подбрасывая береты, и принялись скакать, как козлята.

От Хартлпула Кау-джер узнал историю своих новых знакомых — по крайней мере, все, что знал сам боцман, и, видимо, даже больше того, что знали о себе они сами.

Родители бросили их. И просто уму непостижимо, как им удалось выжить. Все же они не погибли, зарабатывая на хлеб с самого раннего детства всевозможными нехитрыми уловками, изобретаемыми детским разумом: чистили обувь, открывали двери, продавали полевые цветы. Но чаще всего находили пропитание на мостовых Сан-Франциско — как воробы.

Еще полгода назад они даже и не догадывались о существовании друг друга. Судьба свела их неожиданно. Однажды, сдвинув берет набок, засунув руки в карманы и насвистывая сквозь зубы модную песенку, Дик брел по набережной. Вдруг он увидел мальчика, на которого с громким лаем, оскалив грозные клыки, бросалась большая собака. Перепуганный мальчонка, плача, пятился от пса, неловко защищая лицо согнутым локтем. Дик, колеблясь ни секунды, одним прыжком оказался между робким малышом и его страшным противником и, глядя прямо в глаза собаке, храбро ждал ее нападения.

Быть может, пес испугался этого неожиданного за-

ступника. Кто знает? Во всяком случае, он отступил и, поджав хвост, удрал. Дик повернулся к Сэнду.

«Как тебя зовут?» — спросил он высокомерным тоном.

«Сэнд, — ответил тот, всхлипывая. — А тебя?»

«Дик. Хочешь дружить?»

Вместо ответа Сэнд бросился герою на шею. Так они заключили нерушимый дружеский союз.

Хартлпул издали наблюдал за этой сценой. Подходя к детям, он заговорил с ними и узнал их грустную историю. Боцману захотелось помочь Дик, храбрость которого успел оценить. Он предложил мальчику поступить юнгой на трехмачтовое судно «Джошуа Бреннер», где служил сам. Но Дик сразу же поставил непременно условием, чтобы Сэнда взяли тоже. Пришлось согласиться, и с тех пор Хартлпул не покидал ребятшек, перешедших с ним вместе с «Джошуа Бреннера» на «Джонатана». Он обучил их читать и писать, то есть примерно всему, что знал сам. Его заботы были вознаграждены. Боцман не мог парадовать на своих питомцев. Характеры у мальчиков были совершенно разные. Один — вспыльчивый, подозрительный, задиристый, всегда готовый помериться силами с кем бы то ни было. Другой — молчаливый, мягкий, скромный, боязливый. Но обоих отличало трудолюбие, чувство долга и искренняя привязанность к общему старшему другу — боцману Хартлпулу.

Вот такими добровольцами пополнилась теперь экспедиция Кау-джера, отправившаяся в путь спозаранку 28 марта. Она должна была обследовать не весь остров Осте, а только те районы, что примыкали к лагерю. Сначала исследователи перевалили через центральный горный хребет полуострова Харди и вышли на западное побережье. Затем прошли к северу, чтобы вернуться в лагерь по противоположному берегу, и пересекли таким образом южную часть территории острова.

С самого начала похода стало ясно, что суровый пейзаж, раскрывавшийся на месте кораблекрушения, еще не давал никакого повода судить обо всем крае в целом. Если полуостров Харди представлял собой не что иное, как гряду голых, неприступных скал, переходящих в ко-су мыса Горна Ложного, то холмистая местность, вид-

невшаяся на северо-западе, была вся покрыта богатой растительностью.

Обширные прибрежные луга, простиравшиеся у подножия невысоких лесистых гор, чередовались со скалами, увитыми морскими водорослями, и с оврагами, заросшими вереском. Поражало обилие карликовых растений. Землю покрывали буйные травы, которых хватило бы на прокорм тысячеголового стада.

Маленький отряд разделился на группы, соответственно личным симпатиям. Дик и Сэнд сломя голову носились взад и вперед, что значительно удлиняло пройденный ими путь. Три фермера, удивленно оглядываясь по сторонам, перебрасывались на ходу скупыми словами. Гарри Родс шел с Хальгом и Кау-джером.

Мужчины дружески беседовали. Гарри Родс воспользовался случаем, чтобы побольше разузнать об архипелаге Огненной Земли, и, в свою очередь, рассказал Кауджеру много любопытного о наиболее примечательных эмигрантах.

Прежде всего, о том, что сам он владел довольно крупным состоянием, разорился по чужой вине и после этого неожиданного удара вынужден был эмигрировать, дабы, по возможности, обеспечить будущее жены и детей. Затем Гарри Родс сообщил Кауджеру все, что ему было известно из судовых документов о пассажирах «Джонатана». Среди них было семьсот пятьдесят земледельцев, многие с женами и детьми. Три представителя свободных профессий, пять бывших рантье и сорок один рабочий. К последним следовало прибавить четырех рабочих не эмигрантов, а законтрактованных Обществом колонизации на службу в колонию — каменщика, плотника, слесаря и столяра. Всего — тысяча сто семьдесят девять пассажиров, отмеченных при перекличке.

Гарри Родс заметил, что братья Мур (один из них обратил на себя внимание своей грубостью во время разгрузки корабля), видимо, обладали буйным нравом, и что семьи Ривьеров, Джимелли, Гордонов и Ивановых — это добродушные и честные труженики.

Остальные же представляли обычную толпу, в которой можно было найти и добродетели и пороки: лень, пьянство и тому подобное. Но пока еще трудно высказать окончательное суждение об отдельных личностях.

Кроме того, Гарри Родс сказал, что четверо рабочих, нанятых Обществом колонизации после тщательного отбора, были настоящими специалистами, знатоками своего дела. Что же касается других рабочих, то они имели весьма подозрительный вид. Судя по их отталкивающим физиономиям, можно предположить, что большинство этих людей привычно скорее к кабакам, нежели к мастерским. Двое-трое выглядели настоящими преступниками и только числились рабочими.

Из пяти рантье четверо принадлежали к семье Родс. Пятый же, по имени Джон Рам, представлял собой довольно плачевную фигуру. Этот господин двадцати пяти — двадцати шести лет от роду, изнуренный разгульной жизнью, промотавший целое состояние, казался совершенно никчемным существом, и то, что он присоединился к партии эмигрантов, было, по-видимому, просто его последней безумной выходкой.

Родс упомянул еще троих неудачников — представителей свободных профессий, выходцев из Германии, Америки и Франции. Немец Фриц Гросс, обрюзгший, с огромным животом, был неисправимый пьяница, доведенный алкоголем до скотоподобного состояния. Обычно он бесцельно бродил взад и вперед по палубе. Громкое сопение, багровая физиономия, лысый череп, отвисшие щеки, гнилые зубы и толстые, как сосиски, дрожащие пальцы производили отвратительное впечатление. Даже среди самых невзыскательных людей он славился невероятной неряшливостью. И этот выродок был музыкантом! Иногда в его игре чувствовался настоящий талант. Только скрипка пробуждала почти угасшее сознание Фрица Гросса. Когда немец был трезв, он с нежностью подолгу смотрел на свою скрипку, любовно поглаживая ее, как живое существо, но из-за конвульсивной дрожи в пальцах не мог извлечь из инструмента ни звука. Однако под воздействием алкоголя движения Гросса становились увереннее, его душу охватывало вдохновение, и скрипка начинала изливать изумительные мелодии. Гарри Родс дважды присутствовал при этом чуде.

Француз и американец — Фердинанд Боваль и Льюис Дорик — уже были представлены читателю. Гарри Родс не преминул изложить Кау-джеру их пагубные социальные теории.

— Как вы думаете,— спросил он в заключение,— не следует ли принять некоторые меры предосторожности против этих бунтарей? В пути они уже успели вызвать волнения среди пассажиров.

— Какие же меры вы предлагаете? — спросил Кауджер.

— Для начала сделать строгое предупреждение, а затем постоянно следить за ними. Если это не поможет, поставить их в такие условия, где они не смогли бы оказывать вредное влияние. В крайнем случае—изолировать.

— Черт побери! — воскликнул Кауджер.— Вы, я вижу, не боитесь крутых мер! Да кто же посмеет посягнуть на свободу себе подобных?

— Те, для кого подобные личности представляют опасность.

— А в чем, собственно, вы видите даже не скажу «опасность», а хотя бы вероятность опасности?

— В чем? В подстрекательстве к бунту несчастных невежественных людей, которых так же легко одурачить, как малых ребят. Ведь чуточку польстив им, можно за просто опьянить их лишь красивыми словами.

— Но для чего же их нужно подстрекать?

— К присвоению того, что принадлежит другим.

— Разве «другие» обладают хоть чем-нибудь? — иронически спросил Кауджер.— Этого я и не знал. Во всяком случае, здесь, на необитаемой земле, «другим» терять совершенно нечего.

— А груз с «Джонатана»?

— Груз — коллективная собственность, которая при необходимости будет использована для общих нужд. Это понимают все, и никто не посягнет на нее.

— Боюсь, что события докажут вам обратное,— горячо возразил Гарри Родс, взволнованный неожиданным разногласием. Но у таких людей, как Дорик и Боваль, нет материальной заинтересованности. Им просто нравится приносить вред людям. И, кроме того, их воодушевляет мысль о власти.

— Будь проклят тот, кого влечет к власти! — с внезапной силой воскликнул Кауджер.— Всякий, кто стремится к господству над другими, должен быть стерт с лица земли!

Гарри Родс удивленно посмотрел на собеседника. Ка-

кая неумная страсть таилась в этом человеке, чья речь всегда отличалась такой размеренностью и невозмутимостью!

— В таком случае, надо уничтожить Бовалю,— сказал Гарри Родс не без иронии,— потому что под маской неограниченного равенства все теории этого болтуна сводятся только к одной цели — добиться власти.

— Система Бовали — просто ребячество,— резко возразил Кау-джер.— Это одна из теоретических форм социальной структуры, только и всего. Но та или иная форма, в сущности, всегда таит в себе несправедливость и глупость.

— Неужели вы придерживаетесь идей Льюиса Дорика? — живо спросил Гарри Родс.— Неужели вы тоже хотели бы вернуть нас к первобытному существованию? Свести все общественные формы к случайным соединениям индивидуумов, лишенных каких-либо взаимных обязанностей? Разве вы не понимаете, что все эти теории основаны на зависти? Ведь в них так и сквозит чело-веконенавистничество!

— Если Дорик ненавидит людей,— решительно заключил Кау-джер — значит, он просто безумец. Как! Человек является, независимо от своей воли, на эту землю... и находит здесь бесконечное множество себе подобных, таких же несчастных, страдающих, гибнущих существ... И вместо жалости испытывает к ним ненависть?! Такой человек — не в своем уме, а с потерявшими разум не вступают в споры. Но если теоретик безумен, это еще не значит, что сама по себе теория плоха.

— Однако,— настаивал Гарри Родс,— как только люди перестают жить в одиночку и объединяются в единый коллектив с общими интересами, тут-то и возникает необходимость в законах. Посмотрите, что происходит даже здесь. Этих людей никто специально не отбирал для создания какого-либо определенного коллектива, и, по-видимому, они представляют собой самую обычную толпу. И что же мы видим? Разве я не заметил среди них нескольких типов, кои, в силу той или иной причины, не в состоянии управлять собственными страстями? А ведь я еще не всех знаю. Сколько зла могут причинить эти личности, если бы законы не сдерживали их дурные наклонности.

— Но именно законы способствовали развитию у них этих наклонностей,— возразил Кау-джер с глубокой убежденностью.— Не будь законов, человечество никогда бы не знало пороков и развивалось бы свободно и гармонично.

— Хм...— с сомнением произнес Гарри Родс.

— Здесь нет никаких законов,— продолжал Кау-джер.— А все идет как по маслу.

— Зачем же брать именно такой пример? — запротестовал Гарри Родс.— Все знают, что настоящее положение вещей временное и что пребывание на острове Осте скоро закончится.

— Все обстояло бы точно так же, если бы пришлось остаться здесь навсегда.

— Сомневаюсь,— скептически протянул Гарри Родс,— и, признаюсь, предпочел бы не проверять это на опыте.

Кау-джер ничего не ответил, и они продолжали путь молча.

Возвращаясь обратно по восточному берегу, путники вышли к бухте Скочуэлл, которая совершенно очаровала их.

Сеть мелких бухточек, сливаясь, как бы образовала дельту быстрой и прозрачной реки, берущей начало в горах, что высились в центре острова. Богатейшие заливные луга, соперничавшие с великолепными лесами, свидетельствовали о плодородии земли. Корни мощных, стройных деревьев уходили в мягкую, но упругую почву. Среди разбросанного мелкоколосья разросся густой мох. Под зелеными сводами ветвей носились тысячи различных пернатых величиной от перепелки до фазана. Берега были усеяны множеством морских птиц. На полянах резвились нанду, вигони и гуанако. Конечно, столь необычное зрелище не могло не вызвать удивления и восхищения путешественников.

Бухта Скочуэлл находилась на расстоянии около двух миль от места кораблекрушения «Джонатана». В нее впадала река с многочисленными притоками, извивавшимися среди густых зарослей. Если бы пришлось остаться на острове навсегда, лучшего места для поселения, чем берега этой реки, было бы не найти. Бухта, защищенная от буйных ветров, могла бы служить прекрасным портом.

Когда экспедиция вернулась в лагерь, почти совсем стемнело. Кау-джер, Гарри Родс, Хальг и Хартлпул уже распростились со своими спутниками, как вдруг в ночной тиши до их слуха донеслись звуки скрипки.

— Скрипка? — удивился Кау-джер. — Наверно, это Фриц Гросс, о котором вы рассказывали?

— Значит, он пьян, — не задумываясь, ответил Гарри Родс.

Он не ошибся. Фриц Гросс действительно был пьян. Через несколько минут путешественники подошли к музыканту и убедились в этом, увидев его багровую физиономию, блуждающие глаза и слюнявый рот. Он уже не мог стоять и, чтобы не упасть, прислонился к скале. Но спирт зажег в нем искру вдохновения — из-под смычка лилась божественная мелодия. Вокруг него столпилось около сотни эмигрантов. В эти минуты несчастные люди забыли обо всем на свете. Несправедливость судьбы, невеселое настоящее и будущее, которое вряд ли окажется лучше прошлого, — все исчезло из их сознания, и на крыльях музыки они уносились в мир грез.

— Искусство так же необходимо людям, как хлеб, — заметил Гарри Родс Кау-джеру, указывая на Фрица Гросса и его увлеченных слушателей. — Какое место должен занять этот человек в социальной системе Боваля?

— Оставим в покое Боваля, — недовольно ответил Кау-джер.

— Но ведь многие поверили этому пустобреху, — возразил Гарри Родс.

Кау-джер промолчал.

— Меня занимает один вопрос, — снова заговорил Гарри Родс. — Каким образом Фриц Гросс сумел раздобыть спиртное?

Оказалось, что пьян был не только скрипач. Через несколько шагов члены экспедиции чуть не споткнулись о распростертое тело.

— Это Кеннеди, — сказал Хартлпул, наклонясь над лежавшим человеком. — Единственный прохвост среди судовой команды. Он не стоит даже веревки, чтобы повесить его.

Но, кроме Кеннеди, прямо на земле валялось еще несколько эмигрантов, напившихся до бесчувствия.

— Даю голову на отсечение,— воскликнул Гарри Родс,— что они воспользовались отсутствием начальника и ограбили склад!

— Какого начальника? — удивился Кау-джер.

— Вас, черт возьми!

— Я такой же начальник, как и все остальные,— раздраженно возразил Кау-джер.

— Возможно,— согласился Гарри Родс,— но тем не менее все вас считают таковым.

Не успел Кау-джер ответить, как вдруг из ближайшей палатки раздался громкий хриплый крик женщины. Похоже было, что ее душили.

2. ПЕРВЫЙ ПРИКАЗ

Семья Черони, состоявшая из трех человек — отца, матери и дочери,— происходила из Пьемонта. Семнадцать лет назад Лазар Черони, которому тогда исполнилось двадцать пять лет, и девятнадцатилетняя Туллия соединили свои судьбы. У них не было ничего, кроме самих себя; зато они любили друг друга, а настоящая любовь — это сила, помогающая не только сносить, но иногда и побеждать все тяготы жизни.

К несчастью, в семье Черони получилось иначе. Глава семьи, подпавший под дурное влияние, начал пить и вскоре превратился в заправского пьяницу. Одурманенный алкоголем, он постепенно переходил от мрачного озлобления к безудержной жестокости. И вот в семье начались ежедневные жуткие сцены, о которых стало известно соседям. Туллия покорно переносила брань, оскорбления, побои и мучения. Сколько таких несчастных женщин так же смиренно несли и несут свой тяжкий крест!

Конечно, она могла бы (а может быть, и должна была) расстаться с человеком, превратившимся в дикого зверя. Но Туллия не сделала этого. Она принадлежала к тем женщинам, которые никогда не отступают от однажды принятых решений, как бы тяжело им ни приходилось. С житейской точки зрения, подобные характеры несомненно можно назвать нелепыми, но все же в них есть нечто вызывающее восхищение. Именно такие люди

дают возможность оценить красоту самопожертвования и показывают, какой моральной высоты способно достичь человеческое существо.

Поведение Лазара Черони вскоре принесло свои плоды — в доме поселилась нужда. Иначе и не могло быть. За вино приходится платить, а кроме того, когда человек пьянствует, он не зарабатывает. Получается двойной расход. Мало-помалу нужда перешла в нищету. Тогда-то Черони и вступили на путь всех отверженных — пустились в странствия в надежде обрести лучшую жизнь под чужим небом. Так, не находя себе места ни в одной стране, они пересекли всю Францию, затем Атлантический океан, Америку и, наконец, добрались до Сан-Франциско. Скитания продолжались пятнадцать лет! В этом аду и выросла Грациэлла. С самого раннего детства она видела вечно пьяного отца и избитую мать. Ежедневно девочка присутствовала при диких выходках своего родителя, слышала потоки ругани, которые извергались из его уст, словно нечистоты из сточного желоба. В том возрасте, когда другие дети не помышляют ни о чем, кроме игр, она уже столкнулась с грубой действительностью и — увы! — была вынуждена постоянно бороться с нуждой.

В шестнадцать лет Грациэлла превратилась в серьезную, рассудительную девушку. Благодаря раннему жизненному опыту и сильной воле она стойко переносила все невзгоды. Впрочем, каким бы безрадостным ни представлялось ей будущее, оно никогда бы не могло сравниться с ужасом прошлого. Высокого роста, худоская, черноволосая Грациэлла не была красавицей, но ее большие глаза и ум, сквозивший в чертах ее лица, придавали ей удивительное обаяние.

В Сан-Франциско Лазар вдруг опомнился, и в нем заговорила совесть. Уступив мольбам жены — впервые за много лет! — муж дал обещание исправиться.

Он сдержал слово. Начал усердно работать и забросил кабаки.

Прошло всего полгода, и в семье не только появился достаток, но Черони даже смогли накопить нужную сумму, требуемую Обществом колонизации. Туллия снова поверила в возможность счастья, но... кораблекрушение «Джонатана» и неизбежное следствие катастрофы — вы-

нужденное безделье — опять поставили будущее под угрозу.

Чтобы убить время, Лазар сошелся с другими эмигрантами и, понятное дело, его симпатии обратились на подобных ему субъектов. Те, также угнетаемые скукой, лишенные привычной выпивки, конечно же, не преминули воспользоваться отсутствием человека, к которому все, даже не отдавая себе отчета, относились как к начальнику. Едва Кау-джер, в сопровождении своих спутников, ушел из лагеря, подозрительная компания завладела бочонком рома с «Джонатана» и устроила настоящую попойку. Лазар, подражавший новоявленным приятелям, не сумел проявить достаточной стойкости и вернулся домой только тогда, когда сознание затуманилось, а ноги стали заплетаться.

Едва переступив порог, Черони рассердился на то, что якобы не готов ужин. Тотчас же ему подали еду. Тогда его разозлили расстроенные лица обеих женщин, и, постепенно возбуждаясь, Лазар стал осыпать их отвратительной бранью.

Грациэлла, застыв на месте, с ужасом глядела на скотоподобное существо, в которое превратился ее отец. Стыд и горе затопили душу бедной девушки. Но Туллия не выдержала. Как? Опять рушились все их надежды? Снова начинается ад? Слезы фонтаном брызнули из глаз и потекли по ее увядшему лицу. И словно не хватало только этого, чтобы грянула буря.

— Я тебе покажу, ты у меня поревешь! — в бешенстве заорал Черони и схватил жену за горло.

Грациэлла бросилась на помощь к матери, стараясь вырвать ее из рук отца.

Драма развертывалась почти в полной тишине. Изредка слышалась лишь глухая брань Лазара. Ни Туллия, ни Грациэлла не звали на помощь, полагая, что, если отец избивает дочь или муж жену, эти позорные поступки следует скрывать от посторонних даже ценой жизни. Однако, когда изверг слегка ослабил хватку, Туллия издала хриплый крик, который и услышал Кау-джер.

Вдруг железная рука сдвинула плечо пьяницы. Лазар, выпустив свою жертву, отлетел в другой конец палатки.

— Что такое?.. В чем дело?..— пробормотал он.

— Молчать! — приказал властный голос.

Дважды повторять не пришлось. Возбуждение пьяницы мгновенно угасло, и он тут же уснул мертвецким сном.

Туллия потеряла сознание. Кау-джер стал приводить ее в чувство. Хальг, Родс и Хартлпул, также вошедшие в палатку, с волнением наблюдали за его действиями.

Наконец женщина открыла глаза. Увидев чужие лица, она поняла, что произошло. Ее первой мыслью было выгородить мужа, проявившего такую гнусную жестокость.

— Благодарю вас, сударь,— произнесла она, приподымаясь.— Это пустяки... Все уже прошло. Я, глупая, так испугалась.

— Как же тут не испугаться! — воскликнул Кау-джер.

— Ничего страшного не было! — живо возразила Туллия.— Лазар совсем не злой... Он просто пошутил.

— И часто он так шутит? — осведомился Кау-джер.

— Такого, правда, еще не случалось,— решительно заявила женщина.— Лазар — прекрасный муж. И вообще добрейший человек...

— Неправда! — резко прервал ее чей-то голос.

Все обернулись и только теперь заметили Грациэллу. Девушка притаилась в темном углу палатки, скупо освещаемой желтоватым огоньком коптилки.

— Кто вы, дитя мое? — спросил Кау-джер.

— Его дочь,— ответила Грациэлла, показывая на пьяного, продолжавшего громко храпеть.— Мне очень стыдно, но я должна в этом признаться, чтобы вы мне поверили и помогли бедной маме.

— Грациэлла! — взмолилась Туллия, всплеснув руками.

— Я все скажу! — твердо заявила Грациэлла.— Впервые у нас появились защитники. Они сжались над нами.

— Говорите, девочка,— мягко произнес Кау-джер.— Можете рассчитывать на нашу помощь и защиту.

Ободренная Грациэлла прерывающимся от волнения голосом поведала об их семейной жизни. Ничего не утаив, она рассказала о преданной любви Туллии к мужу, описала постепенное падение отца и те мучения,

которым он подвергал жену. Девушка вспомнила время черной нужды, когда они проводили целые дни без пищи, без огня, а иногда и без крова. Она воздала должное своей измученной матери, нежной и мужественной женщине, стойко переносившей такие жестокие испытания.

Туллия слушала и тихонько плакала. Все пережитые страдания снова выступили из мрака прошлого, напоминая о настоящем. Сердце ее больно сжалось. Она больше не протестовала — не хватало сил защищать своего палача.

— Вы хорошо сделали, девочка, что рассказали всю правду, — взволнованно сказал Кау-джер, когда Грациэлла кончила. — Будьте уверены, мы не оставим вас и поможем вашей матушке. Сегодня она нуждается только в покое. Пусть ляжет и постарается уснуть... в надежде на лучшее будущее.

Выйдя из палатки, Кау-джер, Гарри Родс и Хартлпул молча переглянулись и глубоко вдохнули свежий воздух, как бы избавляясь от ощущения удушья. Они уже собрались в путь, но вдруг Кау-джер заметил, что Хальг исчез.

Полагая, что юноша задержался у Черони, Кау-джер вернулся. Хальг действительно находился там. Он не заметил, как ушли товарищи, не заметил, как один из них вернулся. Стоя у входа, он смотрел на Грациэллу, и на его лице написаны были и жалость, и искреннее восхищение. Девушка сидела в двух шагах от него и, опустив глаза, не без удовольствия позволяла себя рассматривать. Оба молчали. После пережитых потрясений их сердца охватило сладостное, волнующее чувство.

Кау-джер, улыбнувшись, тихо позвал:

— Хальг!

Юноша вздрогнул и тотчас же вышел из палатки. Вскоре они присоединились к остальным.

Четверо мужчин тронулись в путь, погруженные в свои мысли. Кау-джер, нахмутив брови, думал о только что происшедших событиях. Самая большая услуга, которую можно было бы оказать этим женщинам, состояла в одном — лишить их мучителя спиртного. Возможно ли это? Несомненно, и даже легко осуществимо. На острове Осте вина не было, кроме того запаса, который при-

везли на «Джонатане» и потом переправили на сушу вместе с остальным грузом. Значит, достаточно одного-двух человек для охраны...

Прекрасно. Но кто же назначит охрану? Кто осмелится здесь приказывать и запрещать? Кто присвоит себе право ограничивать в чем бы то ни было свободу себе подобных и навязывать им свою волю? Ведь это значило бы поступать как тиран, а на острове Осте все были равны.

Равны? Ничего подобного! Власть уже обрела здесь своего представителя — человека, который повелевал другими. Разве не он, Кау-джер, спас всех от неминуемой гибели? Разве не он один знал эту необитаемую землю? Разве не он превосходил всех умом, опытом и волей?

Подло было бы обманывать самого себя. Кау-джер не мог не знать, что именно к нему обращены умоляющие взгляды несчастных, что именно ему поручили выполнить волю коллектива, именно от него ожидали помощи, советов, решений. Хотел этого Кау-джер или нет, но он уже не мог уклониться от ответственности, которую налагало на него их доверие. Независимо от его желания, он стал их вождем, избранным самою силой обстоятельств и по молчаливому уговору подавляющего большинства потерпевших кораблекрушение.

Как? Ему, свободолюбцу, человеку, не способному перенести какое бы то ни было принуждение, придется подчинять себе волю других людей? Законы и приказы будут исходить от того, кто отрицал все и всякие законы? Какая ирония судьбы! Проповедника анархизма, приверженца знаменитой формулы «Ни бога, ни властелина!» превратили в вождя и наградили неограниченной властью, тогда как он всем сердцем ненавидел самые ее основы!

Неужели согласиться! А не лучше ли бежать подальше от этих людей с рабскими душами?

Но что же тогда станет с ними, предоставленными самим себе? Сколько чужих страданий ляжет на совесть беглеца! Каждый вправе лелеять сокровенные мечты, но тот, кто из-за принципа закрывает глаза на действительность, отрицает очевидность и не желает поступиться гордостью ради облегчения человеческих страданий, не-

достоин звания человека. Какие бы теории ни проповедовал Кау-джер, настало время отказаться от них. Этого требовало благо людей.

Разве мало было этих веских доказательств? Ведь только что он видел множество пьяных. А сколько еще осталось незамеченными! Можно ли терпеть такое злоупотребление алкоголем, которое неизбежно приведет к распрям, дракам и даже убийствам? Впрочем, действие этого яда уже дало себя знать в семье Черони.

Путники подходили к палатке Родсов, где должны были расстаться, а Кау-джер все еще колебался.

Но не такой это был человек, чтобы избегать ответственности. В самый последний момент, преодолев душевные муки, он принял окончательное решение. Обратившись к Хартлпулу, Кау-джер спросил:

— Как вы думаете, можно рассчитывать на преданность экипажа «Джонатана»?

— Ручаюсь за всех, кроме Кеннеди и Сердея-повара,— ответил боцман.

— Сколько у вас человек?

— Вместе со мною пятнадцать.

— Остальные четырнадцать подчинятся вам?

— Несомненно.

— А вы сами?

— Что — я?

— Есть ли здесь кто-нибудь, чью власть вы признаёте?

— Конечно, есть, сударь. Вы,— ответил Хартлпул таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

— Но почему я?

— Да как же, сударь...— растерялся Хартлпул.— Здесь, как и везде, кто-то должен управлять людьми. Это ведь каждому ясно, черт возьми!

— Но почему именно я?

— Потому что больше некому,— убежденно заявил Хартлпул, подкрепив свои слова красноречивым жестом.

Такой убедительный довод нечем было опровергнуть.

После некоторого раздумья Кау-джер произнес повелительным тоном:

— С сегодняшнего вечера придется охранять имущее

ство, выгруженное с «Джонатана». Ваши люди будут дежурить по двое. Задача: не разрешать никому приближаться к грузу. Особое внимание обратить на охрану спиртных напитков.

— Слушаюсь, сударь,— коротко ответил Хартлпул.— Будет исполнено. Через пять минут.

— Покойной ночи,— сказал Кау-джер и быстро удалился, недовольный собой и всем на свете.

3. В БУХТЕ СКОЧУЭЛЛ

«Уэл-Киедж» вернулась из Пунта-Аренаса 15 апреля. Едва завидев лодку, эмигранты высыпали на берег, сгорая от нетерпения скорее узнать о своей дальнейшей судьбе.

Люди разместились на берегу, следуя непреложным законам, управляющим любой толпой в любой части нашей далеко не совершенной планеты. Иначе говоря, самые напористые и грубые мужчины завладели лучшими местами — впереди, у самой воды. Женщин оттеснили назад, туда, где они вообще ничего не видели, и им ничего не оставалось делать, как оживленно и громко болтать, заранее обсуждая предстоящее известие. Дети, для которых все служит забавой, тоже примчались на берег. Самые маленькие, чирикаая, как воробышки, резвились около толпы. Другие затесались в гущу эмигрантов и теперь не могли сдвинуться с места. Некоторым все же удалось пролезть в передние ряды и просунуть любопытные рожицы между ногами взрослых. Наиболее шустрые оказались впереди всех.

Можно было не сомневаться, что юный Дик находился среди ловкачей; причем не только преодолел все препятствия сам, но и притащил следом за собою своего неразлучного Сэнда и еще одного мальчика, с которым за последнюю неделю они свели дружбу, теперь казавшуюся им уже давней. Марсель Норели, их однолетка, вполне заслуживал дружбы хотя бы уже тем, что нуждался в покровительстве: у этого хилого ребенка с болезненным личиком правая парализованная нога была на несколько сантиметров короче левой. Но это ничуть не влияло на веселый нрав маленького калеки и не ме-

шало ему принимать горячее участие во всех играх. Удивительно ловко пользуясь костылем, он не отставал от других детей.

Пока переполошившиеся эмигранты сбегались на берег, Дик, а за ним Сэнд и Марсель пробрались в передние ряды и устроились впереди мужчин, которым достигали только до пояса. Но, протискиваясь в толпе, они задели или толкнули кое-кого из переселенцев. В частности, потревожили Фреда Мура, старшего из двух братьев, которых Гарри Родс охарактеризовал Кауджеру как людей необузданных.

Фред Мур, рослый, крепко сложенный парень, почувствовав, что его толкают, громко выругался. Это сразу же раззадорило Дика. Обернувшись к Сэнду и Марселю, он крикнул:

— Эй, вы! Осторожнее! Не толкайте этого джентльмена, тысяча чертей! Этим вы ничего не выиграете! Мы ведь можем встать сзади и смотреть поверх его головы.

Заявление, исходившее от крошечного человечка, показалось окружающим таким забавно-дерзким, что все разразились смехом. Фред Мур побагровел от злости.

— Сопляк! — презрительно бросил он.

— Благодарю за комплимент, ваша милость, хотя, признаться, у вас весьма невнятное произношение! — продолжал издеваться Дик.

Фред Мур двинулся к нему, но соседи удержали парня, уговаривая не связываться с ребятами. Дик с товарищами, воспользовавшись этим, перекочевал на другое место, поближе к более покладистым людям.

— Ну подожди, — пригрозил ему вслед Фред Мур, — я еще оборву тебе уши!

Дик, находясь на безопасной дистанции, смерил противника насмешливым взглядом.

— Для этого тебе, наверно, понадобится лестница, старина! — заявил он с такой иронией, что все опять расхохотались.

Мур только пожал плечами. Дик, довольный, что за ним осталось последнее слово, перенес свое внимание на шлюпку, уже врезающуюся форштевнем в прибрежный песок.

Причалив, Кароли прыгнул в воду и укрепил якорь.

Потом помог выйти пассажиру и ушел вместе с Хальгом и Кау-джером.

Говорят, что у огнеземельцев почти не развито чувство привязанности. Но в данном случае лоцман составлял счастливое исключение: даже в его взгляде, устремленном на сына и Кау-джера, сквозила любовь к ним обоим.

Его преданность белому человеку могла соперничать только с безграничной, но более сознательной привязанностью Хальга к Кау-джеру. Кароли был родным отцом юноши, а Кау-джер — духовным. Первый дал Хальгу жизнь, второй развил в нем дремлющий интеллект.

Кау-джер отвечал Хальгу такой же любовью. Мальчик стал его единственной привязанностью, единственным существом, способным согреть его разочарованную душу.

Пока трое друзей, обрадованных встречей, обсуждали между собой новости, эмигранты, столпившиеся во круг Жермена Ривьера, сгорали от нетерпения узнать о результатах поездки. Со всех сторон сыпались вопросы, сводившиеся к одному: почему вернулась шлюпка, а не судно, чтобы взять на борт всех потерпевших кораблекрушение?

Оглушенный Жермен Ривьер поднял руку, требуя тишины. Затем, отвечая Гарри Родсу, единственному, кто задал разумный и краткий вопрос, рассказал о своем путешествии.

В Пунта-Аренасе он виделся с губернатором, господином Агире, который от имени чилийского правительства обещал помочь переселенцам. Но в данный момент в Пунта-Аренасе не было подходящего корабля, чтобы в один рейс забрать всех потерпевших. Поэтому оставалось только запастись терпением, тем более что эмигрантам пока ничто не угрожало — их обеспечили всеми необходимыми предметами и продуктами по крайней мере на полтора года.

Итак, стало ясно, что ждать придется долго. Осень еще только наступала. Было бы неблагоприятно посылать сюда судно в такое время года без крайней нужды. В общих интересах следовало отложить путешествие до весны. Ну, а в начале октября, то есть через полгода, на остров Осте обязательно пришлют корабль.

Новость, передаваемая из уст в уста, немедленно стала известна всем. Она произвела на переселенцев ошеломляющее впечатление. Как? Им придется в течение шести долгих месяцев переносить жестокие холода в этой стране, где бессмысленно заниматься каким-нибудь делом, раз весной их увезут отсюда?

Шумная толпа сразу притихла. Все огорченно переглядывались. Потом общее уныние сменилось гневом. Губернатора Пунта-Аренаса осыпали грубой бранью. Но, так как отвести душу было не на ком, ярость вскоре улеглась, и угрюмые эмигранты стали расходиться по своим палаткам.

Но тут их внимание привлекла небольшая группа людей, которая, пополняясь за счет проходивших мимо, быстро разрасталась. Все машинально останавливались, даже не замечая, что и сами становились частью этой толпы, *ipso facto*¹ пополняя аудиторию Фердинанда Боваля. Оратор, решив, что настал подходящий момент, произносил с вершины скалы перед своими товарищами по несчастью новую речь. Как и следовало ожидать, этот убежденный анархист не выказал снисхождения ни к капиталистическому режиму вообще, ни к губернатору Пунта-Аренаса в частности. Последний, по его словам, являлся естественным продуктом капиталистического строя. Боваль красноречиво клеймил эгоизм этого чиновника, лишённого самой элементарной гуманности, беспечно обрекавшего несчастных людей на лишения и опасности.

Эмигранты слушали его рассеянno. От всех разглаговольствований им ничуть не становилось легче. Сейчас нужны были действия, а не слова. Но никто не знал, как именно действовать. Опустив голову, бедняги мучительно искали выход из создавшегося положения.

Постепенно у этих оступевших от несчастия людей созрела одна и та же мысль. Кто-то ведь должен знать, что теперь делать. Быть может, тот, кто уже не раз выручал их из беды, снова придет к ним на помощь? Они робко поглядывали в сторону Кау-джера, к которому уже направлялись Гарри Родс и Жермен Ривьер. Никто из тысячи двухсот человек не решался взять на себя ответст-

¹ Самим собой (лат.).

венность за настоящее и будущее. Казалось, проще всего опять обратиться к Кау-джеру, к его самоотверженности и опытности. Это было удобно хотя бы потому, что избавляло всех от мучительных раздумий.

Сбросив, таким образом, с души бремя забот о ближайшем будущем, переселенцы по одному, по двое отходили от Фердинанда Боваля, и вскоре около него осталась лишь ничтожная кучка его приспешников.

Гарри Родс, в сопровождении Жермена Ривьера, подошел к Кау-джеру, беседовавшему с двумя огнеземельцами, сообщил ему ответ губернатора Пунта-Аренаса, а заодно рассказал о волнениях и страхах пассажиров «Джонатана», обреченных на зимовку в антарктическом климате.

Кау-джер заверил их, что зима на Магеллановой Земле менее сурова и менее продолжительна, чем в Исландии, Канаде и даже в северных районах Соединенных Штатов, и что климат архипелага, в общем-то, не хуже, чем в Южной Африке, куда направлялся «Джонатан».

— Вашими бы устами да мед пить! — отозвался не без некоторого скептицизма Гарри Родс. — Но скажите, разве не лучше зазимовать на Огненной Земле, где все-таки можно найти хоть какое-нибудь убежище, чем здесь, на острове Осте, на котором нет ни единой живой души?

— Нет, — ответил Кау-джер. — Переход на Огненную Землю ничего не даст, потому что вы не сможете перевезти туда весь груз с «Джонатана». Надо оставаться на острове Осте, но как можно скорее перебраться отсюда в другое место.

— А куда?

— В бухту Скочуэлл, которую мы исследовали во время похода. Там нетрудно подыскать участок, удобный для постройки домов. Здесь же нет и дюйма ровной поверхности.

— Как? — воскликнул Гарри Родс. — Вы советуете перетаскать такой тяжеленный груз за две мили отсюда? И заняться настоящим строительством?

— Именно так, — подтвердил Кау-джер. — Помимо того, что бухта Скочуэлл расположена в прекрасном месте и защищена от западных и южных ветров, там протекает река, следовательно, не будет недостатка

в питьевой воде. Что же касается строительства, то я считаю его не только необходимым, но и безотлагательным. В этих краях очень высокая влажность. Прежде всего нужно оградить себя от сырости. Повторяю еще раз — время дорого. Зима может нагреть со дня на день.

— Вы должны сказать это остальным,— предложил Гарри Родс.— Они лучше поймут, если вы сами обрисуете создавшееся положение.

— Предпочитаю, чтобы это сделали вы,— возразил Кау-джер.— Но я останусь в полном распоряжении всех, кому смогу понадобиться.

Гарри Родс поспешил передать слова Кау-джера всем эмигрантам. К его крайнему удивлению, известие это приняли лучше, нежели он думал. Пережитые разочарования так обескуражили людей, что они даже обрадовались предстоящей работе. К тому же, слава богу, нашелся человек, взявший на себя ответственность за ее результаты. Ну, а все остальное довершила присущая человеку способность надеяться и верить в лучшее будущее. Эмигрантам казалось, что любые перемены помогут сохранить жизнь, и переселение в бухту Скочуэлл представлялось им чудесным избавлением от грозивших бед.

Но с чего начать? Как организовать переноску грузов на расстояние двух миль вдоль скалистого, почти непроходимого берега? С общего согласия Родс снова обратился к Кау-джеру с просьбой помочь наладить работы, которые тот считал первоочередными.

Кау-джер не заставил упрашивать себя, и под его руководством все сразу же принялись за дело.

Сначала создали некое подобие дороги на участках, недоступных для прибоа: выравнивали почву около самых больших каменных глыб и убрали мелкие камни. 20 апреля, когда закончили подготовительные работы, приступили к переноске груза.

Для этого использовали плоты, уже послужившие для разгрузки «Джонатана». Их разделили на несколько частей и подложили под них вместо колес очищенные и обтесанные древесные стволы. Таким образом получились примитивные повозки, в которые впряглись все эмигранты — мужчины, женщины и даже дети. И вскоре длинная вереница растянулась у самой воды, между отвесны-

ми скалами и морем. Зрелище было поистине любопытным! А какими лихими возгласами подбадривали себя тысяча двести запыхавшихся тружеников!

Большую помощь оказала шлюпка. В нее грузили наиболее тяжелые или самые хрупкие предметы, и Кароли с сыном непрерывно курсировали между местом кораблекрушения и бухтой Скочуэлл. Это значительно ускорило переброску грузов и оказалось как нельзя более кстати, потому что уже не раз приходилось прекращать работу из-за непогоды. Начались штормы, провозвестники близкой зимы. Переселенцам приходилось укрываться в палатках и выжидать затишья.

Кау-джер не только советовал и ободрял всех, но и показывал людям пример. Он вечно был в действии: либо возглавлял транспортную колонну, либо помогал эмигрантам словом и делом. Они с удивлением наблюдали за этим неутомимым человеком, добровольно участвовавшим в их тяжелом труде, тогда как ничто не мешало ему уйти так же просто, как он пришел.

Но Кау-джер даже и не помышлял об этом. Он весь отдался выполнению долга, уготованного ему судьбой. Уже одно сознание того, что люди очутились в беде, как-то сближало Кау-джера с ними, а возможность помочь им вызывала у него чувство глубокого удовлетворения.

Но не все потерпевшие кораблекрушение проявили такую же силу духа. Кое-кто помышлял о бегстве с острова Осте. Захватить шлюпку, поднять парус и отправиться в страну с более мягким климатом не составляло особых трудностей. Других лодок, кроме «Уэл-Киедж», на острове не имелось, так что можно было не опасаться преследования. Все казалось настолько просто, что приходилось только удивляться, как это никому не пришло в голову раньше.

Мешала, видимо, постоянная охрана «Уэл-Киедж». Днем на ней работали Кароли и Хальг, а ночью оба индейца и Кау-джер спали в лодке. Следовательно, будущим злоумышленникам приходилось выжидать удобного случая.

Он представился 10 мая. В этот день Кау-джер, вернувшись из бухты Скочуэлл, заметил на берегу обоих огнеземельцев, отчаянно размахивавших руками. «Уэл-

Киедж», уже отплывшая на расстояние метров в триста, неслась на всех парусах в открытое море. На борту ее находилось четверо мужчин, но издали невозможно было разглядеть их лиц.

В нескольких словах Кароли и Халыг сообщили Кауджеру о том, что произошло: воспользовавшись их кратковременным отсутствием, воры вскочили в лодку и вышли в море. Когда кражу «Уэл-Киедж» обнаружили, было уже поздно.

Все вернувшиеся из нового лагеря собрались около Кауджера и обоих его друзей. Беспомощные и обезоруженные эмигранты молча следили за шлюпкой, грациозно скользившей по волнам. Для переселенцев похищение лодки было равносильно несчастью: они лишались возможности ускорить перевозку грузов и вместе с тем рвались последние связи со всем остальным миром. Что же касается владельцев «Уэл-Киедж», то для них это было настоящей катастрофой.

Тем не менее Кауджер ничем не проявил гнева, переполнявшего его сердце. Как всегда невозмутимый, замкнутый, с бесстрастным лицом, он провожал взглядом шлюпку, пока та не исчезла за выступом прибрежной скалы. Тогда Кауджер обернулся к окружающим и спокойно распорядился:

— За работу!

И все снова с ожесточением стали трудиться. Приходилось спешить — зима была не за горами.

К счастью, кража произошла не в первые дни транспортных работ, иначе бы те затянулись до бесконечности. Теперь же, 10 мая, доставка груза была почти закончена, и требовалось совсем немного, чтобы довести ее до благополучного конца.

Переселенцев восхищало спокойствие Кауджера. Он ни в чем не изменил своего поведения и оставался таким же добрым и самоотверженным, как и прежде.

К концу того же дня, 10 мая, случилось еще одно событие, также способствовавшее укреплению авторитета Кауджера.

В это время он помогал тащить повозку с несколькими мешками семян. Вдруг послышался отчаянный вопль. Бросившись на крик, Кауджер увидел мальчика лет десяти, лежавшего на земле и жалобно стонавшего. Ма-

лыш сказал, что он упал со скалы, повредил ногу и не может подняться. Несколько подбежавших эмигрантов громко высказывали свои не слишком разумные соображения по поводу случившегося. В скором времени появились родители ребенка, и их слезливые причитания еще усилили общий переполох.

Кау-джер решительным тоном потребовал тишины и приступил к осмотру пострадавшего. Окружающие внимательно следили за всеми его движениями, восхищаясь их уверенностью и ловкостью. Кау-джер быстро определил перелом бедра и умело соединил костные обломки. Затем при помощи щепок, заменивших лубки, и кусков материи вместо бинта, он обеспечил ноге полный покой.

Кау-джер утешил родителей, заверив их, что все обойдется: перелом не тяжелый, никаких осложнений не предвидится, и через два месяца от повреждения не останется и следа. Понемногу мать и отец успокоились, а когда, после перевязки, сын заявил, что ему уже не так больно, окончательно уверовали в Кау-джера. На самодельных носилках мальчика перенесли в бухту Скочуэлл.

После этого события, которое сразу же получило широкую огласку, эмигранты стали относиться к Кау-джеру с особым уважением. Поистине он оказался добрым гением потерпевших кораблекрушение. Его услуги и помощь были неоценимы. Постепенно все привыкли надеяться на него, и одно присутствие этого человека вселяло покой и уверенность в сознание переселенцев.

В тот же вечер 10 мая наскоро произвели расследование. Как и следовало ожидать, у такой разношерстной, переменчивой толпы удалось получить лишь весьма неопределенные сведения. Во всяком случае, отсутствие в течение целого дня четырех человек дало основание для подозрений. Двое из них принадлежали к экипажу «Джонатана» — повар Сердей и матрос Кеннеди. Остальные двое были эмигранты, выдававшие себя за рабочих, — Фёрстер и Джексон. О них уже ходили дурные слухи.

На следующее утро Кеннеди и Сердей, как обычно, принялись за работу, хотя и казались совершенно разбитыми от усталости. Сердей едва держался на ногах, лицо у него было все в глубоких ссадинах.

Хартлпул, давно приглядывавшийся к этому субъекту, искренне презирал его. Он резко остановил попавшего навстречу повара:

— Где ты пропадал вчера, кок?

— Где пропадал? — лицемерно удивился Сердей. — Да там же, где и каждый день.

— Почему же тебя никто не видел, мошенник? Не заблудился ли ты, часом, где-нибудь на шлюпке?

— На шлюпке? — переспросил Сердей с непонимающим видом.

— Хм... — раздраженно хмыкнул Хартлпул. Затем продолжал: — Можешь объяснить, где это тебя так разукрасило?

— Упал, — спокойно ответил Сердей, — и так расшибся, что едва ли смогу сегодня таскать груз. Еле-еле хожу.

— Хм... — опять промычал Хартлпул и, чувствуя, что от этого лживого типа ничего не добьешься, ушел.

Что же касается Кеннеди, то он даже не дал никакого повода для допроса. Хотя матрос был бледен как полотно и явно чувствовал себя неважно, он молча выполнял всю необходимую работу.

Итак, 11 мая, в обычное время, все приступили к переноске груза, так и не раскрыв тайны исчезновения лодки. Но эмигрантов, явившихся первыми в бухту Скочуэлл, ожидал сюрприз: на берегу, у самого устья реки, лежали два трупа — Джексона и Фёрстера. Около них торчала наполовину погруженная в воду и занесенная песком «Уэл-Киедж» с пробитым дном.

Теперь нетрудно было восстановить ход вчерашних событий. Едва выйдя за пределы бухты, неумело управляемая лодка наскочила на рифы. Образовалась течь, и отяжелевшая шлюпка пошла ко дну. Из четырех находившихся в ней людей Кеннеди и Сердею удалось добраться до острова, а Джексон и Фёрстер погибли, и первый же прибой выбросил на берег их тела вместе с покалеченной «Уэл-Киедж».

Внимательно осмотрев «Уэл-Киедж», Кауджер нашел, что остов лодки вполне можно использовать. Правда, борта сильно пострадали, но шпангоуты оказались почти все целы, а киль вообще не был поврежден. Разбитую шлюпку вытащили за линию прибой и оставили здесь, чтобы починить ее при первой же возможности.

Перевозка груза закончилась 13 мая. Сразу же, не теряя времени, взялись за возведение сборных домов. Конструкция их была чрезвычайно удобна, так что здания росли прямо на глазах. Едва заканчивали постройку очередного дома, как он сразу же заселялся, причем всякий раз дело доходило до крупных столкновений, ибо для тысячи двухсот человек домов не хватало. Не более двух третей эмигрантов могли рассчитывать на жилье. Естественно, люди вынуждены были как-то добиваться, чтобы у них была крыша над головой.

Это делалось с помощью кулаков. Те мужчины, которых природа не обидела силой, с самого начала завладевали отдельными элементами сборных конструкций и не допускали в здание других. Все же им пришлось уступить численному превосходству и войти в соглашение с теми, кого на первых порах хотели выбросить вон. Так, на основе применения физической силы, произошел своеобразный отбор второй очереди, и выявился состав «избранных». Когда наконец дома были уже переполнены и обитатели их могли успешно противостоять натиску бесприютных, стало ясно, что эти последние действительно остались без крова.

Таким образом, примерно пятистам потерпевшим кораблекрушение мужчинам, женщинам и детям пришлось довольствоваться палатками. Среди них мужчины составляли меньшинство. Это были отцы семейств или мужья, которым пришлось разделить участь своих близких. С ними находились Кау-джер и его друзья-индейцы, не боявшиеся ночевки под открытым небом, а также члены экипажа «Джонатана», приученные Хартлпулом стойко переносить лишения. Эти славные люди подчинились без малейшего ропота, даже Сердей и Кеннеди, которые после происшествия с лодкой являли пример необычайного усердия и послушания. В числе «бездомных» находились Джон Рам и Фриц Гросс, не участвовавшие в борьбе из-за физической слабости, а также семья Родса, не считавшего для себя возможным прибегать к силе.

Итак, пятьсот человек разместились в палатках. Поскольку большая часть эмигрантов перебралась в дома, оставшиеся использовали освободившиеся палатки и сделали их двойными. Прослойка воздуха между двумя парусиновыми стенками удерживала тепло, так что,

в общем-то, эти примитивные жилища оказались довольно сносными.

Едва переселенцы устроились, как 20 мая на остров Осте обрушилась зима (к счастью, запоздавшая в этом году). Разразилась сильнейшая снежная буря. В несколько минут землю окутал плотный белый саван, из-под которого торчали деревья, покрытые инеем. На следующий день сообщение между отдельными участками лагеря оказалось почти невозможным.

Но теперь эмигранты были защищены от лютых холодов. Укрывшись в домах или палатках, греясь перед ярким пламенем очагов, спасшиеся с «Джонатана» больше не боялись зимовки в холодном антарктическом климате.

4. З И М О В К А

Две недели свирепствовала буря. Снег валил густыми хлопьями. Все это время эмигранты почти не выходили наружу.

Такое вынужденное заточение особенно огорчало тех, кому «посчастливилось» попасть в сборные дома. Строек эти были лишены всех элементарных удобств. Поначалу переселенцы, соблазненные не столько их видом, сколько самим названием «дом», жаждали во что бы то ни стало поселиться именно в них, что образовало неимоверную скученность. Жилища превратились в настоящие ночлежные дома, где прямо на полу, впритык, лежали соломенные тюфяки. Эти же помещения в короткие дневные часы служили общими комнатами и кухнями. Такая теснота, когда несколько семейств жили бок о бок, неизбежно приводила к принудительной близости, отнюдь не способствовавшей чистоте и поддержанию добрососедских отношений. В домах, занесенных снегом, люди изнывали от скуки, а безделье и скука, как известно, всегда ведут к ссорам.

Жители палаток, хотя и хуже защищенные от холода, оказались отчасти в привилегированном положении, ибо располагали большей площадью. Некоторые семьи, в частности Родсы и Черони, а также пять неразлучных японцев, даже занимали отдельные палатки.

Никто не руководил размещением жилищ. Единого

предварительного плана тоже не было, так что дома и палатки стояли где попало, по прихоти их обитателей. Поэтому-то лагерь походил не на поселение, а скорее на случайное скопище разбросанных построек, между которыми было бы крайне затруднительно проложить улицы.

Впрочем, это не имело никакого значения — ведь поселение было временным, и весной эмигранты снова отправятся на поиски новой родины и новых злоключений.

Лагерь раскинулся на правом берегу реки, текущей с запада. В одном месте она подходила к самому поселению, потом изгибалась в противоположном направлении и через три километра, на северо-западе, впадала в море. Крайнее строение поселка стояло на самом берегу реки. Еще в начале строительства один эмигрант, по имени Паттерсон, втихомолку завладел крошечным сборным домиком, в котором могло разместиться только три человека. А чтобы никто не претендовал на его жилище, он предложил поселиться вместе с ним еще двум эмигрантам, весьма обрадовавшимся приглашению. Выбор Паттерсона был не случаен: не обладая достаточной физической силой, он вполне разумно избрал сожителей геркулесового сложения, чьи кулаки могли бы, при случае, отстоять их общую собственность.

Оба были американцы. Одного звали Блэкер, другого — Лонг. Первый — двадцатисемилетний крестьянин, довольно веселого и общительного нрава — отличался невероятной прожорливостью. Постоянный, болезненный голод чрезвычайно усложнял его жизнь, ибо, живя в нужде, он никогда не мог удовлетворить свой ненасытный аппетит. Муки голода терзали Блэкера с самого рождения, и в конце концов он решил эмигрировать, надеясь, что в Африке ему удастся наесться досыта. Второй — кузнец, этакий тупой детина с могучими бицепсами, крепкий и податливый, как железо в горне, — представлял послушное орудие в руках хозяина дома.

Сам же Паттерсон, хотя и примкнул к эмигрантам, покинул родину вовсе не из-за крайней нищеты, а из-за страсти к наживе. Судьба поступила с ним и жестоко, и вместе с тем милостиво. Паттерсон родился в бедности и вел одинокую жизнь, скитаясь по родной Ирландии. Но зато по своей натуре он был стяжателем, иначе говоря — человеком, стремившимся приобрести те блага, кото-

рых не имел при рождении. Благодаря этому свойству к двадцати пяти годам ирландцу удалось поднакопить деньжонок. Его не пугала ни изнурительная работа, ни суровые лишения. При случае не брезговал он и откровенной эксплуатацией своих ближних. Но Паттерсон выбивался в люди с величайшим трудом, и лишь настойчивость, изворотливость и постоянное самоограничение помогали ему достигнуть трудной цели. И вот однажды до него дошли потрясающие слухи о том, что в Америке человек без предрассудков может запросто нажить целое состояние. Наслушавшись всяких небылиц, ирландец стал мечтать только о Новом Свете и решил отправиться, как и многие другие, на поиски счастья. При этом Паттерсон даже и не собирался следовать по пути сказочных миллиардеров, вышедших, подобно ему, из низов. Нет, он ставил перед собой более скромную и вполне достижимую цель — увеличить свои сбережения в более короткий срок, чем на родине.

Едва ступив на американскую землю, Паттерсон увидел заманчивую рекламу Общества колонизации бухты Лагоа. Поверив ее соблазнительным обещаниям, ирландец решил, что там-то он и найдет девственную почву, где его небольшой капитал принесет богатый урожай. И вместе с тысячью других эмигрантов он отплыл на «Джонатане».

Надежды его не осуществились. Однако Паттерсон был не из тех, кто падает духом. Несмотря на кораблекрушение, ирландец упорно продолжал отыскивать пути к богатству.

С помощью Блэкера и Лонга он выстроил домик на некотором расстоянии от моря, у самой реки, — в единственном месте, где имелся доступ к воде. Выше по течению берег сразу же круто подымался вверх, переходя в отвесную скалу высотой почти в пятнадцать метров, а ниже по течению, за небольшой поляной, у края которой стоял их домик, берег обрывался, и река, устремляя свои воды на этот своеобразный порог, превращалась в водопад. Между водопадом и морем тянулось непроходимое болото.

Другие дома и палатки расположились в живописном беспорядке параллельно морскому берегу, но между ними и морем пролегла непроходимая топь. Кауджер

поселился в индейской хижине, сооруженной Кароли и Хальгом. Только человек, не боявшийся сурового климата, мог удовольствоваться этим примитивным жилищем из ветвей и травы. Зато оно находилось в очень удобном месте — как раз на противоположном берегу реки, у самого причала «Уэл-Киедж». Это давало им возможность использовать малейшие проблески хорошей погоды для починки лодки.

Во время первого штурма зимы, продолжавшегося две недели, не могло быть и речи о каких-либо ремонтных работах. Тем не менее Кау-джер, в сопровождении Хальга, ежедневно переходил легкий мостик, наведенный Кароли, и навещал поселенцев.

Дела хватало. Несколько эмигрантов, заболевших с наступлением холодов, обратились к нему за помощью. После успешного лечения мальчика, сломавшего ногу, репутация Кау-джера как врача установилась прочно. Перелом быстро срастался, и никто не сомневался, что предсказание хирурга о полном восстановлении функции ноги вскоре подтвердится.

После врачебного обхода Кау-джер заходил в палатку Родсов и подолгу беседовал с ними. Он все больше и больше привязывался к этому семейству. Ему нравился добродушный характер жены и дочери Родса, самоотверженно выполнявших роль сиделок возле больных эмигрантов. Он высоко ценил здравый смысл и приветливый нрав самого Гарри Родса, и между обоими мужчинами вскоре зародилась настоящая дружба.

— Приходится только радоваться,— однажды сказал Гарри Родс Кау-джеру,— что негодяи разбили вашу лодку. Не случись этого, вы покинули бы нас, как только бы все устроились с жилищами. А теперь вы — наш пленник.

— Тем не менее мне все же придется уехать,— ответил Кау-джер.

— Но не раньше весны,— возразил Гарри Родс.— Вы всем нужны. Здесь столько больных, которых некому лечить, кроме вас.

— Да, не раньше весны,— согласился Кау-джер.— Но когда за вами пришлют корабль, ничто не будет препятствовать моему отъезду.

— Вы вернетесь на Исла-Нуэва?

Кау-джер сделал неопределенный жест. Да, его дом находится на Исла-Нуэва. Там он прожил долгие годы. Но вернется ли он туда? Ведь причины, изгнавшие его с этого острова, не исчезли. Исла-Нуэва, бывший когда-то свободной территорией, отныне подчинялся Чили...

— Если бы я даже и захотел уехать,— сказал Кау-джер, стремясь перевести разговор на другую тему,— думаю, что оба мои товарища не разделят этого желания. Во всяком случае, Хальгу будет жаль расстаться с островом Осте. А может быть, он и вообще откажется уехать.

— А почему? — удивилась госпожа Родс.

— По очень простой причине. Боюсь, что он имел несчастье влюбиться.

— Вот так несчастье! — засмеялся Гарри Родс.— Ему и по возрасту положено влюбляться.

— Этого я не отрицаю,— ответил Кау-джер.— Но мальчик будет чрезвычайно огорчен, когда настанет день расставания.

— Но зачем же Хальгу расставаться с той, кого он любит? — спросила Клэри, которую, как и всех девушек, всегда интересовали сердечные дела.— Ведь они могут пожениться.

— Во-первых, она — эмигрантка и никогда не согласится остаться на Магеллановой Земле. А во-вторых, я не представляю себе, что произойдет с Хальгом, если он поедет в одну из ваших так называемых цивилизованных стран.

— Вы говорите — эмигрантка? — переспросил Гарри Родс.— Уж не Грациэлла ли это, дочь Черони?

— Я видел ее несколько раз,— вмешался в разговор Эдуард Родс.— Она очень мила.

— Так, значит, это она? — улыбнулась госпожа Родс.

— Да. В тот день, когда нам пришлось принять участие в ее семейных делах (вы, наверно, помните это), я заметил, какое сильное впечатление произвела Грациэлла на Хальга. Он был просто потрясен. Вы ведь знаете, как несчастны эта девушка и ее мать, а от жалости до любви — один шаг.

— Мне кажется, что вызвать жалость — это наилучший способ внушить любовь,— заметила госпожа Родс.

— Как бы то ни было, с тех пор Хальг весь отдался

своему чувству. Вы даже не представляете себе, насколько он изменился! Приведу пример. Как известно, щегольство отнюдь не свойственно обитателям Магеллановой Земли. Несмотря на холодный климат, они так равнодушны к одежде, что ходят совершенно обнаженными. Хальг, совращенный остатками цивилизации в виде моего костюма, согласился прикрываться шкурой тюленя или гуанако, и поэтому у своих соплеменников считался даже франтом. А теперь он отыскал среди эмигрантов парикмахера и подстригся. Наверно, это первый огнеземелец, проявивший такую заботу о своей внешности. Но и это еще не все. Не знаю уж, каким образом он раздобыл настоящий европейский костюм, и впервые стал выходить из дому только в одежде и в башмаках, которые, мне кажется, очень стесняют его. Кароли просто растерялся от всех этих перемен, но я-то прекрасно понимаю, в чем тут дело.

— А разве такое старание понравиться не трогает сердце Грациэллы? — осведомилась госпожа Родс.

— Не знаю, — ответил Кау-джер, — но, судя по ликующему виду Хальга, полагаю, что дела его идут успешно.

— И неудивительно, — заявил Гарри Родс, — ваш молодой друг — красивый парень.

— Согласен, он недурен собой, — подтвердил Кау-джер с видимым удовольствием. — Но его внутренние качества еще лучше. Это смелый, умный и самоотверженный юноша с добрым сердцем.

— Он ваш воспитанник? — спросила госпожа Родс.

— Можно сказать — сын, — уточнил Кау-джер. — Я люблю его не меньше, чем отец. Потому-то я так и огорчен за него. Ведь из этого, в конце концов, ничего не получится, кроме страданий.

Предположения Кау-джера вполне соответствовали истине. Между молодым индейцем и Грациэллой действительно зарождалась взаимная симпатия. С той минуты, когда Хальг впервые увидел девушку, он все время думал только о ней, и не проходило дня, чтобы он не навестил палатку Черони. Юноша, зная о семейной драме итальянцев, с обычной находчивостью влюбленных сумел использовать сложившуюся обстановку. Под предлогом оказания помощи и защиты он проводил с обеими

женщинами долгие часы. Все они свободно говорили по-английски, что позволяло им болтать на любые темы.

Хальг еще раньше усвоил английский и французский, а теперь усердно посещал семью Черони под предлогом изучения итальянского языка.

Девушка быстро разгадала подлинную причину такого рвения к занятиям, но вначале чувство, внушенное ею молодому индейцу, скорее забавляло, чем льстило ей. Хальг, с его длинными прямыми волосами, слегка приплюснутым носом и темной кожей, казался Грациэлле существом другой породы. По ее своеобразной классификации обитатели нашей планеты делились на две совершенно различные категории — люди и дикари. Хальг считался дикарем, следовательно, к нему нельзя было относиться как к человеку. Всякий компромисс исключался. Ей даже и в голову не приходила мысль о возможности какой-либо связи между дикарем, едва прикрытым звериной шкурой, и ею, итальянкой, существом якобы высшего порядка.

Однако мало-помалу Грациэлла привыкла к чертам лица и к скромной одежде своего робкого поклонника и стала видеть в нем такого же юношу, как и все остальные. Правда, и Хальг прилагал огромные усилия, чтобы девушка смотрела на него иными глазами. В один прекрасный день он предстал перед Грациэллой подстриженный, с великолепной прической на пробор. Вскоре превращение пошло еще дальше — Хальг явился одетый по-европейски. Он приобрел все, что полагается: брюки, фуфайку, башмаки на толстой подошве — полный костюм! Конечно, одежда его была простая и грубая, но Хальг придерживался иного мнения и, с удовольствием рассматривая свое изображение в осколке зеркала, казал себе образцом элегантности.

А сколько уловок потребовалось юноше, чтобы отыскать человека, согласившегося взять на себя обязанности парикмахера, а также раздобыть этот «превосходный» костюм! Труднее всего было найти одежду, и поиски ее вряд ли увенчались бы успехом, если бы юному индейцу не удалось войти в сношения с Паттерсоном.

Ирландец торговал всем, чем угодно, и никогда не упускал возможности заработать на какой-нибудь сделке. Если даже у него и не имелось в данный момент то-

го, что требовалось, он всегда умудрялся раздобыть нужную вещь, одной рукой давая и другой загребая, да еще попутно получая вполне законные, как он считал, комиссионные. Итак, Паттерсон нашел для Хальга костюм, на что ушли все сбережения юноши.

Но тот нимало не жалел об этом. Его жертва вполне окупилась. Отношение к нему Грациэллы резко изменилось: Хальг перестал быть дикарем и превратился в человека.

С этой минуты события стали разворачиваться с неимоверной быстротой. Любовь расцвела буйным цветом в сердцах обоих молодых людей. Гарри Родс сказал правду: Хальг, если не принимать во внимание типовые особенности его расы, был действительно красивым парнем. Высокий, сильный, привыкший к жизни на вольном воздухе, он обладал той благородной осанкой, для которой характерны мягкие и пластичные движения. Благодаря урокам Кау-джера Хальг обладал высокоразвитым интеллектом. Черты его лица выражали доброту и искренность. Всего этого вполне хватало, чтобы тронуть сердце несчастной девушки.

С того самого дня, когда Хальг и Грациэлла, даже не обменявшись ни единым словом, почувствовали себя сообщниками, время, казалось, летело мгновенно. Какое значение имели для них бури или морозы? Непогода придавала особую прелесть их близости, так что влюбленные не только не мечтали о весне, а, наоборот, страшились ее прихода, ибо она предвещала разлуку.

Но все же весна наступила. И остальные эмигранты (в противоположность этой паре) радовались каждому вестнику весны. Лагерь ожил, как по мановению волшебной палочки. Дома и палатки опустели. Мужчины, потягиваясь, расправляли скованное тело, онемевшее за время долгого заточения, а кумушки, спеша переменить собеседниц, шныряли от одной двери к другой, навевая друг к другу и подыскивали очередных приятельниц. Следует заметить, что дружба между женщинами, прожившими бок о бок хотя бы две недели,— вещь невозможная!

Кароли вместе с плотниками, однажды уже помогавшими ему, использовал каждый погожий день для ремонта лодки. Но, поскольку погода часто портилась, «Уэл-

Кнедж» смогли спустить на воду только через три месяца.

Кау-джер тем временем отправился на охоту с собакой Золом. Ему хотелось добыть свежего мяса для своих друзей и для больных эмигрантов. Хотя на архипелаг обрушились лютые морозы и снег покрыл равнины, а сверкающий лед увенчал вершины гор, животные, водившиеся на острове, уцелели.

Вернувшись, Кау-джер принес не только изрядное количество дичи, но и известия о четырех «отколовшихся» семьях — Ривьерах, Джимелли, Гордонах и Ивановых, обосновавшихся на расстоянии нескольких лье от лагеря.

Джимелли, Гордон и Иванов сопровождали когда-то Кау-джера и Гарри Родса во время их первого обследования острова, а Ривьер ездил в Пунта-Аренас делегатом от эмигрантов. После его возвращения четыре семьи решили поселиться вместе. Все эти славные, здоровые, уравновешенные и трудолюбивые люди, далекие и от скаредности Паттерсона и от расточительности Джона Рама, были земледельцами и жили примерно одинаковыми интересами. Труд являлся первой необходимостью для самих фермеров, их жен и детей. Они просто не умели проводить время в праздности.

Именно по этой причине они и решили уехать из бухты Скочуэлл. Еще во время разгрузки «Джонатана», когда рубили деревья для плотов, Ривьера поразили богатейшие девственные леса острова. Он снова вспомнил о них в Пунта-Аренасе, когда узнал, что придется полгода прожить на острове Осте. Ему тотчас же пришло на ум использовать это обстоятельство для организации лесных разработок. С этой целью Ривьер приобрел необходимое оборудование и погрузил его в шлюпку. Будущее его предприятие не могло не оказаться прибыльным — леса никому не принадлежали, следовательно, древесины ничего не стоила. Оставалась проблема транспортировки, но Ривьер полагал, что она разрешится сама собою и что тес так или иначе удастся сбыть не без выгоды.

Решив осуществить задуманный план, он поделился им с Джимелли, Гордоном и Ивановым, с которыми сдружился еще на «Джонатане». Оказалось, и они тоже

вынашивали почти аналогичные замыслы. Во время похода по острову с Кау-джером эмигранты высоко оценили плодородную почву. Почему бы одному из них не попытаться заняться скотоводством, а двум остальным — земледелием? Если через полгода результаты окажутся благоприятными, ничто не заставит их уехать. Магальянес или Африка — не все ли равно, в какой стране жить, если это не родина! А в случае неудачи... ну что ж, будет затрачен только труд, это неисчерпаемое богатство людей, обладающих сильными руками и мужественным сердцем. Четверо друзей предпочитали поработать шесть месяцев впустую, лишь бы не болтаться без дела. Обрабатывая даже самую бесплодную почву, можно хотя бы сохранить здоровье...

Эти семьи, состоявшие из деловых мужчин, хозяйственных женщин, рослых и здоровых сыновей и дочерей, имели все данные, чтобы преуспеть там, где другие потерпели бы неудачу. Приняв окончательное решение и заручившись согласием и помощью Кау-джера и Хартлпула, они приступили к его выполнению.

Пока остальные переселенцы занимались переноской груза в бухту Скочуэлл, четыре семейства деятельно готовились к отъезду. Они соорудили повозку на деревянных осях со сплошными колесами, конечно, весьма примитивную, но зато вместительную и прочную. Туда погрузили провизию, семена злаков и овощей, сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода, оружие и порох — короче говоря, все, что могло потребоваться для устройства на новом месте. Захватили с собою и домашнюю птицу, а Гордоны, решившие заняться скотоводством, добавили еще кроликов, а также по несколько пар рогатого скота, свиней и овец. Заложив, таким образом, основу будущих богатств, они отправились на север в поисках подходящего для поселения участка.

Такое место нашлось в двенадцати километрах от бухты Скочуэлл. Здесь простиралось обширное плоскогорье, ограниченное с запада густыми лесами, а с востока — долиной, где протекала быстрая река. Долина, поросшая густой травой, представляла собой великолепное пастбище. Плоскогорье же было покрыто толстым слоем чернозема, который после корчевки и вспашки сулил прекрасный урожай.

Колонисты сразу же принялись за дело. Прежде всего они построили из бревен четыре маленькие фермы, рассудив, что лучше хорошенько потрудиться, но обеспечить каждую семью отдельным домом. Это служит залогом добрых отношений в будущем.

Непогода, снег и холод не задержали строительства — ко времени посещения Кау-джера дома уже были закончены, и Ривьеры устанавливали колесо с лопастями у водопада, по которому предполагали сплавлять деревья, срубленные на плоскогорье. Джимелли и Ивановы расчищали землю, готовясь к тому времени, когда можно будет впрягать в плуг рогатый скот, для которого Гордоны уже устроили просторные загоны.

Кау-джер был просто восхищен этими людьми, обладавшими такой целеустремленностью. Он считал, что если даже все старания этих тружеников окажутся напрасными, то их творческая активность все равно неизмеримо выше унылой пассивности других эмигрантов.

Последние, словно большие дети, радовались солнцу, пока оно светило; а как только небо заволакивалось тучами, снова скрывались в своих убежищах и жили в заточении, как и в прошлом году, выходя на воздух только в ясную погоду. В течение месяца редко выдавались погожие дни. Наступило 21 июня — день зимнего солнцестояния в южном полушарии.

За это время, проведенное в бухте Скочуэлл, взаимоотношения эмигрантов заметно изменились. Ссоры или новые привязанности вызвали некоторые перемещения среди обитателей сборных домов. Определились и отдельные группировки — ни дать ни взять, маленькие островки, возвышавшиеся на водной глади.

Одна из таких групп состояла из Кау-джера, обоих огнеземельцев, Хартлпула и семейства Родсов. К ним тяготел экипаж «Джонатана», включая Дика и Сэнда.

Во вторую группу входили люди тоже спокойные и серьезные — четверо рабочих, законтрактованных Обществом колонизации: Смит, Райт, Лоусон и Фок, и еще человек пятнадцать рабочих, отправившихся на «Джонатане» на свой страх и риск.

Третье объединение насчитывало всего пять членов — это были японцы, жившие в молчаливом и таинственном уединении.

Вождем четвертой группы являлся Фердинанд Боваль. Этот пылкий оратор, подобно магниту, притягивал к себе около полусотни эмигрантов. Из них пятнадцать—двадцать были рабочие, остальные — земледельцы.

Пятую, немногочисленную группу возглавлял Льюис Дорик. Перед ним особенно раболепствовали матрос Кеннеди, повар Сердей и еще пять-шесть человек, выдававших себя за рабочих, хотя добрая половина из них, несомненно, входила в корпорацию профессиональных преступников. К этому воинствующему ядру присоединялись, скорее пассивно, чем активно, Лазар Черони, Джон Рам и еще с десятка безвольных алкоголиков — марионеток, пляшущих под дудку вожаков.

В шестую, и последнюю, фракцию входили все остальные переселенцы. Они также подразделялись на множество мелких ячеек, в зависимости от личных симпатий и антипатий, но в целом их объединяло полнейшее равнодушие ко всему на свете и исключительная податливость.

Все остальные были одиночки — такие, как Фриц Гросс, дошедший до последней степени отупения, братья Муры, которые из-за буйного нрава не могли ни с кем дружить больше трех дней, а также Паттерсон, ведущий странную замкнутую жизнь вместе с двумя своими приспешниками, Блэкером и Лонгом, и вступавший в контакт только с тем, от кого мог получить выгоду.

Из всех партий, если такое определение не покажется излишним претенциозным, группа Льюиса Дорика лучше других сумела использовать сложившуюся обстановку. И больше всех повезло именно ему самому.

Этот человек жил согласно своим принципам. Когда позволяла погода, он охотно посещал чужие дома и палатки. Под предлогом, что частная собственность — аморальное понятие и что все принадлежит всем и ничего — каждому, он завладевал лучшим местом у огня и бесцеремонно присваивал все вещи, которые ему приглянулись. Тонкое чутье позволяло Дорику угадывать тех, кто мог бы дать ему резкий отпор. С ними он не связывался. Но зато слабых, нерешительных и глупых людей бывший преподаватель обирал без зазрения совести. Несчастные эмигранты, буквально терроризированные невероятной наглостью и повелительным тоном политика-грабителя, безропотно позволяли обирать себя до нитки. Доста-

точно было Дорику уставиться на них своим холодным пристальным взглядом, как у тех слова застревали в горле. Никогда еще этот субъект не имел подобного успеха. Для Льюиса Дорика остров Осте стал настоящей землей обетованной!

Справедливости ради следует отметить, что он не отказывался применять свою теорию и в отношении самого себя. Если Дорик бессовестно отнимал чужое, то он во всеуслышание заявлял, что и другие вправе брать все, что принадлежало ему. Такое великодушие казалось тем более поразительным, что Дорик абсолютно ничего не имел. Хотя... судя по тому, как разворачивались события, вполне можно было предположить, что его материальное положение вскоре изменится.

Последователи Дорика шли по его стопам. Не будучи столь же ловкими вымогателями, они все же стремились не отставать от своего учителя. Еще немного усилий, и к концу зимы все общественное имущество перешло бы во владение этих ярких противников частной собственности.

Кау-джер знал о всех злоупотреблениях и удивлялся странному применению принципов свободы и равенства, походивших на его собственные теории. Воспрепятствовать тирании Дорика? Но по какому праву стал бы он вмешиваться? И на каком основании он мог защищать одних людей (которые даже не зывали о помощи!) против других, в конце концов, им подобных?

Да, кроме всего, у него хватало и собственных дел. Чем дольше тянулась зима, тем больше становилось больных, и Кау-джер уже был не в силах справиться один. 18 июня от воспаления легких умер пятилетний ребенок. Это была третья смерть, посетившая остров Осте после кораблекрушения «Джонатана».

Переживания Хальга также волновали Кау-джера. Он читал в сердце своего молодого друга, переполненным наивной любовью, как в раскрытой книге. Чем же все это кончится, когда эмигранты навсегда покинут архипелаг Магальянес? Неужели Хальг захочет последовать за Грациэллой? И не погибнет ли он от горя и нужды там, в чужих краях?

И как раз 18 июня Хальг вернулся после обычного посещения семьи Черони особенно встревоженный. Кау-

джер даже не успел расспросить его, как юноша сам сообщил, что накануне, после его ухода, Лазар снова напился и буйствовал.

Кау-джер задумался. Если Черони пьянствует, значит, он сумел где-то раздобыть вино. Разве груз с «Джонатана» больше не охраняется командой?

Хартлпул заверил Кау-джера, что спиртные напитки по-прежнему находятся под охраной. Но, так или иначе, факт был налицо. Боцман обещал усилить бдительность.

И вот 24 июня, через три дня после солнцестояния, произошло вроде бы ничем не примечательное событие, которое, однако, впоследствии оказалось весьма значительным. В этот день стояла прекрасная погода. Легкий южный бриз расчистил небо, а небольшой морозец подсушил землю. Привлеченные бледными лучами солнца, очерчивавшего на горизонте низкую дугу, эмигранты выползли из своих жилищ.

Разумеется, Дик и Сэнд, которых вообще никакое ненастье не могло удержать дома, находились среди любителей свежего воздуха. Вместе с Марселем Норели и еще двумя мальчиками их возраста друзья затеяли игру в классы. Забыв обо всем на свете, ребята не обратили ни малейшего внимания на расположившуюся поблизости группу взрослых, которые играли в шары. Среди игроков был и Фред Мур, давнишний враг Дика.

Случилось так, что юла взрослых покатилась в «классы» ребят. Как раз в это время Сэнд завершал самую трудную серию прыжков. Погруженный в свое занятие, он не заметил юлу и нечаянно задел ее ногой. Кто-то схватил мальчика за ухо.

— Эй ты, щенок! Поосторожнее! — произнес грубый голос.

Сэнд от боли заплакал.

Наверно, дело тем бы и кончилось, если бы не строптивый нрав Дика, заставивший его вмешаться в произошедший инцидент.

Внезапно Фреду Муру (это был он) пришлось отпустить ухо мальчика и защищаться самому — неизвестный союзник Сэнда больно ущипнул эмигранта сзади. Что ж, в бою каждый применяет свое оружие! Обернувшись, Мур столкнулся лицом к лицу с дерзким мальчишкой, уже однажды насолившим ему.

— Как? Опять ты, наглец! — воскликнул Фред Мур, протянув ручищу, чтобы наказать маленького смельчака.

Но Дик отнюдь не походил на Сэнда. Его не так-то легко было поймать. Дик отскочил в сторону и пустился наутек. Фред Мур погнался за ним, изрыгая проклятия.

Всякий раз, когда враг уже настигал его, Дик ловко увертывался, а эмигрант, все больше распаляясь, хватал руками воздух. И все же силы оказались слишком неравными. Как ни изворачивался беглец, положение его вскоре стало безнадежным. Уж слишком были длинны ноги у Фреда Мура!

Но в то самое мгновение, когда преследователю оставалось только протянуть руку, он вдруг споткнулся и во весь рост растянулся на земле. Воспользовавшись этим, Дик и Сэнд удрали со всех ног.

Оказалось, что Фред Мур споткнулся о палку, вернее, о костыль Марсея Норели. Чтобы выволить друга из опасности, малыш использовал единственное доступное ему средство — бросил костыль под ноги обидчику. Радуюсь удаче, он громко расхохотался, даже не подозревая, что совершил героический поступок. Героический потому, что, лишившись возможности двигаться, обрек себя на наказание, предназначавшееся другому.

Мур в бешенстве вскочил на ноги, одним прыжком очутился возле Марсея Норели и поднял его, как перышко. Внезапно поняв истинное положение дел, мальчик перестал смеяться и пронзительно закричал. Но эмигрант, не обратив внимания на крики, уже занес огромную лапу, чтобы дать ему увесистую затрещину.

Он не успел сделать это. Кто-то незаметно подошел сзади, и, властным движением удержав его руку, осуждающе произнес:

— Что вы, господин Мур!.. Ведь это ребенок...

Фред обернулся. Кто посмел указывать ему? Он узнал Кау-джера, который подчеркнуто спокойным и порицающим тоном закончил:

— ...да еще увечный.

— Не ваше дело! — крикнул Фред Мур. — Отпустите, а то я...

Но Кау-джер, казалось, отнюдь не был расположен выполнить этот приказ. Резким движением Мур попытался освободиться, но безуспешно: Кау-джер обладал

Резким движением Мур попытался освободиться, но безуспешно.

стальной хваткой. Вне себя от ярости, эмигрант выпустил Марсея Норели и снова поднял кулак. Кау-джер только сильнее сжал плечо Мура. Видимо, боль стала нестерпимой, и тот опустил руку; ноги у него подкосились.

Едва Кау-джер разжал пальцы, как Мур, обезумев от злости, выхватил из-за пояса большой крестьянский нож и замахнулся.

К счастью, подоспели остальные перепуганные игроки и усадили озверевшего парня. Кау-джер смотрел на него с грустью и удивлением.

Значит, под влиянием гнева человек становится до такой степени рабом своих страстей? Ведь это существо, которое, брызжа слюной и рыча от ярости, отбивалось изо всех сил, все же оставалось человеком!

— Мы с тобой еще увидимся! — проскрежетал Фред Мур, которого крепко держали четверо здоровенных эмигрантов.

Но Кау-джер только пожал плечами и ушел, не оборачиваясь. Через минуту он уже забыл о нелепой стычке. Правильно ли он поступил, не придавая никакого значения этому случаю? В будущем ему придется убедиться, что у Фреда Мура оказалась не такая короткая память.

5. КОРАБЛЬ НА ГОРИЗОНТЕ!

В начале июля Хальг пережил неожиданное потрясение. Он обнаружил, что у него есть соперник. Тот самый Паттерсон, который по баснословной цене снабдил молодого индейца европейским костюмом, познакомился с семейством Черони и начал упорно обхаживать Грациэллу.

Это открытие привело Хальга в отчаяние. Разве мог он, восемнадцатилетний юнец, полудикарь, бороться с опытным мужчиной, обладателем богатств, казавшихся бедному огнеземельцу несметными?

Но опасения Хальга оказались напрасными. Его простодушная любовь и молодость быстро восторжествовали над всеми преимуществами ирландца. Тот только из упрямства продолжал навещать Грациэллу, ибо его явно задевало неприязненное отношение дочери и матери. Обе едва отвечали Паттерсону на поклон и делали вид, будто не замечают его.

А ловкач не унывал. Он гнул свою линию с обычным хладнокровием и настойчивостью, всегда обеспечивавшими успех всех его начинаний. Впрочем, он не преминул заручиться союзником в лице самого Лазара Черони, который оказывал ирландцу радушный прием и, казалось, одобрял его намерения в отношении Грациэллы. Оба стали закадычными друзьями и частенько уединялись для каких-то таинственных совещаний. Что могло связывать безнадёжного пропойцу с прижимистым кулаком? Что общего между неисправимым кутилой и бессердечным скрягой? Все это сильно беспокоило Хальга. Черони продолжал пьянствовать и все чаще и чаще устраивал дикие сцены жене и дочери. Индеец каждый раз сообщал о его выходах Кау-джеру, а тот, в свою очередь, — Хартлпулу. Но никто не мог установить, каким образом Лазар Черони добывает спиртное.

Палатку с алкогольными напитками стерегли днем и ночью. Шестнадцать членов экипажа дежурили по двое, сменяясь через каждые три часа. Все, включая Кеннеди и Сердея, беспрекословно подчинялись этой необходимости и выполняли все приказы боцмана так, как будто они все еще находились на корабле. Моряки составляли хоть и небольшую, но тесно сплоченную группу. И, кроме того, у них имелись такие незаменимые помощники, как Дик и Сэнд, на которых всегда можно было положиться. Но в данном случае матросы не нуждались в их помощи. Дети, освобожденные от дежурств, пользовались неограниченной свободой и развлекались вовсю.

Однажды Дик, Сэнд и еще несколько их сверстников, играя на берегу моря, обнаружили естественную пещеру, образовавшуюся в прибрежной скале на мысу, ограничивавшем бухту Скочуэлл с востока. Вход в пещеру был обращен на юг и, следовательно, вел прямо на рифы, о которые разбился «Джонатан». Но не это обстоятельство привлекло внимание детей. Там имелось кое-что поинтереснее. В глубине пещеры находилась расщелина, переходившая через несколько метров во вторую пещеру. Она представляла собой длинную галерею, тянувшуюся под землей через весь горный массив и шедшую к третьей, верхней, пещере. Последняя выходила на северный склон скалы, откуда виднелся лагерь. К нему можно было спуститься напрямик, скользя по каменистой почве.

Эта находка пришлась весьма по вкусу юным следопытам. Ребята никому не рассказывали о своем открытии. Цепь пещер стала их царством, она принадлежала только им. Мальчики отправлялись туда крадучись и устраивали там необычайно увлекательные игры, превращаясь то в дикарей, то в робинзонов, то в разбойников...

Какие дикие вопли раздавались под подземными сводами! Какие бешеные гонки происходили в галерее, соединявшей нижнюю и верхнюю пещеры!

Однако передвигаться по этому коридору было опасно, ибо в любую минуту он мог обвалиться: в одном месте свод галереи, приподнятый всего на один метр от земли, держался лишь на каменной глыбе, которая покоилась на наклонной плоскости другого большого камня. Малейшее сотрясение могло вызвать катастрофу. Приходилось ползти на четвереньках и с величайшей осторожностью протискиваться в узкую щель между неустойчивым камнем и стенкой прохода. Но такая опасность, как бы велика она ни была в действительности, отнюдь не пугала ребят, а, наоборот, придавала особую остроту их играм.

Для Льюиса Дорика и его шайки зимовка тоже протекала весьма приятно. Эти молодчики разрешили по своему все социальные проблемы. Они жили в полное удовольствие, будто на завоеванной земле, и не только ни в чем себе не отказывали, но даже делали запасы на случай возможного голода в колонии.

Приходилось только удивляться долготерпению их жертв. Несмотря на то что эксплуатируемые Дориком эмигранты составляли подавляющее большинство, они, видимо, этого не сознавали, и им даже в голову не приходила мысль объединить свои разрозненные силы. Банда Дорика, наоборот, представляла довольно сплоченную группу и проводила тактику запугивания каждого колониста по отдельности. Никто не осмеливался противиться требованиям этих негодяев.

Около полусотни переселенцев во главе с Кароли проводили время в охоте на тюленей.

Охота на тюленей — дело трудное. Сначала нужно долго выждать, пока осторожные животные отважатся вылезти на берег, затем мгновенно окружить, чтобы они

не успели скрыться в волнах. Процедура эта небезопасна, потому что тюлени выбирают для игр самые неприступные скалы.

И все же охотники добились превосходных результатов. Вытопленный тюлений жир мог пригодиться и для освещения, и для отопления жилищ на острове Осте, а шкуры — после возвращения эмигрантов на родину — представляли бы немалую ценность.

Но остальные переселенцы, впавшие в полнейшее уныние, не выползали на воздух, хотя жгучих морозов не было и в помине. Во время холодов, продолжавшихся с 15 июля по 15 августа, ртутный столбик не падал ниже минус двенадцати. Средняя температура равнялась пяти градусам ниже нуля. Кау-джер сказал правду — климат в этих краях не отличался чрезмерной суровостью, и только частые дожди способствовали поддержанию постоянной промозглой сырости, вредно отражавшейся на здоровье. Обычно Кау-джер успешно боролся с болезнями, если только они не поражали уже резко ослабленный организм. В течение зимы погибло восемь человек. Между прочим, их кончина особенно огорчала Льюиса Дорика, так как умирали именно те люди, с которых он собирал наибольшую дань.

Дик и Сэнд горько оплакивали смерть Марселя Нореи. Маленький калека не выдержал климата острова Осте и однажды вечером тихо, без страданий, угас.

Эти печальные события, казалось, мало волновали уцелевших эмигрантов. Исчезновение нескольких человек почти не отразилось на жизни всего поселения. Сообщение о новой смерти только на миг выводило зимовщиков из состояния летаргии. Они как будто уже утратили интерес к жизни, и сил у них хватало только на перебранки и скандалы по любым ничтожнейшим поводам.

Частые беспричинные раздоры между колонистами наводили Кау-джера на горькие размышления. Он был слишком умен, чтобы не видеть истины, и слишком искренен, чтобы уклониться от логических выводов из сделанных наблюдений.

Но самая тягостная жизненная драма, источником которой послужил голод, разыгралась в домике, где жили Паттерсон, Лонг и Блэкер. Как уже говорилось, Блэкер, этот славный парень, страдал — по иронии судьбы —

ненасытным аппетитом. Такое болезненное состояние называется в медицине булимией.

При распределении продуктов Блэкер, как и все остальные, получил свою долю. Но из-за его невероятной прожорливости пайка, рассчитанного на четыре месяца, не хватило даже на два. И тогда начались прежние (если не более сильные) муки голода.

Если бы Блэкер смог преодолеть свою робость, он бы легко выбрался из беды. Стоило обратиться к Хартлпулу или Кау-джеру, и ему выделили бы дополнительный паек. Но парень туго соображал. Ему даже и в голову не приходило совершить такой смелый поступок. Всю жизнь Блэкер находился на самой нижней ступени социальной лестницы и давно уже смирился со своим несчастьем. Бедняга не понимал, какие силы управляют миром, и никогда не стремился как-нибудь противодействовать этим силам, дабы изменить распределение благ на земле.

Блэкер скорее умер бы голодной смертью, чем пожаловался на свою судьбу. Но тут ему на помощь пришел Паттерсон.

Ирландец не мог не заметить, с какой быстротой его товарищ уничтожает продукты, и это обстоятельство навело его на мысль о выгодной сделке. Пока Блэкер поглощал свою долю, Паттерсон всячески ограничивал себя в пище. От скаредности он почти ничего не ел, лишая себя самого необходимого, и даже не стыдился подбирать чужие объедки.

Наконец настал день, когда у Блэкера больше ничего не осталось. Этой-то минуты и ждал Паттерсон. Под видом благодеяния он предложил продать ему за приличную цену часть накопленных продуктов. Сделка была принята с восторгом, тотчас же осуществлена и неоднократно возобновлялась — до тех пор, пока у покупателя не иссякли последние деньги. Сначала Паттерсон, ссылаясь на катастрофическое сокращение запасов, постепенно повышал цены, а когда карманы Блэкера окончательно опустели, закрыл лавочку, не обращая никакого внимания на отчаяние несчастного парня, которого обрекал на голодную смерть.

Блэкер, считая подобное положение естественным результатом все той же силы, правящей людьми, по-преж-

нему не осмеливался роптать. Забившись в угол, сжимая обеими руками втянутый живот, он неподвижно лежал так часами, и только судорожное подергивание лица выдавало его страдания. Паттерсон равнодушно наблюдал за товарищем. Какое значение может иметь смерть человека, у которого нет денег?!

Но в конце концов муки голода победили покорность судьбе. После многочасовой пытки Блэкер встал, покачиваясь, вышел из дому и, побродив по лагерю, куда-то исчез...

Однажды вечером Кау-джер, возвращаясь в свою палатку, чуть не наступил на распростертое тело. Он наклонился и потряс лежавшего человека за плечо. Тот только застонал. Кау-джер дал ему несколько капель укрепляющего средства и спросил:

— Что с вами?

— Я голоден,—едва слышно прошептал Блэкер.

Кау-джер был поражен.

— Голоден? — переспросил он.— Но разве вы не получили продуктов, как все остальные?

Тогда Блэкер прерывавшимся от слабости голосом коротко поведал свою грустную историю — о болезни, вынуждавшей его непрерывно набивать желудок, о том, как у него быстро кончились припасы и как он покупал продукты у Паттерсона, а также о том, как ирландец в течение трех дней не обращал никакого внимания на его жестокие муки.

Потрясенный Кау-джер слушал этот рассказ и не верил своим ушам. Неужели, несмотря на катастрофу и пережитые ужасы, у Паттерсона сохранилась такая немыслимая жадность? Продавец-грабитель, обменивающий на звонкую монету то, что другие люди отдали бы даром! Бессовестный торгаш, отмеривающий жизнь человеку по дням!

Кау-джер ни с кем не поделился своими мыслями. Каким бы гнусным ни казался ему поступок Паттерсона, лучше было оставить его безнаказанным, чем создавать новую причину для волнений. Кау-джер просто выдал дополнительный паек Блэкеру, заверив, что и в дальнейшем он будет получать столько, сколько требуется.

Но имя Паттерсона врезалось в память Кау-джера, и носитель этого имени стал для него прообразом всего

самого отвратительного, что только может заключаться в человеческой душе. Поэтому Кау-джер ничуть не удивился, когда через два дня Хальг снова упомянул об ирландце.

Юноша возвращался после обычного свидания с Грациэллой. Едва увидев Кау-джера, он побежал ему на встречу и сразу выпалил:

— Я узнал, кто достает Лазару Черони спирт!

— Ну да! — обрадовался Кау-джер. — Кто же?

— Паттерсон.

— Паттерсон?

— Он самый! — подтвердил Хальг. — Только что я видел, как ирландец передал Лазару ром. Теперь мне понятно, почему они так сдружились!

— А ты не ошибаешься? — переспросил Кау-джер.

— Нисколько. Самое интересное, что Паттерсон не дает, а продает ром. И даже довольно дорого. Я слышал, как они торговались. Черони жаловался, что все его сбережения уплыли в карман Паттерсона.

Хальг на мгновение остановился, а затем гневно воскликнул:

— Когда у Лазара нет денег на выпивку, он способен на все. Что теперь станется с его женой и дочерью!

— Надо принять меры, — ответил Кау-джер.

И, подумав, сказал тоном легкого упрека:

— Раз уж мы начали разговор на эту тему, давай доведем его до конца. Я никогда не обсуждал с тобой твоего поведения, но знаю, о чем ты мечтаешь. На что же ты надеешься, мой мальчик?

Потупив взор, Хальг молчал. Кау-джер продолжал:

— Скоро, может быть даже через месяц, все эти люди уйдут из нашей жизни. И Грациэлла тоже.

— Почему бы ей не остаться с нами? — возразил юноша, подняв голову.

— А как же Туллия?

— Туллия тоже может остаться.

— И ты думаешь, что она согласится покинуть мужа? — спросил Кау-джер.

Хальг убежденно произнес:

— Нужно сделать так, чтобы она согласилась.

Кау-джер с сомнением покачал головой.

— Грациэлла поможет мне уговорить Туллию! —

с жаром воскликнул молодой индеец. — Она твердо решила остаться здесь, если вы разрешите. И дело не только в том, что девушка больше не в состоянии переносить жизнь с пьяницей-отцом, но еще и в том, что она очень боится кое-кого из эмигрантов.

— Боится? — удивленно повторил Кау-джер.

— Да. И прежде всего — Паттерсона. Вот уже месяц, как он крутится возле нее. И ром-то он доставал Черони лишь для того, чтобы привлечь его на свою сторону. А несколько дней назад появился еще один поклонник, по имени Сирк, из банды Дорика. Этот еще опаснее.

— Чем же он опасен?

— Куда бы ни пошла Грациэлла, он всегда на ее пути. Она не может выйти из дома, чтобы не встретить его. Он пристаёт к ней и говорит всякие гадости. Она пыталась поставить его на место, тогда Сирк стал ей угрожать. Девушка очень боится его. Хорошо еще, что я здесь.

Кау-джер улыбнулся этой вспышке юношеского задора и ласковым жестом усмирил своего воспитанника.

— Успокойся, Хальг, успокойся. Очень прошу тебя сдерживаться. Гнев почти всегда бесполезен, а иногда даже вреден. Помни: насилие никогда не приводит к добру, и, кроме тех случаев, когда приходится защищаться, оно непростительно.

После этого разговора тревога Кау-джера возросла. Он понимал, что появление соперников еще больше усложнит положение семьи Черони, что Хальг, как самый давний поклонник, начнет ревновать и на этой почве могут разыгаться самые непредвиденные события. Кау-джер боялся за юношу.

Ну, а что касается снабжения Черони алкоголем, то открытие Хальга не разрешало проблемы. Ведь выяснилось только одно: кто доставлял Лазару спирт. Но откуда брал его сам поставщик? Неужели Паттерсон, чья ужасная скаредность была теперь известна Кау-джеру, устроил где-нибудь тайник? Это казалось маловероятным. Если даже допустить, что ирландцу, несмотря на строгое предупреждение и наблюдение капитана Леккара, удалось погрузить на «Джонатан» запретный товар, где смог бы он спрятать его после кораблекрушения? Нет, у Паттерсона имелась только единственная возмож-

ность — воровать ром из корабельных запасов. Но каким образом умудрялся он проделывать это? Ведь груз с «Джонатана» охранялся днем и ночью. Кто бы ни был вором — Паттерсон или Черони, — вопрос оставался нерешенным.

Время шло. Наступило 15 сентября. Ремонт «Уэл-Киедж» закончился. К началу навигации шлюпка была готова к спуску.

День увеличивался, предвещая весеннее равноденствие. Через неделю от зимы не останется и следа.

В начале октября в лагере появилось несколько огнеземельцев. Их крайне удивило такое количество людей на острове Осте. Кораблекрушение «Джонатана» произошло в начале зимы, когда мореплавание здесь прекращается, и поэтому никто из жителей архипелага не знал об этом событии. Теперь же, несомненно, новость распространится с невероятной быстротой.

Некоторые «цивилизаторы», вроде братьев Мур, считали необходимым утвердить свое господство над безобидными «дикарями» грубостью и насилием. Один из братьев соблазнился даже скудным имуществом бедных кочевников. Однажды Кау-джер услышал жалобные крики. Звала на помощь молодая индианка, которую обижал Сирк. Мерзавец пытался отнять у девушки кожаные браслеты, вообразив, что они золотые. Получив резкий отпор от Кау-джера, Сирк удалился, осыпав его бранью. Таким образом, уже два эмигранта стали явными врагами этого замечательного человека.

Кау-джера очень обрадовала встреча с друзьями-огнеземельцами, среди которых нашлись и его давние пациенты. Их услужливость, почтительность и горячая благодарность показывали, с какой любовью, чуть ли не обожанием относились они к Кау-джеру.

Однажды, это было 15 октября, Гарри Родс сказал своему новому другу:

— Теперь мне понятно, почему вы так привязаны к этому краю, где делаете столько добра, и почему вам хочется скорее вернуться к индейским племенам. Ведь вы для них настоящее божество...

— Божество? — перебил его Кау-джер. — Почему божество? Разве недостаточно быть человеком, чтобы творить добро?

Гарри Родс не настаивал:

— Пусть так, если это определение вам не по вкусу. Могу иначе выразить свою мысль: только от вас зависело стать королем Магеллановой Земли, пока она еще оставалась свободной.

— Люди даже в состоянии дикости не нуждаются во властителе, — возразил Кау-джер. — Впрочем, теперь над Огненной Землей утверждена власть другой страны...

Последние слова Кау-джер произнес еле слышно. Он казался сильно озабоченным. Этот разговор напомнил ему всю неопределенность его положения. В ближайшем будущем ему придется расстаться с чудесной семьей Родсов, пробудившей в добровольном изгнаннике семейные инстинкты, свойственные каждому человеку. Боль предстоящей разлуки испытывала и вся семья Родсов. Им хотелось, чтобы Кау-джер поехал с ними в африканскую колонию, где его будут так же ценить, любить и почитать, как на острове Осте. Но Гарри Родс даже не решался уговаривать Кау-джера, понимая, что лишь крайне серьезные причины могли вынудить такого человека порвать с обществом. Эти странные и таинственные причины продолжали оставаться для Родса загадкой.

— Вот и кончилась зима, — сказала госпожа Родс, переводя разговор на другую тему. — И в самом деле она оказалась не такой уж лютый...

— Да, мы убедились, — прибавил ее муж, обращаясь к Кау-джеру, — что климат здесь именно таков, как вы говорили. Поэтому некоторые переселенцы не без сожаления покинут остров Осте.

— Зачем же тогда уезжать отсюда? — воскликнул юный Эдуард. — Ведь можно основать колонию и здесь, на Магеллановой Земле!

— Конечно! — засмеялся Гарри Родс. — А как же наша концессия на реке Оранжевой? И контракт с Обществом колонизации? И соглашение с правительством Португалии?

— В самом деле! — не без иронии произнес Кау-джер. — Нельзя же забывать о португальском правительстве!.. Правда, здесь у вас было бы чилийское правительство.... Одно стоит другого!

— Девять месяцев тому назад... — начал Гарри Родс.

— Девять месяцев назад, — перебил его Кау-джер, —

вы высадились бы на свободной земле. Но теперь проклятый договор лишил ее независимости.

Кау-джер вышел из палатки Родсов и устремил взгляд на восток, как бы ожидая появления корабля, обещанного губернатором Пунта-Аренаса.

Назначенный срок настал. Шла уже вторая половина октября. Но море оставалось пустынным.

Понятно, что задержка судна начала беспокоить потерпевших кораблекрушение. Правда, пока они еще ни в чем не испытывали недостатка. Запасы были далеко не исчерпаны, их могло хватить еще на долгие месяцы, но всем хотелось уже прибыть на место. Часть переселенцев боялась второй зимовки на острове Осте и стала поговаривать о посылке шлюпки в Пунта-Аренас.

Мимо Кау-джера, погруженного в раздумье, прошла с вызывающим видом шумная ватага Льюиса Дорика и его приближенных. Эти люди никогда не скрывали недоброжелательного отношения к Кау-джеру, имевшему большое влияние на остальных эмигрантов, и к семье Родсов, пользовавшейся всеобщим уважением. И Кау-джер и Гарри Родс прекрасно сознавали это.

— Вот кого я предпочел бы оставить здесь,— сказал подошедший Гарри Родс.— От этой компании можно всего ожидать. Не сомневаюсь, что и в новой колонии они поднимут смуту.

Вдруг появился Хартлпул и обратился к Кау-джеру:

— Я хотел бы поговорить с вами, сударь.

— Оставляю вас...— начал Гарри Родс.

— Незачем,— прервал его Кау-джер и спросил боцмана: — Что вы хотели сказать мне, Хартлпул?

— Хочу сказать,— ответил тот,— что я выяснил наче-
счет выпивки.

— Значит, действительно кто-то продает Лазару Черони ром из корабельных запасов?

— Так точно.

— И вы обнаружили вора?

— Даже двух — Кеннеди и Сердея.

— У вас имеются улики?

— Совершенно неопровержимые.

— Какие?

— А вот какие. С того самого дня, когда вы мне рассказали о Паттерсоне, я стал подозревать эту парочку.

Черони сам не смог бы додуматься, а Паттерсон — ловкач. Вот я и поручил следить за ним.

— Кому? — осведомился Кау-джер, нахмутив брови. Ему претила всякая слежка.

— Юнгам, — ответил Хартлпул. — Этим парнишкам тоже пальца в рот не клади. Они-то и выяснили, как ларчик открывается. Ребята застигли воров на месте преступления. Вчера — Кеннеди, а сегодня утром — Сердея. Как раз в тот момент, когда те, воспользовавшись невнимательностью второго дежурного, переливали ром во фляжку Паттерсона.

Воспоминание о страданиях Туллии и Грациэллы, а также мысль о Хальге заставили Кау-джера на мгновение забыть свои вольнолюбивые принципы.

— Подлецы! — воскликнул он. — Их надо наказать!

— Я тоже так считаю, — заявил Хартлпул, — поэтому я и пришел к вам.

— А при чем тут я? Поступайте, как вы находите нужным.

Хартлпул с сомнением покачал головой.

— После гибели «Джонатана» у меня уже нет прежней власти. Эти люди не слушаются меня.

— Почему же они слушаются меня?

— Потому что вас они боятся.

Ответ боцмана поразил Кау-джера. Его боятся? Очевидно, он внушает страх только из-за своей физической силы. Неужели всегда и везде в основе всех общественных отношений лежит насилие?

— Что ж, пойдём, — угрюмо сказал он боцману и направился прямо к палатке, где находился груз с «Джонатана». Как раз в эту минуту на пост заступил Кеннеди.

— Вы не оправдали оказанного вам доверия, — строго произнес Кау-джер.

— Что вы, сударь... — смущенно пробормотал матрос.

— Да, вам нельзя доверять, — продолжал ледяным тоном Кау-джер, — с этого дня вы больше не числитесь членом экипажа «Джонатана».

— Но как же... — пытался протестовать Кеннеди.

— Думаю, незачем повторять это еще раз.

— Ну ладно уж. — И Кеннеди смиренно снял свой матросский берет.

Вдруг за спиной Кау-джера раздался чей-то голос:

— По какому праву вы приказываете этому человеку? Кау-джер, обернувшись, увидел Льюиса Дорика, наблюдавшего вместе с Фредом Муром за произошедшей сценой.

— А по какому праву вы спрашиваете меня об этом? — гордо ответил Кау-джер.

Почувствовав поддержку, Кеннеди снова натянул берет и нагло ухмыльнулся.

— Если у меня нет такого права, я беру его сам,—отпарировал Льюис Дорик.— Стоит ли жить на необитаемом острове, чтобы подчиняться какому-то деспоту!

Деспоту?! Нашелся человек, который обвинил его, Кау-джера, в деспотизме!

— А что, неправда? Ведь этот господин привык повелевать,—вмешался Фред Мур, подчеркивая последние слова.— Он — не ровня всем остальным. То приказывает, то запрещает. Уж не король ли он на этом острове?

Дорик и Мур подошли ближе.

— Кеннеди не обязан никому подчиняться,—продолжал Дорик своим резким голосом,—и, если пожелает, снова займет свое место в команде «Джонатана».

Кау-джер не отвечал. Противники придвинулись к нему. Он сжал кулаки.

Неужели придется применить физическую силу для самозащиты? Конечно, он не боялся таких врагов. Их было всего трое, считая Кеннеди. Могло быть и десять. Но какой позор, что мыслящее существо вынуждено употреблять для защиты те же способы, что и животное!

Однако Кау-джеру не пришлось прибегнуть к этому крайнему средству. Гарри Родс и Хартлпул уже спешили к своему другу, готовые поддержать его. Тотчас же Дорик, Мур и Кеннеди ретировались.

Кау-джер с грустью посмотрел им вслед. Вдруг со стороны реки раздалась громкие крики. Кау-джер с друзьями бросились туда и увидели большую толпу. Почти все эмигранты высыпали на берег. Людской водоворот, завихряясь, передвигался с места на место. Что могло вызвать такое возбуждение?

Заметив Кау-джера, из толпы выбежал один из охотников на тюленей и, размахивая руками, еще на бегу закричал:

— Кораблы!.. Корабль на горизонте!..

6. СВОБОДА!

Корабль на горизонте! Никакая другая новость не смогла бы так взволновать переселенцев. Кау-джер, Гарри Родс и Хартлпул присоединились к эмигрантам, которые столпились у края восточного мыса, устремив жадные, взволнованные взоры на юг. Там виднелась узкая ленточка дыма, свидетельствовавшая о приближении парохода.

И вот на горизонте появился и стал медленно увеличиваться корпус корабля. Вскоре уже можно было разглядеть судно водоизмещением около четырехсот тонн. На гафеле развевался флаг, цвета которого пока еще не удавалось определить.

Переселенцы разочарованно переглядывались. Конечно, пароход такого малого тоннажа не сможет забрать всех сразу. Неужели это просто какое-то торговое судно, а не корабль, обещанный губернатором Пунта-Аренаса?

Волнующий вопрос вскоре разрешился. Судно приближалось на всех парах и до наступления полной темноты оказалось на расстоянии трех миль от берега.

— Чилийский корабль, — сказал Кау-джер, когда порыв ветра, развернув флаг, дал возможность разглядеть его цвета.

Спустя три четверти часа, уже в глубокой темноте, лязгание цепей, скользивших в железных клюзах, известило о том, что судно стало на якорь. Только тогда толпа начала расходиться по домам, оживленно обсуждая важное событие.

На заре эмигранты увидели пароход, стоявший в трех кабельтовых от берега. Хартлпул заявил, что это восточное судно чилийского военного флота.

Боцман не ошибся. Действительно это был чилийский военный корабль. В 8 часов утра капитан сошел на берег.

Встревоженные переселенцы моментально окружили его и засыпали вопросами: почему прислали такой маленький пароход? Когда их увезут отсюда? Неужели их оставят на всю жизнь на острове Осте? Капитан не знал, кому отвечать.

Выждав, пока ураган вопросов утих, он прежде всего успокоил эмигрантов. Чили обязательно окажет им

помощь. Прибытие вестового судна доказывает, что о них не забыли.

Затем он объяснил, что чилийское правительство послало военный корабль вместо обещанного спасательного судна только потому, что сначала намеревалось сделать переселенцам одно предложение, которое, возможно, заинтересует их.

И капитан, без дальнейших предисловий, тут же изложил это предложение, весьма неожиданное и странное.

Но, для того чтобы читатель мог правильно оценить замысел правительства Чили, необходимо сделать небольшое отступление.

При освоении западных и южных районов Магеллановой Земли, полученных по договору от 17 января 1881 года, правительство Чили решило сделать искусный ход, используя кораблекрушение «Джонатана» и присутствие на острове Осте множества переселенцев.

Этот договор определял, в общем, чисто теоретические права. Конечно, Аргентина не могла претендовать ни на что, кроме острова Лос Эстадос, части Патагонии и Огненной Земли, переданных под ее суверенитет. А чилийское государство было вольно поступать, как ему заблагорассудится, на своей собственной территории. Но овладеть какой-либо территорией еще недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать другим странам отнять права у первозахватчика. Необходимо получать от этой земли какую-то выгоду, эксплуатируя ее естественные богатства — минеральные и растительные. Необходимо населить эти края, если они необитаемы, развить там индустрию и коммерцию. Одним словом, надо еще колонизировать новые владения. Великолепным примером этого служит колония на побережье Магелланова пролива — Пунта-Аренас, значение которой, как коммерческого центра, растет из года в год. Этот пример побудил Чили осуществить еще одну попытку: привлечь эмигрантов на острова Магеллановой Земли, перешедшие в его владения. Чили захотелось оживить эти плодородные земли, до сих пор брошенные на произвол судьбы.

И вот случилось так, что среди бесчисленных лабиринтов южных проливов, близ острова Осте, разбился большой корабль и что на острове теперь оказалось более тысячи переселенцев разных национальностей, кото-

рые, не преуспев на родине, не убоились отправиться на поиски счастья в самые далекие уголки земного шара.

Чилийское правительство восприняло это событие как неожиданную удачу, которую нельзя упустить, и решило превратить потерпевших кораблекрушение в колонистов острова Осте. Поэтому оно и послало не транспортное, а вестовое судно, поручив капитану передать вышеуказанное предложение.

А предложение и впрямь было соблазнительным. Республика Чили полностью отказывалась от своих прав на остров Осте в пользу переселенцев, получавших эту территорию не в виде временной концессии, а в безраздельное владение, без каких-либо ограничений или условий.

Этот ход был совершенно ясен и понятен, а также чрезвычайно ловок. Отказываясь от острова Осте и немедленно передавая его в эксплуатацию, Чилийское государство тем самым, несомненно, привлекало колонистов и на другие острова, находившиеся в его владении, — Кларенс, Доусон, Наварино и Эрмите. Если новая колония будет процветать (что казалось вполне вероятным), все будущие колонисты, несомненно, узнают, что нечего бояться климата архипелага Магальянес. Всем станет известно о разнообразии растительности и о минеральных богатствах этого края, где пастбища и обилие рыбы благоприятствуют созданию скотоводческих ферм и рыбных промыслов. А следовательно, можно было рассчитывать и на развитие судоходства.

Пунта-Аренас, порто-франко¹, освобожденный от всех таможенных придинок, открытый для кораблей обоих континентов, уже обеспечил себе блестящее будущее. Основав эту колонию, Республика Чили, по существу, закрепила свои законные права на Магеллановом проливе. Имело смысл добиться аналогичного результата и в южной части архипелага. Для этой цели чилийское правительство решило пожертвовать островом Осте (жертва чисто теоретическая, поскольку он был совершенно необитаем) и не только освободить остров от какой-либо контрибуции, но даже передать его в собственность

¹ Порто-франко — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров

колонии, предоставив полную автономию и выделив его из своих владений. Остров становился единственной частью Магеллановой Земли, сохранявшей независимость.

Теперь оставалось выяснить лишь одно: примут ли эмигранты это предложение, согласятся ли променять африканскую концессию на остров Осте.

Чилийское правительство предлагало разрешить вопрос безотлагательно. Вестовое судно, доставившее поручение, должно было увезти окончательный ответ. Командир судна имел все полномочия для заключения договора с представителями эмигрантов. Но ему приказали оставаться здесь не более пятнадцати суток. По истечении этого срока он должен был сняться с якоря, независимо от положительного или отрицательного ответа.

Если бы переселенцы согласились, новая республика незамедлительно получила бы права на владение территорией и смогла бы водрузить на острове свой флаг — такой, какой ей заблагорассудится.

В случае отказа правительство Чили обещало помочь репатриировать потерпевших кораблекрушение. Понятно, что вестовое судно водоизмещением в четыреста тонн не могло перевезти всех даже в Пунта-Аренас. Чилийское государство предполагало обратиться к американскому Обществу колонизации с просьбой выслать спасательное судно, для чего понадобится определенное время — ждать пришлось бы еще несколько недель.

Легко представить себе, какое впечатление произвело предложение Чили!

Переселенцы никак не ожидали чего-либо подобного! Не в силах сразу же прийти к определенному решению в таком важном деле, они сначала только недоуменно переглядывались; а затем все их помыслы обратились к единственному человеку, который, по их мнению, способен был защитить общие интересы. В едином порыве, подтверждавшем и их признательность, и осторожность, и слабость, они обернулись на запад, в сторону реки, где должна была находиться «Уэл-Киедж».

Но шлюпка исчезла. Насколько хватал взгляд, океан был пустынным.

На мгновение люди замерли от неожиданности. Потом толпа всколыхнулась, забурлила. Каждый старался

отыскать того, на кого возлагалось столько надежд. Но — увы! — пришлось примириться с очевидностью. Кау-джер исчез вместе с Кароли и Хальгом.

Эмигранты были поражены. Несчастные уже привыкли во всем полагаться на этого человека, на его разум и самоотверженность. И вот в решающую минуту он бросил их на произвол судьбы. Его исчезновение произвело не меньшее впечатление, чем прибытие корабля.

Гарри Родс был тоже глубоко огорчен, но по другой причине. Он понимал, что Кау-джер покинет остров Осте в тот самый день, когда спасательное судно заберет с собой всех переселенцев. Но почему он не дождался их отъезда? Настоящие друзья так не поступают. Нельзя расстаться навсегда, не попрощавшись.

И что вызвало внезапный отъезд Кау-джера, так похожий на бегство? Неужели появление чилийского судна?

Все предположения казались вероятными, ибо непостижимая тайна окутывала жизнь этого человека, о котором ровно ничего не знали... не знали даже, какой он национальности.

Эмигранты, огорченные тем, что их постоянный советчик исчез именно тогда, когда он был так нужен, стали медленно расходиться, на ходу обмениваясь скупыми замечаниями по поводу удивительного предложения Чили. Никому не хотелось брать на себя ответственность за какое-либо решение.

Целую неделю удивительное предложение Чили обсуждали на все лады. Оно казалось настолько странным, что некоторые не желали принять его всерьез. Гарри Родсу пришлось, по просьбе товарищей, обратиться к капитану за дополнительными разъяснениями, удостовериться в его полномочиях и лично убедиться в том, что Республика Чили действительно гарантирует независимость острова Осте.

Командир вестового судна употребил все свое влияние, чтобы убедить эмигрантов воспользоваться сделанным предложением. Он дал понять, какие причины побуждали его правительство к такому шагу и какие выгоды сулит колонистам территория, передаваемая в их владение. Он не преминул привести в пример процветающий Пунта-Аренас и добавил, что Чили весьма выгодно оказать помощь новой колонии.

— Акт о передаче острова в вашу собственность уже заготовлен,—закончил капитан.—Нужны только подписи.

— Чьи подписи?—спросил Гарри Родс.

— Представителей, избранных общим собранием эмигрантов.

По-видимому, в настоящее время только так и можно было действовать. Позднее, когда колония уже организуется, сами колонисты решат, нужна ли им какая-нибудь власть, и сами выберут тот или иной социальный строй. Чили ни во что не станет вмешиваться.

Чтобы читатель не удивлялся последствиям чилийского предложения, следует отдать себе полный отчет в сложившейся на острове Осте ситуации.

Кем были пассажиры, взятые на борт «Джонатана» для перевозки в бухту Лагоа? Несчастливыми людьми, которым поневоле пришлось эмигрировать. Не все ли равно, где им обосноваться, ежели кто-то будет печься об их будущем, а условия существования будут вполне благоприятными?

С момента их высадки на остров Осте прошла целая зима. Эмигранты убедились, что холода здесь не такие уж лютые, а теплая погода наступает даже раньше и сохраняется дольше, чем в некоторых краях, расположенных ближе к экватору.

В смысле безопасности сравнение оказывалось также не в пользу бухты Лагоа, граничащей с английской территорией, рекой Оранжевой и дикими кафрскими племенами. Конечно, эмигранты были осведомлены об этом грозном соседстве еще до отплытия, но теперь, когда им представилась возможность поселиться на необитаемом острове, полное отсутствие каких бы то ни было опасностей приобретало в их глазах особое значение.

Кроме того, Общество колонизации получило южно-африканскую концессию лишь на непродолжительный срок, и правительство Португалии не собиралось отказываться от своих прав в пользу будущих колонистов. Здесь же, на Магеллановой Земле, эмигранты, наоборот, обретали неограниченные права и свободу, и тем самым остров Осте, переходивший в их собственность, поднимался до ранга суверенного государства.

Имело значение и то обстоятельство, что если эмигранты останутся на острове Осте, им больше уж не при-

дется пускаться в плавание. И, наконец, следовало учесть, что чилийское правительство было крайне заинтересовано в судьбе колонии. Будет установлено регулярное сообщение с Пунта-Аренасом. На побережье Магелланова пролива и на других островах архипелага возникнут фактории. Когда организуются рыбные промыслы, начнется торговля с Фолклендскими островами. Не исключено, что в ближайшем будущем и Аргентина займется своими владениями на Огненной Земле и создаст там поселения, соперничающие с Пунта-Аренасом, или же учредит свою колониальную столицу, подобно столице чилийских колоний на острове Брансвик¹.

Все эти доводы были настолько вескими, что в конце концов победили.

После долгих разговоров выяснилось, что большинство эмигрантов склонно принять предложение Чили.

Приходилось еще раз пожалеть, что Кау-джер так не вовремя покинул остров Осте. Ведь, кроме него, никто не мог дать разумный совет. Вполне вероятно, что он счел бы необходимым согласиться на предложение, которое восстанавливало независимость одного из одиннадцати больших островов архипелага Магальянес. У Гарри Родса, например, не было ни малейшего сомнения в том, что Кау-джер высказал бы именно такое мнение и что к его словам прислушалось бы большинство эмигрантов.

Сам же Гарри Родс принял аналогичное решение, которое (наверно, единственный раз!) совпало с мнением Фердинанда Бовалья, проводившего активнейшую пропаганду за принятие предложения Чили. На что же надеялся бывший адвокат? Неужели он мечтал осуществить свои теории на практике? А в самом деле, какой редкий случай представлялся ему! Каким великолепным полем для экспериментов являлись эти неискушенные в политике люди, которые, как в древние времена, получали в безраздельное владение землю, принадлежавшую отныне всем и никому в отдельности.

Поэтому Боваль буквально лез из кожи, переходя от одной группы к другой, то и дело доказывая правильность своих теорий. Сколько красноречивых слов израсходовал этот человек!

¹ В дальнейшем так и произошло: на побережье пролива Бигл возникло аргентинское поселение Ушуайя. (*Прим. автора*)

Срок, установленный чилийским правительством, истекал, и наконец настал день голосования. В назначенное время, 30 октября, корабль должен был сняться с якоря, и, в случае отказа эмигрантов, все права на остров Осте сохранялись за Чили.

Общее собрание происходило 26 октября. В голосовании приняли участие все совершеннолетние переселенцы — восемьсот двадцать четыре человека. Часть эмигрантов состояла из женщин, детей и молодежи, не достигшей двадцати одного года, а несколько семейств — Гордоны, Ривьеры, Джимелли и Ивановы — отсутствовали.

Подсчет голосов показал, что семьсот девяносто два бюллетеня, то есть подавляющее большинство, было подано за принятие предложения Чили. Против него голосовало только тридцать два человека, придерживавшихся первоначального плана и желавших отправиться в бухту Лагоа. Им пришлось подчиниться решению большинства.

Затем приступили к избранию трех представителей для подписания договора. При этом блистательного успеха добился Фердинанд Боваль. Наконец-то его усилия принесли долгожданные плоды! Он оказался избранным, но переселенцы присоединили к нему Гарри Родса и Хартлпула.

В тот же день три представителя от эмигрантов и капитан от имени правительства Чили подписали соглашение, смысл которого был чрезвычайно прост. Текст состоял всего из нескольких строчек и не давал повода для каких-либо кривотолков.

Сразу же на берегу был поднят остельский флаг — белый с красным, и чилийский корабль салютовал ему двадцатью одним пушечным залпом. Впервые взвившийся на древке, весело реявший на ветру флаг возвещал миру о рождении свободной страны.

7. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО ГОСУДАРСТВА

На рассвете следующего дня вестовое судно снялось с якоря и через несколько минут скрылось за мысом. На нем уехало десять из пятнадцати уцелевших матросов с

«Джонатана». Остальные, в том числе Кеннеди, Серлей и боцман Хартлпул, предпочли остаться на острове.

У Кеннеди и Сердея имелись для этого одни и те же причины: о них уже шла худая молва, и капитаны неохотно нанимали их на корабли. Здесь же оба приятеля рассчитывали на легкую и беззаботную жизнь, понимая, что в новом государстве строгие законы будут введены еще не скоро. А боцмана и еще двух матросов, людей необеспеченных и одиноких, привлекало независимое существование в новой стране, где они надеялись разбогатеть, превратившись из моряков дальнего плавания в самых обычных рыбаков.

Не успел корабль скрыться из виду, как все волнения уже улеглись, и обрадованные эмигранты бросились поздравлять друг друга. Казалось, будто они завершили какое-то трудное и важное дело, хотя в действительности все трудности были еще впереди.

Обычно всякие народные празднества сопровождаются обильной выпивкой. Поэтому все единодушно решили, что сегодня не грех и угоститься; и в то время как хозяйки отправились к своим плитам и кастрюлям, мужчины поспешили в палатку, где находился корабельный груз.

Само собой разумеется, что после провозглашения независимости острова Осте груз этот больше не охранялся. Теперь, когда поселение эмигрантов возвысилось до ранга самостоятельного государства, никто, кроме представителей государственной власти, не имел права распоряжаться государственным имуществом. Впрочем, и охранять это имущество тоже было некому, поскольку большая часть матросов, выполнявших эту обязанность, уехала с острова.

С шутками и прибаутками новые колонисты вышибли дно у бочонка и уже собрались разливать вино, как вдруг кому-то пришла в голову удивительнейшая мысль: ведь ром принадлежит всем! Он — общий. Почему же в таком случае не распределить его сразу, весь, до последней капли? Предложение приняли с восторгом, не считая робких протестов нескольких разумных переселенцев, и порешили, что каждый мужчина получит по целой порции, а женщины и дети — по полпорции. И тут же, в обстановке радостного возбуждения, раздали ром. Главы семейства получили причитающуюся на всю семью долю.

К вечеру празднество было в полном разгаре. Забылись прежние распри. Все колонисты побратались между собой. Нашелся даже любитель-аккордеонист, и начался настоящий бал. Одна за другой закружились пары. Остальные наблюдали за танцующими, потягивая вино.

Лазар Черони, конечно, тоже был тут как тут. С шести часов вечера он уже не держался на ногах, но все еще продолжал прикладываться к фляжке с ромом. Туллия и Грациелла предчувствовали, что для них праздник кончится плохо.

И еще один эмигрант, забившийся в темный уголок, наливал себе стакан за стаканом. Но ужасный яд, отравивший душу этого человека, иногда помогал ему обрести хоть на время былой талант. Внезапно раздались звуки божественной музыки. Танцы прекратились... Фриц Гросс играл долго, несколько часов, импровизируя под влиянием охватившего его вдохновения. Его окружили сотни лиц, смотревших на него во все глаза. Эмигранты застыли на месте, широко открыв рты, будто поглощая поток звуков, лившихся из-под волшебного смычка.

Но самым внимательным, самым увлеченным слушателем был один ребенок. Звуки непостижимой красоты явились для Сэнда откровением. Он чуть ли не впервые узнал, что на свете существует музыка, и с дрожью в сердце проникал в неведомую дотоле сферу. Стоя против музыканта, мальчик застыл словно изваяние. Его очарованную душу пронизывало острое ощущение волнующего счастья.

Какими словами описать эту необычайную картину? Какое-то огромное, нелепое существо, почти потерявшее человеческий облик, опустив голову на грудь и закрыв глаза, с иступлением водило смычком по струнам. Коллеблющееся пламя коптящих факелов резко очерчивало контуры его фигуры на фоне непроглядной ночи. А перед музыкантом — застывший в экстазе ребенок и чуть поодаль — молчаливая, чуть различимая толпа, чье присутствие угадывалось только в те мгновения, когда под порывами ветра ярко вспыхивал огонь факелов. Тогда внезапно из мрака проступали какие-нибудь отдельные черты лица: там — нос... тут — лоб... или подбородок. И тотчас же темнота снова стирала все. А над толпой

то взмывали к звездам, то угасали в ночи нежные и могучие звуки скрипки.

Около полуночи Фриц Гросс выронил смычок и погрузился в тяжелый сон. Эмигранты начали медленно расходиться по домам.

А на следующий день все эти ночные впечатления, навеванные неземной музыкой, уже испарились. Попойка возобновилась, и казалось, что кончится она только тогда, когда иссякнут крепкие напитки.

Через два дня после ухода вестового судна, когда переселенцы еще веселились вовсю, к острову причалила «Уэл-Киедж». Никто будто и не заметил, что шлюпка отсутствовала две недели, и возвратившихся встретили так, словно они никуда и не уезжали. Кау-джер никак не мог понять, что здесь произошло, что означал незнакомый флаг, водруженный на берегу, и чему так радуются переселенцы?

В нескольких словах Гарри Родс и Хартлпул ввели его в курс последних событий. Кау-джер выслушал их рассказ с глубоким волнением. Неуемная радость преобразила его лицо. Так значит, на архипелаге Магальянес еще уцелела частица свободной земли!

Однако он не упомянул о причинах, побудивших его уехать. Разве мог Кау-джер объяснить Гарри Родсу, почему, решив навсегда порвать все связи с цивилизованным миром, он скрылся, полагая, что командир вестового судна уполномочен утвердить на острове Осте власть Чили? Как объяснить Родсу, почему он выжидал ухода корабля в глубине одной из бухт полуострова Харди?

Впрочем, друзья, обрадованные встречей, ни о чем не расспрашивали Кау-джера. Для Гарри Родса и Хартлпула одно присутствие этого хладнокровного и энергичного человека, обладавшего безграничной добротой и обширными познаниями, представляло немалую моральную поддержку, так как их вера в будущее была сильно поколеблена безрассудным поведением переселенцев.

— ...Несчастные восприняли дарованную им независимость как право напиваться допьяна, — закончил свой рассказ Гарри Родс. — Они как будто и не помышляют о создании какой-то организации и установлении определенной власти.

— Ну что ж, это вполне простительно,— добродушно отозвался Кау-джер.— Ведь до сих пор они были полностью лишены развлечений. Когда протрезвеют, они займутся серьезными вещами. Что же касается установления власти, признаюсь, я и сам не вижу в этом никакой необходимости.

— Но кто-то должен навести здесь порядок,— возразил Гарри Родс.

— Чепуха! — заявил Кау-джер.— Порядок установится сам собой.

— Однако, если судить по прошлому...— продолжал Гарри Родс.

— Что было, то прошло,— решительно прервал его Кау-джер.— Вчера ваши товарищи по несчастью еще чувствовали себя гражданами Америки или Европы. А теперь они остельцы. Это большая разница.

— Значит, вы считаете, что они...

— Пусть они живут на острове спокойно, раз это их земля. Эмигрантам повезло, ибо здесь нет никаких законов. И незачем создавать их. Если бы не предвзятые идеи, сложившиеся в результате векового рабства, люди всегда договорились бы между собой. Земля предлагает человечеству свои щедрые дары. Пусть оно черпает их по мере сил и возможностей и пусть наслаждается равномерным, братским и справедливым распределением земных богатств. К чему ограничивать это законами?

Гарри Родс, видимо, не разделял оптимистических взглядов Кау-джера, однако ничего не возразил. В разговор вмешался Хартлпул:

— Но, поскольку братские чувства этих парней проявились пока что только в общих попойках, мы решили спрятать от них оружие и порох.

Общество колонизации погрузило на «Джонатана» шестьдесят ружей, несколько бочонков с порохом, пули и патроны, чтобы в бухте Лагоа эмигранты могли охотиться и защищаться от соседних диких племен. Никто и не вспомнил об этом оружии, кроме Хартлпула. Воспользовавшись общей суматохой, боцман решил спрятать его в пещерах, о которых рассказал ему Дик. В первую же ночь празднеств он, с помощью Гарри Родса и обоих юнг, перенес ружья и боеприпасы в верхнюю пещеру и завалил грудой ветвей. С этой минуты Хартлпул почувствовал се-

бя спокойнее. Кау-джер одобрил предусмотрительность боцмана.

— Правильно сделали, Хартлпул,— сказал он.— Пусть сначала все войдет в привычную колею. Впрочем, здесь, на острове, людям ни к чему огнестрельное оружие.

— Да у них его и нет,— ответил боцман.— Общество колонизации строго следило за эмигрантами. При посадке их обыскивали, проверяли багаж и отбирали огнестрельное оружие. А то, что спрятано в пещере, никто не отыщет, так что...

Вдруг Хартлпул остановился, как бы вспомнив о чем-то, и воскликнул:

— Тысяча чертей! Ведь у них все-таки осталось кое-что, раз мы нашли только сорок восемь ружей из шестидесяти. Сначала я подумал, что произошла какая-то ошибка, но теперь припоминаю, что эти двенадцать недостающих ружей взяли с собой Ривьеры и их друзья. К счастью, это надежные люди, так что опасаться нечего.

— Осталась другая угроза,— заметил Гарри Родс.— Алкоголь. Сейчас все эмигранты обнимаются и целуются, но это ненадолго. Лазар Черони распоясался окончательно. Пока вы, Кау-джер, отсутствовали, я вынужден был вмешиваться в его семейные дела, иначе он приколол бы свою жену.

— Чудовище! — сказал Кау-джер.

— Такое же, как все пьяницы... Во всяком случае, обоим женщинам повезло, что вернулся Хальг. Да, кстати, как поживает наш юный дикарь?

— Что вам сказать? Вы ведь знаете его душевное состояние и сами понимаете, что Хальг уехал отсюда крайне неохотно. Мне пришлось дать ему слово, что мы вернемся. Поскольку семья Черони остается на острове, положение вещей, конечно, значительно упрощается. Но, с другой стороны, все усложняется пьянством отца Грациэллы. Будем надеяться, что, когда запасы рома истощатся, он утихомирится.

Пока друзья обсуждали его судьбу, Хальг, оставив «Уэл-Киедж» на попечении отца, бросился к любимой девушке. Какая это была радостная встреча! Правда, вскоре радость сменилась печалью. Грациэлла рассказала о новых пытках, которым Лазар подвергал семью. Ко всем

прежним бедам прибавилось еще ухаживание подлого Паттерсона, а главное, грубые приставания Сирка, так что теперь девушка не могла шагу ступить, чтобы не столкнуться с этим подонком, способным на любую пакость. Хальг, слушая Грациэллу, дрожал от негодования.

Лазар Черони громко храпел в углу палатки, отсыпаясь после очередной пьянки. Надеяться на его исправление уже не приходилось.

К этому времени праздник превращался в свою противоположность. Веселое, благодушное настроение исчезло. На некоторых физиономиях появилось злобное выражение. Ром оказывал свое действие.

Утром многие колонисты проснулись с тяжелой головой и снова потянулись к стакану. Постепенно на смену первому приятному опьянению пришло тяжкое похмелье, которое в дальнейшем грозило перейти в настоящее буйство.

Некоторые эмигранты, почувствовав надвигавшуюся опасность, стали выходить из игры. Вскоре к ним вернулся здравый смысл, заставивший их задуматься о дальнейшем.

Это была трудная, но вполне разрешимая проблема. На территории острова, равной почти двумстам квадратным километрам, где было немало плодородных земель, лесов и пастбищ, могла прокормиться не только ничтожная кучка потерпевших кораблекрушение, а целая армия людей, правда, при условии, что они расселятся по всему острову, а не осядут лишь в бухте Скочуэлл. У колонистов было вполне достаточно и сельскохозяйственных орудий, и семян для посева, и саженцев. Подавляющее большинство эмигрантов и прежде занималось земледелием, так что дело это было привычное и не представляло для них никакой трудности. Конечно, вначале будет чувствоваться нехватка домашнего скота, но со временем, благодаря помощи чилийского правительства, из Патагонии, из аргентинских пампасов, с бескрайних равнин Огненной Земли и даже с Фолклендских островов сюда доставят коров, лошадей и овец. Таким образом, в принципе — никаких препятствий для успешного развития колонии; при условии, конечно, если колонисты приложат максимум усилий.

Но, к сожалению, лишь немногие сознавали, что необходимо сразу же приступить к работе. Люди эти (а прежде других Паттерсон), не теряя времени, отправились к палатке с корабельным грузом и отобрали нужные им предметы. Одни взяли лопаты, кирки и косы; другие — все необходимое для разведения скота; третьи — топоры и пилы для лесных разработок, и т. д. Затем колонисты впряглись в самодельные повозки и двинулись на поиски подходящих земельных участков.

Паттерсон остался на прежнем месте, на берегу реки. С помощью Лонга и Блэкера (последний, несмотря на печальный опыт, все еще жил у ирландца) он огородил участок земли, которым завладел с самого начала по праву первого захвата, и обнес его с трех сторон изгородью из толстых кольев. Четвертая сторона граничила с рекой. Затем все трое вскопали землю, разделили грядки и засеяли семенами овощей. Паттерсон надумал заняться огородничеством.

После двухдневного пьяного веселья те переселенцы, которые раньше других почувствовали, что празднества в честь получения независимости слишком затянулись, постепенно стали приходить в себя. Вскоре они обнаружили, что кое-кто из их товарищей уже успел обеспечить себя нужными материалами и инструментом, привезенными «Джонатаном». Но поскольку на складе было всего еще вдоволь, то и последующие группы колонистов взяли себе не только все необходимое, но и кое-что лишнее — про запас.

Мало-помалу веселая компания распадалась. Ежедневно новые и новые вереницы нагруженных людей отправлялись в глубь острова. Вскоре почти все колонисты покинули бухту Скочуэлл, кто толкая перед собой грубо сколоченную тачку, кто сам навьюченный, как осел. Уходили в одиночку или вместе с женами и детьми.

Корабельные запасы понемногу стали таять. Опоздавшие уже не могли рассчитывать на богатый выбор. Правда, продуктов было еще много, потому что из-за трудностей перевозки эмигранты брали провизию в обрез. Но с сельскохозяйственным инвентарем дело обстояло гораздо хуже. Более чем тремстам колонистам не досталось ни домашних животных, ни птицы. Пришлось

им удовольствоваться лишь орудиями для обработки земли, забракованными первыми ушедшими партиями.

Последним опоздавшим не повезло и с земельными участками. Напрасно исколесили они весь остров — все хорошие земли были уже заняты.

Через шесть недель после отплытия рассылного судна из лагеря ушли почти все эмигранты, способные владеть лопатой и киркой. Теперь в поселении насчитывался всего восемьдесят один житель. Люди эти, в силу прежних занятий, не могли приспособиться к нынешним условиям, и многие из них вынуждены были владеть жалкое существование.

Все они (за исключением Паттерсона да еще десятка крестьян, задержавшихся в лагере из-за болезни) были горожанами. Среди них находились Джон Рам, Боваль, семья Родсов, Дорик, Фриц Гросс, Лонг и Блэкер, семья Черони, пять моряков — Кеннеди, повар Сердей, боцман и двое юнг, — а также сорок три рабочих или причислявших себя к таковым, упорно отказывавшиеся от крестьянского труда. И, наконец, Кау-джер и оба индейца — Хальг и Кароли.

Три друга продолжали жить на левом берегу реки, у устья которой, в глубине бухты, укрытая от морских бурь, стояла на якоре «Уэл-Киедж». Ничто не изменилось в их жизни, разве только то, что из простой индейской хижины, плохо защищавшей от непогоды, они переехали в настоящий, деревянный дом. Теперь, когда Кау-джера уже не волновал вопрос об отъезде с острова, ему хотелось устроиться как-то поудобнее.

Итак, Кау-джер решил больше не возвращаться на остров Исла-Нуэва. Раз эта земля свободна, он останется здесь до конца своих дней. Такое решение, полностью отвечавшее желаниям Хальга, привело юношу в полный восторг. Что же касается Кароли, то он, как всегда, беспрекословно подчинился своему другу, хотя на новом месте его заработки лоцмана значительно сократились.

Но Кау-джер учел это обстоятельство. На острове Осте вполне можно было прожить охотой и рыбной ловлей. А если бы этот источник существования оказался недостаточным, не исключались и другие возможности. Во всяком случае, Кау-джер, не желая никому быть обя-

занным, категорически отказался от предназначенной ему доли продуктов, но взял себе сборный дом.

Теперь, когда эмигранты разбрелись по всему острову, многие дома пустовали. Один из них перенесли по частям на левый берег и за несколько дней отстроили заново.

Когда дом был готов, Кароли и Хальг отправились на остров Исла-Нуэва и через три недели привезли оттуда все имущество. На обратном пути они встретили судно, нуждавшееся в лоцмане. Проводка несколько задержала индейцев, но зато они обеспечили себя продуктами и порохом на всю зиму.

Затем жизнь вошла в обычную колею. Кароли и Хальг ловили рыбу и добывали соль, необходимую для консервирования мяса и рыбы, а Кау-джер охотился.

При этом он исходил остров вдоль и поперек, побывал почти у всех колонистов и убедился, что с самого начала они оказались в разном положении. Зависело ли это от врожденного мужества, от предприимчивости, от случайной удачи или от работоспособности переселенцев, трудно было сказать. Так или иначе, уже теперь четко определились достижения одних и неудачи других.

У четырех семейств, первыми приступивших к работе, дела процветали. Это объяснялось, видимо, тем, что за это время они успели приобрести нужный опыт. Лесопильня Ривьеров работала полным ходом, и пиленого леса накопилось столько, что хватило бы на загрузку двух-трех больших кораблей.

Жермен Ривьер встретил Кау-джера очень сердечно, расспросил о событиях в лагере и пожалел, что не участвовал в выборах правительства колонии. Интересно, какую же организацию приняло большинство? Кого избрали губернатором?

К своему разочарованию, Ривьер узнал, что никаких событий, кроме упомянутых, не произошло. Просто эмигранты постепенно рассеялись по всему острову, даже не позаботившись об организации управления колонии. Но еще больше поразило Жермена Ривьера то, что его собеседник, к которому он испытывал глубочайшее уважение, казалось, одобрял их беспечность.

Колонист показал Кау-джеру штабеля досок, высвешенные вдоль берега:

— А мой лес? Если нет государственной организации, кому же я смогу сбывать его?

— Этим займется тот, кому это будет выгодно. Но я не беспокоюсь за вас. Убежден, что вы и сами сумеете сбыть свой лес.

— Каждый хочет получить вознаграждение за свой труд, — ответил Ривьер, — и если на острове Осте мне не повезет, я уеду. Поищу такие края, где легче заработать на жизнь. Добраться туда я сумею, как вы сказали, сам. И другие уедут вместе со мною. А у кого не хватит сил, тем останется только протянуть ноги.

— Оказывается, вы честолюбивы, господин Ривьер!

— Да уж иначе я не стал бы так лезть из кожи! — ответил Ривьер.

— А вообще стоит ли лезть из кожи?

— Еще бы. Если бы люди работали в полсилы, земля и поныне оставалась бы такой же, какой была в самом начале своего возникновения, и прогресс был бы пустым словом.

— Прогресс! — с горечью усмехнулся Кау-джер. — Он совершается в пользу очень немногих...

— Самых разумных и энергичных.

— В ущерб большинству людей.

— Людей ленивых и слабовольных. Эти всегда гибнут в борьбе за существование. При разумной власти они хотя и будут бедствовать, но все же сохраняют жизнь, а предоставленные самим себе умрут голодной смертью.

— Для того чтобы выжить, нужно не так уж много!

— Хм... Особенно много нужно людям слабым, больным или неприспособленным. Этим всегда нужна власть. Если не будет законов, которые в конечном счете всегда необходимы, беднякам придется переносить тиранию более сильных личностей.

Кау-джер с сомнением покачал головой.

Соседи Ривьеров произвели на Кау-джера такое же благоприятное впечатление. Джимелли и Ивановы засеяли несколько гектаров рожью и пшеницей. Уже зазеленели молодые ростки, обещавшие обильный урожай. Правда, у Гордонов дела обстояли похуже. Их обширные, тщательно огороженные пастбища были почти пусты. Но колонисты надеялись, что скоро поголовье скота увеличится и они получат вдоволь молока и мяса.

В свободное от охоты и рыбной ловли время Кауджер, Кароли и Хальг обрабатывали маленький огорожок возле их дома. Таким образом они полностью обеспечили себя пищей и ни от кого не зависели.

Семья Черони, также переселившаяся в один из опустевших домов, начала понемногу оправляться от перенесенных волнений. Черони наконец перестал пить по той простой причине, что на всей территории острова больше не осталось ни капли спиртного. Но от последних пьянок здоровье Лазара сильно пошатнулось. Теперь он целыми днями неподвижно сидел перед домом и грелся на солнышке, уныло уставившись в землю. У него непрерывно дрожали руки.

Напрасно Туллия, со своим обычным неистощимым терпением и добротой, старалась вывести мужа из оцепенения. Все ее усилия не приводили ни к чему, и бедной женщине оставалось только надеяться, что со временем муж отвыкнет от алкоголя и выздоровеет.

Хальг считал, что жизнь стала намного приятнее с тех пор, как в семье Черони наступил период затишья. Кроме того, все происходившие события, связанные с Грациэллой, принимали для него весьма благоприятный оборот. С отцом девушки, так враждебно относившимся к нему, уже не приходилось считаться. А один из соперников молодого индейца, ирландец Паттерсон, окончательно вышел из игры и больше не показывался: вероятно, сам понял, что без союзника в лице отца ему не на что было рассчитывать.

Но зато второй поклонник, Сирк, не складывал оружия. С каждым днем он становился все наглее и наглее, дошел до прямых угроз Грациэлле и даже начал нападать, правда исподтишка, на Хальга. В конце декабря юноша случайно встретился с этим типом лицом к лицу и услышал какие-то бранные слова, несомненно относившиеся к нему. Через несколько дней, когда Хальг возвращался домой, кто-то, спрятавшись за стеной дома, бросил камень, пролетевший у самой его головы.

Хальг, воспитанный на идеях Кауджера, не жаждал отомстить тому, кто подло напал на него из-за угла, хотя прекрасно понимал, что это дело рук Сирка. И в последующие дни юноша не поддавался на провокации противника.

Если Лазар Черони, пребывавший в состоянии отупения, не страдал от праздности, другие эмигранты оказались в ином положении. Поскольку они не знали, как убить время, наиболее разумные невольно стали помышлять о будущем. Остались на острове Осте? Прекрасно! Но ведь надо чем-то жить. Сейчас, конечно, у них есть продукты, а что будет дальше?

Поэтому правильно поступили, вероятно, те, кто решились пуститься на поиски пропитания. Охота была невозможна из-за отсутствия ружей. Хлебопашество — из-за полного неумения обрабатывать землю. Оставалось рыболовство, и они последовали примеру других колонистов, уже давно занимавшихся этим промыслом.

Кроме Кау-джера и обоих индейцев, Хартлпул и четверо бывших матросов также занимались рыбной ловлей. Впятером они начали строить баркас, такой же, как «Уэл-Киедж», а пока ходили в море на легких пирогах, сделанных чрезвычайно быстро по индейскому способу.

Моряки научились от Кау-джера солить рыбу впрок, чем обезопасили себя на будущее от голодной смерти.

Теперь, соблазнившись их успехами, еще несколько эмигрантов из рабочих тоже построили, с помощью плотников, две небольшие лодки и вооружились сетями и удочками.

Но рыбная ловля — дело не простое. Его нужно хорошо изучить на практике, а колонисты не имели никакого опыта. И, в то время как сети индейцев и моряков трещали под тяжестью улова, колонисты зачастую вытягивали одни водоросли. Лишь изредка им удавалось несколько разнообразить свой скудный стол, а чаще всего они возвращались несолоно хлебавши.

Однажды, когда этим горе-рыбакам особенно не повезло, их каноэ встретилось с возвращавшимися домой Хальгом и Кароли. На палубе «Уэл-Киедж» красовалось несколько десятков крупных рыб. Неудачники позавидовали улову индейцев.

— Эй, вы!.. Индейцы! — крикнул кто-то с каноэ.

Кароли направил шлюпку в их сторону.

— Что надо? — спросил он, приблизившись.

— Не стыдно так нагружать лодку только для троих, когда здесь полно голодающих? — шутливо спросил один из эмигрантов.

Кароли засмеялся. Он давно впитал в себя идеи Кауджера о том, что все принадлежащее одному человеку принадлежит всем людям и что каждый должен делиться излишками с тем, у кого нет даже самого необходимого, и поэтому не колеблясь ответил:

— Держите!

— Кидай! — радостным хором ответили те.

Индейцы перебросили половину улова в каноэ.

— Спасибо, приятель! — закричали переселенцы и снова взялись за весла.

Хотя Халыг заметил в каноэ Сирка, он не стал противиться великодушному поступку отца. Там был не один Сирк, да и вообще нельзя отказывать в помощи никому, даже врагу. Как видно, ученик Кауджера делал честь своему учителю.

Но пока одни колонисты старались провести время с пользой, другие пребывали в полной праздности. Для некоторых подобное состояние было вполне обычным явлением. Ну чем, например, мог заняться Фриц Гросс, дошедший до полной деградации, или Джон Рам, неприспособленный к жизни, как малый ребенок?

Ну, а Кеннеди и Сердей? Хотя эти молодцы были людьми иного склада, они тоже бездельничали. Учтя опыт прошедшей зимы, матрос и кок остались на острове и теперь рассчитывали прожить не работая, «на готовых хлебах».

Пока что все шло согласно их расчетам. Большого им и не требовалось, и они вели беззаботное существование, не думая о будущем.

Так же проводили время и Дорик и Боваль. Неподготовленные к своеобразным условиям жизни на необитаемом острове, вплотную столкнувшись с суровой и дикой природой, они оказались выбитыми из колеи. Вся ученость бывшего адвоката и бывшего преподавателя не имела здесь никакого значения.

Разве мог кто-нибудь заранее предвидеть то, что произойдет на острове Осте? Расселение их товарищей по всей территории острова явилось для них подлинной катастрофой и нарушило все их (правда, довольно смутные) планы. Это массовое переселение лишило Дорика его трусливой клиентуры, а Бовалья — многочисленной аудитории.

Однако через два месяца Боваль снова воспрял духом. Если раньше у него не хватало решимости, если события развернулись независимо от его воли, это еще не значило, что все потеряно. То, что не удалось прежде, могло осуществиться в будущем. Остельцы не побеспокоились о том, чтобы выбрать правителя, следовательно, место это оставалось вакантным. Надо было занять его, только и всего.

Ограниченное количество избирателей не служило препятствием к успеху. Наоборот, среди малочисленного населения легче провести избирательную кампанию. Мнение остальных колонистов не принималось в расчет, ибо, рассеянные по всей территории острова, оторванные друг от друга, они не имели никакой возможности договориться о каких-либо совместных действиях. Если же когда-нибудь им и придется снова вернуться в основной лагерь, они найдут здесь уже организованное управление и вынуждены будут примириться с совершившимся фактом.

Итак, Боваль приступил к избирательной кампании и благодаря своему блестящему красноречию довольно быстро отвоевал в свою пользу еще с полдесятка голосов. Тогда он немедленно устроил некое подобие выборов. Из-за множества воздержавшихся — ведь почти никто не признавал важности происходящих выборов — пришлось голосовать дважды. В конечном счете за Бовалья голосовало около тридцати человек.

Избранный при помощи такого ловкого хода, адвокат, принимая свое избрание всерьез, перестал беспокоиться о будущем колонии. Стоит ли быть правителем, если это звание не дает права жить за счет избирателей?

Однако Бовалья теперь угнетали другие заботы. Простой здравый смысл подсказывал ему, что первая обязанность правителя — управление людьми. А это оказалось не так просто, как он воображал раньше.

Пока что его избрание привело к непредвиденным последствиям. Лагерь, в котором оставалась лишь ничтожная кучка людей, почти опустел, ибо колонисты стали уходить из бухты Скочуэлл.

Первым подал пример Гарри Родс. Обеспокоенный неожиданным оборотом событий, он перебрался за реку в тот самый день, когда Бовалю удалось удовлетворить

свои честолюбивые замыслы. Плотники по частям перенесли его дом на левый берег и сделали его, по образцу дома Кау-джера, более комфортабельным и прочным.

Примеру Родса последовали Смит, Райт, Лоусон, Фок, оба плотника — Обар и Чарли, и еще двое рабочих. Так вокруг дома Кау-джера возник настоящий поселок, соперничавший со старым лагерем. Еще раньше тут же обосновались Хартлпул и четыре матроса, так что через три месяца после провозглашения независимости острова Осте в новом поселке насчитывался уже двадцать один житель, в числе которых двое детей — Дик и Сэнд, и две женщины — жена и дочь Гарри Родса.

Здесь ничто не нарушало добрососедских отношений, и жизнь текла спокойно, пока не появился Боваль и не вызвал первый инцидент.

В тот день Хальг в присутствии Гарри Родса завел серьезный разговор с Кау-джером. Юноша просил совета, как вести себя с некоторыми колонистами с того берега. Речь шла о незадачливых рыбаках, которые некогда воспользовались щедростью обоих огнеземельцев. После того как Кароли однажды выполнил их просьбу, они стали попрошайничать всё чаще и чаще, и теперь не проходило дня, чтобы часть улова индейцев не перешла в их руки. Эти люди окончательно потеряли совесть. Видимо, решив, что незачем затрачивать усилия, они просто оставались на берегу, дожидаясь возвращения шлюпки, и требовали, как должного, части добычи.

Подобная бесцеремонность начала злить Хальга, тем более что в шайке бездельников находился его враг — Сирк. Но, прежде чем отказать колонистам, юноша хотел знать мнение Кау-джера.

Кау-джер, Хальг и Гарри Родс сидели на песчаном берегу. Перед ними расстилалась необъятная морская гладь. Выслушав подробный и взволнованный рассказ молодого индейца, Кау-джер ответил:

— Взгляни на это бесконечное пространство, Хальг, и пусть оно привьет тебе более глубокие философские взгляды на жизнь. Ты, незаметная песчинка, затерянная в огромной Вселенной, волнуешься из-за нескольких рыбешек?! Что за безумие! У человека только один долг, мой мальчик: любить людей и во всем помогать им. Те, о которых ты говорил, несомненно не выполнили свой

долг. Но это не причина, чтобы поступать так же, как они. Запомни простое правило: обеспечив себя самым необходимым, ты должен помочь всем остальным. А то, что они злоупотребляют твоей помощью, не имеет ровно никакого значения. Тем хуже для них, а не для тебя.

Халыг почтительно выслушал излагаемые Кау-джером мысли и собирался было ему ответить, как вдруг собака Зол, лежавшая у ног собеседников, тихо зарычала. И тотчас же позади них кто-то позвал:

— Кау-джер!

Кау-джер обернулся:

— А, господин Боваль!

— Он самый... Я хотел бы поговорить с вами.

— Слушаю вас.

Но Боваль начал не сразу. Он был явно смущен. Правда, бывший адвокат заранее приготовил свою речь, но, очутившись лицом к лицу с невозмутимым Кау-джером, как-то странно оробел. Все пышные фразы моментально испарились из его памяти, будто он только сейчас осознал все значение, всю невероятную глупость своего поступка.

Ружье Кау-джера, лежавшее перед ним на песке, вызвало особую зависть Боваля. Ведь оно обеспечивало владельцу полное превосходство над всеми остальными! И разве не было бы естественно и законно, если бы это превосходство принадлежало губернатору, то есть тому, кто представлял интересы всего коллектива?

— Кау-джер,— наконец решился Боваль,— известно ли вам, что меня недавно избрали губернатором острова Осте?

Кау-джер только иронически улыбнулся в ответ.

— Я полагаю,— продолжал Боваль,— что первой моей обязанностью в подобных обстоятельствах является передача на службу общества частного имущества, которое может быть полезно для колонии.

Боваль умолк, ожидая одобрения собеседника, но, так как Кау-джер упорно молчал, заговорил снова:

— У вас, Кау-джер, имеется ружье и шлюпка. Причем то и другое есть только у вас одного. Ваше ружье — единственное огнестрельное оружие во всей колонии, а «Уэл-Киедж» — единственная надежная лодка, на которой можно выйти в море на продолжительное время.

— И вам захотелось присвоить то и другое? Тогда возьмите сами,— спокойно сказал Кау-джер.

Боваль сделал шаг. Зол угрожающе зарычал.

— Должен ли я понимать это так, что вы отказываетесь подчиниться законному главе колонии? — спросил Фердинанд Боваль.

Во взгляде Кау-джера вспыхнул гнев. Он поднял ружье, встал и, ударив прикладом о землю, отчеканил:

— Довольно ломать комедию. Я уже сказал: возьмите у меня ружье сами.

Возбужденный поведением хозяина, Зол оскалил клыки. Боваль, испугавшись злобного пса, а также решительного тона и геркулесовой силы Кау-джера, счел благоразумным дольше не настаивать. Он потихоньку ретировался, бормоча под нос какие-то невнятные слова, смысл которых, видимо, заключался в том, что доложит обо всем случившемся совету и что будут приняты надлежащие меры.

Не обращая больше внимания на «губернатора», Кау-джер повернулся к нему спиной и перевел взоры на море. Однако Гарри Родс счел этот случай весьма знаменательным и решил сделать из него надлежащие выводы.

— Как вы расцениваете предложение Боваля? — спросил он.

— Как можно расценивать слова и поступки этого паяца? — ответил Кау-джер.

— Пусть паяц,— возразил Гарри Родс,— но ведь он все-таки губернатор.

— Сам себя назначил губернатором, потому что во всем поселении не наберется и полсотни колонистов.

— Достаточно и одного голоса, чтобы получить большинство.

Кау-джер только пожал плечами.

— Заранее прошу прощения за несколько нескромный вопрос,— продолжал Гарри Родс,— но скажите откровенно: разве вы не испытываете сожалений или угрызений совести?

— Я?

— Да, вы. Ведь никто из колонистов не знает край, где вы живете уже долгие годы. Никто не знаком с его богатствами и опасностями. При этом только вы обла-

даете умом, энергией и авторитетом, необходимыми для того, чтобы внушить уважение безвольным и невежественным людям. А вы остаетесь безучастным и равнодушным свидетелем их несчастий. Вместо того чтобы привести этих бедняг к победе над силами природы, вы предоставляете им бродить в потемках. Хотите вы этого или нет, но на вас ляжет ответственность за все их грядущие беды.

— Ответственность? — возмутился Кау-джер. — Да разве на меня был возложен какой-нибудь долг, который я не выполнил?

— Долг сильного помогать слабому.

— Но разве я не помогал?.. Разве я не спас людей с «Джонатана»? Разве я отказывал когда-нибудь и кому-либо в помощи или совете?

— Вы могли сделать еще больше, — резко ответил Гарри Родс. — Всякий человек, превосходящий других по интеллекту и нравственным качествам, помимо своей воли или желания, отвечает за других. Вам следовало бы управлять событиями, а не подчиняться им. Вы были обязаны защитить этих неприспособленных к борьбе людей против них же самих и возглавить их.

— Лишив их свободы? — с горечью прервал его Кау-джер.

— А почему бы и нет? — заявил Гарри Родс. — Ясное дело, для хороших людей достаточно убеждения. Но ведь некоторые личности уступают только принуждению — закону и силе.

— Я никогда не применю ни того, ни другого! — с жаром воскликнул Кау-джер.

Помолчав, он снова заговорил, но уже более спокойно:

— Давайте покончим с подобными разговорами раз навсегда. Друг мой, я — непримиримый противник какого бы то ни было правительства. Всю жизнь я размышлял над этой проблемой и пришел к выводу, что не может быть таких обстоятельств, при которых человек имел бы право посягать на свободу себе подобных. События последних месяцев глубоко огорчили меня, но не изменили моих взглядов. Я был, есть и буду одним из тех, кого называют анархистами. Как и у них, мой девиз: «Ни бога, ни властелина». Пусть все сказанное мною

останется между нами, и давайте больше никогда не возвращаться к этой теме.

Итак, хотя действительность и поколебала веру Кауджера, он все же не хотел сознаться в этом и не только не отказался от своих теорий, но продолжал цепляться за них, как утопающий за соломинку.

Гарри Родс выслушал жизненное кредо своего друга, изложенное решительным, не допускающим возражений тоном, и только тяжело вздохнул в ответ.

8. ХАЛЬГ И СИРК

Кауджер считал свободу самым большим благом в мире. Ревниво оберегая собственную, он всегда требовал уважения и к чужой свободе. Но, так или иначе, авторитет его был настолько высок, что люди повиновались ему, как самому деспотичному властителю. Хотя Кауджер никогда не повышал голоса, колонисты принимали любой его совет как приказ и почти все безропотно покорялись ему.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Хальг, несмотря на жгучее желание противодействовать домогательствам грабителей, подчинился убеждениям человека, которого считал своим учителем. Теперь Сирк и его шайка могли безнаказанно проявлять свою наглость, ибо Хальг, хотя и скрепя сердце, все еще продолжал отдавать негодьям часть улова.

Но настал момент, когда линия поведения, намеченная учителем, по логике вещей привела к противоположным результатам.

Хальг вырос у воды и был опытным рыбаком, но и это не всегда гарантирует от случайных неудач. И вот однажды, избороздив море вдоль и поперек, юноша ничего не поймал. Выбившись из сил, он возвращался домой с единственной небольшой рыбой.

Сирк в компании четырех колонистов лежал, лениво развалившись, на песчаном берегу. Они поджидали, как обычно, прибытия «Уэл-Киедж». Как только шлюпка причалила, мужчины поднялись и пошли навстречу Хальгу.

— Нам сегодня опять не повезло, приятель,— сказал

один из них.— Хорошо, что ты вернулся, а то пришлось бы потуже затянуть пояса.

Попрошайки даже не утруждали себя выдумкой. Каждый день они выклянчивали добычу почти в одних и тех же выражениях, и всякий раз Хальг коротко отвечал: «К вашим услугам». Но на этот раз получилось иначе:

— Сегодня ничего не выйдет.

Это крайне удивило просителей.

— Ничего не выйдет? — растерянно повторил один из них.

— Посмотрите сами,— сказал Хальг.— Одна-единственная рыбешка — все, что я поймал.

— Что ж, придется удовольствоваться и этим,— заявил один из друзей Сирка, прикидываясь добродушным.

— Да? А как же я? — возразил юноша.

— Ты?! — возмущенно воскликнули все в один голос.

В самом деле, каков нахал! Неужели этот индеец полагает, что пять культурных людей, оказывающих ему честь, принимая его дары, будут считаться с ним?

— Послушай-ка, неумытая рожа! — воскликнул один из колонистов.— Какой же ты друг после этого? Неужели у тебя хватит совести отказать нам?

Хальг промолчал, полагая, что поступает согласно принципа Кау-джера: «После того, как обеспечишь себя, помоги другим». Учитель сказал: «После того, как...» Одной рыбы явно не хватало на ужин им самим; следовательно, Хальг имел все основания оставить ее себе.

— Ну, это уж слишком! — заявил другой колонист, возмущенный молчаливым отказом индейца, воспринятым как проявление чистейшего эгоизма.

— К чему столько разговоров? — прервал его Сирк вызывающим тоном.— Если черномазый не дает рыбу — возьмем ее силой.— И, повернувшись к Хальгу, крикнул: — Считаю до трех: раз... два... три...

Хальг, не отвечая, приготовился к защите.

— Вперед, ребята! — скомандовал Сирк.

Пятеро мужчин разом набросились на индейца и вырвали добычу у него из рук.

— Кау-джер! — успел крикнуть юноша.

Пятеро мужчин разом набросились на индейца.

Кау-джер и Кароли выбежали из дому. Увидев, что творится, они поспешили на помощь Хальгу.

Нападавшие не ожидали их появления и пустились наутек. Хальг поднялся; хоть и немного помятый, но целый и невредимый.

— Что случилось? — взволнованно спросил Кау-джер.

Молодой индеец рассказал, как все это произошло. Кау-джер слушал, нахмурив брови. Новое доказательство человеческой злобы вновь подрывало все его оптимистические теории. Сколько же еще потребуется фактов, чтобы этот человек признал свое заблуждение и, прозрев, увидел людей такими, какими они являются в действительности?

Но при всем своем альтруизме Кау-джер не мог порицать Хальга. Совершенно очевидно, что правда была на стороне индейца. Учитель только заметил ему, что причина ссоры не стоила столь яростной защиты. Однако на этот раз Хальг не сдался.

— Да ведь все это произошло совсем не из-за рыбы! — воскликнул он, еще разгоряченный борьбой. — Не могу же я, в конце концов, повиноваться им, как раб!

— Ну конечно... конечно, — согласился Кау-джер.

А Хальг, продолжая изливать свое негодование, вдруг выпалил:

— Неужели я буду всегда уступать Сирку!

Не ответив на этот крик возмущенной души, Кау-джер только успокаивающе похлопал юношу по плечу и молча удалился.

Знали ли Сирк и его шайка о продовольственном положении колонии или же их поступки объяснялись просто свойственной им наглостью? Как бы то ни было, только слепец мог не видеть, что колонии грозила самая страшная опасность — голод. А что же происходило в центральных районах острова? Если даже предположить, что там все обстоит благополучно, рассчитывать на создание каких-либо запасов раньше будущего лета не приходилось. Значит, предстояло прожить еще целый год на собственном иждивении, тогда как продуктов оставалось не больше чем на два месяца.

В поселке на левом берегу дела обстояли несколько лучше. Здесь, по совету Кау-джера, с самого начала ре-

шили ввести паек, и все переселенцы всячески старались экономить имевшиеся запасы. Они разводили огороды, ловили рыбу. По сравнению с ними беспечность шестидесяти эмигрантов, проживавших на правом берегу, была просто поразительной. Что ожидало этих лежебок в будущем?

Но вдруг совершенно неожиданно к колонистам пришло спасение.

В Чили вспомнили о своем обещании помогать нарождавшемуся государству. В середине февраля против лагеря в бухте Скочуэлл появился корабль под чилийским флагом. Это парусное судно «Рибарто», водоизмещением в семьсот — восемьсот тонн, под командой капитана Хосе Фуэнтеса, доставило на остров сельскохозяйственные орудия, скот, семена и продукты. Такой ценный груз мог служить залогом успеха колонии при условии, что его используют надлежащим образом.

Едва бросив якорь, капитан Фуэнтес сошел на берег и вступил в переговоры с губернатором острова. Ясное дело, Фердинанд Боваль не постеснялся представиться под этим титулом. Впрочем, адвокат имел на него право, поскольку других претендентов не было. Тотчас же началась разгрузка судна.

Тем временем капитан Фуэнтес решил сразу же, на месте, выполнить порученное ему задание.

— Господин губернатор, — сказал он, — моему правительству сообщили, что некий человек, известный под именем Кау-джера, обосновался на острове Осте. Так ли это?

Боваль подтвердил. Капитан продолжал:

— Значит, наши сведения правильны. Разрешите узнать, что собой представляет этот Кау-джер?

— Он революционер, — простодушно заявил Боваль.

— Революционер?! А что вы понимаете под этим словом, господин губернатор?

— Так же, как и все, я называю революционером человека, который восстает против законов и отказывается подчиняться властям.

— У вас были с ним какие-нибудь осложнения?

— Мне с ним нелегко приходится, — с важностью ответил Боваль. — Кау-джер — своевольная натура... Но я его обуздаю.

Капитан, видимо, заинтересовался полученными сведениями. Подумав, он спросил:

— А можно ли взглянуть на этого субъекта, который уже не раз привлекал внимание правительства Чили?

— Нет ничего проще,— ответил Боваль.— Да вот, кстати, он и сам идет к нам.

И Фердинанд Боваль указал на Кау-джера, переходившего по мосткам реку. Капитан пошел ему навстречу.

— Простите, сударь, можно вас на минуту? — сказал он, приподняв фуражку, украшенную золотым гауном.

Кау-джер остановился и ответил на чистейшем испанском языке:

— Слушаю вас.

Но капитан молчал. Впившись взглядом в Кау-джера, приоткрыв рот, он смотрел на него с удивлением, которое даже не пытался скрыть.

— Ну, что же вы хотели от меня? — нетерпеливо спросил тот.

— Прошу прощения, сударь,— наконец заговорил капитан.— Мне показалось, что я узнал вас... Вроде бы мы с вами раньше встречались...

— Это маловероятно,— возразил Кау-джер с едва заметной иронической усмешкой.

— И все-таки...

Капитан умолк и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Знаю! — воскликнул он.— Конечно, вы правы. Мы никогда не встречались. Но вы так похожи на один всем известный портрет... Я просто не могу себе представить, что это не вы.

По мере того как чилиец говорил, его голос становился глуше, а тон почтительнее. Умолкнув, он снял фуражку и склонил голову.

— Вы ошибаетесь, сударь,— невозмутимо произнес Кау-джер.

— Но я мог бы поклясться...

— Когда вы видели эту фотографию? — прервал его Кау-джер.

— Лет десять назад.

Кау-джер решил погрешить против истины:

— Я покинул то, что вы называете «светом», более двадцати лет назад. Следовательно, это никак не мог

быть мой портрет. Да, впрочем, разве вы сумели бы узнать меня? Ведь я был тогда молод... А теперь!..

— Сколько же вам лет? — опрометчиво выпалил капитан.

Подстрекаемый любопытством, предчувствуя, что здесь кроется какая-то странная тайна, которую ему так хотелось раскрыть, Хосе Фуэнтес даже не успел подумать о неловкости такого вопроса — слова сами слетели у него с губ.

— Ведь я не спрашиваю вас о вашем возрасте, — отпарировал Кау-джер ледяным тоном.

Тот прикусил язык.

— Полагаю, — продолжал Кау-джер, — что вы обратились ко мне не для того, чтобы побеседовать о какой-то фотографии? Прошу перейти к делу.

— Хорошо, — согласился капитан.

Резким жестом он снова надел форменную фуражку.

— Правительство Чили уполномочило меня, — сказал капитан, перейдя опять на официальный тон, — узнать ваши намерения.

— Мои намерения? — удивленно переспросил Кау-джер. — В отношении чего?

— В отношении вашего местожительства.

— Разве это может интересовать Чили?

— Даже очень.

— Неужели?

— Несомненно. Моему правительству известно, каким влиянием вы пользуетесь среди туземного населения архипелага, и оно серьезно обеспокоено этим обстоятельством.

— Весьма любезно с его стороны, — насмешливо протянул Кау-джер.

— До тех пор, пока архипелаг Магеллановой Земли оставался *res nullius*¹, — продолжал капитан, — приходилось ограничиваться простым наблюдением. Но теперь положение в корне изменилось. После аннексии...

— Захвата, — процедил сквозь зубы Кау-джер.

— Простите, что вы сказали?

— Ничего. Продолжайте.

— ...после аннексии перед чилийским правитель-

¹ Ничейная земля (лат.).

ством, стремящимся упрочить свою власть на архипелаге, встал вопрос о том, как отнестись к вашему пребыванию в его владениях. Отношение это будет всецело зависеть от вас. Поэтому мне поручено выяснить, каковы ваши намерения. Я предлагаю заключить союз.

— Или объявить войну?

— Так точно. Ваше влияние на местное население неоспоримо. Но будет ли оно направлено против Чили или же вы поможете нам в деле цивилизации диких племен? Станете ли вы нашим другом или противником? Это решать вам.

— Ни тем, ни другим,— ответил Кау-джер.— Я останусь нейтральным.

Капитан с сомнением покачал головой.

— Принимая во внимание ваше положение на архипелаге,— сказал он,— мне кажется, что сохранить нейтралитет будет очень трудно.

— Наоборот, очень легко,— возразил Кау-джер,— и по той простой причине, что я покинул архипелаг Магеллановой Земли навсегда.

— Как — покинули? Однако вы здесь.

— Здесь остров Осте, свободная земля. И я решил больше не возвращаться на ту часть архипелага, которую вы лишили свободы.

— Следовательно, вы окончательно обосновались на острове Осте?

Кау-джер утвердительно кивнул головой.

— Что ж, это значительно упрощает дело,— с удовлетворением сказал капитан Фуэнтес.— Значит, я могу заверить правительство, что вы не будете выступать против него?

— Передайте вашему правительству, что я не желаю его знать,— отчеканил Кау-джер и, поклонившись офицеру, пошел своим путем.

Некоторое время капитан следил за ним глазами. Несмотря на категорическое утверждение этого странного человека, чилиец вовсе не был убежден, что замеченное сходство было лишь игрой его воображения. И в этом сходстве таилось, по-видимому, нечто совершенно из ряда вон выходящее, раз оно так взволновало капитана.

— Странно... странно,— пробормотал он, в то время как Кау-джер, не оборачиваясь, медленно удалялся.

К сожалению, Хосе Фуэнтесу не пришлось проверить основательность своих подозрений. Словно боясь дать повод для расспросов о прежней его жизни, Кау-джер вечером того же дня отправился в один из обычных продолжительных походов по острову.

Через неделю корабль был разгружен. Помимо щедрых даров, присланных чилийским правительством для новой колонии, «Рибарто» доставил еще множество различных галантерейных товаров по частному заказу одного из колонистов, а именно — Гарри Родса.

Совершенно несведущий в агрономии и неприспособленный к хлебопашеству, Гарри Родс решил стать коммерсантом-импортером. Поэтому после провозглашения независимости острова, когда появились некоторые надежды на успешное развитие колонии, он поручил командиру вестового судна выслать с первой же оказией товары для мелочной торговли. Тот выполнил поручение: «Рибарто» доставил по заказу и за счет Гарри Родса множество самых разнообразных предметов — одежду, обувь, спички, иголки, нитки, булавки, табак, карандаши, бумагу, чернила и т. д. В общем, вещи недорогие, но весьма необходимые.

Однако, видя, как разворачиваются события, Гарри Родс решил, что его затея лопнула, и уже подумывал о том, что не лучше ли оставить весь товар на «Рибарто», а самому сесть на корабль и покинуть страну, где не имелось никаких шансов на успех?

А куда можно отправиться с таким грузом, крайне ценным здесь, в полудиком краю, но не находящим спроса там, где этих предметов сколько угодно? Поразмыслив, Родс решил еще немного выждать. В конце концов, «Рибарто» — не последний корабль, посетивший остров. Если обстановка не изменится — ну что ж, возможность уехать отсюда еще не потеряна.

Разгрузившись, «Рибарто» снялся с якоря и двинулся в путь. А через несколько часов вернулся и Кау-джер, словно он только и ждал момента отплытия корабля.

Жизнь опять потекла по-прежнему. Одни занимались огородничеством или удили рыбу, а большая часть эмигрантов бездельничала. Но теперь подобная беспечность до некоторой степени оправдывалась тем, что продовольственные запасы на острове значительно пополнились.

Поскольку в лагере сейчас насчитывалось меньше сотни человек (включая жителей Нового поселка, как с общего согласия стали называть поселение, выросшее вокруг дома Кау-джера), можно было преспокойно прожить еще по крайней мере года полтора.

Что же касается Бовалья, то он вел поистине царский образ жизни. По правде говоря, адвокат и в самом деле был настоящим царем-лежебокой, потому что царствовал, но не правил. Впрочем, губернатор считал, что все идет отлично.

В первые же дни своего правления Боваль специальным постановлением возвел лагерь в ранг официальной столицы острова Осте и дал ему название «Либерия». После этого великого деяния губернатор почил на лаврах.

Великодушный дар чилийского правительства дал Бовалю возможность еще раз проявить власть, направив ее на организацию развлечений для своих подданных. По его приказу половина привезенных спиртных напитков была оставлена про запас, а половина выдана колонистам. Плоды подобной щедрости не заставили себя ждать. Многие эмигранты немедленно напились до бесчувствия, а больше всех Лазар Черони. Туллии и Грациэле пришлось снова столкнуться с отвратительными сценами, отзвуки которых потонули в праздничном гуле. Второй раз лагерь пировал вовсю.

Люди пили, играли в азартные игры, плясали под звуки скрипки Фрица Гросса, воскресшего под действием рома. Те, кто был потрезвее, собирались вокруг талантливому музыканта. Случалось, даже сам Кау-джер переходил на правый берег, привлеченный дивными мелодиями, тем более изумительными, что никогда еще подобные звуки не раздавались в этих краях. Кау-джер сопровождал кое-кто из жителей Нового поселка: Гарри Родс и вся его семья, которую также очаровывала музыка Фрица Гросса; Хальг и Кароли, для которых она представляла настоящее чудо — недаром они внимали ей, открыв рот от изумления; Дик и Сэнд, едва слышав звуки скрипки, опрометью мчались на другой берег.

При этом Дик, конечно, хотел просто поразвлечься: скакал и плясал что было сил, стараясь попасть в такт.

Но его друг вел себя совершенно иначе. Обычно Сэнд становился в первые ряды слушателей и, широко раскрыв глаза, дрожа от волнения, напряженно слушал, боясь пропустить хоть единую ноту, и уходил только тогда, когда последняя мелодия улетала в бескрайнее небо.

Кау-джер обратил внимание на сосредоточенный вид мальчика.

— Ты любишь музыку, малыш? — однажды спросил он.

— Очень люблю, сударь! — с глубоким вздохом ответил Сэнд. И добавил пылко: — Если бы и я мог играть... Играть так же, как господин Гросс!..

— Вот как? — сказал Кау-джер, которого удивила восторженность мальчика. — Тебе так хочется играть на скрипке?.. Ну что ж, может быть, это удастся устроить.

Сэнд недоверчиво покосился на него.

— А почему бы и нет? — продолжал Кау-джер. — При первой же оказии я попрошу, чтобы тебе прислали скрипку.

— Правда? — Глаза у Сэнда засияли от радости.

— Обещаю! — торжественно заверил его Кау-джер. — Но уж придется тебе запастись терпением.

По-видимому, большинство колонистов получали истинное удовольствие от музыки, хотя и не относились к ней с таким жаром, как Сэнд. Концерты Фрица Гросса являлись для них просто развлечением в однообразном и унылом существовании.

Беспорный успех скрипача навел Фердинанда Боваля на блестящую мысль. Регулярно два раза в неделю из неприкосновенных запасов музыканту выдавали определенную порцию рома. Поэтому два раза в неделю в Либерии давались концерты — совсем как в цивилизованных странах!

Поиски названия для столицы и устройство развлечений для ее жителей полностью исчерпали организаторские способности губернатора. Помимо прочих недостатков, у него была еще одна слабость: любоваться собой и восхищаться своей деятельностью, особенно при виде общей радости. В памяти Боваля возникали классические ассоциации: «Panem et circenses!»¹ — требовали

¹ «Хлеба и зрелищ!» (лат.)

римляне. А разве он не удовлетворял это извечное требование народа? Чилийский корабль обеспечил колонию хлебом, а будущий урожай даст остальные продукты. Развлечения и удовольствия же предоставлялись в виде концертов Фрица Гросса, если, конечно, допустить, что определенной части эмигрантов, имевших счастье находиться под непосредственной властью губернатора, не всякие моменты праздной жизни доставляли удовольствие.

Прошли февраль и март. Ничто не поколебало оптимизма Боваля. Пока лишь редкие ссоры или драки нарушали покой, царивший в Либерии. Но губернатор даже не считал нужным обращать внимание на такие незначительные инциденты. Однако в конце марта пришел конец безмятежному бытию Фердинанда Боваля. Первое событие, явившееся как бы предвестником целой цепи трагических происшествий, само по себе не имело особого значения. Это была обычная стычка, но последствия ее оказались таковы, что Боваль решился на сей раз изменить своему принципу невмешательства. Результаты получились самые неожиданные, и вышло, что губернатор оказал сам себе медвежью услугу.

Хальг сыграл главную роль в этом инциденте, где ему пришлось защищать собственную жизнь.

После неравного боя с Сирком и его четверьмя товарищами юноша несколько недель не видел соперника. Видимо, побоявшись заступничества Кау-джера, вымогатели решили отказаться от соблазнительной и легкой добычи. Кроме того, прибытие «Рибарто» вселило покой в душу колонистов. Какое значение имели теперь какие-то ничтожные рыбешки, когда запасы снова пополнились и казались неисчерпаемыми!

Но, как уже говорилось, корабль доставил не только провизию, но и спиртные напитки. И, так как легкомысленный губернатор приказал выдать их населению, началось массовое пьянство, которое не замедлило привести к пагубным последствиям.

Особенно тяжело отразилось это на семье Черони. Лазар все время пил и терзал обеих женщин. Молодой индеец всегда заступался за них, но зато Сирк всячески потакал отвратительному пороку недостойного мужа и отца. Поведение соперника наполняло гневом сердце юно-

ши. Он никак не мог простить ему слез Грациэллы. Вполне понятно, что вражда между Хальгом и Сирком вспыхнула с новой силой.

Даже когда иссякли запасы спиртного, спокойствие не восстановилось. Благодаря дружбе с Фердинандом Бовалем Сирк, применив метод Паттерсона, продолжал снабжать ромом Лазара Черони — именно так он рассчитывал завоевать его расположение.

Замысел Сирка удался. Пьяница открыто стал на сторону того, кто называл себя его другом, и всячески ублажал. Вскоре Лазар начал звать Сирка зятем и клялся, что сумеет сломить сопротивление Грациэллы.

Так обстояли дела, когда утром 29 марта Хальг, переходя через мостик, увидел Грациэллу. Девушка бежала со всех ног, словно спасаясь от преследования. И действительно за нею гнался Сирк.

— Хальг! Хальг! Спаси меня! — закричала Грациэлла, увидев индейца.

Тот бросился ей на помощь, преградив дорогу разъяренному матросу.

Но Сирк ни во что не ставил противника. С вызывающей ухмылкой негодяй бросился на соперника. Однако дальнейшие события показали, что эмигрант слишком понадеялся на свои силы. Хотя Хальг был много моложе, но, живя под открытым небом, обладал обезьяньей ловкостью и стальными мышцами.

Когда матрос кинулся на индейца, тот нанес ему удар одновременно в челюсть и под ложечку. Сирк свалился как подкошенный.

Хальг и Грациэлла помчались на левый берег, а Сирк, еле-еле отдышавшись, принялся осыпать их проклятиями и угрозами.

Не обращая внимания на бандита, они направились прямо к Кау-джеру. Девушка заявила ему, что жизнь в семье стала совершенно невыносимой. Сирк обнаглел и, несмотря на заступничество Туллии, избил девушку. А Лазар — страшно подумать! — как будто даже поощрял негодяя. Наконец Грациэлле удалось выбежать из дома, но, кто знает, чем бы кончился ее побег, если бы Хальг не ускорил развязку этой драмы.

Кау-джер выслушал ее рассказ с обычным спокойствием.

— А теперь,— спросил он, когда девушка замолчала,— что вы собираетесь делать, дитя мое?

— Остаться у вас! — воскликнула Грациэлла. — Умоляю, защитите меня!

— Я обещаю вам мое покровительство,— ответил Кау-джер. — Что касается желанья остаться здесь, на это ваша воля. Каждый поступает, как ему заблагорассудится. Но все же я хочу дать вам совет в отношении выбора места жительства. Если вы мне доверяете, то попросите приюта у семейства Родсов. Они не откажут, если вы обратитесь от моего имени.

Грациэлла последовала мудрому совету. Родсы приняли беглянку с распростертыми объятиями. Особенно радовалась Клэри: теперь у нее появилась подруга ее возраста.

Но Грациэлла терзалась при мысли о матери. Что будет с ней в том аду, где она осталась? Кау-джер успокоил девушку, сказав, что предложит Туллии последовать за дочерью.

К сожалению, добрые намерения Кау-джера не осуществились. Туллия, одобряя бегство дочери и радуясь, что та в полной безопасности да еще под покровительством всеми уважаемого семейства, наотрез отказалась покинуть мужа. Она хотела выполнить свой долг до конца и пройти весь этот тернистый путь — какие бы страдания ни ожидали ее — вместе с человеком, который в данную минуту лежал пластом, отсыпаясь после очередной попойки.

Кау-джер и не ожидал иного ответа.

Вернувшись к Родсам, чтобы передать Грациэлле слова матери, Кау-джер застал там Фердинанда Боваля. Между ним и Гарри Родсом шел горячий спор, начинавший принимать неприятный оттенок.

— Что тут происходит? — спросил Кау-джер.

— Этот господин позволил себе ворваться в дом,— раздраженно ответил Гарри Родс,— и требовать, чтобы Грациэлла вернулась к своему замечательному папаше.

— А разве господина Боваля касаются дела семьи Черони? — осведомился Кау-джер тоном, предвещавшим начало грозы.

— Губернатора касается все, что происходит в колонии,— напыщенно заявил Боваль, стараясь придать

себе важность, якобы соответствующую его высокому званию.

— Губернатора?

— Губернатор — я.

— Так... так... — многозначительно произнес Кау-джер.

— Ко мне поступила жалоба... — продолжал Боваль, не реагируя на угрожающую иронию Кау-джера.

— От Сирка, — прервал его Халыг, знавший об их приятельских отношениях.

— Нет, — возразил Боваль. — От самого Лазара Черони.

— Как? — воскликнул Кау-джер. — Значит, Черони разговаривает во сне! Я только что оттуда. Он спит и даже храпит вовсю.

— Ваши насмешки не могут опровергнуть факта совершения преступления на территории колонии, — высокомерно ответил Боваль.

— Преступления?! Подумать только!

— Да, преступления. Несовершеннолетнюю девушку отняли у семьи. По закону всех стран такой поступок расценивается как преступление.

— А разве на острове Осте существуют законы? — спросил Кау-джер. Услышав это слово, он передернулся, и его глаза грозно засверкали. — От кого же исходят здесь законы?

— От меня, поскольку я представляю интересы колонии, — ответил Боваль с великолепной самоуверенностью. — И на этом основании имею право требовать от всех повиновения.

— Как вы сказали? — вскричал Кау-джер. — Не ослышался ли я? Повиновения? Черт возьми! Так знайте же: остров Осте — свободная земля. Здесь никто никому не повинует. Грациэлла пришла к нам по своей воле и останется, пока сама не захочет уйти.

— Но... — пытался возразить Боваль.

— Никаких «но»! Тот, кто отважится говорить о повиновении, будет иметь дело со мной.

— Ну, это мы еще посмотрим! — заявил Боваль. — Законы надо соблюдать, и если придется прибегнуть к силе...

— К силе? — возмутился Кау-джер. — Только попро-

буйте! А пока что советую не испытывать мое терпение. Уходите в вашу столицу, пока вас отсюда не выпроводили.

У Кау-джера был такой устрашающий вид, что Боваль счел благоразумным не настаивать на возвращении Грациэллы и удалился. За ним, на некотором расстоянии, шли Кау-джер, Гарри Родс и Хартлпул.

Почувствовав себя в безопасности на другом берегу, губернатор обернулся и пригрозил:

— Мы еще поговорим!

Хотя угрозы Бовалья казались левобережным жителям смешными, все же с ними приходилось до некоторой степени считаться. Уязвленная гордость придает отвагу самым отъявленным трусам, и вполне могло случиться, что под покровом ночи Боваль со своими прихлебателями нанесет удар Кау-джеру и его друзьям.

По счастью, эту опасность нетрудно было предотвратить. Пройдя с сотню шагов, Фердинанд Боваль обернулся и увидел, что Кароли и Хартлпул снимают мостки, соединявшие оба берега. Все лодки стояли на якоре у Нового поселка, так что сообщение с Либерией было теперь прервано. Возможность неожиданного нападения исключалась.

Разгадав планы противников, адвокат в ярости погрозил им кулаком.

Но те не обратили на него внимания. Одна за другой падали в воду доски настила моста. Вскоре от него остались только сваи, вокруг которых шумно бурлила вода. Отныне оба враждующих лагеря были разделены рекой.

9. ВТОРАЯ ЗИМА

Снова пришел апрель, а с ним и зима. Ничто не нарушало мучительного однообразия дней обитателей Либерии. Пока не наступили холода, они жили припеваючи, не беспокоясь о будущем, и резкие скачки температуры, как обычно сопровождавшие равноденствие, застигли их врасплох. Поэтому при первом же дуновении зимних ветров столица словно вымерла — как и в прошлом году, колонисты забились в свои норы.

Да и в Новом поселке жизнь стала замирать. При-

шлось оставить все работы на воздухе, в частности рыбную ловлю. С началом непогоды рыба ушла на север, в более теплые воды Магелланова пролива, и рыбаки поставили лодки на якорь.

Теперь, даже если бы настил моста и уцелел, все равно сообщение между столицей и поселком было бы затруднено и Боваль не смог бы осуществить свои угрозы. Но помнил ли он еще, как его выпроводили с левого берега? Сейчас его угнетали столь важные и неотложные заботы, по сравнению с которыми воспоминание о полученном оскорблении в значительной мере утратило остроту.

Сразу же после объявления независимости Либерия почти опустела, но постепенно ее население снова стало расти. Эмигранты, отправившиеся в глубь острова и потерпевшие там неудачу, возвращались на побережье. Этого губернатор никак не мог предвидеть.

Лично ему пока не о чем было волноваться. Как Боваль и предполагал, возвратившиеся колонисты безропотно примирились со свершившимся фактом — иначе говоря, с выборами, происходившими без их участия. Никого не удивило, что в сан губернатора возведен Фердинанд Боваль. С самого рождения несчастные люди привыкли ставить себя ниже всех других и восприняли это событие как само собой разумеющееся: кто-то же должен властвовать над ними. Увы, в мире существует неизбежная и неотвратимая необходимость, против которой бессмысленно восставать: одни люди неправы, другие — сильные мира сего. Первые — подчиняются, вторые — повелевают. Так что все это казалось эмигрантам в порядке вещей.

Но неожиданный наплыв голодающих потребовал от губернатора разрешения сложной задачи.

Первый колонист, побежденный природой, возвратился из центральных районов острова 15 апреля в конце дня. Устало и понуро шагал он по поселку, за ним плелась жена, бледная, истощенная, в лохмотьях, а дети, две девочки и два мальчика (последнему только что исполнилось пять лет, и на нем почти не было одежды) цеплялись за юбку матери. Печальное шествие!

Все жители Либерии окружили их и забросали вопросами. Глава семьи, ободренный тем, что очутился среди

товарищей, коротко рассказал свои злоключения. Он отправился в глубь острова одним из последних. Поэтому ему пришлось долго искать свободный участок земли. Колонист нашел его лишь во второй половине декабря и сразу же принялся за постройку жилья. Но с плохим инструментом, да еще и без помощников, он еле-еле справился с этой задачей, тем более что, совершенно не зная строительного дела, допустил множество ошибок, которые пришлось исправлять. Все это сильно задержало ход работ.

Через шесть недель, кое-как выстроив простую лачугу, неудачник взялся за подъем целины. Но злой рок навел его на каменистую почву, пронизанную сетью глубоких, разветвленных корней, где застревала и кирка и лопата. Хотя он трудился не покладая рук, к зиме ему удалось расчистить только крошечный участок земли и, следовательно, на урожай не приходилось рассчитывать. А продукты были уже на исходе. Пришлось оставить на месте весь инструмент и теперь уже ненужные семена и возвращаться той же дорогой, по которой он ушел четыре месяца назад, полный надежд... Целых десять дней колонист с семьей брел через весь остров, зарываясь в снег во время метелей и шагая по колено в грязи, когда наступала оттепель. И вот, изнуренные и голодные, они наконец добрались до побережья.

Боваль помог несчастным. По его распоряжению им отвели один из сборных домов и выдали провизию. После чего губернатор счел инцидент исчерпанным.

Но ближайшие дни показали, что он ошибся. Ежедневно в Либерию возвращался то тот, то другой эмигрант. Приходили они либо в одиночку, либо с женами и детьми, но все голодные и оборванные.

В некоторых семьях недосчитывалось людей. Куда они девались? Вероятно, погибли. Но все выжившие колонисты, кого постигла неудача (а таких, видимо, было большинство), устремились обратно на побережье. Нескончаемый поток возвращавшихся создавал большие трудности для разрешения продовольственной проблемы.

К 15 июня население столицы увеличилось более чем на триста человек. Сначала Бовалю кое-как удавалось справиться с этим нашествием. Всех вернувшихся поселяли в сборных домах, где опять образовалась неимовер-

ная теснота. Мест для вновь прибывших не хватало, потому что несколько домов еще раньше перенесли на левый берег, а некоторые строения по приказу Боваля соединили в одно большое здание, которое он торжественно окрестил своим «дворцом»; многие же вообще были уничтожены просто по беспечности. Пришлось опять селиться в палатках.

Но самым острым вопросом все же являлся вопрос питания. Такое количество голодных ртов с невероятной быстротой поглощало запасы, доставленные на «Рибарто». И снова возникли опасения, что продуктов не хватит даже до весны, хотя раньше предполагалось, что колония обеспечена на год с лишним. У Боваля хватило ума правильно оценить создавшуюся ситуацию, и он решился наконец проявить свою власть, издав приказ о введении в Либерии пайка.

Сначала колонисты не подчинялись его распоряжению, поскольку оно не было подкреплено силой. Поэтому, чтобы заставить эмигрантов выполнить приказ, губернатору пришлось мобилизовать среди своих самых горячих приверженцев двадцать добровольцев и поставить их на страже у продовольственного склада, который некогда охраняли матросы «Джонатана». Эта мера вызвала сильное недовольство, но все же колонисты покорились губернатору.

Он уже решил, что покончил с возникшими трудностями или, по крайней мере, отдалил тяжелые времена, насколько это было в человеческих силах, как вдруг на Либерию обрушилось новое бедствие.

Постоянное недоедание, трудный путь, проделанный ими, суровый климат — все это истощило вернувшихся эмигрантов. Случилось то, чего следовало ожидать, — началась страшная эпидемия.

В отчаянии колонисты снова вспомнили о Кау-джере. До середины июня отсутствие этого человека никого не трогало. Люди легко забывают оказанные им благодеяния, если больше не рассчитывают на них в будущем. Но, очутившись в безвыходном положении, они сразу же подумали о человеке, который столько раз выручал их из беды. Почему же Кау-джер покинул колонистов, когда на них свалилось столько невзгод? Теперь причины раскола между старым и новым поселками показались

такими ничтожными по сравнению с людскими страданиями.

Однажды — это произошло 10 июля, когда из-за густого тумана нельзя было выйти из дому, — Кау-джер чинил свою кожаную куртку. Вдруг ему почудилось, что кто-то его зовет. Он прислушался. Через минуту до него снова донесся зов.

Он открыл дверь и вышел на крыльцо.

Стояла оттепель. Влажный западный ветер растопил снега. Перед жилищем Кау-джера образовалось большое болото, над которым подымался пар. На расстоянии нескольких шагов ничего не было видно — все застилала непроницаемая пелена. Море угадывалось только по слабому, еле слышному плеску волн, словно и на него давило общее угнетенное настроение.

— Кау-джер! — кричал кто-то из густого тумана.

Едва доносившийся зов казался жалобным стоном.

Кау-джер поспешил к реке. Там его взгляду представило жуткое зрелище: на противоположном берегу, отделенном от Нового поселка стремительным потоком, столпилось около сотни людей. Полно, людей ли? Скорее, призраков, изможденных, едва прикрытых лохмотьями. Увидев того, кто являлся их последней надеждой, эмигранты воспряли духом и умоляюще протянули к нему руки.

— Кау-джер! — зывали несчастные. — Кау-джер!

Человек, к которому они обращались за помощью, вздрогнул от неожиданности. Какие новые бедствия обрушились на Либерию и довели ее жителей до такого ужасного состояния?

Кау-джер ободряюще помахал им рукой и позвал на помощь своих друзей. Не прошло и часа, как Хальг, Кароли и Хартлпул восстановили настил моста, и Кау-джер перешел на другой берег. Тотчас же его окружили взволнованные люди, один вид которых мог растрогать самое черствое сердце. Но теперь их запавшие, лихорадочно блестящие глаза светились радостью: друг и спаситель был вместе с ними. Бедняги теснились вокруг Кау-джера, каждому хотелось хотя бы дотронуться до него. Со всех сторон раздавались ликующие возгласы.

Потрясенный Кау-джер молча смотрел и слушал. Колонисты, как на духу, выкладывали ему все свои горе-

сти. Одни вспоминали о собственных бедах, другие умоляли помочь умирающим женам или детям.

Терпеливо выслушав все жалобы и зная, что сочувствие — самое лучшее лекарство, Кау-джер ответил всем сразу. Пусть они вернутся домой, а он обойдет подряд все дома. Никто не будет забыт.

Эмигранты охотно подчинились и, как малые дети, послушно возвратились в лагерь.

Кау-джер шел вместе с ними, по пути ободряя или утешая людей, находя для каждого доброе слово. Так добрались они до разбросанных в беспорядке зданий. Как здесь все переменялось! Повсюду виднелись груды мусора и нечистот. За один год непрочные строения так обветшали, что уже начали разрушаться. Некоторые дома казались вообще необитаемыми, и только кучи отбросов указывали на присутствие жителей. Однако то тут, то там открывались двери, и на пороге показывались жалкие и мрачные фигуры колонистов. На их лицах было написано уныние или отчаяние.

Кау-джер прошел мимо «дворца» губернатора. Боваль тоже приоткрыл окно, но ограничился только тем, что проводил своего противника долгим взглядом. Ненавидя Кау-джера, Фердинанд Боваль прекрасно понимал, что сейчас не время сводить счеты. Никто из либерийцев не простил бы ему враждебных действий против человека, от которого все ожидали спасения.

В глубине души Боваль был почти рад вмешательству Кау-джера. Он также ожидал от него помощи. Легко и приятно править людьми, когда все идет хорошо. Но сейчас обстановка накалилась до того, что губернатор, вынужденный управлять обреченными на смерть людьми, не мог не радоваться появлению человека, который помогал ему удержать непосильное бремя власти.

Итак, никто и ничто не препятствовало Кау-джеру в его добрых деяниях. Но какое трудное время настало для него! Каждое утро, с рассветом, в любую погоду он отправлялся из Нового поселка в Либерию и там до позднего вечера обходил дома, раздавал лекарства, вселял бодрость и надежду в сердца отчаявшихся людей.

Несмотря на все свои познания и самоотверженность, Кау-джер не всегда мог преодолеть роковой ход событий. Часто усилия его были напрасны. Смерть пожинала бо-

гатый урожай, разлучая супругов, отнимая у родителей детей, оставляя сирот. Повсюду слышались стоны и плач.

И все-таки ничто не могло поколебать мужества этого замечательного человека. Как только врач признавал себя бессильным, на смену ему приходил мудрый утешитель.

Однажды утром, когда Кау-джер направлялся в лагерь, кто-то окликнул его. Обернувшись, он увидел странную бесформенную груду, издававшую глухие хрипы. Эта груда оказалась человеком, который в бесконечном перечне преходящих земных существований числился под именем Фрица Гросса.

Четверть часа тому назад, пробудившись от сна, музыкант вышел на мороз, и тут его хватил апоплексический удар. Пришлось собрать с десятка поселенцев, чтобы дотащить это грузное тело в защищенное от ветра место. Вскоре у Гросса началась агония. По посиневшему лицу, по частому и хриплому дыханию Кау-джер определил, что у скрипача воспаление легких, а наскоро произведенный осмотр показал, что никакое лекарство уже не поможет организму, отравленному алкоголем.

Развитие болезни подтвердило правильность диагноза. Когда Кау-джер вернулся с обхода других больных, Фрица Гросса уже не было в живых. Он лежал на земле, застывший, неподвижный, и глаза его больше не видели окружающего мира.

Кау-джер взял из окостеневших рук музыканта скрипку, издававшую некогда такие божественные звуки,— теперь она никому не принадлежала — и, возвратившись в Новый поселок, направился к дому, где жили Хартлпул и юнги.

— Сэнд! — открыв двери, позвал он.

Мальчик подбежал к нему.

— Я обещал тебе скрипку,— сказал Кау-джер.— Вот, возьми.

Сэнд, побледнев от волнения и восторга, схватил инструмент.

— Эта скрипка,— продолжал Кау-джер,— принадлежала Фрицу Гроссу.

— Значит, господин Гросс,— пролепетал Сэнд,— решил мне подарить...

— Он умер,— пояснил Кау-джер.

— Что ж, одним пьяницей меньше,— невозмутимо произнес Хартлпул.

Таково было единственное надгробное слово Фрицу Гроссу.

Через несколько дней Кау-джер взволновала другая смерть — Лазара Черони. Туллия слишком поздно обратилась за помощью. Невежественная женщина, не испытывая особого беспокойства, запустила болезнь мужа, но, узнав, что тот, ради кого она пожертвовала всей своей жизнью, безнадежен, испытала жестокое потрясение.

Впрочем, если бы даже Кау-джер пришел на помощь своевременно, все равно ничто бы не помогло Лазару Черони. Болезнь была неизлечима и являлась прямым следствием его порока. Скоротечная чахотка за одну неделю свела пьяницу в могилу.

Когда все было кончено и покойник предан земле, Кау-джер не покинул несчастную вдову. Убитая горем, совершенно обессилевшая женщина, казалось, сама находилась на краю могилы. Все эти годы она жила только любовью к тому, кто покинул ее навсегда. Измученная бесплодными усилиями, Туллия сразу утратила волю к жизни.

Кау-джер увел бедную вдову в Новый поселок к Грациэлле. Если и существовало лекарство, способное исцелить раненое сердце, то это могло быть лишь чувство материнской любви.

Безвольная, почти не сознавая, что с ней происходит, Туллия покорно дала увести себя. Собрав свои жалкие пожитки, она безропотно пошла за Кау-джером.

В таком подавленном состоянии она, конечно, не могла заметить Сирка, который встретился ей у мостков через реку.

Кау-джер тоже не заметил его, и они молча прошли мимо парня.

Но Сирк, завидев их, застыл на месте, побледнев от охватившей его злобы. Лазар Черони умер. Туллия переехала в Новый поселок. Это означало окончательное крушение всех его надежд, за осуществление которых он так упорно боролся. Долго следил Сирк взглядом за двумя удалявшимися фигурами. Если бы Кау-джер обернулся, его поразила бы ненависть, горевшая во взгляде Сирка.

10. КРОВЬ

Нескончаемой вереницей возвращались эмигранты в Либерию. Ежедневно, в течение всей зимы, в поселке появлялись всё новые и новые лица. Центральные районы острова казались каким-то заколдованным местом, откуда теперь выходило больше несчастных, чем когда-то ушло туда. К началу июля приток колонистов достиг предела, потом начал иссякать. 29 сентября последний переселенец с трудом спустился с горы и едва добрался до лагеря. Полуобнаженный, худой, как скелет, он выглядел ужасно. Дойдя до первых домов, он тут же свалился без сознания.

Подобное зрелище, ставшее уже привычным, не вызвало особых волнений. Беднягу подняли, привели в чувство и тут же забыли о нем.

Больше в лагерь никто не приходил. Чем это объяснялось? Тем ли, что остальным повезло, или тем, что все погибли?

К этому времени в поселок возвратилось более семисот пятидесяти человек; как уже говорилось, их ослабленные организмы представляли собой прекрасную почву для всевозможных болезней. Кау-джер буквально изнемогал в борьбе с эпидемиями. Зимой смертные случаи участились. Смерть косила всех подряд — мужчин, женщин, детей.

Да, много людей погибло... Но много и осталось, так что продуктов, привезенных чилийским судном, не хватало. Слишком поздно решился Боваль ввести в колонии паек. Запасы уже кончались. Кроме того, он не предвидел такого катастрофического роста населения и понял свою оплошность только тогда, когда выхода уже не было. 25 сентября на складе выдали последние галеты. Перед потрясенными колонистами явственно возник ужасающий призрак голода.

Неужели эмигрантам, спасшимся при кораблекрушении «Джонатана», суждено погибнуть медленной и мучительной смертью от жестокого, неумолимого голода?

Первой жертвой пал Блэкер. Бедняга умер в ужасных страданиях на третий день после выдачи последних продуктов. Кау-джер, которого позвали слишком поздно, ничего не мог сделать. На этот раз Паттерсона ни в чем

нельзя было обвинить. Он голодал наравне с остальными колонистами.

Чем же теперь питались либерийцы? Никто не мог на это ответить. Те немногие предусмотрительные люди, которые накопили запасы, стали уничтожать их. Ну, а остальные?

Кау-джер совершенно сбился с ног. Ему приходилось не только лечить больных, но и кормить голодных. Со всех сторон неслись к нему мольбы о помощи. Люди цеплялись за его одежду, матери протягивали к нему истощенных младенцев. Кау-джера преследовал хор проклятий, жалоб и просьб. И никто не обращался напрасно. Он щедро оделял всех едой, припасенной в Новом поселке, совершенно забывая о себе самом и не желая сознавать, что затаившаяся опасность, от которой он временно избавлял других, вскоре неумолимо настигнет и его.

А этого следовало ожидать в ближайшем будущем. Соленая рыба, копченая дичь, сушеные овощи — все исчезало с невероятной быстротой. Если бы в течение месяца ничего не изменилось, среди жителей Нового поселка тоже наступил бы голод.

Положение стало настолько угрожающим, что друзья Кау-джера начали оказывать ему сопротивление и перестали отдавать свои запасы. Ему приходилось долго и мучительно пререкаться с ними, чтобы получить что-нибудь для голодающих.

Гарри Родс не раз пытался доказать бесполезность приносимой Кау-джером жертвы. На что тот надеялся? Всем ясно, что ничтожного количества продуктов не могло хватить для спасения всего населения острова. А что он станет делать, когда припасы кончатся? И есть ли смысл отодвигать неотвратимую и близкую катастрофу за счет тех, кто доказал свое мужество и дальновидность?

Однако Гарри Родс ничего не добился. Кау-джер даже не возражал ему. При виде окружающего горя он просто не считал нужным приводить какие-нибудь доводы и философствовать. Чтобы не допустить гибели множества людей, надо было делиться с ними всем, до последнего куска хлеба. А потом? Там видно будет... Когда продуктов больше не останется, Кау-джер с друзьями уйдут отсюда, подыщут другое место для поселения и станут жить охотой и рыбной ловлей. К этому времени

Либерия, наверно, уже превратится в кладбище. Но, по крайней мере, у них будет ощущение того, что они сделали все возможное и невозможное. Нельзя же сознательно и хладнокровно обрекать всех эмигрантов на гибель.

Гарри Родс предложил раздать колонистам сорок восемь ружей, спрятанных Хартлпулом. Может быть, их используют для охоты? Но его предложение отвергли. В это время года дичь встречалась чрезвычайно редко, а в руках неопытных охотников оружие представляло большую опасность. По некоторым признакам — угрожающим жестам, злобным взглядам, частым ссорам — нетрудно было угадать, что среди колонистов назревает буря. Они уже не скрывали взаимную вражду и то и дело упрекали друг друга в постигшей их неудаче. Каждый считал, что в теперешнем бедственном состоянии колонии виноват его сосед.

При этом все единодушно проклинали одного человека — Фердинанда Боваля, так опрометчиво возложившего на себя рискованную обязанность управлять себе подобными.

Однако, хотя потрясающая бездарность губернатора вполне оправдывала ненависть эмигрантов, они все еще терпели его власть.

Вполне вероятно, что колонисты и не пошли бы дальше тайных сборищ и беспредметных угроз, если бы один из них не увлек остальных на путь действия.

Удивительное дело: даже в таких ужасных условиях призрак власти возбуждал у него зависть! Жалкая власть, заключающаяся в чисто номинальном владычестве над погибавшими от голода людьми!

И все же Льюис Дорик решил, что не стоит пренебрегать даже видимостью власти, чтобы — как образно гласит народное выражение — «урвать кусок от казенного пирога».

До сего времени ему приходилось терпеть возвышение соперника, но, считая, что настал удобный момент, Льюис Дорик начал борьбу. Поводов для справедливых упреков и нападок на губернатора было больше, чем достаточно. Конечно, он очутился бы в весьма затруднительном положении, спроси у него кто-нибудь, как поступил бы он сам на месте губернатора. Но, поскольку

никто не задавал такого нескромного вопроса, Дорику не приходилось задумываться над ответом.

Боваль не мог не знать о деятельности противника. Из окна «дворца» губернатора он часто наблюдал за метаниями возбужденной толпы. Чем ближе была весна, тем больше и больше росла эта толпа, и по ее поведению Боваль понимал, что кампания, проводимая Дориком, дает неплохие результаты. Но, не желая покидать свой пьедестал, он подыскивал способы защиты.

Конечно, Боваль прекрасно видел, что колония пребывает в состоянии развала. Но он обвинял в этом чисто внешние причины, в частности климат. Его самоуверенность ничуть не поколебалась. Если он ничего не сделал, то только потому, черт возьми, что ничего нельзя было сделать. И никто на его месте не сумел бы чем-нибудь помочь делу.

Боваль цеплялся за свою должность не только из-за честолюбия. Его иллюзии о блестящих преимуществах положения губернатора частично рассеялись, и теперь он беспокоился и радовался лишь при мысли о том, что сумел накопить обильные запасы продовольствия. Разве удалось бы сделать это, не будь он губернатором? И что произойдет с ним в случае потери власти?

Поэтому губернатор вступил в ожесточенную борьбу за сохранение не только должности, но и жизни. Он сделал ловкий и хитроумный ход — не стал опровергать ни одного предъявленного Дориком обвинения. Боваль понимал, что тут он потерпит полное поражение, и сам начал обличать свои недостатки и указывать на промахи. Из всех недовольных он оказался самым озлобленным.

Однако противники разошлись во взглядах на будущее. Дорик стоял за смену правительства. Боваль призывал к единению и возлагал на других ответственность за беды, постигшие колонию.

Но кто же являлся причиной этих бед? Фердинанд Боваль считал, что виновны только те немногие эмигранты, которых не коснулась нужда и которым зимой не пришлось искать убежища и помощи на побережье. Губернатор рассуждал очень просто: раз колонисты не вернулись — значит, им удалось как-то прожить. Следовательно, у них имелось продовольствие, и колония вправе конфисковать его в общее пользование.

Население, доведенное до отчаяния, быстро поддалось на провокацию. Сначала колонисты стали рыскать в окрестностях Либерии, а затем образовали целые отряды, вернее, банды, и пускались в дальние экспедиции. Со временем таких отрядов становилось все больше и больше, и, наконец, 15 октября целое войско из двухсот человек под предводительством братьев Мур ринулось на поиски пропитания.

В течение пяти дней они обшарили весь остров. Что они там делали? Об этом можно было судить по растерянным, обезумевшим колонистам, жертвам грабежа, обратившимся к губернатору за защитой. Но он грубо выгонял их, упрекая в позорном эгоизме. Как? Они обжирались, в то время как их братья умирали с голоду? Несчастные, оторопев, отступали. Боваль торжествовал. Значит, он не ошибся, когда наудачу предсказал, что у тех, кто не вернулся зимой в Либерию, имеются солидные запасы.

Однако теперь этим фермерам пришлось разделить общую участь. Результаты их тяжелого труда были уничтожены, а сами они превратились в таких же нищих и голодных, как те, что ограбили их. Отряды братьев Муров налетали на фермы словно саранча, пожирившая все, что можно было съесть. Кроме того, грабежи стали сопровождаться дикими выходками, свойственными разъяренной толпе, хотя она же первая страдает от них. Засеянные пашни были вытоптаны, птичники разорены, вся живность уничтожена.

И все же добыча налетчиков оказалась ничтожной, потому что «изобилие продуктов» у фермеров было весьма относительным. Если они и обеспечили себя пропитанием, то лишь потому, что работали больше других, имели большой опыт или им больше повезло с земельными участками, а совсем не оттого, что разбогатели каким-то чудом. Поэтому в их скромных жилищах трудно было найти значительные запасы.

Это вызывало у бандитов крайнее разочарование, часто выливавшееся в совершенно варварские поступки. Многих колонистов они подвергли настоящим пыткам, чтобы заставить их указать тайник, куда те якобы спрятали продукты.

Через пять дней после ухода из Либерии разбойничья

банда натолкнулась на высокий забор, окружавший усадьбу Ривьеров и их соседей. Еще в начале пути грабители зарились на эти фермы, самые отдаленные и самые процветающие, надеясь там хорошенько пожить.

Но не тут-то было!

Четыре усадьбы, примыкавшие друг к другу, представляли четыре стороны большого квадрата и оказались настоящей неприступной крепостью. Тем более, что ее защитники — единственные среди всех колонистов — имели огнестрельное оружие. Первыми же выстрелами фермеры ранили и убили семь человек. Остальные сразу пустились наутек.

Эта стычка охладила воинственный пыл бандитов. Они повернули обратно и к ночи добрались до Либерии. Громкие проклятия и несусветная брань возвестили жителям столицы об их возвращении. Поселенцы высыпали из домов.

Сначала за дальностью расстояния либерийцы никак не могли уяснить причину такого шума и решили, что это крики победы и ликования. Но едва им удалось разобрать отдельные слова, как всех охватила растерянность.

— Предательство!.. Предательство!.. — вопили разбойники.

Предательство?.. Жителей Либерии охватил панический страх. Больше всех дрожал Боваль, предчувствовавший несчастье. Он знал: что бы ни случилось, вся вина падет на губернатора. Даже не выяснив, какая опасность угрожает ему, адвокат бежал и заперся во «дворце».

Едва он успел задвинуть засовы, как шумная ватага остановилась у его крыльца.

Чего эти люди хотели от него? Откуда взялись раненые и убитые, которых положили на площади перед его жилищем? Что произошло там и от чьей руки пали жертвы? Чем так возмущена толпа?

Пока Боваль тщетно пытался проникнуть в тайну случившегося, разыгралась новая трагедия, причинившая глубокое горе жителям Нового поселка и поразившая Кау-джера в самое сердце.

Постоянно навещающий лагерь, он не мог не знать о волнениях среди населения Либерии. Но Кау-джер и понятия не имел о хулиганской шайке, которая покинула

поселение еще до его прихода и вернулась после того, как он ушел домой. Возможно, Кау-джер заметил, что за последние несколько дней жителей стало как будто меньше, но не придал этому никакого значения.

Однако в тот вечер, движимый каким-то смутным беспокойством, Кау-джер после захода солнца вышел из дому со своими обычными спутниками — Гарри Родсом, Хартлпулом, Хальгом и Кароли — и дошел до берега реки. Отсюда он мог бы увидеть Либерию, если бы ее не скрывала наступающая темнота. Местоположение лагеря угадывалось только по отдаленному гулу и мерцающим огням.

Пятеро друзей сидели на прибрежной скале и молча созерцали ночное небо. У их ног лежал Зол. Вдруг с противоположного берега донесся зов.

— Кау-джер!.. Кау-джер!.. — кричал кто-то прерывающимся голосом, как бы запыхавшись от быстрого бега.

— Я здесь! — ответил Кау-джер.

Человеческая тень промелькнула на мостике и приблизилась к сидевшим. Они узнали Сердея, бывшего повара с «Джонатана».

— Идите скорее! — сказал он Кау-джеру.

— Что случилось? — спросил тот, сразу поднявшись.

— Там убитые и раненые...

— Раненые?! Убитые?! Что у вас случилось?

— Целый отряд напал на Ривьеров... А у тех оказалось оружие. Ну и вот...

— Какой ужас!

— В общем, трое убито и четверо ранено. Мертвым-то уж, конечно, ничего не нужно, а живым еще можно помочь...

— Иду! — прервал его Кау-джер и немедленно отправился в путь, а Хальг побежал за сумкой с медицинскими инструментами.

На ходу Кау-джер засыпал бывшего повара вопросами. Но тот не был в курсе событий. Он не входил в бандитскую компанию и о случившемся знал только по слухам. Впрочем, никто не посылал Сердея за помощью. Он сам, увидев семь безжизненных тел, решил бежать за Кау-джером.

— Правильно поступили, — одобрил его тот.

Вместе с Гарри Родсом, Хартлпулом и Кароли они уже перешли через реку на правый берег, когда Кауджер, обернувшись, увидел Хальга, бежавшего с сумкой. Полагая, что юноша вскоре догонит их, они пошли быстрее.

Но вдруг раздался ужасный крик. Все замерли на месте. Им почудилось, что это голос Хальга. Сердце Кауджера сжалось от мучительной тревоги, и он бросился назад. За ним помчались и все остальные, кроме Сердея. Никто не заметил, как повар сначала отошел в сторону, а затем, сделав большой крюк, бросился со всех ног в Либерию. Смутные очертания его фигуры едва виднелись в окружающей темноте.

Как ни спешил Кауджер, но Зол перегнал его. Через несколько мгновений лай собаки звучал уже вдалеке. Грозное рычание постепенно утихало, как будто пес пустился по чьему-то следу.

И вдруг в ночи раздался еще один предсмертный вопль.

Но Кауджер уже не слышал его. Добравшись до того места, откуда донесся первый крик, он увидел распростертого на земле Хальга. Молодой индеец лежал ничком в луже крови. Между лопатками у него торчал большой нож.

Кароли кинулся к сыну, но Кауджер резко отстранил его — надо было действовать. Подняв сумку с инструментами, лежавшую рядом с раненым, он одним движением разрезал одежду юноши. Потом с величайшей осторожностью удалил из его тела смертоносное оружие. Открылась страшная рана. Длинное лезвие, вошедшее в спину, прошло почти через всю грудную клетку. Если даже допустить, что каким-то чудом спинной мозг остался невредим, легкое, во всяком случае, было поражено. Хальг лежал бледный как смерть и едва дышал. На губах у него выступила кровавая пена.

Кауджер разрезал на полосы его куртку и наложил на рану временную повязку. Затем Кароли, Хартлпул и Гарри Родс поднимали юношу и понесли домой.

Только теперь Кауджер обратил внимание на злобное рычание Золы. По-видимому, пес вступил в борьбу с каким-то врагом. Кауджер двинулся в направлении странных звуков, раздававшихся неподалеку.

Не успел он пройти и сотню шагов, как перед ним снова открылась жуткая картина. На земле лежал Сирк. Кау-джер узнал его при свете выглянувшей луны. Его горло представляло одну огромную зияющую рану. Из разорванных сонных артерий фонтаном била кровь. Раны были нанесены не оружием — это сделали клыки Зола. Обезумев от ярости, собака все еще не выпускала шею жертвы.

Кау-джер с трудом отогнал пса. Потом опустился на колени, прямо в кровавое месиво, покрывавшее землю. Но Сирк уже не нуждался в помощи. Он был мертв, и его глаза, уставившиеся в ночное небо, начали стекленеть.

Кау-джер в раздумье смотрел на погибшего, представляя себе, как разыгрывались трагические события. Пока он шел за Сердеем (возможно, соучастником преступления), Сирк из засады бросился на Хальга и нанес ему смертельный удар в спину. Когда же все окружили раненого, Зол помчался по следам преступника. Возмездие не заставило себя долго ждать.

Драма длилась всего несколько минут. И вот оба ее действующих лица лежали на земле. Один уже умер, другой умирал...

Мысли Кау-джера обратились к Хальгу. Люди, уносившие юношу, почти скрылись во мраке. Кау-джер горестно вздохнул. Этот мальчик был единственным существом, которое он беспрдельно любил. Вместе с ним исчезал основной, если не единственный, смысл жизни Кау-джера.

Прежде чем уйти, он еще раз взглянул на мертвеца. Лужа крови не увеличивалась. Почва быстро впитывала ее. Испокон веков земля утоляла свою жажду кровью. И что за важность, будет ли одной каплей больше или меньше в этом орошающем ее, неиссякаемом кровавом источнике!

Правда, до сих пор острову Осте удавалось избежать общей участи. Необитаемый — он был незапятнан. Но как только на его пустынных просторах поселились люди, сразу же пролилась человеческая кровь.

Наверно, она обогрила эту землю впервые.

Но, увы, не в последний раз.

11. ПРАВИТЕЛЬ

Когда Хальга, все еще не приходившего в сознание, положили на кровать, Кау-джер перебинтовал раненого. Веки юноши чуть приоткрылись, губы слегка дрогнули, бледные щеки немного порозовели. Хальг слабо застонал и, не приходя в себя, погрузился в тяжелый сон.

Сделав все, что ему подсказывали опыт и любовь, Кау-джер распорядился, чтобы Хальгу обеспечили строжайший покой и полную неподвижность. Затем он поспешил в Либерию.

Горе, постигшее Кау-джера, не отразилось на его альтруизме и поразительной самоотверженности. Оно не заставило этого человека забыть об убитых и раненых, о которых сообщил Сердей. Но не выдумал ли все это бывший повар? Как бы то ни было, следовало самому удостовериться в истинном положении дел.

Близилась ночь. Молодая луна начала склоняться к западу. С темнеющего небосвода опускался неосязаемый пепел ночной мглы. Но вдалеке еще тускло светились огни — в Либерии не спали.

Кау-джер ускорил шаг. В тишине до него донесся едва различимый гул, все усиливающийся по мере того, как он приближался к поселению.

Через четверть часа Кау-джер уже был у цели. Быстро миновав первые темные дома, он вышел на незастроенное пространство — небольшую площадь перед домом губернатора. И тут его глазам представилось совершенно невероятное зрелище. Как будто все жители Либерии решили встретиться здесь, на этой площади, освещенной коптящими факелами. Поселенцы разбились на три группы. Самая многочисленная состояла из женщин и детей, молча наблюдавших за двумя группами мужчин. Одна из них расположилась в боевом порядке перед губернаторским дворцом, как бы защищая подступы к нему, а вторая остановилась напротив, на другой стороне площади.

Нет, Сердей не солгал. Прямо на земле действительно лежало семь человек. Убитые или раненые? Этого Кау-джер не мог определить — в неверном свете колеблющихся факелов они все казались живыми.

Вид и поведение мужчин, стоявших друг против друга, сразу же выдавали взаимную вражду. Однако

лежавшие между ними неподвижные тела создавали нечто вроде нейтральной зоны, через которую никто не осмеливался переступить. Те, кто могли считаться нападающими, не предпринимали ничего похожего на штурм, и пока защитники Боваля не имели ни малейшей возможности проявить свою храбрость. Никаким столкновением до сей поры еще и не пахло. Противники только обменивались репликами, но при этом нимало не стеснялись. Над телами убитых и раненых шла ожесточенная перебранка. Вместо пуль по обе стороны летели раскаленные, оскорбительные слова.

Когда Кау-джер вступил в полосу света, настала тишина. Не обращая ни на кого внимания, он направился прямо к пострадавшим и начал перевязывать раненых. Сердей сказал правду — трое были убиты и четверо ранены.

Оказав первую помощь, Кау-джер огляделся и, несмотря на свое горе, не смог сдержать улыбки при виде множества лиц, выражавших искреннее уважение и вместе с тем самое простодушное любопытство. Люди, державшие факелы, придвинулись к нему, и все три группы, следуя за ними, мало-помалу слились в одну толпу, хранившую глубокое молчание.

Кау-джер попросил помочь ему. Никто не двинулся с места. Тогда он вызвал нескольких колонистов по имени. Это подействовало — те немедленно вышли из толпы и послушно выполнили распоряжения Кау-джера. Через несколько минут раненых и убитых перенесли домой, и там Кау-джер удалил пули и наложил повязку тем, кому еще требовалась его помощь. Закончив эти операции, он осведомился о причинах кровавого столкновения и узнал о появлении на сцене Льюиса Дорика, о возмущении населения против Фердинанда Боваля, об изобретенном губернатором «отвлекающем средстве», о грабежах ферм и, наконец, о попытке нападения на усадьбу Ривьера и его соседей, в печальных результатах чего мог убедиться воочию.

И в самом деле последствия этого налета были весьма плачевными. Надежно укрытые за высокими заборами, четыре фермера встретили грабителей ружейным огнем. Те отступили, и их единственной поживой оказались тела убитых и раненых товарищей. Поэтому теперь в сердцах

бандитов клокотала ненависть, зубы были стиснуты, взгляды горели мрачным огнем. Дикое возбуждение сменилось бессильной яростью.

Разбойники считали себя одураченными. Кем? Неизвестно. Но только не собственной глупостью и нелепыми выдумками. Как всегда бывает, они обвиняли кого угодно, но отнюдь не самих себя.

А где же находились в то время зачинщики, господа Боваль и Дорик? Вне пределов досягаемости, черт возьми! Везде и всегда происходит одно и то же. Волки и овцы. Эксплуататоры и эксплуатируемые.

Но при всех мятежах существует некий определенный ритуал, который был хорошо знаком всем участникам смуты на острове Осте, поскольку они не раз пользовались им в прошлом. Для тех, кто в развернувшихся событиях применяют насилие и убийство, павшие жертвы служат своего рода знаменем.

Таким знаменем явились колонисты, пострадавшие при нападении на ферму Ривьера. Бандиты принесли их в Либерию и уложили под окнами Фердинанда Бовалья, который, как представитель власти, должен был нести ответственность за случившееся. Но тут грабители натолкнулись на приверженцев губернатора, и началась ожесточенная перепалка, как правило, предшествующая драке.

До кулаков дело пока еще не дошло. Неумолимый этикет точно предопределял последовательность событий. После того как люди накричатся до хрипоты, полагалось разойтись по домам, а на следующий день устроить торжественные похороны погибших. Только тогда можно было опасаться беспорядков.

Появление Кау-джера нарушило исконный ход событий. Присутствие этого человека мгновенно погасило общее возбуждение и озлобление, и вдруг все поняли, что здесь лежат не только мертвые, но и раненые, которые нуждаются в срочной помощи.

Когда Кау-джер возвращался в Новый поселок, площадь совсем опустела. Со своим обычным непостоянством толпа, всегда готовая внезапно воспламениться, быстро утихомирилась. В окнах погас свет. Люди уснули.

По пути Кау-джер думал о том, что произошло с эмигрантами. Воспоминание о Дорике и Бовале не особенно

беспокоило его, но поход грабителей по острову вызвал у него чувство тревоги. Колония и без того находилась в затруднительном положении. Если же колонисты развяжут междоусобную войну, она окончательно погибнет.

Что же осталось от всех теорий Кау-джера, после того как он столкнулся с реальными фактами? Результат был налицо — неоспоримый и несомненный: люди, предоставленные самим себе, оказались неспособными поддерживать свое существование. Да, да! Они, это стадо баранов, погибли от голода, ибо без пастуха они не в состоянии отыскать богатые пастбища.

И вот близилась развязка злополучной затеи с колонизацией, продолжавшейся всего полтора года. Как будто Природа осознала, что допустила непоправимую ошибку, и, пожалев о содеянном, бросила на произвол судьбы людей, которые сами в себя не верили. Смерть разила их безостановочно.

И при этом эмигранты, видимо, полагали, что Великая Коса недостаточно расторопна, недаром они всячески ей помогали. Там, откуда ушел Кау-джер, оставались убитые и раненые. Здесь, на его пути, лежал труп Сирка. А в Новом поселке его ждал сраженный кинжалом юноша, его дитя, единственное существо, к которому он был привязан. Со всех сторон лилась кровь...

Перед тем как лечь спать, Кау-джер подошел к постели Хальга. Состояние больного оставалось прежним — ни хуже, ни лучше. Еще несколько дней он будет между жизнью и смертью. Ведь внезапно могло открыться кровотечение.

На следующий день Кау-джер, совершенно разбитый от усталости и переживаний, проснулся поздно. Осмотрев Хальга, который находился в том же положении, он вышел из дому. Солнце стояло уже высоко. Утренний туман развеялся. Было тепло. Стремясь наверстать время, Кау-джер ускорил шаг. Ежедневно он навещал больных в Либерии. Правда, с наступлением весны их становилось все меньше, но сегодня его ждали четверо раненых.

И вдруг Кау-джер увидел, что поперек моста выстроилась цепочка людей. За исключением Хальга и Кароли, здесь находились все мужчины, жившие в Новом поселке. Всего пятнадцать человек. И что было самым поразительным — все они держали в руках ружья и, казалось,

поджидали именно его, Кау-джера. Хотя никто из них не был солдатом, все чем-то походили на военных. Неподвижно, с ружьем у ноги, колонисты стояли со строгими лицами, как бы выслушивая приказ командира.

Гарри Родс, вышедший на несколько шагов вперед, жестом остановил Кау-джера. Тот замер на месте, с удивлением разглядывая странный отряд.

— Кау-джер! — торжественно заговорил Родс. — Давно уже я умоляю вас прийти на помощь несчастному населению острова и взять в свои руки управление колонией. Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с этой просьбой.

Кау-джер, не отвечая, закрыл глаза, как бы для того, чтобы лучше собраться с мыслями. Гарри Родс продолжал:

— Последние события должны были заставить вас задуматься. Во всяком случае, мы все пришли к определенному решению. Ночью Хартлпул, я и еще несколько человек взяли ружья и раздали их жителям Нового поселка. Сейчас мы вооружены и, следовательно, являемся хозяевами положения. События приняли такой оборот, что дальнейшее выжидание было бы просто преступлением. Настало время действовать. Если вы отказываетесь, я сам встану во главе этих честных людей. К сожалению, у меня нет ни вашего авторитета, ни ваших знаний. Не все колонисты мне подчинятся, и, значит, снова будет пролита кровь. Вам же все покорятся безропотно. Решайте.

— Опять что-нибудь случилось? — спросил Кау-джер с обычной невозмутимостью.

— Сами знаете что, — ответил Гарри Родс, указывая на дом, где умирал Хальг.

Кау-джер вздрогнул.

— И еще вот, взгляните. — И Гарри Родс подвел Кау-джера к самому берегу реки.

Оба поднялись на прибрежную скалу. Их взглядам открылась Либерия и болотистая равнина.

В лагере с самого утра царило лихорадочное оживление. Предстояли торжественные похороны убитых. Ожидание этой церемонии приводило всех в страшное возбуждение. Товарищи погибших надеялись превратить ее в демонстрацию. Сторонники Боваля чувствовали, что им

грозит опасность. Для остальных же такие похороны представляли просто любопытное зрелище.

Все жители колонии (за исключением Боваля, считавшего, что разумнее всего оставаться взаперти) следовали за убитыми. Конечно, процессия не преминула пройти мимо губернаторского «дворца» и остановилась на площади как раз против него. Льюис Дорик воспользовался этим и произнес пламенную речь. Потом траурный кортеж двинулся дальше.

У открытых могил Дорик снова взял слово и обрушил — наверно, в сотый раз! — яростные обвинения на правителя. Оснований для этого было вполне достаточно. Он доказывал, что причиной всех несчастий явились недальновидность, неспособность к управлению людьми и косность губернатора. Настал момент свергнуть человека, не справившегося со своими обязанностями, и выбрать на его место достойного.

Дорик добился блестящего успеха. В ответ на его речь раздались громкие возгласы — сначала: «Да здравствует Дорик!», а затем: «Во дворец!.. Идем к губернатору!..» И несколько сот мужчин двинулись к жилищу Боваля, тяжело печатая шаг и угрожающе размахивая кулаками. Глаза у всех гневно сверкали, широко раскрытые, оружие рты, выплевывавшие злобные ругательства, зияли черными ямами. Вскоре эмигранты перешли на бег, а под конец, толкая и мешая друг другу, понеслись со скоростью лавины. Но их бешеный порыв натолкнулся на препятствие. Те, кто были причастны к управлению и пользовались выгодами власти, опасались последствий смены правителя и именно поэтому превратились в его ярых защитников. На площади обе группы сошлись грудь с грудью и вступили в рукопашную.

Чем дольше длилась драка, тем большее неистовство овладевало бойцами. Настал момент, когда кинжалы сами вырвались из ножен. И опять началось кровопролитие. То один, то другой колонист выходил из строя, отползал в сторону или оставался неподвижным на земле. У многих были раздроблены скулы, переломаны ребра, вывихнуты конечности...

Долгое время ни одна, ни другая сторона не могли добиться перевеса, но в конце концов партии Боваля пришлось отступить. Шаг за шагом, метр за метром защит-

ников губернатора оттеснили к «дворцу». Сломив упорное сопротивление, нападавшие опрокинули их и, сметая все на пути, беспорядочной толпой ринулись во «дворец». Если бы бунтовщики нашли Боваля, его, несомненно, растерзали бы на части. Но губернатор исчез. Видя, какой оборот принимают события, он вовремя покинул «дворец». Именно в этот момент он удирал во все лопатки по дороге к Новому поселку.

Напрасные поиски довели победителей до иступления. Толпа обычно теряет чувство меры как в хорошем, так и в плохом. За неимением жертвы бандиты набросились на вещи. Жилище Боваля разграбили. Убогую мебель, бумаги, скудный скарб выбросили из окна. Потом это собрали в кучу и подожгли. Через несколько минут—по оплошности или по воле бунтарей—запылал и сам «дворец» Боваля.

Дым выгнал захватчиков из помещения. Теперь они уже совсем не походили на людей. Опыневшие от крика, грабежа и насилия, люди начисто утратили самообладание. Их охватило одно-единственное дикое желание: мучить, убивать, уничтожать...

На площади все еще стояла толпа зрителей—женщин, детей, а также безучастных ротозеев, которых обычно превращают в козлов отпущения. В общем, здесь скопилась большая часть населения Либерии, но люди эти, слишком робкие, никак не могли послужить сдерживающим началом для смутьянов.

Противники Дорика сочли благоразумным перейти теперь на его сторону, и вдруг ни с того ни с сего вся эта шайка напала на мирную толпу.

Началось повальное бегство. Мужчины, женщины, дети бросились на равнину, а за ними, охваченные непонятым бешенством, гнались разъяренные хулиганы.

Со скалы, на которой стояли Кау-джер и Гарри Родс, ничего не было видно, кроме густого дыма, тяжелые клубы которого докатывались до самого океана. Эта черная завеса окутывала Либерию, откуда доносились неясные возгласы, призывы, проклятия, стоны. Но вот на равнине появился человек, мчавшийся со всех ног, хотя никто за ним не гнался. Перебравшись через мост, он, обессилив, упал возле вооруженного отряда Гарри Родса. Только тогда его узнали. Это был Фердинанд Боваль.

Сначала Кау-джеру все показалось простым и понятным: Боваль, изгнанный с позором, спасся бегством. Либерия охвачена мятежом. В результате — пожар и убийства.

Какой же смысл в таком бунте? Допустим, колонисты хотели избавиться от Бовалья. Прекрасно. Но к чему это разбойничье опустошение? Ведь от него первыми же страдают те, кто принимал в нем участие. Зачем было затевать резню, о которой можно было судить по доносившимся из Либерии крикам?

Кау-джер не отвечал Гарри Родсу. Прямой и недвижимый стоял он на вершине скалы, молча наблюдая за событиями, происходившими на противоположном берегу. Мучительные переживания не отражались на его всегда бесстрастном лице.

Но тем не менее душу Кау-джера раздирали тягостные сомнения. Перед ним встала тяжкая дилемма: закрыть ли глаза на действительность и продолжать упорствовать в своей ложной вере, в то время как несчастные безумцы перебеют друг друга, или же признать очевидность фактов, внять голосу рассудка, вмешаться в происходящую бойню и спасти этих людей даже против их воли? То, что подсказывал ему здравый смысл, означало — увы! — полное отрицание его прежней жизни. Пришлось бы признаться, что он верил в мираж, сознаться, что он строил жизнь на лжи, что все его теории не стоили и выеденного яйца и что он принес себя в жертву химере. Какой крах всех идеалов!..

Вдруг из пелены дыма, скрывавшей Либерию, выбежал какой-то человек. За ним показался другой, потом еще десятки и сотни беглецов. Среди них было много женщин и детей. Некоторые пытались укрыться в восточных горах, но большинство, настигаемое преследователями, несло по направлению к Новому поселку.

Последней бежала полная женщина, которая не могла быстро двигаться. Один из преступников нагнал ее, схватил за волосы, повалил на землю и замахнулся...

Кау-джер обернулся к Гарри Родсу и сказал:
— Хорошо. Я согласен.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Кау-джер во главе пятнадцати добровольцев быстро пересек равнину и через несколько минут был в Либерии.

Драка на площади все еще продолжалась, но без прежнего ожесточения, а скорее по инерции. Многие даже позабыли, из-за чего она началась.

Появление маленького вооруженного отряда как гром поразило дерущихся. Никто не предвидел возможности такого быстрого и решительного действия. Драка сразу же прекратилась. Кое-кто из смутьянов бежал с поля боя, испугавшись неожиданного поворота событий.

Другие замерли на месте, тяжело переводя дыхание, как люди, очнувшиеся после кошмарного сна. Резкое возбуждение сменилось тупой апатией.

Прежде всего Кау-джер поспешил потушить пожар, пламя которого, раздуваемое слабым южным бризом, грозило переброситься на весь лагерь. Огонь почти уничтожил бывший «дворец» Боваля, и вскоре от него осталась только груда обгоревших обломков, над которыми вился едкий дымок.

Потушив пожар и оставив пять человек возле присмиревшей толпы, Кау-джер с десятком своих приближенных отправился в окрестности столицы, чтобы собрать остальных эмигрантов. Это удалось без труда. Со всех сторон колонисты возвращались в Либерию.

Через час остельцев созвали на площадь. Трудно было себе представить, что эта мирная толпа еще недавно так бушевала и бесновалась. Теперь только многочисленные жертвы, лежавшие на земле, напоминали о кровавом побоище.

Люди стояли неподвижно, будто пронесшийся шквал сломил их волю. Покорно ожидая дальнейших событий, они равнодушно смотрели на вооруженный отряд.

Кау-джер вышел на середину площади и твердо заявил: — Отныне я буду править вами.

Какой путь пришлось ему проделать, чтобы произнести эти несколько слов! Так Кау-джер не только признал в конце концов необходимость власти, не только решился, преодолевая отвращение, стать ее представителем, но, перейдя из одной крайности в другую, превзошел всех ненавистных ему тиранов, не испросив даже согласия тех, над которыми утвердил власть. Он отказался от своих свободолюбивых идеалов и сам растоптал их.

Несколько секунд после краткого заявления Кау-джера царило молчание. Потом толпа громко закричала. Аплодисменты, возгласы «Да здравствует Кау-джер!» и «Ура!» разразились подобно урагану. Люди поздравляли, обнимали друг друга, матери подбрасывали кверху своих детей.

Однако у некоторых эмигрантов был мрачный вид. Сторонники Боваля и Льюиса Дорика отнюдь не кричали: «Да здравствует Кау-джер!» Они молчали, боясь обнаружить свои настроения. Что же им оставалось делать?

Они оказались в меньшинстве, и им приходилось считаться с большинством, поскольку оно отныне обрело вождя.

Кау-джер поднял руку. Мгновенно водворилась тишина.

— Остельцы! — сказал он. — Будет сделано все необходимое для облегчения вашей участи. Но я требую повиновения и надеюсь, что вы не заставите меня применить силу. Расходитесь по домам и ждите моих распоряжений.

Сила и краткость этой речи произвели самое благоприятное впечатление. Колонисты поняли, что ими будут управлять и что им остается лишь повиноваться. Это явилось наилучшим утешением для несчастных, которые только что произвели столь плачевный эксперимент с неограниченной свободой и теперь готовы были променять ее на верный кусок хлеба. Они подчинились Кау-джеру сразу и безропотно.

Площадь опустела. Все, в том числе и Льюис Дорик, согласно полученному приказу, разошлись по домам или палаткам.

Кау-джер проводил остельцев взглядом. Горькая усмешка искривила его губы. Его последние иллюзии рассеялись. Видимо, люди не так тяготеют порабощением, как это ему представлялось прежде. Может ли подобная покорность, почти трусость, сочетаться со стремлением личности к абсолютной свободе?!

Кау-джер спешил оказать помощь жертвам мятежа, которых было немало повсюду — и в самой Либерии, и в ее окрестностях. Вскоре всех пострадавших разыскали и доставили в лагерь. После проверки выяснилось, что смута стоила жизни двенадцати колонистам (среди них трое разбойников, убитых при нападении на ферму Ривьеров). Смерть этих эмигрантов не вызвала особых сожалений, поскольку лишь один из них, вернувшийся из центральной части острова еще зимой, мог быть причислен к порядочным людям. Остальные же принадлежали к клике Боваля и Дорика.

Наиболее тяжелые потери понесли сами бунтовщики, разъяренные безуспешной борьбой. Ну, а среди безобидных зевак, подвергшихся дикому нападению после пожара «дворца» Боваля, был убит только один. Другие

отделались легкими ушибами, переломами и несколькими ножевыми ранами, не угрожавшими жизни.

Печальные последствия бунта не испугали Кау-джера. Он сознательно взял на себя ответственность за жизнь многих сотен человеческих душ, и, как бы ни была трудна эта задача, она не поколебала его мужества.

После того как раненых осмотрели, перевязали и отправили домой, площадь опустела. Оставив здесь пять человек для охраны порядка, Кау-джер направился с десятью другими в Новый поселок. Туда призывал его иной долг — там лежал Хальг, умирающий... или уже мертвый.

Состояние молодого индейца не улучшалось, несмотря на прекрасный уход. Грациэлла и ее мать, а также Кароли не отходили от постели больного, и можно было вполне положиться на их самоотверженность. Пройдя тяжелую жизненную школу, молодая девушка научилась скрывать свои чувства. Она сдержанно ответила на вопросы Кау-джера. По ее словам, у Хальга появилась небольшая лихорадка, он все еще находился в забытии и только изредка тихо стонал. На бледных губах больного иногда выступала кровянистая пена, хоть и менее обильная, чем прежде. Это был благоприятный признак.

Тем временем десять человек, сопровождавшие Кау-джера, возвратились в Либерию. Они взяли в Новом поселке съестные припасы и, обойдя все дома, раздали их колонистам. Когда раздача окончилась, Кау-джер назначил дежурных на ночь, потом улегся на землю, завернулся в одеяло и попытался уснуть.

Но, несмотря на невероятную усталость, сон не приходил. Мозг продолжал напряженно работать.

В нескольких шагах от Кау-джера неподвижно, словно статуи, застыли двое часовых. Ничто не нарушало тишину. Лежа с открытыми глазами, Кау-джер размышлял.

Что он здесь делает? Как могло случиться, что, под влиянием обстоятельств, он изменил своим убеждениям? И за какие грехи на его долю выпали такие страдания? Если раньше он и заблуждался, то, по крайней мере, был счастлив... Что же мешает ему быть счастливым теперь? Стоит только подняться и бежать, ища забвения от мучительных переживаний в опьяняющих бесцельных странствованиях, которые всегда вносили покой в его душу...

Но теперь — увы! — вернут ли ему эти скитания прежние светлые идеалы? Разве можно забыть, сколько жизней было принесено в жертву фальшивому кумиру?! Нет, отныне он отвечает перед своей совестью за переселенцев, заботу о которых добровольно взял на себя... И не освободится от этого бремени до тех пор, пока, шаг за шагом, не доведет их до намеченной цели.

Пусть будет так. Но какой путь избрать для этого?.. Не слишком ли поздно?.. Имеет ли он право — как, впрочем, и любой другой человек на его месте — заставить этих людей преодолевать трудности?

Хладнокровно взвешивал Кау-джер возложенную на себя ношу, анализировал стоявшую перед ним задачу и изыскивал наилучшие способы ее разрешения.

Не дать этим несчастным погибнуть от голода? Да, это прежде всего, но еще далеко не все по сравнению с основной целью. Жить — означает не только удовлетворять материальные запросы организма, но главным образом сознавать свое человеческое достоинство

После того как он спас эти жалкие существа от смерти, ему предстоит превратить их в настоящих людей. Но в состоянии ли эти ничтожества подняться до таких высот? Конечно, не все, но, возможно, некоторые... Если указать им на путеводную звезду, которую они сами не смогли найти в небе... если повести их к цели за руку...

Так размышлял в ночи Кау-джер. Так, один за другим, он сам опровергал собственные доводы, преодолевал внутреннее сопротивление, и мало-помалу в голове его созрел общий план дальнейших действий.

Заря застала его на ногах. Он успел уже побывать в Новом поселке и с радостью убедился, что в состоянии Хальга намечилось некоторое улучшение. Тотчас же по возвращении в Либерию Кау-джер приступил к неотложным делам по управлению колонией. Прежде всего он созвал десятка два каменщиков и плотников, потом, соединив к ним такое же количество колонистов, умевших обращаться с лопатой и киркой, распределил между ними работу. В указанном месте им надлежало выкопать котлованы для закладки фундамента и возведения дома.

Когда все распоряжения были отданы и люди принялись за работу, Кау-джер ушел вместе с охраной из десяти человек.

Неподалеку высился самый большой из сборных домов. В нем жили всего пять человек. Льюис Дорик, братья Мур, Кеннеди и Сердей избрали его своей резиденцией. Прямо туда и направился Кау-джер.

Когда он вошел, пятеро мужчин сразу вскочили на ноги.

— Что вам здесь нужно? — грубо спросил Льюис Дорик.

Кау-джер, стоя на пороге, спокойно ответил:

— Дом для остельской колонии.

— Дом? — переспросил Льюис Дорик, словно не поверив своим ушам. — А для чего?

— Для размещения в нем учреждений. Предлагаю немедленно освободить его.

— Как бы не так! — иронически возразил Льюис Дорик. — А куда же нам деться?

— Куда угодно. Можете построить себе другой дом.

— Вот как? А до тех пор?

— Воспользуйтесь палатками.

— А вы воспользуйтесь дверью! — воскликнул Дорик, побагровев от злости.

Кау-джер посторонился, и Дорик увидел оставшуюся снаружи вооруженную охрану.

— В случае неповиновения, — спокойно сказал Кау-джер, — я буду вынужден применить силу.

Льюис Дорик мгновенно понял, что всякое сопротивление бесполезно.

— Ладно, — проворчал он, — мы уйдем. Дайте только время, чтобы собрать пожитки. Надеюсь, нам разрешается унести их?

— Нет, — категорически ответил Кау-джер. — Я сам позабочусь о том, чтобы вам возвратили ваше личное имущество. Все остальное принадлежит колонии.

Это уже было слишком. Дорик потерял самообладание.

— Ну, мы еще посмотрим! — вскричал он, поднося руку к поясу.

Но не успел он вытащить нож, как тут же был обезоружен. Братья Мур бросились к товарищу на помощь, но Кау-джер схватил старшего за горло и швырнул на землю. Тотчас же охрана нового правителя ворвалась в по-

мещение, и пять эмигрантов, трусливо отказавшись от борьбы, покинули дом.

Кау-джер со своими спутниками тщательно осмотрел отвоеванное здание. Как и было обещано, всю личную собственность прежних жильцов отложили в сторону, чтобы потом передать ее законным владельцам. Но, помимо личных вещей, там обнаружили еще нечто чрезвычайно интересное: самая дальняя комната была превращена в настоящий склад с колоссальными запасами продуктов—консервов, сухих овощей, солонины, чая и кофе.

Каким образом Льюис Дорик и его сообщники раздобыли все это? Значит, они никогда не страдали от голода, подобно другим, однако это не мешало им возмущаться громче всех и даже подстрекать к беспорядкам, в результате которых была свергнута власть Боваля.

Кау-джер приказал перенести продукты на площадь и сложить их там под охраной. Затем рабочие, под руководством слесаря Лоусона, приступили к разборке дома Дорика. Пока они занимались этой работой, Кау-джер, в сопровождении нескольких человек, произвел повальный обыск лагеря. Дома и палатки были перерыты сверху донизу. Результаты этих поисков, длившихся большую часть дня, превзошли все ожидания: у эмигрантов, более или менее тесно связанных с Льюисом Дориком или Фердинандом Бовалем, а также у тех, кому, благодаря экономии в периоды относительного изобилия, удалось сделать кое-какие запасы, были обнаружены тайники с провизией, такие же как и у Льюиса Дорика. Но чтобы отвести от себя подозрения, их владельцы не отставали от других и горько жаловались на голод. Среди них Кау-джер узнал многих, кто обращался к нему за помощью. Когда обманщиков вывели на чистую воду, они были очень смущены, хотя Кау-джер внешне никак не проявил своего негодования.

Самую замечательную находку сделали в домике, где обитали ирландец Паттерсон и Лонг, пережившие своего третьего компаньона — Блэкера. Туда зашли только для очистки совести — трудно было предположить, что в таком маленьком помещении может находиться сколько-нибудь значительный тайник. Но Паттерсон, со свойственной ему изворотливостью, выкопал под грубо сколоченным полом нечто вроде погреба.

Там нашли столько продуктов, что хватило бы всей колонии на неделю. Кау-джер, вспомнив о Блэкере, ужаснулся. Какое же черствое сердце было у Паттерсона, если он мог допустить, чтобы его товарищ умер от голода при наличии такого изобилия!

Однако ирландец отнюдь не выглядел виноватым. Наоборот, он вел себя вызывающе и энергично протестовал против «грабежа». Напрасно Кау-джер терпеливо доказывал ему необходимость жертвовать личным ради общественного блага — Паттерсон ничего не хотел слушать. Угроза применить силу также не возымела действия — его не удалось запугать, как Льюса Дорика. Что значила для ирландца стража нового правителя? Скрыга стал бы защищать свое добро против целой армии!

Ведь все это принадлежало ему. Все эти продукты, накопленные ценой бесконечных лишений, были его собственностью. Ради личных, а отнюдь не ради общественных интересов он обрекал себя на недоедание. Так что коли уж возникла необходимость изъять у него продукты, пусть ему оплатят их стоимость!

Раньше такие доводы вызвали бы у Кау-джера только смех. Но теперь он спокойно выслушал Паттерсона и заверил его, что в данном случае нет никакого грабежа и что все изъятое у него для общественного блага будет оплачено по надлежащей цене.

Скрыга тотчас же перешел от протеста к жалобам: «На острове Осте так грудно с продовольствием! Такие высокие цены! За каждую мелочь приходится платить втридорога!..» Кау-джер был вынужден долго торговаться с ним, но зато, когда они договорились о сумме предстоящей оплаты, Паттерсон сам помог перенести продукты.

Наконец, часам к шести вечера, все найденные припасы были сложены на площади, образовав целую гору. Оценив на глаз эту груду и мысленно добавив к ней запасы из Нового поселка, Кау-джер рассчитал, что при строгой экономии продуктов должно хватить примерно на два месяца.

В тот же вечер приступили к раздаче продовольствия. Эмигранты подходили по очереди и получали паек для себя и для семьи. Они удивленно таращили глаза при виде такого изобилия, ибо еще накануне полагали, что на-

ходятся на пороге голодной смерти. Все происходившее казалось им чудом, и сотворил это чудо Кау-джер.

А тот, покончив с раздачей, вернулся в сопровождении Гарри Родса в Новый поселок к Хальгу. С радостью убедились они, что состояние больного, возле которого непрерывно дежурили Туллия и Грациэлла, продолжает улучшаться.

Успокоенный Кау-джер приступил к осуществлению плана, намеченного им во время последней долгой бессонной ночи. Обратившись к Гарри Родсу, он сказал:

— Мне надо серьезно поговорить с вами, господин Родс. Прошу вас следовать за мною.

Строгое, чуть ли не страдальческое выражение лица Кау-джера поразило Гарри Родса, молча повиновавшегося правителю. Они вошли в комнату, тщательно заперев за собою двери.

Через час они вышли. У Кау-джера был обычный невозмутимый вид, а Гарри Родс, казалось, преобразился от радости. Кау-джер проводил его до порога и протянул на прощание руку. Прежде чем пожать ее, Гарри Родс низко поклонился и сказал:

— Можете положиться на меня!

— Полагаюсь,— ответил Кау-джер, провожая взглядом своего друга, исчезавшего в ночи.

После ухода Родса Кау-джер позвал Кароли и отдал ему необходимые распоряжения, которые индеец выслушал, как всегда, без пререканий. Затем неутомимый правитель в последний раз пересек равнину и отправился, как и накануне, в Либерию, чтобы там провести ночь.

На рассвете он подал сигнал к подъему. Вскоре все колонисты собрались вокруг него.

— Остельцы! — сказал среди глубокой тишины Кау-джер. — Сейчас мы в последний раз произведем раздачу продуктов. В дальнейшем они будут продаваться по ценам, установленным мною в соответствии с интересами остельского государства. Деньги имеются у всех, поэтому никому не угрожает голодная смерть. Впрочем, колонии нужны рабочие руки. Всех трудоспособных обеспечат оплачиваемой работой. С этого дня труд становится законом.

Всех людей удовлетворить невозможно, и, конечно,

некоторым колонистам эта короткая речь пришлось не по вкусу. Но большая часть присутствующих была в восторге. Головы поднялись, спины выпрямились, словно людям придали новые силы.

Наконец-то кончилось бездействие! Они еще годны на что-то! Они еще смогут принести пользу! Колонисты приобрели и обеспеченную работу, и уверенность в завтрашнем дне.

Раздалось могучее «ура!» Мускулистые руки, готовые к действию, протянулись к Кау-джеру.

И тогда, как бы вторя толпе, чей-то голос издали позвал Кау-джера. Он обернулся и увидел в океане «Уэл-Киедж», которой управлял Кароли. Гарри Родс стоял у мачты и махал рукой, посылая прощальный привет другу, в то время как шлюпка, позолоченная солнцем, на всех парусах летела вдаль.

2. РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Кау-джер тут же приступил к организации работ. Всех, предложивших свои услуги (а надо сказать, что их было подавляющее большинство), он принял на работу и разделил на группы, которыми руководили десятники. Одни начали прокладывать дорогу, соединявшую Либерию с Новым поселком, других направили на переноску сборных домов, построенных где попало. Теперь, по указаниям Кау-джера, здания устанавливали в строгом порядке: одни параллельно, другие—перпендикулярно бывшему жилищу Дорика, неподалеку от сгоревшего «дворца» Боваля.

Вскоре строительство развернулось полным ходом. Дорога удлинялась на глазах. Дома размещали среди пустовавших участков — будущих садов. Широкие улицы придавали Либерии вид настоящего города, тогда как прежде она больше напоминала наспех разбитый лагерь. Одновременно начали очищать территорию от мусора и нечистот, скопившихся за зиму.

Прежний дом Дорика оказался первым зданием, более или менее приспособленным для жилья. Эту легкую постройку разобрали и перенесли на новое место. Правда, она была еще не совсем закончена, но строители уже

укрепили стены, поставили стропила и разделили помещение перегородками.

И вот 7 ноября Кау-джер вступил во владение этим домом. Планировка его была очень проста: в центре продовольственный склад, а вокруг него ряд смежных помещений, двери которых выходили на север, запад и восток. Комната же, расположенная на южной стороне, не имела выхода наружу, и в нее можно было попасть только из других помещений.

Над дверьми висели деревянные таблички: «Управление», «Суд», «Милиция». Назначение комнаты на южной стороне пока еще оставалось неизвестным, но вскоре пошли слухи, что там будет тюрьма.

Итак, Кау-джер уже не полагался всецело на благоразумие себе подобных. Для упрочения власти потребовались милиция, суд и тюрьма. Его долгая внутренняя борьба привела к поражению: он признал необходимость самых крайних мер, без которых — из-за несовершенства человеческого рода — невозможно пойти по пути прогресса и цивилизации.

Но все эти учреждения служили лишь остовом будущего государственного аппарата. Для выполнения административных функций требовались служащие, и Кау-джер незамедлительно назначил их. Хартлпул был поставлен во главе милиции, состоявшей из сорока человек. В суде Кау-джер оставил за собой пост председателя, а текущие дела поручил Фердинанду Бовалю.

Такое назначение могло бы показаться странным, но это был уже не первый случай. Выплата жалования и продажа продуктов теперь очень усложнились. Обмен труда на продукты с появлением денег требовал сложных расчетов. На должность бухгалтера Кау-джер назначил того самого Джона Рама, который поплатился своим здоровьем и состоянием за пристрастие к легкой жизни. Каким образом этот никчемный человек очутился в колонии? Наверно, он и сам не смог бы ответить на это. Просто он поддался смутным мечтам о красивой жизни в неведомой стране, а вместо этого грубая действительность преподнесла ему зимовку на острове Осте.

После установления нового порядка Рам, в силу необходимости, попытался присоединиться к землекопам, прокладывавшим дорогу, но к концу первого же дня со-

вершенно выбился из сил. Его холеные руки так болели, что пришлось бросить работу. Поэтому несчастный был вне себя от радости, получив назначение на должность бухгалтера. Отныне всякие пересуды о нем прекратились.

Пожалуй, одно из основных качеств правителя состояло в умении использовать для блага государства даже самую незначительную личность. Но он не мог все делать сам, ему требовались помощники. И именно в выборе помощников проявлялся его незаурядный государственный талант.

Избранные им помощники — хотя и весьма своеобразные личности — оказались на высоте своего положения. Кау-джер преследовал одну цель — добиться от каждого колониста максимальной пользы для общества. Так, Боваль, человек во многих отношениях неполноценный, оказался знающим юристом. Следовательно, он более других подходил для ведения юридических дел, а это обязывало его следить за собой в повседневной жизни. Что же касается Джона Рама, самого неприспособленного из колонистов, можно было только удивляться, как удалось найти занятие для этого безвольного и жалкого существа.

День ото дня крепло Остельское государство. Кау-джер развил бурную деятельность. Он окончательно покинул Новый поселок и перенес свой инструмент, книги и медикаменты в «Управление», как теперь называли бывший дом Льюиса Дорика. Спал он всего по несколько часов в сутки, остальное же время проводил на работах, подбадривая людей, разрешая все возникавшие трудности, спокойно и твердо поддерживая мир и порядок. В его присутствии никто не осмеливался вступать в пререкания или затевать ссоры. Стоило ему показаться, как все оживлялись и работа спорилась.

В свободные часы Кау-джер осматривал раненых во время мятежа и больных. Впрочем, теплая погода, спокойная обстановка и труд благотворно отразились на здоровье колонистов.

Понятно, что из всех больных и раненых самым дорогим его сердцу был Хальг. При любой погоде, как бы он ни был утомлен, Кау-джер навещал утром и вечером молодого индейца, от постели которого не отходили Грациэлла и ее мать. К радости Кау-джера, состояние боль-

ного заметно улучшалось, и вскоре появилась уверенность, что рана в легком стала рубцеваться. 15 ноября Халыг наконец встал с постели, пролежав около месяца.

В этот день Кау-джер направился к дому Родсов.

— Здравствуйте, миссис Родс! Здравствуйте, дети!— сказал он, входя.

— Здравствуйте, Кау-джер!— радостно закричали все трое.

В сердечной атмосфере семьи Родсов Кау-джер как будто немного оттаивал. Эдуард и Клэри обняли его. Кау-джер отечески поцеловал молодую девушку и потрепал мальчика по щеке.

— Наконец-то вы пришли, Кау-джер!— воскликнула госпожа Родс.— Я уже стала беспокоиться, все ли с вами благополучно.

— Я был очень занят, миссис Родс.

— Знаю, Кау-джер, знаю,— ответила она,— и очень рада вас видеть... Надеюсь, вы мне сообщите что-нибудь о муже?

— Ваш муж уехал. Вот все, что я могу вам сказать.

— Большое спасибо за новости!.. Но не скажете ли, когда он вернется?

— Не так скоро, миссис Родс,— продолжал Кау-джер.— Немного терпения, и все будет хорошо. Впрочем, я хочу предложить вам занятие... вернее, развлечение. Вам предстоит переезд.

— Переезд?

— Да, вы поселитесь в Либерии.

— В Либерии? А что мне там делать, боже милостивый!

— Заниматься коммерцией, миссис Родс. Вы будете самой крупной коммерсанткой в стране... Прежде всего потому, что других торговых предприятий здесь нет, а также и потому, что ваши дела, надеюсь, пойдут успешно.

— Коммерция!.. Дела!..— повторила пораженная госпожа Родс.— Какие дела, Кау-джер?

— Дела универсального магазина Гарри Родса. Ведь вы же помните, что у вас есть товары для мелочной торговли. Настало время их реализовать.

— Как?— воскликнула госпожа Родс.— Вы хотите, чтобы я совсем одна... без мужа?..

— Дети помогут вам,— прервал ее Кау-джер,— они

уже достаточно взрослые, чтобы работать, а на острове Осте все должны трудиться. Мне не нужны бездельники.

Кау-джер стал серьезен. Из друга, дающего советы, он превратился в начальника, отдающего приказы.

— Туллия Черони и ее дочь,— продолжал он,— тоже смогут помочь вам, когда Хальг совсем поправится. Кроме того, вы просто не имеете права оставлять неиспользованными предметы, которые могут содействовать всеобщему благополучию.

— Но в этих товарах почти все наше состояние,— с волнением возразила госпожа Родс.— Что скажет муж, когда узнает, что я рискнула торговать в стране, где то и дело вспыхивают мятежи и где безопасность...

— ...полная и абсолютная,— закончил Кау-джер,— какой нет ни в одной другой стране, можете мне поверить, миссис Родс.

— Что же, по-вашему, я должна делать с этим товаром?

— Продавать.

— Кому?

— Покупателям.

— Разве они существуют? У них же нет денег!

— Вы сомневаетесь в этом? Вы ведь знаете, что при отъезде деньги были у всех. А теперь их зарабатывают.

— Зарабатывают деньги на острове Осте?

— Именно так. Колония нанимает рабочих и оплачивает их труд.

— Значит, и у колонии есть деньги?.. Откуда?

— У колонии нет денег,— объяснил Кау-джер,— но она приобретает их путем продажи продуктов местного происхождения. Вы должны это знать, ведь вам самой приходится платить за них.

— Верно,— согласилась госпожа Родс.— Но если дело ограничивается простым обменом и колонистам приходится отдавать за пропитание то, что они заработали своим трудом, хм... мне трудно представить себе, на какие деньги они станут покупать мои товары.

— Не беспокойтесь, миссис Родс, я установил такие цены на продукты, что колонисты смогут делать небольшие сбережения.

— А кто же оплатит разницу?

— Я.

— Значит, вы очень богаты?

— Видимо, так.

Госпожа Родс смотрела на Кау-джера совершенно ошеломленная. Тот, казалось, не замечал этого.

— Мне очень важно, миссис Родс,— продолжал Кау-джер,— чтобы ваш магазин открылся как можно скорее.

— Как вам будет угодно, Кау-джер,— согласилась госпожа Родс без особого восторга.

Через пять дней пожелание Кау-джера было выполнено. 20 ноября, когда Кароли возвратился из плавания, торговля в универсальном магазине Гарри Родс уже шла полным ходом.

Кароли застыл на месте от восхищения. Какие громадные изменения произошли меньше чем за месяц! Либерия стала неузнаваема. Только несколько домов остались на прежнем месте, бóльшая же их часть теперь группировалась вокруг здания, называемого «Управление».

В ближайших к нему домах жили со своими семьями сорок человек, составлявших милицию колонии и получивших со склада оружие. Восемь оставшихся ружей были сложены в караульном помещении, между комнатами Кау-джера и Хартлпула. Пороховой погреб, находившийся в центре здания, не имел прямого выхода наружу и охранялся круглосуточно.

К востоку и западу от Либерии непрерывно шли строительные работы. Дело спорилось. Новые здания, деревянные и каменные, уже поднимались над землей. Вдоль широких улиц, пересекавшихся под прямым углом, стояли дома, размещенные по строгому плану. Дорога к Новому поселку пролежала по болотистой равнине и выходила стороной к реке. На крутых берегах лежали груды камней, предназначенных для постройки моста.

Новый поселок почти опустел. За исключением четырех матросов с «Джонатана» и трех колонистов, решивших зарабатывать на жизнь рыбной ловлей, все остальные жители перебрались в Либерию к месту работы. Из Нового поселка, превратившегося в рыбацкий порт, каждое утро уходили в океан лодки, а к вечеру возвращались с обильным уловом.

Однако, несмотря на уменьшение населения, ни один дом в пригороде не был снесен. Таков был приказ Кау-джера.

В этот день Кау-джер, как обычно, посвятил все утро финансовым и продовольственным делам колонии, а затем отправился на строительство дороги.

Был обеденный перерыв. Бросив кирки и лопаты, рабочие дремали на пологих склонах, пригревшись на солнышке, или завтракали, лениво перебрасываясь словами.

Когда Кау-джер проходил мимо, лежавшие вставали, разговоры смолкали и все приподнимали фуражки, приветствуя его:

— Здравствуйтесь, губернатор!

Не останавливаясь, Кау-джер махал им в ответ рукой.

Пройдя более половины пути, он заметил неподалеку от реки группу эмигрантов. Вскоре до его слуха донеслись звуки скрипки.

Скрипка? Она звучала из острова Осте впервые после смерти Фрица Гросса.

Толпа расступилась перед Кау-джером, и он увидел двух мальчиков. Один из них играл (впрочем, довольно неуверенно) на скрипке, другой же раскладывал на земле корзинки, сплетенные из камыша, и букеты полевых цветов: крестовника, вереска и остролиста.

Дик и Сэнд! В житейских бурях Кау-джер совсем забыл об их существовании. Но разве он должен был заботиться о них больше, чем о других детях в колонии? Ведь Дик и Сэнд тоже имели семью в лице честного и доброго Хартлпула.

Маленький Сэнд, видимо, не терял даром времени. Не прошло еще и трех месяцев, как он получил в наследство скрипку Фрица Гросса, но благодаря исключительным музыкальным способностям мальчуган сам, без учителя, быстро добился неплохих результатов. Конечно, он не был виртуозом (и пока не похоже было, что когда-нибудь станет им), но играл он чисто, не фальшивя, и под его смычком возникали наивные, а иногда и довольно замысловатые мелодии, соединявшиеся красивыми и смелыми переходами.

Скрипка умолкла. Дик, закончив раскладку «това-

ров», заговорил с комическим пафосом, задирая голову, чтобы казаться выше:

— Уважаемые остельцы! Мой компаньон, представитель отдела изящных искусств и музыки в фирме «Дик и компания», знаменитый маэстро Сэнд, придворный скрипач его величества короля мыса Горн и других стран, благодарит вас за внимание, которое вы сообразовали ему оказать...

Он громко перевел дыхание и продолжал:

— Концерт, уважаемые остельцы, бесплатный, не то что наши товары, которые, смею уверить, еще прекраснее, а главное, существеннее, чем музыка. Фирма «Дик и компания» имеет сегодня в продаже букеты, а также корзины, чрезвычайно удобные для рынка... когда такой появится на острове Осте. Один цент за букет! Один цент за корзинку! Раскошеливайтесь, прошу вас, уважаемые остельцы!

Дик ходил по кругу, расхваливая и показывая образцы «товаров», а Сэнд снова заиграл на скрипке — для воодушевления покупателей.

Зрители смеялись, и Кау-джер понял из разговоров, что они не впервые присутствуют при подобном представлении. По-видимому, у Дика и Сэнда вошло в обычай обходить стройки в часы перерыва и заниматься столь оригинальной коммерцией. Удивительно, как он не заметил их раньше!

Тем временем Дик распродал букеты и корзинки.

— Осталась только одна корзинка, дамы и господа! — объявил он. — Самая красивая! Два цента за последнюю, самую красивую корзинку!

Какая-то женщина заплатила ему два цента.

— Очень благодарен вам, дамы и господа! Восемь центов! Целое состояние! — воскликнул Дик, отплясывая джигу.

Но танец внезапно прервался — Кау-джер схватил танцора за ухо.

— Что это значит? — спросил он строго.

Мальчик взглянул на него исподлобья, стараясь угадать, как относится Кау-джер ко всему происходившему, и, видимо успокоившись, ответил совершенно серьезно:

— Мы работаем, губернатор.

— По-твоему, это работа? — воскликнул Кау-джер, отпустив ухо пленника, который сразу же повернулся и, глядя прямо в глаза губернатору, ответил с важным видом:

— Мы основали товарищество. Сэнд играет на скрипке, а я продаю цветы и корзинки. Иногда мы выполняем какие-нибудь поручения или продаем раковины. Я умею танцевать и показывать фокусы... Разве все это не работа, губернатор?

Кау-джер невольно улыбнулся.

— Пожалуй, — согласился он. — Но зачем вам деньги?

— Для бухгалтера, господина Джона Рама, губернатор.

— Как? — воскликнул Кау-джер. — Джон Рам требует с вас деньги?

— Он не требует, губернатор, — возразил Дик. — Мы сами платим ему за наше пропитание.

Кау-джер был поражен. Он повторил:

— За пропитание?.. Вы платите за еду?.. Разве вы уже не живете у господина Хартлпула?

— Мы живем у него, но дело не в этом...

Дик надул щеки и, подражая Кау-джеру (причем, несмотря на разницу в возрасте, сходство было несомненным), произнес с пафосом:

— Труд является законом для всех!

Засмеяться или рассердиться? Кау-джер улыбнулся. Ясно, что Дик и не собирался насмеяться над губернатором. Зачем же тогда порицать этих ребят, стремившихся к самостоятельности, в то время как многие взрослые пытались жить на чужой счет?

Кау-джер спросил:

— И что же, удастся вам заработать себе на жизнь?

— Еще бы! — гордо ответил Дик. — Двенадцать, а то и пятнадцать центов в день — вот сколько мы зарабатываем! На эти деньги уже можно жить человеку, — добавил он серьезно.

«Человеку!» Все, кто услышал эти слова, разразились хохотом. Дик обиженно взглянул на них.

— Что за идиоты! — огорченно пробормотал он сквозь зубы.

Кау-джер вернулся к интересовавшему его вопросу:

— Пятнадцать центов — это действительно неплохо.

Но вы могли бы заработать и больше, если бы помогали каменщикам или дорожным рабочим.

— Невозможно, губернатор! — живо возразил Дик.

— Почему же?

— У Сэнда не хватит сил для этого, он еще слишком мал, — объяснил Дик, и в его голосе слышалась настоящая нежность. Ни малейшего оттенка презрения!

— А ты?

— О... я!

Надо было слышать этот тон!.. «Я!» У него-то, конечно, хватит силы! Было бы оскорблением усомниться в этом.

— Так как же ты решаешь?

— Не знаю... — задумчиво проговорил Дик. — Мне это не по душе... — Потом порывисто добавил: — Я люблю свободу, губернатор!

Кау-джер с интересом разглядывал маленького собеседника, стоявшего перед ним с гордо поднятой головой, с развевавшимися по ветру волосами и смотревшего на него блестящими глазами. Он узнавал самого себя в этой благородной, но склонной к крайностям натуре. Он тоже больше всего любил свободу и не переносил никаких оков.

— Свободу нужно сначала заслужить, мальчик, — возразил Кау-джер, — трудясь для себя и для других. Поэтому необходимо начинать с послушания. Попросите от моего имени Хартлпула подыскать вам работу по силам. А я уж, конечно, позабочусь о том, чтобы Сэнд мог продолжать заниматься музыкой. Ступайте, ребята.

Эта встреча поставила перед Кау-джером новую задачу. В колонии было много детей. Ничем не занятые, оставаясь без присмотра родителей, они бродяжничали с утра до вечера. В интересах нового государства следовало воспитывать молодых граждан для продолжения дела, начатого их предшественниками, и в кратчайший срок открыть школу.

Но, ввиду множества различных и срочных дел, Кау-джеру пришлось оставить разрешение этого важного вопроса до возвращения из поездки в центральную часть острова. Он собирался совершить ее еще в то время, когда взял на себя управление колонией, но откладывал со дня на день из-за других неотложных дел. Теперь же

Кау-джер уезжал спокойно — государственная машина была налажена и могла некоторое время работать самостоятельно. Ничто не задерживало губернатора.

Однако через два дня после возвращения Кароли одно событие заставило Кау-джера снова отложить отъезд. Как-то утром он слышал шум ссоры. Направившись в ту сторону, откуда доносились крики, Кау-джер увидел около сотни женщин, возмущенно переругивавшихся перед дощатым забором, огораживавшим участок Паттерсона

Вскоре все выяснилось. С прошлой весны Паттерсон занялся огородничеством и преуспел в этом деле. Работая не покладая рук, он снял богатый урожай и после свержения Боваля стал постоянным поставщиком свежих овощей у всех жителей Либерии.

Своей удачей ирландец был обязан главным образом тому, что его участок подходил к самому берегу реки и, следовательно, он никогда не испытывал недостатка в воде. Именно это особое расположение участка и послужило причиной конфликта...

Огороды Паттерсона, тянувшиеся на двести — триста метров, находились в единственном месте, где имелся доступ к реке. Вниз по течению к правому берегу примыкало непроходимое болото, доходившее до мостика у устья реки, иначе говоря — на расстоянии более полутора километров от города. Вверх по течению над рекой нависали крутые, обрывистые берега. Таким образом, чтобы набрать воды, женщинам Либерии приходилось пересекать участок Паттерсона, пролезая через дырку в заборе. Но в конце концов владелец решил, что непрерывное хождение через огород является прямым посягательством на его право собственности и наносит ему большой ущерб. И вот прошлой ночью Паттерсон с помощью Лонга накрепко заделал отверстие в заборе, что и послужило причиной крайнего недовольства хозяек, пришедших рано утром за водой.

Увидев Кау-джера, они приутихли и обратились к нему за защитой. Он терпеливо выслушал обе стороны и вынес решение — ко всеобщему удивлению — в пользу Паттерсона.

Правда, Кау-джер приказал снести забор и передать в общественное пользование дорогу длиной в двести мет-

ров, проходившую через огород. Но одновременно он признал и право владельца участка на возмещение убытков за возделанную землю, которой его лишили в пользу общества. Размер же этой суммы следовало определить законным порядком. На острове Осте существовало правосудие, и Паттерсону предложили обратиться в суд.

Это было первым делом, которое рассматривал Боваль. Оно слушалось в тот же день. После прений сторон Боваль присудил Остельское государство к уплате пятидесяти долларов. Паттерсон тут же получил эти деньги и не скрывал своего удовлетворения.

Остельцы истолковывали этот инцидент по-разному, но, в общем, всем понравился способ его разрешения. Они поняли, что отныне нельзя просто отобрать у кого бы то ни было его собственность, и доверие общества к государственным учреждениям неизмеримо возросло. Этому и добивался губернатор.

Теперь он смог наконец отправиться в пугь. В течение нескольких недель Кау-джер исходил территорию острова во всех направлениях, от северо-восточной оконечности до западных выступов полуостровов Дюма и Пастёр. Он посетил все фермы — и те, что были добровольно покинуты колонистами прошлой зимой, и те, владельцы которых бежали во время беспорядков. В итоге он выяснил, что в центральной части острова проживает сто шестьдесят один колонист, или сорок два семейства. Все они добились определенных успехов, хотя и в разной степени: одни семьи смогли обеспечить себя лишь куском хлеба, другие же, в которых было больше здоровых и сильных мужчин, значительно расширили посевы.

Хорошие земельные участки двадцати восьми семейств, бежавших во время мятежа в Либерию, в настоящее время были заброшены и запущены. И, наконец, имелось сто девяносто семь разорившихся семейств, из них около сорока потеряли кормильцев и вместе с остальными перебрались на побережье.

Все это Кау-джер узнал от самих колонистов, охотно делившихся с ним своими сведениями. Они очень обрадовались, услышав о реформах в колонии, особенно когда Кау-джер рассказал им о своих планах на будущее.

Кау-джер подробно записывал все, что видел и слышал. Он составил себе примерную схему местонахожде-

ния различных ферм и их взаимного расположения и по возвращении начертил карту острова, весьма несовершенную с точки зрения географии, но дававшую точное представление о соотношении смежных земельных участков. Затем он разделил половину территории острова между ста шестьюдесятью пятью семьями, отобранными им по личному усмотрению, и предоставил им право на владение землей.

Прежде всего Кау-джер оформил документы сорока двум семьям, не покидавшим своих ферм, и восстановил в правах двадцать восемь семей, бросивших свои участки под натиском мятежников. Затем он выбрал среди оставшихся еще девяносто пять семейств, которые, по его мнению, вполне могли наладить свои хозяйства. Все его решения подчинялись единственной цели — интересам колонии.

Простые листки бумаги с указанием размера и местоположения участка, а также фамилии владельца были приняты с не меньшей радостью, чем сама земля. До сих пор судьба колонистов зависела от всевозможных случайностей, у них не было уверенности в завтрашнем дне. Теперь же они прирастали к земле, пускали корни и становились настоящими гражданами Остельского государства.

Либерия вторично опустела. Едва получив документы, колонисты со всеми домохозяевами устремились на свои участки, захватив с собою изрядное количество продуктов (несмотря на заверения Кау-джера, что снабжение будет производиться бесперебойно).

К 10 января в Либерии насчитывалось лишь около четырехсот жителей, в том числе двести пятьдесят работоспособных мужчин. Все другие, примерно шестьсот человек (включая женщин и детей), расселились в центральных районах острова. Во время своего путешествия Кау-джер убедился, что общая численность населения Осте была теперь менее тысячи человек. Все остальные погибли. Около двухсот — только за минувшую зиму. Еще несколько таких гекатомб, и остров снова превратился бы в пустыню!

Объем работ все увеличивался, и вскоре стала ощущаться нехватка рабочей силы. Но через несколько дней, 17 января, большой пароход водоизмещением в две тыся-

чи тонн бросил якорь против Нового поселка. На следующий день началась разгрузка, и перед глазами восхищенных либерийцев предстали неисчислимые богатства: домашний скот, сельскохозяйственные машины, различные семена, множество продуктов питания, повозки и телеги и всевозможные другие предметы.

Помимо различных грузов, пароход доставил на остров двести человек; из них половина были землекопы и строительные рабочие. По окончании разгрузки они присоединились к колонистам, и все работы значительно ускорились.

За несколько дней закончили дорогу к Новому поселку. Пока каменщики сооружали мост и возводили дома, другие рабочие начали прокладывать дорогу в центральной части острова; от нее отходило множество ответвлений, которые должны были связать между собой отдельные фермы и обеспечить постоянный контакт между ними.

Вскоре либерийцам преподнесли новый сюрприз: 30 января появился второй пароход из Буэнос-Айреса, привезший, помимо предметов первой необходимости, большой груз для магазина Родса. Там было все, вплоть до мелочей: перья, кружева, ленты — словом, все, о чем только могли мечтать либерийские модницы. С этим пароходом и со следующим, прибывшим 15 февраля, приехало еще четыреста рабочих.

К этому времени колония располагала более чем восемьюстами рабочими. Кауджер считал это число вполне достаточным для осуществления задуманного плана.

На востоке, в устье реки, заложили фундамент мола, чтобы превратить бухту Нового поселка в большой и надежный порт.

Так мало-помалу, усилиями многих сотен рабочих рук, направляемых единой волей, рос и развивался город, возникший на необитаемом острове.

3. ПОКУШЕНИЕ

— Так больше не может продолжаться! — воскликнул Льюис Дорик, и товарищи дружно поддержали его.

После рабочего дня все четверо — Дорик, братья Мур и Сердей — бродили неподалеку от Либерии, по южным

отрогам гор, тянувшихся от центрального хребта полуострова Харди к западной оконечности острова.

— Нет, черт возьми, так больше не может продолжаться! — повторил Льюис Дорик, все больше распаляясь гневом. — И мы не мужчины, если не вправим мозги этому дикарю, навязывающему нам свои законы!

— Он обращается с нами, как с собаками, — подлил масла в огонь Сердей. — Ни во что нас не ставит... «Сделайте то, сделайте это...» Приказывает, даже не глядя на человека... Подонок! Краснокожая обезьяна!

— И вообще, по какому праву он командует нами? — в бешенстве прервал его Дорик. — Кто назначил его правителем?

— Не я, — заявил Сердей.

— И не я, — сказал Фред Мур.

— Уж во всяком случае не я, — добавил его брат Уильям Мур.

— Ни я, ни вы и никто другой, — закончил Дорик. — Он парень не промах, не стал ждать, пока ему предложат должность, а захватил ее сам.

— Это незаконно, — рассудительно произнес Фред Мур.

— Незаконно! Подумаешь! Плевал он на закон! — живо возразил Дорик. — Что ему стесняться с баранами, которые сами подставляют бока для стрижки! Он восстановил право частной собственности, даже не спросив нашего согласия! Прежде все были равны, теперь же снова появились богатые и бедные...

— Бедняки — это мы... — меланхолически констатировал Сердей. — На днях, — продолжал он с негодованием, — Кау-джер заявил, что уменьшает мое жалование на десять центов в день...

— Как? Ни с того ни с сего?

— Нет, он считает, что я мало работаю, хотя я занят не меньше, чем он, который разгуливает — руки в брюки — с утра до вечера. Снять десять центов из полдоллара в день!.. Если он думает, что я буду работать в порту, пусть подождет!

— Подохнешь с голоду, — невозмутимо возразил Дорик.

— Вот проклятие! — выругался Сердей, сжимая кулаки.

— А ко мне придрался две недели назад,— сказал Уильям Мур,— потому что я малость пошумел на Джона Рама, счетовода. Я, видите ли, обеспокоил этого господина. Посмотреть на Кау-джера — прямо император! А нам приходится плагить за завалившие товары, да еще благодарить за них!

— На днях,— сказал в свою очередь Фред Мур,— мне попало от него за то, что я подрался с товарищем. Теперь мы даже не имеем права повозиться друг с другом. Как его шпики вцепились в меня! Еще немного, и они засадили бы меня в каталажку!

— В общем, нас превратили в слуг,— закончил Сердей.

— В рабов,— проворчал Уильям Мур.

Все это обсуждалось уже сотни раз. Правление Кауджера — вот почти единственная тема их повседневных разговоров.

Установив и проводя в жизнь закон о труде, Кауджер задел интересы определенных лиц, в основном лентяев, предпочитавших жить за чужой счет. Естественно, что среди них прокатилась волна недовольства, причем все они группировались вокруг Дорика. И сам он и его шайка тщетно пытались продолжать прежнюю эксплуататорскую политику: их бывшие жертвы, прежде такие покорные, осознали наконец свои права и обязанности, а уверенность в том, что, в случае необходимости, их поддержат, совершенно преобразила этих людей. Попытки угнетателей снова закабалить их ни к чему не привели, и Дорику, вместе с его приближенными, пришлось, как и остальным, зарабатывать на жизнь своим трудом.

Это приводило всю компанию в ярость. Они постоянно изливали друг другу душу, что одновременно и облегчало их и доводило до неистовства. Правда, до сих пор все ограничивалось только угрозами. Но в этот вечер дело обернулось по-иному. Накопившийся гнев заставил их перейти от слов к важным решениям и действиям.

Дорик молча слушал товарищей, которые обращались к нему, как бы призывая в свидетели и ожидая его одобрения.

— Все это болтовня,— резко сказал он наконец.— Вы — рабы и заслуживаете рабства. Будь у вас не зая-

чьи души, вы уже давно стали бы свободными. Вас много, а вы терпите одного гирана.

— А что же мы можем сделать? — жалобно возразил Сердей. — Он сильнее нас.

— Чепуха! — крикнул Дорик. — Его сила — в слабости окружающих его слюнтяев.

Фред Мур скептически покачал головой.

— Возможно, — сказал он, — тем не менее у него много сторонников. Не можем же мы вчетвером...

— Болван! — грубо перебил его Дорик. — Они поддерживают не Кау-джера, а гу-бер-на-то-ра! Понятно? Будь на его месте я — точно так же пресмыкались бы и передо мною, а если бы он был свергнут, они оплевали бы его.

— Не спорю, — насмешливо согласился Уильям Мур. — Но в том-то и загвоздка, что губернатор он, а не ты.

— Это я и без тебя знаю, — процедил Дорик, побледнев от злобы. — Именно в этом-то и все дело. Я скажу только одно: мы не должны обращать внимание на свору дворняг, которая сейчас бежит следом за Кау-джером, а потом будет бегать за его преемником. Опасен только их хозяин. Он один нам мешает... Его и надо убрать.

Наступило молчание. Товарищи Дорика испуганно переглянулись.

— «Убрать»! — произнес наконец Сердей. — Экий ты быстрый! Но уж на меня в таком деле не рассчитывай!

Льюис Дорик пожал плечами.

— Обойдемся и без тебя, только и всего, — ответил он презрительно.

— И без меня, — прибавил Уильям Мур.

— А на меня можешь рассчитывать, — решительно заявил его брат, не забывший унижения, которому подверг его Кау-джер. — Только знаешь... это не так-то просто сделать.

— Наоборот, очень просто, — возразил Дорик.

— А как?

Тут вмешался Сердей:

— Ну-ну, какие вы оба шустрые! А что вы будете делать, когда «уберете» Кау-джера? Ведь останутся дру-

гие... И что бы Дорик ни говорил, я вовсе не уверен, что они пойдут за нами.

— Пойдут! — убежденно сказал Дорик.

— Хм! — скептически хмыкнул Сердей. — Но не все.

— Почему? Ведь может же случиться так, что сегодня нас никто не поддерживает, а завтра — все за нас... Впрочем, нам и не нужна поддержка всех. Достаточно несколько человек, а за ними потянутся и остальные.

— А где эти «несколько человек»?

— Уже есть.

— Кто же? — недоверчиво осведомился Сердей.

— Во-первых, мы четверо, — сказал Дорик, возбужденный спором.

— Четверо — это всего-навсего четыре человека, — невозмутимо заметил Сердей.

— А Кеннеди? Разве на него нельзя рассчитывать?

— Можно, — подтвердил Сердей. — Значит, пять.

— А Джексон, — стал перечислять Дорик, — Смирнов, Рид, Блюменфельдт, Лорелей...

— Десять.

— Найдутся и другие. Нужно бы составить список.

— Давайте составим, — предложил Сердей.

— Идет, — согласился Дорик, вынимая из кармана блокнот и карандаш.

Все четверо уселись на земле и не спеша подсчитали людей, которыми, как им казалось, они могли располагать после уничтожения Кау-джера. Дорик считал, что Кау-джер — единственный, кто объединяет разрозненные силы толпы, и что без него эта сплоченность тотчас же развалится как карточный домик. Каждый заговорщик называл имена, которые после длительного обсуждения заносились в записную книжку.

С холма, на котором они расположились, открывались несбозримые дали. Река, текущая с востока, огибала подножие горы, потом устремлялась к северо-востоку, где виднелся Новый поселок, и там впадала в океан. В излучине реки, словно на карте, расположилась Либерия, а дальше шла болотистая равнина, отделявшая город от реки.

Было 25 февраля 1884 года. Прошло более полутора лет с того дня, когда Кау-джер взял власть в свои руки.

Все совершенное в течение этого короткого срока поистине походило на чудо. Число жителей Либерии непрерывно возрастало. Увеличивалось количество домов (правда, по большей части деревянных), так что все были обеспечены жильем. Город, ограниченный с востока рекой, быстро расстраивался к югу и к западу.

Теперь это был уже не захудалый лагерь, а настоящий город. В нем имелось все необходимое для жизни. Булочки, бакалейщики, мясники обеспечивали население провизией. Часть продуктов поставляли местные фермеры.

Дети больше не бродяжничали — открылась школа, в которой преподавали супруги Родс.

В октябре, после годичного отсутствия, вернулся Гарри Родс и привез множество самых разнообразных товаров. Сразу же по возвращении он с глазу на глаз о чем-то переговаривал с Кау-джером, а затем занялся делами, никому не сообщив о цели своего продолжительного путешествия.

Время, проводимое Родсами в школе, не мешало торговле в магазине, где работали Эдуард и Клэри Родс, а также Туллия и Грациэлла Черони.

Открылся конфекцион и обувной магазин, где дела шли также весьма успешно. Плантации эмигрантов, потерпевших в прошлом году неудачу, начали приносить доход. В Либерии возникло несколько крупных предприятий, в которых работало много каменщиков, плотников, столяров, слесарей.

К югу от Либерии открылся кирпичный завод, производивший отличный кирпич.

В отрогах гор, на западе полуострова, были обнаружены значительные залежи полезных ископаемых, используемые для изготовления алебаstra и извести. Один смельчак даже рискнул организовать производство бетона для строящегося порта.

Врач Самюэль Арвидсон и фармацевт, приехавшие из Вальпараисо, убедились, что Либерия — настоящее золотое дно.

Широкая дорога у подножия горы (по которой шли заговорщики, пока не свернули на крутую горную тропинку), тянувшаяся к востоку вдоль извилистых берегов реки, через километр исчезала за двумя холмами. Но все знали, что и там ведутся работы. Два месяца назад до-

рога, все время разветвляясь, прошла мимо плантации Ривьеров на север. Другая, уже построенная, пересекала реку, и прочный каменный мост соединял Либерию с ее пригородом.

В пригороде мало что изменилось. Только мол, протянутый от берега, все дальше выдавался в океан. Он надежно защищал от западных ветров бухту Нового поселка, превращая ее в большой и удобный порт. Как раз в этот день начали забивать сваи для набережной и причалов, необходимых для океанских судов. Но коммерсанты, ведущие торговлю с островом Осте, не собирались дожидаться завершения постройки набережной и мола. В прошлом году сюда прибыло три торговых судна — все за счет Кау-джера, а в этом году пришло семь судов: два из них были зафрахтованы администрацией колонии, а остальные пять принадлежали частным фирмам.

Вот и сейчас против Нового поселка стоял большой парусник, в который грузили тес из лесопилни Ривьеров. Другой парусник, груженный тем же товаром, поднял якорь несколько часов назад и уже огибал Западный мыс.

Все, что окружало Льюиса Дорика и его товарищей, красноречиво свидетельствовало о растущем благосостоянии колонии, но они не желали видеть и понимать это. Все было для них привычным и поэтому не производило должного впечатления. Ведь изменения к лучшему почти всегда остаются незамеченными, а эта компания наблюдала их изо дня в день. И даже если бы эти люди мысленно перенеслись ко дню кораблекрушения, от которого их отделяли три года, вряд ли они смогли бы оценить перемены, произошедшие на острове Осте. Они уже привыкли к окружающей обстановке, считали ее обычной, и, наверно, им казалось, что все это существовало всегда.

Впрочем, в настоящий момент их мысли были заняты совсем другим. Дорик и его сообщники перечисляли жителей Либерии и записывали подходящие, по их мнению, кандидатуры.

— Больше никого не знаю, — сказал наконец Сердей. — Сколько у нас набралось?

Дорик пересчитал имена, записанные в блокноте.

— Сто семнадцать, — ответил он.

— Из тысячи,— уточнил Сердей.

— Ну и что же? — возразил Дорик.— Сто семнадцать — это уже кое-что. Думаешь, у Кауджера больше? Я говорю о людях решительных, готовых на все. Остальные — это овцы, которые пойдут за любым вожаком.

Сердей не ответил. Видно было, что он колеблется.

— И вообще, хватит болтовни,— отрезал Дорик.— Нас четверо. Проголосуем.

— Что касается меня,— воскликнул Фред Мур, размахивая кулаком,— с меня хватит! Голосую за то, чтобы действовать.

— Я тоже,— сказал его брат.

— Итак, со мной уже три голоса,— сказал Дорик.— А ты, Сердей?

— Как все, так и я,— ответил без особого воодушевления бывший повар,— но...

Дорик прервал его:

— Никаких «но»! Решили — значит, конечно.

— Нужно же все-таки договориться о том, как это сделать,— настаивал Сердей.— Избавиться от Кауджера — легко сказать, а вот как выполнить?

— Эх, будь у нас оружие... ружье... хотя бы пистолет! — воскликнул Фред Мур.

— Ничего нет,— флегматично произнес Сердей.

— А нож? — подал мысль Уильям Мур.

— Отличный способ, чтобы тебя сразу схватили,— возразил Сердей.— Ты же знаешь, старина, что у Кауджера охрана как у короля. Не говоря уже о том, что и сам он может справиться с четырьмя!

Фред Мур нахмурил брови, стиснул зубы и рубанул рукой воздух. Сердей был прав. Фред был хорошо знаком с кулаком губернатора и помнил, как легко раздался с ним Кауджер.

После слов Сердея наступило молчание. Вдруг Дорик сказал:

— Я могу предложить кое-что.

Товарищи вопросительно посмотрели на него.

— Порох.

— Порох? — повторили все трое в недоумении.

Кто-то спросил:

— А что с ним делать?

— Бомбу. Ведь поговаривают, что Кау-джер — анархист. Так вот мы и применим против него оружие анархистов.

Предложение Дорика было принято без энтузиазма.

— Кто же сделает бомбу? — проворчал Фред Мур. — Уж во всяком случае не я.

— Я сам, — сказал Дорик. — Хотя, может быть, мы обойдемся и без нее. У меня есть одна идея, и, если удастся ее осуществить, Кау-джер погибнет не один, а вместе с Хартлпулом и дежурными в милиции. На следующий день у нас будет меньше врагов.

Трое заговорщиков смотрели на товарища с восхищением. Даже Сердей сдался.

— Ну, если так... — пробормотал он, исчерпав все свои возражения. Но вдруг спохватился: — Черт возьми! Мы говорим о порохе так, будто он у нас под боком.

— Он на складе, — ответил Дорик, — нужно только добыть его оттуда.

— Нечего сказать — пустячное дело! — возразил Сердей, снова выступая в роли оппозиции. — Не так все это просто! Кто возьмется за это?

— Не я, — сказал Дорик.

— Ясно! — засмеялся Сердей.

— Только потому, что у меня не хватит силы для этого, — пояснил Дорик. — И не ты. Ты слишком труслив. Фред и Уильям Мур также не годятся, они недостаточны ловки.

— Так кто же?

— Кеннеди.

Никто не возражал. Да, Кеннеди, бывший матрос, ловкий, смелый, мастер на все руки, знавший все ремесла, мог преуспеть там, где другие потерпели бы неудачу.

Дорик прервал размышления товарищей:

— Уже поздно. Если хотите, встретимся здесь завтра в это же время. Кеннеди тоже придет. Обсудим всё и договоримся.

Подходя к городу, они из осторожности расстались и на следующий день, направляясь к месту встречи, тоже вышли из Либерии поодиночке. Только очутившись за пределами видимости, заговорщики пошли дальше вместе.

В этот вечер их было пятеро, так как к ним присоединился приглашенный Дориком Кеннеди.

— Он за нас,— объявил Дорик, хлопнув матроса по плечу.

Все обменялись рукопожатиями, затем, не теряя времени, приступили к обсуждению задуманного накануне плана. Совещание затянулось. Стало уже совсем темно, когда пятеро мужчин спустились с горы. Они достигли полного согласия. Выступление было назначено на ту же ночь.

Несмотря на полную темноту, они все же разделились, как и накануне, свернули с дороги, пересекли поле и обогнули город с юга. Потом повернули назад и вошли в Либерию.

Кругом стояла тишина. Никем не замеченные они дошли до управления, где жили Кау-джер, Хартлпул и юнги — Дик и Сэнд, и снова притаились в тени одного из домов, напрягая слух и стараясь проникнуть взглядом в темноту.

Прямо перед ними была дверь суда. Из милиции, находившейся на противоположной стороне здания, доносились слабые отзвуки голосов. А по эту сторону улица была тиха и пустынна.

Зал суда не охранялся. Там ничего не было, кроме стола, простого кресла и нескольких прибитых к полу скамеек.

Убедившись, что вокруг нет ни души, Дорик и Кеннеди покинули свое убежище и быстро перебежали через открытое пространство. Достигнув здания суда, Кеннеди тотчас же начал взламывать дверь, а Дорик стал на страже.

Тем временем братья Мур, оставив Сердея на прежнем месте, разошлись в разные стороны. Пройдя несколько шагов, они остановились и со своего места стали наблюдать: один — за главным фасадом и площадью перед управлением, другой — за глухой стеной, огораживающей тюрьму, и за улицей, отделявшей эту стену от других домов. Так что Кеннеди был под надежной охраной. При малейшей опасности его бы сразу же предупредили, и он мог бы спастись бегством.

Но все обошлось благополучно. Бывший матрос работал без помех, да и дело оказалось несложным —

замок оказался непрочным, и дверь поддалась при первом же нажиме. Кеннеди вошел, оставив Дорнка сторожить дверь снаружи.

В зале ничего не было видно. Кеннеди чиркнул спичкой и зажег свечу. Дорик подробно объяснил ему план помещения: первая перегородка отделяла суд от тюрьмы, левая — от собственно управления. Там же находилась резиденция Кау-джера. А за стеной напротив располагался склад.

Кеннеди прошел прямо к углу, образованному внутренней перегородкой и стеной тюрьмы. Сейчас тюрьма пустовала, следовательно, никто не мог услышать его шаги.

Здесь Кеннеди остановился и, осветив свечой перегородку, стал обдумывать, что делать дальше. Выяснив, что пробить ее проще простого, он удовлетворенно улыбнулся. Выстроенная в первые дни правления Кау-джера, когда всё делали наспех, перегородка эта не представляла серьезного препятствия. Она состояла из вертикальных бревен, промежутки между которыми были заполнены мелкими камнями и заштукатурены. Нож Кеннеди легко проник в штукатурку и, расшатав камни, сдвинул их с места. Приходилось опасаться только одного: как бы они не посыпались и не загрохотали. Поэтому Кеннеди тихонько отделял один камень за другим и складывал на землю.

За час он проделал дыру, в которую легко мог бы пролезть, если бы не мешало одно поперечное бревно. Его необходимо было перепилить. Это оказалось самым трудным, и Кеннеди возился целый час, пока не закончил эту работу.

Время от времени он останавливался и прислушивался к ночным шорохам, доносившимся снаружи. Все было спокойно. Охранявшие его не давали сигнала об опасности.

Когда дыра стала достаточно большой, Кеннеди пролез в нее, но по ту сторону перегородки дело осложнилось: очень было трудно двигаться бесшумно среди всевозможных ящиков, загромождавших склад. Требовалась чрезвычайная осторожность.

Куда же, черт возьми, подевали бочонки с порохом? Он их нигде не видел. Однако они должны находиться где-то здесь...

Кеннеди принялся за поиски. Медленно протискивался он между ящиками, иногда переставляя их, чтобы удобнее было продвинуться вперед.

Прошло около двух часов. Сообщники не понимали, почему он задерживается, да и сам Кеннеди стал нервничать и приходить в отчаяние. Ночь кончалась, близился рассвет. Неужели ему придется уйти ни с чем, оставив следы, после которых вторичная попытка будет невозможна?

Выбившись из сил, он уже решил отступить, как вдруг обнаружил то, что искал. Пять бочонков с порохом, аккуратно расставленные около двери в милицию, смотрели прямо на него. Затаив дыхание Кеннеди услышал, как за стеной беседовали дежурные, он явственно различал их слова. Теперь особенно важно было соблюдать полную тишину.

Подняв бочонок, Кеннеди сразу же опустил его на пол — он оказался слишком тяжелым. Один человек не мог унести его, не задев тюков и ящиков, заполнявших склад. Скользя по узким проходам между ними, Кеннеди вернулся в зал. Просунув голову через дыру в перегородке, он тихонько позвал Дорика, чей темный силуэт выделялся на светлом фоне стены.

Услышав зов матроса, Дорик подошел к нему.

— Как ты долго! — прошептал он, наклонясь к дыре. — Что случилось?

— Ничего, — так же тихо ответил Кеннеди. — Не так-то просто двигаться там, в складе.

— Бочонок у тебя?

— Нет, мне самому не справиться. Помоги поднять его.

Дорик пролез в дыру и прошел на склад следом за Кеннеди. Вдвоем они подняли бочонок и принесли его в зал суда. Тотчас же Дорик направился обратно в склад.

— Куда ты? — шепотом спросил Кеннеди.

— За вторым бочонком, — ответил Дорик. — Поспешим, скоро рассветет.

— За вторым? — удивленно переспросил Кеннеди. — Да ведь и одного хватит, чтобы взорвать всю Либерию!

— Возьмем еще один, — повторил Дорик.

— Для чего?

— У меня свой расчет. Когда отделаемся от Кау-

джера, надо стать хозяевами положения. Тогда-то порох нам и пригодится.

— А до тех пор куда ты его денешь?

— Спрячу в надежный тайник. Не беспокойся.

Кеннеди нехотя повиновался, и через четверть часа оба бочонка стояли рядом. Дорик просверлил в одном из них дыру, отсыпал через нее немного пороха, затем вынул из кармана нечто вроде мокрого шнура, сплетенного из ниток, отрезал от него кусок, вывалил его в порохе и для пробы поджег. Огонь затрещал, пробежал по шнуру и потух.

— Прекрасно,— заявил Дорик.— Пять сантиметров в минуту. Значит, весь фитиль сгорит за двадцать минут. Это даже больше, чем требуется.

Он подошел к бочонку.

Внезапно раздался глухой шум. Дорик замер на месте и переглянулся с Кеннеди. Оба смертельно побледнели. Но тревога их была напрасной. К Дорику сразу же вернулось обычное хладнокровие.

— Дождь,— сказал он, подойдя к двери и выглянув наружу.

И в самом деле пошел проливной дождь. Теперь стала понятна причина их испуга: капли дождя яростно барабанили по крыше. Это обстоятельство благоприятствовало заговорщикам. Дождь смывает все следы, которые могли бы их выдать, если бы случайно подозрение пало на них. С другой стороны, шум дождя заглушит неизбежное потрескивание фитиля.

Все же следовало торопиться. Небо на востоке уже порозовело. Через несколько минут окончательно рассветет, а Дорик, достаточно хорошо изучивший привычки Кау-джера, знал, что тот не замедлит выйти из дому.

— Скорее! — приказал он.

Они размотали фитиль, засунули один его конец в бочонок, и Дорик поднес зажженную спичку к другому концу фитиля. Затем оба быстро выскользнули из дома, унося с собой второй бочонок.

Братья Мур и Сердей стояли на своих постах. Дорик позвал их легким свистом, подав знак, что все благополучно.

Потом все заговорщики скрылись. Гроза продолжала изливать потоки дождя на спящий город.

4. В ПЕЩЕРАХ

Когда Кау-джер вышел из управления, гроза уже прошла и дождь прекратился. Ветер разогнал тучи, над морем взошло солнце, и его косые лучи позолотили крыши домов Либерии.

Город еще спал. Как всегда, Кау-джер проснулся первым. Глубоко вдыхая свежий утренний воздух, он прошелся по площади, превратившейся после ливня в грязное болото, и сразу же обратил внимание на приоткрытую дверь суда. Не придав этому особого значения, он подошел и хотел закрыть ее, но тут, к своему крайнему удивлению, обнаружил, что дверь взломана. Кому это понадобилось? Неужели в Либерии нашлись такие бедняки, которых могла прельстить скучная обстановка зала суда.

Кау-джер зашел в помещение и, хотя уже с порога заметил бочонок, не сразу сообразил, почему он оказался здесь. Однако после беглого осмотра все стало ясно. Рассыпанный порох... протянутый по полу обгоревший фитиль... Ошибиться было невозможно. Кто-то хотел убить губернатора и вместе с ним взорвать все управление.

Это открытие поразило Кау-джера. Значит, какие-то колонисты так ненавидели его! Он стал соображать, кто бы мог это сделать. Пока у него не было оснований обвинять кого-либо, но Кау-джер хорошо знал всех жителей города, и поэтому его подозрения ограничились небольшим кругом лиц. Фердинанд Боваль, несмотря на его новую должность?.. Возможно... Льюис Дорик?.. Более чем вероятно... И, во всяком случае, кто-то из их приверженцев.

Осмотрев весь зал, Кау-джер обнаружил дыру, сделанную в перегородке, и понял, что бочонок был похищен со склада и перенесен сюда. Преступник поджег фитиль и скрылся, но, вопреки его ожиданиям, взрыва не последовало. Фитиль, обгорев на две трети, попал в лужу воды и погас.

Откуда же взялась здесь вода? Кау-джер взглянул наверх. Ну конечно, она просочилась во время ливня через щели в крыше. На потолке виднелись свежие потеки, на полу образовалась здоровенная лужа, которая залила фитиль.

Кау-джера охватил страх — не за себя, а за тех, кто находился вместе с ним в управлении: за Хартлпула, жившего там со своими двумя приемными детьми, и за людей, дежуривших прошлой ночью. Они уцелели по чистой случайности. Если бы не ночной ливень и дырявая крыша, все бы они погибли.

Поразмыслив, Кау-джер решил, что не стоит оглашать неудавшееся покушение, дабы не создавать паники среди мирного населения. Закрыв двери, он направился к Хартлпулу, разбудил его и рассказал ему о ночном происшествии. Тот пришел в ужас. Так же как и Кау-джер, он не мог указать виновных, но, не колеблясь, сразу же назвал тех, на кого по логике вещей падало подозрение.

Поскольку Кау-джер запретил говорить о преступлении, Хартлпулу предстояло заделать отверстие в перегородке без посторонней помощи. Пока он ходил за нужными инструментами, Кау-джер отнес бочонок с порохом на прежнее место и тут обнаружил исчезновение еще одного бочонка.

Для чего понадобился преступнику второй бочонок с порохом? Конечно, не для хорошего дела. Но ведь порох без огнестрельного оружия бесполезен, и воры должны были понимать, что им удалось стащить его только благодаря счастливому стечению обстоятельств и что повторить это невозможно...

Вернулся Хартлпул, и они вдвоем вставили обратно часть бревна, вырезанного Кеннеди, заложили пустые промежутки камнями и заделали известкой. Вскоре на стене не осталось никаких следов.

Только тогда Кау-джер сообщил Хартлпулу об исчезновении еще одного бочонка. Дело принимало серьезный оборот. Несомненно, злоумышленники, завладев порохом, подготовят новое покушение, и следовало подумывать о средствах защиты. После всестороннего обсуждения Кау-джер и Хартлпул решили увеличить численность милиции с сорока до шестидесяти человек, а пока ограничиться восемью дополнительными караульными, так как в резерве имелось всего восемь запасных ружей. Ночные дежурные будут отныне нести караул не в помещении милицейского участка, а снаружи, сменяясь попарно, и во время пребывания на посту должны регуляр-

но производить обход вокруг управления, тем самым обеспечивая постоянное наблюдение. Кроме того, Кау-джер срочно выписал еще двести ружей, чтобы в будущем можно было отразить любое нападение.

Преступники не оставили после себя никаких следов, за исключением похищенного бочонка с порохом. Чтобы найти этот бочонок, пришлось бы произвести многочисленные обыски, которые, естественно, взволновали бы население, а Кау-джер не хотел этого. Поэтому он счел принятые меры предосторожности пока достаточными. Но Хартлпул дал себе слово держать своего начальника под бдительной и незаметной охраной.

После этих событий жизнь потекла как обычно. Дни шли за днями, воспоминание о странном происшествии сглаживалось и постепенно теряло свою остроту. Повторное покушение при усиленной охране казалось невозможным, и вскоре Кау-джер совсем перестал о нем думать. Захваченный потоком самых разнообразных дел, он всецело отдался созидательному труду. В голове у него непрерывно созревали новые и новые проекты.

Так, не дождавшись окончания строительства плотины для набережной, он решил использовать водопад, расположенный в нескольких километрах вверх по реке, для электростанции, которая снабдила бы весь остров светом и энергией.

Либерия, освещенная электричеством! Кто мог бы это предвидеть два года назад!

И все же не этот проект всецело захватил Кау-джера. Нет, он мечтал о другом, более грандиозном. Дать Либерии электрический свет было, конечно, очень заманчиво, но пользу от этого получили бы только жители острова Осте. К тому же затея не представляла собой особых трудностей, и поэтому казалась правителю просто развлечением. Дело же, которое увлекло его по-настоящему, было куда более трудным и всеобъемлющим. Оно касалось всего человечества.

Впервые мысль о нем возникла у Кау-джера еще во время кораблекрушения «Джонатана».

Когда в ночи раздались пушечные выстрелы, Кау-джер, как известно, зажег костер на мысе Горн. Но он сделал это только один раз, в дальнейшем же никто не сигнализировал кораблям об опасности. А ведь сотням

судов приходится огибать крайнюю оконечность Америки в периоды бурь, и никто не зажигает им путеводных огней. Поэтому так часто обломки кораблей усеивают рифы архипелага. Но если бы каждый вечер, с заходом солнца, зажигались огни маяка, своевременно предупрежденные суда могли бы уходить в открытое море и предотвратить грозящую им катастрофу.

С тех пор как Кау-джер попал на мыс Горн, не проходило дня, чтобы он мысленно не возвращался к этому великому плану.

Он не умалял его трудностей и долгое время считал неосуществимым. Но обстоятельства изменились. Будучи правителем расцветавшего края, Кау-джер теперь имел почти неограниченное число рабочих рук. Мечта становилась реальностью.

Материальные затраты не смущали его. Он располагал значительными средствами и мог предоставить Остельскому государству крупные ассигнования. Кау-джер долго не тратил деньги на себя лично. Он отнюдь не стремился к накоплению и к помещению капиталов под проценты и даже пытался забыть о существовании денег. Только однажды, поборов свое отвращение ко всякого рода финансовым операциям, Кау-джер субсидировал торговое предприятие Гарри Родса. Но после того как он изменил своим принципам, у него уже не было причин и впредь оставаться непреклонным, тем более что дело касалось спасения человеческих жизней.

Мог ли он найти для своего богатства лучшее применение, чем сооружение маяка на зловещем мысе, о крутые скалы которого разбилось столько кораблей?

Кау-джера беспокоили иные серьезные препятствия, стоявшие на пути будущего строительства: если территория острова Осте не принадлежала никому, то остров Горн находился во владении Чили.

Согласится ли Чили отказаться от своих прав на голую скалу, принимая во внимание цель, во имя которой хотело ее приобрести Остельское государство? Во всяком случае, следовало начать переговоры, и с первым же попутным кораблем Кау-джер направил официальное послание республике Чили.

Увлечшись новым замыслом, Кау-джер стал забывать об опасности, нависшей над его головой.

В тайниках сознания Кау-джера сохранилась — как отголосок его прежних вольнолюбивых идей — ненависть ко всяким полицейским мерам. Поэтому он с самого начала отказался от тщательного расследования, мотивируя свой отказ нежеланием вызвать волнения среди жителей Либерии.

Заговорщики по-прежнему оставались на свободе, и похищенный порох представлял в их руках страшную угрозу.

Сразу же после покушения Дорик и Кеннеди перенесли бочонок с порохом в одну из пещер Западного мыса.

Их было три: одна, на южном склоне, сообщалась через подземный ход с центральной пещерой, а верхняя выходила на северный склон горы и, следовательно, возвышалась над Либерией. Узкая расщелина, несмотря на резкую крутизну склонов доступная пешеходу, соединяла между собой все три пещеры, но посередине резко суживалась, и приходилось пробираться по ней ползком, чтобы не задеть один неустойчивый камень, поддерживавший в этом месте своды. Падение его могло вызвать обвал.

Дорик и Кеннеди принесли порох в первую из нижних пещер, куда через высокий и широкий проход проникали потоки света и воздуха. Бегло осмотрев ее и не заметив узкого лаза, идущего к верхней пещере, они спрятали тут бочонок под кучей ветвей.

Каково же было изумление Дорика и Кеннеди, когда по возвращении в Либерию утром 27 февраля они увидели, что здание управления цело и невредимо.

По дороге к пещерам, где они прятали порох, и на обратном пути они напряженно прислушивались, ожидая взрыва. Но кругом было тихо. Терзаемые любопытством и не осмеливаясь удовлетворить его, Дорик и Кеннеди разошлись по своим домам.

Неудача с покушением и возможность раскрытия заговора требовали от них особой осторожности, так что в данный момент все сводилось только к одному: остаться незамеченными. Поэтому на следующее утро, на работе, они старались не привлекать к себе внимание.

Только после полудня отважился Льюис Дорик пройти мимо управления. Бросив издали беглый взгляд в сто-

рону суда, он увидел, что слесарь Лоусон чинит взломанную дверь.

По-видимому, мастер не придавал особого значения этому делу. Просто ему приказали вставить новый замок, вот и все. Но его спокойствие ни в коей мере не пердалось Дорику. Раз исправляли дверь, значит, взлом был обнаружен, а следовательно, найдены и бочонок с порохом и обгоревший фитиль.

Дорик не знал, кто первый заметил все эти вещи, но не сомневался, что о таком важном происшествии сразу же доложили губернатору и теперь будет сделано все возможное, чтобы отыскать заговорщиков. В первую минуту он растерялся — вероятно, заговор раскрыт! — но вскоре, поразмыслив, успокоился. В конце концов, доказательств его вины не было, а если даже и возникли подозрения, ведь нельзя арестовать и тем более осудить человека на основании одних только подозрений! И пока сообщники молчат, вообще никаких улик нет.

Несмотря на все эти рассуждения, Дорик страшно разволновался, когда к концу рабочего дня столкнулся лицом к лицу с Кау-джером, пришедшим посмотреть на работы в порту.

По внешнему виду правителя нельзя было предположить, что произошло нечто необычайное. Но Дорик знал, что в спокойствии Кау-джер бывает опаснее, чем во гневе, и подумал: «Если губернатор так спокоен — значит, напал на след». Опустив глаза, он притворился, будто целиком захвачен работой.

Но постепенно тревога Дорика улеглась, и с каждым днем его уверенность в благополучном исходе возрастала. Он убедился, что, хотя похищение пороха и было обнаружено, вследствие чего изменили порядок несения караульной службы, жизнь города течет нормально. Тем не менее две недели сообщники избегали друг друга и так примерно вели себя, что даже одним своим поведением могли навлечь на себя подозрения.

Через некоторое время они начали перебрасываться на ходу отдельными словечками, а потом, видя, что им ничто не угрожает, возобновили вечерние прогулки и тайные сборища. Наконец они настолько осмелели, что даже решились пойти в пещеру, где находился бочонок с порохом.

Он оказался на месте, и это окончательно успокоило преступников. С той поры пещера превратилась в постоянное место их встреч. Через месяц после неудавшегося покушения они стали приходить туда каждый вечер и вели нескончаемые разговоры об одном и том же. Больше всего возмущала их необходимость подчиняться наравне с другими закону о труде.

Постоянно подхлестывая друг друга взаимными жалобами, они мало-помалу забыли о постигшей их неудаче и принялись изыскивать новые способы убийства Кауджера. Озлобление заговорщиков дошло до предела, и наконец настал день, когда они почувствовали, что больше не в силах повиноваться губернатору.

В этот день, 30 марта, пятеро приятелей выйдя из города поодиночке, встретились через несколько километров на пути к пещерам. Дорик, погруженный в мрачное раздумье, не произносил ни слова. Остальные, также молча, следовали за ним. Тягостное безмолвие напоминало предгрозовое затишье.

Дорик первым вошел в пещеру и вдруг в ужасе попятился — там ярко горел огонь.

Значит, здесь кто-то был, и, видимо, совсем недавно!

Огонь! Дорик сразу подумал о порохе. Если бы костер развели чуть-чуть дальше, тех, кто его зажег, уже не было бы в живых. Сами того не подозревая, эти люди избежали смертельной опасности.

Дорик бросился к куче хвороста. Бочонок лежал на месте. Его не обнаружили, когда брали сухие ветви для весело искрившегося костра.

Тем временем Кеннеди осматривал вторую пещеру, освещая ее горящей веткой. Вскоре он вернулся и успокоил остальных — там никого не было. Наверно, случайные гости уже ушли.

Кеннеди хотел затоптать костер, но Дорик резко остановил его и подбросил в огонь новые сучья. Товарищи с изумлением смотрели на него.

— Ну, вот что, друзья, — сказал, повернувшись к ним, Дорик, — с меня хватит... Сюда уже приходил кто-то... Могут прийти опять и найти порох... Надо действовать.

Все согласились с ним, за исключением Сердея, хранившего невозмутимое молчание.

— Когда же? — спросил Фред Мур.

— Сегодня вечером,— ответил Дорик.— Я все обдумал... У нас нет оружия, но я сделаю бомбу... сам... сегодня же. Спрессую порох в нескольких слоях ткани, пропитанной смолой... Для этого мне и нужен огонь... чтобы растопить смолу. Конечно, моей бомбе далеко до усовершенствованных снарядов с часовыми механизмами... но выше головы не прыгнешь... Я не химик... В некоторых местах пропущу через нее фитиль... Он будет гореть тридцать секунд... Этого достаточно, чтобы зажечь и бросить. Я проверил... Как бы то ни было, бомба сделает свое дело...

Заговорщиков поразил странный вид Дорика: он дрожал как в лихорадке, лицо его судорожно подергивалось, голос прерывался, взгляд блуждал как у безумного. Но врачи не сочли бы его умалишенным, хотя он и говорил как в бреду. Злоба и ненависть, накопившиеся за всю жизнь, душили его. Не в силах справиться с собой, он, однако, сохранял всю ясность рассудка, насколько это возможно для человека, ослепленного гневом.

— Кто же бросит бомбу? — тихо спросил Сердей.

— Я,— ответил Дорик.

— Когда?

— Сегодня ночью. Около двух часов я постучусь в управление, Кау-джер пойдет открывать... Услышав его шаги, зажгу фитиль... А как только дверь откроется, брошу бомбу.

— А сам?

— Успею отбежать... Но если даже и подохну, все равно с Кау-джером надо покончить.

Наступило тягостное молчание. Зловещий замысел Дорика потряс его сообщников.

— Значит,— медленно произнес Сердей,— мы тебе не нужны?

— Мне никто не нужен! — крикнул Дорик.— Труссы могут убираться на все четыре стороны!

Эти слова задели присутствующих за живое.

— Я остаюсь,— заявил Кеннеди.

— И я,— сказал Уильям Мур.

— И я тоже,— повторил Фред Мур.

Сердей промолчал.

В пылу спора, сами того не замечая, они заговорили громче, совершенно забыв о том, что люди, зажегшие

костер, могли оказаться поблизости и услышать их преступные речи.

И действительно, их услышал — совершенно невольно — Дик, но он был еще так мал, что, даже обнаружив его, заговорщики не испугались бы.

30 марта у Дика и Сэнда был свободный день. Поэтому они вышли из города рано утром, чтобы поскорее добраться до пещер, в которых когда-то любили играть.

Дети очень непостоянны в своих привязанностях и вкусах. В один прекрасный день они бросают излюбленные забавы, как бы пресытившись ими, а потом, когда им надоедает другое развлечение, вдруг опять возвращаются к ним.

Так было и с пещерами. После долгого перерыва Дик и Сэнд снова направлялись туда, на ходу обсуждая важный вопрос о предстоящей игре. Точнее, Дик, по обыкновению, командовал, а Сэнд покорно внимал его приказам.

— Старина,— начал Дик, когда они миновали дома на окраине,— я скажу тебе что-то интересное.

Сэнд сразу же наострил уши.

— Сегодня мы будем играть в ресторан.

Сэнд кивнул головой в знак согласия, хотя, по правде говоря, ничего не понял.

Дик вынул из кармана спичечную коробку.

— Что скажешь на это? — торжествующе спросил он.

— Спички! — воскликнул Сэнд, восхищенный такой необыкновенной игрушкой.

— А на это? — продолжал Дик, вытаскивая из кармана с полдюжину картофелин.

Сэнд радостно захлопал в ладоши.

— Так вот,— властно заявил Дик,— ты будешь хозяином ресторана, а я — посетителем.

— Почему? — наивно спросил Сэнд.

— Потому! — ответил Дик.

На такой безоговорочный довод Сэнду нечего было возразить, и, когда они пришли на место, все произошло так, как пожелал его деспотичный друг.

В одном углу пещеры они нашли неизвестно откуда взявшуюся кучу хвороста. Взяв из нее несколько сучьев, они подожгли их, соорудили великолепный костер и стали печь картошку. А потом началась настоящая игра.

Сэнд замечательно изображал хозяина ресторана. Дик был не хуже в роли посетителя. Надо было видеть, с какой непринужденностью он вошел в пещеру (само собой разумеется, для большей правдоподобности сначала он вышел оттуда), как чинно уселся на земле перед воображаемым столом, как надменно потребовал все кушанья, названия которых знал.

Дик заказал яйца, ветчину, цыпленка, солонину, рис, пудинг и всякие разные яства.

Клиент мог безнаказанно требовать все, что ему было угодно, — никогда еще не существовало ресторана с таким разнообразным меню. У хозяина имелось решительно все. Что бы ни заказывали, он, не колеблясь, отвечал: «Извольте, судары!» — и немедленно приносил желаемое кушанье. Никто не усомнился бы в том, что это и на самом деле яйца, ветчина или цыпленок, хотя какой-нибудь поверхностный наблюдатель мог бы случайно спутать их с простыми картофелинами!

Но всему приходит конец. Истощаются даже самые обильные запасы и насыщаются даже самые ненасытные желудки. По чудесному совпадению, то и другое совершилось одновременно — именно в тот момент, когда, к великому огорчению Сэнда, была съедена последняя картофелина. Он разочарованно протянул:

— Ты все съел...

Дик снисходительно улыбнулся:

— Но ведь я был посетителем. Не станет же сам хозяин есть свои продукты!

Но на этот раз Сэнда не так-то просто было убедить.

— А мне ничего и не досталось, — растерянно произнес он.

Дик повысил голос:

— Может быть, ты еще скажешь, что я — обжора? Тогда, черт возьми, я больше не играю с тобой!

— Ну, что ты! — взмолился Сэнд, испугавшись угрозы.

Дику только этого и надо было.

— Хорошо, — благодушно согласился он, сразу же отказавшись от мщения. — Теперь я буду хозяином, а ты — посетителем.

После перемены действующих лиц игра возобновилась. Сэнд вышел из пещеры, снова вернулся и сделал

вид, что садится за стол. Дик подбежал и предупредительно поднес ему булыжник. Но так как Сэнд не обладал таким даром воображения, как Дик, он не понял, что от него требуется, и растерянно смотрел на камень.

— Дурак, это же счет,— объяснил Дик.

— А я еще ничего не заказал! — возмутился Сэнд.

— Так ведь больше ничего нет, и остается только заплатить за обед. В ресторане надо платить. Ты скажешь: «Гарсон, дайте счет». А я отвечу: «Пожалуйста, сударь». Ты скажешь: «Вот цент за обед и цент вам на чай». Я скажу: «Спасибо, сударь». И ты дашь мне два цента.

Они превосходно разыграли эту сцену. Сэнд тоном ресторанного завсегдатая приказал: «Гарсон, счет!», а Дик так услужливо откликнулся: «Пожалуйста, сударь!», что его можно было принять за официанта первоклассного ресторана. Сэнд в восторге дал ему два цента. Но вдруг он вспомнил о картошке, которую съел Дик.

— Ты все съел сам, а мне приходится платить,— сказал он грустно.

Дик сделал вид, будто не расслышал, но покраснел до ушей.

— Мы купим лакричного соку в магазине Родса,— пообещал он, чтобы заглушить угрызения совести. Затем, как опытный дипломат, желающий сразу покончить с неприятным инцидентом, добавил: — Будем играть в другую игру.

— В какую? — спросил Сэнд.

— Во льва и охотника. Ты будешь путешественником, а я львом,— заявил Дик, немедленно присваивая себе выигрышную роль.— Ты войдешь в пещеру, чтобы отдохнуть, а я прыгну на тебя. Ты закричишь: «На помощь!» Тогда я выбегу, а потом прибегу опять, но теперь я уже стану охотником и убью льва.

— Но как же ты сможешь убить льва, если ты сам — лев? — возразил Сэнд.

— Нет, я уже буду охотником.

— А кто же бросится на меня?

— Глупый, конечно, я — но тогда, когда еще буду львом.

Сэнд погрузился в раздумье, пытаясь разобраться в

в предстоящей игре, но Дик прервал его и, не объяснив все толком, приказал:

— Сейчас ты уходи, а потом возвращайся. Лев будет поджидать тебя среди скал. У тебя еще много времени... Помни, что я — лев и буду в засаде. Львы очень долго сидят в засаде... А ты поднимись по переходу до верхней пещеры и войди совершенно спокойно — ведь ты ничего не знаешь о том, что тебе грозит опасность. Только тогда ты услышишь рыкание льва...

Дик испустил леденящее душу рычание.

Сэнд вышел и стал подниматься по расщелине. Ему предстояло спуститься в пещеру и стать покорной жертвой страшного льва.

Тем временем Дик спрятался между скалами. Ожидание не казалось ему долгим: ведь он был лев, а львы умеют терпеливо подстергивать свою добычу. Ни за что на свете Дик не высунул бы даже кончика носа раньше времени! Изредка он, хотя и в полном одиночестве, добросовестно издавал тихое ворчание, предвещавшее громкий и ужасающий рев, с которым свирепый лев набросится на несчастного путешественника. Эти подготовительные упражнения были прерваны появлением нескольких человек, взбиравшихся на гору.

Дик настолько вошел в роль льва, что и в самом деле не побоялся бы наброситься на них, однако его превращение в царя пустыни не помешало ему узнать Льюиса Дорика, братьев Мур и Сердея. Мальчик скорчил гримасу — он не любил этих людей, особенно Фреда Мура, которого считал своим личным врагом.

К великому негодованию Дика, вся компания скрылась в пещере, и вскоре до него донеслись их удивленные возгласы — они увидели костер.

— Это не их пещера! — сердито пробормотал Дик. Но вдруг прислушался...

Они заговорили о порохе и о бомбе. Последнее слово, которое он плохо расслышал, связывалось с именем губернатора и Хартпула.

Может быть, он находился слишком далеко, и поэтому не расслышал? Дик осторожно подполз ко входу в пещеру, откуда отчетливо слышалось каждое слово. Он узнал голос Сердея.

— А что дальше? — спросил бывший повар, неизмен-

ный критик всех предложений Дорика.— Бомба — ведь это не то, что порох. Ты не сможешь уничтожить их всех разом. Убьешь Кау-джера — останется Хартлпул и охрана...

— Ерунда! — раздраженно ответил Дорик.— Их я не боюсь. Если снять голову, туловище не опасно.

«Убить!»... «Снять голову губернатору!»... Дик сразу же стал серьезным и, задрожав, начал прислушиваться к этим страшным словам.

5. Г Е Р О Й

«Снять голову губернатору!»... Дик мгновенно позабыл об игре. Надо скорее бежать в Либерию и сообщить обо всем услышанном!

Поспешив, он оступился, и камни с шумом покатались из-под его ног. Тотчас же из пещеры выскочил какой-то человек. Перепуганный Дик узнал Фреда Мура. И тот заметил мальчика.

— А, это ты, сопляк! — крикнул он.— Какого черта тебе здесь нужно?

Дик, оцепенев от страха, молчал.

— Ты что, язык проглотил сегодня? — снова раздался грубый окрик Фреда Мура.— Обычно ты за словом в карман не лезешь. Ну погоди, сейчас заговоришь!

От этой угрозы ноги Дика сами пришли в движение, и он пустился наутек. Но враг сразу же догнал его, схватил за руки и поднял над землей как перышко.

— Ах, чертенок! — выругался Фред Мур, держа на весу свою жертву.— Я тебе покажу, как подслушивать!

Он внес мальчика в пещеру и бросил к ногам Льюиса Дорика.

— Вот кого я поймал,— сказал Фред Мур.— Он подслушивал нас.

Сильным пинком Дорик поставил мальчика на ноги.

— Что ты тут делал? — сердито спросил он.

Дику было так страшно, что он дрожал как лист, но мальчишеская гордость победила страх, и, вскинув голову, он звонко выкрикнул:

— Не ваше дело! Все имеют право играть в пещере. Она не принадлежит вам.

— Я тебя научу вежливости, паршивец,— буркнул Фред Мур, отвесив пленнику тяжелую затрещину.

Но Дика нельзя было сломить побоями. Он скорее дал бы превратить себя в котлету, чем поддаться врагам. Мальчик не согнулся под ударами,— выпрямившись и сжав кулаки, он смело бросил в лицо своему мучителю:

— Негодяй!

Но Фреда Мура трудно было оскорбить. Не обратив внимания на слова Дика, он повторил:

— Говори, что ты слышал, или...

Он начал избивать Дика, осыпая его градом ругательств. Стиснув зубы, мальчик упорно молчал.

— Оставь его,— вмешался Дорик,— так ты ничего не добьешься. Да и неважно, слышал он что-нибудь или нет. Мы ведь все равно не выпустим его.

— Уж не собираешься ли ты убить мальчишку? — осведомился Сердей, противник всяких крайних мер.

— Не стоит мараться! — проворчал Дорик.— Надо просто заткнуть ему глотку. Есть у кого-нибудь веревка?

— На,— сказал Фред Мур, вынимая ее из кармана.

— Возьми и это,— добавил его брат Вильям, протягивая кожаный пояс.

Дику связали ноги и скрутили руки за спиной. Затем Фред Мур перенес его во вторую пещеру и бросил, как мешок, на землю.

— Лежи тихо, гаденыш, не то будешь иметь дело со мной! — пригрозил он и вернулся к товарищам.

Дорик уже растопил смолу и, соблюдая все меры предосторожности, начал готовить смертоносное оружие.

Тем временем судьба пятерых негодяев решалась независимо от них.

Сэнд, направляясь к месту встречи, где по условиям игры ему предстояло стать жертвой кровожадного льва, увидел издали, как его товарища поймали и втащили в пещеру. Мальчик ужасно перепугался. Почему схватили Дика? Зачем Фред Мур унес его в пещеру? Что с ним сделали? Может быть, его убили? А может, он ранен и нуждается в помощи? Если так, то Сэнд спасет его.

С быстротой серны он взбежал на гору, добрался до верхней пещеры и по узкому, скрытому переходу снова спустился в нижние пещеры. Менее чем за четверть

часа он добрался до места, где туннель расширялся, образуя подобие естественного грота. Туда был брошен Дик.

Тусклый свет проникал снаружи через узкую расщелину. Из пещеры доносились приглушенные голоса Льюиса Дорика и его сообщников.

Понимая, как важно соблюдать тишину, Сэнд медленно и бесшумно подкрался к Дику. Вытащив из кармана нож, с которым — как настоящий юнга — он никогда не расставался, Сэнд перерезал веревки, связывавшие Дика. Тот сразу же вскочил на ноги и, юркнув в туннель, помчался по галерее, карабкаясь по крутому каменистому склону, падая и снова поднимаясь. Сэнд, задыхаясь, едва поспевал за ним.

Мальчикам удалось бы легко скрыться, если бы именно в этот момент Фреду Муру не пришло в голову взглянуть на пленника. Ему показалось, будто в глубине полутемной пещеры кто-то шевелится. Не раздумывая, он бросился вперед и тут обнаружил узкий подземный ход, о существовании которого даже и не подозревал. Фред, чертыхаясь, ринулся в погоню.

Хотя дети находились от него уже на расстоянии метров пятнадцати, Фреду Муру с его длинными ногами нетрудно было догнать их, тем более что в этом месте галерея была относительно высокой и просторной. Только крошечная тьма мешала ориентироваться в незнакомом месте.

Ослепленный яростью, Фред Мур гнался за детьми, не думая о том, что может разбить голову о какой-нибудь выступ скалы.

Дик и Сэнд напрягали последние силы, стремясь скорее добежать до самого узкого места в туннеле, где нависавшие своды держались на одном-единственном камне. Дальше взрослый человек мог продвигаться только ползком. На это и рассчитывали мальчики — в этом было их спасение.

Наконец они достигли цели. Дик, наклонившись, первым благополучно пролез под камнем. Сэнд, бегущий вслед за ним, вдруг почувствовал, что кто-то коснулся его ноги.

Фред Мур в темноте не заметил каменного выступа и с такой силой ударился о него лбом, что, оглушенный,

свалился на землю. Но именно благодаря его падению погоня неожиданно увенчалась успехом: инстинктивно протянув вперед руки, он вцепился в ногу мальчика.

Сэнд решил, что погиб. Сейчас Мур прикончит его... снова погонится за Диком... схватит его, опять свяжет и бросит в пещеру... И никто не услышит их криков о помощи... Или же его друга сразу убьют....

Неизвестно, так ли думал в эту минуту Сэнд и успел ли он заранее обдумать свое отчаянное решение — ведь все совершилось с молниеносной быстротой.

По-видимому, у каждого человека существует второе «я», которое в определенных случаях действует помимо его воли. Благодаря этому «подсознанию», как его называют ученые, мы внезапно разрешаем задачу, над которой бились долго и тщетно и о которой уже перестали думать. Это оно подчас толкает нас на неожиданные поступки, внешне вроде бы и не зависящие от нашего разума, но причина которых кроется все-таки внутри нас.

Сэнд сознавал лишь одно: он должен любой ценой остановить погоню и спасти Дика. Все остальное произошло как бы помимо него — руки сами протянулись и крепко ухватились за неустойчивую глыбу, поддерживавшую потолок галереи, в то время как Фред Мур, не подозревая об опасности, продолжал тащить его за ногу. Камень покачнулся... сдвинулся с места... Раздался грохот, и свод рухнул.

Услышав шум обвала, Дик остановился и прислушался. Но все мгновенно стихло. Он позвал Сэнда сначала шепотом, потом вполголоса. Не получая ответа, Дик громко и отчаянно закричал. Кругом царили тишина и мрак. Позабыв о преследовании, мальчик решил вернуться обратно, но, пройдя несколько шагов, наткнулся на груды обломков, завалившую проход. Все стало понятно: Сэнд был погребен в каменной могиле. На мгновение Дик застыл на месте, потом пустился бежать по проходу как безумный и, выбравшись из пещер, кубарем скатился с горы.

Кауджер спокойно читал перед сном, как вдруг двери распахнулись настежь, и какое-то растрепанное, окровавленное существо, испускавшее нечленораздельные

звуки, бросилось к его ногам. Изумленный Кау-джер с трудом узнал в нем Дика.

— Сэнд!.. Губернатор!.. Сэнд!..— простонал мальчик.

— Откуда ты? Что случилось? — строго спросил Кау-джер.

Но Дик, казалось, ничего не понимал. Глаза его блуждали, слезы струились по щекам, и, задыхаясь, он то и дело повторял бессвязные слова, дергая Кау-дже-ра за руку, как будто пытаясь повести его за собой:

— Сэнд... Губернатор!.. Сэнд... Пещера... Дорик... Мур... Сердей... Бомба... Снять голову... Сэнда завалило... Губернатор!.. Сэнд...

По этим отрывистым словам Кау-джер догадался, что в пещерах совершилось какое-то преступление, в котором были замешаны Дорик, Мур и Сердей. Не стал ли их жертвой Сэнд? Бесполезно было расспрашивать Дика. Несчастный мальчик совершенно потерял рассудок и жалобно твердил одни и те же слова.

Кау-джер позвал Хартлпула:

— Что-то произошло в пещерах. Возьмите пять человек с факелами и ступайте туда за мной. Не задерживайтесь.

Потом, не отпуская руки Дика, вышел из дому и быстро направился в горы. Две минуты спустя Хартлпул и пять вооруженных мужчин последовали за ним.

И тут произошло роковое недоразумение: Кау-джер приказал Хартлпулу идти к пещерам, но не сказал, к каким именно, и Хартлпул, не видя в темноте, куда скрылся Кау-джер, повел свой отряд к другим пещерам, к тем самым, в которых некогда прятал ружья.

Тем временем Дик и Кау-джер обогнули оконечность мыса с севера и вышли с противоположной стороны к пещере, которую Дорик превратил в свой штаб.

Услышав громкий возглас Фреда Мура, обнаружившего бегство мальчика, Дорик бросил было работу и направился на помощь к другу, но, решив, что тот и сам справится с ребенком, вернулся к прерванному занятию.

Дорик уже закончил изготовление бомбы, а Фред Мур все еще не возвратился. Тогда товарищи, удивлен-

ные и обеспокоенные его продолжительным отсутствием, спустились в нижнюю пещеру, освещая себе путь факелами. Впереди шел Уильям Мур, за ним — Дорик и последним — Кеннеди. Сердей сначала хотел пойти с ними, но передумал и повернул назад. Пока его друзья общались все закоулки, он, пользуясь наступлением ночи, укрылся за ближайшей скалой. Сердей считал исчезновение Фреда плохим предзнаменованием и предвидел всевозможные неприятные осложнения.

Да, повар с «Джонатана» не был, что называется, «лихим парнем». Он предпочитал хитрость, обман и притворство, а борьба в открытую была ему не по нутру. Дрожа за свою шкуру, он остался в стороне, решив, что будет действовать только наверняка и в зависимости от того, как обернутся обстоятельства.

Вскоре Дорик и его спутники обнаружили туннель, по которому неизбежно должен был пройти Фред Мур, так как вторая пещера не имела другого выхода. Прошагав метров сто, они вдруг остановились: дорогу преграждал барьер из каменных глыб. Галерея заканчивалась тупиком.

Все с недоумением смотрели друг на друга:

— Куда же, черт возьми, делся Фред Мур?

Встревоженные его таинственным исчезновением, они молча вернулись в первую пещеру. И там их ожидал сюрприз: у входа появились две человеческие фигуры — мужчина и ребенок.

Костер все еще горел, и при свете яркого пламени заговорщики сразу узнали обоих.

— Дик! — воскликнули все трое, пораженные тем, что юнга, которого они так крепко связали, вдруг очутился перед ними.

— Кау-джер! — в бешенстве закричали Мур и Кеннеди и, не помня себя, бросились вперед.

Кау-джер неподвижно стоял на пороге, готовый к внезапному нападению. Бандиты даже не успели вытащить ножи, как он, схватив их за шеи, с такой силой стукнул головами друг о друга, что оба упали оглушенные. Кеннеди так и остался на земле без сознания, а Уильям Мур безуспешно пытался приподняться.

Не обращая на них внимания, Кау-джер сделал шаг к Дорику, который словно застыл на месте в глубине пе-

щеры, держа в руке бомбу с длинным фитилем. Растерявшись при появлении Кау-джера, потрясенный неожиданной развязкой, Дорик не успел прийти на помощь своим сообщникам. А теперь было уже ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно и игра проиграна.

Тогда его охватило бешенство. Кровь бросилась в голову, в глазах потемнело... Нет, пусть хотя бы единственный раз победа будет на его стороне! Даже если придется заплатить своей жизнью за смерть Кау-джера!

Дорик подскочил к костру, выхватил пылающий сук, поднес его к фитилю и отвел руку, чтобы бросить смертоносный снаряд...

Но в пылу гнева убийца, очевидно, не рассчитал скорости горения фитиля или же в самой бомбе был какой-то изъян — так или иначе, но она вдруг разорвалась у него в руках.

Раздался оглушительный грохот. От сильнейшей детонации дрогнула земля. Из раскрытой пасти пещеры вырвался огненный вал.

Тотчас же снаружи раздались тревожные возгласы. Хартлпул и его подчиненные, обнаружив наконец свою ошибку, добрались до места происшествия и увидели, как языки пламени, подобно гигантским змеям, подползали к Кау-джеру, стоявшему в середине огненного кольца, рядом с перепуганным Диком, который судорожно припал к его коленям.

Стражники бросились спасать губернатора, но тот не нуждался в помощи. По счастливой случайности взрывная волна не задела Кау-джера. Повелительным жестом он остановил подбежавших людей.

— Охраняйте вход, Хартлпул! — приказал он обычным тоном.

Пораженные таким невероятным хладнокровием, люди повиновались и оцепили вход в пещеру.

Понемногу дым рассеялся, но от взрыва костер погас, и в пещере стало совершенно темно.

— Дайте свету, Хартлпул, — сказал Кау-джер.

Зажгли факелы и прошли в глубь пещеры. Тогда от паружной скалы у входа отделилась какая-то тень. Это был Сердей. Полагая, что Дорик убит или арестован, он поспешил скрыться.

Дорик подскочил к костру, выхватил пылающий сук и поднес его к фитилю...

Тем временем Кау-джер обследовал место катастрофы. Это было ужасное зрелище. На земле, забрызганной кровью, были разбросаны человеческие останки. С трудом опознали невероятно изуродованный труп Дорика. В нескольких шагах от него валялся Уильям Мур с распоротым животом. Дальше лежал Кеннеди. На теле его не было ран; казалось, что он просто спит. Кау-джер приложил ухо к его груди и сказал:

— Жив.

По-видимому, бывший матрос, потеряв сознание от удара Кау-джера, не смог подняться с земли, и это спасло его в момент взрыва.

— Странно, что не видно Сердея,— заметил Кау-джер, оглядываясь,— он ведь всегда был с ними.

Но самый тщательный осмотр пещеры не обнаружил никаких следов повара с «Джонатана». Зато Хартлпул нашел под грудой хвороста бочонок с порохом, лишь незначительная часть которого пошла на изготовление бомбы.

— Второй бочонок! — торжествующе воскликнул он.— Значит, это они ограбили склад!

В этот момент кто-то схватил за руку Кау-джера, и слабый голосок прошептал:

— Сэнд... Губернатор!.. Сэнд...

Дик был прав. Следовало немедленно продолжать поиски Сэнда, ставшего, по-видимому, жертвой обвала.

— Веди нас, мой мальчик,— сказал Кау-джер.

Дик бросился к туннелю, соединявшему пещеры, и все, за исключением человека, оставленного возле Кеннеди, поспешили за мальчиком.

Они миновали вторую пещеру и прошли по галерее до места, где произошел обвал.

— Там,— сказал Дик, указывая рукой на нагромождение обломков.

Искреннее отчаяние несчастного ребенка вызывало острую жалость даже у этих закаленных, выдавших виды людей.

Он больше не плакал, но его сухие глаза лихорадочно блестели, а запекшиеся губы с трудом выговаривали слова.

— Там? — мягко переспросил Кау-джер.— Но ты же видишь, малыш, что дальше не пройти.

— Сэнд...— упорно повторял Дик, указывая дрожащей рукой на завал.

— Что ты хочешь сказать? — повторил Кау-джер.— Неужели ты думаешь, что твой друг там, внизу?

— Да,— еле слышно произнес Дик,— здесь был проход... еще сегодня... Дорик связал меня... я убежал... Сэнд бежал сзади... Фред Мур чуть не поймал нас... Тогда Сэнд сдвинул камень, и все рухнуло. Он сделал это нарочно, чтобы спасти меня...

Дик умолк и без сил опустился на колени перед Кау-джером:

— О губернатор! Помогите!.. Там Сэнд...

Кау-джер, растроганный, старался утешить ребенка.

— Успокойся, мальчик,— сказал он ласково.— Обещаю тебе сделать все, что в наших силах, чтобы спасти его. За работу, друзья! — скомандовал он, обернувшись к присутствующим.

Все энергично принялись за раскопки. К счастью, обломки скалы оказались не очень тяжелыми, и их можно было отодвинуть или поднять даже без помощи инструментов.

Дик, повинуясь распоряжению Кау-джера, покорно побрел в первую пещеру и уселся около Кеннеди, который понемногу приходил в себя. Охватив колени руками, с остановившимся взглядом, мальчик ждал, горячо надеясь, что Кау-джер выполнит свое обещание.

Внизу же, при свете факелов, продолжалась напряженная работа. Дик не ошибся: под обломками скалы находились человеческие тела. Едва убрали первые камни, как увидели торчавшую под грудой осколков чью-то ногу. Судя по размеру башмака, это была не детская нога, она наверняка принадлежала рослому мужчине. Через несколько минут удалось освободить от каменного покрова туловище и, наконец,— все тело человека, лежавшего плашмя. Повернуть его лицом вверх не удалось — мешала протянутая вперед и зажатая камнями рука. Когда и ее высвободили, оказалось, что пальцы взрослого намертво стиснули ступню ребенка. Окоченевшую руку с трудом разжали и в погибшем только по одежде (так как лицо превратилось в кровавое месиво) опознали Фреда Мура.

Люди не щадили сил. Удастся ли спасти маленького

друга Дика? Это казалось маловероятным. Судя по искалеченным, раздробленным конечностям, вряд ли мальчик еще жив.

Но тут временно пришлось приостановить работу: на огромной глыбе, придавившей ноги Сэнда, лежала целая груда тяжелых камней, и следовало действовать крайне осмотрительно, дабы не вызвать нового обвала. Это осложнило и задержало дальнейшие раскопки.

Наконец мало-помалу, сантиметр за сантиметром, глыбу осторожно приподняли и сдвинули в сторону. Ко всеобщему изумлению, под ней оказалась глубокая впадина, в которой, как в каменной колыбели, лежало тело Сэнда. На туловище не было видно никаких повреждений.

Мальчика подняли и бережно перенесли на освещенную факелами площадку. Глаза у него были закрыты, посиневшие губы крепко сжаты, лицо покрыто смертельной бледностью.

Кау-джер наклонился над ним и долго выслушивал. — Дышит, — сказал он наконец.

Два человека подняли легкую ношу, и все молча двинулись в путь. Медленно шагали они по подземному переходу. От коптящих факелов на стенах плясали зловещие тени.

Голова Сэнда безжизненно покачивалась, из искалеченных ног стекали крупные капли крови...

Когда печальное шествие показалось в наружной пещере, Дик бросился ему навстречу. Он увидел изувеченные ноги и обескровленное лицо. Зрачки его расширились от ужаса... Мальчик глухо вскрикнул и, потеряв сознание, упал на землю.

6. ЗА ПОЛТОРА ГОДА

На следующий день Кау-джер поднялся на рассвете. Взволнованный вчерашними мучительными переживаниями, он всю ночь не сомкнул глаз.

Прежде чем покарать преступников, Кау-джер поспешил оказать помощь их невинным жертвам.

Накануне обоих пострадавших перенесли на носилках, сплетенных из ветвей, в управление. Когда Сэнда

раздели и положили на койку, выяснилось, что искалечен он еще больше, чем предполагали. Ноги превратились в кровавую кашу из раздробленных костей, клочьев мяса и обрывков кожи.

При виде изуродованного детского тельца у Хартлпула сжалось сердце, и скупые слезы потекли по огрубевшим от морских ветров щекам.

Кау-джер осторожно промыл и перевязал страшные раны. По всей вероятности, Сэнд до конца своих дней останется калекой и уже никогда не сможет ходить.

Несмотря на возможность опасных осложнений, Кау-джер не решился на ампутацию, боясь, что обескровленный организм ребенка не выдержит сложной операции.

Состояние Дика также внушало тревогу. Он не открывал глаз, его воспаленное лицо судорожно подергивалось, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы. Мальчик весь горел.

Все эти симптомы очень беспокоили Кау-джера, хотя Дик и не получил никаких телесных повреждений.

Оказав детям первую помощь, Кау-джер, несмотря на поздний час, отправился к Гарри Родсу и сообщил ему обо всем случившемся.

Тот был потрясен и тут же предложил, чтобы его жена и дочь, а также Туллия и Грациэлла Черони поочередно ухаживали за пострадавшими. Госпожа Родс тотчас же оделась и пошла в управление. Обеспечив малышей надлежащим уходом, Кау-джер вернулся домой и попытался уснуть. Но тщетно. Слишком много было пережито, и снова перед ним встали тягостные вопросы.

Из пяти преступников трое погибли, но двое были живы. Один из них, Сердей, скрылся, но несомненно будет задержан. Другой, Кеннеди, ожидал приговора в тюрьме. По их вине чуть не погибли два мальчика.

На этот раз вряд ли удастся скрыть преступление от колонистов. Уж очень много людей были причастны к его раскрытию. Значит, необходимо сурово покарать преступников.

И вот на следующее утро Кау-джер отправился в тюрьму к Кеннеди. Тот поспешно встал при его приближении и даже почтительно стянул свой матросский берет. Для этого смиренного жеста бывшему матросу пришлось поднять одновременно обе руки, скованные корот-

гой железной цепью. Он стоял опустив глаза и покорно ждал своей участи, как животное попавшее в капкан.

Униженная поза Кеннеди показалась Кау-джеру невыносимой.

— Хартлпул! — позвал он начальника милиции.

Хартлпул прибежал из караульного помещения.

— Снимите с него цепи, — приказал Кау-джер.

— Но, сударь... — робко возразил Хартлпул.

— Немедленно! — прервал его губернатор тоном, не допускающим возражений.

Когда Кеннеди освободили, Кау-джер спросил:

— Ты хотел меня убить? За что?

Кеннеди, потупив глаза и переминаясь с ноги на ногу, смущенно мямл в руках берет и молчал.

Кау-джер с минуту смотрел на него, потом распахнул двери и, отступив в сторону, бросил:

— Уходи!

Но так как Кеннеди, нерешительно поглядывая на Кау-джера, не двигался с места, тот спокойно повторил:

— Убирайся!

Тогда бывший матрос, втянув голову в плечи, поплелся к выходу. Кау-джер закрыл за ним двери и, не сказав ни слова растерявшемуся Хартлпулу, пошел навестить своих больных.

Сэнд находился в прежнем состоянии, но Дику стало гораздо хуже. В сильном жару он метался по кровати, выкрикивая в бреду бессвязные слова. Лекарств, необходимых для его лечения, на острове не было. Вначале не нашлось даже льда для охлаждающих компрессов, ибо уровень техники на острове Осте еще не обеспечивал получение искусственного льда, а натуральный имелся только зимой.

Но природа словно сжалилась над ребенком. Зима 1884 года выдалась исключительно ранняя и на редкость жестокая. Уже апрель принес с собой лютые морозы и непрерывные бури. Через месяц начался такой снегопад, какого Кау-джер не помнил с тех пор, как поселился на архипелаге Магальянес. Люди выбивались из сил, сражаясь со снегом. В июне вдруг забушевали снежные бураны. Несмотря на все принятые меры, Либерия оказалась погребенной под белым саваном. Сугробы забаррикадировали двери домов. Для прохода пришлось исполь-

зовать окна вторых этажей, а в одноэтажных домах — пробивать отверстия в крышах.

Жизнь в колонии замерла. Люди общались друг с другом лишь в случае крайней необходимости. Длительное пребывание в закрытых, лишенных свежего воздуха помещениях пагубно отразилось на здоровье либерийцев. Снова вспыхнули эпидемические заболевания, и Кауджеру пришлось помогать единственному в Либерии врачу, который не мог обслужить всех больных.

Но Дик и Сэнд понемногу стали поправляться. На десятый день после катастрофы Сэнд уже находился вне опасности. Необходимость в ампутации отпала, и раны зарубцевались с быстротой, свойственной молодым организмам. Не прошло и двух месяцев, как ему разрешили встать.

Встать! Это слово, конечно, не соответствовало действительности. Сэнд больше никогда не сможет стоять и передвигаться без посторонней помощи. Несчастный калека был обречен на неподвижность...

Но мальчик не впадал в отчаяние. Едва он пришел в себя, как, забыв о боли, сразу же спросил о своем друге, которому так самоотверженно спас жизнь. Его уверили, что тот цел и невредим, и радостная улыбка впервые за многие дни озарила его измученное личико. Но Дик так долго не приходил, что Сэнд начал нервничать и настойчиво добиваться свидания. Долгое время его просьбу не могли выполнить, потому что Дик лежал без сознания. Несмотря на ледяные компрессы, его голова пылала, температура не снижалась, бред не прекращался. А когда наконец наступил долгожданный кризис, мальчик настолько ослабел, что, казалось, жизнь его держится на волоске.

Однако на смену болезни быстро пришло выздоровление, причем самым целебным лекарством оказалось сообщение о том, что Сэнд тоже вне опасности. Услышав это, Дик облегченно вздохнул и вскоре заснул спокойным сном.

Уже через несколько дней он смог навестить Сэнда, который, убедившись, что его не обманули, больше ни о чем не беспокоился. Сэнд как будто совсем забыл о своем несчастье. Наконец, после долгого перерыва, ему разрешили взять в руки скрипку, и тогда мальчик почувст-

вовал себя совершенно счастливым. А еще через неделю, уступив настойчивым просьбам маленьких друзей, Кауджер поместил их в одной комнате.

День, когда Сэнду разрешили встать, произвел тягостное впечатление на всех его друзей. В жалком, с трудом передвигавшемся калеке едва можно было узнать прежнего здорового ребенка. Вид искалеченного Сэнда потряс Дика. Он сразу преобразился, словно его кто-то коснулся волшебной палочкой. Мальчик внезапно повзрослел. Исчезли присущие ему вспыльчивость и резкость.

...Стоял июнь. После сильных снегопадов и бурь вся Либерия оказалась покрытой плотным белоснежным одеялом. Приближались самые холодные недели этой суровой зимы.

Кауджер делал все возможное и невозможное, чтобы хоть как-то избавить людей от длительного пребывания в душных помещениях. Под его руководством организовали игры на воздухе. Через длинный шланг провели воду из реки на болотистую равнину, превратившуюся в замечательный каток. Любители этого спорта, очень распространенного в Северной Америке, могли наслаждаться им вволю. Для тех, кто не умел кататься на коньках, организовывали лыжные походы или головокружительные катания на санках с крутых склонов Южных гор. Постепенно колонисты окрепли, настроение у них улучшилось.

С 5 октября наступило долгожданное потепление. Растаяли снега, покрывавшие прибрежную равнину. Сугробы на улицах Либерии превратились в грязные ручьи. Река разбила свои ледяные оковы, и с южных склонов в нее устремились бурные потоки, заливавшие город. Вода в реке быстро прибывала и за сутки достигла уровня берегов. Либерии угрожало наводнение.

Кауджер мобилизовал на работы все городское население. Отряд землекопов возводил кольцевой земляной вал, защищавший город от горных потоков и разлива реки. Но несколько домов, в частности дом Паттерсона, расположенный на самом берегу, остался вне защитного сооружения. Пришлось пойти на эту жертву.

Работы, продолжавшиеся днем и ночью, были закончены за сорок восемь часов. И как раз вовремя! Бурлящий водяной шквал, сметающий все на своем пути, обрушился с гор на Либерию. Но земляной вал, подобно стальному клинку, рассек его пополам, отбросив один поток к реке и низвергнув другой в море. Через несколько часов город превратился в крошечный островок среди бушевавших волн. И только вдали, на юго-западе, едва виднелись вершины гор, а на северо-востоке, на высоком холме,— дома Нового поселка. Все дороги между городом и пригородом были затоплены.

Так прошла неделя. Вода еще не спала, когда произошло новое несчастье.

На участке Паттерсона берег, подмытый бурными волнами, обрушился и увлек в водоворот домик ирландца вместе с его обитателями — Паттерсоном и Лонгом.

С самого начала оттепели Паттерсон, вопреки разумным советам, категорически отказывался покинуть свое жилище. Он оставался там и тогда, когда увидел, что его дом очутился вне защитного вала, а часть усадьбы залило водой. И даже волны, набегавшие на порог дома, не заставили упрямого ирландца переменить свое решение.

И вот, на глазах нескольких растерявшихся очевидцев, находившихся в эту минуту на земляном валу, безжалостная стихия в один миг поглотила дом Паттерсона и его обитателей.

Будто удовлетворив свою ярость двойным убийством, наводнение вскоре пошло на убыль. 5 ноября, ровно через месяц после начала оттепели, река вернулась в русло, оставив после себя огромные разрушения.

Улицы Либерии были так изрыты, точно по ним прошел плуг. От дорог, местами совершенно размытых, а местами покрытых густым слоем грязи, осталось только жалкое воспоминание.

Прежде всего пришлось восстанавливать разрушенные пути сообщения. Самой изуродованной дорогой оказалась та, что проходила по болоту к Новому поселку; вот поэтому-то восстановили ее значительно позднее других.

Ко всеобщему удивлению, первым человеком, пришедшим по ней, был не кто иной, как Паттерсон, которого считали утонувшим.

В последний раз его видели рыбаки из Нового поселка: он судорожно цеплялся за ствол дерева, уносимого в море.

Ирландцу посчастливилось выйти живым и невредимым из этой катастрофы. Лонг же, по-видимому, погиб, и поиски его тела ни к чему не привели. Паттерсон направился прямо к своему жилищу и, увидев, что от него не осталось и следа, впал в угрюмое отчаяние. Вместе с домом безвозвратно исчезло все, чем он обладал: и деньги, привезенные на остров Осте, и все богатства, накопленные ценой изнурительного труда и жестоких лишений.

Этот человек, единственным божеством которого был золотой телец, а единственной страстью — стяжательство, потерял все и превратился в самого нищего из всех окружавших его бедняков. Голому и босому, как новорожденному младенцу, ему приходилось строить жизнь заново.

Однако Паттерсон не стонал и не жаловался. Молча сидел на берегу реки, так безжалостно ограбившей его, и обдумывал все, что произошло. Потом встал и решительным шагом отправился к Кау-джеру.

Извинившись за свою смелость, Паттерсон скромно и вежливо заговорил с губернатором, сообщив, что наводнение едва не погубило его и обрекло на самую крайнюю нищету.

Кау-джер, которому Паттерсон внушал глубокую антипатию, ответил довольно холодно:

— То, что с вами случилось, очень прискорбно, но при чем тут я? Вы просите помощи?

При всех своих недостатках Паттерсон не был лишен чувства гордости. Он никогда ни к кому не обращался за помощью. Не будучи слишком щепетильным в способах обогащения, он противопоставлял себя всему свету и накопленному богатству был обязан только самому себе.

— Я не прошу милостыни, — возразил он с достоинством, — а требую правосудия.

— Правосудия? — повторил удивленный Кау-джер. А кого вы обвиняете?

— Город Либерию, — ответил Паттерсон, — и Остельское государство в целом.

— В чем же? — все более и более удивляясь, спросил Кау-джер.

Тогда Паттерсон изложил свои требования. Он считал, что колония должна нести ответственность за потери, причиненные наводнением. Во-первых, потому, что вопрос шел о всеобщем бедствии, и, следовательно, все нужно распределить между остельцами поровну. Во-вторых, потому, что колония грубо нарушила свои обязанности по защите граждан и не воздвигла земляного вала по самому берегу реки, чтобы защитить все дома без исключения.

Как ни возражал Кау-джер против этих фантастических обвинений и требований, лишенных основания, как ни доказывал, что, будь вал построен ближе к реке, он наверняка обрушился бы вместе с крутыми берегами и тогда наводнение захватило бы большую часть города, — Паттерсон не хотел ничего слышать и упрямо повторял свое.

Потеряв терпение, Кау-джер прекратил эти бесплодные пререкания. Паттерсон тотчас же отправился в порт, где присоединился к рабочим, но на следующий день подал официальную жалобу председателю суда, Фердинанду Бовалю. Когда-то ирландцу довелось убедиться, что на острове Осте существует правосудие, и теперь он снова взывал к нему.

Пришлось суду разбирать это странное дело. Вполне понятно, Паттерсон проиграл.

Ничем не обнаружив своего недовольства, не обращая внимания на язвительные шуточки ненавидевших его либерийцев, ирландец спокойно выслушал решение суда, вышел из здания и направился на работу.

С тех пор в его душе зародилось новое чувство. Раньше он делил мир на две половины: на одной стороне — он, а на другой — все остальное человечество. Смысл жизни заключался в том, чтобы перекачать как можно больше денег из второй половины в первую. Отсюда вечная борьба, но не вражда.

Теперь же Паттерсон возненавидел и Кау-джера, отказавшегося возместить убытки, и всех остельцев, допустивших гибель его имущества, приобретенного таким тяжким трудом.

Паттерсон тщательно скрывал свою ненависть, хотя

в глубине его души она буйно разрасталась и расцветала, как ядовитый цветок в теплице. Сейчас он бессилен против своих врагов, но времена могут перемениться. Он подождет...

Почти все лето колонисты восстанавливали разрушения, причиненные наводнением: исправляли дороги, ремонтировали здания. К февралю 1885 года не осталось никаких следов бедствия, пережитого колонией.

Пока велись эти работы, Кау-джер изъездил весь остров. Теперь он мог совершать поездки верхом — в колонию было завезено около сотни лошадей. Не раз он справлялся о Сердее, но получал самые неопределенные ответы. Только несколько эмигрантов припомнили, что прошлой осенью видели, как бывший повар направлялся на север, в горы, но никто не знал, что с ним стало потом.

В конце 1884 года в колонию доставили двести ружей, заказанных сразу же после раскрытия заговора Дорика. Теперь Остельское государство располагало почти двумястами пятьюдесятью ружьями, не считая личного оружия, имевшегося у многих колонистов.

В начале 1885 года остров Осте посетило несколько семей огнеземельцев. Как и в прежние годы, бедные индейцы пришли просить приюта и помощи у Кау-джера. Они никогда не забывали того, кто был так добр к индейцам, хотя и покинул их.

Однако, несмотря на любовь огнеземельцев к Кау-джеру, ему никогда не удавалось уговорить их поселиться на острове Осте. Эти племена были слишком независимы, чтобы подчиняться каким-либо законам. Они не променяли бы свою свободу на все блага мира. А по их представлениям оседлая жизнь в домах равносильна рабству. Уверенности в куске хлеба они предпочитали скитания в поисках скудного и случайного пропитания.

В этом году Кау-джеру впервые удалось убедить три семейства пожить, хотя бы временно, в палатках на острове Осте. Эти семьи, состоявшие из наиболее развитых туземцев, обосновались на левом берегу реки, между Либерией и Новым поселком, образовав нечто вроде лагеря, сделавшегося приманкой для остальных индейцев.

Летом произошло еще два примечательных события. Первое касалось Дика. В середине июня оба мальчика окончательно поправились. Правда, Дик очень исхудал за время болезни, но при его прекрасном аппетите можно было не сомневаться, что он быстро наверстает упущенное. Что же касается Сэнда, наука оказалась бессильной. Он был обречен на неподвижность до конца своих дней.

Впрочем, как уже говорилось ранее, маленький калека относился очень спокойно к случившемуся несчастью. Природа наградила его, в противоположность Дику, нежной душой и кротким характером. Он даже не жалел о шумных играх, которые любил Дик. Сэнд предпочитал уединенную жизнь, лишь бы под рукой была всегда скрипка, а рядом — любимый друг.

За время болезни Сэнда Дик превратился в настоящую сиделку. Он помогал больному перейти с кровати в кресло, часами оставался около друга, выполняя его малейшие желания с таким неистощимым терпением, которого никто не ожидал от этого вспыльчивого мальчика.

Кау-джер, наблюдавший за детьми, очень привязался к ним, особенно к Дику, вызывавшему у него живой интерес. С каждым днем Кау-джер все больше и больше убеждался в исключительной душевной прямоте, тонкости восприятия и живом уме мальчика и искренне жалел, что такие редкие качества остаются втуне.

Он решил уделить этому ребенку особое внимание и передать ему все свои познания. От Дика можно было ожидать многого, захоти он только использовать исключительные способности, отпущенные ему природой.

Однажды, в конце зимы, Кау-джер вызвал Дика для серьезного разговора:

— Вот Сэнд, можно сказать, выздоровел, — начал он, — но ты никогда не должен забывать, мой мальчик, что он стал калекой, спасая тебя.

Дик посмотрел на Кау-джера с грустным удивлением. Почему губернатор так говорит с ним? Разве можно забыть того, кому обязан жизнью?

— Есть только одна возможность отблагодарить Сэнда, — продолжал Кау-джер, — сделать так, чтобы

принесенная им жертва научила бы тебя жить не только для себя, но и для других. До сих пор ты был ребенком. Теперь ты должен готовиться стать мужчиной.

Глаза Дика заблестели. Слова Кау-джера запали в его душу.

— Что я должен делать, губернатор? — спросил он.

— Трудиться, — ответил тот. — Если ты обещаешь работать усердно, я стану твоим учителем. Наука — это целый мир, в который мы проникнем вместе.

— О губернатор! — воскликнул Дик, не в силах больше ничего добавить.

И занятия начались. Ежедневно Кау-джер посвящал им один час, а затем Дик учил уроки, сидя возле Сэнда.

Ученик делал замечательные успехи, и приобретаемые знания как бы закрепляли те изменения в его характере, которые вызваны были самопожертвованием Сэнда. Кончились детские проказы и игры во льва и в ресторан. Ребенок, преждевременно созревший из-за перенесенных страданий, превращался в юношу.

Вторым замечательным событием было бракосочетание Хальга и Грациэллы.

Хальгу исполнилось двадцать два года, а Грациэлле шел двадцатый. Это была уже не первая свадьба на острове Осте. С самого начала своего правления Кау-джер создал учреждение, ведавшее гражданским состоянием колонистов.

Будущее новой семьи было надежно обеспечено. Рыбный промысел, возглавляемый Хальгом и его отцом Кароли, давал прекрасный доход. Больше того, возник даже вопрос об устройстве консервной фабрики для экспорта рыбных продуктов. Но, независимо от этого проекта, Хальг и Кароли успешно сбывали свой улов на месте и могли не бояться нужды.

В конце лета пришел довольно неопределенный ответ от правительства Чили. Кау-джера просили дать время на обсуждение его предложения и, видимо, всячески стремились затянуть переговоры.

Вскоре начались заморозки, и снова наступила зима, в течение которой не произошло ничего примечательного, за исключением небольших волнений среди населения, носивших чисто политический характер.

Случайным зачинщиком смуты был не кто иной, как Кеннеди.

Роль этого матроса в компании Дорика была общеизвестна. Такие события, как смерть Льюиса Дорика и братьев Мур, героическое самопожертвование Сэнда, продолжительная болезнь Дика, исчезновение Сердея, а главное — чудесное избавление Кау-джера от уготованной ему гибели, не могли пройти незамеченными на острове Осте.

Поэтому, когда Кеннеди вернулся в колонию, его встретили не слишком-то приветливо, но со временем первые неприятные впечатления сгладились, и все недовольные правлением Кау-джера стали группироваться вокруг бывшего матроса. Как ни говори, а он был незаурядной личностью, и, хотя большинство остельцев считало его преступником, никто не отрицал, что Кеннеди — человек с сильным характером, готовый на все. Поэтому он, естественно, стал главарем оппозиции.

Она состояла, в основном, из лентяев или неудачников, а также из людей, сбившихся с пути. К ним присоединились различные болтуны и политики.

Весь этот пестрый сброд хорошо ладил между собой во всем, что касалось противодействия Кау-джеру. Всех их объединяло общее стремление нарушить организованную жизнь колонии. Но если бы это им удалось, то к моменту дележа добычи стяжательские инстинкты бесспорно превратили бы вчерашних союзников в непримиримых врагов.

Возникшие волнения проявились в собраниях и митингах протеста. Эти сборища отнюдь не были многолюдными — на каждом присутствовало не более сотни колонистов, но они шумели так, словно их было не меньше тысячи, и отголоски их речей всегда доходили до Кау-джера.

Ничуть не поражаясь новому доказательству человеческой неблагодарности, он спокойно просмотрел предъявленные требования и даже нашел их отчасти справедливыми.

Действительно, оппозиционеры, утверждавшие, что губернатор ни от кого не получал полномочий, а присвоил их самовольно, как диктатор, были правы. Тем не менее Кау-джер ничуть не раскаивался, что поступил

именно так — в то время обстоятельства требовали решительных действий. Теперь же положение совершенно изменилось. Жизнь на острове Осте вошла в определенное русло. Все колонисты были обеспечены работой. Общественные связи непрерывно расширялись.

Возможно, что колонисты уже созрели для более демократической системы? Поэтому, дабы успокоить недовольных, Кау-джер решился на рискованный шаг — провести выборы губернатора и создать совет из трех человек, являющийся исполнительным органом. Выборы были назначены на 20 октября 1885 года, то есть на первые весенние дни.

Население острова уже превышало две тысячи человек, из них тысяча двести семьдесят пять взрослых мужчин. Но некоторые избиратели, жившие слишком далеко от Либерии, не пришли на выборы, так что всего было подано тысяча двадцать семь бюллетеней, из них девятьсот шестьдесят восемь за Кау-джера.

Колонисты оказались достаточно благоразумными, избрав в совет подавляющим большинством голосов Гарри Родса, Хартлпула и Жермена Ривьера. Оппозиция, сознавая свое бессилие, вынуждена была покориться.

Кау-джер воспользовался избранием в совет надежных людей, чтобы осуществить задуманное путешествие, о котором мечтал уже давно: ему хотелось поехать на архипелаг и подробно обследовать остров, по поводу которого велись нескончаемые переговоры с Чили. 25 ноября Кау-джер отправился с Кароли на «Уэл-Киедж», рассчитывая вернуться не ранее 10 декабря.

В день возвращения Кау-джера в Либерию примчался какой-то всадник, покрытый пылью. Видно было, что он приехал издалека и скакал во весь опор. Всадник направился прямо в управление, где и встретился с Кау-джером. Он заявил, что привез важные вести, и просил губернатора принять его немедленно.

Через четверть часа собрался совет колонии. Специальные посыльные отправились во все концы города, чтобы созвать милицию. Не прошло и часа, как Кау-джер уже несся во главе отряда из двадцати пяти всадников в глубь острова.

Причину столь поспешного отъезда не удалось сохранить в тайне. Вскоре поползли зловещие слухи о том,

что Осте захвачен патагонцами, войска которых, переправившись через пролив Бигл, высадились на северной стороне полуострова Дюма и теперь движутся на Либерию.

7. НАШЕСТВИЕ

Слухи подтвердились, но народная молва, как всегда, преувеличила подлинные факты.

Отряд патагонцев в количестве около семисот человек, высадившийся сутки назад на северном побережье острова, никак нельзя было назвать войском.

Обычно к патагонцам причисляют все племена, обитающие в пампасах Южной Америки и весьма отличающиеся друг от друга в этнологическом отношении. Северные племена, живущие на границе с Аргентиной, относительно миролюбивы. Ведя оседлое существование, они основали множество поселков и даже несколько городков и занимаются сельским хозяйством. Но чем ближе к югу, тем резче меняются их характер и обычаи. Южные племена, куда более воинственные, редко засиживаются на одном месте. Меткие стрелки, лихие наездники, промысляющие главным образом охотой, они-то и являются патагонцами в собственном смысле слова.

У этих племен еще сохранилось рабство. Во время набегов и войн между племенами число рабов непрерывно пополняется. Южные патагонцы ведут постоянные междоусобные войны, которые весьма выгодны соседним государствам.

Напавшие на остров Осте принадлежали к наиболее отсталому племени патагонцев.

Индейцы, совершающие набеги на близлежащие земли, часто переправляются через Магелланов пролив и безжалостно грабят большой остров — Магелланову Землю, называемый также Огненной Землей. Однако до сих пор они никогда не отваживались на такой дальний поход.

Добраться до острова Осте патагонцы могли двумя путями: по Огненной Земле, а затем через пролив Бигл, или же на лодках, по извилистым проливам архипелага. И в том и в другом случае им предстояло столкнуться с большими трудностями: при передвижении по суше индейцам угрожал голод, а во время плавания по морским

проливам их легкие пироги могли опрокинуться под тяжестью лошадей.

Кау-джер, мчавшийся впереди своих спутников, думал о том, что заставило патагонцев отважиться на набег, противоречивший их вековым традициям? До некоторой степени это оправдывалось самим фактом существования Либерии. Возможно, что слухи о новом городе распространились на окружающих островах, и молва приписала ему сказочные богатства. Все это подействовало на воображение дикарей и разожгло их грабительский пыл. Конечно, можно было ограничиться и этим объяснением.

И все же дерзость индейцев казалась непонятной. Несмотря на присущую им жадность, вряд ли они рискнули бы без особых к тому причин напасть на такое большое поселение белых людей, как Либерия.

Кау-джер не имел ни малейшего представления, в какой части острова он может встретиться с патагонцами. Где они сейчас? Уже в пути или еще не покинули места высадки? В последнем случае (по сведениям, полученным от гонца) им предстоял переход в сто двадцать — сто двадцать пять километров, для чего потребовалось бы не менее пяти дней.

Так как остельские дороги еще не были полностью восстановлены, Кау-джер, отправившись в путь утром 10 декабря, мог наткнуться на передовые отряды индейцев не ранее вечера 11 декабря.

Неподалеку от Либерии дорога шла берегом Тихого океана, потом, петляя по долине, направлялась к крутому перевалу через высокий горный хребет. На 95-м километре от Либерии она пересекала узкий перешеек полуострова Дюма и тянулась дальше вдоль пролива Бигл.

По этой-то дороге и следовал отряд Кау-джера, к которому по пути присоединилось несколько фермеров на собственных конях.

Тем колонистам, кто имел личное оружие, Кау-джер приказал укрыться по обе стороны дороги в самых недоступных для патагонцев местах, там поджидать врага, обстреливать его и сразу отступать в горы. Он советовал стрелять в лошадей, потому что спешенный патаговец не представляет опасности.

Все остальные, не имевшие ружей, должны были разрушить дорогу. Кроме того, Кау-джер приказал в тече-

ние суток уничтожить весь урожай на окрестных полях и все запасы продовольствия на фермах, дабы лишить врага источников питания.

Жителям ближайших ферм велено было укрыться в усадьбе Ривьера, захватив с собою оружие, а также топоры и косы. Окруженная высоким забором и защищенная многочисленным гарнизоном, усадьба превращалась в настоящую неприступную крепость.

Кау-джер, как и предполагал, достиг перешейка полуострова Дюма 11 декабря, в 6 часов вечера. Здесь не было никаких следов патагонцев. Но теперь, по мере приближения к месту их высадки, требовалась исключительная осторожность, так как в это время года темноло очень поздно.

Только через пять часов показались огни костров неприятельского лагеря. Индейцы сделали привал, чтобы дать отдых коням.

Маленький отряд Кау-джера насчитывал всего тридцать два ружья, включая и его собственное. Но в глубине острова сотни людей старались преградить путь захватчикам: копали рвы, валили деревья, сооружали завалы.

Обнаружив патагонцев, отряд Кау-джера остановился в пяти-шести километрах от перешейка полуострова Дюма. Лошадей отвели в горы, а спешенные всадники, рассеявшись по обрывистым склонам дороги, стали поджидать неприятеля.

Кау-джер не хотел вступать в открытый бой. Он считал, что в данных условиях наилучшая тактика — партизанская война. Защитники острова, скрывающиеся в зарослях на холмах, будут обстреливать врага в то самое время, когда он попытается преодолеть воздвигнутые на его пути препятствия. Известно, что патагонцы не слезают с коней, чтобы преследовать пеших стрелков.

На следующий день, 12 декабря, в 9 часов утра, показались первые отряды патагонцев. За три часа они прошли двадцать пять километров. Медленно двигаясь сомкнутым строем по дороге, ограниченной с одной стороны морем, а с другой крутыми горами, они представляли прекрасную мишень для остельских стрелков.

Внезапно загремели выстрелы. Первые ряды попятились, вызвав смятение во всей колонне. Пули колонистов

попали в цель: один индеец извивался в предсмертных судорогах на обочине дороги; две лошади были убиты.

Поскольку других выстрелов не последовало, патагонцы снова тронулись в путь, но через полкилометра натолкнулись на заграждение из поваленных деревьев. Пока они расчищали путь, снова раздались выстрелы — упало еще несколько лошадей. Этот тактический прием успешно повторялся раз десять, пока голова колонны не подошла к перешейку полуострова Дюма. Здесь дорога, суживаясь, проходила через ущелье, где возвышался новый мощный завал, а перед ним был вырыт широкий и глубокий ров.

И вновь, как только индейцы приступили к расчистке пути, на левом фланге возобновилась ружейная пальба. Одни стали отстреливаться наугад, другие же спешили разобрать завал.

Перестрелка усиливалась. Пули свинцовым дождем поливали дорогу, и первые отважившиеся проникнуть в опасную зону были убиты. Индейцы заколебались.

Вся вражеская колонна была на виду у остельских стрелков. Она растянулась больше чем на полкилометра. Из конца в конец то и дело скакали всадники — по-видимому, гонцы, передававшие приказы вождя.

Несколько раз патагонцы пытались продвинуться вперед, и всякий раз терпели неудачу. Только к вечеру они смогли разобрать завал. Теперь ничто, кроме пуль, не преграждало путь наступающим.

И вдруг, решившись на отчаянный прорыв, патагонцы пустили коней в галоп. Три человека и двенадцать лошадей остались на месте, остальным удалось прорваться.

Через пять километров, на открытой местности, где им ничто не грозило, индейцы остановили коней и устроили привал на ночь, а колонисты продолжали свое планомерное отступление, подготавливая позиции на завтра.

На следующий день враг потерял пять человек и тридцать коней. У остельцев же был только один раненый.

На третий день остельцы повторили тот же маневр. К двум часам пополудни патагонцы, проделавшие с начала наступления шестьдесят километров, добрались до вершины горы. После трехчасового непрерывного подъ-

ема люди и животные окончательно выбились из сил и были вынуждены расположиться на отдых перед ущельем. Кау-джер воспользовался этим и занял позицию впереди, на некотором расстоянии от них.

Его отряд, насчитывавший теперь около шестидесяти человек, стал по одну сторону дороги, в самой узкой части ущелья. Колонистам, хорошо защищенным нависшими скалами, не угрожали страшные метательные снаряды неприятеля. Сами же они могли стрелять почти в упор.

Едва патагонцы тронулись в путь, как с горы посыпался свинцовый град, сбивший все передние ряды. Сначала индейцы в беспорядке отступили, затем бросились в атаку, но она была отбита. Два часа подряд длилось это побоище, и все безрезультатно. Патагонцы были храбрыми воинами, но плохими стратегами — только потеряв множество людей, они догадались повторить маневр, удавшийся им накануне. Построившись тесными рядами так, что весь отряд слился в единое целое, они бешеным галопом устремились вперед. От дикого конского топота дрожала и гудела земля.

Ружья остельцев яростно поливали неприятеля смертоносным огнем. Но ничто не могло остановить всадников, несшихся с быстротой метеоров. Если один из них падал с коня, задние безжалостно топтали его. Если валилась убитая или раненая лошадь, другие перескакивали через нее и неслись всё дальше и дальше. Остельцы понимали, что в этом сражении решается вопрос их жизни или смерти. Они заряжали ружья, целились, стреляли... снова заряжали, целились, стреляли, и так все время. Ружейные стволы раскалились и обжигали руки, но колонисты не прекращали огня. В пылу сражения они безбоязненно покидали укрытия, зная, что на полном скаку патагонцы не могли пустить в ход свое оружие.

Индейцы же, поняв, что силы противника невелики, стремились во что бы то ни стало вырваться из опасного кольца. Им удалось проскочить полосу ружейного огня и, перейдя с галопа на крупную рысь, они двинулись по дороге через перевал. Все стихло. Только изредка, в местах, где скалы нависали над дорогой, раздавались одиночные выстрелы. Патагонцы, не останавливаясь, отвечали на них беспорядочной стрельбой.

Теперь они уже не повторили прежней ошибки и ушли как можно дальше от места последнего сражения. До наступления ночи патагонцы спустились с гор и разбили лагерь. День был утомительным — они проделали шестьдесят пять километров.

Справа от их стоянки набегали на песчаный берег волны Тихого океана. Слева расстилалась равнина. Здесь ночью индейцам не угрожало неожиданное нападение, а поутру они уже достигнут Либерии, находящейся в тридцати километрах к югу.

Теперь отряд Кау-джера уже не мог проскользнуть незамеченным мимо патагонцев, ибо местность была открытая, да и слишком малое расстояние отделяло его от неприятеля. По приказу Кау-джера остельцы тоже устроили привал на несколько часов — люди валились с ног от усталости.

Тактика Кау-джера оправдала себя: за последний день враг лишился не менее пятнадцати человек и пятидесяти лошадей. Можно было надеяться, что, пока индейцы доберутся до Либерии, они потеряют не менее сотни воинов, а главное, понесут большой моральный урон. Вряд ли они ожидали такое сопротивление.

На следующий день остельские стрелки, снова севшие на коней, начали спускаться с гор. Ничто не препятствовало их быстрому продвижению. По сообщениям дозорных, наблюдавших за врагом из засады, опасности пока не предвиделось, так как индейцы ушли далеко вперед.

В три часа дня остельцы достигли места последнего привала индейцев, которые, вероятно, теперь уже находились под Либерией. Еще через два часа, подъехав к усадьбе Ривьера, они заметили на дороге около сотни патагонцев, лишившихся коней во время недавних стычек.

Из усадьбы раздались выстрелы. Несколько патагонцев упало, остальные пытались отстреливаться или спастись бегством, но подошедший отряд Кау-джера отрезал им отступление, открыв по ним огонь. Из ворот фермы выбежали люди с вилами, топорами и косами и преградили захватчикам путь на Либерию. Окруженные со всех сторон, индейцы растерялись, побросали оружие и без боя сдались в плен. Их заперли в сарае. У дверей поставили часовых.

Это была великолепная операция. Колонисты захватили не только сотню пленных, но и сотню ружей, которые — хоть и неважного качества — усиливали боевую мощь отряда Кау-джера. Теперь защитники острова располагали тремястами пятьюдесятью ружьями, тогда как у индейцев их было около шестисот. Силы становились почти равными.

В усадьбе Ривьера Кау-джер узнал, что утром патангонцы пытались перебраться через забор, но после первых же выстрелов с фермы отказались от этого намерения и удалились, не приняв боя.

Воинственные дикари не знали законов тактики. Они шли прямо к цели — в Либерию, не думая о неприятеле, оставшемся у них в тылу.

Кау-джер решил прежде всего допросить пленных. В сарае, куда их заперли, царила глубокая тишина. Связанные индейцы терпеливо ожидали решения своей участи. Сами они превращали пленных в рабов и считали естественным, что с ними поступят точно так же.

Ни один из них даже не взглянул на вошедшего Кау-джера.

— Кто-нибудь говорит по-испански? — громко спросил он.

— Я, — сказал один из пленников, подняв голову.

— Как тебя зовут?

— Атхлината.

— Зачем ты пришел в наши края?

Индеец бесстрастно ответил:

— Сражаться.

— Из-за чего ты хотел сражаться с нами? — спросил Кау-джер. — Мы с тобой не враги.

Патагонец молчал. Кау-джер заговорил снова:

— Никогда твои братья не приходили сюда. Почему же теперь вы ушли так далеко от родных мест?

— Вождь приказал, — спокойно ответил индеец, — воины повиновались.

— Но все-таки, — настаивал Кау-джер, — что вам надо?

— Большой город на юге, — сказал пленник, — там много сокровищ, а индейцы бедны.

— Эти сокровища еще нужно завоевать, — возразил Кау-джер, — горожане будут защищать их.

Патагонец в ответ насмешливо улыбнулся.

— Ведь вот ты и твои братья попали в плен,— продолжал Кау-джер.

— Патагонских воинов много,— заявил индеец с непоколебимой уверенностью,— одни останутся в плену, зато другие вернутся на родину, привязав твоих братьев к хвостам коней!

— Глупости,— возразил Кау-джер,— ни один из вас не войдет в Либерию.

Патагонец опять хитро улыбнулся.

— Ты мне не веришь? — спросил Кау-джер.

— Белый человек обещал,— уверенно ответил индеец,— отдать большой город патагонцам.

— Белый человек? — удивленно повторил Кау-джер.— Разве среди вас есть белые?

Но все дальнейшие вопросы оказались напрасными. Видимо, индеец больше ничего не знал. Кау-джер вышел из сарая очень встревоженный. Кто же этот белый предатель, перешедший на сторону патагонцев?

Следовало как можно скорее вернуться в Либерию, гарнизон которой, возглавляемый Хартлпулом, нуждался в подкреплении. К восьми часам вечера отряд Кауджера двинулся в путь. Теперь он состоял из ста пятидесяти шести человек, сто два из которых были вооружены ружьями патагонцев.

Полагая, что проникнуть в осажденную Либерию легче пешком, всех лошадей оставили в усадьбе Ривьера. Через три часа Кау-джер со своими людьми приблизился к городу.

Стояла глубокая ночь, и только цепочка огней обнаруживала лагерь патагонцев, расположившихся широким полукругом от болота до реки. Либерия была полностью окружена. Пройти незаметно между постами неприятеля, находившимися на расстоянии ста метров друг от друга, было невозможно. Кау-джер решил сделать привал и обдумать планы на будущее.

Но не все индейцы оставались на правом берегу. Часть из них переправилась через реку выше по течению, и, пока Кау-джер размышлял, на северо-востоке вдруг вспыхнуло яркое пламя.

Это горели дома Нового поселка.

Пока правитель со своим отрядом боролся с патагонцами, Гарри Родс и Хартлпул, к которым перешла власть, не теряли времени даром. Благодаря мудрой тактике Кау-джера наступление индейцев было приостановлено на четыре дня. Этого времени оказалось достаточно, чтобы организовать оборону города. Либерийцы выкопали два широких и глубоких рва, позади которых вырос земляной бруствер, непроницаемый для пуль. Южный ров, длиной в две тысячи футов, начинался от реки, огибал город полукругом и тянулся до непроходимых болот, в которых кони вязли по самое брюхо. Северный ров, длиной около пятисот футов, шел также от реки к болоту, но уже с другой стороны города, пересекая дорогу из Либерии на Новый поселок. Таким образом город был защищен со всех сторон.

Жители Нового поселка укрылись в Либерии со всем своим имуществом, бросив дома на произвол судьбы.

В первый же вечер после отъезда Кау-джера, еще до окончания работ по укреплению города, вокруг Либерии — на земляных валах и по берегу реки — выставили наблюдательные посты. Правда, пока городу не грозила непосредственная опасность, но все же следовало быть начеку. Поэтому около пятидесяти человек круглые сутки посменно несли караульную службу на постах, размещенных на расстоянии тридцати метров один от другого. Сто семьдесят пять колонистов вооруженные всеми оставшимися ружьями, являлись резервом, находившимся в полной боевой готовности в центре Либерии. Все они назначались поочередно в караул и в резерв, а в случае тревоги население обязано было оказывать посильную вооруженную помощь стрелкам. Хотя у жителей имелись только топоры да ножи, но и это оружие могло пригодиться в рукопашном бою. Благодаря такой организации обороны все население, за исключением караульных, могло спать мирным сном.

Паттерсон, наравне с остальными, подлежал всеобщей мобилизации.

Каковы бы ни были его истинные чувства, он покорился без возражений. Его внутренние переживания были настолько противоречивы, что он и сам не знал,

радует ли его или огорчает возникающая опасность. Стоя на посту, он только и думал об этом, стараясь разобраться в хаосе собственных ощущений. В сердце его еще жила злоба на сограждан, на всех колонистов. Поэтому он отнюдь не горел желанием участвовать в каком-либо деле, направленном на благо ненавистных ему людей. С этой точки зрения несение караульной службы представляло для него весьма тягостную обязанность.

Но ненависть не была преобладающим чувством у Паттерсона. Для сильной ненависти, как и для горячей любви, необходимо иметь большое сердце, а мелкая душонка скупца не в состоянии вместить столь сильные страсти. Итак, второй характерной чертой Паттерсона была трусость. Теперь, когда его жизнь оказалась связанной с судьбой всех либерийцев, страх заставил его скрывать свои подлинные мысли. Хотя он с превеликой радостью полюбовался бы со стороны, как пылает ненавистный ему город, тем не менее ирландец понимал, что лишен возможности удрать заблаговременно. К тому же по всему острову рыскали отряды свирепых патагонцев, которые вскоре могли оказаться и под Либерией. В конце концов, защищая город, Паттерсон защищал самого себя, и поэтому он предпочел нести караульную службу наравне с остальными. Правда, приходилось оставаться одному, даже ночью, на передовой линии, под постоянной угрозой быть захваченным патагонцами. Но страх сделал из Паттерсона превосходного часового: он напряженно вглядывался в темноту, непрерывно обходил свой участок, держа палец на курке, готовый выстрелить при малейшем подозрительном шорохе.

Четыре дня прошли спокойно. На пятый день после полудня появились передовые отряды патагонцев, расположившиеся лагерем к югу от города. Теперь находиться в охране и нести караульную службу было опасно: враг стоял у самых ворот Либерии.

В тот же день, к вечеру, едва Паттерсон заступил на пост на северном валу между рекой и дорогой к Новому поселку, в стороне порта вспыхнул яркий свет — патагонцы начали подготовку к штурму города. По всей вероятности, наступление начнется именно здесь, у дороги к Новому поселку, где, по воле злого рока, поставили на пост Паттерсона!

Ужас охватил ирландца, когда он вдруг услышал, как по дороге приближается большой отряд. Хотя Паттерсон и знал, что путь на Либерию прегражден рвом, наполненным водой, это препятствие, выглядевшее днем непреодолимым, в момент опасности показалось ему ничтожным. Ирландцу уже мерещилось, что свирепые дикари переправились через ров, взобрались на вал и овладели городом...

А тем временем те, кого он принял за индейцев, остановились на краю рва. Паттерсон понял, что там о чем-то совещаются, хотя издали не мог разобрать слов. Потом началась суматоха: подносили бревна, доски и жерди для сооружения переправы. Вскоре ирландец увидел, что по наведенным мосткам цепочкой движутся темные фигуры. Их было много, и при бледном свете ущербной луны лишь поблескивали стволы ружей. Первым шел высокий человек. Паттерсон узнал Кау-джера.

При его появлении сердце ирландца сжалось от радости и гнева. От радости потому, что теперь он поверил в победу, от гнева же потому, что он ненавидел губернатора.

Но почему Кау-джер вошел в город со стороны Нового поселка? А произошло это так.

Заметив в ночи пламя пожара, охватившего пригород, правитель мгновенно составил план действий. Как и патогонцы, он переправился со своим маленьким отрядом через реку, но тремя километрами выше, и пошел через поля прямо на огонь, будто на свет маяка.

Судя по количеству костров, Кау-джер точно определил, что основные силы противника сосредоточены к югу от города. Следовательно, в районе Нового поселка враг способен оказать лишь слабое сопротивление, преодолев которое остальцы смогут вернуться в Либерию обычным путем.

Последующие события подтвердили правильность расчетов Кау-джера. Его отряд захватил поджигателей порта в то самое время, когда те, не найдя в поселке ничего ценного, в неистовстве разрушали дома. Не встретив ни малейшего отпора и убедившись, что поселок совершенно пуст, захватчики настолько осмелели, что даже не нашли нужным выставить заслоны. Отряд Кау-джера обрушился на них, как гром среди ясного неба. Внезапно

раздалась ружейная пальба. Растерявшиеся индейцы обратились в бегство, оставив в руках победителей пятнадцать ружей и пять пленных. Их не стали преследовать — выстрелы могли услышать на том берегу, где находились основные силы индейцев, а Кау-джер опасался привлечь их внимание. Поэтому остельцы поспешно отступили к Либерии. Стычка продолжалась не более десяти минут.

Неожиданное возвращение Кау-джера было не единственным сюрпризом, уготованным судьбой Паттерсону. Через три дня его ожидало еще более сильное потрясение, повлекшее за собою тягостные последствия.

На этот раз он дежурил с шести часов вечера до двух часов ночи на обрывистом берегу реки, около северного вала. Между валом и участком Паттерсона находилось еще трое часовых. Ирландцу повезло — его самого охраняли со всех сторон.

Когда Паттерсон заступил на пост, было еще светло, и обстановка показалась ему вполне благоприятной. Но постепенно опустилась ночь, и им овладели привычные страхи. Снова он напряженно прислушивался к малейшему шороху, снова озибался по сторонам, пытаясь различить в темноте какие-нибудь подозрительные тени.

Но ирландец ожидал опасность издалека, а она была здесь, совсем рядом. Он замер от ужаса, услышав, как в двух шагах от него кто-то тихо окликнул:

— Паттерсон!

Ирландец чуть не закричал, но угрожающий голос шепотом приказал:

— Молчи! — а затем спросил: — Узнаешь меня?

И, так как Паттерсон не мог вымолвить ни слова, невидимый собеседник продолжал:

— Я — Сердей.

Ирландец вздохнул с облегчением. Сердей был своим парнем, хотя его появление здесь было совершенно непонятным.

— Сердей? — переспросил он недоверчиво.

— Да... Тише... Говори шепотом... Ты один?.. Никого нет поблизости?

Паттерсон, всматриваясь в темноту, ответил:

— Никого.

— Не шевелись! — приказал Сердей. — Стой так, что-

бы тебя было видно. И подползу ближе, но ты не поворачивайся в мою сторону.

Зашуршала трава.

— Вот и я,— сказал Сердей, не подымаясь с земли.

Несмотря на запрещение, Паттерсон рискнул повернуть голову в его сторону и увидел, что Сердей промок с головы до ног.

— Откуда ты взялся? — спросил ирландец.

— С реки... Я с патагонцами.

— С патагонцами?! — изумленно воскликнул Паттерсон.

— Да. Полтора года назад, когда я покинул остров Осте, огнеземельцы переправили меня через пролив Бигл. Я хотел пробраться в Пунта-Аренас, а оттуда в Аргентину или еще куда-нибудь дальше. Но патагонцы захватили меня в пути.

— И что же ты у них делаешь?

— Я их раб.

— Раб! — повторил Паттерсон. — Но ты ведь на свободе?

— Посмотри,— коротко ответил Сердей.

Паттерсон внимательно оглядел его и заметил веревку, привязанную к поясу Сердея. Но когда тот пошевелил ею, оказалось, что это не веревка, а тонкая железная цепь.

— Вот моя свобода,— снова заговорил Сердей,— не говоря уже о том, что в десяти шагах отсюда сидят по горло в воде два патагонца, которые стерегут меня. Если я даже и разорву эту цепь, они сразу же бросятся в погоню за мной.

Паттерсона так затрясло от страха, что Сердей заметил это.

— Что с тобой? — спросил он.

— Патагонцы!.. — пролепетал перепуганный насмерть ирландец.

— Не бойся,— сказал Сердей,— они ничего тебе не сделают, ты им нужен. Я сказал, что рассчитываю на тебя, и они послали меня для переговоров.

— Что им надо? — еле слышно спросил Паттерсон.

Сердей помолчал, не решаясь сразу ответить.

— Чтобы ты пропустил их в город.

— Я?! — возмутился Паттерсон.

— Да, ты. Так надо. Послушай, ведь для меня это вопрос жизни или смерти. Когда я попал в плен к индейцам, я стал их рабом, как тебе уже известно. Они всячески мучили меня. Однажды я проговорился, что я из Либерии. Патагонцы решили воспользоваться мною, чтобы овладеть городом, о котором уже много слышали, и обещали освободить, если я помогу им. Ну, ты сам понимаешь, что...

— Тихо! — прервал его Паттерсон.

К ним приближался соседний часовой, решивший поразмяться. Дойдя до границы своего участка, он остановился неподалеку от них и сказал:

— Что-то похолодало к вечеру.

— Д-да... — глухо обронил Паттерсон.

— Доброй ночи, сосед!

— Доброй ночи.

Часовой сделал полный оборот и исчез во мраке. Сердей продолжал:

— ...Ну, ты сам понимаешь, что я, конечно, обещал. Тогда они предприняли этот поход, взяли меня с собой и стерегут днем и ночью. Теперь индейцы требуют, чтобы я выполнил обещанное. Сначала-то они рассчитывали без труда проникнуть в город, а оказалось, что у них погибло много людей и более сотни захвачено в плен. Это их бесит... Сегодня вечером я сказал, что попробую установить связь с товарищем, который не откажется помочь мне. Я узнал тебя издали... Если окажется, что я их обманул — мне крышка...

Пока Сердей посвящал Паттерсона в свои злоключения, тот размышлял. Конечно, приятно было бы видеть Либерию разоренной, а всех жителей, особенно губернатора, убитыми или изгнанными. Но вся эта затея кажется слишком рискованной... Осторожный ирландец предпочитал безопасность.

— Чем же я могу помочь тебе? — холодно спросил он.

— Пропустить нас, — ответил Сердей.

— Для этого я вам не нужен, — возразил Паттерсон, — ведь ты же добрался сюда без моей помощи.

— Один человек может проскользнуть незаметно, — ответил Сердей, — совсем другое дело пятьсот человек.

— Пятьсот!

— Черт возьми! Не думаешь ли ты, что я обращаюсь к тебе за помощью, чтобы совершить приятную прогулку по городу? Для меня Либерия так же ненавистна, как и патагонцы... Кстати...

— Молчи! — вдруг приказал Паттерсон.

Послышались шаги, и вскоре из темноты вынырнули три человека. Один из них подошел к Паттерсону и, открыв фонарь, спрятанный под плащом, осветил на мгновение лицо часового.

— Что нового? — спросил вновь пришедший; это был не кто иной, как Хартлпул.

— Ничего.

— Все спокойно?

— Да.

Проверяющие пошли дальше.

— Так что ты хотел сказать? — спросил Паттерсон после их ухода.

— Я хотел узнать, что случилось с остальными.

— С кем?

— С Дориком?

— Умер.

— А Фред Мур?

— Умер.

— Уильям Мур?

— Умер.

— Черт побери! А Кеннеди?

— Жив и здоров.

— Да не может быть! Значит, ему удалось замести следы?

— По-видимому.

— И он даже вне подозрений?

— Похоже на то. Он все время на свободе.

— А где он теперь?

— Стоит где-нибудь на посту... Точно не знаю где.

— Ты не мог бы узнать?

— Нет. Нельзя уходить с поста. А впрочем, зачем тебе Кеннеди?

— Поговорю с ним, поскольку тебя мое предложение не устраивает.

— А ты полагал, что я пойду на это? — запротестовал Паттерсон. — Думаешь, я буду помогать патагонцам, чтобы всех нас перерезали?

— Не бойся,— возразил Сердей,— они не тронут своих друзей. Наоборот, выделяют нам долю после захвата города. Так мне обещали.

— Хм,— недоверчиво произнес Паттерсон.

Тем не менее он заколебался. Отомстить остельцам и вместе с тем пожить за их счет показалось ему очень заманчивым... Но довериться на слово дикарям!.. И осторожность победила еще раз.

— Все это пустые слова,— решительно сказал ирландец.— Даже при всем желании ни Кеннеди, ни я не сможем пропустить сразу пятьсот человек.

— Это и не нужно,— возразил Сердей,— достаточно пропустить пятьдесят, даже тридцать. Пока первые будут сдерживать натиск либерийцев, остальные успеют пройти.

— Пятьдесят, тридцать, даже десять — слишком много.

— Это твое последнее слово?

— Первое и последнее.

— Значит, нет?

— Нет.

— Что ж, все ясно,— сказал Сердей и начал отползать к реке. Но тотчас же остановился и, взглянув на Паттерсона, добавил: — А знаешь, ведь патагонцы могут заплатить.

— Сколько?

Этот вопрос как будто сам собой сорвался с губ Паттерсона. Сердей снова приблизился.

— Тысячу пиастров,— сказал он.

Тысяча пиастров! В прежние времена эта сумма, хотя и довольно крупная, не потрясла бы воображение ирландца. Но наводнение отняло у него все, что он имел, и за год напряженного труда ему едва удалось скопить какие-то несчастные двадцать пять пиастров, составлявшие теперь все его богатство. Конечно, в дальнейшем оно будет возрастать быстрее, для этого есть немало разных возможностей. Труднее всего (он знал это по опыту) сделать первое накопление. Но тысяча пиастров! Получить сразу сумму, в сорок раз превышающую полугодовой заработок! Не говоря о том, что, может, удастся сорвать с индейцев еще больше... Ведь при каждой торговой сделке полагается поторговаться...

— Не так уж много,— бросил он пренебрежительно.— За дело, в котором приходится рисковать своей шкурой, надо взять не менее двух тысяч.

— В таком случае, спокойной ночи! — ответил Сердей, делая вид, что удаляется от часового.

— По крайней мере полторы тысячи,— невозмутимо продолжал Паттерсон.

Теперь он почувствовал себя в своей стихии — стихии торга. В этой сфере он обладал большим опытом. Независимо от того, что продавалось — товар или совесть,— дело сводилось к купле-продаже, которые подчиняются определенным незыблемым законам, в совершенстве изученным Паттерсоном. Известно, что продавец всегда запрашивает, а покупатель сбивает цену. Они начинают торговаться и договариваются до настоящей стоимости. Человек, который торгуется, всегда что-нибудь выигрывает и никогда ничего не теряет.

Так как нужно было спешить, Паттерсон решил, в виде исключения, ускорить переговоры и сразу спустил с двух тысяч до полутора.

— Нет,— твердо сказал Сердей.

— Хотя бы тысячу четыреста! — вздохнул Паттерсон.— Из-за такой суммы еще стоит, пожалуй, разговаривать. Но из-за тысячи пиастров...

— Тысяча, и ни одной монетой больше,— решительно заявил Сердей и стал медленно отползать к реке.

Но Паттерсон проявил стойкость.

— Тогда ничего не выйдет,— спокойно ответил он.

Теперь заволновался Сердей. Ведь дело, казалось, уже налаживалось. Неужели все сорвется из-за каких-то двухсот пиастров! Он снова подполз ближе.

— Поделим разницу пополам,— предложил он,— получится тысяча двести.

Паттерсон поспешно согласился:

— Только ради тебя уступаю за тысячу двести.

— Заметано? — спросил Сердей.

— Заметано! — подтвердил Паттерсон.

Оставалось договориться о подробностях.

— Кто будет платить? — осведомился ирландец.— Разве патагонцы настолько богаты, чтобы так запросто отвалить тысячу двести пиастров?

— Наоборот, очень бедны,— возразил Сердей,— но

их много, и все с радостью вывернутся наизнанку, чтобы собрать эти деньги. Они пойдут на все, ибо хорошо знают, что при грабеже Либерии получают во сто крат больше.

— Что ж, я не против,— согласился Паттерсон,— это меня не касается. Мое дело — получить деньги. Когда они заплатят? До или после прохода?

— Половину — до, половину — после.

— Нет,— заявил Паттерсон,— мое неперемное условие: завтра же вечером восемьсот пиастров!

— А где ты будешь? — осведомился Сердей.

— Где-нибудь на посту. Разыщешь меня... А остальные деньги — в тот день, когда я пропущу первый десяток,— пусть передаст мне замыкающий. Если обманут, я подыму тревогу. Если заплатят честно, я — молчок и потихоньку удеру.

— Договорились,— подтвердил Сердей.— Когда можно будет пройти?

— На пятую ночь после этой. Будет новолуние.

— А где?

— На моем участке.

— Кстати,— вдруг вспомнил Сердей,— я что-то не заметил твоего дома.

— Его снесло наводнением в прошлом году,— объяснил Паттерсон,— но чтобы скрыть вас, хватит и забора.

— Да он почти весь разрушен.

— Я почию.

— Отлично,— сказал Сердей.— До завтра!

— До завтра! — ответил Паттерсон.

Он услышал, как зашуршала трава, а потом по слабому всплеску понял, что Сердей осторожно вошел в воду. Больше ничто не нарушало ночной тишины.

На следующий день всех очень удивило, что Паттерсон начал ремонтировать свой полуразрушенный забор. Казалось странным, что при создавшихся обстоятельствах он может заниматься таким делом. Но, в конце концов, это была его усадьба, у него в кармане лежали документы на землю (вернее, копии с них, выданные ему после наводнения). Значит, он имел право делать на своем участке все, что заблагорассудится.

Целый день Паттерсон усердно трудился. С утра до вечера ставил колья, укреплял их перекладинами, заде-

лывал щели между ними, не обращая внимания на перемены, вызванные его занятием.

Вечером его назначили на пост на южном валу. На этот раз ему пришлось принять вахту ранним вечером. Было еще совсем светло. Но к концу смены уже стемнеет, и Сердей без труда доберется до вала. Если только...

Если только предложение бывшего повара с «Джонатана» было серьезным. Ведь нельзя же исключить возможности, что Паттерсону просто-напросто подстроили ловушку, а он как дурак попался в нее. Но вскоре ирландец успокоился. Сердей был уже здесь, около него. Укрывшись в густой траве, невидимый для всех, повар оказался рядом с тем, кто с нетерпением поджидал его появления.

Ночь вступала в свои права. Когда совсем стемнело, Сердей подполз к своему сообщнику, и все произошло так, как было условлено. Обе стороны расстались довольные друг другом.

— На четвертую ночь после этой,— еле слышно прошептал Паттерсон.

— Договорились.

— Не забудь остальные деньги, иначе ничего не выйдет.

— Будь спокоен.

После этого краткого диалога Сердей уполз, но сначала положил к ногам предателя мешок, который, коснувшись земли, издал легкий звон. Это были обещанные восемьсот пиастров. Плата за предательство.

9. НОВАЯ РОДИНА

На следующий день Паттерсон продолжал чинить забор, но, понимая, что подобное занятие в такой тревожный момент может показаться по меньшей мере странным, он решил при первом же случае объяснить свои поступки и отвести от себя всякие подозрения. Ирландец смело обратился к Хартлпулу с просьбой назначать его в караул только на принадлежащем ему прибрежном участке. Это желание показалось вполне обоснованным. Действительно, какой смысл посылать Паттерсона

на другой пост, в то время как кто-то посторонний будет охранять его усадьбу?

Хартлпул испытывал какую-то необъяснимую антипатию к ирландцу, хотя в некоторых отношениях тот даже заслуживал уважения. Паттерсон был неутомимым работником и покладистым парнем. И в его просьбе, в общем-то, не было ничего предосудительного.

— Странно, что вы начали ремонтировать свою изгородь именно теперь,— все же заметил Хартлпул.

Ирландец невозмутимо возразил, что сейчас для этого дела самое подходящее время. Все общественные работы прекращены, и, чтобы не сидеть сложа руки, он решил привести в порядок свое личное хозяйство.

Объяснение было вполне убедительным и соответствовало трудолюбию Паттерсона. Хартлпула оно удовлетворило.

— Что ж, не возражаю,— сказал он.

Не придав этому эпизоду никакого значения, Хартлпул даже не счел нужным сообщить о нем Кау-джеру.

Но, к счастью для остельской колонии, другому человеку удалось своевременно предостеречь губернатора.

Накануне, приняв смену, Паттерсон полагал, что находится на посту один. Однако он ошибался — в нескольких шагах от него, в высокой траве, лежал Дик. Мальчик ничуть не интересовался часовым. Когда тот стал на пост, Дик только окинул ирландца рассеянным взглядом и продолжал следить за патагонцами. Это занятие, всецело поглощавшее его, было делом совершенно добровольным, ибо по возрасту Дик освобождался от мобилизации. Но близкая опасность возбуждала его воинственный пыл.

Если бы взгляд Паттерсона не был прикован к месту, откуда должен был появиться Сердей, постовой, возможно, и заметил бы мальчика, тем более что тот и не думал прятаться.

А Дик вскоре начисто забыл об ирландце, так как нечто непонятное и странное привлекло все его внимание.

Среди лесных зарослей, у подножия холма, вдруг что-то зашевелилось. Человек или зверь?.. Нет, человек... Дик даже разглядел его лицо, обращенное в сторону Либерии...

Пристально взглядевшись в незнакомца, мальчик вздрогнул. Это же Сердей!

Черт возьми! Он хорошо помнил бывшего повара с «Джонатана» и узнал бы его среди тысячи других людей. Ведь Сердей тоже был в пещере в тот страшный день, когда чуть не погиб бедный Сэнд.

Зачем же явился сюда этот ужасный человек? Инстинктивно Дик прижался к земле. Еще не отдавая себе отчета в своих действиях, он не хотел, чтобы его заметили.

Время шло. В этих широтах сумерки сгущаются медленно, постепенно переходя в темную ночь. Дик сидел в своем тайнике, как мышь в норе, изо всех сил напрягая зрение и слух. Но часы проходили, а он не видел и не слышал ничего подозрительного. Правда, один раз ему показалось, что во мраке какая-то тень ползком приближается к Паттерсону. Ему послышался шелест травы, неясный шепот и тихое позвякивание, как будто встряхнули мешок с золотыми монетами... Затем все стихло.

Ирландца сменил другой часовой, но Дик не покинул своего наблюдательного поста и до самой зари напряженно всматривался в темноту, прислушиваясь к ночным шорохам. Однако ночь прошла спокойно.

Как только взошло солнце, Дик сразу побежал к Кауджеру. Боясь, что ему попадет за добровольное ночное бдение, он начал речь издалека:

— Губернатор, мне нужно кое-что вам сказать...— Затем, сделав нарочитую паузу, осведомился:— А вы не будете бранить меня?

— Смотря за что,— улыбаясь, ответил Кауджер.— Зачем же бранить, если ты не сделал ничего дурного?

На вопрос Дик ответил встречным вопросом. О, он был тонким дипломатом, этот господин Дик!

— Провести всю ночь на южном валу — это дурно?

— В зависимости от того, что ты там делал,— сказал Кауджер.

— Смотрел на патагонцев.

— Всю ночь?

— Да.

— Зачем?

— Я наблюдал за врагом.

— Это занятие не для тебя. Для этого есть часовые.

— Но я увидел среди них одного человека, которого хорошо знаю.

— Как? Среди патагонцев? — воскликнул изумленный Кау-джер.

— Да, губернатор.

— Кого же?

— Сердея.

Сердей!.. Кау-джер сразу вспомнил слова Атхлинаты. Неужели Сердей и есть тот белый человек, обещаниям которого так верил индеец?

— Ты не ошибся? — взволнованно спросил он.

— Нет, губернатор, — твердо ответил Дик, — в этом я не ошибся. Вот насчет остального... не знаю... Не уверен.

— Остального? А что же было еще?

— Когда стемнело, мне показалось, что кто-то подполз к валу...

— Сердей?

— Не знаю... Может, и он... Мне послышалось, что там шептались и чем-то позвякивали... вроде как бы долларами. Но я не уверен в этом.

— Кто охранял тот участок?

— Паттерсон.

Это имя всегда вызывало у Кау-джера подозрения, и он глубоко задумался... Есть ли какая-нибудь связь между починкой забора Паттерсоном и тем, что видел и слышал Дик, пусть даже ему почудилось... Уж не этим ли объяснялось бездействие осаждающих, которое начинало удивлять осажденных? Неужели патагонцы, не надеясь собственными силами взять город штурмом, пытаются осуществить под покровом ночи какой-то тайный план захвата Либерии? Черт возьми, сколько неразрешимых вопросов! Во всяком случае, невозможно принять какое-то решение, основываясь на тех слишком неточных и неопределенных сведениях, которые он получил от Дика. Следовало выжидать и, главное, понаблюдать за Паттерсоном, поскольку его поведение не внушало ни малейшего доверия.

— Я не буду бранить тебя, — сказал Кау-джер мальчику, ожидавшему приговора. — Ты поступил правильно. Но дай слово, что никому не скажешь обо всем, что сейчас сообщил мне.

Дик торжественно поднял руку:

— Клянусь, губернатор!

Кау-джер улыбнулся.

— Хорошо,— сказал он.— Теперь иди ложись спать, чтобы наверстать упущенное. Но помни — никому ни слова. Понял? Ни Хартлпулу, ни Родсу. Повторяю—никому!

— Я ведь поклялся, губернатор! — гордо ответил мальчик.

Желая как-то уточнить полученные сведения, Кауджер отыскал Хартлпула и спросил его:

— Что нового?

— Ничего, сударь,— ответил Хартлпул.

— Как сторожевая служба? Вы должны лично проверять посты и следить, чтобы каждый часовой точно выполнял свои обязанности.

— Так я и делаю, сударь,— ответил Хартлпул,— все в порядке.

— Никто не возражает против утомительных почных дежурств?

— Нет. Ведь все заинтересованы в безопасности.

— Даже Кеннеди не ропщет?

— Кеннеди? Да это один из лучших дозорных. Прекрасное зрение и наблюдательность. Если в другое время он немногого стоит, то в боевой обстановке матрос остается матросом.

— А Паттерсон?

— И о нем не скажу ничего дурного. Да, кстати, не удивляйтесь, если его не будет видно. Теперь он будет дежурить только в своей усадьбе, поскольку она граничит с рекой.

— А почему?

— Он сам просил меня об этом, и я разрешил.

— И правильно поступили, Хартлпул,—согласился Кауджер.— Будьте и впредь так же бдительны. Но если индейцы не начнут штурм в ближайшие дни, мы сами через несколько дней атакуем их.

События принимали неожиданный оборот. Несомненно, у Паттерсона была какая-то определенная цель, поскольку он обратился к Хартлпулу с подобной просьбой. И, конечно, Хартлпул, не будучи в курсе дел, не нашел в ней ничего предосудительного. Но после сообщения Дика Кауджеру все это показалось подозрительным. Возвращение Сердея, его тайные встречи с ирландцем, ремонт изгороди, предпринятый Паттерсоном, и, наконец, желание последнего оставаться на своем участке, удалив

оттуда посторонних людей,— все эти факты, сочетаясь, могли превратиться в настоящие улики, хотя сейчас они еще ничего не доказывали и на основании их невозможно было обвинить ирландца в чем-то предосудительном... Оставалось одно: незаметно следить за ним и быть всегда начеку.

Тем временем Паттерсон спокойно продолжал свою работу. Вдоль границ его участка вырос высокий часток, доходивший до самой воды. Теперь двор усадьбы был совершенно скрыт от постороннего взгляда.

Итак, в назначенный день ограда была восстановлена. Как честный коммерсант, ирландец выполнил обязательство в срок. Покупатель мог получить оплаченный товар.

Солнце село. Наступила ночь. Безлунная, темная ночь. Притаившись за изгородью, Паттерсон поджидал индейцев.

Но всего не предусмотреть. Если из-за высокого забора не было видно, что происходит во дворе у ирландца, то и сам хозяин усадьбы не мог рассмотреть, что делается снаружи. Сосредоточив все внимание на противоположном берегу реки, он даже не заметил, как большой отряд остельцев тихо окружил его участок.

Увидев, что ремонт изгороди закончен, Кау-джер сразу же насторожился. Он понял, что если ирландец задумал какое-то предательство, то оно должно осуществиться незамедлительно.

Около полуночи первые десять патагонцев, переплыв реку, вылезли на берег, принадлежавший Паттерсону. Им казалось, что никто этого не заметил. Вслед за ними, также вплавь, пробрались еще сорок человек, а затем и все остальные. Теперь, если бы их даже и обнаружили, на берегу находилось достаточное количество воинов, чтобы успешно провести наступление. Если первым и суждено погибнуть, все равно добыча не уйдет.

Один из индейцев протянул Паттерсону пригоршню золотых монет, показавшуюся тому слишком легкой.

— Здесь что-то мало,— на всякий случай заявил он.

Патаговец, по-видимому, не понял.

Паттерсон попытался объяснить жестами и для большей убедительности стал пересчитывать деньги, внимательно разглядывая их и перекладывая из одной руки в другую.

Внезапно ирландец упал, оглушенный ударом по темени. Его тотчас же связали, заткнули рот кляпом и отшвырнули в сторону.

Один за другим, держа оружие над водой, патагонцы переплывали реку и ползком, бесшумно, как призраки, взбирались на берег, заполняя весь двор усадьбы. Их было уже более двухсот.

Вдруг с противоположных концов участка загремели ружейные залпы. Колонисты, войдя по пояс в воду, напали на врага с флангов и с тыла.

Ошеломленные патагонцы сначала замерли на месте, затем, когда пули колонистов уже успели проложить в их рядах кровавые борозды, бросились вперед, к изгороди. Но над нею тоже поднялись ружейные дула, извергавшие смерть. Обезумев от страха, индейцы заметались по двору, как звери, попавшие в ловушку. За несколько минут колонисты перебили половину воинов.

Наконец, опомнившись, патагонцы, несмотря на перекрестный огонь, преграждавший подступы к реке, провалились к берегу, бросились в воду и поплыли обратно.

Издалека тоже донеслись выстрелы — отзвуки другого сражения, разгоревшегося на дороге.

Предполагая, что индейцы сконцентрируют все свои силы именно там, где рассчитывают проникнуть в город, а в тылу оставят лишь небольшую группу для охраны лагеря, Кау-джер принял новый тактический план. В то время как большая часть колонистов под его непосредственным командованием окружила усадьбу Паттерсона (где и должны были развернуться главные боевые действия), второй отряд остельцев, возглавляемый Хартлпулом, перейдя южный вал, атаковал неприятельский лагерь. Судя по доносившейся пальбе, там тоже произошла схватка с немногочисленным противником. Перестрелка продолжалась всего несколько минут.

Изгнав патагонцев, Кау-джер соединился с возвращавшимся отрядом Хартлпула. Операция прошла блестяще — они не потеряли ни единого человека. Самым же замечательным трофеем оказались триста коней, которых остельцы привели на поводу.

Индейцы понесли такой жестокий урон, что возможность нового нападения совершенно исключалась. Но все же город охранялся, как и в предшествующие дни.

Только убедившись в полной безопасности, Кау-джер вернулся в усадьбу Паттерсона.

Тусклый свет звезд озарял землю, усеянную трупами. В темноте раздавались стоны раненых.

Но куда же девался Паттерсон? Его не скоро отыскивали под грудой вражеских тел — связанного, с кляпом во рту и без сознания. Может быть, он сам стал жертвой дикарей? Кау-джер даже упрекнул себя в несправедливом отношении к ирландцу.

Но в тот момент, когда Паттерсона подняли с земли, из его кармана посыпались золотые монеты. Все стало ясно...

Кау-джер с омерзением отвернулся.

Ирландца перенесли в тюрьму и, ко всеобщему удивлению, вызвали врача. Вскоре губернатору доложили, что заключенный вне опасности и поправится в ближайшее время.

Кау-джер отнюдь не обрадовался. Он предпочел бы, чтобы это грязное дело разрешилось само собой — смертью преступника. Но, поскольку Паттерсон будет жить, его злодеяние должно получить достойное возмездие. В данном случае не могло быть и речи о помиловании, как когда-то в отношении Кеннеди. На сей раз преступление касалось всего населения Осте, и ни один человек не одобрил бы снисходительности к предателю, хладнокровно обрекавшего столько людей в жертву своей ненасытной алчности. Следовательно, придется его судить и покарать, то есть опять прибегнуть к Правосудию и Власти... снова возложить на себя бремя судьи и диктатора.

Несмотря на происшедшие за последнее время изменения во взглядах Кау-джера, эти функции оставались ему по-прежнему ненавистными.

Ночь закончилась спокойно. Но надо ли говорить о том, что в Либерии почти никто не спал? Люди повсюду горячо обсуждали минувшие события и отдавали должное Кау-джеру, разгадавшему коварные замыслы врага.

Приближалось летнее солнцестояние. Ночь длилась не более четырех часов. При первых проблесках зари остельцы поспешили на южный вал, откуда был виден вражеский лагерь, и вскоре с радостью убедились, что индейцы собираются в путь.

Но в тот момент, когда Паттерсона подняли с земли, из его кармана посыпались золотые монеты.

Естественно, что захватчики, когда почти треть их погибла, а половина уцелевших лишилась коней, хотели как можно скорее убраться из страны, где им оказали столь неласковый прием!

Около восьми часов среди индейцев началось какое-то непонятное волнение. Ветер донес до остельцев их дикие гортанные крики, сливающиеся в громкий гул. Все воины столпились в одном месте и будто старались рассмотреть что-то любопытное, недоступное взглядам колонистов.

Вся эта сумятица продолжалась не менее часа. Потом патагонцы построились в колонну, состоявшую из трех отрядов: посредине—пешие, впереди и позади—всадники. Один из воинов во главе колонны держал высоко над головой какой-то странный предмет, похожий на шар, надетый на копье...

Патагонцы снялись с места около десяти утра. Применяясь к шагу пешеходов, они медленно продефилировали мимо стоявших на валу либерийцев.

Когда прошел замыкающий отряд индейцев, Кау-джер распорядился, чтобы все колонисты, умеющие ездить верхом, заявили об этом.

Кто мог бы подумать, что в Либерии столько опытных наездников! Почти все либерийцы жаждали попасть в добровольцы. Пришлось отобрать лучших. Не прошло и часа, как небольшое войско — сто пехотинцев и триста всадников — под командованием Кау-джера отправилось вслед за отступавшим неприятелем. Колонисты несли на носилках нескольких индейцев, раненных в усадьбе Паттерсона.

Первый привал устроили на ферме Ривьера, мимо которой патагонцы прошли часом раньше, даже не попытавшись на этот раз проникнуть в нее. Фермеры смотрели из-за забора на проходившую колонну и, хотя еще не знали о разгроме врага, не стреляли. По усталому и угнетенному виду патагонцев они поняли, что те потерпели поражение и больше уже не страшны.

Один из всадников все еще держал на конце копья странный округлый предмет. Но, так же как и либерийцы, никто из обитателей фермы не успел разглядеть, что это за штука.

По приказу Кау-джера пленных развязали и раскрыли перед ними двери сарая настежь. Индейцы не двину-

лись с места. По-видимому, они не верили в освобождение и, исходя из собственных обычаев, опасались какого-нибудь подвоха.

Кау-джер подошел к Атхлинате, с которым ему уже довелось ранее обменяться несколькими словами, и спросил:

— Чего вы ждете?

— Хотим знать, что с нами сделают.

— Не бойтесь,—сказал Кау-джер,— вы свободны.

— Свободны? — удивленно переспросил индеец.

— Да. Патагонские воины побеждены и возвращаются в свои края. Уходите с ними. Скажи своим братьям, что у белых людей нет рабов и что они умеют прощать. Пусть полученный вами урок научит вас человечности.

Атхлината нерешительно взглянул на Кау-джера, потом поплелся к воротам в сопровождении своих товарищей. Выйдя из усадьбы, пленные, забрав раненых, направились на север. Позади них, на расстоянии ста метров, следовал отряд Кау-джера.

К вечеру остельцы нагнали основное патагонское войско, расположившееся на ночлег. Хотя во время отступления по индейцам не было сделано ни единого выстрела, они все еще, видимо, не верили в милосердие колонистов, и появление большого отряда Кау-джера вызвало среди них сильное волнение. Остельцам пришлось сделать привал в двух километрах от индейского лагеря, тогда как бывшие пленные, неся раненых, продолжали свой путь и вскоре соединились со своими соплеменниками.

Три дня тянулось на север разбитое, угнетенное войско патагонцев. Наконец, к вечеру четвертого дня, они пришли к месту своей высадки, а на следующее утро спустили на воду пироги, спрятанные в прибрежных скалах, и отплыли. Но что-то осталось на берегу: на вершине длинного шеста, воткнутого в песок, покачивался тот самый круглый предмет, который патагонцы несли от самой Либерии.

Когда скрылась из виду последняя пирога, остельцы, выйдя на берег, увидели, что это была человеческая голова. Приблизившись, они с ужасом узнали Сердея.

Все были потрясены. Как могло случиться, что Сердей, исчезнувший много месяцев назад, оказался у дика-

рей? Только одному Кау-джеру было известно, что произошло с бывшим поваром с «Джонатана». Он понял, что Сердей и был тем самым белым человеком, которому индейцы так верили и так страшно отомстили за постигшее их поражение.

На следующее утро Кау-джер тронулся в обратный путь и вечером 30 декабря его усталый отряд добрался до Либерии.

Итак, остров Осте познал войну, и остельцы вышли победителями из этого трудного испытания. Но Кау-джеру предстояло выполнить тяжкий долг.

В тюрьме Паттерсон пережил смену различных настроений. Сначала он не мог сообразить, что с ним произошло. Понемногу ирландец пришел в себя и вспомнил Сердея, индейцев и их ужасное предательство.

Что же случилось потом? Если победили патагонцы, то, без сомнения, они довершили бы начатое и сейчас его уже не было бы в живых. Но, поскольку он находится в тюрьме, можно сделать вывод, что индейцев разбили. А коли так, то, очевидно, раскрыта и его измена. Что же теперь с ним будет? Сначала ирландец задрожал от страха, но, поразмыслив, успокоился. Его могут только подозревать, никаких улик против него нет. Никто не видел его с Сердеем, никто не поймал с поличным на месте преступления. Значит, он еще сможет выйти сухим из воды и даже получить немалую прибыль.

Паттерсон хотел пересчитать золотые монеты, но не нашел их. Куда же они запропалились? Ведь не сон же ему приснился. Патагонцы действительно заплатили деньги! Сколько? Точно неизвестно. Если и не тысячу двести пиастров, как было условлено (ведь эти мерзавцы обманули его!), все же не менее девятисот или даже тысячи. Кто же отобрал у него золото? Может, сами дикари? Нет, скорее всего те, кто арестовали его. Сердце Паттерсона переполнилось гневом и яростью. Индейцы ли, колонисты ли, краснокожие или белые — все они воры и подлецы! Он одинаково ненавидел и тех и других.

С этой минуты ирландец лишился покоя. Сгорая от злобы, он перескакивал от одного предположения к другому, с лихорадочным нетерпением ожидая суда. Но дни шли

за днями, и ничего не изменялось. Казалось, о Паттерсоне позабыли.

Наконец, 31 декабря, спустя более недели с момента заключения, ирландец вышел из тюрьмы под конвоем из четырех человек. Теперь-то все выяснится!.. Однако, дойдя до Правительственной площади, он в растерянности остановился.

Зрелище было поистине величественным. Кау-джер хотел устроить торжественный суд над предателем, ибо жизнь наглядно показала губернатору, какую силу придает коллективу общность чувств и стремлений. Разве удалось бы так легко победить индейцев, если бы каждый остелец, не подчиняясь общим законам, поступал бы как ему заблагорассудится, не считаясь с остальными? Поэтому-то Кау-джеру и хотелось укрепить зарождавшееся чувство солидарности, публично заклеив преступление, направленное против общества.

У здания управления воздвигли высокий помост, на котором сидели Кау-джер, три члена совета и судья — Фердинанд Боваль. Внизу было приготовлено место для обвиняемого. За барьером толпились жители Либерии.

При появлении Паттерсона в толпе раздались громкие негодующие возгласы. Кау-джер властным жестом восстановил тишину. Начался допрос обвиняемого.

Тщетно пытался он все отрицать. Разоблачить его не представляло труда. Кау-джер перечислял одно за другим предъявленные ирландцу обвинения, начиная с присутствия Сердея среди патагонцев, что было уже установленным фактом.

Узнав о гибели сообщника, Паттерсон содрогнулся. Смерть Сердея показалась ему дурной приметой.

Преступный сговор Паттерсона подтверждался тем, что у него обнаружили золото. Может ли он, потерявший, по собственному признанию, в прошлом году все свое состояние, объяснить происхождение этих денег?

Ирландец опустил голову. Он понял, что погиб.

После допроса начались судебные прения. Затем Кау-джер объявил приговор: Паттерсон приговаривался к пожизненному изгнанию, без права возвращения на территорию острова Осте. Все его имущество конфисковывалось. Земля, равно как и деньги, полученные в оплату совершенного преступления, возвращались государству.

Приговор был немедленно приведен в исполнение. Ирландца в кандалах доставили на борт готовившегося к отплытию корабля, где он должен был находиться на положении арестанта до тех пор, пока судно не выйдет за пределы остельских вод.

Толпа медленно рассеивалась. Кау-джер ушел в управление. Ему хотелось побыть одному, восстановить душевное равновесие. Кто мог бы раньше подумать, что он, яростный поборник равенства, станет судьей поступков других людей? Он, страстный приверженец свободы и враг собственности, будет способствовать дроблению земли, принадлежащей всему человечеству, на отдельные участки и, объявив себя властелином какой-то частицы земного шара, присвоит право запретить доступ на нее одному из себе подобных? Однако Кау-джер сделал именно так, и, хотя это нарушило его покой, он ни в чем не раскаивался, будучи убежден, что поступил правильно.

Осуждение предателя явилось как бы завершающим этапом борьбы с патагонцами. Правда, за победу заплатили Новым поселком, превращенным в пепел, но игра стоила свеч: опасность, грозившая всем эмигрантам, и общая борьба связала их такими тесными узами, силу которых они даже сами еще не сознавали. До всех этих событий остров Осте был просто колонией, где жили случайно объединившиеся люди двадцати различных национальностей. Отныне колонисты стали подлинными остельцами, а Остельское государство — их новой родиной.

10. ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Через пять лет после описанных нами событий навигация у побережья острова Осте уже не представляла никакой опасности. С вершины полуострова Харди сноп ярких лучей озарял ночное море. Он совсем не походил на колеблющееся пламя индейских костров. Это был мощный маяк, освещавший темными зимними ночами фарватер и рифы.

Но к сооружению маяка на мысе Горн еще не приступили. В течение шести лет Кау-джер с неутомимой настойчивостью добивался разрешения этого вопроса, но

все его попытки ни к чему не привели. Губернатора остельской колонии очень удивляло, что Чилийская республика придает такое значение голой скале, не имеющей абсолютно никакой ценности. Но он удивился бы еще больше, если бы знал, что причина бесконечно затянувшихся переговоров заключалась не в патриотических или государственных соображениях (которые, в конце концов, можно было бы как-то извинить, даже будь они малообоснованными), а просто в потрясающей волоките, царящей во всех правительственных учреждениях. Дипломатические канцелярии Чили поступали по примеру дипломатических канцелярий всего мира. Испокон века дипломаты затягивают разрешение самых пустяковых вопросов. Это происходит, во-первых, потому, что этих людей обычно мало беспокоят дела, не затрагивающие их личные интересы, а также потому, что каждый чиновник жаждет раздуть, елико возможно, значимость своих полномочий. А чем же определяется важность принимаемого решения, как не продолжительностью предшествовавших ему переговоров, количеством исписанной бумаги и пролитого «чернильного пота»? Кау-джер не имел подобной канцелярии и поэтому даже не мог представить себе, что такая странная причина может послужить помехой в серьезном деле.

Но не только маяк полуострова Харди освещал прибрежные воды. В Новом поселке, отстроенном после пожара, каждый вечер зажигались огни, указывавшие кораблям путь к причалам.

Большой мол превратил бухту в просторный и превосходно укрытый порт, где производилась выгрузка и погрузка различных товаров. Все больше и больше кораблей прибывало в Новый поселок. Постепенно установились торговые связи с Аргентиной, Чили и даже со Старым Светом. Регулярные ежемесячные рейсы связывали остров Осте с Вальпараисо и Буэнос-Айресом.

Сама Либерия сильно разрослась. Каменные или деревянные дома с двориками и палисадниками окаймляли ее ровные улицы, пересекавшиеся на американский манер под прямым углом. На площадях шумели тенистые деревья. В Либерии были почта, школы, церковь, суд и две типографии. Самым красивым зданием было управление. Прежнюю постройку снесли и заменили новым

великолепным особняком, предназначенным для административных учреждений и резиденции Кау-джера.

Неподалеку от управления стояла казарма с тремя тысячами ружей и тремя пушками. В установленные сроки там отбывали воинскую повинность все совершеннолетние граждане острова Осте. Урок, полученный от патагонцев, не прошел даром. Армия, в рядах которой состояли все остельцы, была всегда в полной боевой готовности для защиты родины.

В Либерии построили даже театр, правда весьма скромный, но довольно вместительный, а главное, освещаемый электричеством.

Мечта Кау-джера осуществилась. Гидроэлектростанция, расположенная в трех километрах вверх по реке, щедро снабжала город светом и энергией.

В театральном зале устраивали собрания, а иногда Кау-джер или Фердинанд Боваль (теперь вполне остепенившийся и ставший видным лицом в городе) читали лекции. Там же давались концерты под управлением необыкновенного дирижера.

Это был наш старый знакомец — Сэнд. Терпение и настойчивость помогли ему сколотить из остельских любителей музыки симфонический оркестр. Перед концертом дирижера переносили к пульту в кресле, и, когда он чувствовал, что все оркестранты повинуются взмаху дирижерской палочки, лицо его сияло, и священное опьянение искусством превращало Сэнда в самого счастливого из людей.

В программу концертов входили старинные и современные произведения, а иногда и сочинения самого Сэнда, которые публика принимала не менее восторженно.

Прошло немногим более девяти лет с тех пор, как «Джонатан» погиб на рифах полуострова Харди. Велики были успехи, достигнутые остельской колонией за эти годы благодаря уму и практическим знаниям человека, не побоявшегося взять на себя ответственность за ее судьбу в те грозные дни, когда анархия угрожала ей гибелью.

Тяжкие заботы, связанные с правлением, очень угнетали Кау-джера. Если он еще и сохранил геркулесову силу, если бремя годов еще и не согнуло его мощный стан, то все же глубокие морщины избороздили его лицо, а седина посеребрила густые волосы. Несмотря на эти

первые признаки старости, он по-прежнему имел величественный вид.

Теперь у правителя были наглядные примеры, помогавшие ему руководить колонией. Неподалеку от острова Осте проводились в жизнь одновременно две совершенно различных системы колонизации. Сравнивая их, Кау-джер мог делать важные выводы.

С тех пор как Чили и Аргентина поделили между собой Магелланову Землю и Патагонию, оба государства начали эксплуатировать свои новые владения различными способами. Аргентина, мало знакомая с местными условиями, стала сдавать в концессию земельные участки в 10—12 квадратных лье. Это было, примерно, то же самое, что оставить земли неиспользованными, так как никто не брал такие большие наделы. Что же касается лесов, в которых и по сию пору насчитывается до четырех тысяч деревьев на гектар, то для их освоения потребовалось бы не менее трех тысяч лет. Так же обстояло дело и с пахотными и с пастбищными землями, сдаваемыми в концессию слишком большими участками, а потому требующими множества рабочих рук, сельскохозяйственного инвентаря и, следовательно, весьма солидных капиталовложений. Но имелась и другая причина. Аргентинские колонисты зависели от Буэнос-Айреса. Связь же между ними и метрополией осуществлялась медленно и стоила крайне дорого. Проходило почти полгода, прежде чем судно, прибывшее с Огненной Земли и пославшее коносаменты¹ в таможню Буэнос-Айреса (то есть на расстояние в 1500 миль), могло возвратиться обратно, выполнив все таможенные требования, за что приходилось платить по курсу дня на столичной бирже. Но разве можно было предугадать этот курс, находясь на Огненной Земле, в стране, где название «Буэнос-Айрес» звучало не менее экзотически, чем «Китай» или «Япония».

Что же сделало чилийское правительство для развития торговли и привлечения эмигрантов в колонию? Оно объявило Пунта-Аренас свободным портом, чтобы корабли завозили туда всё — и предметы первой необходимости, и предметы роскоши, чтобы там всегда имелись в

¹ Документы на принятие к морской перевозке и доставлении назначенное место груза, прошедшего таможенный осмотр.

изобилии дешевые и высококачественные товары. Поэтому продукция чилийской колонии широко экспортировалась коммерческими английскими или чилийскими фирмами, расположенными в самом Пунта-Аренасе, или через их филиалы, разбросанные на многочисленных проливах архипелага.

Кау-джер давным-давно ознакомился с системой, принятой чилийским правительством, и во время путешествия по Огненной Земле мог убедиться, что вся продукция, полученная на этой территории, направляется в Пунта-Аренас. Тогда по примеру чилийской колонии Новый поселок был также объявлен порто-франко, что положило начало быстрому обогащению острова Осте.

События, произошедшие на острове, независимость, дарованная ему Чилийским государством, непрерывный расцвет колонии под энергичным управлением Кау-дже-ра привлекли внимание промышленных и коммерческих кругов других стран. Появились новые колонисты, которым охотно предоставляли земельные концессии на выгодных условиях. Вскоре выяснилось, что эксплуатация лесов, богатых более ценными породами дерева, чем европейские, может дать от 15 до 20 процентов прибыли. Поэтому возникло несколько деревообделочных заводов. Быстро расхватывались земли и под сельскохозяйственные культуры по цене тысяча пиастров за квадратное лье. поголовье скота на пастбищах острова достигло десятков тысяч.

Увеличивался прирост населения. К тысяче двумстам потерпевших крушение на «Джонатане» прибавилось второе, если не вчетверо, больше эмигрантов с запада Соединенных Штатов, из Чили и Аргентины. Через десять лет после провозглашения независимости Осте в Либерии насчитывалось более двух с половиной тысяч жителей, а на всем острове Осте — более пяти.

Само собой разумеется, что на острове было заключено много браков. Из молодоженов следует упомянуть Эдуарда Родса, женившегося на дочери Жермена Ривьера, и Клэри Родс, вышедшую замуж за доктора Сэмюэля Арвидсона. Новые браки укрепляли связи между отдельными семьями.

Теперь между Либерией и различными факториями, основанными в других районах острова — в частности, в

окрестностях полуострова Рус и на северном берегу пролива Бигл,— то и дело курсировали каботажные суда, прибывавшие, как правило, с Фолклендских островов.

Помимо кораблей, перевозивших грузы на английские острова Атлантики, в Новом поселке пришвартовывались парусники и пароходы из Вальпараисо, Буэнос-Айреса, Монтевидео и Рио-де-Жанейро. На всех ближайших фарватерах, в заливе Нассау, в проливах Дарвин и Бигл — повсюду виднелись датские, норвежские и американские флаги.

Рыбные промыслы, дававшие большой доход, работали круглый год, и, естественно, именно рыбные продукты были основным предметом экспорта.

На побережье выросли поселения рыбаков — людей самого различного происхождения, без рода и племени, с которыми вначале Хартлпулу было трудно справиться. Но постепенно оседлая жизнь смягчила нравы этих бездомных и безродных бродяг, и они приучились к дисциплине и к жизни в коллективе. Правда, и условия работы стали теперь значительно легче. Прекратились вызванные крайней нуждой рискованные выходы в море, часто приводившие рыбаков к гибели от холода и голода на каком-нибудь необитаемом острове. Кроме того, сбыт их улова теперь обеспечивался, независимо от прибытия корабля, которого раньше приходилось ждать долгие месяцы и который мог вообще не прийти.

Рыбаки занимались не только охотой на тюленей, но и китобойным промыслом. В проливах архипелага ежегодно забивали до тысячи китов. Поэтому в сезоне охоты различные китобойные шхуны, знавшие, что в Либерии им будут предоставлены те же льготы, что и в Пунта-Аренасе, частенько наведывались на остров Осте.

И, наконец, эксплуатация песчаных отмелей, покрытых миллиардами всевозможных ракушек, положила начало новой отрасли торговли. Особое значение имели чрезвычайно вкусные съедобные моллюски. Суда набирали их полные трюмы и продавали в южноамериканских городах по пяти пиастров за килограмм.

Тут водились также омары, лангусты и гигантские крабы. Все эти богатства перерабатывались на консервной фабрике, которой управлял Хальг, и расходились по всему свету.

Хальгу исполнилось двадцать восемь лет. Он обладал всем, что необходимо для счастья. У него была любящая жена, трое прелестных детей, он был здоров, и состояние его быстро увеличивалось. Кау-джер мог лишь радоваться, глядя на дело рук своих.

Что же касается Кароли, то он не только не участвовал в управлении фабрикой, а вообще перестал заниматься рыбным промыслом.

Поскольку Новый поселок превратился в важный и удобный порт, то число прибывавших туда кораблей увеличивалось из года в год. Здесь имелся прекрасный рейд, пожалуй, более надежный, чем в чилийской колонии, и поэтому суда, проходившие Магеллановым проливом, предпочитали не Пунта-Аренас, а остельский порт.

Так что Кароли пришлось вернуться к своей старой профессии лоцмана. Сделавшись начальником порта и старшим лоцманом острова Осте, он стал сопровождать суда, направлявшиеся в Пунта-Аренас или в фактории, разбросанные по архипелагу. Дел у него было по горло. Теперь Кароли мог встречать корабли при любой погоде, подходя к ним на тендере водоизмещением в пятьдесят тонн с командой из пяти человек.

«Уэл-Киедж» все еще существовала, но ею больше не пользовались. Она стояла на приколе в порту, как старая и верная служанка, ушедшая на покой.

Подобно всем настоящим труженикам, которые, едва закончив одно дело, сразу же принимаются за другое, Кау-джер, когда настало время дать возможность Хальгу самостоятельно продолжать свой жизненный путь, тотчас же принял на себя новые обременительные обязанности, связанные со вторым усыновлением. Но Дик не вытеснил Хальга из сердца Кау-джера, а занял место рядом с ним.

Дику шел тогда девятнадцатый год. Более шести лет он воспитывался у Кау-джера. Юноша выполнил обещание, данное им в детстве. Он прилежно работал, легко усваивал знания, преподносимые ему учителями, и постепенно сам превращался в ученого.

Пережив в детстве тяжкие испытания и познав все стороны жизни, Дик, несмотря на свою юность, был скорее последователем и другом, чем учеником Кау-джера. Правитель относился к нему с полным доверием и счи-

тал его своим будущим воспреемником. Жермен Ривьер и Хартлпул были, несомненно, тоже надежными людьми, но первый никогда не согласился бы бросить свои прибыльные лесные разработки ради общественных дел. А Хартлпул, великолепный исполнитель, мог действовать только в соответствии с полученными инструкциями. Кроме того, для управления людьми у обоих не хватало широты кругозора и интеллектуальной культуры. Для этого больше подошел бы Гарри Родс, но он уже состарился, да и, вообще не отличаясь особой энергией, наверно, сам отказался бы от такой ответственности.

В противоположность им, Дик обладал всеми качествами, необходимыми для руководителя колонии. Он был незаурядной личностью и по образованности, интеллекту и характеру мог стать настоящим государственным деятелем. Приходилось только сожалеть, что такие блестящие способности ограничатся столь узким полем деятельности, как остров Осте.

Политическое положение колонии было также весьма благополучно. Между островом Осте и Чили завязались дружественные отношения. С каждым годом чилийское правительство все больше убеждалось в правильности принятого им решения.

Присутствие на архипелаге Магеллановой Земли таинственного незнакомца, ставшего во главе остельской колонии, вначале показалось подозрительным правительству Чили. Оно даже не скрывало по этому поводу своего неудовольствия и беспокойства, но в силу сложившихся условий ничего не могло поделать. На этом независимом острове трудно было не только установить происхождение чужеземца или потребовать у него отчета об его прошлом, но и попросту разыскать его. Если бы оказалось, что Кау-джер был в прошлом бунтарем (а его поведение во многом подтверждало эти предположения) и многие страны не пожелали терпеть его присутствия, то на Исла-Нуэва ему, конечно, не удалось бы избежать дознания чилийской полиции. Но он укрылся на острове Осте, и, когда в Чили убедились, что после первоначальных анархических смут там благодаря твердому правлению Кау-джера воцарился порядок, стала развиваться торговля и благосостояние колонии непрерывно повышалось, между губернаторами острова Осте и Пунта-Аре-

наса установились прекрасные, ничем не омрачаемые отношения.

Так протекло пять лет, за которые остельская колония укрепилась еще больше.

Теперь с Либерией состязались в благородном и плодотворном соревновании три новых поселения. Одно — на полуострове Дюма, другое — на полуострове Пастёр, третье — на крайней западной оконечности маленького острова в проливе Дарвин. Они являлись своего рода филиалами столицы, которые Кау-джер часто навещал.

На побережье поселилось несколько семейств огнеземельцев и, по примеру тех туземцев, которые первыми, порвав с вековыми обычаями кочевой жизни, прижились в окрестностях Нового поселка, основали настоящие деревни.

К этому времени, а именно в декабре 1890 года, Либерию впервые посетил губернатор Пунта-Аренаса, господин Агире. Он не мог скрыть своего восхищения при виде процветающей колонии и царившего повсюду порядка. Само собой разумеется, он очень пристально наблюдал за человеком, который осуществил эту прекрасную миссию, и довольствовался простым именем «Кау-джер».

Чилиец не скупился на похвалы.

— Остельская колония — дело ваших рук, господин губернатор, — сказал он. — Чили может только радоваться тому, что вам предоставили возможность реализовать на деле ваши замыслы.

— Этот остров, — сухо ответил Кау-джер, — был отдан Чили, хотя прежде не принадлежал никому. Справедливость требовала, чтобы чилийское правительство вернуло ему независимость.

Господин Агире прекрасно понял, что скрывалось под этими словами: Кау-джер считал, что восстановление независимости вовсе не обязывает Осте к изъятиям благодарности.

— Во всяком случае, — осторожно продолжал господин Агире, — я думаю, что потерпевшие кораблекрушение на «Джонатане» могут не жалеть об их африканских концессиях в бухте Лагоа...

— Это несомненно, господин губернатор, потому что

там они находились бы под властью Португалии, тогда как здесь ни от кого не зависят.

— Так что все к лучшему?

— Конечно,— подтвердил Кау-джер.

— И можно надеяться, что добрососедские отношения между Чили и островом Осте сохранятся и впредь,— любезно добавил господин Агире.

— Мы также надеемся на это,— ответил Кау-джер,— а может быть, Чили, убедившись в успехах системы, примененной на острове Осте, предоставит независимость и другим островам Магелланова архипелага?

Вместо ответа господин Агире только улыбнулся.

Гарри Родс, присутствовавший вместе с двумя другими членами совета на встрече губернаторов, поспешно вмешался, желая перевести разговор на другую, менее щекотливую тему.

— Наша колония,— сказал он,— при сопоставлении ее с аргентинскими владениями на Огненной Земле, дает много интересного материала для наблюдений. Как видите, сударь, с одной стороны — процветание, с другой же — упадок. Аргентинские колонисты не в силах выполнить требований, предъявляемых к ним Буэнос-Айресом, и всех навязанных им формальностей. Не справляются с этим и торговые суда. Несмотря на все заявления губернатора колонии на Огненной Земле, пока никакого сдвига не замечается.

— Согласен с вами,— ответил господин Агире,— поэтому-то правительство Чили поступило совершенно иначе с Пунта-Аренасом. Вполне возможно обеспечить колонию различными льготами, способствующими ее развитию, не предоставляя ей полной независимости.

— Господин губернатор,— прервал его Кау-джер,— в архипелаге есть один маленький островок, просто голая скала, не представляющая никакой ценности. Я прошу Чили уступить его нам.

— Какой островок вы имеете в виду?

— У мыса Горн.

— На кой черт он вам понадобился? — удивился губернатор Пунта-Аренаса.

— Чтобы установить маяк, который совершенно необходим в этом месте. Освещение фарватера в здешних широтах имеет колоссальное значение не только для

кораблей, направляющихся к острову Осте, но и для всех судов, огибающих мыс между Атлантическим и Тихим океанами.

Гарри Родс, Хартлпул и Жермен Ривьер, знавшие о планах Кау-джера, поддерживали его, заявив, что постройка здесь маяка является жизненно необходимой. Господин Агире не стал спорить.

— Так, значит,— спросил он,— остельская колония намерена выстроить маяк на острове Горн?

— Да,— подтвердил Кау-джер.

— За свой счет?

— Да. Но при обязательном условии, что Чили передаст остров Горн в нашу полную собственность. Вот уже более пяти лет, как я предложил этот проект вашему правительству и до сих пор не могу добиться какого-нибудь результата.

— Что же вам отвечали? — осведомился господин Агире.

— Отдельвались пустыми отписками. Ни да, ни нет. Такая канцелярская канитель может тянуться веками. А тем временем корабли продолжают разбиваться о скалы этого островка, совершенно невидимого в темноте.

Казалось, господин Агире был чрезвычайно удивлен. Впрочем, его удивление вряд ли было искренним, ибо он лучше Кау-джера знал об обычных методах работы подобных учреждений и, по-видимому, в глубине души не одобрял их. Но он обещал Кау-джеру лично доложить своему правительству об этом проекте и всячески поддерживать его. Он выполнил свое слово, и поддержка его оказалась настолько эффективной, что уже через месяц переговоры, тянувшиеся долгие годы, закончились. Кау-джер получил официальное извещение о принятии его предложения. 25 декабря между Республикой Чили и колонией Осте был подписан договор о передаче острова Горн в полную собственность остельской колонии при условии, что она выстроит и будет содержать за свой счет маяк на крайней оконечности мыса Горн.

Кау-джер считал, что маяк явится венцом всей его деятельности. Умиротворенная и благоустроенная колония, всеобщее благосостояние, широкое внедрение образования и, наконец, тысячи человеческих жизней, спасенные им на самом стыке двух величайших океанов земно-

го шара,—такой представлялась его деятельность на земле.

Великая задача! Разрешив ее, Кау-джер имел полное право подумать и о себе, отказавшись от обязанностей, к которым чувствовал глубочайшее отвращение.

Повелевая людьми и являясь фактически самым неограниченным из диктаторов, он все же никогда не был счастлив. Длительное пребывание у власти не привило Кау-джеру вкуса к ней. Он всегда применял эту власть наперекор себе самому. Всю жизнь он никому не подчинялся, и ему казалось жестоким навязывать свою волю другим. Правитель оставался все тем же энергичным, хладнокровным и грустным человеком, каким был в те далекие дни, когда спасал погибавших остельцев. Да, тогда он спас их, но погубил самого себя. Вынужденный отречься от своих идеалов и покориться фактам, Кау-джер мужественно нес свой тяжкий крест, но в глубине души все еще лелеял слабую надежду на возможность осуществления своей мечты.

Гарри Родс замечал некоторые изменения в характере Кау-джера, проявившиеся особенно резко тогда, когда началось строительство маяка и Кау-джер счел взятые на себя обязательства почти выполненными. Наконец правитель совершенно открыто высказал свои соображения по этому поводу. Это произошло так.

В случайной беседе Гарри Родс, с благодарностью вспоминая обо всем, что сделал для колонии Кау-джер, услышал совершенно недвусмысленный ответ:

— Я взял на себя организацию колонии и стараюсь по мере сил выполнить свой долг, после чего мои полномочия окончатся. Я надеюсь доказать вам, что на земном шаре существует хотя бы одно такое место, где человек может жить вне подчинения.

— Управлять — не значит подчинять,— взволнованно возразил Гарри Родс,— и вы сами являетесь примером этому. Не может существовать общество без верховной власти, как бы ее ни называли.

— Я держусь иного мнения,— ответил Кау-джер,— и считаю, что как только исчезает настоятельная необходимость во власти, она должна быть устранена.

Гарри Родс с грустью следил за ходом мысли своего друга, предвидя, к каким печальным последствиям могут

привести эти рассуждения. Иногда ему даже хотелось, чтобы какая-нибудь катастрофа, временно нарушив благоденствие колонии, вновь доказала бы правителю его заблуждение.

К несчастью, его желание сбылось. И катастрофа произошла еще раньше, чем он мог предположить.

В начале марта 1891 года вдруг пронесся слух, что открыты богатейшие месторождения золота. В самом этом известии пока не было ничего страшного. Наоборот, все радовались, и даже самые рассудительные люди, как например Гарри Родс, разделяли всеобщий восторг. Для жителей Либерии этот день стал праздником.

Один Кау-джер оказался прозорливым. Один он сразу же представил себе пагубные последствия этого открытия и понял, какие разрушительные силы сокрыты в нем. Вот почему, когда все вокруг него ликовали и поздравляли друг друга, он один оставался мрачным и угнетенным, предчувствуя надвигавшиеся трагические события.

11. ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Знаменательное событие произошло утром 6 марта.

Несколько человек, среди которых находился и Эдуард Родс, отправились спозаранку на охоту за двадцать километров от Либерии, к подножию гор Сентри Боксис, на юго-западе полуострова Харди. Там, в густых девственных лесах, еще водились хищные звери — пумы и ягуары, причинявшие большие убытки овцеводам.

Убив по дороге двух пум, охотники добрались до строгого полока на опушке леса, как вдруг из-за деревьев появился громадный ягуар.

Эдуард Родс выстрелил, но пуля только ранила зверя. Зарывав, ягуар перескочил через ручей и исчез в высокой траве.

Не растерявшись, Эдуард Родс послал ему вдогонку вторую пулю, которая, не попав в цель, ударилась о выступ прибрежной скалы. Во все стороны брызнули каменные осколки.

Один осколок упал у самых ног Эдуарда Родса. Камень выглядел так необычно, что юноша поднял его и стал внимательно рассматривать.

Этот небольшой кусок кварца был исчерчен характерными прожилками, в которых ясно обозначались крупинки золота.

Золото! Молодого человека очень взволновала эта находка. Оказывается, на острове Осте есть золото! Он держал в руках неоспоримое доказательство—маленький обломок камня.

Эдуард сразу же понял важность этого открытия. Ему хотелось бы сохранить его в тайне, сообщив только отцу, чтобы тот доложил Кау-джеру. Но юноша был здесь не один. Другие охотники тоже подобрали отлетевшие осколки и обнаружили в них золото. Значит, скрыть новость не удастся!

Действительно, в тот же день об этом узнали все либерийцы. Грянул настоящий пороховой взрыв, пламя которого мгновенно перенеслось из Либерии во все поселения.

Тем не менее в текущем сезоне не могло быть и речи об эксплуатации месторождения золота. Приближалось осеннее равноденствие, а на параллели острова Осте открытые разработки в холодное время года невозможны. Так что находка Эдуарда Родса пока еще не вызвала никаких трагических последствий.

Этот год (десятый со дня основания колонии) принес исключительный урожай. В центральных районах острова возникли новые лесопилыни. Одни приводились в движение паром, другие — электричеством от гидроэлектростанций. Рыболовные промыслы и консервные фабрики весьма способствовали расцвету торговли. Общий тоннаж груза кораблей, посетивших порт, исчислялся в 32 775 тонн.

До наступления холодов строительство маяка и примыкавшего к нему здания машинного отделения на мысе Горн шло полным ходом, несмотря на дальность расстояния (остров Горн находился примерно в семидесяти пяти километрах от полуострова Харди) и необходимость доставки материалов и оборудования морем, усеянным рифами. Но в период зимних бурь навигация здесь прекращалась, так что строительные работы приостановились.

На острове Осте больше не знали нищеты, и никогда общественный порядок не нарушался преступлениями против личности или собственности. Изредка, правда, случались пустячные ссоры между колонистами, но обычно все заканчивалось примирением еще до обращения в суд.

Ничто как будто не угрожало безмятежному существованию колонии, если бы не обнаружение золота. А это, принимая во внимание свойственную людям жадность, могло повлечь за собой большие осложнения.

Сообщение о находке вызвало у Кау-джера самые мрачные предчувствия. К сожалению, они оправдались...

На ближайшем же заседании совета губернатор высказал свои опасения.

— Итак,— начал он,— как раз в тот момент, когда наше дело близится к завершению и нам остается только пожинать плоды трудов своих, из-за проклятой случайности создается повод для всевозможных смут, неизбежно приводящих к разорению...

— Мне кажется,— прервал его Гарри Родс, оценивавший событие менее пессимистически,— что открытие залежей может вызвать некоторые беспорядки, но не разорение!

— Именно разорение! — настойчиво повторил Кау-джер.— Открытие месторождения золота всегда сопровождалось разорением.

— Однако,— сказал Гарри Родс,— золото — такой же предмет купли-продажи, как и другие товары.

— Самый бесполезный из всех!

— Отнюдь нет. Самый полезный, поскольку его можно обменивать на все остальные.

— Что толку в том,— с жаром возразил Кау-джер,— если для его приобретения приходится жертвовать всем! Ведь подавляющее большинство золотоискателей погибает в нищете. А те, которым повезло, совершенно теряют рассудок от головокружительного успеха и входят во вкус легкой жизни. Роскошь становится для них необходимостью, а материальные излишества так расслабляют, что они уже неспособны к полезной деятельности. С обывательской точки зрения — они стали богачами, но с общечеловеческой, истинной точки зрения — они превращаются в бедняков, перестав быть настоящими людьми.

— Я согласен с Кау-джером,— заявил Жермен Ривь-

ер.— Ведь если колонисты забросят свои поля, потерянный урожай уже не возместить. Что толку в богатстве, если придется подыхать с голоду? Я очень боюсь, что остельцы не смогут противостоять тлетворному влиянию золота. А кто может поручиться, что в погоне за ним земледельцы не оставят свои пашни, а рабочие — машины?

— Золото!.. Жажда богатства! — повторял Кауджер.— Самое ужасное бедствие, какое только могло постичь нашу колонию!

Гарри Родс заколебался.

— Допустим даже, что вы правы, — сказал он.— Но мы же все равно не в состоянии предотвратить это.

— Дорогой Родс, — ответил Кауджер, — бороться можно с любой эпидемией и так или иначе пресечь или хотя бы ограничить ее распространение. Но, увы, средства против золотой лихорадки не существует. Ее возбудитель — один из самых вредных микробов, разрушающий всякий сплоченный коллектив. Можно ли сомневаться в его силе, после того что произошло в золотоносных районах Старого и Нового Света, в Австралии, Калифорнии и в Южной Африке? Все производительные работы были заброшены уже на следующий день после нахождения драгоценного металла. Колонисты покинули свои семьи и устремились из городов и деревень к месторождениям золота. А потом они быстро, как всякую легкую добычу, промотали свое богатство и снова стали нищими.

Кауджер говорил со страстной убежденностью, свидетельствовавшей о глубокой тревоге.

— Опасность надвигается не только изнутри, — продолжал он, — но и извне. В районы месторождений золота устремляются со всех концов света полчища бродяг и авантюристов, вносящие повсюду смуты и дезорганизацию. Они как саранча уничтожают всё на своем пути. Вот почему и нашему острову угрожает подобное несчастье!

— Но неужели ничего нельзя сделать? — взволновался Гарри Родс.

— Нет, — ответил Кауджер, — слишком поздно. Трудно даже представить себе, с какой быстротой разносится известие об открытии золотых россыпей. Можно подумать, что новость передается по воздуху, что эта зараза, поражающая даже самых разумных людей, переносится ветром...

Совещание закончилось, но члены совета не приняли никакого решения. Да и что они могли поделать? Как правильно сказал Кау-джер, борьба против золотой горячки невозможна.

При первых же признаках весны опасения Кау-джера подтвердились. С самого начала оттепели наиболее предприимчивые и отважные либерийцы отправились на поиски драгоценного металла к «Золотому Ручью», как теперь окрестили маленькую речушку, на берегу которой злополучная пуля Эдуарда Родса отбила кусок скалы. За ними, несмотря на все уговоры Кау-джера и его друзей, последовало множество других колонистов. Начиная с 5 ноября сотни остельцев как одержимые бросились в горы на поиски золота.

Разработка золотоносных участков, в общем-то, не представляет особых трудностей. Если обнаружена золотая жила, надо просто следовать за ее ходом, отбивая куски скалы киркой, а потом измельчить их, отделяя содержащиеся в камне крупинки золота. Так делают в копиях Трансвааля. Но легко сказать «проследить золотую жилу»! Иногда направление ее так запутано и она так внезапно исчезает, что даже самые опытные геологи становятся в тупик. В тех случаях, когда жила уходит глубоко в землю, приходится устраивать рудники, что связано со многими неприятными неожиданностями и опасностями. Кварц, в котором находится золото, — чрезвычайно твердый минерал, для измельчения которого невозможно обойтись без дорогостоящих машин. Так что добыча драгоценного металла не всегда под силу отдельным золотоискателям и выгодна только мощным компаниям, располагающим большими капиталами и рабочей силой.

Поэтому-то одни золотоискатели — «добытчики», как их часто называют, — которым посчастливится найти залежи золота, довольствуются тем, что делают заявку на этот участок, а затем спешат переуступить его банкирам и разным дельцам.

Другие же, предпочитая вести добычу золота своими личными средствами, даже и не помышляют об организации рудников. Они отыскивают поблизости от золотоносных скальных пород участки наносных земель, размытых водой. Расслаивая породу, вода (в виде льда, дождя или

потока) непременно уносит с собою частички золота, которые легко обнаружить в почве. Для этого достаточно иметь под рукой простой лоток для промывки песка и воду.

Ясно, что остельцы могли работать только самыми примитивными инструментами. Первые результаты оказались довольно обнадеживающими. Берега Золотого Ручья на участке длиной в несколько километров и шириной двести — триста метров были покрыты слоем ила глубиной до восьми футов. Из расчета, что на один кубический фут приходилось девять-десять лотков, можно было заключить, что запасы золота весьма обильны, потому что при промывке почти в каждой лотке оказывалось по крайней мере несколько зерен.

Правда, вместо самородков находили только песок, и здесь не приходилось рассчитывать на миллионные богатства, как в золотоносных районах других стран. Однако золота хватало для того, чтобы вскружить голову беднякам, которые до того времени зарабатывали на жизнь своим горбом.

Было бы большой административной ошибкой не регламентировать так или иначе эксплуатацию залежей. В конце концов, месторождение золота являлось общественной собственностью. Что бы ни думал по этому поводу сам Кау-джер, он больше никогда не высказывал собственного мнения и, рассматривая этот вопрос с точки зрения большинства колонистов, старался отыскать решение, наиболее приемлемое для всего коллектива. В течение зимы он часто совещался с Диком, которого сознательно привлекал к обсуждению всех важнейших дел и вопросов. Обменявшись мнениями, оба пришли к заключению, что необходимо: во-первых, всемерно препятствовать уходу остельцев на золотые прииски; во-вторых, добытые богатства использовать на благо всей колонии, и, наконец, по возможности ограничивать прибытие на остров Осте чужеземцев, которые обязательно ринутся со всех концов земли на поиски золота.

Закон, принятый в конце зимы, отвечал этим требованиям. Прежде всего добыча золота разрешалась только после надлежащего оформления прав на владение участком. Затем устанавливался максимальный масштаб участков. И, наконец, закон обязывал предпринимателей не только платить колонии за полученный участок, но и

отчислять в ее пользу четвертую часть дохода. Права на золотоносные земли предоставлялись исключительно остельским гражданам, а впредь остельское подданство приобреталось только после года фактического проживания на острове и с личного разрешения губернатора.

Закон был обнародован, оставалось провести его в жизнь.

С самого начала возникли неизбежные при этом трудности. Колонисты, отнесшиеся спокойно к тем пунктам закона, которые давали преимущество, возмутились теми пунктами, которые накладывали на них определенные обязательства. Зачем оформлять и платить за право приобретения земли, когда можно сразу же разрабатывать приглянувшийся участок? Разве не все имеют право копать в земле и промывать речной песок? Почему же их вынуждают отдавать часть заработанного продукта тем, кто не принимал никакого участия в их труде?

В глубине души Кау-джер разделял эти соображения. Но, взяв на себя опасную ответственность за управление колонией, он должен был жертвовать своими принципами, даже если находил их как нельзя более применимыми в данной ситуации.

Стало совершенно очевидно, что необходимо поощрить наиболее благоразумных колонистов, сумевших противостоять общему безумию и не бросивших работу. Наилучшей формой такого поощрения явилось обеспечение их хоть и небольшой, но постоянной долей из общей добычи золота.

В случаях же неповиновения закону приходилось применять силу.

Кау-джер располагал в Либерии только небольшим милицейским отрядом из пятидесяти человек, но, кроме того, девятьсот пятьдесят остельцев значились в призывном списке, откуда, по мере прибытия нового пополнения, отчислялись старшие возрасты. Таким образом, всегда имели под рукой тысячу вооруженных человек.

Была объявлена всеобщая мобилизация.

На призывной пункт явилось всего семьсот пятьдесят остельцев. Двести уклонившихся от воинской повинности занимались промывкой золота в районе Золотого Ручья.

Кау-джер разделил свои вооруженные силы на две группы. Пятьсот человек получили задание следить за

побережьем, дабы воспрепятствовать тайной переправке драгоценного металла. Сам же губернатор, во главе трехсот человек (составлявших три отряда под командованием наиболее надежных людей), направился в районы месторождений золота.

Они вышли через полуостров к подножию гор Сентри Боксис, а оттуда двинулись на север, тщательно прочесывая местность. Всех встречных на пути золотоискателей, не оформивших права на участок и не подчинявшихся закону, безжалостно прогоняли.

Вначале удалось добиться некоторого успеха. Одним колонистам пришлось заплатить наличными за право эксплуатации участков, границы которых устанавливались тут же. Другие (и таких оказалось большинство), не имевшие нужной суммы, вынуждены были отказаться от добычи золота. По этой причине число золотоискателей резко сократилось.

Но вскоре выяснилось, что незаплатившие ночью обходили отряды Кау-джера и возвращались на то же самое место, на берегу Золотого Ручья, откуда их прогнали накануне...

В общем, золотая зараза, распространяясь, поражала весь остров, как чума. Безумие охватывало все новые и новые группы остельцев, воодушевленных успехами первых «добытчиков». Теперь берега Золотого Ручья и горы центральной и северной части острова кишели золотоискателями.

Однако колонисты вскоре сообразили, что золотоносные месторождения могут залегать и не только на болотистой равнине, у подножия Сентри Боксис. Поскольку наличие золота на острове Осте было доказано, имелись все основания полагать, что драгоценный металл можно найти и по берегам других речушек и ручьев, принадлежавших к орографической сети острова. И вот повсюду начались поиски — от мыса полуострова Харди до оконечности полуострова Пастёр, у пролива Дарвин.

На нескольких участках действительно нашли немного металла, что еще больше усилило общее возбуждение. Золотой психоз нарастал и за несколько недель почти начисто опустошил Либерию, поселения и отдельные фермы: мужчины, женщины, дети — все кинулись искать золото. Кое-кому посчастливилось наткнуться на горную складку,

где под действием проливных дождей образовались скопления самородков, и они сразу разбогатели. Но и тех, кто в течение многих дней, умирая от усталости, проработали впустую, все еще не покидала надежда. Из столицы, сельских местностей, рыбных промыслов, с заводов и прибрежных факторий все бросились к месторождениям золота. По-видимому, оно обладало такой притягательной и непреодолимой силой, которой разум человеческий не мог противостоять. Вскоре в Либерии осталось не более сотни жителей, не изменивших своим семьям и занятиям, хотя их предприятия сильно пострадали от создавшегося положения...

Одни только индейцы, недавно поселившиеся на острове Осте, не поддались губительному азарту. К чести этих скромных тружеников следует сказать, что их рыболовецкие артели не распались и плантации не заросли сорняками, ибо никто из них не ушел на поиски золота. Все это объяснялось только природной честностью огнеземельцев. Эти бедняки еще издавна привыкли повиноваться своему покровителю, так что им даже и в голову не приходило отплатить Кау-джеру черной неблагодарностью за его бесчисленные благодеяния.

События продолжали стремительно разворачиваться. Настал момент, когда экипажи кораблей, стоявших на рейде, последовали примеру остельцев. С каждым днем увеличивалось число дезертиров. Без всякого предупреждения матросы, одурманенные волнующим золотым миражем, покидали свои суда и уходили в глубь острова. Капитаны, напуганные резким уменьшением состава корабельных команд, спешили покинуть Новый поселок, даже не завершив операций по погрузке или разгрузке судов. Можно было не сомневаться в том, что они оповестят весь мир о грозившей им опасности и что отныне флот всех стран будет избегать остров Осте.

Эпидемия не пощадила даже тех, кто во имя долга должен был бороться с нею. Отряд Кау-джера, созданный для охраны побережья, вскоре распался. Из пятисот человек не набралось бы теперь и двадцати. Другой отряд, которым он командовал сам, тоже таял, как лед на солнце. Не проходило ночи, чтобы несколько беглецов не воспользовалось бы темнотой. За две недели от трехсот человек осталось не более пятидесяти.

Все это чрезвычайно огорчало Кау-джера. Человечество еще раз цинично продемонстрировало перед ним свои постыдные пороки — перед ним, кто так страстно жаждал творить добро и после долгого уединения вновь полюбил людей! Все созданное таким тяжким трудом рушилось в один миг... И подумать только! Из-за какого-то ничтожного осколка камня, расцвеченного несколькими крупинками золота, тысячи несчастий надвигались на злополучную колонию...

Бороться? Нет, теперь уже невозможно. Даже самые рассудительные люди покинули губернатора. Теперь уже невозможно обуздать обезумевшее население при помощи жалкой горстки людей. Правда, пока еще они подчинялись Кау-джеру, но в любую минуту тоже могли ему изменить.

Правитель возвратился в Либерию. Да, ничего уже нельзя было сделать. Как смерч, опустошающий все на своем пути, золотая лихорадка охватила и поразила весь остров. Приходилось только ждать, когда она сама утихнет.

В какой-то момент показалось, что эпидемия пошла на убыль. В середине декабря некоторые горожане начали возвращаться в Либерию, а в последующие дни приток их еще усилился. На каждого колониста, уехавшего на золотые прииски, приходилось по два вернувшихся, которые с унылым видом принимались за обычные дела.

Возвращались главным образом по двум причинам. Во-первых, ремесло золотоискателя оказалось не таким легким, как предполагали вначале. Дробить киркой скалу или с утра до вечера промывать песок — тяжелый труд, это может выдержать лишь тот, кто надеется на быстрое обогащение. А кой-кого из колонистов, вообразивших, что можно просто подбирать самородки, постигло жестокое разочарование. На одного счастливицу, наткнувшегося на золотую жилу, приходилось сотни золотоискателей-неудачников, кому это занятие — куда тяжелее, чем их обычная работа, — приносило гораздо меньший доход. Несомненно, на острове Осте водилось золото, но не в таком количестве, чтобы его можно было загребать лопатой, как наивно думали вначале. Отсюда и горькое разочарование, постигшее особенно тех, кто слишком рьяно предавался несбыточным иллюзиям.

Замедление торговых операций и почти полное прекращение сельскохозяйственных работ отражалось на стоимости предметов первой необходимости. Правда, пока еще всего было вдоволь, но цены на все невероятно возросли. Радоваться могли только те, кому была выгодна погоня за золотом. И наоборот, вздувание цен порождало нищету среди тех остельцев, кто, найдя несколько небольших самородков, не возместили потерю обычных заработков.

Никаких заблуждений по этому поводу у Кау-джера не было. Он не только не ожидал благоприятного перелома события, но с обычной своей прозорливостью угадывал во мраке будущего новые опасности. Нет, кризис еще не наступил. Наоборот, болезнь только начиналась. До сих пор приходилось иметь дело лишь с остельцами, но так будет не всегда. Как только станет известно о новом месторождении золота, на несчастный остров неизбежно обрушатся со всего света страшные орды золотоискателей, горящих ненасытной алчностью.

И вот, 17 января, в Новый поселок прибыл первый транспорт. На берег сошло около двухсот крепких мужчин, решительных, суровых и грубых. У некоторых за поясом поблескивали большие ножи, и у всех на брюках (иногда весьма потрепанных) пришит был специальный карман, оттопыренный револьвером. На плече они несли кирку и мешок со своими жалкими пожитками. На левом бедре при каждом шаге позвякивали прикрепленные к поясу металлическая фляга, миска и лоток для промывки песка.

Кау-джер с грустью наблюдал за их высадкой. Эти двести бродяг являлись первым звеном цепи, которая в будущем опояшет зловещим кольцом весь остров Осте...

Начиная с этого дня партии золотоискателей прибывали с небольшими промежутками одна за другой. Едва ступив на землю, пришельцы, как люди, привычные к выполнению всяческих формальностей, направлялись прямо в управление, где, знакомясь с действующими постановлениями, единодушно находили их непомерно строгими. Потом, оставив мысль об узаконении своего положения, чужеземцы расходились по городу. Малочисленность жителей и умело добытая информация о положении дел в колонии быстро убеждали их в слабости остельской ад-

министрации. Поэтому они решались обойти законы, безнаказанно нарушаемые даже самими колонистами, и, проблуждав несколько дней по пустынным улицам Либери, покидали город, направляясь прямо на поиски золотоносных участков.

Но настала зима, и вместе с прекращением разработок приостановился и поток приезжих. Последний корабль, доставивший в Новый поселок партию золотоискателей, прибыл 24 марта. К этому времени на остельской земле находилось уже более двух тысяч авантюристов.

Этот же корабль увез ноту правительства острова Осте ко всем государствам земного шара. Кау-джер, с болью в сердце наблюдавший за вторжением чужеземцев, доводил до сведения всех и вся, что, ввиду перенаселения остельской колонии, въезд на территорию острова Осте воспрещен и в случае самовольной высадки иностранцев против них будет применена сила.

Окажется ли эта мера эффективной или нет, могло показать только будущее, но в глубине души Кау-джер сомневался в ее действенности. Слишком сильна притягательная власть золота для некоторых людей, чтобы их можно было чем-нибудь остановить...

Впрочем, зло уже совершилось. Бунт остельцев... неизбежное, уже начавшееся обнищание... вторжение разного сброда, привносящего с собой все существующие на земле пороки — все это само по себе являлось катастрофой.

Что же делать? Ничего, только ждать лучших времен... если таковые вообще еще наступят. Хальг, Кароли, Хартлпул, Гарри и Эдуард Родсы, Дик, Жермен Ривьер и еще десятка два надежных людей противостояли всем остальным.

Это был священный оплот, последние преданные бойцы, объединившиеся вокруг Кау-джера, который мог только наблюдать за разрушением величайшего дела его жизни.

12. РАЗГРАБЛЕННЫЙ ОСТРОВ

Так закончился первый акт «золотой трагедии», которая, как настоящая театральная пьеса, состояла из нескольких действий, разделенных антрактами.

Драматические события, легшие в основу первого акта, сразу же нарушили безмятежную жизнь колонии. Несколько остельцев исчезло навсегда.

Никто не знал, что с ними случилось, но все обстоятельства наводили на мысль, что они оказались жертвами несчастного случая или драки; поэтому родные носили по ним траур.

Общее благосостояние острова Осте резко упало. Правда, нехватки предметов первой необходимости пока еще не ощущалось, но цены на все повысились еще в три-четыре раза.

При этом пострадали наименее обеспеченные колонисты. Тщетно Кау-джер пытался подыскать им работу. Почти полное прекращение частной торговли настораживало остельцев. Никто не решался создавать новые предприятия. Государственная казна опустела. Общественные работы также приостановились. Какая злая ирония судьбы! Государству не хватало золота именно тогда, когда его в изобилии обнаружили в земле!

Откуда же правительство могло взять средства? Только отдельные остельцы заплатили за право приобретения золотоносных участков, но никто не сделал ни единого взноса по отчислениям с добычи, как предписывал закон. Обнищание населения привело к резкому сокращению общей суммы налогов. Денежные поступления в казну почти прекратились.

Личные фонды Кау-джера были исчерпаны. Он широко пользовался ими в течение всего лета, чтобы из-за возникших финансовых затруднений не прерывать работ по сооружению маяка на мысе Горн. Но золотая лихорадка не пощадила и строительных рабочих. Поэтому окончание стройки значительно задерживалось.

Среди счастливчиков, которых фортуна озарила золотой улыбкой, оказался и Кеннеди, бывший матрос с «Джонатана». Превратившись в богача, он вел себя так вызывающе, что о его необыкновенном везении узнали все колонисты.

Сколько золота нашел он? Никто да, наверно, и сам он, не знал этого. Возможно, матрос даже не умел считать. Однако, судя по его тратам, — немало. Он полными пригоршнями разбрасывал свое богатство. Конечно, не в виде монет, имеющих официальный курс во всех цивили-

лизованных странах, а в виде самородков и золотого песка.

Кеннеди приобрел барские замашки: уверенно разглагольствовал обо всем, корчил из себя миллиардера и каждому встречному и поперечному объявлял о своем намерении в ближайшее время уехать из города, где не может обеспечить себе соответствующую жизнь.

Никто не знал и о том, откуда взялось его богатство, и вообще где находится участок бывшего матроса. Когда его об этом спрашивали, он напускал на себя таинственный вид и, не отвечая на вопрос, переводил разговор на другую тему. Если либерийцам и доводилось летом видеть Кеннеди, то отнюдь не за работой — сунув руки в карманы, он гордо разгуливал по улицам города. Колонисты не забыли об этих встречах, потому что в некоторых случаях они предшествовали постигшему их несчастью. Через несколько часов или дней после того, как им повстречался Кеннеди, у них исчезало все добытое ими золото. К сожалению, вора так и не смогли найти. Когда же все пострадавшие собрались вместе и установили, что кражи всегда совпадали с присутствием Кеннеди поблизости от места преступления, на него пали тяжкие подозрения, хотя прямых улик не было.

Выведенный из терпения Кауджер решил применить силу. Слишком уж открыто издевались над законами Кеннеди и ему подобные. Правда, пока еще ничего нельзя было предпринять, и приходилось терпеть эти бунтарские выходки, но при первой же возможности следовало их пресечь. А тем временем наступившие холода прогнали колонистов с золотых промыслов. Все вернулись домой, причем большинство не могло похвастать особыми успехами. Снова восстановилась служба милиции, и люди, входившие в ее состав, казались (во всяком случае, в данный момент) преисполненными благих намерений.

И вот однажды утром, без всякого предупреждения, милиция во главе с Хартлпулом явилась к либерийцам, особенно кичившимся своим богатством, и произвела у них тщательный обыск. От обнаруженного золота отделили четвертую часть, а из оставшегося конфисковали еще двести аргентинских пиастров в счет оплаты права на приобретение золотоносного участка.

Кеннеди хвастал не зря. У него действительно нашли золота по крайней мере на семьдесят пять тысяч франков, считая во французской валюте. И именно Кеннеди оказал самое упорное сопротивление милиции во время обыска. Приходилось все время пререкаться с бывшим матросом, изрыгавшим яростные проклятия.

— Бандиты! — вопил он, грозя кулаком Хартлпулу.

— Ну, уж будто! — невозмутимо отвечал тот, продолжая обшаривать помещение.

— Вы мне за это заплатите! — угрожал Кеннеди, выведенный из себя хладнокровием своего бывшего начальника.

— Вот как? А мне кажется, что сейчас платить придется тебе! — смеялся Хартлпул.

— Мы еще с тобой увидимся!

— Когда тебе будет угодно. По мне, чем позднее, тем лучше!

— Вор! — заорал Кеннеди в совершенном бешенстве.

— Ошибаешься! — добродушно возразил Хартлпул. — И я докажу тебе это тем, что из твоих пятидесяти трех килограммов золота возьму только тринадцать кило двести пятьдесят граммов — точно одну четвертую часть плюс стоимость двухсот пиастров — ты знаешь, за что. Само собой разумеется, что за свои деньги ты...

— Мерзавец!

— ...получаешь право на золотоносный участок...

— Разбойник!

— ...при условии, что укажешь, где он находится.

— Грабитель!

— Не хочешь?

— Каналья!

— Ну, воля твоя, мой милый, — сказал Хартлпул, положив конец этой сцене.

В итоге обыски дали казне около тридцати семи килограммов золота, что составило во французской валюте около ста двадцати двух тысяч франков. В обмен на конфискованный драгоценный металл колонистам выдали документы на право разработки золотоносных участков. Только один Кеннеди не воспользовался им, так как упорно скрывал, где добыл такое богатство.

Собранное золото передали в государственную казну. Весной, когда возобновятся связи с остальным миром, его

можно будет обменять на валюту по курсу дня. А пока что Кау-джер, широко обнародовав результаты обысков, выпустил на соответствующую сумму бумажные деньги, принятые населением с полным доверием. Этот шаг позволил несколько облегчить положение колонии.

Кое-как пережили зиму и дотянули до весны. И опять прежние причины привели к прежним последствиям. Как и в прошлом году, Либерия опустела. Полученный урок не пошел впрок. Все колонисты как иступленные устремились на поиски золота, словно игроки, которые, проигравшись в пух и прах, бросают на стол свои последние гроши в нелепой надежде отыграться.

Кеннеди ушел одним из первых. Однажды утром он исчез, отправившись, вероятно, на свой таинственный участок. Колонисты, собиравшиеся проследить за ним, остались ни с чем.

Даже милиция, такая надежная и преданная губернатору зимой, снова растаяла словно снег от солнечных лучей. Кау-джеру, который опять мог рассчитывать на помощь лишь самых близких друзей, не оставалось ничего иного, как безучастно, словно зритель, наблюдать за вторым актом трагедии, развернувшейся на острове Осте.

Но теперь сцены сменялись гораздо быстрее, чем в первом акте. Уже через несколько дней начали возвращаться домой кое-кто из либерийцев. Затем их приток постепенно усилился. Милицейская служба была восстановлена вторично. Люди молча принимались за оставленную работу. Кау-джер не делал никаких замечаний, полагая, что сейчас не время для строгостей.

Все получаемые сведения говорили, что то же самое происходило и в центральных районах острова: все спешили вернуться на свои фермы, заводы, фабрики. Это движение было таким же массовым, как и причины, его обусловившие.

Оказалось, что в этом году золотоискатели попали в совершенно иные условия, чем в прошлом. Тогда они находились среди своих колонистов, а сейчас в игру вступили чужеземцы, с которыми нельзя было не считаться. И какие чужеземцы! Отбросы общества, привыкшие к лишениям, не боявшиеся ни страданий, ни смерти, озверевшие, безжалостные к себе и к другим. Остельцам пришлось отвоевывать участки у этих стяжателей, захватив-

ших еще в начале сезона самые лучшие земли. После непродолжительной борьбы большинство колонистов отступило.

Настало время дать решительный отпор нашествию, возникшему в конце прошлого года и повторившемуся снова, но в еще больших масштабах. Еженедельно два-три парохода доставляли новые партии золотоискателей. Напрасно Кау-джер пытался воспрепятствовать их высадке. Пришельцы, не считаясь с формальными запретами, сходили на берег и, прежде чем отправиться в золотоносные районы, наводняли Либерию буйными ватагами.

Отныне в Новый поселок прибывали почти исключительно суда с золотоискателями. Другим кораблям здесь уже нечем было заполнить свои трюмы. Все торговые и промышленные операции прекратились. Запасы строевого леса и пушнины истощились в первую же неделю навигации. А что касалось скота и зерна, то Кау-джер решительно воспротивился их вывозу, опасаясь голода.

Но как только губернатор смог располагать двумя сотнями человек, положение захватчиков острова стало куда менее выигрышным. Когда все приказы правителя начали подкрепляться оружием, золотоискателям пришлось соблюдать их. После тщетных попыток обойти строгие постановления остельского правительства пароходы вынуждены были отплывать в открытое море, увозя с собой живой груз.

Вскоре выяснилось, что их уход являлся лишь хитрой уловкой. Отступив перед силой, корабли огибали восточный или западный берег острова и, укрывшись в какой-нибудь безлюдной бухте, высаживали пассажиров на шлюпках. Летучие отряды, созданные для наблюдения за побережьем, были не в силах противодействовать им. Кто хотел сойти на берег, всегда достигал своей цели. Приток иностранцев все увеличивался.

Беспорядки в центральных районах острова достигли апогея. Там происходили сплошные пьянки и оргии, прерываемые ссорами, точнее — кровавыми стычками, в которых пускались в ход ножи и пистолеты. И, подобно тому как трупы привлекают гиен и стервятников, так и за полчищами бродяг шли самые разложившиеся элементы. Последующие партии проходимцев даже и не помышляли о том, чтобы корпеть над добычей золота. Стоило ли

этим заниматься! Для них золотиносными участками и золотыми жилами являлись сами золотоискатели, гораздо легче поддающиеся эксплуатации, нежели трудная почва. По всему острову (за исключением Либерии, где приходилось считаться с властью Кау-джера) открылось множество кабаков и баров. Появились даже притоны самого низкого пошиба, выстроенные из досок прямо в открытом поле. Там опустившиеся женщины пленяли пьяных золотоискателей своими прелестями, распевая хрипыми голосами непристойные песенки. Во всех этих злочных заведениях потоками лился спирт — источник многих бед.

Но Кау-джер все еще не терял мужества. Оставаясь на своем посту, он являлся той точкой опоры, вокруг которой в недалеком будущем объединятся остельцы, когда утихнет буря и когда придется заново реорганизовать колонию. Правитель прилагал все усилия, чтобы — еще раз! — завоевать доверие остельцев, к которым медленно, но верно возвращался разум. Казалось, ничто не могло сокрушить Кау-джера. Сознательно закрывая глаза на измену своих колонистов, он терпеливо и неуклонно продолжал выполнять обязанности губернатора. Кау-джер не забывал даже о строительстве маяка, куда вкладывал всю свою душу. По его распоряжению Дик совершил летом поездку на мыс Горн. Несмотря на события, работы не прекращались ни на один день, хотя темп их значительно замедлился. К концу лета маяк будет закончен и машины установлены. Монтаж займет не более одного месяца.

К 15 декабря половина остельцев вернулась к своим обычным занятиям, хотя в центральной части острова еще царил хаос.

Как раз в это время к Кау-джеру явились неожиданные гости — англичанин и француз, только что прибывшие на пароходе. Они сразу прошли в управление, где были немедленно приняты губернатором, и, представившись как Морис Рейно (француз) и Александр Смиг (англичанин), без лишних слов заявили, что хотели бы получить концессию.

Кау-джер горько усмехнулся:

— Позвольте спросить, господа, известно ли вам, что происходит на острове Осте?

— Известно, — ответил француз.

— Но все же нам бы хотелось действовать по закону,— добавил англичанин.

Кау-джер посмотрел на собеседников более внимательно. Хотя они принадлежали к разным нациям, в них было нечто общее, свойственное всем предприимчивым людям. Оба молодые — не старше тридцати — широкоплечие, румяные. Коротко подстриженные волосы открывали высокий умный лоб. Энергичный подбородок мог бы придать их физиономиям некоторую жестокость, если бы общее выражение лица не смягчалось ясным взглядом голубых глаз.

Впервые Кау-джер увидел располагающих к себе золотоискателей.

— Ах, так вы уже знаете об этом законе,— сказал он,— хотя, кажется, только что прибыли?

— Вернее, только что возвратились,— поправил его Морис Рейно.— В прошлом году мы были здесь несколько дней, произвели разведку и наметили участок для приобретения.

— Общий? — спросил Кау-джер.

— Общий,— ответил Александр Смит.

Кау-джер возразил с искренним сожалением:

— Раз уж вы так хорошо осведомлены обо всем, вам должно быть известно, что я не могу удовлетворить вашу просьбу, поскольку закон, которому вы хотите подчиниться, предоставляет права на золотоносные участки только остельским гражданам.

— Это касается лишь участков для поверхностной разработки,— возразил Морис Рейно.

— А что же хотите вы? — удивился Кау-джер.

— Мы говорим о рудниках,— пояснил Александр Смит,— а по этому поводу в законе ничего не сказано.

— Да, это так,— согласился Кау-джер,— но разработка рудников — предприятие сложное, требующее больших капиталов...

— Деньги есть,— прервал его Александр Смит,— за ними мы и ездили в Англию.

— С финансовой стороны все улажено,— добавил Морис Рейно,— мы представляем здесь «Франко-английскую золотопромышленную компанию». Мой друг Смит — главный инженер, а я — директор. Общество, основанное в Лондоне 10 сентября прошлого года, располагает капи-

талом в сорок тысяч фунтов стерлингов. Половина этой суммы внесена нами, другая же половина является оборотным капиталом. Если договоримся (в чем я не сомневаюсь), мы отправим с пароходом, которым приехали, наши распоряжения. Не пройдет и недели, как начнутся работы. Через месяц пришлют первые машины, а к будущему году предприятие будет полностью оснащено всем необходимым оборудованием.

Кау-джер, весьма заинтересованный этим предложением, соображал, как лучше поступить, поскольку имелись доводы «за» и «против». Решительный характер и искренность молодых людей понравились губернатору. Но разрешить франко-английской компании основать на острове Осте крупное предприятие?.. Не создаст ли это в будущем почвы для международных осложнений? Не попытаются ли когда-нибудь Франция и Англия, под предлогом защиты своих государственных интересов, вмешаться во внутренние дела колоний?

В конце концов Кау-джер решил дать положительный ответ. Не стоило отказываться от такого выгодного предложения. Поскольку золотая лихорадка отныне превратилась в роковую неизбежность, целесообразно не допускать ее распространения по всей территории острова и, ограничив эпидемию несколькими очагами, разбить все районы месторождений золота между отдельными крупными акционерными обществами.

— Согласен,— сказал Кау-джер.— Однако, раз дело касается подземных работ, я считаю, что условия, предусмотренные для передачи участков в индивидуальное пользование, должны быть изменены.

— Как вам будет угодно,— ответил Морис Рейно.

— Следует установить плату за гектар.

— Идет.

— Скажем, сто аргентинских пиастров?

— Договорились.

— Какова площадь вашей концессии?

— Сто гектаров.

— Значит, десять тысяч пиастров.

— Вот они,— сказал Морис Рейно, вынимая чековую книжку и выписывая чек.

— Но, с другой стороны,— продолжал Кау-джер,— учитывая, что ваши издержки производства будут значи-

тельно выше, чем при разработке на поверхности, можно уменьшить отчисления с добычи золота до двадцати процентов.

— Отлично,— заявил Александр Смит.

— Итак, мы пришли к полному соглашению?

— По всем пунктам.

— Мой долг предупредить вас,— добавил Кауджер,— что в течение некоторого времени остельское правительство не сможет гарантировать вам свободный доступ на предоставляемую в концессию территорию, а также неприкосновенность вашей личности.

Молодые люди только улыбнулись.

— Мы сумеем постоять за себя,— уверенно сказал Морис Рейно.

Подписав концессионное соглашение и получив документы, оба друга сразу же ушли. Через три часа они уже находились на пути к своей концессии, расположенной у западных отрогов центрального горного хребта.

Анархия, царившая в глубине острова, с наступлением лета еще усилилась. Воображение жителей Старого и Нового Света, разгоряченное раздутыми слухами, наделило остров Осте сказочными богатствами. Сонмы золотоискателей устремились на «Золотой остров». Хотя порт их и не принимал, они все равно высаживались во всех ближайших бухтах. В последних числах января, судя по полученным сведениям, Кауджер установил, что в некоторых районах острова скопилось не менее двадцати тысяч иностранцев. Несомненно, в случае наступления голода эти одержимые, уже теперь ведущие кровавые битвы за обладание участками, бросятся друг на друга и в конце концов перегрызутся насмерть.

К этому времени беспорядки на острове достигли предела. Среди оголтелого сброда разыгрывались невероятные, дикие сцены, в которых пострадало и несколько остельцев. Узнав об этом, Кауджер сам отправился на участок, где происходило побоище, и смело бросился разнимать дерущихся. Но все его действия оказались безуспешными и чуть было не обернулись против него. Его оттолкнули с бранью и угрозами, и он просто чудом остался невредим.

Однако вмешательство правителя дало совершенно неожиданный результат. Разношерстное скопище пришельцев состояло из бродяг не только различных наций, но и самых различных социальных слоев. Будучи объединены глубочайшим моральным падением, они тем не менее сильно рознились по происхождению. Большинство из них вышло из грязных притонов, где укрываются в промежутках между преступлениями бандиты больших городов. Несколько же человек принадлежали к известным аристократическим семьям и, прежде чем впасть в бесчестье, пьянство и разврат, обладали значительным состоянием.

Кто-то из этих последних (кто именно, так и осталось неизвестным) опознал Кау-джера, как некогда командир «Рибарто». Но тогда чилийский капитан мог сослаться только на давнюю фотографию, золотоискатели же были уверены в своей памяти. Эти бродяги, скитаясь по белому свету, лично видели Кау-джера и, хотя с тех пор прошло немало времени, не могли ошибиться, потому что губернатор острова Осте занимал тогда слишком видное положение в обществе и его черты не изгладились из их памяти. Тотчас же его настоящее имя начало передаваться из уст в уста. Это было известное имя, и оно действительно принадлежало Кау-джеру.

Отпрыск правящей династии могущественной северной державы, предназначенный с самого рождения повелевать людьми, Кау-джер вырос у подножия трона. Но судьба, любящая иногда такие шутки, наделила сына цезарей мятежной душой анархиста.

Едва он достиг зрелого возраста, как привилегированное положение в свете стало для него источником не радости, а страданий. Видя окружавшую нищету, он сначала пытался хоть как-нибудь смягчить ее, но вскоре должен был признать, что затея эта превышала его возможности. Ни его колоссального состояния, ни всей его жизни не хватило бы для облегчения даже одной десятиллионной частицы людского горя. Чтобы забыть и умалить скорбь, вызванную сознанием собственного бессилия, Кау-джер ушел в науку, как другие—в наслаждение. Но, овладев специальностями врача, инженера, социолога, он все равно не сумел найти средства обеспечить человечеству равные права на счастье. Испытав множе-

ство разочарований, он утратил ясность суждений. Принимая следствие за причину и рассматривая людей как жертвы, многие века борющиеся вслепую с безжалостной природой и пытающиеся любыми средствами добиться победы, Кау-джер пришел к выводу, что причиной всех их несчастий являются различные формы общественного строя, принятые человечеством лишь потому, что оно не знает лучших форм коллективного существования. Отсюда и глубокая ненависть Кау-джера ко всем общественным строям и организациям, в которых он видел источник вечного зла.

Не в силах смириться с возмущавшими его законами, Кау-джер не нашел иного выхода, как добровольно исключить себя из общества. Поэтому в один прекрасный день, никого не предупредив, он отказался от своего сана и богатства и пустился в поиски страны (вероятно, единственной!), которая была бы абсолютно независима. Так он обосновался на архипелаге Магеллановой Земли, где в течение десяти лет беззаветно служил самым обездоленным из людей. Но чилийско-аргентинское соглашение, а затем кораблекрушение «Джонатана» нарушили его безмятежную жизнь.

Только однажды, взяв в свои руки управление колонией, он позволил себе вспомнить о своем былом величии. Хорошо зная суть общественных законов, Кау-джер понимал, какие последствия могло иметь его бегство из цивилизованного мира. Эти законы мало интересуются людьми, но зато зорко следят за сохранением их имущества. Поэтому не было никаких сомнений, что, если даже все и позабыли о Кау-джере, состояние его тщательно оберегается. В периоде организации колонии оно могло весьма пригодиться, и правитель открыл эту тайну Гарри Родсу. Снабдив своего друга необходимыми полномочиями, Кау-джер послал его за золотом, тем самым золотом, которое теперь остров Осте возвращал ему с такой роковой щедростью!

Разглашение подлинного имени Кау-джера оказало совершенно противоположное воздействие на иноземных золотоискателей и на остельцев, хотя ни те, ни другие не оценили по достоинству высокие душевные качества этого человека.

Иностранцы, старые бродяги, исколесившие землю

вдоль и поперек, слишком много познавшие на своем веку, чтобы преклоняться перед социальными рангами, люто возненавидели того, кого они считали своим врагом. Неудивительно, что он ввел законы, столь жестокие по отношению к беднякам! Он был аристократ — этим все объяснялось.

Остельцы же, наоборот, обрадовались тому, что ими правил человек такого высокого положения. Это льстило их тщеславию и еще более повысило авторитет Кауджера.

Губернатор, увидя собственными глазами столько мерзости, возвратился в Либерию в таком отчаянии, в таком подавленном настроении, что его ближайшие друзья стали поговаривать об отъезде с острова Осте. Однако, прежде чем прибегнуть к этой крайней мере, Гарри Родс поставил вопрос об обращении за помощью к Чили. Может быть, следовало испытать еще один, последний шанс на спасение?

— Чилийское правительство не оставит нас, — сказал он, — ведь в его же интересах восстановить порядок в колонии.

— Просить иностранной помощи? — возмутился Кауджер.

— Если хотя бы один корабль из Пунта-Аренаса начнет крейсировать в виду острова, — возразил Гарри Родс, — этого окажется достаточным, чтобы утихомирить всех негодяев.

— Отправим Кароли в Пунта-Аренас, — предложил Хартлпул, — и не пройдет двух недель, как...

— Нет, — прервал его Кауджер тоном, не допускавшим возражений, — я никогда не соглашусь на это. Ведь еще не все потеряно. Попробуем спасти колонию своими силами.

Пришлось покориться его стальной воле.

Спустя несколько дней, как бы для того чтобы подтвердить правоту губернатора, среди остельцев возникли волнения куда более сильные, чем прежде. В самом деле, положение на участках становилось невыносимым. Колонисты не могли тягаться с бессовестными захватчиками, считавшими удар ножом самым естественным доводом при споре. Силы были слишком неравны. Поэтому остельцы, отказавшись от борьбы, возвращались под защиту

правителя, которому — с тех пор как узнали настоящее имя Кау-джера — приписывали чуть ли не безграничную власть. В течение короткого срока вернулись все колонисты не только в Либерию, но и во все селения.

Но напрасно стали бы искать среди них Кеннеди, оставшегося на участке вместе с подобными ему проходимцами. О нем все еще ходили скверные слухи. Как и в прошлом году, никто не видел, чтобы он работал киркой или промывал песок. Кстати, его присутствие в городе снова совпало с несколькими кражами, а два раза даже с убийствами. От подобных подозрений до открытого обвинения был только один шаг.

Однако в данное время не приходилось и думать о том, чтобы сделать этот шаг. В стране, где царила страшная смута, произвести какое-нибудь расследование — даже если все слухи и были обоснованными — не представлялось возможным.

К концу лета остров оказался фактически разделенным на две совершенно различные зоны. В одной, большей, — пять тысяч колонистов, вернувшихся к нормальной жизни и обычным занятиям. В другой, на нескольких небольших участках, окружавших золотоносные земли, — двадцать тысяч пришельцев, способных на любое преступление, наглость которых усиливалась от сознания полной безнаказанности. Теперь они даже осмеливались появляться в Либерии, где вели себя как в побежденном городе: дерзко разгуливая по улицам с высоко поднятой головой, не задумываясь присваивали все, что им приглянулось. Если пострадавший протестовал, его избивали.

Но наконец настал день, когда Кау-джер, почувствовав себя достаточно сильным, чтобы вступить в открытую борьбу, решил произвести опыт. В этот день золотоискатели, отважившиеся показаться в Либерии, были схвачены и без дальнейших околичностей посажены на единственный, специально зафрахтованный для этой цели пароход, стоявший в Новом поселке. Такая операция повторилась и в последующие дни, так что к 15 марта, к моменту снятия парохода с якоря, в трюме его находилось более пятисот крепко связанных пассажиров.

Быстрая расправа вызвала бурный взрыв негодования среди пришлого сброда в центральных частях острова. По

дошедшим до Либерии слухам, волнение охватило все районы золотых приисков, и следовало ожидать общего мятежа. Не было ни одного места, где можно было бы считать себя в безопасности. Росло число преступлений. Грабили фермы, угоняли скот. В двадцати километрах от столицы было совершено три убийства. Потом стало известно, что чужеземцы-золотоискатели встречаются, устраивают собрания, держат перед тысячными толпами речи, подстрекающие к бунту. Ораторы призывали не более и не менее, как к походу на Либерию, чтобы разрушить ее дотла.

Но проникательные люди самое страшное видели не в этом. Запасы продуктов на острове подходили к концу. Когда голод подведет животы обезумевших подонков и ярость их еще удесятерится, вот тогда следовало ожидать самого худшего...

И вдруг все успокоилось. Снова наступила зима, охладившая разгоревшиеся страсти. С неба, затянутого сероватой дымкой, на остров Осте низверглась неумолимая лавина снежных хлопьев, словно задерживая занавес после второго акта развернувшейся трагедии.

13. РОКОВОЙ ДЕНЬ

Золотая лихорадка, поразившая остров Осте, почти полностью приостановила все производство. Положение колонии осложнялось еще и тем, что продовольствие, подходившее к концу, должно было распределяться среди населения, увеличившегося в несколько раз. Поэтому зимой 1893 года остельцам опять пришлось испытать жестокие лишения. В течение пяти зимних месяцев Кауджер не знал ни минуты покоя. Каждый день приносил с собою какие-нибудь новые трудности. Губернатор буквально разрывался на части, спасая погибающих от голода, оказывая помощь бесчисленным больным.

Несмотря на все его усилия, едва-едва удалось обеспечить Либерию только самым необходимым. Что же происходило в сельских местностях, особенно на золотоносных участках, где скопились тысячи людей, не имевших ни малейшего понятия о суровости климата и не принявших заранее никаких необходимых мер?

Теперь уже ничем нельзя было помочь этим непредусмотрительным пришельцам, очутившимся в снежной блокаде. Они могли рассчитывать только на те ресурсы, которые имелись в ближайших селениях. Но такое огромное количество голодных ртов наверняка мгновенно уничтожило бы все накопленные запасы.

Как выяснилось впоследствии, некоторым золотоискателям все же удалось проникнуть довольно далеко в глубь острова. Между ними и местными фермерами произошли кровавые стычки. Жестокость человека превзошла жестокость природы: погода заметно потеплела, но не иссякли потоки крови, обогравшие землю.

Однако лишь немногие смельчаки решились на дерзкие вылазки в центральные районы острова. Как же прожили эту зиму все остальные? Удалось узнать только то, что многие из них погибли от холода и голода. Ну, а каким образом обеспечили свое существование их более удачливые товарищи, навсегда осталось тайной.

Кау-джер прекрасно понимал, что подлинная опасность возникнет с первым же дыханием весны. Как только стает снег и просохнут дороги, голодные орды растекутся во все стороны, грабя и разоряя остельские поселения...

Так оно и случилось. Через два дня после начала оттепели пришло известие о том, что на концессию Франко-английской золотопромышленной компании, управляемую французом Морисом Рейно и англичанином Александром Смитом, напала банда одичавших золотоискателей. Но молодые concessionеры сумели защитить себя. Собрав своих рабочих, которых теперь уже насчитывалось несколько сот, они не только отбили нападение, но и нанесли бандитам значительный урон.

Спустя несколько дней узнали о новых преступлениях, совершенных в северной части острова. Чужеземцы грабили фермы, изгоняли или просто-напросто убивали их владельцев. Настало время действовать.

По сравнению с прошлым годом положение в колонии значительно улучшилось. Весна, хотя и вызвала бурные волнения среди разношерстной массы пришельцев, но никак не повлияла на существование остельцев. На сей раз они хорошо усвоили полученный урок: за исключением какой-нибудь сотни одержимых, продолжавших упорно

искать золото, все население Либерии оставалось на месте. Многие из либерийцев, вернувшихся с золотоносных участков, превратились в бедняков, потеряв при этом не только надежду на обеспеченное будущее, но и здоровье. И даже те, кто сколотили на приисках небольшое богатство, частично растратили его в кабаках и пригонах. Теперь все колонисты осознали свое безрассудство и никому не хотелось повторять прошлые ошибки.

Итак, Кау-джер снова располагал милицейским отрядом в полном составе. Тысяча обученных, дисциплинированных людей, повинующихся опытным начальникам, представляла немалую силу. Несмотря на то что противник превосходил остельцев численностью раз в двадцать, губернатор не сомневался в победе колонистов. Еще несколько дней выжидания — пока подсохнут дороги, — и отряды Кау-джера смогут очистить весь остров от вторгшихся авантюристов.

Но те, предупредив планы губернатора, сами пришли к молниеносной и кровавой развязке, решившей судьбу острова Осте.

3 ноября, когда дороги еще напоминали собой настоящие болота, несколько фермеров примчалось на взмыленных конях к Кау-джеру с известием, что тысячный отряд золотоискателей движется на город. Никто не знал, каковы намерения этих людей, но, судя по их поведению и угрожающим выкрикам, вряд ли они были мирными. Кау-джер быстро принял все необходимые меры. По его приказу милиция оцепила улицы, выходившие на площадь у управления, и стала ожидать дальнейших событий.

К концу дня эхо донесло до горожан пение и крики орды пришельцев, а вскоре они и сами добрались до Либерии. Надеясь захватить город врасплох, золотоискатели были чрезвычайно удивлены, натолкнувшись на остельскую милицию, построенную в боевом порядке. Внезапный штурм города сорвался. Озадаченные бандиты остановились. Вместо неожиданного нападения приходилось начинать переговоры.

Они стали совещаться между собой. Затем главарь банды заявил Хартлпулу, что хотели бы поговорить с губернатором. Их просьба, переданная по цепи, была удовлетворена. Кау-джер согласился принять десять человек.

Пришлось выбрать этих десятерых, что вызвало новые шумные распри. Наконец делегаты предстали перед строем милиции, которая разомкнула ряды, освобождая им проход. Маневр был выполнен по краткой команде Хартлпула с поразительной точностью, не хуже, чем сделали бы старые солдаты. Это произвело большое впечатление на делегатов, особенно когда после их прохода милиция, по новой команде начальника, также четко сомкнула свои ряды.

Кау-джер стоял в центре площади, позади войск. Он успел хорошо разглядеть посланцев, пока те подходили к нему. Их вид не внушал никакого доверия. Высокие, широкоплечие, они, несмотря на зимнюю голодовку, казались людьми, преисполненными сил. Большинство было одето в кожаные костюмы, потерявшие первоначальный цвет из-за покрывавшего их густого слоя грязи. Всклощенные волосы и косматые бороды придавали их физиономиям сходство со звериными мордами. Они по-волчьи сверкали глубоко посаженными глазами и на ходу угрожающе размахивали кулаками.

Кау-джер, не сделав ни одного шага навстречу им, стоял неподвижно, ожидая, что они скажут.

Но те не спешили начать переговоры. Они выстроились перед Кау-джером полукругом, в замешательстве переминаясь с ноги на ногу. Их свирепая внешность оказалась обманчивой. Теперь они походили скорее на напроказивших мальчишек, смущенных тем, что вдруг очутились вдали от товарищей, на этой большой площади, перед человеком, который возвышался над ними на целую голову и чья спокойная величавая осанка совершенно подавляла их.

Наконец, когда бродяги немного освоились, к ним вернулся дар речи, один делегат, выступив вперед, заявил:

— Губернатор, мы обращаемся от имени всех наших товарищей...

Оратор, заробев, умолк. Кау-джер не помог ему найти нужные слова. Собравшись с духом, тот начал снова:

— Наши товарищи послали нас...

Он опять остановился. Кау-джер молчал.

— Ну, в общем, мы от них посланы, вот! — вмешался другой делегат, потеряв терпение.

— Знаю,— спокойно ответил Кау-джер.— Что же дальше?

Новое замешательство. А они-то еще собирались нагнать страху! Значит, их никто не боится?.. Вновь наступило молчание. Затем третий посланец, с невероятно взлохмаченной бородой, собрав все свое мужество, приступил прямо к делу:

— Дальше?.. Мы пришли с жалобой, вот что дальше!

— На что вы жалуетесь?

— На все. У нас ничего не ладится, потому что все здесь настроены против нас.

Несмотря на чрезвычайную остроту положения, Кау-джер не мог внутренне не улыбнуться, настолько забавным, даже ироническим показалось ему такое заявление в устах одного из захватчиков острова.

— Это все? — спросил он.

— Нет,— ответил третий делегат, видимо более разговорчивый,— нам хотелось бы, чтобы золотоносные участки доставались не всякому, кто пожелает. За право владения нужно драться. Джентльмены (проходимец из Северной Америки употребил это слово совершенно серьезно) предпочли бы такой же закон, который существует повсюду... Он был бы более... официальным,— добавил он после минутного раздумья с комической убежденностью.

— Это все? — повторил Кау-джер.

— Как сказать... — ответил бородач.— Но, прежде чем перейти к другому вопросу, джентльмены хотели бы получить ответ по поводу права на приобретение участков.

— Нет,— сказал Кау-джер.

— Что означает «нет»?

— Это ответ на ваше предложение,— уточнил Кау-джер.

Все делегаты разом подняли голову. В их глазах загорелись злые огоньки.

— А почему? — спросил один из тех, кто до сих пор молчал.— Джентльменам нужно знать, какие у вас для этого основания.

Кау-джер не ответил. Как! Они еще осмеливаются спрашивать, какие у него основания? Разве это не было известно всем? Разве закон (которому, правда, никто не подчинялся) не устанавливал определенную плату за право владения участками? Более того, разве этот всем изве-

стный закон не предоставлял права на золотоносные участки исключительно остельцам, отказывая в них чужеземцам, нагло вторгшимся на остельскую территорию?

— Так почему же? — повторил золотоискатель, не получая ответа на свой вопрос.

Убедившись, что и второй вопрос не возымел действия, он ответил на него сам:

— Закон, может быть?.. Знаем мы этот закон!.. Что ж, при надобности можно ведь приобрести и права гражданства... Земля-то принадлежит всем.

Когда-то и сам Кау-джер мыслил точно так же. Но теперь его взгляды изменились, и он перестал понимать подобные речи. Нет, земля принадлежит не всем, а только тому, кто ценою упорного и тяжелого труда покрывает ее золототканым ковром нив, превращая возделанную почву в кормилицу человечества.

— И, кроме того, — продолжал бородатый золотоискатель, — если уж кто говорит о законе, тот и должен прежде всего соблюдать его. А коли его нарушают даже те, кто его создали, так чего ожидать от остальных? Вот, сегодня третье ноября. Почему не было выборов первого, раз срок полномочий правительства истек к этому времени?

Это неожиданное заявление поразило Кау-джера. Кто мог дать чужеземцу такие точные сведения? Несомненно — Кеннеди, который больше не показывался в Либерии. Но, как ни говори, замечание было справедливо. Срок действия полномочий, определенный самим же губернатором, добровольно учредившим выборную систему в колонии, в самом деле истек, и по закону следовало провести новые выборы еще два дня назад. Он не сделал этого потому, что не хотел обострять и без того тревожную обстановку для выполнения простой формальности — ведь все равно его полномочия будут возобновлены. Но разве это касалось людей, не имевших никакого права участвовать в выборах?

Тем временем делегат, ободренный спокойствием Кау-джера, продолжал более уверенно:

— Джентльмены требуют проведения выборов и права участия в них. Они имеют такое же право голоса, как и все другие, не так ли? Почему это пять тысяч человек будут навязывать свои законы двадцати тысячам? Это несправедливо...

Он сделал паузу, тщетно ожидая ответа Кау-джера. Затем, обескураженный его упорным молчанием и желая показать, что высказал все, закончил:

— Вот так.

— Это все? — спросил в третий раз Кау-джер.

— Да... — ответил тот. — Все, хотя и не совсем... Ну, в общем, можно считать, что пока все.

Кау-джер пристально посмотрел в настороженные глаза делегатов и спокойно заявил:

— Вот мой ответ. Вы явились на остров Осте против нашей воли. Даю вам двадцать четыре часа для безоговорочной капитуляции. После указанного срока я приму соответствующие меры.

По его знаку к нему подошел Хартлпул в сопровождении десяти стражников.

— Хартлпул, — приказал Кау-джер, — выведите этих людей за строй!

Делегаты были озадачены и ошеломлены ледяным спокойствием губернатора. Окруженные колонистами, они покорно удалились.

Но по возвращении к тем, кого они обозначали словом «джентльмены», тон их резко изменился. Отчитываясь в выполненном поручении, они, дав волю накопившемуся и подавляемому до тех пор гневу, разразились шквалом бранных слов и страшных проклятий.

Это невообразимое красноречие возымело свое действие на толпу. Вскоре по донесшемуся дикому реву Кау-джер понял, что его ультиматум обнародован. К ночи волнение несколько улеглось, и все-таки до самого утра раздавались отдельные злобные выкрики невидимых в темноте пришельцев. Вероятно, они решили добиться своего и заночевали под открытым небом.

Остельская милиция дежурила всю ночь с оружием в руках.

Чужеземцы действительно не ушли из Либерии. Многие из них, утомленные ожиданием предстоящего сражения, улеглись прямо на земле, и утром улицы города, казалось, почернели от массы людей, лежавших вповалку на мостовой. Но при первых же солнечных лучах вся эта орава вскочила на ноги, неистово шумя и чертыхаясь.

Дома на улицах, занятых бандитами, казались необитаемыми. Если какой-нибудь любопытный остелец, при-

открыв ставни, выглядывал наружу, дикое улюлюкание сразу же вынуждало его захлопнуть окно.

Не договорившись о дальнейших действиях, мятежники продолжали бурно обсуждать создавшееся положение. Число пришельцев все увеличивалось и теперь доходило примерно до четырех-пяти тысяч. Разосланные ими ночью во все стороны гонцы привели подкрепление. Золотоискатели из района Золотого Ручья уже прибыли в Либерию, но тем, кто находился в центральной части острова или на северо-восточной его оконечности — если предположить, что они придут, — потребовалось бы от одного до нескольких дней пути.

Их единомышленники, уже вторгшиеся в город, поступили бы умнее, дождавшись остальных. Тогда число осаждающих достигло бы десяти—пятнадцати тысяч, и положение Либерии, и так достаточно тяжелое, стало бы почти безнадежным.

Но эти буйные головы не смогли терпеливо выждать нужного момента.

Чем ближе был полдень, тем больше разгорались страсти. Возбуждение усталой толпы, подстегиваемое речами ораторов, все усиливалось.

К одиннадцати часам волнение накалилось до предела, и внезапно, в едином порыве, захватчики бросились на остельскую милицию, тотчас же направившую на них штыки. Нападавшие поспешно отступили, потеснив последние ряды. Во избежание случайного кровопролития, Кау-джер отвел свои отряды, которые, точно выполнив отступательный маневр, заняли позицию перед управлением. Таким образом, улицы, выходящие на площадь, опустели. Золотоискатели, ошибочно истолковав истинный смысл этого отхода, разразились оглушительными победными кликами.

Пространство, освободившееся после отхода остельской милиции, моментально заполнилось бесновавшейся толпой. Однако торжествовать было еще рано. Милиция все так же преграждала ей путь. Тысяча человек, подражавших невозмутимости и выдержке Кау-джера, неподвижно стояли на месте с ружьем к ноге. Золотоискатели хорошо знали, что у колонистов были усовершенствованные американские карабины, обойма которых вмещала семь патронов. Итого — не менее семи тысяч выстрелов

Бывший матрос, жаждавший мщения, оказался в невыгодном положении. Бледный, дрожащий от страха, он имел теперь жалкий вид.

в минуту, при этом — в упор. Тут было над чем призадуматься даже самым отчаянным смельчакам!

Сцена была поистине трагическая. По краям площади — разнузданная, ревушая, тысячеустая толпа, размахивающая кулаками, издающая нечленораздельные вопли. А на расстоянии тридцати метров, как раз напротив нее, — застывшие ряды остельской милиции, выстроенные в строгом боевом порядке вдоль фасада управления. Позади милиции — Кау-джер, в полном одиночестве стоявший на последней ступеньке лестницы. С тревогой наблюдая за непрерывным движением толпы, он пытался найти какой-то мирный выход из создавшейся острой ситуации.

Вдруг колонисты заметили среди золотоискателей знакомое лицо. Нападавшие вытолкнули вперед Кеннеди, по наущению которого они пустились на эту опасную авантюру. Не кто иной, как он сообщил им об истечении срока полномочий Кау-джера, подговорил их требовать прав гражданства и участия в выборах, уверяя, что покинутый всеми Кау-джер не сможет им противиться. А в действительности все обернулось иначе, и, натолкнувшись на вооруженное сопротивление, авантюристы справедливо рассудили, что тот, кто привел их под выстрелы, должен получить пулю первым.

Бывший матрос, жаждавший мщения, оказался в невыгодном положении. Куда делась вся его бывлая прыть! Бледный, дрожащий от страха, он имел теперь жалкий вид.

Бандиты бесновались еще пуще. Нарастающий гнев заставил их перейти от угроз к действиям. На неподвижные отряды милиции обрушился град камней. События явно принимали скверный оборот. Несколько колонистов было ранено, двоим пришлось выйти из рядов. Кау-джеру камень попал в голову. Он покачнулся, но спокойно вытер кровь, струившуюся по лицу, и опять замер на своем посту, наблюдая за действиями разъяренного сброда.

Целый час бушевал смертоносный каменный град. Затем нападавшие, убедившись, что так они ничего не добьются, как будто утихомирились. Камни летели реже, и казалось, что скоро все стихнет, как вдруг в толпе раздался дикий вопль. Что случилось? Кау-джер, поднявшись на носки, тщетно пытался разглядеть, что делается на соседних улицах. Там, вдали, происходило что-то не-

обычное. Только через несколько минут стала понятна причина этого волнения.

Три золотоискателя огромного роста, прокладывая себе дорогу локтями, вышли вперед, словно показывая, что им наплевать на выстрелы. В самом деле, они могли не бояться пуль, ибо несли перед собою заложников, закрываясь ими, как щитами.

Бандитам пришла в голову дьявольская мысль: взломав двери какого-то дома, где жила молодая женщина с ребенком и сестрой, они схватили обеих женщин и малыша. Теперь, прикрываясь своей живой ношей, они смело шли на остельцев. Кто посмеет спустить курок, если первые же пули поразят невинные существа?

Женщины, полумертвые от страха, даже не пытались сопротивляться, а ребенок, которого великан зверской наружности держал на вытянутых руках, как бы предлагая в жертву некоему жестокому божеству, заливался радостным смехом.

Потрясающее зрелище превзошло все, что только мог себе представить Кау-джер. Даже этот закаленный человек содрогнулся и побледнел от ужаса. Дольше медлить было нельзя.

Золотоискатели с неистовыми криками ринулись вперед. Они настолько обезумели, что даже не пожелали вступить в рукопашный бой, хотя при этом их численное превосходство обеспечило бы им победу, и за двадцать метров начали стрелять из пистолетов в застывших, как каменные глыбы, колонистов. Один остелец упал.

Настал момент действовать. Иначе не пройдет и минуты, как бандиты сомнут ряды милиции, и тогда все население Либерии — мужчины, женщины и дети — будет безжалостно истреблено.

— Целься! — скомандовал бледный как смерть Кау-джер.

Милиция выполнила приказ с четкостью бывалых солдат. Одновременно все приклады поднялись до уровня плеч, и грозные дула направились на толпу мятежников.

Но те уже совершенно не владели собой, и никакая сила не могла остановить их. Снова загревели револьверные выстрелы. Упало еще три остельца.

— Огонь! — приказал Кау-джер охрипшим голосом.

На этот раз своей героической выдержкой в водово-

роте страшных событий колонисты отблагодарили его за все, что он когда-то сделал для них. Отныне они были в расчете. Но если благодарность и любовь к Кау-джеру придала остельцам стойкость бойцов, они все-таки не были настоящими солдатами. Едва нажав на курок, они тоже потеряли власть над собой и дали не один-единственный залп по команде, а сразу же расстреляли все патроны. Раздался громовой раскат... За три секунды карабины изрыгнули семь тысяч пуль... Потом воцарилась гробовая тишина...

Защитники города стояли в оцепенении. Вдали виднелось несколько удиравших бандитов. Перед остельцами больше никого не было. Площадь опустела.

Опустела?.. Да, если не считать целой горы трупов, залитых потоками крови. Сколько человек здесь погибло?.. Тысяча?.. Полторы?.. Или еще больше?.. Как знать!

Перед неподвижной грудой мертвых тел, рядом с убитым Кеннеди, лежали обе женщины. Одна, раненная в плечо, была мертва или в обмороке. Другая, оставшаяся невредимой, вскочила и, обезумев от пережитого страха, куда-то умчалась. Ребенок лежал тут же, среди убитых, в луже крови. Но — о чудо! — пули даже не задели его, и, забавляясь новой игрой, он продолжал заливаться смехом.

Кау-джер, весь во власти жесточайших душевных мук, закрыл лицо руками, чтобы не видеть этого ужаса. На мгновение он словно лишился сознания. Затем медленно поднял голову.

Остельцы молча смотрели на правителя.

Но тот даже не взглянул на них. Застыв на месте, Кау-джер, казалось, не в силах был оторвать глаз от мертвецов, и по его измученному, сразу постаревшему на десять лет лицу катились крупные слезы.

14. ОТРЕЧЕНИЕ

Кау-джер плакал.

Какой острой болью отзывались в сердцах колонистов слезы такого человека! О каком невыносимом страдании говорили они!

Да, он скомандовал «огонь!». Да, по его приказу пу-

ли проложили кровавые следы в человеческой толпе. Но ведь сами же люди вынудили его к этому... Из-за них он уподобился тем гнусным тиранам, которых так люто ненавидел. А теперь и он запятнал себя кровопролитием и смертоубийством!

Больше того, еще не раз придется проливать кровь. Долг обязывал Кау-джера довершить начатое... И он мужественно приступил к его выполнению. Губернатор недолго оставался в угнетенном состоянии. Вскоре к нему вернулась его обычная энергия.

Поручив женщинам и старикам оказать помощь раненым и похоронить мертвых, он бросился в погоню за беглецами. Те, в панике, уже не помышляли ни о каком сопротивлении. Колонисты преследовали их днем и ночью, как затравленных зверей.

Несколько раз остельские отряды сталкивались с бандами, направлявшимися на выручку соумышленников. Их быстро разгромили и отбросили на север.

За три недели войска Кау-джера оттеснили восемнадцать тысяч захватчиков на полуостров Дюма, перекрыв его перешеек.

Колонисты обшарили весь остров. Повсюду находили тела золотоискателей, погибших от голода и холода еще в прошлом году.

К остельской милиции присоединились триста человек, присланных Франко-английской золотопромышленной компанией. Но, несмотря на подкрепление, обстановка оставалась тревожной. Если вначале золотоискателей ошеломило известие о расправе с участниками похода на Либерию и если затем остельцы без труда разбили их разрозненные отряды, то теперь, когда все эти отребья человечества здраво оценили случившееся и почувствовали свою сплоченность, положение дел резко изменилось. Численность их настолько превосходила остельскую армию, что вполне можно было ожидать нового нападения.

Вмешательство Франко-английской компании предотвратило возможность новой катастрофы. Морис Рейно и Александр Смит, нуждавшиеся в рабочей силе, предложили Кау-джеру произвести строгий отбор среди пришельцев с тем, чтобы разрешить тысяче человек остаться на острове Осте в качестве рабочих компании, бравшей на себя всю ответственность за их поведение. При первом

же нарушении порядка провинившиеся будут немедленно высланы с острова.

Кау-джер отнесся положительно к этому предложению, позволявшему рассеять силы противника. Тотчас же Морис Рейно и Александр Смит отправились на полуостров Дюма, где скопились бунтовщики, и через неделю вернулись с завербованными людьми.

Этот ловкий ход значительно изменил соотношение сил. Мятежники потеряли тысячу человек — столько же приобрели остельцы, обладавшие, помимо прочего, усовершенствованным оружием и привыкшие к строгой дисциплине. Кау-джер, поручив охрану перешейка Хартлпулу, двинулся в глубь полуострова. Он встретил там меньшее сопротивление, чем ожидал. Золотоискателей удалось разбить на небольшие группы и насильно погрузить на суда, специально прибывшие для этой цели из Нового поселка и крейсировавшие не遠далеке от побережья. Операция продолжалась всего несколько дней. За исключением взятых на поруки Франко-английской компанией (а их было слишком мало, чтобы представлять серьезную опасность), на территории острова не осталось ни одного захватчика.

Но в какое плачевное состояние привели они весь остров! Земля осталась необработанной. Урожай этого, как и прошлого, года потерян. Множество скота, бродившего без присмотра на пастбищах, погибло. В общем, разоренная колония была отброшена на несколько лет назад, и, так же как и в начале их независимого существования, остельцам угрожал голод.

Кау-джер ясно видел надвигавшуюся опасность, но не терял мужества. Понимая, что время дорого, он стал действовать как диктатор, хотя роль эта и была мучительна для него.

Он начал опять с того, что собрал в одно место все запасы продовольствия, чтобы в дальнейшем распределять его в виде пайков. Понятное дело, некоторые колонисты были недовольны подобным нововведением.

Впрочем, такая мера носила чисто временный характер. Пока на острове собирали все наличные запасы, в Южной Америке производились закупки продуктов как за счет государства, так и в порядке частных заказов. Через месяц в Новый поселок прибыли первые грузы.

Продовольственное положение стало быстро налаживаться.

Благодаря мудрому правлению Кау-джера жизнь в Либерии и ее пригородах снова забила ключом. Никогда еще в порт не прибывало столько кораблей, как этим летом. Случайно год оказался крайне благоприятным для лова китов. В гавани Нового поселка скопилось множество американских и норвежских судов. На переработке китового жира были заняты сотни остельцев, получавших за это большие деньги. Снова полным ходом заработали лесопилы и консервные фабрики. Вдвое увеличилось число охотников за тюленями. Несколько сот туземцев с Огненной Земли, не сумевших приспособиться к строгостям аргентинской администрации, переправились через пролив Бигл и основали поселение на побережье острова Осте.

К 15 декабря раны, полученные колонией, если и не зажили совершенно, то всё же затянулись. Конечно, нанесенный ей громадный ущерб мог быть возмещен только через несколько лет, но внешне все выглядело благополучно. Люди вернулись к своим прерванным делам, и жизнь вошла в свою обычную колею.

К этому времени Остельское государство приобрело пароход водоизмещением в шестьсот тонн, названный «Яган». Налаживалось регулярное сообщение с прибрежными поселениями, с различными учреждениями и факториями, расположенными на архипелаге, а также с мысом Горн, где наконец-то завершалось строительство маяка.

В последних числах 1893 года Кау-джеру сообщили, что все готово: помещение для обслуживающего персонала, башня высотой в двадцать метров, машинное отделение и монтаж двигателей. Благодаря остроумному изобретению Дика динамо-машины приводились в движение энергией волн и морского прилива без всякого горючего. Для непрерывного их действия требовалось лишь одно: своевременный текущий ремонт и наличие запасных частей.

Кау-джер назначил торжественное открытие маяка на 15 января 1894 года. В этот день «Яган» должен был доставить на мыс Горн двести — триста остельцев, заслуживших честь увидеть первый луч маяка. После всех

тяжелых переживаний. Кау-джер всем сердцем радовался осуществлению своей давней мечты.

Уже была тщательно подготовлена программа праздника, как вдруг неожиданное событие резко изменило все планы.

10 января, за пять дней до намеченной знаменательной даты, в порт Нового поселка вошел военный корабль под чилийским флагом. Кау-джер, заметивший его еще из окна управления, стал наблюдать в подзорную трубу за его маневрами и различил какое-то движение на палубе, смысл которого не удалось выяснить за дальностью расстояния.

Почти целый час Кау-джер следил за кораблем и оторвался от этого занятия только тогда, когда ему доложили, что из Нового поселка прибыл человек со срочным поручением от Кароли.

— Что случилось? — с тревогой спросил Кау-джер.

— В Новый поселок только что прибыло чилийское судно, — ответил тот, еле переводя дыхание после быстрой ходьбы.

— Я видел. Что еще?

— Это военный корабль.

— Знаю.

— Он стал на два якоря посреди порта и высаживает на шлюпках солдат.

— Солдат! — воскликнул Кау-джер.

— Да, чилийских солдат... вооруженных... Их сотня или несколько сот... Кароли не успел подсчитать... Он решил скорее предупредить вас...

Событие стоило того. У Кароли были все основания для беспокойства. Разве когда-нибудь в мирное время войска появляются на чужой территории без всякой причины? Кау-джера несколько успокаивало сознание того, что прибывшие отряды принадлежали чилийской армии. Нужно ли бояться государства, которому остров Осте обязан независимостью?.. Тем не менее высадка солдат представляла настолько необычное явление, что благоразумнее было принять все меры предосторожности.

— Идут сюда! — вдруг закричал посланец, указывая в окно на дорогу из Нового поселка.

Действительно, большой отряд солдат приближался к Либерии. Кау-джер на глаз прикинул его численность.

Колонист несколько преувеличил — солдат оказалось не более полутора сотен. Их ружья блеснули на солнце.

Кау-джер, не растерявшись, отдал целый ряд ясных и точных приказов. Разослав по всему острову нарочных с особыми поручениями, он стал спокойно выжидать дальнейших событий.

Через четверть часа отряд чилийцев, сопровождаемый удивленными взглядами колонистов, прибыл на площадь и выстроился перед управлением. Офицер (судя по золотым нашивкам, высшего звания) в парадной форме вышел вперед и попросил провести его к губернатору.

Его ввели в комнату, где находился Кау-джер. Дверь тотчас же бесшумно закрылась за ним, а через минуту раздался легкий скрип: заперли и наружные двери. Ничего не подозревавший чилийский офицер фактически очутился в плену.

Но он как будто ничуть не беспокоился о своей участи. Сделав несколько шагов, он остановился и приложил руку в треуголке с плюмажем. Кау-джер, стоявший неподвижно у простенка между окнами, заговорил первым.

— Объясните мне, сударь, — сказал он сухо, — что означает высадка войск на острове Осте? Насколько мне известно, мы не находимся в состоянии войны с Чили?

— Господин губернатор, — ответил чилиец, протянув Кау-джеру большой пакет, — разрешите мне прежде всего вручить вам послание, которым мое государство аккредитует меня при вашей особе.

Кау-джер взломал печати и внимательно прочел письмо. По выражению лица нельзя было догадаться о его истинных чувствах. Затем он спокойно сказал:

— Этим документом, как вам, наверно, известно, сударь, чилийское правительство предоставляет вас в мое распоряжение для восстановления порядка на острове Осте.

Офицер молча поклонился в знак подтверждения.

— Чилийское правительство, — продолжал Кау-джер, — плохо осведомлено. Как и во всех странах, на острове Осте бывали периоды смуты. Но остельцы сумели сами справиться с ними, и в настоящее время у нас царит полнейший порядок.

Чилиец, казалось, растерялся и не отвечал.

— Поэтому, — снова заговорил Кау-джер, — будучи

весьма благодарным Чилийской республике за ее благожелательные намерения, я вынужден отклонить предлагаемую помощь. Прошу вас считать вашу миссию выполненной.

Замешательство чилийского офицера все усиливалось.

— Ваши слова, господин губернатор,— сказал он,— будут в точности переданы моему правительству. Но вы понимаете, что, до тех пор пока я не получу от него новых распоряжений, я должен выполнить полученные мною инструкции.

— В чем заключаются эти инструкции?

— В размещении на острове Осте гарнизона, который, подчиняясь вашей верховной власти и моему командованию, будет способствовать восстановлению и поддержанию порядка.

— Прекрасно! — промолвил Кау-джер. — Но если допустить, что я вдруг воспротивлюсь размещению здесь гарнизона? Такой случай предусмотрен в вашей инструкции?

— Да, господин губернатор.

— Как же вы поступите в таком случае?

— Придется пренебречь вашим согласием.

— Применив силу?

— При необходимости — да. Но я хочу надеяться, что мне не нужно будет прибегать к этой крайности.

— Все ясно,— невозмутимо произнес Кау-джер,— по правде говоря, я ожидал чего-нибудь в этом роде... Но это неважно! Вопрос поставлен ребром, и, поскольку в таком серьезном деле нельзя действовать необдуманно, вы, полагаю, дадите мне время на размышление?

— Буду ждать вашего решения, господин губернатор,— ответил офицер.

Снова отдав честь, он четко повернулся налево кругом и направился к двери. Но она оказалась запертой снаружи. Чилиец опять обратился к Кау-джеру и нервно спросил:

— Это западня?

— Разрешите считать ваш вопрос шуткой,— иронически ответил Кау-джер. — Кто устроил западню? Разве не тот, кто в мирное время вторгся в дружественную страну с оружием в руках?

Чилиец слегка покраснел.

— Вам ведь известны, господин губернатор,— сказал он с явным смущением,— причины, вызвавшие то, что вам угодно назвать вторжением. Ни мое правительство, ни я сам не можем согласиться с подобным истолкованием самых простых событий.

— Вы в этом уверены? — осведомился Кау-джер совершенно спокойным тоном.— Хватит ли у вас совести поручиться честным словом, что Чилийская республика не преследует никакой другой цели, кроме указанной в официальном послании? Военный гарнизон может с одинаковым успехом и защищать и угнетать страну. А разве войска, которые вы намерены разместить на острове Осте, не окажут поддержку правительству Чили, если оно когда-нибудь вздумает нарушить договор от 26 октября 1881 года, давший нам независимость?

Офицер покраснел еще сильнее.

— Мне не подобает,— возразил он,— обсуждать приказы начальства. Мой долг только слепо выполнять их.

— Разумеется,— подтвердил Кау-джер,— но мне также надлежит выполнить свой долг, заключающийся в охране интересов остельской колонии. Поэтому я должен хорошо обдумать, как поступить, чтобы не нарушить эти интересы.

— Разве я возражаю против этого? — воскликнул чилийский офицер.— Будьте уверены, господин губернатор, я буду ожидать вашего решения столько времени, сколько вам потребуется.

— Дело не в этом,— ответил Кау-джер,— а в том, что вам придется ожидать здесь.

— Здесь? Значит, вы считаете меня пленником?

— Именно так,— подтвердил Кау-джер.

Офицер пожал плечами.

— Вы забываете,— заявил он, сделав шаг к окну,— что стоит мне отдать приказ...

— Попробуйте! — прервал его Кау-джер, преграждая ему путь.

— Кто же мне помешает?

— Я.

Они пристально посмотрели друг другу в глаза, как бойцы, готовые вступить в рукопашную схватку. Прошло немало времени, прежде чем чилиец отступил. Он понял, что, несмотря на свою относительную молодость,

ему не одолеть этого высокого, атлетически сложенного старика, невольно подавляющего своей величественной осанкой.

— Вот так,— закончил разговор Кау-джер.— Лучше вернитесь-ка на место и подождите моего ответа.

Оба они продолжали стоять. Неподалеку от двери — офицер, старавшийся, несмотря на беспокойство, держаться непринужденно. Прямо против него, в простенке между двумя окнами,— Кау-джер, погружившийся в такое глубокое раздумье, что, казалось, совершенно забыл о присутствии офицера. Хладнокровно и методично анализировал он неожиданно возникшую перед ним проблему.

Прежде всего, какую цель преследует Чили? Она слишком очевидна. Напрасно чилийское правительство ссылалось на необходимость прекращения беспорядков на острове. Это был лишь повод. Протекторат, навязываемый насильно, слишком похож на аннексию — тут трудно ошибиться. Но почему Чили вдруг понадобилось нарушить свои обязательства? Очевидно, из-за каких-то корыстных побуждений. Чем же прельстил его остров Осте? Само по себе процветание колонии не могло вызвать такой резкий поворот политики чилийского правительства. Несмотря на все успехи, достигнутые колонистами, Чилийская республика никогда не выражала сожалений, отказавшись от своих прав на этот прежде совершенно дикий край. Впрочем, ей не приходилось раскаиваться в великодушном поступке. В силу сложившихся условий развивавшаяся колония превратилась в главный рынок сбыта Чили.

Но с открытием месторождения золота обстоятельства изменились. Когда стало известно, что в недрах острова Осте таятся сокровища, Чили захотелось получить свою долю. Все было ясно.

Впрочем, сейчас не время устанавливать причины, изменившие политику Чили. Колонии предъявили четкий ультиматум, и следовало дать на него надлежащий ответ.

Сопротивляться?.. А почему бы нет? Кау-джера не пугали ни солдаты, выстроившиеся на площади, ни военный корабль, красовавшийся перед Новым поселком. Даже если на судне находились еще войска, они — сколько бы их ни было! — в конечном счете никак не могли рас-

считывать на победу. Конечно, корабль может дать по Либерии несколько залпов. А дальше? Боеприпасы кончатся, и ему придется сняться с якоря... если допустить, что все три остельские пушки не причинят кораблю никаких серьезных повреждений.

Нет, в самом деле, сопротивление можно было бы оправдать. Но оно означало бы опять сражение... кровопролитие... Неужели Кау-джеру предстоит вновь оросить кровью эту землю, которая—увы!—уже напиталась ею? И во имя чего? Для защиты независимости остельцев? Да разве они могут быть независимы, эти люди, так покорно отдавшие себя во власть правителя?.. Для какой же цели?.. Стоят ли его личные заслуги того, чтобы ради них погубить столько человеческих жизней? С тех пор как к нему перешло управление колонией, чем он отличался от прочих тиранов, взявших на откуп всю вселенную?

Так размышлял Кау-джер, когда чилиец, устав от ожидания, тихонько кашлянул. Губернатор жестом успокоил его и вернулся к своим мыслям.

Нет, он оказался не лучше и не хуже тиранов, существовавших во все времена, потому что власть над людьми накладывает такие обязательства, которых никто не может избежать. И хотя намерения его были всегда самыми гуманными, а поступки — совершенно бескорыстными, это ничуть не помешало ему совершить те же преступления, в которых он обвинял всех прочих властителей земли. Будучи приверженцем свободы — он повелевал другими; сторонник равенства — он судил себе подобных; миролюбец — он воевал; философ-альтруист — он истреблял людей; а его отвращение к кровопролитию привело лишь к тому, что он залил кровью весь остров.

Кау-джер не совершил ни единого поступка, который бы не противоречил его принципам и не доказал бы по всем пунктам несостоятельность его теорий.

Первым доказательством этого послужило нашествие патагонцев. Кау-джеру пришлось сражаться и убивать. Когда же Паттерсон продемонстрировал всю низость, всю подлость человеческой природы, губернатор был вынужден взять себе право распорядиться частью земли, как своей личной собственностью. И, подобно тем, кого он называл тиранами, он судил, выносил приговор, высылал!..

Второе доказательство — открытие месторождений золота. Тысячи проходивцев, вторгшихся на остров, лишний раз подтвердили схожесть характеров различных наций в погоне за обогащением. Против них Кау-джер мог применить только давно испытанные средства: власть, насилие, убийство. По его приказу пролились потоки человеческой крови.

И, наконец, третьим доказательством явился категорический ультиматум Чилийского государства.

Неужели Кау-джеру вновь придется призвать колонистов к войне, может быть еще более кровавой, чем прежние битвы? И ради чего? Чтобы сохранить остельцам правителя, в общем ничем не отличающегося от властителей всех времен и народов? Любой другой на месте Кау-джера поступал бы точно так же, и кто бы ни оказался его восприемником, он применит теперь те же самые способы, которые пришлось бы использовать самому Кау-джеру.

А если так, стоит ли сопротивляться?

И, кроме всего, он чувствовал смертельную усталость. Кау-джер не мог забыть массового убийства, совершенного по его приказу. Перед его глазами все время, как наваждение, высились горы трупов. С каждым днем, словно под грузом мучительных воспоминаний, сгибался его высокий стан, тускнел взгляд, притуплялась мысль. Силы покидали тело атлета и сердце героя. Кау-джер больше не мог выдержать. С него довольно!

Вот в какой тупик он зашел!

В смятении проследил он свой долгий жизненный путь, усеянный обломками теорий, составлявших его моральные устои. Ради них он пожертвовал всей своей жизнью... И все это превратилось в ничто. Душа его была опустошена.

Что же делать? Умереть? Да, это было бы самым последовательным, и все же он не мог решиться на такой шаг. Не потому, что боялся смерти — его ясному и твердому уму смерть представлялась вполне естественным явлением, — но все его существо протестовало против поступка, произвольно сокращающего человеческую жизнь. Подобно добросовестному работнику, который не бросает работу незавершенной, этот необыкновенный человек ощущал жгучую потребность прожить жизнь до конца.

Но разве нельзя было примирить эти противоречия?

Вдруг Кау-джер как будто вспомнил о присутствии чилийского офицера, который едва сдерживал нетерпение.

— Сударь,— сказал он,— вы только что грозили мне применением силы. Имеете ли вы представление об остельской армии?

— Вашей армии? — удивленно повторил офицер.

— Судите сами,— ответил Кау-джер, показав своему собеседнику на окно.

Перед ними расстилалась площадь. Против управления стояли строем сто пятьдесят чилийских солдат вместе со своими командирами. Они находились в весьма критическом положении, так как их окружало более пятисот остельцев с заряженными ружьями.

— Сегодня в нашей армии насчитывается пятьсот ружей,— спокойно пояснил Кау-джер.— Завтра их будет тысяча. Послезавтра — полторы тысячи.

Чилиец побледнел. Видимо, его миссия провалилась! Он попал в настоящее осиное гнездо! Однако он сделал попытку как-нибудь выйти из неприятного положения.

— Наш крейсер...— начал он неуверенным тоном.

— Крейсер нам не страшен,— прервал его Кау-джер,— мы не боимся ваших пушек — у нас они тоже имеются.

— Чили...— пытался продолжать офицер, не желая признать свое поражение.

— Да,— снова прервал его Кау-джер.— У Чили есть еще и корабли и солдаты. Это понятно. Но есть ли смысл использовать их против нас? Не так-то просто овладеть островом, где в настоящее время живет более шести тысяч человек. Не говоря уже о том, что высаженные вами на берег солдаты вполне могут стать заложниками.

Офицер молчал. Кау-джер добавил значительным тоном:

— И, наконец, известно ли вам, кто я?

Чилиец вопросительно взглянул на своего противника, оказавшегося таким опасным. Видимо, во взоре Кау-дже-ра он прочел красноречивый ответ на свой немой вопрос, и растерянность его еще усилилась.

— Что вы хотите сказать? — смущенно произнес он.— Лет двенадцать-тринадцать назад, после возвращения

«Рибарто», капитан которого узнал вас, пошли разные слухи... Но они как будто оказались ложными, поскольку вы сами сразу же опровергли их...

— Они были обоснованны,— сказал Кау-джер.— Но если я тогда, да и теперь, все еще считаю удобным для себя забыть свое настоящее имя, то вы поступите разумно, вспомнив его. Это позволит вам сделать вывод, что я в состоянии обеспечить Остельскому государству поддержку, достаточно могущественную, дабы заставить призадуматься ваше правительство.

Офицер ничего не ответил. Вид у него был совершенно подавленный.

— Теперь вы понимаете,— продолжал Кау-джер,— что я в состоянии не просто уступить силе, но договориться с вами на равных началах?

Чилиец встрепнулся. «Договориться»? Не ослышался ли он?.. Неужели злополучная авантюра может завершиться благополучно?

— Остается только выяснить,— снова заговорил Кау-джер,— насколько это осуществимо и какими полномочиями вы располагаете?

— Самыми широкими,— поспешно ответил чилийский офицер.

— В письменном виде?

— Разумеется.

— В таком случае соблаговолите предъявить их мне,— спокойно произнес Кау-джер.

Офицер, вынув из внутреннего кармана второй конверт, протянул его Кау-джеру.

— Вот они,— сказал он.

Если бы Кау-джер беспрекословно уступил по первому же требованию, он никогда бы не узнал об этом документе, который сейчас так внимательно изучал.

— Все в полном порядке,— заявил он,— следовательно, ваша подпись может гарантировать все принимаемые Чилийским государством на себя обязательства... Хотя ваше присутствие на острове Осте убедительно доказывает их непрочность.

Чилиец закусил губы. Наступило молчание. Кау-джер усмехнулся:

— Поговорим начистоту. Чилийская республика желает восстановить свои суверенные права на остров Осте.

Я мог бы воспрепятствовать этому. Но я соглашаюсь и только ставлю свои условия.

— Слушаю вас,— ответил офицер.

— Во-первых, правительство Чили обязуется не вводить никаких налогов на острове Осте, за исключением тех, что связаны с добычей золота. В данном вопросе Чили может поступать так, как ему заблагорассудится, и установить любые отчисления в свою пользу.

Чилиец не верил своим ушам. Оказывается, вот так, совершенно просто и безоговорочно, Кау-джер соглашается на самое трудное в полученном им задании! Остальное-то образуется само собой...

Кау-джер продолжал:

— Суверенные права Чили должны ограничиваться взиманием налогов на добытое золото. Во всем остальном остров Осте сохраняет полную автономию, а также свой флаг. Чили может прислать сюда резидента только при условии, что тот получит лишь право совещательного голоса, а фактическое управление островом будет осуществляться выборным комитетом и губернатором, назначенным мною.

— Губернатором, несомненно, будете вы? — осведомился офицер.

— Нет,— ответил Кау-джер,— мне нужна свобода — полная, неограниченная, абсолютная. Кроме того, я настолько же устал повелевать, насколько неспособен подчиняться. Поэтому я удалюсь, оставив право избрать себе восприемника.

Чилийский офицер внимательно слушал эти неожиданные для него заявления. Неужели горькое разочарование, звучавшее в словах Кау-джера, было искренним? Неужели губернатор ничего не потребует лично для себя?

— Моего восприемника зовут Дик,— продолжал тот печально, после краткого молчания,— фамилии у него нет. Он молод, ему едва исполнилось двадцать два года. Но я воспитал его сам и полностью полагаюсь на него. Только ему одному доверяю я управление остельской колонией. Таковы мои условия.

— Принимаю их,— заявил чилиец, радуясь победе, одержанной по главному пункту.

— Что ж, прекрасно,— закончил Кау-джер,— я изложу наш договор в письменном виде.

И он принялся за работу. Потом оба подписали договор в трех экземплярах.

— Один экземпляр — вашему правительству, — объяснил Кау-джер. — Второй — моему восприемнику. Третий же я оставляю себе. Если содержащиеся в договоре обязательства будут нарушены, я сумею — можете в этом не сомневаться! — обеспечить их выполнение... Но это еще не все, — добавил он, представив собеседнику еще один документ. — Осталось еще оформить мое личное положение. Будьте любезны взглянуть на этот второй договор, определяющий мое будущее в соответствии с моими желаниями.

Чилийский офицер повиновался. По мере того как он читал, на его лице отражалось все большее удивление.

— Как! — воскликнул он, закончив чтение. — Вы всерьез предлагаете это?

— Настолько всерьез, — ответил Кау-джер, — что даже ставлю это как *conditio sine qua non*¹ для согласия по всем остальным пунктам нашего договора. Принимаете ли вы это условие?

— Принимаю, — подтвердил чилиец.

Оба скрепили подписями второй договор.

— Переговоры закончены, — сказал Кау-джер. — Отправьте ваших солдат обратно на корабль. Ни под каким предлогом чилийские вооруженные силы не должны появляться на острове Осте. Завтра же можно будет ввести новый порядок. Я сделаю все, чтобы не возникло никаких осложнений. А до тех пор требую сохранения абсолютной тайны.

Оставшись один, Кау-джер тотчас же вызвал Кароли. Пока его искали, губернатор написал короткую записку и вложил ее в конверт вместе с одним экземпляром только что подписанного договора. Потом составил небольшой список самых различных предметов. Все это заняло лишь несколько минут и было закончено задолго до прихода Кароли.

— Погрузи на «Уэл-Киедж» все, что здесь перечислено, — приказал Кау-джер, протянув Кароли список, в котором, помимо продуктов и одежды, значились порох, пули и всевозможные семена.

¹ Непременное условие (лат.).

Несмотря на привычку к слепому повиновению, индеец не мог удержаться от вопросов. Значит, Кау-джер собирается путешествовать? Почему же тогда не воспользоваться вместо старой шлюпки портовым катером? Но на его вопросы Кау-джер ответил только одним словом:

— Повинуйся!

Когда Кароли ушел, Кау-джер приказал позвать Дика.

— Сын мой,— сказал он, отдавая ему только что запечатанный конверт,— вот документ, который предназначен тебе. Завтра на заре ты вскроешь конверт.

— Будет исполнено,— коротко ответил Дик.

Он ничем не выдал своего удивления. Теперь Дик умел владеть собою. Он получил приказ. Приказы выполняются не рассуждая.

— Хорошо,— сказал Кау-джер,— а теперь иди, мальчик, и точно следуй всем моим указаниям.

После ухода Дика Кау-джер подошел к окну и поднял штору. Долго смотрел он вдаль, как бы желая навсегда запечатлеть в памяти все, что уже не суждено ему было более увидеть. Перед ним расстилалась Либерия, за нею — Новый поселок, а еще дальше — высились мачты кораблей, стоявших в порту. Вечерело. Рабочий день заканчивался. Оживилось движение на дороге, ведущей из Нового поселка. Затем в сгущавшихся сумерках загорелись огни в окнах домов. Этот город, эта кипучая трудовая жизнь, благополучие — все было создано им. Перед мысленным взором Кау-джера предстало все, что он здесь пережил, и его усталое сердце преисполнилось гордостью.

Наконец настало время подумать и о себе. Не колеблясь он покинет этих людей, превращенных им в богатый, счастливый и сильный народ. Вместо одного правителя у них будет другой — остельцы могут даже не заметить этого события. Но сам Кау-джер умрет так же, как и жил, — свободным!

Он не станет омрачать прощанием свой отъезд, приносящий ему освобождение. К чему? Уже второй раз он уходит от человечества... И снова Кау-джер почувствовал, как его сердце переполняется любовью, необъятной как мир, той неискоренимой любовью, которая не нуждается в таких ребяческих поступках, как прощание,

Близились ночь. Подобно отяжелевшим векам, смыаемым сном, закрывались ставни в окнах, медленно гасли огни. Наконец стало совсем темно.

Кау-джер вышел из управления и направился к Новому поселку. Дорога была пустынна. Он не встретил ни единой души.

«Уэл-Киедж» покачивалась на волнах у набережной. Кау-джер вскочил в нее и оттолкнулся от берега. Посреди бухты чернел силуэт чилийского корабля. Как раз в этот момент там отбивали склянки. Кау-джер вывел шлюпку на чистую воду и поднял парус.

«Уэл-Киедж» встрепенулась, сделала разворот и вырвалась за пределы порга. Там ее подхватил свежий северо-западный бриз. Кау-джер задумчиво сидел у руля, прислушиваясь к мелодичному плеску волн о борта шлюпки.

Когда он обернулся, было уже поздно. Спектакль окончился, занавес опустился. Новый поселок, Либерия, остров Осте исчезли в ночи. Все это ушло в прошлое...

15. С НОВА ОДИНОК!

Дик, точно следуя указаниям Кау-джера, при первых же проблесках зари вскрыл полученный конверт. В нем находилось письмо:

Сын мой!

Я устал от жизни и хочу покоя. Когда ты прочтешь эти строки, я уже навсегда покину колонию. Вручаю тебе ее судьбу. Хотя ты молод для этой задачи, но я знаю, что ты справишься с нею.

Строго выполняй договор, заключенный мною с Чили, но требуй неукоснительного выполнения его и другой стороной. Нет никаких сомнений в том, что, когда запасы золота иссякнут, чилийское правительство само откажется от чисто формальных суверенных прав.

По этому договору остельская колония временно лишается мыса Горн, переходящего в мою личную собственность. Там я намереваюсь жить и умереть. Остров будет возвращен колонии после моей смерти. Если Чили нарушит свои обязательства, ты вспомнишь о моем ме-

стопребывании. Но, за исключением этого случая, ты должен вычеркнуть меня из памяти. Это не просьба, а приказ. Последний!

Прощай! Пусть в твоей жизни будет только одна цель — Справедливость. Одна ненависть — Рабство. Одна любовь — Свобода.

В ту минуту, когда потрясенный Дик читал завещание человека, которому был стольким обязан, тот, отягощенный мучительным раздумьем, все плыл и плыл, удаляясь от острова Осте, и вскоре затерялся на бескрайних морских просторах.

Но вот заря обогрела небосвод. Первые золотые лучи пробежали по трепещущей глади океана. Кау-джер поднял голову и окинул взглядом горизонт. Вдали, на юге, в свете расцветающего утра показался остров Горн. Кау-джер жадно вглядывался в вившийся над ним легкий дымок. Это было его последнее путешествие, эпилог его жизненного пути.

К десяти часам утра он пристал к берегу в глубине маленькой бухты, куда не достигал прибой. Сойдя на землю, он сразу же выгрузил все свое имущество. На это ушло лишь полчаса.

Тогда, стремясь поскорее избавиться от тяжелой и мучительной обязанности, Кау-джер сильным ударом топора пробил дно шлюпки. В пробойну хлынула вода. «Уэл-Киедж» покачнулась, будто раненое насмерть живое существо... накренилась на левый борт... и медленно погружилась в морскую пучину. Кау-джер с болью в сердце смотрел, как она тонет. При виде искалеченной шлюпки, сослужившей ему добрую и долгую службу, он ощущал такой стыд, такое раскаяние, точно погубил что-то живое. Уничтожив лодку, он словно уничтожил все свое прошлое. Порвалась последняя нить, связывавшая его с остальным миром.

День ушел на переноску привезенных вещей и на осмотр новых владений. На маяке все было закончено: фонарь и машины готовы к действию, помещение обставлено мебелью. Благодаря большим запасам продовольствия, множеству морских птиц и привезенным семенам, которые Кау-джер собирался посеять в расщелинах скалы, не могло быть и речи о голоде.

Под вечер, закончив все дела, он вышел из дому. Неподалеку от порога лежала груда камней, оставшихся после кладки фундамента. Один камень, валявшийся на самом краю площадки, привлек внимание Кау-джера. Если подтолкнуть его ногой, он скатился бы в море.

Кау-джер подошел ближе. И вдруг его взгляд загорелся ненавистью и презрением... Действительно, этот камень, исчерченный блестящими прожилками, был золотоносным кварцем. Возможно, в нем заключалось целое состояние, которое в свое время рабочие не сумели распознать. И вот он валялся тут как простой булыжник...

Итак, даже здесь проклятый металл преследовал Кау-джера!.. Ему снова припомнились все несчастья, обрушившиеся на остров Осте: безумие колонистов, нашествие бродяг со всех концов света... Голод... нищета... разорение...

Покачав головой, Кау-джер столкнул огромный самородок в морскую бездну и направился к крайней оконечности мыса Горн.

Невдалеке высилась стройная башня с фонарем на вершине, откуда сейчас впервые засияет мощный луч света, указывающий кораблям верный путь.

Кау-джер повернулся к морю и обвел глазами горизонт.

Однажды вечером он уже побывал здесь, на границе обитаемой земли. В тот вечер среди бури раздавалось зловещее грохотание пушки «Джонатана», терпевшего бедствие и безнадежно взывавшего о помощи... Какое тяжкое воспоминание!.. С тех пор прошло уже тринадцать лет...

Но сегодня горизонт был пустынным. Повсюду, насколько хватал взгляд, простирался величавый океан. И если бы даже Кау-джер смог пронизать взором недоступное ему пространство, он все равно не увидел бы ни единого живого существа. Там где-то, далеко-далеко отсюда, лежала таинственная Антарктика, мертвый мир, край сплошных льдов.

Что ж, он достиг своей цели и нашел пристанище. Но каким роковым путем пришел он к нему!.. Однако Кау-джер не испытывал страданий, свойственных людям. В своих переживаниях он сам оказался и мучителем и жертвой. Вместо того чтобы кончать жизнь на этой ска-

ле, затерянной в водяной пустыне, он мог бы в любой момент стать одним из тех счастливцев, которым завидуют все,— одним из сильных мира сего, перед которыми склоняются головы... И все же он здесь.

Правда, нигде в другом месте, кроме этой голой скалы, у него не хватило бы сил нести дальше жизненное бремя. Ведь самые тяжкие драмы разыгрываются в сознании людей; и для тех, кто их пережил и вышел из них опустошенным, разбитым, лишенным тех устоев, на которых зиждилась вся прежняя жизнь, нет иного исхода, как смерть или одиночество. Кау-джер избрал одиночество. Эта скала стала для него настоящей кельей со стенами из воздуха и воды...

В конце концов, его участь стоила любой другой. Мы умираем, но дела наши продолжают жить, увековеченные теми силами, которые мы вызвали в себе. Мы оставляем на жизненном пути неизгладимые следы. Все, что происходит, предопределено предшествующими событиями, и будущее — не что иное, как неведомое для нас продолжение прошлого.

Каково бы ни было будущее, все равно творение Кау-джера никогда не погибнет.

Так размышлял Кау-джер, засгыв на вершине скалы, неподвижный и величественный, словно статуя. Освещенный лучами заходящего солнца, он созерцал беспрдельное пространство, где, вдали от всех и нужный всем, будет отныне жить — навеки свободный и одинокий.

РОМАНЫ ЖЮЛЯ ВЕРНА «ЖАНГАДА» И «КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ «ДЖОНАТАНА»

1

Жизнь Жюль Верна, небогатая внешними событиями, была заполнена всепоглощающим творческим трудом. Каждая новая книга была новой вехой на его жизненном пути. Шестьдесят пять романов, образующих гигантскую серию «Необыкновенных путешествий», — главный труд его жизни. Не прерывая работы над романами, он написал еще шеститомную «Историю великих путешествий и великих путешественников», где художественный вымысел уступает место подлинным фактам — изложению истории в действительности осуществленных географических подвигов. Кроме того, перу Жюль Верна принадлежат драмы и комедии, повести, рассказы и очерки. В общей сложности он написал за свою долгую жизнь более ста томов.

Не многие писатели получали такое быстрое и безоговорочное признание. Уже первые романы принесли ему мировую известность. После выхода во Франции книги Жюль Верна немедленно переводились на разные языки и распространялись по всему свету.

Современники поняли и по достоинству оценили значение его новаторского труда.

Один из самых содержательных и глубоких отзывов принадлежит Андре Лори, ученику и последователю Жюль Верна, написавшему с ним в соавторстве роман «Найденый с погибшей «Цинтии».

Андре Лори так оценил его творческий подвиг:

«И до него были писатели, начиная от Свифта и кончая Эдгаром По, которые вводили науку в роман, но использовали ее главным образом в сатирических целях. Еще ни один писатель до Жюль Верна не делал из науки основы монументального произведения, посвященного изучению Земли и Вселенной, промышленного прогресса, результатов, достигнутых человеческим знанием, и предстоящих завоеваний. Благодаря исключительному разнообразию подробностей и деталей, гармонии замысла и выполнения его романы составляют единый и целостный ансамбль, и их распространение на всех языках земного шара еще при жизни автора делает его труд еще более удивительным и плодотворным».

«Необыкновенные путешествия», взятые в целом, представляя собой научно-художественную географическую энциклопедию для юношества. И не только географическую! Трудно назвать такую отрасль знаний, которой не касался бы в своих книгах Жюль Верн.

Наука и ее практическое применение в прошлом, настоящем и будущем — одна из важнейших тем его творчества. Открытия и изобретения, которые еще не вышли из стен лабораторий или толь-

ко намечались в отдаленной перспективе, он рисовал как уже существующие и действующие.

Фантазия писателя опережала реальные возможности науки и техники по крайней мере на полвека.

Искусственные спутники Земли и межпланетные перелеты, кругосветные путешествия под водой и в воздухе, освоение Арктики и завоевание обоих полюсов, всестороннее использование электрической энергии, орошение бесплодных пустынь, синтетические пищевые продукты, звуковое кино, фототелефон — десятки фантастических замыслов, открытий, проектов, изобретений осуществлялись на страницах его книг.

Жюль Верн создал реалистическую научную фантастику, вырастающую из успехов науки его времени. Он воплощал в живых художественных образах не сказку-мечту, а мечту научную, реальную, мечту своего века. Он открыл читателям поэзию науки, романтику познания, красоту созидательного труда. Научно-фантастические романы и определили его новаторскую роль в литературе. Но это далеко не единственный вид романа в серии «Необыкновенных путешествий». Жюль Верн довел до высокого совершенства художественную форму приключенческого повествования, обогатив его познавательным материалом и подчинив задачам популяризации естественно-научных знаний.

Вместе с новым романом в литературу вошел и новый герой — рыцарь науки, инженер, изобретатель, исследователь, готовый ради своей высокой цели совершить любой подвиг, пойти на любую жертву. Нередко герой-ученый выступает и как борец за свободу. Таков, например, капитан Немо

В XX веке наука опередила даже самые смелые жюль-верновские фантазии. То, что его современникам казалось несбыточной мечтой, для нас давно уже стало вчерашним днем.

Жизнь сильнее вымысла. Если ты знаешь, что человек может за полчаса часа облететь земной шар, то величина Земли и течение времени кажутся уже иными. Космическая эра, на пороге которой мы находимся, сместила все привычные представления. После запуска первого искусственного спутника безнадежно устарели многие фантастические книги, написанные еще сравнительно недавно. В них нечему больше удивляться!

Что же тогда говорить о романах Жюль Верна? «Наутилус» и «Альбатрос» не могут теперь вскружить голову ни одному школьнику. Любой мальчуган запросто объяснит, почему нельзя отправиться на Луну в пушечном ядре.

Научные идеи Жюль Верна устарели, но его книги продолжают жить. Они выходят всё новыми и новыми изданиями и читаются во всем мире. Международная библиографическая статистика показывает, что по количеству переводов на иностранные языки французский романист занимает четвертое место среди писателей всех времен и народов.

Чем же объяснить секрет вечной молодости «Необыкновенных путешествий»?

Прежде всего тем, что Жюль Верн был талантливым беллетристом, а настоящий талант не стареет.

Могучая фантазия, неистощимая выдумка, мастерство рассказчика, живой юмор, легкость изложения соединяются в его книгах

с прекрасными географическими описаниями и разнообразными фактическими сведениями, сохраняющими познавательную ценность. Бросая читателя в водоворот небывалых событий, искусно драматизируя действие, Жюль Верн поддерживает напряженный, неослабевающий интерес к изображаемым событиям и вызывает сочувствие к отважным героям, неуклонно стремящимся к своей цели, невзирая на бесконечные препятствия.

Герои Жюль Верна продолжают жить и действовать. Они по-прежнему будоражат воображение, будят творческие мечты, заставляют спорить и восхищаться, увлекают оптимизмом, ясной верой в торжество разума и науки, которая «преобразит мир и людей, когда будет служить народу».

2

Осенью 1880 года Жюль Верн вручил своему издателю Этцелю рукопись «Жангады» — двадцать второго романа из серии «Необыкновенных путешествий». По заведенному порядку очередной роман был опубликован на страницах «Иллюстрированного журнала воспитания и развлечения», а затем вышел в свет одновременно в двух изданиях — дешевом и подарочном.

Писатель, поглощенный работой над новым произведением, и думать забыл о «Жангаде», когда получил письмо от своего приятеля, профессора Мориса д'Оканя, узнавшего, что одному студенту Политехнической школы удалось прочесть криптограмму, на которой держится весь замысел «Жангады».

Роман еще печатался в журнале, и потому было не поздно исправить досадную оплошность. Жюль Верн спешно подготовил для отдельного издания более сложную перестановку букв, гарантирующую от преждевременного прочтения документа. Не довольствуясь этим, он специально поехал в Париж, чтобы установить на месте, каким образом студенту удалось разгадать шифр.

Неожиданная находка таинственного документа, от правильного прочтения которого может зависеть дальнейшая судьба и даже жизнь героя — один из излюбленных художественных приемов Жюль Верна.

Из старинной пергаментной рукописи на древнеисландском языке профессор Лиденброк узнаёт о существовании прохода к «центру» Земли. Попорченное сыростью письмо, оказавшееся в бутылке, извлеченной из брюха акулы-молот, наводит на след без вести пропавшего капитана Гранта. Пойманный почтовый голубь с шифрованной запиской раскрывает австрийским властям секрет заговора Матиаса Шандора¹, и т. п.

Каждый из этих таинственных документов составлен очень умело. Читатель ни в коем случае не должен найти ключ к шифру без подсказки самого автора, иначе пропадет весь эффект! Биографы сообщают, что Жюль Верн изучал специальные труды, посвященные криптографии и тайнописи, любил составлять и разгадывать всевозможные головоломки, ребусы, шарады, логогрифы, считая такую ра-

¹ Речь идет о романах «Путешествие к центру Земли» и «Дети капитана Гранта», «Матиас Шандор».

боту полезной тренировкой ума и памяти. Среди бумаг писателя было найдено несколько тысяч подобных «сочинений», выполненных на профессиональном уровне.

Пожалуй, ни в каком другом произведении Жюль Верна шифрованный документ не составлен столь замысловато, как в «Жангаде». История его расшифровки и объяснение кода занимают несколько глав, бесспорно самых увлекательных в романе.

Жоам Дакоста, много лет скрывавшийся от бразильских властей под вымышленным именем Гарраля, обвиняется в тяжком преступлении, к которому он не был причастен. Рокковое стечение обстоятельств делает его жертвой правосудия. Он не может отвести улики и не в состоянии доказать свое алиби. Если документ, содержащий предсмертную исповедь одного из участников преступления, не удастся вовремя прочесть, Жоам будет повешен. И даже судья Жаррикес, убежденный в его невиновности, не в силах отсрочить казнь. Расшифровкой письма занимаются все жители города Манауса, члены семьи и друзья осужденного. Но шифр до того запутан, что загадка кажется неразрешимой.

Проницательный Жаррикес, искушенный в криптографии не хуже самого Жюль Верна (автор передал ему собственное увлечение), безуспешно испытывает разные способы раскрытия кода, пользуясь аналитическим методом Эдгара По. Американский писатель подробно изложил свой метод в повести «Золотой жук», которую судья Жаррикес признает не только образцовым художественным произведением, но и незаменимым руководством по криптографии. Однако даже Эдгар По не подсказал Жаррикесу единственно возможного решения. И если бы судью случайно не навел на правильную мысль неунывающий цирюльник Фрагозо, невиновность Жоама Дакосты так бы и не была доказана ..

Ремесло цирюльника, кипучий темперамент да и само имя Фрагозо заставляют вспомнить Фигаро — героя бессмертных комедий Бомарше, которого Жюль Верн считал своим первым учителем на поприще драматургии, так же как Эдгара По — ближайшим предшественником в области научной фантастики.

Фрагозо — комедийный образ. Его забавные шутки и неистощимое остроумие вносят в роман жизнерадостный народный юмор. Подобные же персонажи встречаются и в других книгах Жюль Верна. Доктора Фергюссона в полете над Африкой сопровождает преданный Джо; Филеаса Фогга в кругосветном путешествии — вездесущий паспарту; профессора Аронакса в подводном плавании — верный Консель; Сайреса Смита — добродушный Наб, и т. д. Все они, не исключая и Фрагозо, напоминают веселых разбитных слуг из французской классической комедии.

В молодые годы Жюль Верн прошел театральную выучку под руководством Александра Дюма. Опыт драматурга сказывается и в композиции его романов, и даже в группировке действующих лиц. Обычные персонажи французской комедии — две пары влюбленных, пожилые родители, верный друг или родственник главного героя, коварный злодей, не устающий строить козни, — могут быть узнаны и в «Жангаде».

Рядом с Фрагозо — хорошенькая мулатка Лина, скорее подруга, чем горничная сеньориты Миньи, дочери Жоама Гарраля. Фрагозо

с Линой и Минья со своим женихом Манозлем Вальдесом составляют две пары влюбленных, Жоам с Якитой — традиционную супружескую чету Их сын Бенито, исполняющий во время путешествия роль гида, делает все возможное, чтобы защитить отца от происков злодея Торреса. Если упомянуть еще старую служанку Сибелу и лоцмана Араужо, будет очерчен основной круг действующих лиц.

Характеры героев заранее заданы. Их взаимоотношения обусловлены сценическими канонами. В этом смысле ничего нового Жюль Верн не придумал. Но, как всегда, его выручает незаурядное мастерство рассказчика, умение построить неожиданный, захватывающий интересный сюжет, подчиненный научно-просветительному замыслу. В данном случае — описанию экзотической природы, своеобразного быта и нравов многонационального населения Бразилии.

Богатый фазендер (владелец плантации) Жоам отличается душевным благородством и безупречной честностью. Однако он не решился открыть жене и детям свое прошлое. Для всех окружающих он — Гарраль, а не Дакоста, и никто не знает о вынесенном ему двадцать три года назад смертном приговоре. Согласившись выдать свою дочь за врача беленского гарнизона (город Белен находится в устье Амазонки), Жоам не может противиться желанию жениха устроить свадьбу в доме его родителей.

Фазенда Гарраля расположена неподалеку от перуанского селения Икитос — в верхнем течении Амазонки. От Икитоса до Белена восемьсот лье (3200 километров) речного пути. При отсутствии пароходов жангада — огромный плот, своего рода плавучая деревня, из цельных стволов — самый удобный и безопасный способ сообщения. Кроме того, это путешествие с лихвой окупится: строевой лес, срубленный для плота, можно будет продать в Белене. Казалось бы, все ясно. Но Жоам Гарраль колеблется. К удивлению домочадцев, он не сразу дает согласие построить жангаду и пуститься всей семьей, в сопровождении многочисленных слуг, вниз по Амазонке.

С первых же страниц возникает предчувствие тревожных событий. Появление зловещего Торреса с шифрованным письмом, а затем непонятные колебания Гарраля завязывают узел интриги, который стягивается все туже по мере развития действия.

Автор сразу же дает понять, что Гарраль и Торрес — антагонисты. Нельзя усомниться в отличных человеческих качествах почтенного фазендера, равно как и в низменных побуждениях прожженного авантюриста, хотя читатель еще не знает, почему Жоам не в восторге от предстоящего путешествия и почему Торрес читает со злорадством шифрованное письмо.

Какого сорта эта личность, показывает его постыдная профессия, оставшаяся в наследство от испанского и португальского владычества. Торрес — охотник за беглыми неграми. Несчастных рабов, скрывавшихся от жестоких плантаторов в амазонских дебрях, травил псами, вылавливали и доставляли владельцам так называемые «лесные стражники». Вербовались они из подонков общества. В ту пору, когда оба американских континента были уже охвачены abolitionистским движением, заниматься охотой на людей соглашались лишь отпетые негодяи. Принадлежность к этой малопочетной профессии уже сама по себе говорит о низости Торреса. И если ему повезло узнать тайну Жоама Гарраля, то он, конечно, не пе-

ред чем не остановится, чтобы извлечь для себя максимальную выгоду.

Такова экспозиция романа. Читатель с нетерпением ждет, что будет дальше, а Жюль Верн не торопится удовлетворить его любопытство. Пока жангада спускается по течению Амазонки, путешественники знакомятся с историей географических исследований и колонизации Бразилии, с обычаями индейских племен и населением прибрежных городов, с животным и растительным миром этой богатейшей страны, где большая часть аборигенов была уничтожена португальскими завоевателями.

Но как только Торрес где-то на середине пути оказывается в числе пассажиров жангады и пытается сначала хитростью, а потом шантажом и угрозами добиться желаемого — стать мужем Миньи и наследником Жоама, — темп повествования убыстряется, события сжимаются во времени, спокойные описания и неторопливые рассуждения уступают место динамическому приключенческому действию. Все дальнейшее — борьба с Торресом и его бесславная гибель, перипетии с шифрованным письмом и счастливое спасение Дакосты — изложено с нарастающим драматическим напряжением.

Понятно, почему книги Жюль Верна так легко поддаются инсценировкам. Он сам переделывал свои романы в пьесы, и эти пьесы выдерживали сотни представлений в театрах разных городов и стран. А в последние десятилетия по мотивам «Необыкновенных путешествий» создано немало кинофильмов, обошедших экраны всего мира.

Сюжет «Жангады», одного из лучших образцов географического приключенческого романа во французской литературе XIX века, положен в основу мексиканского цветного фильма «Тайна Жоао Карраля».

3

Жюль Верн умер в 1905 году, оставив десять неопубликованных книг. В последних интервью он говорил журналистам о своем завещании, согласно которому его неизданные произведения будут выходить, как обычно, по две книги в год, пока не исчерпается запас рукописей.

Подготовкой к печати неопубликованных романов занимался сын писателя, Мишель Верн, унаследовавший его литературный архив. Выполняя волю отца, он выпускал каждое полугодие, как это делалось на протяжении сорока двух лет, новый том «Необыкновенных путешествий».

При жизни писателя каждая его книга проходила пять-шесть, а случалось и больше корректур. Окончательный текст сильно отличался от первого варианта, отданного в набор. Отсюда можно заключить, что посмертные произведения при подготовке к печати неизбежно должны были подвергаться правке и редактированию.

Мишель Верн, взявший на себя эти обязанности, был человеком литературно одаренным, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что он написал в соавторстве с отцом фантастическую новеллу «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 году». Но до какой степени доходило его редакторское вмешательство и привлекал ли он к работе над рукописями других литераторов, нельзя сказать

ничего определенного. Неизвестно также время написания каждой из посмертно опубликованных жюль-верновских книг и как выглядел ее рукописный оригинал.

Пока архив писателя остается закрытым для исследователей, на все эти вопросы можно отвечать только предположительно¹.

Как бы то ни было, романы, изданные в последнюю очередь, потребовали, по-видимому, большей доработки. К таким вещам относится и «Кораблекрушение «Джонатана».

Мишель Верн или кто-то другой (предположительно называют Андре Лори) дописал или обработал незаконченную черновую рукопись. Это отнюдь не снижает ценности романа. Ведь не отказался же в свое время Жюль Верн написать вместе с Андре Лори «Найденый с погибшей «Цинтии»! Но и в этом случае мы не можем установить, какова была доля участия того и другого писателя в совместной литературной работе.

По сюжету и стилю «Кораблекрушение «Джонатана» — роман типично жюль-верновский. Единственно, что его отличает от других книг, входящих в многотомную серию, — обилие философских рассуждений, пристальное внимание к вопросам социологии, государства и права. Книга несколько перегружена подробным изложением взглядов главного героя. Не свободна она и от повторов. Одно из двух: либо редактор «перестарался» и много добавил от себя, либо недостаточно тщательно выправил рукопись. Но так или иначе, он не отступил от духа подлинника: «Кораблекрушение «Джонатана» не противоречит идейной направленности и политическому подтексту поздних романов Жюль Верна.

В годы старости, совпавшие с периодом подготовки и назревания мировой империалистической войны, писатель пережил немало разочарований. Он убедился на историческом опыте в неспособности буржуазного государства воплотить в жизнь демократические требования свободы, равенства и братства; разуверился в идеях утопического социализма, вдохновлявших его в былые годы на создание наиболее оптимистических произведений; обманулся и в надеждах на способность науки изменить социальные и политические условия жизни.

Наука повела себя, как двуликий Янус, готовый служить и добру и злу. Жюль Верн точил червь сомнения. Его преследовали навязчивые вопросы: к чему приведет дальнейшее развитие военной техники? Смогут ли люди предотвратить космические бедствия грядущих войн? Какие демоны зла, какие адские силы вырвутся на свободу, если секретами ученых завладеют деспоты?

Некоторые из его поздних романов написаны в форме прозрачной аллегории, наводящей на мысль о враждебности существующих общественных порядков цивилизации и прогрессу. В сатирических, гротескных тонах он изображает соперничество между долларом и фунтом стерлингов, пагубную власть золота и погоню за наживой, грандиозные мошенничества и неслыханные финансовые аферы.

Озлобленные маньяки, незадачливые диктаторы, сумасшедшие ученые, отдающие свои изобретения извергам, беснуются на страницах его книг. Карикатурные образы глупых миллионеров, алчных дельцов,

¹ О посмертных романах подробно говорится в книге Е. Брандиса «Жюль Верн» (Детгиз, 1963 г.).

беззастенчивых демагогов, наглых политиканов переходят из романа в роман.

Сама действительность давала ему новые темы, подсказывала фантастические замыслы, дарила поразительные сюжеты. Достаточно только упомянуть такие произведения, как «Вверх дном», «Плавучий остров», «Флаг родины», «В погоне за метеором», «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака».

Среди этих поздних романов «Кораблекрушение «Джонатана» выделяется политической целеустремленностью, беспощадными обвинениями буржуазных правопорядков и государственной системы в целом.

4

Действие, как и в «Жангаде», происходит в Южной Америке. Но на этот раз — на широте мыса Горн, где сливаются воды двух океанов и только в редкие дни не бывает сильных бурь.

В 1870 году, за десять лет до начала событий, на одном из островов Магальянеса нашел себе прибежище одинокий скиталец. Индейцы называют его Кау-джер, что означает «друг», «покровитель». Этот человек располагает неограниченными средствами, но довольствуется жалкой хижинкой и добывает пропитание охотой. Он всесторонне образован, сведущ в медицине и так свободно владеет многими языками, что любой европейский моряк принял бы его за соотечественника. Но он избегает встречаться с белыми, предпочитая общество полудиких туземцев.

Настоящее имя и национальность Кау-джера неизвестны. Его образ окружен ореолом таинственности. Последний из романтических героев «Необыкновенных путешествий», он походит на капитана Немо и Робура.

Если капитан Немо, отказавшись от тяжести «того отвратительного гнета, который называется законами общества и который люди в своем ослеплении принимают за свободу», пытается найти успокоение в глубинах моря, то Кау-джер обрекает себя на добровольное отшельничество на отрезанном от мира клочке суши. Но и тот и другой — революционеры в прошлом — не могут бездействовать, когда их призывает нравственный долг. Немо приходит на помощь восставшему Криту, Кау-джер беззаветно служит «самым обездоленным из людей» — индейцам Огненной Земли и архипелага Магальянес.

Кау-джер — анархист. Его девизом является «знаменитая формула, содержащая в четырех словах сущность этого учения: «Ни бога, ни властелина». Любую форму власти, на каких бы принципах она ни основывалась, он считает противной человеческому естеству. Но, в отличие от анархистов действия — «приверженцев кижжала и бомбы», он относится к группе «мечтателей». Не в силах смириться с законами, попирающими свободу личности, Кау-джер почел за благо добровольно исключить себя из общества. Это и заставило его бежать на край света в поисках «ничейной» земли.

В представлении Жюль Верна, далекого от революционных теорий, анархисты мало чем отличаются от социалистов. В действительности же анархизм глубоко враждебен научному социализму, и это

доказывали Маркс и Энгельс, неустанно разоблачая Бакунина¹ и его сторонников, немало повредивших международному рабочему движению.

Требование анархистов — немедленно уничтожить всякую власть и все законы, ликвидировать государство и управленческий аппарат, юстицию и охрану порядка — не имеет ничего общего с научным социализмом.

Государство со всеми его институтами будет существовать до тех пор, пока не восторжествует коммунистический строй. Изобилие материальных благ («от каждого по способностям, каждому по потребностям») и высокий уровень общественного сознания сделают возможным, при отсутствии враждебного окружения, заменить государственную власть менее сложными формами учета, контроля, распределения.

Если марксисты понимают под свободой осознанную необходимость, то есть полное слияние интересов личности с интересами общества, то анархисты считают личность свободной от каких бы то ни было ограничений. И неудивительно, что под флагом анархизма выступали не только честно заблуждающиеся революционеры, но и разные темные личности, не исключая уголовных элементов. Тем самым анархизм еще больше себя дискредитировал.

И это как раз Жюль Верн правильно понял. Благородному Кау-джеру противопоставлены два авантюриста — Фердинанд Боваль и Льюис Дорик. Занимаясь вымогательствами, они подводят под это «теоретическую базу»: все принадлежит всем, и ничего — каждому. Их главный козырь — псевдореволюционное фразерство. Верно уловлены и демагогические приемы, с помощью которых проходимцы, выдающие себя за социалистов, втираются в доверие народных масс.

Легко себе представить, какой бы воцарился хаос, если бы анархистам удалось «взорвать» государство и установить «безвластие»!

После Бакунина анархистское движение возглавил известный русский ученый и революционер князь П. А. Кропоткин. Выходец из аристократической семьи, он мог бы претендовать на высшие чины и звания, мог бы сделать блестящую карьеру, если бы не объявил себя врагом деспотизма и не откололся от своей среды. Как ученый, он получил популярность географическими исследованиями Сибири, как теоретик анархизма — многочисленными полемическими статьями. Несмотря на то что его ложные взгляды вызвали обоснованную критику, Кропоткин упорно стоял на своем. Подвергаясь постоянным греследованиям, переезжая из страны в страну, он не прекращал научной работы и продолжал вербовать приверженцев.

Один из его близких друзей, знаменитый французский географ и революционер-анархист Элизе Реклю, был хорошо знаком с Жюлем Верном. Многотомный труд Реклю «Земля и люди. Всемирная география», написанный при участии Кропоткина, служил Жюлю Верну настольным справочником. Вполне возможно, что автор «Необыкновенных путешествий» встречался и с Кропоткиным.

Незаурядная личность русского революционера угадывается и во внешнем облике Кау-джера (художник Ру, иллюстрировавший книгу, подчеркнул портретное сходство), и в его суждениях, частично

¹ М. А. Бакунин — русский революционер, один из идеологов анархизма.

почерпнутых из сочинений Кропоткина, и даже в рассказе о его прошлом: «Отпрыск царствующей династии могущественной северной державы, предназначенный с самого рождения повелевать людьми, Кау-джер вырос у подножия трона. Но судьба, любящая иногда такие шутки, наделила сына цезарей мятежной душой анархиста».

Правда, тут нет прямых биографических совпадений. Но в «могущественной северной державе» нетрудно признать Россию (Жюль Верн всегда проявлял к нашей стране большой интерес), а в самом герое — идеализированный портрет Кропоткина: «Замечательный человек, одинаково глубоко постигший как социальные, так и естественные науки, обладавший мужественным и решительным характером, Кау-джер был искренним последователем теоретических положений анархизма».

На этом, пожалуй, сходство и кончается. Роман задуман и построен таким образом, чтобы заставить героя убедиться в несостоятельности своих взглядов, не выдерживающих столкновения с жизненной практикой.

Прекраснодушный мечтатель Кау-джер способен противопоставить мировому злу лишь абстрактные идеалы свободы и справедливости. Любой его поступок, продиктованный человеколюбием, противоречит доктрине анархизма.

5

На траверсе мыса Горн терпит крушение американский клипер с переселенцами. Свыше тысячи эмигрантов — люди разных национальностей и многих профессий — высаживаются на необитаемом острове в архипелаге Магальянес. Здесь бывшие фермеры, рабочие и ремесленники, опустившиеся интеллигенты и лица с уголовным прошлым. «Здесь соединение пороков и добродетелей, какие можно встретить в любой толпе».

Потерпевшие крушение находят в Кау-джере доброго гения. Он руководит спасательными работами, выгрузкой имущества, устройством временного лагеря, ободряет, утешает, оказывает медицинскую помощь. Каждый его совет принимается как приказ. По молчаливому уговору его признают начальником, ждут от него распоряжений, возлагают на него надежды.

Он не может бросить несчастных на произвол судьбы и организует на острове Осте колонию.

«Если бы не существовало законов, человечество никогда бы не знало пороков и развивалось бы свободно и гармонично», — думает Кау-джер. И теперь случай дает ему возможность осуществить единственный в своем роде социальный эксперимент — доказать на деле справедливость этого положения.

Но с чего начать? Прежде всего нужно добиться порядка, дисциплинировать разношерстную толпу. Чтобы подчинить ее каким-то разумным требованиям, нужно сломить анархию.

Происходит неизбежное: человек, не признающий законов, вынужден вводить законы; считающий безвластие высшим благом — должен применять власть; отвергающий правовые нормы — карать правонарушителей.

Создавая трудовую общину на началах справедливости и равенства, Кау-джер объявляет войну лодырям, ворам и пьяницам.

Первый закон — обязательный труд — ограничивает свободу незанятых; борьба с воровством и пьянством — первое нарушение принципа «все равны и каждый отвечает за себя» — помогает установить порядок.

Но закон без применения силы остался бы пустым пожеланием. Суд, тюрьма и милиция, часовые у склада с имуществом, сам губернатор и подчиненные ему служащие — олицетворяют зарождающееся государство.

Кау-джер ставит своей целью добиться от каждого наибольшей пользы для общества. Недовольные сколачивают оппозицию. Лентяев, интриганов и неудачников поддерживает уголовный сброд. Существованию колонии угрожают смуты и распри.

Кау-джер призывает к борьбе с мятежниками всех совершеннолетних граждан. Создается регулярная армия.

Когда было подавлено восстание и одержана победа над патагонцами, которых привел на Осте один из заговорщиков, «люди двадцати национальностей стали подлинными остельцами, а Остельское государство — их новой родиной».

Наступает кратковременный период мира и процветания. Налаживается торговля с другими странами. В гавань заходят суда под флагами разных наций. Работают деревообделочные и рыбные заводы. Остров покрывается сетью дорог. Начинают приносить доход плантации. Строятся порт и мол. На полуострове Харди и на крайней оконечности мыса Горн, где ежегодно гибнут сотни людей, сооружаются мощные маяки.

Вокруг резиденции губернатора вырастает настоящий город. В Либерии есть все, без чего не обходится ни одна столица: суд, тюрьма, казарма, церковь, почта, школа, театр, магазины, рынок, больница, аптека и даже две типографии. Город и предприятия получают электричество от гидростанции, использующей энергию волн и морского прилива¹. На побережье возникают поселки огнеземельцев, внявших призыву Кау-джера перейти к оседлому образу жизни. Прибывают новые эмигранты. Заселяются и соседние острова. Остельское государство насчитывает уже несколько тысяч жителей.

Авторитет Кау-джера непререкаем, но его мучат укоры совести. Все, что он ни делает, противоречит его убеждениям. Ни одно начинание не обходится без применения власти и силы. Сталкиваясь на каждом шагу с фактами возмутительного эгоизма, он незаметно для себя привыкает к диктаторским методам. Постепенно теряя перспективу, он подчиняет свои действия заботам текущего дня.

В душе Кау-джер остается «страстным приверженцем свободы и врагом собственности», а на деле ничем не отличается от любого буржуазного реформиста.

Он дробит землю на участки и передает их в личную собственность фермеров, покровительствует частному предпринимательству и коммерческой инициативе, защищает имущественные интересы даже бесчестных стяжателей вроде ирландца Паттерсона. При этом Кау-джер даже и не помышляет строить государство на социали-

¹ Эта давняя мечта Жюль Верна сбывается в наши дни

стических принципах, которые положены в основу всех по-настоящему прогрессивных, общественных учений

Напуганный событиями на острове, он отрекается от идеи равноправия и справедливого распределения продуктов общественного труда. Смешивая социализм с анархизмом, он полагает, что отсутствие права собственности и свободной деловой инициативы возродило бы анархию.

Но если бы даже он разделял идеи социализма и постарался не допустить на острове классового расслоения, при котором богатства сосредоточиваются в руках немногих, а бедность становится уделом большинства, — то вряд ли бы этого достиг. При самом горячем желании он не смог бы повернуть остельскую колонию на иной путь развития. Ведь воображаемая крошечная республика находилась в окружении буржуазных государств, а социалистического лагеря тогда еще не существовало!

В силу непреложных исторических закономерностей созданная Кау-джером колония должна была превратиться и превратилась в «нормальное» буржуазное государство с обычными правовыми нормами и господством денежных отношений, порождающих социальное неравенство.

Последние штрихи вносит открытие на Осте богатого месторождения золота. «Как смерч, опустошающий все на своем пути, золотая лихорадка охватила и поразила весь остров». Со всех концов света сюда устремляются в погоне за легкой наживой полчища авантюристов и бродяг. Пьяные оргии, поножовщина, грабежи и убийства, вздувание цен и обнищание населения, опустошение казны и разруха — все это приводит колонию на край гибели. И не будь в распоряжении Кау-джера хорошо вооруженной армии, от колонии остались бы одни воспоминания.

И, наконец, в довершение всего, соседнее государство, соблазненное остельским золотом, стало проявлять повышенный интерес к островам Магальянес, находящимся на его территории. Правительство Чили, грубо нарушив договор о независимости Остельской республики, устанавливает над ней протекторат. Кау-джер не в силах противостоять агрессии...

Его намерения были всегда гуманными, а поступки — бескорыстными. Но возложенная им на себя миссия заставляла его совершать те же преступления, в которых он обвинял всех прочих властителей. Сторонник свободы, он командовал, проповедник равенства — судил себе подобных, мирный по природе человек — вынужден был воевать, философ-альтруист, боявшийся капли крови, проливал кровь потоками.

Изнемогая под бременем власти, разочарованный Кау-джер слагает с себя полномочия и поселяется на уединенном островке. Все его иллюзии окончательно развеялись. После всего пережитого осталось лишь чувство опустошенности...

Этим многозначительным финалом, как и всем ходом повествования, автор выражает свое отрицательное отношение не только к идеям анархизма, но и к буржуазной демократии. Он уже не возлагает на нее никаких надежд, не верит в ее способность устранить социальные бедствия и преступления, неотвратимо порождаемые самым общественным строем, независимо от доброй воли даже таких вслитокудушных правителей, как Кау-джер.

«Кораблекрушение «Джонатана» — роман философский и политический. Но вместе с тем это и роман приключений с тщательно продуманной композицией и динамичным сюжетом. На протяжении тринадцати лет, с момента гибели американского клипера и до отречения Кау-джера от власти, происходит столько драматических событий, что их могло бы хватить на несколько романов. И это вполне естественно. Ведь речь идет не о судьбе одного семейства, как в «Жангаде», а о судьбах нескольких тысяч человек, построивших на пустынном острове, обдуваемом ветрами двух океанов, новое государство — оазис цивилизации на архипелаге Магальянес, в приполярных областях Южной Америки.

Каждый, даже незначительный на первый взгляд эпизод органически входит в сюжетную канву романа и необходим для развития действия. Зачем, например, понадобилось автору, наряду с описанием столь важных для жизни колонистов событий, как борьба с неводнением, болезнями, голодом, сражение с патагонцами и т. п., уделить несколько страниц играм и забавам двух мальчуганов, забравшихся в отдаленную пещеру? Да только затем, чтобы дать возможность Дикю и Сэнду (сочетание этих двух имен заставляет вспомнить Дика Сэнда, героя «Пятнадцатилетнего капитана») подслушать разговоры злоумышленников и разоблачить готовящийся заговор.

При всей противоречивости образа Кау-джера его кипучая деятельность, подчиненная гуманным стремлениям, не может не вызывать сочувствия. Вокруг него группируются честные, самоотверженные люди, направляющие все свои усилия на преодоление неисчислимых трудностей и борьбу с суровой природой. Особенно запоминаются индеец Кароли и его сын Хальг, уже упомянутые Дик и Сэнд, умный и решительный Гарри Родс, убеждающий Кау-джера отказаться от порочного принципа «невмешательства» — «управлять событиями, а не подчиняться им».

И Кау-джер, прежде считавший, что право личности на безграничную свободу не зависит ни от каких внешних условий, отказывается от своих ошибочных взглядов. Он приходит к правильному выводу, что паразиты и тунеядцы, не поддающиеся перевоспитанию, должны быть изолированы от общества. «Нет, — размышляет он, — земля принадлежит не всем, а только тому, кто ценою упорного и тяжелого труда покрывает ее золототканым ковром нив, превращая возделанную почву в кормилицу человечества».

«Кораблекрушение «Джонатана» до сих пор не издавалось на русском языке. Сейчас «Библиотека приключений» впервые дает возможность читателям познакомиться с этим интересным, содержательным произведением.

Евг. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

ЖАНГАДА (Восемьсот лье по Амазонке) (Роман)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	152

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ «ДЖОНАТАНА» (Роман)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	267
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	298
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	433

<i>Евг. Брандис.</i> Романы Жюль Верна «Жангада» и «Кораблекрушение «Джонатана»	602

Верн Жюль

ЖАНГАДА.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ «ДЖОНАТАНА»

Р о м а н ы

Ответственный редактор *О. А. Лаврова.*
Художественный редактор *Е. М. Гуркова.*
Технические редакторы *З. М. Кузьмина*
и *Н. Г. Леканова.*

Корректоры

Т. П. Лейзерович и *Э. Н. Сизова.*

Сдано в набор 19/X 1966 г. Подписано к печати 1/VI 1967 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л 19,25. Усл. печ. л 32,34. (Уч.-изд. л. 32,6). Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Цена 1 р. 23 к. на бум. № 1. Издательство «Детская литература», Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Суше-ский вал, 49. Заказ № 5216.

